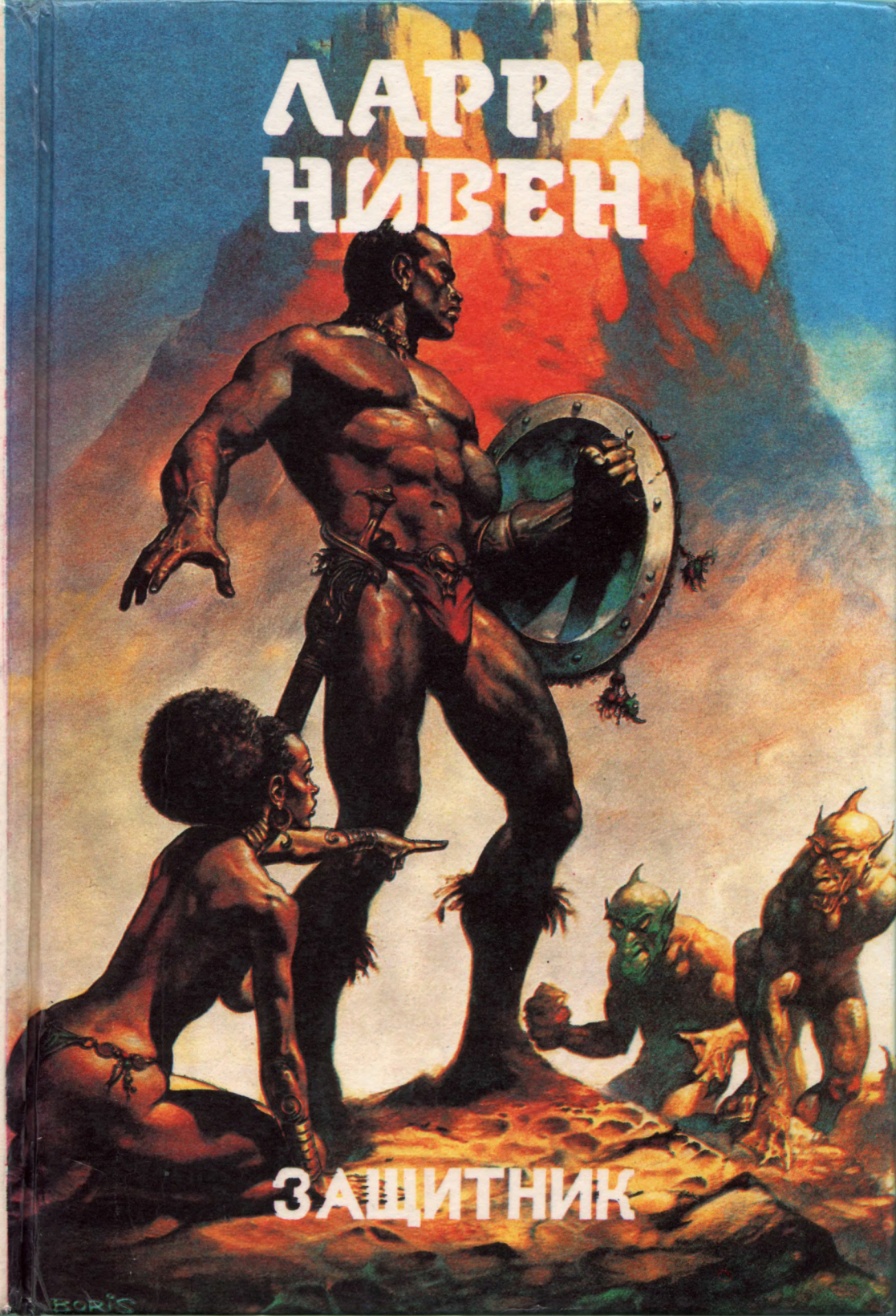
12 МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

Москва
ГФ «Полиграфресурсы»
ТОО «Транспорт»
1993

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
12

ЛАРРИ НИВЕН

ЗАЩИТНИК

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Л. НИВЕНА

Серия романов Ларри Нивена, написанных в стиле Фентези — лучшие произведения второй половины XX века. В России публикуется впервые. Захватывающий сюжет, колдуны, волшебники, благородные рыцари, и прекрасные принцессы. Произведения Ларри Нивена разошлись миллионными тиражами. Ларри Нивен, безусловно, открытие для нашего читателя.

В оформлении обложки использованы работы американского художника Бориса Валледжо.

ISBN 5-85550-006-3

© Составление, оформление
ТОО «Транспорт» 1993 г.

ЗАЩИТНИК

ЧАСТЬ 1

ФИЗПОК

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И выслал его господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят был.

И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

КНИГА БЫТИЯ

Глава 1

Он сидел перед восьмифутовым кругом прозрачного носового иллюминатора, занятый бесконечными поисками, которые уже не волновали его.

Ровно десять лет назад те же самые звезды вспыхнули красными точками при его пробуждении. А когда он очистил передний план, они засияли адским голубым светом, таким ярким, что можно было читать. Ближе к краям они казались совсем одинаковыми. Только звездами, белыми точками, разбросанными поперек черного неба. Это было одинокое небо. Огненное великолепие родины скрылось за пылевыми облаками.

Свечение в центре не было звездой. Большое как Солнце, темное посередине и достаточно яркое, чтобы выжечь глаза человеку. Это было пламя реактивного двигателя Баззарда, пылающее всего в восьми милях отсюда. Из года в год Физпок наблюдал за ним, просто чтобы убедиться, что пламя горит ровно. Когда-то давным-давно он уловил его медленные периодические колебания как раз вовремя, чтобы предотвратить превращение корабля в крохотную сверхновую. Бело-голубое пламя нисколько не менялось за те недели, что он наблюдал за ним.

Долго, бесконечно медленно за иллюминатором Физпока проползали небеса. Но он совсем не занимался воспоминаниями об этом путешествии. Период ожидания был слишком беден событиями, чтобы отложиться в его памяти. Для представителя расы Пак, достигшего стадии защитника, было обычным вспоминать на досуге о прошлом, когда он был ребенком, а позднее — производителем, когда мир был новым и ярким, а сам он — свободным от ответственности. Только опасность, угрожающая ему самому либо его детям, могла пробудить защитника от его обычной дремотной вялости, принудить к непревзойденной по ярости битве.

Физпок сидел, грезя на своем ложе бедствий.

Приборы контроля положения кабины находились возле его левой руки. Когда ему хотелось есть, а происходило это через

каждые десять часов, его узловатая рука, напоминающая гроздь черных орехов, погружалась в паз справа и извлекала оттуда изогнутый мясистый желтоватый корень, размером со сладкий картофель. По земному времяисчислению прошли уже недели с тех пор, когда Физпок покидал ложе бедствий. Все это время двигались лишь его руки и челюсти. Глаза его не двигались вовсе.

Этому предшествовал период неистовых упражнений. Долг защитника — всегда быть в готовности.

Он защитник, даже если защищать некого.

Полет протекал достаточно стабильно, чтобы тревожить Физпока. Узловатые пальцы защитника задвигались, и небо начало поворачиваться вокруг него. Теперь в иллюминатор лился другой яркий свет. Когда источник света оказался в центре, он остановил вращение.

Ставшая более яркой, чем любая звезда, цель его путешествия все же была слишком тусклой, чтобы перестать быть звездой. Но она сделалась ярче, чем ожидал Физпок, и он понял, что упустил время. Слишком много грез! И не удивительно. Он провел более тысячи двухсот лет на своем ложе, оставаясь в неподвижности, чтобы сохранить запасы пищи. Тридцатикратная экономия, не считая эффекта теории относительности.

Несмотря на то, что все это напоминало наиболее тяжелый случай артрита в истории медицины, несмотря на недели, проведенные наподобие паралитика, действия узловатого защитника были мгновенными. Пламя двигателя сделалось мягким, расплывчатым, начало угасать. Выключить двигатель Баззарда — штука почти такая же хитрая, как и включить его. При скоростях, развиваемых двигателем, межзвездный водород превращается в гамма-лучи. Его приходится отводить магнитными полями, если только он не использовался в качестве горючего.

Он достиг области пространства, где вероятность — наибольшая. Звезда перед ним — самая подходящая из всех возможных. Настало время торжества Физпока. Те, кому он пришел помочь (если они вообще существовали, если они все не умерли к этому времени, если их планета обращается вокруг именно этой звезды, а не другой — с меньшей степенью вероятности), не ждали его. Их разум мог быть почти на уровне животных. Возможно, они овладели или не овладели огнем, но телескопов у них не было. И все же они ожидали его прибытия... В определенном смысле. Если они существуют вообще, то они ожидают его вот уже два с половиной миллиона лет.

Он их не обманет.

Не должен.

Защитник без потомства подобен существу без цели в жизни. При такой аномалии следует отыскать свою цель, причем быстро, либо погибнуть. Скорее всего — погибнуть. Тогда в мозгу защитника или его железах начинались рефлекторные судороги. Пропадало чувство голода. Иногда одному из них удавалось отыскать народ, который мог сделаться потомством всех Пак, но тогда он

должен был найти способ служения этому народу. Физпок был одним из этих счастливцев.

Ужасно, если он ошибался.

Ник Соул направлялся домой.

Его окружала тишина космического пространства, поскольку он приучил себя не слышать гудения корабельного двигателя. Редкая, угольного цвета, двухнедельная щетина покрывала его щеки и выбритый череп по обе стороны от белоснежного чуба зонника. Если бы он хотел, то мог бы почувствовать собственный запах. Он покинул шахтные разработки в кольцах Сатурна на одноместном корабле и с лопатой в руках (поскольку магниты, предназначенные для добычи монополей из астероидного железа, поразительно напоминали лопату). Ему следовало бы остаться там подольше, но не хотелось думать, что цивилизация Зоны способна обойтись без него хотя бы в течение трех недель.

Сто лет назад монополи были только теорией, причем теорией спорной. Теория магнетизма утверждала, что северный магнитный полюс не может существовать отдельно от южного магнитного полюса. И наоборот. Количественная же теория подразумевала, что они могут существовать автономно.

Первые постоянные поселения расцвели на наиболее крупных астероидах Зоны, когда группа исследователей обнаружила, что монополи вкраплены в железо-никелевые ядра астероидов. Сегодня они стали уже не теорией, а процветающей отраслью индустрии Зоны. Магнитное поле, генерируемое действием монополей, ослабевало в линейной, а не в квадратной зависимости. Говоря практически, двигателям и приборам, основанным на действии монополей, предстояло большое будущее. Монополи были крайне важны везде, где вес расценивался как значимый фактор, а в Зоне вес был значимым фактором всегда. Но добычу монополей производили поодиночке.

Нику не особенно повезло. Кольца Сатурна никогда не были хорошим местом для разработок: слишком много льда, слишком мало металла.

В электромагнитном поле вокруг корабельного трюма содержалось не более двух пригоршней магнитных полюсов. Не слишком большая добыча после двух недель утомительной работы... И тем не менее — это хорошие деньги на Цереpe.

Он не сомневался, что ничего путного не найдет. Горные разработки служили лишь предлогом для Первого Председателя Политической Секции Зоны удрать из своего проклятого учреждения, глубоко упрятанного в скалах Цереры. Удрать от постоянно раздирающих «ООН — Зону» мелких склок, от жены и детей, друзей и врагов, знакомых и незнакомцев. А на следующий год, когда закончатся безумные недели суматошных событий, когда пройдут еще десять месяцев политической лихорадки в Солнечной Системе, он вернется обратно.

Ник наращивал скорость, направляясь к Цереpe. Сатурн ска-

зочной безделушкой висел за его спиной, когда Ник увидел, что шахтный магнит медленно отделяется от грузового отсека. Где-то слева обнаружился новый мощный источник монополей.

Усмешка расколола его лицо, словно молния чистое небо. Лучше поздно, чем никогда! Плохо, что он обнаружил это на обратном пути, но он в любом случае может это проделать, раз уж обнаружил... то, что оказывает воздействие. Стрелка детектора колебалась между двумя точками, одной из которых был грузовой отсек его судна.

Он потратил минут двадцать, фокусируя свой переговорный лазер на Церере.

— Говорит Ник Соул. Повторяю, Николас Брустер Соул. Я хочу зарегистрировать заявку на источник монополей, общее направление... — Он попытался примерно прикинуть, насколько сильно его груз влияет на показания,— ...на созвездие Стрельца. Я хотел бы предложить этот источник для продажи правительству Зоны. Подробности позже, примерно через полчаса.

После этого он включил двигатель корабля, с трудом забрался в скафандр и покинул корабль, прихватив с собой телескоп и шахтный магнит.

Звезды вовсе не вечны, но человеку они представляются именно таковыми. Ник парил среди вечных звезд, не двигаясь, но в то же время падая на крошечное солнце со скоростью десяти тысяч миль в час. Это и было то, ради чего он отправился на разработки. Вселенная сверкала подобно бриллиантам, рассыпанным по черному бархату. Золотистый Сатурн создавал незабываемый фон. Еще — Млечный путь, драгоценная перевязь на теле Вселенной. Ник любил Зону, от изъеденных скал до куполов на поверхности, нацеленных на спиральные и шаровые скопления чужих миров, но больше всего он любил само космическое пространство.

В миле от судна он при помощи телескопа и шахтного магнита определил направление на новый источник. Потом он вернулся на корабль. Через несколько часов он произведет еще одну фиксацию и методом триангуляции определит положение источника.

Когда он добрался до корабля, на коммуникаторе горела сигнальная лампочка. Белобрысое, худое лицо Мартина Шеффера, Третьего Председателя, вещало пустому противоперегрузочному креслу:

— Ты должен немедленно вернуться, Ник. Не задерживайся, чтобы провести вторую фиксацию. Это крайне необходимо для Зоны. Повторяю. Мартин Шеффер вызывает Ника Соула на борту одноместного судна «Жужжащая птица»...

Ник задействовал свой лазер:

— Светляк, я польщен, честное слово. Чтобы зарегистрировать мою жалкую находку, было бы достаточно простого клерка. Повторяю...

Он перевел сообщение на повтор и принялся убирать инстру-

менты. Церера находилась на расстоянии одной световой минуты.

Он не пытался вообразить, что же такое произошло, что потребовалось его личное присутствие. Но он был встревожен.

Ответ пришел тотчас же. Выражение лица Светляка было странным, но тон его звучал шутливо.

— Ник, ты слишком скромничаешь насчет своей находки. К сожалению, мы не можем ее зарегистрировать. Уже сто четыре шахтера сообщили о твоем источнике монополей.

Ник разинул рот. Сто четыре? Но он был ближе всего к краю Системы и... Во всяком случае, большинство шахтеров предпочитают разрабатывать свои собственные месторождения. Сколько же тех, которые не сообщили?

— Все, кто находился в Системе,— сказал Светляк.— Это чертовски большой источник. По правде говоря, мы уже определили его местонахождение. Источник единичный, в сорока астрономических единицах от Солнца, то есть значительно дальше, чем Плутон. Восемнадцать градусов к плоскости Солнечной Системы. Мичиков говорит, что в источнике столько же южных монополей, сколько мы добыли за все прошлое столетие.

«Посторонний!» — подумал Ник. И еще: «Жаль, что моя заявка не будет признана».

— Мичиков говорит, что такой большой источник может оказаться на самом деле крупным реактивным двигателем Баззарда, что это пилотируемый аппарат таранного типа.

Ник кивнул. Корабли таранного типа были автоматическими зондами, направляемыми к ближайшим звездам, и одним из немногих свидетельств подлинного сотрудничества между ООН и Зоной.

— Мы следим за источником в течение последнего получаса. Он движется в глубь солнечной Системы со скоростью свыше четырех тысяч миль в секунду, в свободном падении. Это чуть выше даже межзвездных скоростей. Мы все уверены, что это — «посторонний».

— Что-нибудь еще?

— Повторяю...

Ник отключился и какое-то время обдумывал эту идею. Посторонний!

«Посторонний» — было жаргонным словцом для обозначения «чужака», но термин этот подразумевал нечто большее. Посторонний — это первый чужак, наделенный разумом, когда-либо вступавший в контакт с человеческой расой. Под этим выражением подразумевалось много скрытых значений, но не всякий обитатель Зоны во все это верил.

Критичность положения заставила Ника Соула позабыть о собственном отпуске. Цензура! Он включил лазер передатчика:

— Ник Соул вызывает Мартина Шеффера, база на Церере. У меня будут кое-какие дополнения. Первое. Похоже, ваше предположение верно. Второе. Перестаньте трубить новости на всю

систему. Какой-нибудь из кораблей плоскостников может перехватить часть передачи. Рано или поздно нам придется обо всем сообщить им, но не прямо же сейчас. Третье. Я буду дома через пять дней. Накопите побольше информации. Пока что не следует принимать никакого окончательного решения. До тех пор, пока Посторонний не войдет в пределы Солнечной Системы или же не попытается дать о себе знать. Четвертое... — Попробуй узнай что-нибудь, если этот сукин сын сбросит скорость! Попробуй узнай, где он остановится! Но говорить об этом ему не следует. Слишком много специфики для лазерного сообщения. Шеффер сам должен знать, что ему делать.— Четвертого не будет. Соул закончил.

Солнечная Система велика, но если смотреть снаружи — тонка. В основной Зоне, расположенной между орбитами Марса и Юпитера, человек, решившийся на это, может за месяц обследовать добрую сотню скал. Подальше от центра ему, вероятно, придется затратить пару недель, мотаясь туда-сюда, чтобы отыскать что-либо не замеченное, как он надеется, никем другим. В основной Зоне шахтные разработки не ведутся, хотя большинство крупных скал находится в частной собственности. Шахтеры, как правило, предпочитают работать в Зоне. Они знают, что в Зоне их ждет цивилизация и все ее блага: хранилища воздуха и воды, водородное топливо, женщины и просто другие люди, новый регенератор воздуха, автоматические лечебницы, наркотики.

Бреннану не нужны были ни наркотики, ни компания для поддержания душевного равновесия. Он предпочитал космос. Сейчас он находился в троянской точке Урана, в шестидесяти градусах к орбите ледяного гиганта. В троянских точках, точках устойчивого равновесия, скапливаются пыль и более крупные объекты. Здесь накопилось много пыли — по меркам космического пространства — и несколько скал, достойных изучения.

Если он совсем ничего не найдет, то отправится на Луну, а потом в следующую троянскую точку. Затем — дом, краткий отдых и визит к Шарлотте; когда же деньги подойдут к концу — незапланированная поездка на Меркурий ради заработка, и это ему вовсе не нравилось.

А если он отыщет урановую смолку, то здесь, в точке, ему придется проторчать не один месяц.

Ни в одной из скал не содержалось достаточно радиоактивного элемента, чтобы заинтересовать его. Но что-то, пролетая мимо, сверкнуло металлическим блеском археологической древности. Бреннан погнался следом, думая, что наткнулся на брошенную цистерну из-под горючего. Но надеялся-то он на иное. Джек Бреннан был записным оптимистом.

Археологическая древность оказалась корпусом ракетного двигателя, работающего на твердом топливе. Как следовало из надписи — часть «Маринера-20».

«Маринер-20» был когда-то направлен к Плутону. Старинный

пустой корпус давным-давно должен был вернуться к далекому Солнцу, но попал в троянскую точку, в пылевое облако, и там и остался. Поверхность его была испещрена выбоинами, оставленными пылью, но корпус до сих пор продолжал вращаться, сохранив стабилизирующий импульс, полученный три поколения назад.

В качестве предмета для коллекции эта штука была чуть ли не бесценной. Бреннан сфотографировал корпус в натуре, затем зацепился за его плоский нос и с помощью наспинного ракетного двигателя остановил вращение. Потом он привязал находку к топливопроводу своего корабля, чуть ниже жилого отсека. Гироскоп сможет компенсировать дебалансировку.

Добыча поставила перед ним задачку несколько иного рода.

Он встал рядом с ней на тонкую металлическую облицовку топливопровода. Старинный двигатель был размером с половину его собственного одноместного корабля, но очень легкий, весящий ненамного больше, чем металлическая оболочка его собственного боевого коня, имеющего оригинальную форму ядра. Если бы Бреннан нашел урановую смолку, то под топливным кольцом корабля висели бы грузовые сети, заполненные тяжелой радиоактивной рудой. И он бы возвращался в Зону с ускорением в половину «же». Но с остатками «Маринера» в качестве груза он может развивать ускорение до одного «же», что обычно для пустого судна.

А это может дать преимущество, в котором он нуждался.

Если он продаст находку на рынке Зоны, то Зона заберет тридцать процентов в качестве подоходного налога и для вознаграждения агента. Но если он продаст корпус на Луне, в земной музей космонавтики, то налога не будет вовсе.

Позиция, в которой находился Бреннан, благоприятствовала контрабанде. Золотопогонников здесь не было. Скорость на большей части пути будет огромной. Его начнут преследовать не раньше, чем он доберется до Луны. Его улов — не монополи и не радиоактивные элементы; магнитометры и датчики радиоактивности обнаружить его не смогут. К тому же, он поднимется над плоскостью Системы, чтобы избежать скал и других кораблей.

Но если они его заполучат, то заберут себе все сто процентов стоимости находки полностью.

Бреннан улыбнулся про себя. Он рискнет.

Рот Физпока сомкнулся один раз, другой, третий. Желтый корень дерева жизни разделился на четыре разлохматившихся куста, так как края клюва Физпока не были острыми. Они были тугими и неровными, словно верхушки коренных зубов. Физпок четыре раза глотнул.

Он вряд ли замечал, чем именно занимается. Его рука, рот, живот действовали автоматически, пока все внимание Физпока было приковано к обзорному экрану.

При увеличении в десять тысяч раз на экране показались три крошечные фиолетовые точки.

Глядя на обзорный экран, Физпок мог видеть сбоку яркую желтую звезду, которую он назвал целью путешествия № 1. Он уже обследовал планеты. И обнаружил одну красавицу, нужного размера, с почти подходящей температурой, с прозрачной, насыщенной водой атмосферой и со спутником, размером больше обычного. Но кроме этого он обнаружил и мириады фиолетовых точек, настолько крохотных, что он поначалу решил, что это просто фантомные вспышки на сетчатке его глаз.

Они существовали на самом деле, и они двигались. Некоторые двигались не быстрее планет, другие — в сотни раз стремительнее скорости убегания для данной Системы. Они полыхали нестерпимым жаром цвета нейтронной звезды на четвертой неделе ее существования, когда температура еще достигает миллионов градусов.

Очевидно, это были космические корабли. Природные объекты с такими скоростями затерялись бы в межзвездном пространстве за считанные месяцы. Скорее всего, они использовали двигатели, работающие на реакции слияния ядер. Если это так, то судя по цвету, они развивали более высокую температуру и были эффективнее, чем двигатель Физпока.

Большую часть своего времени, казалось, они проводили в космосе. Сперва он надеялся, что это какая-либо из форм жизни, порожденной звездами в ядре галактики. Но когда он приблизился к желтому Солнцу, то был вынужден отказаться от этой мысли. Все искорки куда-либо, да направлялись, или к множеству небольших, вращающихся по своим орбитам скал, либо к планетам и их спутникам внутри системы. Очень часто их целью оказывался мир с насыщенной водой атмосферой, который показался ему пригодным для обитания расы Пак. Ни одна форма жизни, рожденная в космосе, не смогла бы вынести ни его гравитации, ни его атмосферы.

Именно к этой планете — Цели Путешествия № 1-3 — чаще всего направлялись космические корабли, хотя не обделяли своим вниманием и многие более мелкие небесные тела. Интересно. Если пилоты этих кораблей, работающих на ядерном синтезе, заняты исследованием Цели Путешествия № 1-3, то они, ясное дело, предпочитают сильную гравитацию слабой.

Но те, кого он искал, не обладали достаточным разумом, чтобы строить подобные корабли. Или их место заняли какие-то пришельцы?

Тогда ему и тем тысячам, что отдали свои жизни, остается лишь бесплодная месть.

Физпок почувствовал, как в нем нарастает ярость. Он подавил ее. Мстить нет смысла. Цель путешествия № 1 была не единственным возможным объектом. Вероятность составляла не более двадцати восьми процентов. Он вправе надеяться, что те, кому он спешил на помощь, живут в окрестностях другой звезды.

Но удостовериться он обязан.

Существует минимальная скорость, при которой ракетный двигатель Баззарда действует, и Физпок не намного превышал ее. Он решил идти сквозь систему, пока не выяснится что-либо определенное. А пока придется воспользоваться резервным запасом топлива. Он отыскал голубовато-белую искру, направляющуюся к центру системы. Он сможет догнать ее.

Ник посадил свою «Жужжащую птицу», отдал распоряжения о разгрузке и продаже груза и спустился под землю. Его офис находился в толще железо-никелевых пород, примерно двумя милями ниже скалистой, усеянной пузырями поверхности Цереры.

В вестибюле офиса он сбросил скафандр и шлем. Спереди на скафандре была изображена картинка, и он любовно похлопал по ней, прежде чем одеться. Он всегда так делал.

Большинство обитателей Зоны разрисовывали свои скафандры. Почему бы и нет? Скафандр был единственным местом, которое обитатель Зоны мог бы назвать своим домом и, владея им, каждый был обязан поддерживать его в наилучшем состоянии. Но даже для Зоны скафандр Ника Соула являлся уникальным.

На оранжевом фоне была изображена девушка. Невысокая, ее голова едва достигала шеи Ника. Кожа ее мягко горела зеленым. Спереди, через весь скафандр была видна только очаровательная спина. Волосы девушки струились жарким пламенем, отливали оранжевым, переходящим в белое, а там, где они свешивались через левое плечо, темнели красно-черным дымом. Она была обнажена. Руки девушки обнимали скафандр за талию, ладони воздушно касались спины, ноги обвивались вокруг ног так, что пятки девушки касались гибкого металла коленных суставов. И все это было очень хорошо нарисовано, хорошо настолько, что почти не казалось вульгарным. Жаль лишь, что выпускной клапан скафандра не был расположен в каком-либо другом месте.

Светляк развалился в одном из гостевых кресел в офисе Ника, его длинные ноги вытянулись вдоль всего ковра. Он отличался скорее худобой, чем полнотой. Слишком много лет в детстве были проведены в невесомости. Теперь он не мог находиться в скафандре или кабине космического корабля при нормальном давлении, и где бы он ни сидел, это выглядело так, словно он намеревался с кем-то бороться.

Ник бросился в кресло и на мгновение прикрыл глаза, снова привыкая к тому состоянию, что он — Первый Председатель. Все еще с закрытыми глазами он сказал:

— О'кей, Светляк. Что случилось?

— Дьявольщина. — Шорох бумаги. — Да-а. Источник монополей идет над плоскостью Системы, держа курс приблизительно на Солнце. Час назад он был на расстоянии двадцати тысяч миль отсюда. Неделю назад, когда мы его засекли, он шел с постоянным ускорением в ноль девяносто два «же» и разворачивался так, чтобы выйти на орбиту вокруг Солнца. Сейчас ускорение снизи-

лось, упав до ноль четырнадцати «же». Он нацелился на земную орбиту.

— Где в это время будет Земля?

— Мы проверили. Если он вернется к своей ноль девяносто два «же», то пересечет орбиту через восемь дней. И Земля будет находиться как раз в этой точке.— Вид у Светляка был мрачный.— Все что более, чем приблизительно мы знаем, это то, что он направляется к центру Системы.

— Но он явно нацелен на Землю. Несомненно. Посторонний надеется вступить в контакт не с кем-нибудь — с нами. Что же вы уже предприняли?

— Главным образом наблюдения. Мы получили фотографии, на которых видно что-то вроде ракетного пламени. Пламя ядерного синтеза, но более холодное, чем у нас.

— Следовательно, и менее эффективное. Но, если он пользуется ракетным двигателем Баззарда, значит, израсходовал все запасы горючего. И все же мне кажется, скорость у него сейчас ниже необходимой.

— Верно.

— Громадная, должно быть, штуковина. Светляк, это может быть боевой корабль. Использующий огромное количество монополей.

— Не обязательно. Знаешь, как работает автомат таранного типа? Магнитное поле собирает рассеянную в пространстве водородную плазму, отводит от грузового отсека и превращает в водородное топливо. Разница лишь в том, что на таком корабле ничто живое находиться не может, слишком большая часть водорода становится радиоактивной. Пилотируемому кораблю потребуются чудовищно большие регуляторы плазменных полей.

— А у «этого»?

— Мичиков говорит: да, если он шел достаточно долго. Чем дольше путь, тем быстрее ему придется гасить скорость.

— У-мм-гм.

— Ник, ты делаешься параноиком. Почему кто-то должен присылать к нам боевой звездолет?

— А почему кто-то вообще должен присылать к нам корабль? Полагаю, вы намерены со всем этим просто смириться... Мы можем войти в контакт с этим судном до того, как оно достигнет Земли?

— Как ни странно, но я об этом подумал. Мичиков прикинул несколько возможностей. Самое подходящее — где-нибудь в ближайшие шесть дней флот в полном составе стартует из троянской точки Юпитера.

— Забудь о флоте. Посторонний должен видеть, что мы не собираемся причинять ему вреда. В троянской точке есть какой-нибудь крупный корабль?

— «Голубой Бык». Он собирался идти на Юнону, но я приказал реквизировать его и очистить грузовые трюмы.

— Отлично. Все складывается просто великолепно.

«Голубой Бык» был предназначен для перевозки жидких грузов и не уступал размерами роскошному туристскому лайнеру, хотя и не мог соперничать с ним по изяществу отделки.

— Нам потребуется компьютер, отличный компьютер, а не серийный автопилот. Технарь, чтобы управляться с ним. И запасные мозговые ячейки для машины. Я намерен использовать его в качестве транслятора, а посторонний сможет общаться с нами при помощи световых сигналов, радио или модулированных электротоков. Сможем мы запихать одноместный катер в трюм «Быка»?

— Зачем?

— Просто на всякий случай. Мы добавим «Быку» спасательную шлюпку. Если посторонний поступит по-свински, то кто-нибудь сможет спастись.

Светляк не сказал: «Паранойя», но явно заставлял себя сдерживаться.

— Крупный корабль,— терпеливо объяснил Ник.— Достаточно развитая технология, чтобы осуществлять звездные перелеты. Может, он дружелюбный, как щенок, но вдруг кто-нибудь сделает ему что-то неприятное?

Он взял микрофон и распорядился:

— Дайте мне Ахиллес, центральный коммутатор.

Потребовалось некоторое время, пока оператор нащупал лазерным лучом Ахиллес. Ник не вешал трубку. Наконец микрофон дребезжаще затарахтел в его ладони.

— Да?

— Контроль движения,— раздалось из динамика.— Каттер. Вашей конторе хотелось знать все об этом сильном источнике монополей.

Ник полностью снял контроль, чтобы Шеффер тоже мог слышать.

— Верно. Ну и?

— Он ложится на курс одного из кораблей Зоны. Похоже, пилоту не избежать контакта.

Ник стиснул зубы.

— Что за корабль?

— На таком расстоянии сказать трудно. Возможно, одноместное шахтное судно. Их траектории пересекутся через тридцать семь часов двадцать минут. Если никому из них не взбредет в голову что-нибудь другое.

— Держите меня в курсе. Переведите все ближайшие телескопы на наблюдение. Мне бы не хотелось остаться в дураках.— Ник отключился.— Слышал?

— Да-а. Первый Закон Файнегла. Можем мы остановить этого зонника?

— Сомневаюсь.

Им мог быть кто угодно. Им оказался Джек Бреннан.

До поворота на курс, ведущий к Луне, оставалось несколько

часов. «Маринер-20» отбросил тело стартового двигателя, словно останки обескровленного сиамского близнеца. В его плоском носу все еще ощущался свист, оглушительный свист, высота которого определялась скоростью сгорания твердого топлива. Бреннан ползком пробрался внутрь, чтобы посмотреть, нет ли каких-либо повреждений, могущих снизить стоимость реликта.

Реликт, предназначенный для разового использования, отличался изяществом очертаний. Сопло его выгорело несколько неровно, но это было не так и страшно — подобное вполне естественно, если учесть, что зонд свое назначение выполнил. За такую находку Музею космонавтики придется изрядно раскошелиться.

Контрабанда в Зоне считается нелегальной, но никак не аморальной. Тем более контрабанда не была аморальной для Бреннана, который при посадке старательно забывал заплатить за парковку. Поймают тебя — выложишь штраф, вот и все дела.

Бреннан же относился к оптимистам. Он не верил, что его поймают.

Четыре дня он разгонялся, почти достигнув одного «же». Орбита Урана осталась далеко позади, но и до центра Системы было еще не близко. Ад ревел в его двигателе. Эффекты теорий относительности пока еще не наблюдались, не настолько быстро он шел, но по прибытии на место часы придется подвести.

Что же представлял из себя Бреннан? При одном «же» вес его — сто семьдесят восемь фунтов, рост — шесть футов два дюйма. Как и большая часть зонников, он напоминает не особенно мускулистого игрока в баскетбол. Он провел в рубке управления чуть больше четырех дней, но уже начал чувствовать себя (да и выглядеть тоже) утомленным и потрепанным. Но карие глаза смотрят ясно и твердо, зоркость их зафиксирована микроизлучением, которому он был подвергнут в восемнадцатилетнем возрасте. Прямые черные волосы в дюйм длиной зачесаны прядями со лба к затылку по коричневому, полированному черепу. Он принадлежит к белой расе; как говорится, загар обитателя Зоны не темнее кожи, выделанной в Кордове. И как у остальных, загаром прикрыты лишь руки, лицо и череп. Тело его в любом другом месте — цвета сливок.

Возраст — сорок пять лет. Выглядит он на тридцать. Гравитация благотворно подействовала на мышцы лица, но выявила тенденции к скорому облысению. Лишь тонкие морщинки в уголках глаз дают понять, в какой степени он измучен загадкой, заставляющей хмуриться последние двадцать часов. С того мгновения, как он почувствовал, что что-то преследует его.

Сперва он решил, что это золотомундирник, лягаш с Цереры. Но что делать золотомундирнику так далеко от Солнца?

Даже с первого взгляда было ясно, что это не может быть лягаш. Пламя двигателя было слишком холодным, слишком большим и недостаточно ярким. Бреннан увеличивал скорость, но скорость чужака, хотя он и тормозил, продолжала оставаться чу-

довищной. Или же он пришел откуда-то из-за орбиты Плутона, или двигатель его мог развивать ускорения в десятки «же». Из чего и вытекал требуемый ответ.

Это странное пламя принадлежало Постороннему.

Сколько лет ожидала его Зона? Заставьте любого человека, даже пилота лунного корабля, провести какое-то время меж звезд, и он однажды поймет, насколько глубока на самом деле Вселенная. Глубиной в миллиарды световых лет. Пространство, способное вместить в себя все. Вне сомнения, это Посторонний, пришедший извне. Впервые представитель чужой расы, занимающийся своими делами за пределами досягаемости земных телескопов, вступал в контакт с человечеством.

Теперь же Посторонний этот был здесь и следовал по курсу Джека Бреннана.

Бреннан даже не был удивлен. Да, насторожен. Даже напуган. Но не удивлен. Не удивлен даже тем, что Посторонний избрал именно его. Случайность, игра судьбы. Они оба направлялись в глубь Системы, придерживаясь приблизительно одного и того же курса.

Вызвать Зону? Сейчас Зона должна уже все знать. Сеть телескопов Зоны прослеживает путь любого судна в системе. Все шансы на то, что неправильно окрашенная точка, движущаяся с неправильной скоростью, уже обнаружена. Бреннан, знавший, что его корабль тоже будет разыскан, рискнул, надеясь, что это произойдет не слишком рано. Конечно же, Посторонний уже обнаружен. Конечно, за ним наблюдают, а в силу этого наблюдают и за Бреннаном. В любом случае, отправлять сигнал на Цереру Бреннану нет смысла. Корабль плоскостников может перехватить луч. Бреннан не знал, как относится Зона к идее контактов между Землей и Посторонним.

Зоне придется действовать без него.

А это вынуждало Бреннана самостоятельно принять два решения.

Первое было легким. Возможности для контрабанды у него теперь не больше, чем у снежного человека. Ему следует изменить курс так, чтобы, добравшись до какого-либо астероида, при первой же возможности вызвать Зону и сообщить о своем направлении и грузе.

Но как быть с Посторонним?

Тактика увиливания? Это сложно. Остановить в космосе вражеский корабль невозможно, для этого и доказательств не требуется. Лягаш может перехватить контрабандиста, но не в состоянии арестовать до тех пор, пока контрабандист сам не согласится... Или пока не кончится горючее. Он может сбить корабль с курса, может даже пойти на таран, если у него хороший автопилот, но как потом проникнуть в воздушный шлюз, если корабль беспрерывно огрызается огнем своего двигателя? Бреннан мог отправляться куда угодно, и Постороннему придется или послушно следовать за ним, или уничтожить его.

Бегство представлялось самым разумным. У Бреннана была семья, и о ней следовало заботиться. Шарлотта же могла позаботиться о себе сама. Она была взрослой зонницей, умеющей строить свою жизнь не хуже Бреннана, хотя никогда не проявляла достаточно честолюбия, чтобы получить лицензию пилота. А Бреннан был вынужден платить, как водится, за Эстеллу и Дженнифер. Его дочерям необходимы воспитание и обучение. Но он мог бы делать для них и больше. Или же мог попытаться снова стать отцом, скорее всего, ребенка от Шарлотты. Деньги к нему липли. Деньги — это сила. И, подобно силам электрическим или политическим, силу эту тоже можно было использовать по-разному.

Вступить в контакт с чужаком — и он, возможно, никогда больше Шарлотты не увидит. Первая встреча с чужой расой таила в себе риск.

И, безусловно,— славу.

Сможет ли когда-нибудь история забыть человека, который встретился с Посторонним?

На мгновение он подумал, что здесь таится ловушка. Словно судьба затеяла игру с его жизнью... Но увильнуть он не может. Он позволит Постороннему с ним встретиться. Бреннан не стал сворачивать с курса.

Зона — это паутина телескопов, сотни тысяч телескопов.

Делается это следующим образом. На каждом корабле есть телескоп. За каждым астероидом приходится постоянно наблюдать, потому что астероиды имеют склонность менять свои орбиты и потому что карта Солнечной Системы должна быть максимально приближенной к действительности с точностью до секунд. Наблюдение ведется за огнем любого корабельного двигателя. В оживленных секторах корабли, если их никто не предупредит об этом, могут выхлопами задеть друг друга. А выхлоп двигателя, работающего на реакции ядерного синтеза, смертелен.

Ник Соул посмотрел на экран, скользнул взглядом вниз, на стол, заваленный грудой досье, снова поднял глаза на экран...

На экране виднелись две фиолетово-белые искры, одна — несколько больше и тусклее. Астероид, с которого велось наблюдение, находился почти на одной линии с ними, и поэтому обе искры были видны на одном экране.

Он перечитал досье несколько раз. Десять человек. И каждый из них может оказаться неизвестным зонником, к которому приближается сейчас Посторонний. Сначала досье было двенадцать. Сейчас люди из внешних служб пытались обнаружить и выделить этих десятерых, как они обнаружили уже двоих, связаться с ними по радиотелефону или с помощью лазера и, таким образом, отсеять.

Поскольку судно не пыталось удрать, Ник мысленно выделил из этой дюжины шестерых. Двое никогда не были пойманы на

контрабанде: признак осторожности, и не играет роли, занимались ли они контрабандой на самом деле или их просто не смогли поймать. Одна — это ксенофобка. Трое были старожилами; вы не станете старожилом в Зоне, если ставите на неверный шанс. В Зоне законы Файнегла-Мэрфи были шуткой только наполовину.

Один из четырех шахтеров отличался колоссальным высокомерием и вполне мог назначить самого себя послом человечества во вселенной.

«Поделом ему, если он на это замахнулся,— думал Ник,— кто же из них?»

В миллионе миль от орбиты Юпитера, двигаясь прямо над плоскостью Солнечной Системы, Физпок уравнял свою скорость с туземным судном и начал сближение.

Из тысяч видов разумных существ в галактике Физпок и раса Физпока изучили только свой собственный. Если они случайно натыкались на другие расы, например, при добыче сырья в соседних системах, то они уничтожали их с такой быстротой и надежностью, какая только была возможна. Чужаки были опасны или могли такими оказаться, а раса Пак не интересовалась никем кроме расы Пак. Защитники обладали немалым умом, но ум — лишь средство достижения цели, а для цели не всегда предпочтительнее интеллектуалы.

Действия Физпока прямо вытекали из его неосведомленности. Все, что ему оставалось,— строить догадки.

Если предположить, что овальная царапина на корпусе туземного судна — действительно люк, то получалось, что туземец не может быть намного выше или ниже Физпока. Скажем от трех до семи футов, в зависимости от того, какое количество свободного пространства ему необходимо. Разумеется, овал мог и не характеризовать наибольшую высоту туземца, хотя это было бы справедливо для двуногого Физпока. Но судно само было небольшим, в нем не мог поместиться кто-нибудь, намного превышающий Физпока размерами.

Один взгляд на туземца мог бы сказать ему о многом. Если это не Пак, то его следует расспросить. Но если это...

Вопросы все-таки будут, много вопросов. Но если поиски окажутся завершенными... Несколько дней на корабле, чтобы достичь Цели Путешествия № 1-3, недолгое время на то, чтобы выучить их язык и объяснить, как использовать то, что он привез с собой,— и он может перестать есть.

Туземец не показывал, что знает о корабле Физпока. Еще несколько минут, и они оказались бок о бок, но чужак не стал менять направления. Туземец выключил свой двигатель. Физпока приглашали к совместному путешествию.

Физпок принял приглашение. Он не растратил ни одной лишней капли топлива, не сделал ни одного лишнего движения. Может быть, вся его жизнь ушла на тренировки, подготавливающие

его к этому маневру. Скорлупа его кабины жизнеобеспечения причалила к борту туземного корабля и остановилась.

Скафандр был уже надет, но Физпок не двигался. Он не имел права рисковать собой, когда оказался так близок к победе. Если туземец решится выбраться из корабля...

Бреннан смотрел на корабль, идущий рядом с ним. Три секции, разделенные расстоянием в восемь миль. Он не увидел никакого соединяющего их кабеля. Возможно, он слишком тонок, чтобы разглядеть его на таком расстоянии. Наибольшая, самая массивная секция была, должно быть, двигателем: цилиндр с тремя небольшими коническими выступами, под углом выходящими из хвоста. Цилиндр таких размеров был слишком мал, чтобы вместить запас горючего для межзвездного перелета. Либо Посторонний по дороге сбрасывал использованные емкости, либо... Это пилотируемый автомат таранного типа?

Вторая секция: сфера примерно шести футов в диаметре. Когда корабль наконец сбросил скорость, эта секция тотчас же оказалась напротив Бреннана. На сфере четко выделялось большое круглое окно, так что сама она напоминала гигантское глазное яблоко. Она поворачивалась, следуя за каждым движением Бреннана. Бреннан нашел, что выдерживать этот жутковатый пристальный взгляд нелегко.

И еще одна мысль. Наверняка, правительство Зоны смогло бы организовать встречу получше, чем эта...

Отсек, идущий следом,— после всего предшествующего он выглядел приятно. Это было яйцо, футов шестидесяти длиной и сорока в ширину. Больший конец, нацеленный в противоположную двигательной секции сторону, был так густо изъеден пылевыми частицами, что казался исцарапанным песком. Меньший конец был остроконечным и гладким, почти блестящим. Бреннан кивнул сам себе. Во время ускорения таранно-черпающее поле должно было защищать передний конец от микрометеоритов. Во время торможения его перемещение назад приводило к тому же.

Отверстий на яйце не было.

За выпуклой оболочкой центральной секции началось какое-то движение. Бреннан напряг зрение, пытаясь увидеть побольше... Но ничего не случилось.

Странный способ строить корабли, подумал он. В центральном отсеке, должно быть, находится система жизнеобеспечения. Поскольку в нем есть иллюминатор, а в следующем отсеке нет. А двигатель опасно радиоактивен, в ином случае зачем было бы так растягивать судно в пространстве. Но это означает, что кабина жизнеобеспечения расположена таким образом, чтобы защищать идущий следом отсек от радиации двигателя. В этом отсеке должно находиться нечто более важное, чем сам пилот,— с точки зрения этого пилота.

Или так, или же и пилот, и конструктор — глупцы, а то и просто сумасшедшие.

Сейчас корабль Постороннего не двигался: двигатель его остывал, секция жизнеобеспечения находилась в нескольких сотнях футов отсюда. Бреннан ждал.

«Должно быть, я — шовинист,— сказал он себе.— Какое я имею право судить об их душевном здоровье по стандартам Зоны?»

Губы его скривились. Наверняка, имею. Этот корабль плохо спроектирован.

Чужак покинул свое судно.

Каждый мускул Бреннана дрожал, пока он рассматривал его. Чужак был двуногим, отсюда он выглядел вполне человекоподобным. Но вышел он «сквозь» иллюминатор. Он стоял на фюзеляже своего корабля, неподвижный, выжидающий.

У него были две руки, одна голова, две ноги. Он пользовался скафандром. У него было оружие, похожее на реактивный пистолет, но что именно, сказать было невозможно. Но Бреннан не обнаружил ранца. Реактивный пистолет требует гораздо большей сноровки, чем реактивный ранец. Кто бы им стал пользоваться в открытом космосе?

Кого он хочет обмануть своим ожиданием?

Ясное дело, Бреннана.

На какое-то дикое мгновение он решил сейчас же запустить двигатель и смыться отсюда, пока не поздно! Проклиная себя за трусость, Бреннан направился к люку. Те, кто строил одноместные корабли, строили их настолько дешево, насколько это было возможно. В его корабле не было воздушного шлюза, просто дверь и насосы для откачки воздуха. Скафандр Бреннана был герметичным. Все, что ему предстояло сделать,— это открыть люк.

Включив магниты ботинок, он выбрался наружу.

Медленно тянулись секунды, пока Бреннан и Посторонний рассматривали друг друга. «Он выглядит вполне гуманоидом,— думал Бреннан.— Двуногий. Его голова — верхняя часть тела. Но если они гуманоиды и освоили космос настолько, что могут строить межзвездные корабли, он не может быть таким глупым, каким кажется его судно. Необходимо узнать, какой груз несет его корабль. Возможно, он и прав. Возможно, груз более ценен, чем его собственная жизнь».

Посторонний прыгнул.

Он летел к нему, словно пикирующий сокол. Бреннан не отступил, дрожа от ужаса и все же поражаясь мастерству чужака. Посторонний не воспользовался своим реактивным инструментом. Его прыжок был безупречен. Опуститься он должен был совсем рядом с Бреннаном.

Упругими конечностями Посторонний ударил по корпусу корабля, погасив инерцию, словно заправский зонник. Он был меньше Бреннана, не более пяти футов ростом. Бреннан мог смутно видеть его лицо сквозь щиток шлема. Он отшатнулся, отшагнув подальше назад. Лицо Постороннего было отвратительным и безобразным. Проклятый шовинизм: от лица Постороннего мог бы забарахлить и компьютер.

Это шаг назад не спас его.

Посторонний был слишком близко. Он потянулся к нему, герметические перчатки его скафандра неожиданно сомкнулись вокруг запястья Бреннана. Чужак прыгнул.

Бреннан, задыхаясь, попытался вырваться, но было поздно. Хватка Постороннего напоминала стальную пружину. Кувыркаясь, они летели к напоминающему глазное яблоко отсеку жизнеобеспечения, и с этим Бреннан ничего не мог поделать.

— Ник,— сказал интерком.

— Слушаю,— отозвался Ник. Он не выключил аппаратуру.

— Досье, которое вам нужно, озаглавлено «Джек Бреннан».

— Откуда ты знаешь?

— Мы связались с его женщиной. У него она только одна — Шарлотта Виггз, да еще двое ребятишек. Мы убедили ее, что это крайне важно. В конце концов она нам сказала, что он отправился обследовать троянские точки Урана.

— Урана... Это звучит правдоподобно. Каттер, сделайте мне одолжение.

— С удовольствием. Обслуживающий персонал?

— Да. Пусть присмотрит, чтобы «Жужжащая птица» была обеспечена горючим и продовольствием. И продолжает следить за этим вплоть до дальнейших распоряжений. Оборудуйте «Птицу» добавочными стартовыми двигателями. А потом сфокусируйте переговорный лазер на Нью-Йоркском штабе армии и в таком положении оставьте. Разумеется, вам потребуются три лазера. Чтобы связь не прерывалась из-за вращения Земли.

— О'кей. Других поручений нет?

— Нет. Просто держите лазер все время наготове.

Ситуация менялась чертовски быстро. Если ему потребуется помощь Земли, то она потребуется очень скоро. Наиболее надежный способ убедить плоскостников — отправиться туда самому. Но Первый Председатель никогда не бывал на Земле. И надеялся, что и на этот раз тоже не придется этого делать. Но лишь Упрямство Вселенной стремится достигнуть Максимума.

Ник начал бегло пересматривать досье Бреннана. Скверно: у того были дети.

Первые четкие воспоминания Физпока датировались тем днем, когда он осознал себя защитником. Он мог бы вызвать туманные образы и того, что было с ним и до этого. Вспомнить о страданиях и сражениях, об открытии новых видов пищи, о переживаниях, связанных с сексом и любовью, о ненависти, о ползучих деревьях в долине Пичока. С полдюжины раз он с любопытством наблюдал, как женщины рожали детей, которые — он это чувствовал — были его собственными. Но помнилось все это смутно.

Когда он стал защитником, то начал мыслить ясно и четко.

Сперва это было неприятно. Ему приходилось заставлять себя заниматься этим. Другие помогали ему и обучали.

Шла война, и он прошел сквозь нее. Поскольку ему пришлось развивать в себе привычку задавать вопросы, то прошли годы, прежде чем он ознакомился с историей.

Тремя столетиями ранее в их мире несколько сотен семей старших Пак совместно восстановили плодородие громадной пустыни. Эрозия и выветривание не были следами войны, они образовались от воздействия самой пустыни. Но всю ее покрывали слаборадиоактивные пятна. В мире Пак вообще не существовало мест, нисколько не затронутых войной.

Поколение назад была осуществлена чрезвычайно важная задача по восстановлению лесов. После этого союзники тут же раскололись на несколько меньших союзов, каждый из которых стремился захватить жизненное пространство для собственных потомков. К настоящему времени большинство некогда существовавших союзов уже исчезло. Некоторые семьи истребили, а уцелевшие группы покинули места, выбранные ими когда-то для проживания. Сейчас род Физпока владел Южным Побережьем.

Война доставляла Физпоку наслаждение. Не из-за сражений. В качестве производителя ему приходилось принимать участие в битвах, но война заключалась не столько в схватках, сколько в умении перехитрить противника. Поначалу они воевали ядерными бомбами. На этой стадии погибли многие семейства, а часть возрожденной пустыни вновь стала пустыней. Позже обитатели Южного Побережья открыли поле, не позволяющее ядерному материалу расщепляться. Другие быстро последовали их примеру. С тех пор война велась с применением артиллерии, отравляющих газов, бактерий, психологии, пехоты и даже наемных убийц. Это была война умов. Можно ли нейтрализовать пропаганду Района Залива Метеоров, живописующую раскол Южного Побережья? Если у Союза Восточного Моря есть средство против текучего газа Иоты, то что легче — украсть его или попытаться разработать свое собственное? Если Круглые Горы нашли способ обезвреживать фильтрующиеся бактерии Зеты-3, то какова вероятность, что это обернется против нас? Оставаться нам на Южном Побережье или лучше перебраться к Восточному Морю? Это было забавно.

Чем больше узнавал Физпок, тем сложнее становилась игра. Его собственный вирус — двойное Кью — мог уничтожить девяносто два процента производителей, но не причинял вреда их защитникам. И те сражались с удвоенной яростью, с яростью обреченных, защищая количественно уменьшившуюся и менее уязвимую группу. Ему нравилось пресекать такие попытки. У семейства Пак было слишком много производителей по сравнению с имеющимися запасами пищи. Он принял их предложение о союзе, но перекрыл дорогу к Восточному Морю.

Тогда, на пределе сил, Союз Восточного Моря построил генератор поля, которое прекращало реакцию ядерного распада.

Физпок был защитником на протяжении шести лет.

Война закончилась за неделю. Некогда возрожденная пустыня, примыкающая к Восточному Морю, в результате семидесятилетней схватки в большей своей части вновь стала голой и бесплодной.

А долину Пичока озарила могучая вспышка.

Дети и производители рода Физпока жили в долине Пичока с незапамятных времен. Защитник увидел, как горизонт окутался страшным пламенем, и понял, что все его потомки погибли или стали стерильными, что рода, который он должен был защищать, больше нет. И все, что ему теперь осталось,— это перестать есть, пока не наступит смерть.

С тех пор он потерял всякую осторожность. Вплоть до настоящего времени.

Но даже тогда — тридцать веков назад по биологическому времени — ему не приходилось испытывать небывалого смущения. Что это за существо, обряженное в скафандр, попавшее к нему в руки? Лицевой щиток был затемнен для защиты от солнечного света. Насколько можно было судить по форме скафандра, существо напоминало производителя. Но «они» не могли создавать ни космических кораблей, ни скафандров.

Представления Физпока о цели его жизни оставались неизменными на протяжении более чем двадцати столетий. Сейчас же они резко менялись. Теперь Физпок начал жалеть, что Пак ничего не знали о других народах, наделенных разумом. Двуногость, возможно, присуща не только Пак. Как такое могло случиться? Формы тела самого Физпока были превосходны. Если бы он мог увидеть этого туземца без скафандра... Если бы он мог обнюхать его! Это сказало бы ему о многом.

Они опустились рядом с иллюминатором. Прицел Постороннего был нечеловечески точен. Бреннан даже не пытался сопротивляться, когда чужак, забравшись вовнутрь, за изогнутую поверхность, уцепился там за что-то и потащил его за собой. На мгновение нечто прозрачное преградило ему путь и — уступило.

Неожиданным и быстрым движением Посторонний сбросил свой скафандр, изготовленный из какого-то гибкого материала. Гибким был и прозрачный шлем. На сочленениях виднелись поперечные полосы. Избавляясь от скафандра, чужак продолжал удерживать Бреннана, не ослабляя своей железной хватки. Но повернулся так, что его можно было рассмотреть.

Бреннан едва не вскрикнул.

Посторонний состоял из одних узлов. Руки — длиннее человеческих, с локтевым суставом почти там, где ему и положено быть. Плечи, колени, бедра круглились, словно дыни. И голова — дыня на несуществующей шее. Бреннан не обнаружил ни лба, ни подбородка. Вместо рта у чужака был плоский черный клюв, твердый и тусклый. Между глазами и клювом — обесцвеченная морщинистая кожа. Две продольные щели на клюве — нос. Два вполне че-

ловеческих глаза были защищены нисколько не похожими на человеческие кожистыми впадинами и намечающимся выступом лба. Ниже клюва голова по плавной дуге уходила назад. На выпуклом черепе вздымался костяной гребень, усиливая ощущение обтекаемости.

На нем не было ничего из одежды, кроме сорочки с большими карманами — одеяния, имеющего вид вполне человеческий. И такого же нелепого, как туника Федры на чудовище Франкенштейне. Раздутые суставы на пятипалой руке, крепко вцепившейся в руку Бреннана, напоминали теннисные мячи.

Итак — Посторонний. Не просто чужак. Это дельфин — просто чужак. Но дельфины не такие ужасные. Посторонний же был кошмарен. Он выглядел как нечто среднее между человеком... и чем-то еще. Такими всегда бывали выдуманные человеком чудовища. Грендель. Минотавр. Некогда было даже дано следующее определение ужаса: сверху — прелестная, соблазнительная женщина, снизу — чешуйчатое чудовище. К этому следует добавить, что Посторонний был, скорее всего, бесполым: между его ног виднелись лишь складки похожей на броню кожи.

Глубоко посаженные глаза, столь же человеческие, как и зрачки осьминога, пристально уставились в глаза Бреннана.

Неожиданно, Бреннан не успел даже уклониться, Посторонний вцепился в его прорезиненный скафандр и рванул в сторону. Скафандр натянулся и разорвался — от паха до подбородка. Воздух тут же улетучился, и Бреннан почувствовал, как у него лопаются барабанные перепонки.

Ни малейшего признака остановки дыхания. А ведь от запасов воздуха, оставшихся на корабле, его отделяли сотни футов вакуума. Бреннан изумленно фыркнул.

Воздух был разреженным и полным странного запаха.

— Сукин ты сын,— сказал Бреннан.— Я ведь мог погибнуть.

Посторонний не ответил. Он сдирал скафандр с Бреннана, словно очищал апельсин, без малейшей грубости, но и без особых предосторожностей. Бреннан сопротивлялся. Одна его рука была перехвачена чужаком, но кулаком другой он колотил по лицу Постороннего, на что тот только помаргивал. Кожа была у него что дубленый ремень. Он разделался со скафандром и теперь, не давая Бреннану шевельнуться, разглядывал его. Бреннан ударил ногой туда, где должен был бы находиться пах. Чужак соизволил обратить внимание на эту попытку, он проследил глазами еще два удара Бреннана, а потом вернулся к своим изысканиям.

Его пристальный взгляд, скользящий по Бреннану снизу вверх и сверху вниз, был оскорбительно беззастенчив. В Зоне, где температура и состав воздуха находились под непрестанным контролем, люди обычно ходили обнаженными. Но никогда до этого Бреннан не ощущал себя «голым», не обнаженным — голым. Беззащитным. Чужие пальцы ощупывали его череп. Скользили вдоль чуба обитателя Зоны. Массировали сочленения запястья, каждый

из суставов прощупав под кожей. Поначалу Бреннан пытался сопротивляться. Но не смог даже отвлечь внимание Постороннего. И теперь, ослабев, он просто терпел и ждал.

Осмотр закончился неожиданно. Чужак, состоящий, казалось бы, из одних узлов, прыгнул через всю кабину, быстро наклонился над ящиком, стоящим у стены, и у него в руках оказался сложенный прямоугольник из прозрачного пластика. Бреннан подумал было о бегстве, но его скафандр был разорван в клочья. Чужак рывком развернул пластиковый пакет, пробежался пальцами вдоль края. Мешок, щелкнув, раскрылся, словно он был на «молнии».

Посторонний прыгнул к Бреннану, и Бреннан отшатнулся в сторону. Этим он выиграл несколько секунд относительной свободы. Потом стальные, узловатые пальцы приблизились к нему, схватили и запихали в мешок.

Бреннан понял, что изнутри открыть мешок ему не удастся.

— Я ж задохнусь,— завопил он. Чужак не обратил на это никакого внимания. Он снова облачился в свой скафандр.

— Н-е-е-е-т! — Бреннан силился разорвать мешок.

Чужак схватил его под руку и протиснулся сквозь иллюминатор. Бреннан почувствовал, как раздулся облегающий его материал, как разреженный воздух сделался еще более разреженным. Ушей его коснулись ледяные иглы. Он тотчас же отказался от всех попыток сопротивления. Он ждал — с фанатизмом отчаяния, а чужак волок его сквозь вакуум, огибая похожий на глазное яблоко отсек, туда, где повисшая на дюймовой толщине каната виднелась хвостовая секция.

В Зоне мало крупных грузовых кораблей.

Большая часть шахтеров предпочитают сами перевозить добытую ими руду. Суда, доставляющие партии грузов с астероида на астероид, тоже невелики. Просто они снабжены огромным количеством вспомогательных приспособлений. Полезный груз крепится к оснастке и такелажу, помещается в сети и на почти невесомые решетки. Хрупкие предметы обволакиваютя слоем пенопластика, а для защиты от пламени двигателя ниже груза помещается экран из блестящей фольги. К тому же, стартуют такие корабли на малых мощностях.

«Голубой Бык» был исключением из правил, поскольку предназначался для перевозки жидких и сыпучих грузов. Ими могли быть ртуть и вода, зерно, семена, растворы, олово, добытое из озер на дневной стороне Меркурия, смертельно опасные химические соединения из атмосферы Юпитера. Такие грузы далеко не всегда удобны для транспортировки. Поэтому «Бык» представлял собой огромную цистерну с крохотной трехместной кабиной и трубой реактивного двигателя, идущей вдоль главной оси. Но, поскольку груз иногда состоял из громоздких предметов, цистерна была снабжена захватами и большим люком.

Эйнар Нильсон стоял на краю трюма и глядел вниз. Он был

семи футов ростом и слишком тяжел для зонника. И его лишний вес был очевиден для кого угодно, поскольку жир образовал внушительное брюхо и выпирающий валик второго подбородка. Да и весь он был этаким округлым, лишенным острых углов. Одноместное судно он водил с незапамятных времен. Но высокая гравитация ему не нравилась.

Эмблема на его скафандре изображала корабль викингов с оскаленным драконом на бушприте, наполовину погрузившийся в молочно-светлый водоворот спиральной галактики.

Маленькое устаревшее судно самого Нильсона стало спасательной шлюпкой для «Быка». Короткая, обгоревшая на конце труба ее реактивного двигателя протянулась почти через весь трюм. Там же расположился компьютер «Оджибвей-4-4», почти новый. А также различные приспособления, предназначенные для обследования мозга этого устройства, динамиков, радара и радио, записывающих механизмов и монохроматических ламп. Всякого прочего высокочастотного оборудования. Каждый прибор был по-своему прикреплен к внутренним стенкам одним из полудюжины различных способов.

Нильсон удовлетворенно качнул под шлемом зачесанным короной, поседевшим белокурым чубом обитателя Зоны.

— Продолжай, Нат.

Натан Ля-Пэн принялся закачивать жидкость внутрь цистерны. Через тридцать секунд весь ее объем был заполнен пеной, которая уже начала застывать.

— Закрывай.

Пена, должно быть, заскрипела, когда массивная крышка пошла вниз. Но до них не доносилось ни звука. Порт Патрокл находился в вакууме, открываясь прямо в черное небо.

— Сколько у нас еще времени, Нат?

— Минут двадцать, чтобы выйти на правильный курс,— ответил юноша.

— О'кей. Поднимайся на борт. Вы тоже, Тина.

— Сделано.— И голос отключился. Натан был молод, но уже научился не тратить лишних слов при переговорах. Эйнар взял его с собой по просьбе старого друга, отца Натана.

Программистка компьютера опять оказалась не там где надо. Эйнар увидел, как ее тоненькая фигурка по дуге пролетела к воздушному шлюзу «Быка». Неплохой прыжок. Может быть, слишком хороший для его мышц.

Тина Джордан была плоскостницей-эмигранткой. Тридцать четыре года, вполне достаточный возраст, чтобы отдавать отчет в том, что она делает. И она любила корабли. Может быть, у нее окажется достаточно здравого смысла, чтобы не возвращаться домой. Но она никогда не летала на одноместных кораблях. Эйнар не очень-то доверял людям, которые сами себе не доверяли и потому не летали в одиночку.

Но с этим ничего не поделаешь; никто другой на базе «Патрокл» не смог бы управляться с «Оджибвеем-4-4».

Чтобы выйти на след чужого корабля, «Быку» предстояло уйти в сторону, а потом по внутренней кривой направиться к Солнцу. Эйнар вгляделся в усеянную блестками черноту. Тусклые, редкие пятна в троянских точках не мешали его зрению. Он не надеялся, что сможет увидеть Постороннего, и это ему в самом деле не удалось. Но он был там и несся к точке, где его траектория пересечется с траекторией «Быка».

Три шарика на одной линии, четвертый завис рядом. Ник неотрывно всматривался в экран, морщинки возле его сощурившихся глаз напоминали паутину. Если это произойдет, то произойдет сейчас.

Обычно Первого Председателя беспокоили другие вопросы. Переговоры с Землей относительно объединения имеющихся автоматов таранного типа. Распределение их грузов среди четырех межзвездных колоний. Вопросы торговли меркурианским оловом. Проблемы выдачи преступников. Сейчас он вроде бы слишком много времени тратил понапрасну... Но что-то подсказывало ему, что происходящее является наиболее важным событием во всей истории человечества.

Из динамика раздался дребезжащий голос Каттера:

— Ник? «Голубой Бык» к старту готов.

— Прекрасно,— отозвался Ник.

— О'кей. Но, должен заметить,— они безоружны.

— У них есть ядерный двигатель, верно? И вдобавок к нему мощные позиционные двигатели. Если им требуется что-либо посерьезнее, значит, мы добиваемся войны.

Он сидел задумавшись. Прав он или нет? Даже водородная бомба — не столь эффективное оружие, как ядерный двигатель с его громадной разрушительной мощью. К тому же, водородная бомба — оружие, которое невозможно утаить. Оскорбление для миролюбиво настроенного Постороннего. К тому же...

Ник вернулся к досье Бреннана. Оно было тоненьким. Жители Зоны не терпели бы правительства, которое собирало бы о них сведения более необходимого минимума.

Джон Фитцджеральд Бреннан выглядел типичным зонником. Сорок пять лет. Две дочери — Эстелла и Дженнифер. Постоянная подруга — Шарлотта Лэй Виггз, профессиональный механик, специалистка по ремонту сельскохозяйственных машин в Конфайнементе. Бреннан располагал некоторым капиталом, хотя дважды расставался с ним, выделяя долю своим детям. По вине золотомундирников его дважды лишали груза радиоактивной руды. Один случай был типичным. Над контрабандистами-глупцами жители Зоны посмеиваются, но тот, кто не попадался ни разу, может быть заподозрен, что он даже не пытался. Мужества не хватило.

Эмблема скафандра: «Мадонна порта Ллигат». Ник нахмурился. Иногда шахтеры теряли чувство реальности. Но Бреннан

был жив и здоров, доходы его считались вполне приличными, и он никогда ни в какие истории не впутывался.

Двадцать лет назад он работал в бригаде, добывающей жидкое топливо на Меркурии. Меркурий был богат ценными цветными металлами. Но магнитные поля Солнца обуславливали использование специальных кораблей. Солнечный ветер мог поднять металлическое судно и отбросить его на много миль. Бреннан считался полноправным членом бригады и зарабатывал хорошие деньги, но через девять месяцев он ушел и никогда больше в бригаду не возвращался. По-видимому, ему не нравилось работать с другими.

Почему он позволил Постороннему захватить себя?

Черт побери, но он, Ник, сделал бы то же самое. Посторонний явился сюда в Систему. Кто-нибудь обязательно должен был с ним повстречаться. Бегство было бы признанием того, что Бреннан не способен управлять событиями. Мысль о семье не смогла бы его остановить. Они были обитателями Зоны. Следовательно — способны сами о себе позаботиться.

Но лучше бы он удрал — подумал Ник. Пальцы его выбивали нервный ритм по крышке стола.

Бреннану было так одиноко в этом тесном пространстве.

Путешествие казалось кошмаром. Балансируя пузырем с заключенным внутри Бреннаном, Посторонний прыгнул прямо в космос, стреляя из реактивного пистолета. Опустились они через двадцать минут. Пока они достигали хвостового отсека, Бреннан чуть было не задохнулся. В памяти его осталось, как чужак прикасался к обшивке отсека каким-то плоским предметом, а затем протащил и себя, и Бреннана сквозь упругую поверхность, которая внешне выглядела как металлическая. Чужак расстегнул пузырь и, пока Бреннан беспомощно барахтался в воздухе, повернулся и прыгнул. Он исчез, пройдя сквозь стену.

Воздух здесь напоминал воздух в кабине, но странный запах ощущался гораздо сильнее. Бреннан дышал полной грудью. Чужак оставил мешок в отсеке. Сейчас мешок плыл к нему, словно полупрозрачный призрак, одновременно угрожающий и не страшный. Бреннан громко расхохотался, но смех его напоминал рыдание.

Он решил осмотреться.

Освещение было более зеленым, чем привычный свет солнечных трубок. Отсек, в котором он плавал, был размером с кабину его собственного корабля. Никакого оборудования в нем не было. Справа от Бреннана стояло несколько прямоугольных ящиков, материал, из которого они были изготовлены, напоминал дерево. Слева от него возвышался массивный прямоугольный предмет с крышкой, очень похожий на большой холодильник. Над ним и вокруг него шла изогнутая стена.

Значит, он был прав. Этот отсек — грузовой. Но половина этого отсека, имеющего форму капли, была отгорожена.

Воздух был пропитан странным запахом, что-то вроде незнакомых духов. Запах в отсеке жизнеобеспечения был запахом зверя, запахом Постороннего. Здесь пахло иначе.

Под ним, в грубо сплетенной сетке, громоздились предметы, внешне напоминающие какие-то желтые корни. Бреннан видел, что они занимали большую часть помещения. Бреннан подплыл к ним и протянул руку к сети, чтобы рассмотреть их повнимательнее.

Запах резко усилился. Бреннан никогда не ощущал, даже вообразить себе не мог запаха такой интенсивности.

Да. Они в самом деле были похожи на бледно-желтые корни. Нечто среднее между сладким картофелем и лишенными коры корнями деревьев. Они были плотными, широкими, волокнистыми, заостренными с одного конца и плоскими с другого. Бреннан просунул руку в сеть, подцепил двумя пальцами один из них и попытался вытянуть его сквозь ячейку. Ничего не получилось.

Он завтракал как раз перед тем, как повстречался с Посторонним. Но в животе у него неожиданно забурлило, он почувствовал зверский голод. Бреннан оскалился. Вновь сунул руку в ячейку сетки и попытался достать корень. Но ячейки были слишком малы. В ярости он начал рвать сеть. Сеть оказалась прочнее, нежели человеческая плоть. Ему не удалось разорвать ее, хотя он пустил в ход ногти. Он закричал в гневе. Этот крик привел его в чувство.

Предположим, он вытащит корень. И что дальше?

Он его съест. Рот Бреннана наполнился слюной.

Корень может его убить. Чужое растение из чужого мира. Растение, используемое, вероятнее всего, в качестве пищи чужой расой. Ему бы следовало думать о том, как отсюда выбраться.

Но его пальцы продолжали рвать сеть. Бреннан заставил себя опомниться. Он «голодный». Ошметки его скафандра остались в кабине Постороннего, и вместе с ними — шлем с водяными и пищевыми шлангами. Найдется ли здесь вода? Может ли он без опасений ее пить? Догадывается ли Посторонний, что ему необходим продукт окисления водорода?

Как он сможет добывать себе пищу?

Он должен отсюда выбраться.

Пластиковый мешок. Он так и плавал в воздухе. Бреннан выловил его, обследовал. Выяснилось, как мешок застегивается и расстегивается — снаружи. Превосходно. Подождите-ка, он же может вывернуть его наизнанку и застегнуть изнутри. А что дальше?

Он не сможет двигаться, сидя в пластиковом пузыре. Это просто невозможно. И даже будь у него скафандр, прыжок в восемь миль без ранцевого двигателя крайне рискован. И, в любом случае, как ему пройти сквозь стену?

Он должен чем-то набить свой желудок.

Та-ак. Почему содержимое этого отсека настолько ценно? Что в нем такого, что оно более ценно, чем жизнь пилота, который должен доставить его по назначению?

Надо еще раз осмотреть, что здесь находится.

Прямоугольный контейнер был изготовлен из какого-то блестящего, холодного материала. Бреннан без труда нашел рукоятку, но не смог даже пошевельнуть ее. Запах корней разбудил его голод, и он дернул ручку изо всех сил, которые придали ему ярость. Ручка издала резкий, дребезжащий звук. Она была рассчитана на силу Постороннего.

Контейнер был заполнен семенами, напоминающими миндаль, вмороженными в какую-то массу, очень холодными. Он пальцами выковырял одно из них. Когда он закрыл крышку, воздух в отсеке приобрел цвет сигаретного дыма.

Бреннан положил семя в рот, пытаясь слюной согреть его. Семя оказалось совершенно безвкусным. И очень холодным. Бреннан выплюнул его.

Итак. Зеленое освещение в воздухе, насквозь пропитанном странным запахом. Но воздух не слишком разрежен и не слишком инороден. А свет спокойный и не вызывает раздражения.

Если Бреннану подходят условия, в которых живет Посторонний, то Постороннему подойдут условия Земли. К тому же, он привез с собой семена для посева. Семена, корни и... Что еще?

Бреннан подошел к ящикам. Но всей силы его спины и ног не хватило на то, чтобы отодвинуть хотя бы один ящик от стены. Они закреплены намертво? Весьма неохотно, с визжащим звуком крышка приподнялась, Бреннан с довольным видом налег на нее. Деревянная крышка отскочила. Бреннан не отказался бы узнать, из какого дерева она была сделана.

Внутри находился запечатанный пластиковый мешок. Пластиковый? Материал на вид и на ощупь был похож на многочисленные обертки, применяющиеся в торговле, только сморщившиеся от старости. Содержимое мешка напоминало плотно спрессованный мелкий порошок. Сквозь пластик он отливал темным.

Бреннан плавал возле ящика, одной рукой придерживая оторванную крышку. Хотел бы он знать...

Разумеется, автопилот. Посторонний только дублировал работу автопилота. И не имело значения, что с ним станется, он был всего лишь прибором, гарантирующим дополнительную безопасность груза. Этот автопилот вел груз семян к месту назначения.

К Земле? Но тогда груз подразумевает наличие других Посторонних.

Он должен предупредить Землю.

Правильно. Но надо хорошенько подумать.

Как?

Бреннан рассмеялся про себя. Был ли хоть один человек, попавший в такую основательную ловушку? Посторонний взял его в плен. Он, Бреннан, зонник, свободный человек, позволил превратить себя в чью-то собственность. Его смех сменился отчаянием.

Отчаяние было ошибкой. Запах, испускаемый корнями, только и ждал, чтобы наброситься на него.

...Боль привела его в себя. По рукам из порезов и ссадин текла

кровь. Волдыри, синяки, растянутые сухожилья. Мизинец на левой руке крутило от боли. Он торчал под неестественным углом и распухал на глазах. Вывих или перелом? Но сеть была прорвана, и правая рука Бреннана вцепилась в волокнистый корень.

Он изо всех сил отшвырнул добычу, резко отвернулся и скорчился, обхватив себя за колени, словно это могло смягчить боль. Ярость и ужас охватили его. Каким образом этот проклятый запах мог влиять на него до такой степени, что он вел себя словно игрушечный робот?

Бреннан, обняв себя за колени, плавал по грузовому отсеку, как футбольный мяч, и кричал. Он был голоден и зол, он ощущал себя невероятно униженным и напуганным. Посторонний поразил его своей невзрачностью. Тем ему хуже.

И все-таки, что Посторонний намеревается с ним делать?

Что-то шлепнуло его по спине. Одним скользящим движением Бреннан схватил корень и отбросил его прочь. Но корень, срикошетировав, вернулся обратно. Жесткий и волокнистый, он оказался во рту Бреннана. Вкус его невозможно было описать, но он был вкусным.

В последний момент Бреннан вдруг с необычной ясностью понял, что теперь он скоро умрет. Но это его не слишком обеспокоило. Он откусил снова и проглотил.

Физпок с упрямой настойчивостью выстраивал цепочку ответов. Но каждый ответ вызывал еще большее количество вопросов. Пленный туземец пах скверно. Это был чужой звериный запах. Туземец не мог относиться к тем, кого разыскивал Физпок. Но, в таком случае, где же они?

Здесь их нет. Туземцы Цели Путешествия № 1-3, если судить по имеющемуся экземпляру, не способны оказать колонистам сопротивление. Но защитники все равно истребят их, просто в качестве предосторожности. Нужно искать какую-то другую звезду. Какую?

Возможно, туземцы обладают достаточными астрономическими познаниями, чтобы подсказать ему это. С такими кораблями они, вполне может быть, добрались до ближайших звезд.

В поисках ответа на возникающие вопросы Физпок отправился к судну туземца. Прыжок занял около часа, но Физпок не торопился. Его отточенные рефлексы позволяли обходиться даже без реактивного пистолета.

Пленник, должно быть, еще жив. Неожиданно Физпоку захотелось выучить его язык и как следует порасспросить. Во всяком случае, это не причинило бы никакого вреда. Пленник был слишком слаб и слишком напуган. Ростом он был крупнее производителя, но физически слабее.

Корабль туземца был невелик. Физпок обнаружил лишь тесную кабину, длинную трубу ядерного реактивного двигателя, кольцеобразную длинную цистерну с жидким водородом и остывший реактор. Тороидальная цистерна была разделена на несколь-

ко секций, расположенных вдоль длинной и узкой трубы двигателя. По краям цилиндрической кабины шли грузовой отсек, подъемные краны, свернутые мелкоячеистые сети и крюки, втянутые в корпус.

На нескольких крюках был подвешен цилиндр из легкого металла, на котором виднелись следы эрозии. Физпок обследовал его, но затем оставил в покое, так и не поняв его назначения. Очевидно, цилиндр был не нужен для работы судна.

Никакого оружия Физпок не нашел.

На корпусе двигателя он отыскал щит управления. Будь у него материалы, он за час мог бы установить на это место цинково-кристаллическую трубу от своего реактивного двигателя. Это произвело на него впечатление. То ли туземцам просто везло, то ли они были более умны, чем он предполагал.

Сквозь овальный люк он забрался в кабину.

В кабине находилось противоперегрузочное кресло, расположенное полукругом, перед ним приборы, автоматическая кухня, вычислительное устройство того класса, какой применяли Пак в войне друг против друга. Позади кресла оставалось свободное место, достаточно много, чтобы там можно было расхаживать. Корабль не был военным. Компьютер — меньшей мощности, чем те, что имелись у Пак. За кабиной помещались аппаратура и емкости с жидкостью, обследованные Физпоком с большим интересом. Если эта аппаратура сконструирована хорошо, значит, Цель Путешествия № 1-3 обитаема. Это становилось несомненным. Разве что несколько большая сила тяжести. Но для тех, кому предстоит провести в путешествии 500 000 лет, это препятствие может оказаться непреодолимым.

Если они доберутся сюда, им придется здесь и остаться.

Это делило поиски Физпока на две половины. Если смотреть отсюда, его цель лежит в направлении ядра Галактики. Они просто не могли продвинуться дальше.

Система жизнеобеспечения судна туземца весьма озадачила Физпока. Он обнаружил устройства, которые просто не мог понять и которые никогда не смог бы понять.

Кухня, к примеру. Вес — крайне важный фактор в космосе. Наверняка туземцы могли бы запасаться пищей для полета, весящей немного, синтетической, в случае необходимости способной сохраняться неопределенно долгое время. Экономия мощности и горючего, расходуемого в чудовищно больших количествах, если судить по числу кораблей, которые он видел. Вместо этого они предпочитали брать с собой расфасованные продукты питания и сложные устройства для приготовления их. Для предохранения от порчи они использовали охлаждение, нет чтобы применять пищу в порошкообразном виде. Почему?

Или же картины. Физпок понимал, что такое фотография, понимал, зачем нужны графики и карты. Но три произведения искусства на задней стене не были ни тем, ни другим. Это были наброски, сделанные углем. На одном была изображена голова

туземца, похожего на пленника, но с длинными волосами и странной окраской вокруг глаз и рта. На других, очевидно, были запечатлены более молодые экземпляры этой, несколько напоминающей Пак, расы. Зачем повешены эти картинки?

При иных обстоятельствах рисунок на скафандре Бреннана мог бы послужить ключом к разгадке.

Физпок видел этот рисунок и частично понял его. Членам группы, находящейся в космосе, полезно помечать свои скафандры яркими красками. Благодаря этому они могут различать друг друга на большом расстоянии. Рисунок туземца показался Физпоку излишне сложным, но не настолько, чтобы вызвать недоумение.

Просто произведений искусства, в качестве предмета роскоши, для Физпока не существовало.

Роскошь? Пак-производитель мог ценить роскошь, но был слишком глуп, чтобы воспользоваться ею для себя. А у защитников не было побудительных стимулов к этому. Все желания защитника были неразрывно связаны с защитой своего рода.

Искусство? С самого начала истории Пак у них существовали рисунки и карты. Они находили применение в военном деле. В любом случае, различить своих близких по каким-либо внешним признакам невозможно. Только по запаху.

Воспроизводить их запах?

Физпок мог бы задуматься над этой проблемой, выгляди рисунок Бреннана несколько иначе. Выражай он какое-либо понятие. Например, способ, позволяющий защитнику оставаться живым и работоспособным после гибели его рода. Такое могло бы изменить всю историю Пак. Если только Физпок вообще смог бы дойти до понимания искусства...

Но что он мог понять из рисунка на скафандре Бреннана?

На груди скафандра была изображена светящимися красками копия картины Сальвадора Дали, «Мадонна порта Ллигат», горы над нежно-голубым морем. Горы, не подвластные силам тяготения. Их срезанные основания были ровными и гладкими. И еще — сверхъестественно прекрасная женщина и младенец, окна — в их телах. Для Физпока это ровным счетом ничего не значило.

Одно он понял сразу же.

Он был очень осторожен с пультом управления. Он не хотел повредить что-нибудь до того, как поймет, каким образом астрономические данные проходят через компьютер. Прибор, предупреждающий о возникновении солнечного шторма. Физпок обнаружил, что прибор на удивление мал. Недоумевая, он продолжил свое обследование. Прибор был основан на использовании монополей.

Одним прыжком, словно кенгуру, Физпок перемахнул через межпланетное пространство. Он израсходовал на него половину запаса газа в своем реактивном пистолете. Потом — пятнадцать минут свободного падения.

Прыжок был нацелен на грузовой отсек. Необходимо привя-

зать туземца, чтобы ускорение ему не повредило. Даже поверхностный осмотр корабля аборигенов сократил зону его поисков наполовину. А теперь он вынужден покинуть его. Вполне может быть, что туземцы обладают еще более ценными знаниями. И все же Физпок очень жалел, что вынужден беспокоиться о жизни своего пленника. Поскольку любая потеря времени может подвести конец и его жизни, и его цели.

Туземцы используют монополи. Значит, они уже обнаружили его. Физпок взял в плен туземца — враждебный акт. А кроме того, на борту корабля Физпока монополей было больше, чем их можно отыскать по всей Солнечной Системе.

Вероятно, они его уже преследуют.

Но в ближайшее время туземцы не смогут захватить его. Их двигатели должны быть более мощные. Сила тяжести на Цели Путешествия № 1-3 составляет около 1,09 от привычной ему. Но они не могут пользоваться таранно-черпающими полями. Их крупные корабли израсходуют горючее раньше, чем его догонят... Если он стартует вовремя.

Он затормозил, приблизившись к грузовому отсеку, и с помощью размягчителя проник сквозь корпус. Не глядя, он протянул руку к рычагу — он знал, где рычаг должен находиться,— глаза его искали туземца.

Он не нашел рычага. Он плыл по отсеку, и мышцы его слабели и размякали.

Туземец сумел разорвать сеть и теперь слабо копошился среди корней. Живот его выпирал тяжелым раздувающимся пузырем. А глаза были бессмысленными.

Физпок, полный изумления и ярости, размышлял:

— Что же делать, если так все изменилось? Хватит об этом, я начинаю думать как производитель. Если бы я вовремя успел...— Физпок дотянулся до рычага, оттолкнулся и оказался рядом с Бреннаном. Бреннан лежал, обмякнув, глаза его были закрыты, виднелась лишь белая полоска из-под век. Рука его сжимала недоеденный корень. Физпок, поворачивая, обследовал его.

Все в порядке.

Физпок выбрался сквозь обшивку наружу. Неподалеку от меньшего конца яйцевидной секции он вновь проник внутрь и оказался в закутке, достаточно большом, чтобы вместить его.

Теперь ему следует отыскать укромное местечко.

Не могло быть и речи о том, чтобы теперь покинуть звездную систему. Свой корабль придется бросить. Пусть туземцы преследуют груз монополей, хранящийся в опустевшей двигательной секции.

Дело обстояло так, словно ему необходимо было спрятать своих детей, не имея для этого достаточных средств. И все может повернуться еще более скверно. Оборудование грузового отсека было предназначено лишь для вывода на околопланетную орбиту. Но установленный в отсеке двигатель, гравитационный поля-

ризатор, может доставить Физпока куда угодно в пределах системы цели путешествия № 1. При том условии, что он все сделает правильно. И учитывая то, что посадку он сможет осуществить только однажды. Гравитационному поляризатору, используемому в качестве двигателя, присущи все достоинства и недостатки космического планера. Физпок может направляться куда угодно, даже если набранная скорость окажется для него смертельной, но направляться он должен обязательно вниз. Преодолеть силу тяжести и поднять отсек поляризатор не сможет.

В сравнении с приборами управления ядерным двигателем окружающие его сейчас устройства были значительно сложнее. Физпок опробовал их. Из щели на малом конце яйца вырвался язык пламени. Корпус отсека сделался прозрачным. И слегка пористым, лет через сто в нем вполне бы могла образоваться опасная утечка воздуха. Глаза Физпока, так похожие на человеческие, остекленели. Следующее усилие потребовало от него максимальной затраты сил. Он не решился привязать пленника или каким-либо другим образом ограничить его свободу. Поэтому теперь ему приходилось выдерживать точнейшую балансировку между гравитационными полями внутри и снаружи корабля. При таких ускорениях корпус, увлекаемый поляризованным полем, может разрушиться.

На заднем экране дрейфовали остатки его корабля. Физпок слегка шевельнул узловатым пальцем — и они исчезли.

Куда теперь?

Скрываться предстоит неделями, а учитывая уровень технологии туземцев, он не может спрятаться на Цели Путешествия № 1-3.

Но и в открытом космосе укрыться ему тоже не удастся.

Приземлиться он сможет только один раз. Там, где он опустится, ему придется остаться. Если только не удастся соорудить какое-либо устройство для подъема корабля или передачи сигналов.

Физпок принялся обследовать небо в поисках подходящей планеты. Зрение у него было хорошее, планеты казались легко различимыми, большими и тусклыми пятнами. Он мог бы легко спрятаться в кольцах гигантской планеты, окутанной атмосферой, но она осталась уже далеко позади. Другой состоящий из газа гигант, окруженный спутниками, виднелся впереди, но и до него было слишком далеко. Физпоку потребовались бы дни, а гнались за ним, должно быть, уже сейчас. Не имея телескопа, он не сможет их увидеть. А когда увидит, будет слишком поздно.

Вот она. Он успел изучить ее еще тогда, когда мог пользоваться телескопом. Маленькая, со слабой гравитацией и следами атмосферы. Вокруг нее вращались астероиды, а атмосфера все же была слишком плотной, чтобы допустить вакуумную цементацию. Атмосфера. Не безвоздушное пространство. Это хорошо, это означает, что там должны найтись глубокие впадины, заполненные пылью.

Ему следовало бы заранее изучить ее как следует. Может быть, там существует горнодобывающая промышленность. Мо-

жет, имеются какие-либо колонии. Слишком поздно. У него не осталось выбора. Он лишен возможности выбирать, так как у него нет времени. Эта планета не станет его целью. Он понадеялся, что когда придет время покидать ее, туземец сможет подать сигнал своему племени. Хотя подобная идея не очень-то нравилась Физпоку.

Глава 2

Робот представлял собой ровный четырехфутовый цилиндр, спокойно парящий в углу читального зала Клуба Струльдбургов. Выкрашенный в неяркие коричневые тона двух оттенков, он сливался с цветом стен и потому был почти незаметен. Внешне робот казался неподвижным. Но в его поблескивающем основании, повисшем в двух дюймах от пола, в негромко жужжащем, словно вентилятор, в безликом куполе, заменяющем ему голову, бесконечно вращались сканирующие устройства, держащие под наблюдением все углы помещения.

Не сводя глаз с экрана, Лукас Гарнер потянулся за стаканом. Он без труда нашарил его кончиками пальцев, поднял и попытался отпить. Стакан был пуст. Гарнер поднял его еще выше, помахал в воздухе и, по-прежнему не глядя, потребовал:

— Ирландский виски.

Робот уже порхал возле его локтя. Но не сделал и движения, чтобы взять стакан из двухслойного стекла. Вместо этого он издал мягкий звон. Гарнер нахмурился и, наконец, поднял глаза. На груди робота переливались строчки печатного текста:

«Очень сожалею, мистер Гарнер. Вы уже превысили максимальную ежедневную норму потребления алкоголя».

— Отменяется,— бросил Люк. С этим разве поспоришь?— Пошел вон.

Робот удалился в свой угол. Люк вздохнул — в какой-то мере он и сам виноват — и вновь углубился в чтение. На ленте был записан последний выпуск медицинского вестника «Процессы старения человека».

В прошлом году он проголосовал вместе со всеми за то, чтобы автоматический дозиметр клуба был заменен обслуживающими роботами. И не станет теперь жалеть об этом. По законам клуба ни одному Струльдбургу не могло быть меньше ста пятидесяти четырех лет от роду. И каждые два года возрастной ценз увеличивался на год. Так что необходим постоянный и жесточайший медицинский контроль.

Люк сам по себе являлся первоклассным примером всему этому. Он готовился встретить — без особого энтузиазма — свой сто восемьдесят четвертый день рождения. Вот уже двадцать лет ему приходилось перемещаться с помощью инвалидного кресла. Ходить сам Люк уже не мог. И вовсе не потому, что что-либо случилось с его позвоночником. Просто нервы спинного мозга погибли от старости. Ткани центральной нервной системы отмирают и не

восстанавливаются. Дисгармония между тонкими, отвыкшими от работы ногами с одной стороны и массивными руками с широкими запястьями — с другой, делали его немного похожим на обезьяну. Люк об этом знал, и, пожалуй, ему это нравилось.

Он был полностью углублен в скорочтение своей ленты, когда ему вновь помешали. Неясный шепот, еле слышное бормотание голосов заполнили читальный зал. Люк раздраженно обернулся. Некто, явно не Струльдбург, приближался к нему нарочито крупными шагами. Человек был тощим и длинным, словно до этого несколько лет провисел на дыбе. Тело его было смуглым, а кисти рук и лицо с тяжелыми чертами — черны, как беззвездная ночь. Черны, как космическое пространство. Его волосы были зачесаны на манер хохолка какаду. Снежно белые, они полоской дюймовой ширины спускались по затылку от макушки к шее. В клуб Струльдбургов вторгся обитатель Зоны. Ничего удивительного, что вокруг шепчутся!

Незнакомец остановился возле кресла Люка.

— Лукас Гарнер?

Голос и манеры зонника были степенными и церемонными.

— Верно,— отозвался Люк.

Мужчина понизил голос:

— Я Николас Соул. Первый Председатель Политической Секции Зоны. Найдется ли здесь какое-нибудь местечко, где мы могли бы побеседовать?

— Пойдемте,— сказал Люк. Он коснулся рычажка, кресло приподнялось и на воздушной подушке заскользило к выходу.

Они расположились в нише главного зала.

— Ваше появление здесь вызвало немалый переполох,— сказал Люк.

— Вот как? Почему же?— Первый Председатель развалился в массирующем кресле, и крошечные механизмы начали работать над его телом, словно пытались придать ему новую форму. Говорил он быстро, в его голосе слышался всем знакомый акцент обитателя Зоны.

Люк не понял, была ли это шутка.

— По одной простой причине. Давным-давно почти никто из вас нигде не появляется.

— Вот и швейцар того же мнения. Видели бы вы, как он на меня вытаращился.

— Представляю.

— Вы знаете, что привело меня на Землю?

— Да. В системе появился чужак.

— Я служил в Вооруженных Силах и в Объединенной Национальной Полиции. И демобилизовался два года назад. У меня еще сохранились контакты.

— Так вот на что намекал мне Светляк Шеффер.— Ник открыл глаза.— Простите, если я кажусь вам невежливым. Я могу переносить вашу дурацкую гравитацию, лежа в противоперегрузочном кресле. Но стоять или ходить мне бы не хотелось.

— В таком случае расслабьтесь.

— Благодарю. Гарнер, похоже никто в ООН не понимает, насколько это серьезно. В системе находится чужак. Он уже совершил вражеский акт: похитил жителя Зоны. Он покинул свой корабль, и мы оба только можем догадываться, что это означает.

— Он намерен остаться. Вы это хотите мне сказать, не так ли?

— Совершенно верно. Вы уже знаете, что корабль Постороннего состоит из трех отдельных секций?

— Мне кажется, это многовато.

— Хвостовая секция — это капсула, предназначенная для входа в плотные слои атмосферы. Через два с половиной часа после того как Посторонний и Бреннан вступили в контакт, хвостовая секция исчезла.

— Телепортация?

— Нет, благодарение Файнеглу. У нас есть фотография, на которой видна расплывчатая полоса. Ускорение было огромным.

— Понимаю. Почему вы обратились к нам?

— Как? Гарнер, это дело касается всего человечества!

— Мне не нравится эта игра, Ник. Посторонний стал делом всего человечества в ту же секунду, как только вы обнаружили его. Но вы не обращались к нам до тех пор, пока он не исчез. С чего бы так? Или вы полагаете, что чужак станет лучше думать о человечестве, если первыми с ним повстречаются зонники?

— Мне нечего вам ответить.

— Тогда зачем же вы обратились к нам? Если Постороннего не могут обнаружить телескопы Зоны, то и никто не сможет.

Ник быстро повернулся в кресле и уселся, прямо изучая старика. Лицо Гарнера было ликом времени, маской, за которой таилось древнее зло. Лишь глаза и зубы казались молодыми. Зубы были белыми и острыми. На этом лице они воспринимались как нечто неуместное.

Но говорил старик словно зонник — напрямую. Он не тратил лишних слов и не заботился о соблюдении приличий.

— Светляк сказал, что вы — способный человек. Мы обязаны разыскать его. Вот и вся проблема, Гарнер.

— А я проблемы все еще не вижу.

— Под конец своего полета Посторонний прошел через ловушку для контрабандистов. Мы ведем наблюдение за пташками, что взяли моду проходить через районы активного движения с выключенным двигателем. Чужака засек термоиндикатор. Камера следила за ним достаточно долго, чтобы определить скорость, ускорение и прочие параметры. Ускорение было огромным — в десятки «же». И почти наверняка цель его — Марс.

— Марс?

— Марс. Или — орбита Марса. Или его спутники. Если бы он остался на орбите, мы бы его уже отыскали. То же самое со спутниками: на обоих имеются стационарные обсерватории. Учитывая, что они принадлежат ООН...

Люк расхохотался. Ник, выражая страдание всем своим видом, прикрыл глаза.

Марс считался никому не нужным хламом. В Системе и на самом деле существовало мало пригодных для использования планет. Земля, Меркурий и атмосфера Юпитера исчерпывала список. Более важными считались астероиды. А Марс демонстрировал полную свою бесполезность. Почти лишенная воздуха пустыня, усеянная кратерами и морями, заполненными тончайшей пылью. Атмосфера, слишком разреженная, чтобы ее можно было считать ядовитой. Где-то в Лазис Солис сохранилась покинутая база, память о третьей и последней попытке колонизировать ржавую планету. Никто не пожелал жить на Марсе.

После того, как была подписана Хартия Независимости Зоны, после того, как были испробованы эмбарго и пропаганда, утверждающая, что Земля больше нуждается в Зоне, чем Зона в Земле, в ООН остались Луна, Титан, кольца Сатурна, права на шахтные и исследовательские станции на Меркурии, Марс и его спутники.

Марс никому не был нужен. До сих пор Марс просто не принимался в расчет.

— Вы понимаете, в чем проблема,— сказал Ник. Он вновь включил массирующее устройство. Из-за непривычного притяжения Земли мелкие мышцы его тела громко заявили о своем существовании, а такое в жизни Ника случалось впервые. Массаж помогал.

Люк кивнул.

— Учитывая, что Зона постоянно требует, чтобы мы не смели касаться ее имущества, вы не можете порицать ООН за то, что мы несколько раздражены. У нас наберется пара сотен поводов для недовольства.

— Вы преувеличиваете. От момента подписания Хартии Независимости Зоны мы зарегистрировали около шестидесяти нарушений. Большая их часть незначительна, и мы сполна рассчитались за них с ООН.

— И что, по вашему мнению, должна делать ООН из того, чем она не занималась раньше?

— Мы хотим получить доступ к записям, которые делала Земля при изучении Марса. Черт побери, Гарнер, может быть, камеры на Фобосе уже зарегистрировали место посадки Постороннего, мы хотим получить разрешение на исследование Марса с низкой орбиты. И разрешение на посадку.

— А чем вы располагаете в настоящее время?

Ник фыркнул:

— Они дают согласие на два варианта. Мы вольны исследовать все, что мы пожелаем — из космоса. А чтобы получить доступ к их дурацким записям, мы, по их мнению, должны заплатить всего-навсего миллион кредиток!

— Заплатите.

— Сущий грабеж.

— И это говорит зонник? Почему вы не проводили наблюдений за Марсом?

— Мы им никогда не интересовались. Чего ради?

— Потому что это — отвлеченные знания.

— Иными словами — бесполезные.

— Тогда почему же отвлеченные знания вдруг стали оцениваться в миллион кредиток?

Ник медленно выдавил усмешку:

— Все равно это грабеж. Откуда, во имя Файнегла, Земля могла знать, что информация о Марсе понадобится?

— В этом и заключается секрет отвлеченного знания. Человек приобретает привычку исследовать все, что он может исследовать. И по большей части эти сведения рано или поздно становятся полезными. На исследования Марса мы затратили миллиарды.

— Я добьюсь разрешения перевести миллион кредиток Универсальной Библиотеке ООН. Получим ли мы право на посадку?

— У меня... У меня есть одна идейка насчет этого.

Идея нелепейшая. Ник ни за что бы не стал ее высказывать... если бы кто-нибудь мог их услышать. Клуб Струльдбургов был местом роскошным и тихим, звукоизолированным, увешенным драпировками. Его собственный дребезжащий смешок замер, едва сорвавшись с губ. Здесь редко кто-нибудь кричал или смеялся. Клуб был местом, где можно было спокойно отдохнуть на закате жизни... Только была ли эта жизнь спокойной?

— Вы можете пилотировать двухместный корабль? Модели «Звездный огонь».

— Разумеется. Приборная панель та же самая. Корабли Зоны снабжены двигателями, изготовленными на английском заводе «Роллс-Ройс».

— Вы наняты в качестве моего пилота. Плата — доллар в год. Я смогу получить полностью подготовленный корабль в течение ближайших шести часов.

— Вы с ума сошли.

— Только не я. Поймите, Ник. Каждый так называемый представитель в ООН знает, насколько важно найти Постороннего. Но они застряли на мертвой точке. Не потому, что они в обиде на Зону. В этом только часть истины. Дело в инерции. ООН — мировое правительство. Механизм, управляющий жизнью восемнадцати миллиардов человек. Крайне громоздкий по самой своей природе. И что еще хуже — ООН создана отдельными нациями. Идея нации сейчас необоснованно популярна. Когда-нибудь, правда, не очень скоро, даже сами названия этих наций будут забыты. И я не уверен, что это хорошо... Но пока что о национальном престиже не забывают. Вам придется потратить недели, чтобы хоть в чем-то убедить их. Но как бы там ни было, не существует закона, запрещающего гражданину ООН направляться в любую точку пространства, куда он пожелает, а также нанимать на работу любого, кого он пожелает. Некоторые из них, обслуживающие лунные трассы, — зонники.

Ник потряс головой, как если бы это могло хоть что-нибудь прояснить.

— Гарнер, я вас не понимаю. Не надеетесь же вы, что мы сможем отыскать Постороннего с помощью двухместного судна? Я кое-что знаю о марсианской пыли. Он укрылся в одном из пылевых морей и разбирает там Джека Бреннана на части. И нет способа заполучить его, кроме как исследовать пустыню дюйм за дюймом с помощью глубинного радара.

— Верно. Но когда политиканы поймут, что мы взялись за исследование Марса, как вы думаете, что они сделают? А наем вас в качестве пилота — вопрос чисто технический, очевидный для всех и каждого. Или вы решили, что мы уже обнаружили Постороннего? Зоне следовало бы проявить больше доверия.

Ник прикрыл глаза и попытался подумать. Ему еще не приходилось сталкиваться с такой изощренной логикой. Но, похоже, Гарнер прав. Если они только заподозрят, что он собирается на Марс, в компании с плоскостником или без оного... Ник Соул, Первый Председатель Зоны, имеет полномочия заключать договоры. А это скверно. Да, они тогда отправят целый Флот, чтобы начать поиски первыми.

— Значит, необходим плоскостник, который нанял бы меня в качестве пилота. Но почему вы?

— Я могу получить корабль немедленно. У меня есть связи.

— О'кей. Раздобывайте судно, потом подыщите надежного плоскостника-исследователя. Продайте судно ему. Он нанимает меня пилотом. Правильно?

— Правильно. Но я не стану этого делать.

— Почему? — Ник посмотрел на собеседника.— Ведь не собираетесь же вы и в самом деле сопровождать меня?

Лик кивнул.

Ник рассмеялся:

— Сколько вам лет?

— Слишком много, чтобы тратить оставшиеся годы, посиживая в клубе Струльдбургов в ожидании смерти. Соглашайтесь, Ник. Давайте-ка вашу руку.

— М-м? Несомненно... Но... Юпитер! Все равно, черт побери, руки у вас очень крепкие. Все вы, плоскостники, излишне сильны.

— Эге, я и не собирался нажимать на кнопки. Извините. Просто мне хотелось продемонстрировать, что я не из слабаков.

— Договорились. Только без рупокожатий.

— К тому же, нам не придется ходить пешком. Нам предстоит летать или ездить, куда бы мы ни направились.

— Вы сумасшедший. Полагаете, что ваша жизнь на мне закончится?

— Скорее всего, вы меня намного переживете. Предсказываю.

— Сумасшедший. Впрочем, как и все вы здесь. Все потому, что вы живете в условиях повышенной гравитации. Она оттягивает кровь от вашего мозга.

— Я покажу вам, где телефон. Заплатите свой миллион кредиток, пока ООН не сообразили, куда мы собрались.

Физпок дремал.

Грузовой отсек он спрятал под слоем текучей пыли в районе Лазис Солис. Они будут здесь в безопасности до тех пор, пока не выйдет из строя система жизнеобеспечения. А это случится очень и очень не скоро.

Физпок остался в отсеке, где он мог наблюдать за пленником. После посадки он разобрал приборы и механизмы, чтобы произвести необходимый ремонт и регулировку. И сейчас он был занят только тем, что наблюдал за пленником.

Особого надзора за туземцем не требовалось. Он развивался почти нормально. Станет уродом, но, по-видимому, не калекой.

Физпок отдыхал, лежа на груде корней.

Через несколько недель он добьется давным-давно поставленной цели. Или потерпит поражение. В любом случае, он прекратит есть. И останется в живых ровно на то время, которое необходимо на подготовку туземца. Он скоро умрет. Он уже был близок к смерти, три тысячи лет назад, по корабельному времени. Там, в ядре галактики...

Он видел летучий огонь над долиной Пичок и знал, что обречен на гибель.

Физпок пробыл защитником двадцать шесть лет. Его дети, те, кто выжил в погубленной радиацией долине, были от двадцати шести до тридцати пяти лет возрастом. Его прямые потомки были от двадцати четырех лет и старше. Теперь вся его жизнь зависела от тех, кто пережил взрыв бомбы. Он немедленно вернулся в долину и начал поиски.

Производителей в долине уцелело совсем мало, но те, кто выжил, нуждались в защите. Физпок и оставшиеся семьи Пичока заключили между собой мир. Они договорились, что они сами и их стерильные производители останутся жить в долине до самой смерти, а затем долина отойдет к Союзу Восточного Моря. Существовали методы частичной нейтрализации последствий радиоактивного поражения. Семьи долины Пичок прибегли к этим методам. Один защитник остался опекать уцелевших, остальные покинули долину.

Некоторые производители выжили. Все они были обследованы. И все оказались стопроцентно стерильными. Термин «стопроцентно» был использован для того, чтобы подчеркнуть, что если у них и появятся дети, дети эти окажутся мутантами. Пахли они скверно. И, не будь опекающего их защитника, все они были бы обречены на скорую гибель.

Из всех выживших потомков Физпока наиболее дорогой для него была самая юная — Ттусс, двухлетняя девочка.

Его время подходило к концу. В тридцать два года Ттусс достигла возраста изменений. Она поумнела, тело ее начало покры-

ваться тяжелой броней. Кожу ее не брал медный нож, и она могла поднять в десять раз больше собственного веса. Она была идеально приспособлена для битвы, но сражаться ей было не за что.

Она перестала есть. И если бы она умерла, то Физпок тоже перестал бы есть. Гибель Ттусс означала его собственную гибель.

Но иногда защитник может воспринимать всю расу Пак в качестве своего потомства. По крайней мере, он может воспользоваться любым удобным случаем, чтобы отыскать цель в своей жизни. Для защитника, не имеющего детей, всегда царит мир, у него нет причин воевать. И есть место, куда он может направиться.

Библиотека была так же стара, как и окружающая ее радиоактивная пустыня. Пустыня эта никогда не подвергалась рекультивации. Ни один защитник не жаждал захватить ее, так как все эти тысячелетия на ней осаждался радиоактивный кобальт. Защитники могли пересекать эту пустыню. У них не было половых генов, на которые разрушительно действовали ядерные частицы. Для производителей же пустыня была недоступна.

С каких пор существовала Библиотека? Физпок никогда не знал этого и никогда не хотел знать. Но возраст отдела, в котором хранились книги о космических путешествиях, насчитывал три миллиона лет.

Они вместе пришли в Библиотеку. Не друзья — просто товарищи по несчастью. Все они принадлежали к семьям, прежде жившим в долине Пичок; и все они лишились детей. Библиотека была огромной, в ней хранилась информация, собираемая Пак в течение, по крайней мере, трех миллионов лет. Информация по каждому предмету распределялась по соответствующим отделам. Конечно, одна и та же книга могла быть выставлена сразу в нескольких отделах. Попутчики разошлись у входа, и Физпок не встречал никого из них на протяжении тридцати двух лет.

Он провел это время в огромном зале, перегороженном лабиринтом тянущихся до потолка книжных полок. По углам в беспорядке громоздились ящики с корнем дерева жизни, постоянно пополняемые прислужниками. Имелись там и другие продукты. Ассортимент их был, по-видимому, таким, какой был необходим бездетному защитнику, предпочитавшему смерти — Библиотеку.

Лучшая пища для защитника — корень жизни, хотя Физпок мог есть почти все.

И были книги.

Они были чуть ли не вечными, эти книги. Они появлялись словно метеоры, выброшенные взрывом водородной бомбы. Все они были написаны на ныне существующих языках. Библиотеки постоянно переписывали их по мере того, как менялись языки. В этом зале были книги, посвященные космосу и космическим путешествиям.

Там были труды, рассматривающие философские проблемы космических путешествий. Во всех трудах доказывалось одно фундаментальное положение: когда-нибудь расе Пак придется

искать для себя новый дом. Следовательно, любой вклад в технологию космических перелетов является вкладом в дело бессмертия расы. Физпок мог и не принимать в расчет эти договоры. Он знал, что защитник, придерживающийся другого мнения, никогда не стал бы писать книгу. В Библиотеке хранились десятки тысяч записей о межпланетных и межзвездных перелетах. Первым в ряду стояло описание фантастического путешествия, совершенного группой Пак почти три миллиона лет назад. В выдолбленном изнутри астероиде они отправились в рукава Галактики, чтобы обследовать желтые карликовые звезды. Были там и технические тексты, касающиеся всего, что может пригодиться в космосе. Конструкция звездолетов, астронавигация, экология, миниатюризация, ядерная и субъядерная физика, пластмассы, гравитация и способы ее использования, астрономия, астрофизика, записи о горнодобывающей промышленности как в этом мире, так и в близлежащих системах, чертежи гипотетического двигателя Баззарда (защитник, который занимался этой проблемой, потерял к ней интерес на половине дороги), чертежи ионных двигателей, теория плазмы, паруса фотонных кораблей и так далее.

Начав с полок, расположенных слева, он взялся за дело.

Раздел космических путешествий Физпок выбрал в общем-то случайно. Просто здесь было меньше книг, чем на других полках. Физпоку не понравились романы о космосе, но он читал их, не приступая ни к чему другому. Ему была дорога каждая минута из этих подаренных ему судьбой тридцати четырех лет, и не имело значения, где именно он подберет себе дело. Через двадцать восемь лет он прочитал все книги из раздела астронавтики. И не обнаружил ничего, чем бы он мог заняться.

Осуществить план переселения? Но этот план пока еще не сделался необходимостью. Солнце Пак будет еще светить, по меньшей мере, сотни миллионов лет. Вероятно, дольше, чем просуществует сама раса Пак, учитывая перманентное состояние войны. И очень высока была вероятность неудачи. Желтые звезды редко встречались в ядре галактики. Путешествие к ним оказалось бы долгим... для команды из защитников, беспрестанно сражающихся между собой за контроль за судном. И, кроме того, ядра галактики иногда взрываются в цепной реакции образования сверхновых. В проектах переселения отдавалось предпочтение уходу в рукава галактики.

Первая экспедиция, попытавшаяся это сделать, закончилась полным крахом.

Что же делать? Присоединиться к обслуживающему персоналу Библиотеки? Он не однажды задумывался над этим и всегда приходил к одному и тому же ответу. Не имеет значения, что именно интересно для него в Библиотеке, его жизнь зависит от совсем иного. Чтобы сохранить волю к жизни, он должен знать, что его работа принесет пользу всем Пак. Поддайся он магии новых открытий, сделай их своим символом веры, и он обнаружит, что утратил чувство голода.

Потеря желания есть пугала. В последние десятилетия с ним это уже происходило несколько раз, и тогда он заставлял себя перечитывать сообщения из долины Пичок. И из каждого сообщения следовало, что, когда оно отправлялось, Ттусс еще была жива. Постепенно к Физпоку возвращался аппетит. Без Ттусс ему пришлось бы погибнуть.

Он разузнал о служителях Библиотеки. Их жизнь была необычайно короткой. Присоединение к ним ничего не давало.

Вот если бы он разыскал способ сохранить жизнь Ттусс? Если бы он смог добиться этого, то использовал бы тот же метод и для себя.

Взяться за изучение теоретической астрономии? У него были кое-какие идеи, но они ничем не могли бы помочь расе Пак. Пак не нуждались в отвлеченном знании. Горные разработки на астероидах? Астероиды и в этой, и в соседних звездных системах были полностью выработаны. Они были изрыты шахтами, как и поверхности планет. Разница состояла лишь в том, что на планетах следы разработок обычно сглаживались под воздействием ветра, рек и прочих природных факторов. Ему пришлось бы осваивать груды щебня. А менять область изучения было уже поздно. Взяться за создание шаровых орбитальных городов, чтобы обеспечить производителей новым жизненным пространством? Бессмысленно. Врагу слишком легко захватить эти города. Слишком легко эти города могут оказаться случайно разрушенными.

Физпок снова почувствовал потерю аппетита. Письма долины Пичок не помогли, он больше не верил им. Он подумывал о возвращении в долину, но понял, что еще в дороге умрет от истощения. Когда исход сделался совершенно ясен, Физпок сел у стены и начал ждать. Последний из группы защитников, переставших есть и теперь ожидающих смерти.

Прошла неделя. Служители Библиотеки обнаружили тела двух умерших защитников. Они подняли скелеты, обтянутые сухой сморщившейся броней, и вынесли их.

Тогда Физпок вспомнил о книге.

У него еще хватило сил дотянуться до нее.

Он читал очень внимательно, держа книгу в одной руке и корень — в другой. Он съел этот корень...

Корабль представлял собой неровный, напоминающий цилиндр астероид, почти полностью состоявший из железоникелевого сплава, с каменным ядром. Корабль был примерно шести миль в длину и четырех в ширину. Группа бездетных защитников обтесала его, оборудовала солнечными зеркалами и системами контроля. Они встроили в астероид небольшой отсек жизнеобеспечения и несколько большую по размерам анабиозную камеру. Они позаботились о генераторе и аппаратуре для воспроизводства ядерного топлива, дирижабля с ионным двигателем, объемистой цистерне с цезием. Чтобы получить контроль над тысячей производителей, были истреблены все защитники ряда крупных семейств. Два защитника взяли на себя роль пило-

тов, остальные — более семидесяти — лежали в анабиозной камере. С тысячью производителей, заботливо отобранных из лучших семей мира, они отправились на окраину галактики.

Хотя три миллиона лет назад наука была куда менее развита, чем во времена Физпока, у путешественников были веские доводы направиться во внешние рукава галактики. Там было больше шансов обнаружить желтые звезды. И больше шансов обнаружить двойную планету на приемлемом расстоянии. Из-за звездных пертурбаций двойные планеты встречались в ядре галактики крайне редко (расстояние между звездами составляло в среднем лишь половину светового года). Приходилось предполагать, что только луна большого размера может обладать атмосферой, необходимой для жизни расы Пак.

Ионный двигатель и некоторое количество цезия... Предполагалось, что путешественники разовьют небольшую скорость. Так и вышло. Относительно солнца Пак они двигались со скоростью тысячи миль в секунду. И слали в его сторону лазерные лучи сообщения, чтобы в Библиотеке знали, как ведет себя в полете ионный двигатель. Где-то на полках Библиотеки хранились записи о том, что в его конструкции следовало заменить.

Все это было Физпоку неинтересно. Он перешел к последнему разделу, касающемуся событий, происшедших через полмиллиона лет.

Это была запись лазерного сообщения. Из-за пылевых облаков и громадного расстояния сообщение с трудом было принято в системе Пак. Запись была искаженной, фрагментарной, на языке, на котором уже никто не говорил. Служители Библиотеки перевели ее и поместили перевод в последнем разделе. С тех пор ее, должно быть, переводили не одну сотню раз. И, должно быть, сотни исследователей, как и Физпок, читали ее и, поняв, что часть записи утеряна, переходили к изучению других книг...

Но Физпок проштудировал ее очень внимательно.

Путешественники далеко углубились в рукава галактики. К концу полета половина защитников умерла. Не насильственной смертью и не от голода, просто от старости. Это было настолько необычно, что в сообщение было включено подробное медицинское описание. Они пролетали мимо желтых солнц, не имеющих планет, мимо звезд, окруженных газовыми гигантами. Им встречались и желтые солнца с планетами, которые, возможно, были заселены; но все они располагались слишком далеко от курса, чтобы их можно было достичь с сохранившимися запасами цезиевого топлива. Из-за космической пыли и гравитационных воздействий старинный корабль путешественников замедлял ход. Приходилось увеличивать расход топлива. По мере того как звезд становилось все меньше, небеса вокруг странников темнели все больше.

Они обнаружили планету.

Путешественники затормозили корабль. Оставшийся плутоний переместили в двигатели десантного судна и пошли на посад-

ку. Окончательного решения принято не было, но если планета не оправдала бы их ожиданий, им пришлось трудиться не один десяток лет, чтобы вновь приспособить свою скалу к звездному перелету.

На планете оказалась жизнь. В определенной степени враждебная, но не такая, чтобы с ней нельзя было справиться. Отыскалась плодородная почва. Оставшиеся в живых защитники разбудили производителей, отвели их в леса, где и оставили, чтобы те плодились и размножались. Они развели сельскохозяйственные культуры, вырыли шахты, наладили выпуск машин для горных разработок и сельского хозяйства. Пугало черное, почти беззвездное небо, но переселенцы сумели приспособиться. Непривычными были и постоянные дожди, но они не вредили производителям, так что все было в порядке. Места на планете хватало для всех, поэтому защитникам не пришлось даже сражаться между собой. Ни один из них не перестал есть. Нужно было бороться с хищниками и вредными микроорганизмами, нужно было создавать цивилизацию, сделать предстояло многое.

К весне и лету поспел урожай. И разразилась беда. С деревом жизни что-то произошло.

Колонисты не могли понять, что же случилось с урожаем. Произошло нечто непредвиденное. И на вкус, и внешне оно походило на дерево жизни, но пахло не так. Как на защитников, так и на производителей оно действовало одинаково — с тем же успехом они могли бы питаться сорняками.

Вернуться в космос они не могли. Небольшой сохранившийся запас корней был необходим, чтобы защитники сохранили способность работать. Они могли бы вновь заполнить емкости цезием. Могли бы даже за оставшееся у них время наладить производство плутония и могли бы отправиться на поиски другого мира, похожего на их собственный, но добраться до него — нет. К тому же, даже если бы они и смогли достичь его, то где гарантия, что дерево жизни там возродится?

Последние свои годы они затратили на монтаж лазерной установки, достаточно мощной, чтобы ее луч мог пройти сквозь пылевые облака, отделяющие их от ядра галактики. Они не знали, удалось ли им добиться успеха. И не знали, что же приключилось с урожаем. Они подозревали, что всему виной некоторые отличия в части солнечного спектра или же весь спектр в целом, но проведенные эксперименты ничего не дали. Они передали подробнейшую информацию о своих пассажирах-производителях и выразили надежду, что некоторым из них удастся выжить. И еще они просили о помощи.

Два с половиной миллиона лет тому назад.

Физпок сидел возле ящика с корнями, ел и читал. Он бы улыбнулся, если бы его лицо было способно на это. Он уже видел, что для его миссии потребуются усилия всех бездетных защитников, какие только отыщутся в мире.

Вот уже два с половиной миллиона лет эти производители жи-

вут без дерева жизни. Не имея никакой возможности дорасти до стадии защитника. Глупые животные.

И лишь Физпок знал, как разыскать их.

Предположим, вы летите из Нью-Йорка, США, в Питсбург, Северная Америка. И вдруг обнаруживаете, что Нью-Йорк смещается в одном направлении, Питсбург — в другом, а ураганный ветер сносит ваш самолет в третьем...

Кошмар? Конечно же. Но путешествия по Солнечной Системе отличаются от поездок по планете. Каждая отдельная скала движется в своем собственном направлении, словно хлопья масла в маслобойке.

Марс движется по почти круговой орбите. Астероиды пролетают вблизи него по орбитам более эллиптическим, либо догоняя красную планету, либо отставая от нее. На некоторых из них имеются телескопы. Операторам было приказано докладывать на Цереру, если они заметят какую-либо целенаправленную деятельность на поверхности Марса.

Сброшенный двигатель Баззарда двигался к Солнцу, описывая изогнутую гиперболу, проходящую сквозь плоскость Солнечной системы.

«Голубой Бык» шел с ускорением по кривой, которая должна была вывести его прямо к Постороннему.

На вспомогательном ракетном двигателе поднялся с Земли, из порта Долины Смерти, «У-Сант». Весьма картинно он прошел над Тихим океаном. Поднялся на сто пятьдесят миль вверх и вышел на орбиту, как это предписывалось правилами. После чего Ник включил ядерный двигатель и направил корабль в пространство. Отброшенному вспомогательному двигателю он предоставил возможность искать дорогу домой самостоятельно.

Земля окуталась дымкой и исчезла. При ускорении в один «же» весь путь до Марса должен был занять четыре дня. С Цереры им сообщили, каких астероидов им следует опасаться по дороге.

Ник переключил управление кораблем на автопилот. «У-Сант» оказался не настолько плох, как он ожидал. Корабль предназначался для несения военной службы, обтекаемая корма явно компрометировала его. Но оборудование вроде бы отвечало своему назначению, а контрольные приборы были даже элегантны. Кухня же была просто превосходной.

— Закурим? — спросил Люк.

— Почему бы и нет? Вам можно не беспокоиться о смерти в молодые годы.

— ООН все еще не получила своих денег?

— Все в порядке. Деньги должны были быть переведены еще несколько часов назад.

— Прекрасно. Вызывайте ООН, назовите себя и сделайте запрос обо всем, что происходит на Марсе. Попросите, чтобы они показали вам все это на экране. Оплатите стоимость лазерной

передачи. Таким образом, вы одним выстрелом убьете двух зайцев.

— Да?

— Это им скажет, куда мы направляемся.

— Верно... Люк, вы в самом деле считаете, что это их расшевелит? Я знаю, насколько неповоротливой может быть ООН. Был же инцидент с Мюллером.

— Посмотрите на это с другой точки зрения, Ник. Как вы сделались руководителем Зоны?

— Тесты показали, что у меня высокий коэффициент умственного развития и что я во всем подобен всем остальным людям. С этого и началась моя карьера.

— Мы прибегаем к голосованию.

— Соревнуетесь в популярности?

— Это срабатывает. Хотя имеются и недостатки. Но у какого правительства нет недостатков? — Гарнер пожал плечами. — Каждый представитель в ООН олицетворяет собой одну нацию. Одну часть нашего мира. Он полагает, что это лучшая часть, населенная людьми. В противном случае, он не был бы избран. Таким образом, представителей может набраться два десятка, и каждый будет считать, что только он знает, как следует поступить с Посторонним. Ни один из них ни в чем не уступит всем остальным. Престиж. При известных обстоятельствах они должны прийти к компромиссу. Но если они поймут, что штатский вместе с зонником может обскакать их в деле с Посторонним, они быстрее прекратят грызться. Понимаете?

— Нет.

— Ох, да займитесь же вы этим вызовом.

Через некоторое время передающий луч нащупал их. Они принялись за просмотр информации, накопленной Землей о Марсе.

Сведений было множество. Они охватывали столетия. Наконец Ник заявил:

— С удовольствием ушел бы в отпуск летом. Чего ради мы должны все это просматривать? Согласно вашим словам, мы просто организуем блеф.

— Согласно моим словам, мы организуем поиск. До тех пор, пока вы не придумаете что-нибудь получше. Блефовать надежней всего с четырьмя тузами на руках.

Ник отключил экран. Теперь лекция записывалась на ленту. Им ничего не мешало.

— Давайте-ка поразмыслим вместе. За эти материалы я отдал миллион кредиток из капиталов Зоны. Плюс — добавочная оплата за передающий луч. Бережливый Соул — вот я кто такой, и поэтому чувствую себя обязанным найти применение этим материалам. Но весь предыдущий час мы потратили на изучение случая с Мюллером, а все это взято из архива Зоны.

Одиннадцать лет назад шахтер зоны по имени Мюллер попытался использовать притяжение Марса, чтобы резко изменить курс. Он подошел слишком близко к поверхности планеты и был

вынужден пойти на посадку. Никаких проблем это не представляло. Легавые-золотомундирники взяли бы его на борт, как только получили распоряжение от ООН. Но там не торопились... И Мюллер был убит марсианами.

Вплоть до той поры марсиане считались мифом. Мюллер, должно быть, был изрядно удивлен. Но, задыхаясь в близкой к вакууму атмосфере, он ухитрился перебить с полдюжины марсиан, использовав цистерну с водой, чтобы сеять смерть во всех направлениях.

— Вовсе не оттуда. Мы изучили трупы марсиан, которые там обнаружили,— сказал Гарнер.— Та информация может нам пригодиться. К тому же, мне хотелось бы понять, почему Посторонний выбрал именно Марс. Возможно, он что-то знает о марсианах. Возможно, намеревается вступить с ними в контакт.

— Много ему от этого пользы.

— Они пользуются копьями. Для меня это служит доказательством их интеллекта. Мы не знаем, насколько их интеллект высок, потому что никто никогда не пытался вступить в переговоры с марсианами. Может быть, у них даже есть что-то вроде цивилизации. Там, внизу, под слоями пыли.

— Цивилизованный народец, а?— в голосе Ника прорезалась жестокость.— Они разрезали палатку Мюллера, они выпустили воздух!

В Зоне не было преступления хуже.

— Я же не говорил, что они дружелюбно настроены.

«Голубой Бык» плыл в пространстве. Чужой корабль было видно невооруженным глазом, он приближался. Сзади. Это нервировало Тину до такой степени, что она не могла смотреть на чужака. То же самое можно было сделать и другим способом. Сейчас они приближались с той стороны, на которой у корабля Постороннего не было окон. Три зонника освобождали катер Эйнара Нильсона из его огромного металлического укрытия.

— Я отпустила здесь зажимы,— сказала Тина. Она была вся покрыта испариной. Она почувствовала ветерок на своем лице, когда заработала система воздухообдува, предохраняющая щиток шлема от запотевания.

— Хорошо, Тина,— произнес Нат у нее за спиной.

— Четыре человека команды в кабине одноместного корабля...— буркнул Эйнар.— Проклятье! Встречать Постороннего придется двоим.

— Об этом, скорее всего, беспокоиться не следует. Постороннего в нем нет. Это мертвый корабль.— И все же в голосе Ника звучало беспокойство.

— А сколько народу из экипажа осталось на борту? Не могу поверить, что Посторонний отправился в межзвездное путешествие в одиночку. На одноместном корабле. Слишком уж это поэтично. И неразумно. Тина, через пять секунд толкай под трубой двигателя.

Тина уперлась плечами и включила двигатель ранца. Впереди, под кабиной, взметнулись факелы ее товарищей. Старое одноместное судно медленно проплыло в огромные створки.

— Порядок. Нат, быстро на борт. Постарайся, чтобы между тобой и Посторонним все время был «Бык». Будем надеяться, что у него нет глубинного радара.

Они не могли видеть, как Тина недоуменно нахмурилась.

Женщины Зоны достигают, в среднем, шести футов роста. Но женщины Зоны тонки, гибки, худощавы. Тина Джордан была шести футов ростом и имела соответствующее телосложение. Соответствующее — по меркам плоскостников. Она была в хорошей форме и гордилась этим. Ее раздражало, что зонники все еще продолжают считать ее плоскостницей.

Она покинула Землю, когда ей исполнился двадцать один год. И уже четырнадцать лет прожила в Зоне. На Церере, Юноне, Меркурии, на станции Гера, вращающейся над Юпитером, в троянских точках. Зону и всю Солнечную Систему она считала своим домом, и ее нисколько не беспокоило, что ей не приходилось летать на одноместных кораблях. Многие из зонников тоже не летали. Шахтеры со своими одноместными судами представляли лишь одну сторону индустрии Зоны. Кроме них были и химики, и ядерщики, астрофизики, политики, астрономы, чиновники, торговцы... И программисты ЭВМ.

Она когда-то слышала, что в Зоне нет предубежденного отношения к женщинам. И это оказалось правдой. На Земле женщины все еще занимались хуже оплачиваемой работой. Работодатели утверждали, что для ряда работ требуется физическое напряжение. Или, что в самый критический момент женщины увольняются, чтобы выйти замуж. Или даже, что если женщина работает, то страдает семья. Положение дел в Зоне обстояло иначе. И Тина была скорее удивлена, чем обрадована. Она боялась разочарования. А сейчас она, женщина и программист компьютера, является наиболее важным членом экипажа «Бык». Страх и восхищение. Страх за Ната, который еще слишком молод, чтобы идти на такой риск. Ведь уже один зонник повстречался с Посторонним, и с тех пор о нем никто ничего не знает. А кроме того, что Нату делать на борту судна?

Она помогла Эйнару выбраться из его скафандра. Он представлял собой настоящую гору мяса и, живя на Земле, не смог бы даже встать самостоятельно. Затем он помог ей.

— Думаю, каково будет Нату одному на борту Постороннего,— сказала она.

Эйнар, казалось, удивился:

— Что? Нату. Вам.

— Но...— Она пыталась подобрать нужные слова и, к своему ужасу, нашла их. («Но я девушка».) Но вслух она не сказала ничего.

— Подумайте сами хорошенько,— подчеркнуто терпеливо

произнес Эйнар.— Может быть, корабль не пуст. Возможно, там вас подкарауливает опасность.

— Не исключено,— ответила она так же подчеркнуто.

— Кто бы ни находился там, на борту, защита обеспечена. Часть этой защиты — «Бык». Я оставляю двигатель теплым. Двигатель испарит ублюдка, если тот попытается что-либо предпринять. А на таком расстоянии переговорный лазер наделает в нем дыр. Правда, не исключено, что и «Бык» тоже окажется уничтоженным.

— Значит, катер готов к подвигам.— Тина жестом дала понять, что больше не задерживает Эйнара.— Я обдумаю все это. Мне кажется...

— Нет, не глупите. Вам никогда в жизни не приходилось летать на одноместном корабле. Выбор у меня не велик. Я поначалу хотел оставить Ната на «Быке», но, черт побери, это же мой корабль. А Нат хорошо разбирается в катерах. И оба эти занятия не для вас.

— Я этого и не предполагала.— Внешне она держалась спокойно. Но холодный ком страха ворочался у нее в желудке.

— Во всяком случае, вы — лучший вариант. А поскольку вы — единственная, кто вступит в контакт с Посторонним, постарайтесь изучить его язык. Кроме того, вы плоскостница. Физически вы крепче всех нас.

Тина резко кивнула.

— Вы не можете оставаться в стороне. Вы это знаете.

— О, вовсе нет. Надеюсь, вы не подумали, что я струсила. Я просто не...

— Нет, вы просто не удосужились продумать все как следует. Но вы научитесь этому, живя в Зоне,— мягко сказал Эйнар. И черт с ним.

Марсианская пыль уникальна.

Уникальность ее — следствие вакуумной цементации. Некогда вакуумная цементация служила пугалом для космической индустрии. Крохотные детали космических ракет и научно-исследовательских станций, которые в воздушной среде легко скользили относительно друг друга, в вакууме сплавлялись в единое целое по мере того, как с их поверхностей испарялись абсорбированные газы. Вакуумная цементация расплавляла детали первых американских спутников и советских межпланетных зондов. Вакуумная цементация не позволила замерить на Луне толщину метеоритной пыли. Частицы слиплись в твердую массу, в настоящий цемент под тем же молекулярным воздействием, которое сцепляет плитки Иогансена и образует из природного ила осадочные породы.

Но Марс обладает достаточной атмосферой, чтобы остановить этот процесс, хотя и недостаточной, чтобы задержать метеор. Большая часть планеты покрыта метеоритной пылью. Ме-

теориты могут образовывать кратеры в пыли, но не в цементе, хотя цемент этот текуч, словно густое масло.

— Эта пыль будет для нас основной проблемой,— заметил Люк.— Постороннему даже не пришлось выкапывать себе нору. Он мог нырнуть в пыль на Марс где угодно.

Ник отключил лазерный приемо-передатчик. После двух дней беспрерывной связи с Землей тот раскалился.

— Он мог спрятаться где угодно в Системе, но предпочел Марс. У него должна была быть на это причина. Может быть, найдется что-либо такое, чем он не сможет заниматься под слоем пыли. Тогда ему придется скрываться в кратере или на возвышенности.

— Тогда его бы уже заметили.

Люк извлек фотографию из памяти автопилота. Она была из серии, сделанной ловушкой для контрабандистов. На ней было изображено тусклое металлическое яйцо. Меньший конец яйца был заострен. Яйцо двигалось большим концом вперед. Двигалось, словно ракета. Но выхлопа не было — во всяком случае, его не смог обнаружить ни один прибор.

— Достаточно большое, чтобы его можно было заметить из космоса,— сказал Люк,— а по посеребренному корпусу его удалось бы легко опознать.

— Да, все верно, он под пылью. Чтобы его отыскать, потребуется множество кораблей с глубинными радарами. И даже в этом случае ничего не гарантировано.— Ник провел ладонями по безволосому черепу.— Теперь нам можно было бы и убраться отсюда. Ваше правительство наконец-то очнулось от спячки и послало сюда корабли. У меня создалось впечатление, что они будут не слишком рады, если мы примем участие в их поисках.

В голосе его звучала неуверенность.

— Я предлагаю продолжить. А вы?

— Я тоже. Странной, однако, охоте посвятил я свой отпуск.

— Откуда бы вы предпочли начать поиск?

— Не знаю. Самая глубокая пыль на планете — в Трактус Альбус.

— Не настолько он глуп, чтобы выбирать самое глубокое место. Место, где он прячется, он выбрал случайно.

— Хотите предложить что-нибудь другое?

— Лазис Солис.

— О! Старая база плоскостников. Хорошая мысль. Возможно, ему необходимо иметь условия для поддержания жизни Бреннана.

— Я об этом даже не подумал. Если ему что-то может понадобиться — человеческая технология, вода, все, что угодно,— то существует лишь одно место на планете, куда нам и следует отправиться. Если его там и нет, то мы, по крайней мере, сможем использовать пылевые катера.

— «Голубой Бык» вызывает «У-Сант». «Голубой Бык» вызывает «У-Сант» из порта Долины Смерти.

В сообщении должны были содержаться директивы. Ник переключил автопилот на прицел своего передающего лазера.

— На это у меня уйдет несколько минут,— сказал он. И добавил: — Хотел бы я знать, что произошло с Бреннаном.

— Сможем мы воспользоваться глубинным радаром в этих нагромождениях?

— Будем надеяться. Понятия не имею, что бы мы еще смогли использовать для поисков.

— Металлодетектор. У него на борту должен найтись металл.

— Николас Брустер Соул с борта «У-Сант» вызывает кого-нибудь (или всех) на борту «Голубого Быка». Что нового? Повторяю. Николас...

Эйнар включил передатчик.

— Эйнар Нильсон, командующий «Голубым Быком». Мы подошли к кораблю Постороннего. Тина Джордан готовится подняться к нему на борт. Переключаю вас на Тину.

Он переключил и откинулся в кресле, ожидая.

Тина ему нравилась. Он был наполовину уверен, что она найдет способ свернуть себе голову. Нат резко протестовал, но не смог отыскать ни единой лазейки в доказательствах Эйнара. Эйнар сидел и смотрел на то, что передавала камера, вмонтированная в шлем Тины.

Корабль Постороннего выглядел покинутым. Он имел асимметричную форму. Буксировочный канат ослаб и начал загибаться петлей. Тина не заметила ни малейшего движения в линзе отсека, похожего на громадное глазное яблоко. Она затормозила в нескольких ядрах от иллюминатора и удостоверилась, что ее рука лежит на ключе зажигания реактивного двигателя.

— Говорит Тина. Я нахожусь вблизи того, что напоминает мне управляющий модуль. Сквозь стекло — если это стекло — я могу видеть противоперегрузочное кресло и приборы возле него. Посторонний, должно быть, несколько похож на человека.

Двигательный модуль слишком горяч, чтобы приближаться к нему. Управляющий модуль представляет собой гладкую сферу. С большим иллюминатором, с кабелями, отходящими в обоих направлениях. Вы можете все это увидеть, «У-Сант».

Она описала медленную петлю вокруг шара. Не торопясь. Зонники торопились только тогда, когда это было действительно необходимо.

— Не могу обнаружить никаких признаков воздушного шлюза. Чтобы проникнуть внутрь, придется прожигать отверстие в корпусе.

— Через иллюминатор. Если вам не захочется прожигать свою дыру через что-нибудь взрывоопасное,— прозвучал голос Эйнара.

Прозрачное вещество имело точку плавления в две тысячи градусов по шкале Кельвина, так что о применении лазера, ясное де-

ло, не могло быть и речи. Тина использовала раскаленное острие, водя им снова и снова по кругу. Постепенно она углубляла отверстие.

— Из разреза на меня идет дым,— докладывала она.— Ага, уже прорезала.

Трехфутовый прозрачный круг окутался белым туманом и выпустил остатки воздуха. Тина подхватила круг и скользящим движением направила его к «Быку» для последующего исследования.

Раздался дрогнувший голос Эйнара:

— Не пытайтесь пока что проникнуть внутрь.

— Я и не пытаюсь.

Она подождала, пока края остынут.

Прошло пятнадцать минут, ничего не происходило. Должно быть, на борту «У-Сант» беспокоятся, подумала она. Внутри по-прежнему не наблюдалось никакого движения. Они ничего не обнаружили, когда просвечивали модуль глубинным радаром. Но стенки были толстыми, и что-нибудь не слишком плотное, например, вода, могло остаться не обнаруженным.

Времени прошло достаточно. Она нырнула в отверстие.

— Нахожусь в маленькой кабине управления,— сказала Тина и повернулась, чтобы камера могла дать полный обзор. Кристаллики ледяного тумана плыли к дыре, проделанной в иллюминаторе. Она была совсем маленькой.— Пульт управления очень сложен. Сложен настолько, что, мне кажется, у Постороннего не было автопилота. Ни один человек не смог бы управиться со всеми этими приборами и регуляторами. Я вижу только одно противоперегрузочное пилотское кресло, и ни одного чужака здесь сейчас нет — не считая меня.

Прямо возле кресла пилота стоит ящик со сладким картофелем. По крайней мере, это выглядит как сладкий картофель. В данной секции это единственная кухонная принадлежность. Попробую продвинуться дальше.

Она попыталась открыть люк в задней стенке приборного отсека. Давление воздуха не позволило сделать ей это. Тина снова пустила в ход раскаленное острие. Люк резался легко, много легче, чем материал, из которого был сделан иллюминатор. Она подождала, пока кабина заполнится туманом, и толкнула люк. Тумана стало еще больше.

— Это помещение размером примерно с кабину управления. Видимость плохая. Похоже, оно предназначено для физических тренировок во время полета.— Тина провела камерой вдоль помещения, подошла к одному из механизмов и попыталась привести его в действие. Это было то же самое, как если бы человек пытался разогнуться, преодолевая сопротивление пружины. Тине не удалось даже пошевелить рычагом.

Она сняла камеру и укрепила ее на стене, нацелив на тренажер.

— Либо я что-то делала неправильно,— сказала она слушате-

лям,— либо Посторонний может поднять меня одним пальцем. Давайте посмотрим, что здесь отыщется еще.

Она огляделась. И тут же произнесла:

— Странно.

В отсеке ничего больше не было.

Только люк, ведущий к кабине управления.

Двухчасовые поиски, проведенные Тиной и Натом Ля-Пэном, лишь подтвердили ее открытие. Модуль жизнеобеспечения состоял из:

— управляющей кабины, размером с кабину одноместного корабля;

— помещения для спортивных занятий пилота, такого же размера;

— ящика с корнями;

— громадной цистерны для воздуха; предохраняющих устройств, способных установить утечку в случае повреждения, не было; цистерна была пуста, она, должно быть, уже почти опустела, когда корабль достиг Солнечной Системы;

— огромной сложной машины для очистки воздуха, спроектированной, видимо, так, чтобы улавливать даже самые слабые следы биохимической деятельности организма; машина неоднократно подвергалась ремонту;

— столь же сложного комплекса оборудования для консервации жидких и твердых отходов.

Невероятно. Посторонний, как получалось, путешествовал в одиночку, проводя время в двух крохотных помещениях, питаясь одним видом пищи и не располагая даже корабельной библиотекой, которая могла бы развлечь его. И без автопилота-компьютера, который вел бы корабль в требуемом направлении, заботился о запасах топлива и уводил от метеоритов. А ведь продолжалось это путешествие, по меньшей мере, десятилетиями. Учитывая сложность очистительной установки, огромный воздушный бак предназначался исключительно для возмещения потерь воздуха, ушедшего в космос через стенки.

— Вот что,— сказал наконец Эйнар.— Возвращайтесь обратно, вы оба. Подождем и запросим инструкции с «У-Санта». Нат, сунь-ка эти корешки в герметическую коробку. Их мы исследуем.

— Обыщите судно еще раз,— распорядился Ник.— Может, вы отыщите примитивный автопилот — не компьютер, а простенький прибор для сохранения курса корабля. Проверьте все отверстия для болтов и так далее — в общем, любое место, где Посторонний мог что-либо спрятать. Заодно попытайтесь проникнуть в воздушный бак. В гнездах для болтов может оказаться что-либо весьма неожиданное,— он перебросил рычажок вниз и посмотрел на Люка.— Разумеется, они ничего не обнаружили. Да разве и можно было рассчитывать на что-нибудь другое?

— Мне бы хотелось, чтобы они сделали анализ состава воздуха. У них найдется оборудование?

— Да.

— И стекло иллюминатора. И химический состав этого корня.

— С корнем они закончат одновременно с другими исследованиями.— Ник передвинул рычажок вверх.— Когда закончите с анализами, можете поразмыслить, как отбуксировать корабль к дому. Оставайтесь на «Быке» и держите свой двигатель теплым. В любом критическом положении используйте его пламя. Соул закончил.

Экран потемнел, но Ник еще какое-то время продолжал смотреть на него. Внезапно он сказал:

— Суперкатер. Очи Файнегла! Не могу в это поверить.

— И управляемый кем-то вроде суперзонника,— добавил Люк.— Одиночкой. Не нуждающемся в развлечениях. Не заботящемся о том, что он ест. И здоровенным, как Кинг-Конг. Гуманоидом.

Ник улыбнулся:

— Не хотите ли вы изобразить его этаким представителем сверхрасы?

— Я не решился бы с ним спорить. Я говорю все это, по крайней мере, серьезно, Ник. Нам остается наблюдать и ждать.

Бреннан менялся.

Он часами не двигался. Лежал на спине в ящике с корнями, закрыв глаза. Живот его раздулся, тело согнуло дугой, кулаки были крепко сжаты. Но вот он пошевелил рукой, и Физпок тотчас же насторожился.

Бреннан дотянулся до корня, сунул его в рот, откусил и проглотил. Откусил и проглотил под изучающим глазом Физпока. Глаза самого Бреннана оставались закрытыми.

Рука Бреннана выронила оставшийся дюйм корня. Он перевернулся и затих.

Физпок расслабился. И снова задремал.

Несколько дней назад он прекратил есть. Он убеждал себя, что еще слишком рано, но организм не верил ему. Просто он уже прожил слишком долго. Физпок дремал.

...он сидел на полу в Библиотеке, с куском корня во рту и древней книгой на вздутом колене. Перед ним лежала расстеленная на полу карта. Карта галактики, но сама галактика со временем изменилась. Звездные ядра были показаны в положении, в котором они находились три миллиона лет назад, а рукава галактики были на полмиллиона лет моложе. Персонал Библиотеки потратил чуть ли не год, готовя эту карту для Физпока.

— Предположим, они ушли на расстояние X,— говорил он себе.— Учитывая воздействие межзвездной пыли, электромагнитных полей и гравитации, их средняя скорость должна составлять 0,06748 световой дуги. Сигнал их лазера передавался со скоростью света. Представь их путь в пространстве. Дай им столетие на

постройку лазера. Они должны были посвятить этому все свое время. Тогда X = 3210 световых лет.

Физпок взял циркуль и начертил дугу, использовав в качестве центра солнце Пак. Доверительный интервал: 0,001, тридцать световых лет. Они на этой дуге.

Теперь предположим, что от центра галактики они уходили по прямой. Исходное допущение: в том направлении много звезд, а солнце Пак расположено далеко не в самом центре. Физпок нарисовал радиальную линию. Наибольшее поле ошибки находится здесь. Исходная ошибка: курс менялся... Теперь прямая линия изогнулась, потому что галактика вращается, словно сворачивающееся молоко. Они явно не должны были выходить из плоскости галактики. Зато теперь они где-то вблизи вот такой точки. И я их разыщу...

Сподвижники Физпока, словно армия муравьев, устремились в Библиотеку. К его поискам присоединился каждый из защитников, находившихся в пределах досягаемости. Это секция астронавтов, Ф.З.К. Ищи! Нам нужны чертежи таранно-черпающего двигателя. Ттусс, мне необходимо знать, что происходит, когда защитник становится старым. В каком возрасте, какие сопутствующие факторы. В медицинской секции, вероятно, сохранилась копия того донесения. Мы должны узнать, что в том рукаве галактики помешало правильному развитию. Тебе потребуются результаты астрономических и медицинских наблюдений. Химические и астрофизические исследования. Используй для своих экспериментов долину Пичок, но помни, что среда должна оставаться обычной! Попробуй поэкспериментировать с почвой, уменьши интенсивность солнечного света, понизь уровень радиации! Вы, которые в секциях физики и инженерного дела. Мне понадобится ядерный двигатель для маневров внутри системы. Кораблю, который мы построим, потребуются стартовые устройства. Спроектируйте их! Каждый бездетный защитник на планете искал смысл своей жизни. Цель ее. И Физпок дал ее им...

...наконец-то завершенный корабль состоял из трех частей. Он стоял на песке, неподалеку от Библиотеки. Нам нужны монополи, нам нужны семена и корни дерева жизни, нам нужно много водородного горючего — двигатель не сможет работать, пока не набрана определенная скорость. В Заливе Метеора мы найдем все, в чем нуждаемся. В первый раз за двести тысячелетий бездетные защитники Пак объединились, чтобы вести войну...

...Изобретенный им вирус — «двойное Кью» — косил производителей. Особый отряд охотился за уцелевшими. Защитники, оказавшиеся без потомства, переходили на сторону Физпока и присоединялись к армии. Хартчи слал донесения о раскрытии тайн дерева жизни...

Что-то трижды ударило по корпусу корабля.

Сперва он решил, что стук раздался в его мозгу. Он ведь был так далеко... Но он тут же вскочил на ноги, глядя вверх, в точку за изогнутой стеной отсека. Мысли его метались.

Он знал, что на поверхности пылевого слоя происходит процесс, напоминающий неорганический фотосинтез. Сейчас мозг его экстраполировал: течения в пылевом слое, наверху происходит фотосинтез, течения несут пищу вниз, более развитым формам жизни. Ему следовало догадаться об этом раньше, следовало проверить, а он, Физпок, углубился в себя. Старость и навязчивые мечты слишком рано притупили его бдительность.

Три размеренных удара донеслись почти из-под его ног.

Он одним прыжком пересек отсек и мягко, бесшумно приземлился. Поднял плоский ключ размягчителя. Он ждал.

Предположим: некто разумный простукивает грузовой отсек, чтобы уловить эхо. Размер: неизвестен. Уровень развития интеллекта: неизвестен. Вывод: вероятно, обитатели низших слоев. Должно быть, они слепы, если у них вообще есть глаза, отсутствие зрения должно компенсироваться хорошо развитым слухом. Эхо от ударов могло рассказать им о многом, что происходит внутри. И что дальше?

Они, вероятно, попытаются проломить обшивку. Разумные существа должны быть любопытными. Корпус был прочен, но материал может когда-то и не выдержать.

Физпок прыгнул вверх, в люк, оказался в кабине управления. Ему не хотелось оставлять пленника, но выбора не было. Он закрыл дверь в трюм и проверил, заперта ли она. Быстро влез в скафандр.

Три размеренных удара откуда-то снизу. Пауза.

Стук рядом, справа. Физпок приблизил размягчитель к стенке. Удар — и сантиметров тридцать грубо обработанного орудия из блестящего материала прошло сквозь обшивку. Изо всех сил Физпок дернул его на себя, прошел сквозь стенку и вцепился во что-то мягкое. Втащил добычу за собой.

Туземец несколько напоминал Пак, но был меньше и плотнее. В руках он сжимал древко копья. Физпок резко ударил его по тому месту, где голова соединялась с плечами. Что-то сломалось, туземец обмяк. Физпок ощупал его, выискивая незащищенные места. В центре тела обнаружился участок, не прикрытый костями. Физпок изо всех сил вцепился в это место и не разжимал пальцев до тех пор, пока туземец не перестал сопротивляться. Очевидно, он был мертв.

Вдруг туземец начал дымиться.

Физпок наблюдал. Что-то, присутствующее в атмосфере грузового отсека, заставило тело туземца задымиться. Это давало определенные надежды. Копье свидетельствовало о невысоком уровне цивилизации. Вероятно, у них не было орудий, способных пробить стенку модуля. Ему не хотелось рисковать, но единственная возможность — выпустить наружу необходимый для дыхания воздух. Воздух мог бы сделать пыль, в которой они находились, ядовитой.

Он на мгновение приоткрыл шлем, принюхался и тут же быстро закрыл его. Но успел уловить запах, который был чем-то

знакомым... Физпок подумал, набрал немного воды и брызнул на ногу туземца. Вспыхнуло пламя. Физпок отпрыгнул. Из отсека он наблюдал, как горит туземец.

Выход оказался достаточно прост.

Физпок подсоединил шланг к цистерне с водяными запасами, а потом, пустив в ход размягчитель, вывел шланг наружу. Затем снова сделал корпус непроницаемым и включил воду. По всей обшивке бешено стучали. Внезапно стук прекратился.

В песок пришлось выпустить большую часть имевшейся у него воды.

Физпок подождал еще несколько часов, пока визг воздушной системы не упал до нормального. Потом он стащил с себя скафандр и надел на Бреннана. Пленник не обратил на это никакого внимания.

Вода должна была некоторое время удерживать туземцев от нападения. Но возможности Физпока были уже практически исчерпаны. Корабля у него больше не было, имеющийся двигатель был бесполезен, сам он погребен под слоем пыли. А теперь иссякли и запасы воды. Нить его жизни на глазах приближалась к завершению.

Физпок дремал.

«Голубой Бык», обогнув Солнце, оказался с противоположной стороны Системы. Он держал путь в открытый космос. Запаздывание связи между «Быком» и «У-Сантом» достигло тридцати минут. Соул и Гарнер ждали, зная, что любая информация дойдет до них с получасовым опозданием.

Марс был виден на заднем экране — диск в три четверти и неправдоподобно громадный.

Они уже задали все имеющиеся у них вопросы, приблизительно прикинули возможные ответы, нанесли на карту маршрут поиска. Маршрут пролегал в районе Лазис Солис. Люк скучал. Он забыл вмонтировать в свое кресло некоторые необходимые для физиологии устройства. Он думал, что Ник тоже скучает, но ошибался в этом. В космосе Ник молчал по привычке.

Экран вспыхнул, и на нем появилось лицо женщины. Динамик прокашлялся и заговорил:

— «У-Сант» вызывает Тина Джордан с «Голубого Быка»...

Люк понял, что женщина с трудом держит себя в руках. Тина справилась со своим голосом, после чего выпалила:

— У нас неприятности. Мы подвергли корень Постороннего лабораторному анализу, а Эйнар взял и откусил от него кусок. Эта проклятая штуковина стала в вакууме на манер асбеста. Но он откусил кусок и проглотил прежде, чем мы успели остановить его. Не могу понять, зачем он это сделал. Это ужасно.

Эйнару плохо, очень плохо. Он пытался меня убить, когда я отбирала у него корень. Сейчас он впал в кому. Мы поместили его под наблюдение корабельного медика. Медик говорит, что имеющихся сведений недостаточно...

Они слышали ее прерывистое дыхание. Люк подумал, что смог бы увидеть, как на горле женщины проступают синяки.

— Мы просим разрешения отправить его к врачу-человеку.

Ник выругался и включил передатчик:

— Говорит Ник Соул. Отправляйте его. Затем заканчивайте с анализом этого корня. Не напоминает ли вам что-нибудь его запах? Соул закончил.— Ник отключил передатчик.— Что это на него нашло?

Люк пожал плечами:

— Проголодался?

— Эйнар Нильсон, во имя Файнегла! До того, как оставить политику, он в течение года был моим начальником. С чего его потянуло на этот самоубийственный фокус? Он же не дурак — Ник шлепнул ладонью по подлокотнику кресла и начал нащупывать переговорным лазером Цереру.

За полчаса до того, как «Голубой Бык» повторил вызов, Ник получил досье на всех трех членов его команды.

— Тина Джордан — плоскостница,— сказал он.— Это объясняет, почему они дожидались приказа.

— Разве это нуждается в объяснении?

— Большинство зонников повернули бы обратно, как только Эйнару стало плохо. Корабль Постороннего пуст, транспортировка его никаких проблем не представляет. Ни одной причины для задержки. Но Джордан все еще плоскостница, ей все еще на каждую мелочь требуется спросить разрешения, а Ля-Пэн, вероятно, не счел свое мнение достаточно веским, чтобы спорить с ней.

— Возраст,— сказал Люк.— Нильсон был у них самым старым.

— И что из этого?

— Не знаю. К тому же, он из них самый высокий. Возможно, после того, как он почувствовал непривычный вкус... нет, черт побери, не могу я в такое поверить...

— «Голубой Бык» вызывает «У-Сант». Мы на обратном курсе. Идем на Весту. Анализ корня не показал ничего необычного. Высокое содержание углеводов, включая правосторонние сахара. Белки, похоже, обычные. Витаминов нет вообще. Мы обнаружили два соединения, нам неизвестные, как утверждает Нат. Одно напоминает гормон тестостерон, но это определенно не тестостерон.

Запах корня ни на что не похож. Возможно, он несколько напоминает запах простокваши или сметаны. Воздух на корабле Постороннего был разряженный, с нормальным содержанием кислорода, без каких-либо ядовитых соединений. В воздухе по меньшей мере два процента гелия. Спектральный анализ материала, из которого сделан иллюминатор, показал...— Тина перечислила спектры элементов, больше всего оказалось кремния.— Медик по-прежнему расценивает заболевание Эйнара как неизвестную бо-

лезнь, сейчас, правда, состояние его стало несколько легче. Но, как бы там ни было, дела плохи. Еще вопросы?

— Не сейчас,— ответил Ник.— Пока не вызывайте нас, мы будем слишком заняты посадкой.— Он дал знак окончания передачи и принялся барабанить по корпусу приемо-передатчика длинными, сужающимися к концу пальцами.— Гелий. Это кое-что должно для нас прояснить.

— Маленький мирок, не имеющий спутника,— предположил Люк.— Крупные спутники обычно сдирают с планеты ее атмосферу. Земля, не будь у нее большой Луны, до сих пор походила бы на Венеру. А гелий улетучивается первым, так ведь?

— Возможно. Будь эта планета маленькой, он тоже улетучился бы первым. Но не забывайте о силе Постороннего. Он явился к нам не с планеты-малышки.

Ник и Люк относились к породе людей, которые привыкли сперва думать, а потом говорить. Разговор на борту «У-Санта» прервался, чтобы потом продолжиться с того же места.

— Значит?

— Откуда-нибудь из газового облака с высоким содержанием гелия. В том направлении, откуда он появился, находится ядро галактики. И в том же направлении находится множество пылевых и газовых облаков.

— Вы не могли бы прекратить барабанить?

— Это помогает мне думать. Как вам курение.

— Тогда барабаньте. Но ведь это страшно далеко.

— На дальность расстояния, которое он прошел, ограничений нет. Чем быстрее движется корабль, оснащенный таранно-черпающим двигателем Баззарда, тем больше горючего ему приходилось брать с собой.

— Ограничение должно распространяться на скорость. Она не может быть меньше той, при которой газ входит во взаимодействие с таранным полем.

— Верно. Расстояние должно быть не меньше того, что преодолел Файнегл при своем вознесении. Воздушный бак у него огромен. Посторонний проделал не близкий путь.

Автоматический медик был встроен в заднюю стенку над одной из трех больничных коек. Эйнар лежал на этой койке. Его рука была погружена в медика почти по плечо.

Тина рассматривала лицо Эйнара. Состояние его быстро ухудшалось. Но это не выглядело как болезнь, это напоминало постарение. За последние часы Эйнар состарился на десятилетия. Он нуждался в срочной помощи врача-человека. Но более сильное ускорение убило бы его, и поэтому всё, чем они располагали, был все тот же «Бык».

Могли ли они остановить его? Если бы она закричала сразу... Но Эйнар сдавил ей горло, а потом было слишком поздно. Откуда у Эйнара взялись такие силы? Он мог бы убить ее.

Грудь Эйнара перестала двигаться.

Тина взглянула на указатели медика. Панель была сплошь покрыта этими датчиками. На космических кораблях имелось достаточно оборудования, чтобы вести наблюдения, не отвлекая внимания экипажа. Час за часом, через каждые пять минут, Тина поднимала глаза на эти приборы. Сейчас они все светились красным светом.

— Он умер,— произнесла она, услышала удивление в собственном голосе и изумилась этому. Стены кабины начали расплываться и удаляться.

Нат рывком выбрался из кресла пилота и склонился над Эйнаром:

— И вы только сейчас это заметили? Да он, должно быть, умер уже час назад.

— Нет, клянусь, я...— Тина глубоко вздохнула, борясь с подступающим обмороком.

— Посмотрите сами на его лицо и повторите то, что сказали!

Тина встала, ноги ее были как ватные. Она посмотрела на лицо Эйнара. Эйнар, мертвый, выглядел на сотни лет старше. Захлестываемая и горем, и чувством вины, и отвращением, она коснулась мертвой щеки.

— Он еще теплый.

— Теплый?— Нат дотронулся до трупа.— Да он горячий. Лихорадка. Должно быть, он был жив еще несколько секунд назад. Простите меня, Тина. Я поспешил с выводами. Эй! С вами-то все в порядке?

— Насколько опасна посадка?

— К чему эта легкая дрожь героизма в голосе?— поинтересовался Ник. Это было чистейшей клеветой: Люк не проявлял ничего, за исключением интереса.— За мою жизнь мне приходилось делать пару сотен точно таких же. Для большего впечатления могу добавить, что так и не смог отыскать ничего такого, что заставляло бы вас сопровождать меня из Порта Долины Смерти.

— Вы утверждаете, что торопитесь?

— Утверждал, Люк. А теперь не могли бы в течение нескольких минут понаслаждаться тишиной?

— Ага!

Красная планета догоняла их, разворачиваясь, словно кулак, изготовившийся к драке. Добродушное настроение Ника улетучилось. Лицо его и взгляд сделались каменными. Он не был до конца искренен с Люком. За свою жизнь он сделал несколько сотен посадок, это верно. Но опускаться ему приходилось на астероиды, где гравитация равнялась нулю или около того.

Мимо них, в направлении, известном среди технического персонала под названием «выше корабля», прошел Деймос. Ник слегка потянул рычаг на себя. Марс сделался плоским и тут же на мгновение исчез, когда они повернули к северу.

— База должна быть вон там,— сказал Люк.— На северном конце этой дуги. А, вроде, вот она, в том маленьком кратере.

— Используйте телескоп!

— М-м... Черт побери. Там она. Видите ее, Ник?

— Да.

База напоминала выброшенный кем-то лопнувший воздушный шарик небесно-голубого цвета.

Навстречу пламени их двигателя, крутясь, поднялось облако пыли. Ник зло выругался и дал ускорение. Теперь Люк понял, насколько Ник изощрен в причудливом богохульстве. Когда он клялся Файнеглом, это делалось шутки ради или для большей выразительности. Когда же он матерился, по христианскому обычаю, то именно таковы и были его намерения.

«У-Сант» замедлил ход и завис над поверхностью планеты. Сперва он находился над пылью, затем — в пыли, но постепенно оранжевые клубы сделались более разреженными и опали. По окружности к горизонту пронесся песчаный вихрь. В первый раз за миллионы лет обнажилось скальное основание. Оно было коричневое, усеянное глыбами, в трещинах. В пламени двигателя окружающие скалы полыхнули белым пламенем, с резкими черными тенями. Там, куда било пламя, камень таял.

— Придется приземляться в кратере,— сказал Ник.— Как только я отключу двигатель, пыль потечет обратно.

Он повернул влево и убрал пламя. Пол ушел у них из-под ног. Они падали.

Они падали строго отвесно, соплом вниз. Коснувшись поверхности, корабль тяжело подскочил.

— Прекрасная работа,— заметил Люк.

— А я все время только такой и занимаюсь. Пойду обследую базу. Вы все увидите через камеру шлема.

Перед ним возвышалась кольцевая стена. Вся из округлых, древних, вулканического происхождения камней. Пыль капля за каплей со всех сторон стекалась обратно. Она текла словно патока, следуя малейшему наклону, чтобы лужей собраться вокруг вздрагивающих опор корабля. Кратер был в полмили диаметром. Примерно в центре его возвышался купол, окруженный алчным морем пыли.

Ник, хмурясь, оглядывался. Похоже, до купола не добраться, не пересекая слой пыли, который мог быть не таким мелким, как казался. Кратер был древним, может быть, немного моложе самой планеты. Кроме того, его крест-накрест пересекали трещины более позднего происхождения. Края некоторых трещин были чуть ли не заостренными. Воздух был слишком разрежен, а пыль слишком тонкой, чтобы геологическое размывание происходило быстро. Прогулка здесь может плохо закончиться.

Ник начал обходить базу, начав с кольцевой стороны. Он шел осторожно. Некоторые трещины могут скрываться под пылью.

Над кратером в темно-фиолетовом небе висело маленькое яркое солнце.

От дальней стороны купола к кольцевой стене вела узенькая тропинка, выжженная в пыли лучом лазера. Должно быть, она была сделана переговорным лазером базы. Вдоль тропинки были пришвартованы лодки, но Ник не стал задерживаться для их осмотра.

В стене купола виднелось множество продольных разрезов. Внутри Ник обнаружил двенадцать высохших тел. Марсиане — персонал базы свыше столетия назад. И, после того как Мюллер вновь наполнил купол воздухом, они убили Мюллера.

Ник по очереди обыскал маленькие строения. В некоторых местах ему пришлось проползать под прозрачными складками купола. Но никакого Постороннего ему не встретилось. Ни малейшего признака чьего-либо присутствия с тех самых времен, когда здесь побывал Мюллер.

— Я закончил,— сообщил он.— Что дальше?

— Вам придется таскать меня на загривке, пока мы не найдем песчаную лодку.

Лодки покрывала пыль. Были видны только широкие плоские их очертания того же цвета, что и окружающая пустыня. Двенадцать лет лодки ожидали следующей волны исследователей.

А исследователи утратили интерес к Марсу и ушли восвояси.

Увидеть их было все равно, что повстречаться с привидениями. Египетский фараон мог бы обнаружить такие привидения, поджидающие его в загробном мире: немые, ряд за рядом, сохранившие веру, идущие перед ним и ждущие, ждущие.

— Отсюда они выглядят неплохо,— заметил Люк. Он поудобнее устроился на плечах Ника.— Нам везет, Синдбад.

— Не говорите «гоп» раньше времени!

Ник направился к куполу, пересекая пылевое озеро. Сидящий на его плечах Люк был легким, и его собственное тело весило здесь мало. Но вместе они весили слишком много.

— Если я начну падать, то постарайся упасть на обочину.

— А вы не падайте.

— Пыль не принесет нам вреда. Вероятно, сюда должен подойти флот ООН. Чтобы забрать лодки.

— Мы их опередили. Вперед!

— Тропинка скользкая. Она вся покрыта пылью.

Три лодки выстроились в ряд с западной стороны. На каждой было по четыре сидения. На корме, ниже уровня пыли, укреплено по два винта, от скал в глубине их защищала сетка. Лодки были такими плоскими, что их утопила бы малейшая зыбь на море. Но на тяжелой пыли они держались хорошо.

Ник, не особенно церемонясь, свалил свою ношу на одно из сидений.

— Приглядите за ней, Люк, если она поедет. Я пошел в купол за горючим.

— Это, должно быть, гидравлик. С сжатым марсианским воздухом в качестве окислителя.

— Я просто поищу что-нибудь с надписью «горючее».

Люку удалось включить компрессор, но мотор не заводился. Вероятно, высохли баки, решил он и выключил двигатель. Он обнаружил, что пузырчатый купол с задней стороны поврежден. Убедившись, что починку можно произвести вручную, он закрепился привязным ремнем от сиденья и заделал прореху. Его длинные руки с широкими запястьями никогда не теряли борцовской хватки. Вероятно, по краям будет течь, но если закрыть смотровой люк, а за ним поставить конвертор, превращающий окись азота наружной атмосферы в пригодные для дыхания азот и кислород...

Ник вернулся, неся на плече зеленый бак. Через инжекторный наконечник он заправил лодку. Лодка попыталась тут же уехать без Ника. Люк отыскал переключатель, перевел его на нейтральное положение, потом дал задний ход. Ник ждал, пока он вернется.

— Как мне пройти сквозь стенку купола?

— Полагаю, никак.— Люк разорвал оболочку, отклеил одну стенку для прохода Ника и заклеил ее снова. Купол начал медленно раздуваться.

— Лучше нам не снимать скафандры,— сказал Люк.— Пройдет час, а то и два, прежде чем мы сможем здесь дышать.

— Тогда вы можете разорвать его снова. Надо было прихватить запас с корабля.

Прошло два часа, прежде чем они наполнили купол и начали искать проход в круговой стене. Проход окаймляли темные утесы песчаника. Утесы были старыми и чистыми — их очистил взрыв, между куполом и стеной пролегла искусственная, словно стеклянная, дорожка. Ник с комфортом устроился в одном из пассажирских кресел. Одна нога закинута на другую; глаза впились в экран опущенного вниз глубинного локатора.

— Кажется, глубина достаточная,— сказал он.

— Тогда я включаю,— ответил Люк. Винты завертелись. Корма сперва глубоко осела, потом выровнялась. Они скользили по пыли со скоростью десять миль в час, в кильватере за ними тянулись две прямые невысокие полосы.

Глубинный радар выявлял плотные объекты, на экране они показывались в трех измерениях. Под ними проплывало гладкое дно, правильной формы впадины и возвышенности, на которых за миллионы лет не осталось ни одной не сглаженной линии или точки. Вулканическая активность на Марсе была слабой.

Пустыня была плоской, как зеркало. Округлые серо-коричневые скалы пробивались на поверхность нелепыми обелисками. Кратеры посреди пыли напоминали плохо изготовленные глиняные пепельницы. Некоторые были несколько дюймов в поперечнике. А другие — настолько большими, что увидеть их можно было лишь с орбиты. Горизонт казался прямым и близким.

И острым как бритва. Он горел желтым светом понизу и кроваво-красным наверху. Ник посмотрел на удаляющийся катер.

Глаза его расширились, зрачки поехали к переносице. Что там?

— Черт... Держите его,— закричал он.— Поворачивайте! Скорей поворачивайте влево!

— Обратно к кратеру?

— Да.

Люк выключил один мотор. Нос лодки развернулся влево, но она по инерции продолжала скользить по пыли боком вперед. Затем включился правый винт. Лодка повернула обратно.

— Вижу его,— сказал Люк.

На таком расстоянии предмет был чуть больше точки, но ясно выделялся на однотонной поверхности пылевого моря. И предмет двигался. Двигался рывками, перекатываясь с боку на бок, останавливался передохнуть и двигался снова. От кратера его отделяло несколько сотен ярдов.

Они приблизились, стало видно отчетливее. Предмет был цилиндрической формы, вроде короткой гусеницы, и полупрозрачным. И гибким, можно было видеть, как он изгибается, двигаясь. Он направлялся к проходу в стене кратера.

Люк передвинул рукоятку регулятора вниз. Песчаная лодка замедлила ход, осела глубже. Когда они проходили мимо, в руках Ника оказался сигнальный пистолет.

— Это он,— сказал Ник. В голосе его звучал благоговейный страх. Он пригнулся с пистолетом наготове.

Гусеницей оказался прозрачный, наполненный газом мешок. Внутри находилось что-то раскрашенное, медленно вращающееся, старающееся поближе подобраться к борту лодки. Стало ясно, что это чужак, именно такой, каким его показывали потом на экранах телевизоров. Он был гуманоидом, насколько может быть гуманоидом фигура, нарисованная из палочек. И он весь состоял из вздутий. Локти, колени, плечи, скулы выпирали шариками, грейпфрутами. Высилась, покачиваясь, лысая голова, словно голова гидроцефала.

Он ударился о лодку и остановил свое вращение.

— Он выглядит достаточно беспомощным,— сказал Ник с сомнением в голосе.

— Что ж, выпустим наш воздух.— Люк раскрыл колпак лодки. Они вдвоем перегнулись через борт, подняли герметический мешок и бросили его на дно лодки.

Лицо чужака не изменило своего выражения. Вероятно, оно не могло изменяться.

Лицо это выглядело застывшим. Но произошло нечто странное. Протянулась рука, похожая на черную, в бороздах, древесину орехового дерева, большой и указательный палец соединились, образовав кружок.

— Должно быть, он научился этому от Бреннана,— сказал Ник.

— Ник, посмотрите на его строение. Полное подобие человеческого скелета.

— Слишком длинные руки для человека. И спина изогнута больше.

— Да-а-а. Что ж, мы не можем вернуться с ним сейчас на корабль и не можем объяснить ему дорогу. Придется ждать, пока пространство под колпаком вновь наполнится воздухом.

— Кажется, большая часть нашего времени уходит на ожидания,— сказал Люк. Ник кивнул. Пальцы его барабанили по спинке сиденья. Уже двадцать минут маленький конвертор лодки заполнял пространство под колпаком, перерабатывая разреженную, ядовитую атмосферу.

Чужак вообще не двигался. Люк наблюдал за ним. Чужак лежал в своем воздушном мешке на дне лодки и ждал. Спрятанные в жестких морщинах человеческие глаза следили за Ником и Люком. Именно так, именно с таким терпением может ждать мертвец Судного дня.

— Но, по крайней мере, сейчас он в невыгодном положении,— сказал Ник.

— Нас ему не удастся похитить.

— Мне кажется, он сумасшедший.

— Сумасшедший? Побуждения его, может быть, и несколько странные.

— Вот вам доказательство. Он явился в Систему на корабле, словно специально созданном для того, чтобы доставить его именно сюда. Его воздушный бак был почти пуст. Нет никаких данных, что на его борту были хоть какие-то приборы безопасности. Насколько мы можем судить, он не делал попыток вступить с кем-то в контакт. Он убил либо похитил Бреннана. Затем он бросил свой корабль и отправился на Марс, вероятно, чтобы спрятаться. Теперь он покидает свой спускаемый отсек... То, что осталось от Бреннана, тоже. В многослойном мешке он катится по марсианской пустыне, чтобы добраться до места, где скорее всего совершит посадку любой исследовательский корабль. Он — псих. Он сбежал из какого-то космического сумасшедшего дома.

— Вы упорно говорите «он». А ведь это — оно. Оно, задумайтесь над этим и вы поймете, что действовать оно должно непривычным для нас образом.

— Не имеет значения. Вселенная — есть рациональность. Чтобы выжить, их наука тоже должна быть рациональной, вне зависимости от того, кто это существо — «он», «она» или «оно».

— Еще пара минут, и мы сможем...

Чужак зашевелился. Его рука распорола мешок во всю длину. Ник мгновенно вскинул свой сигнальный пистолет. Мгновенно... Но чужак выбрался из длинного разреза и отобрал пистолет прежде, чем Ник успел на это среагировать. И все это без малейшего признака спешки. Он сел и положил пистолет на корму лодки.

Он заговорил. Речь его была полна щелканья, бульканья, ше-

леста. Плоский, твердый клюв, должно быть, мешал говорить. Но понять его было можно.

Чужак сказал:

— Доставьте меня к вашему руководителю.

Ник опомнился первым. Он прочистил горло и заявил:

— Путешествие туда займет несколько дней. А тем временем добро пожаловать в заселенную человеком часть космоса.

— Не бойтесь,— произнес монстр.— Очень жаль, но я должен вас разочаровать. Меня зовут Джек Бреннан, я — зонник. А вы — Ник Соул?

Глава 3

Страшную тишину взорвал смех Люка.

— А вы думали о нем, как о чужаке, приготовились встретить чужака... Ха-ха-ха...

Ник почувствовал, как панический страх сдавливает ему горло:

— Вы... Вы — Бреннан?

— Да. А вы Ник Соул. Я вас видел однажды. Но я не узнаю вашего друга.

— Лукас Гарнер.— Люк овладел собой.— Ваши фотографии на вас не похожи, Бреннан.

— Я сделал одну глупость,— сказал Бреннан-монстр. Голос его больше не был человеческим, он пугал не меньше, чем его внешность.— Я отправился на встречу с Посторонним. Вы пытались сделать то же самое, не так ли?

— Да,— в глазах и в голосе Люка проскальзывало сардоническое веселье. Вне зависимости от того, верил он Бреннану или не верил, Люк наслаждался сложившимся положением.— Что такое Посторонний на самом деле, Бреннан?

— Если вам угодно играть определениями...

Ник Соул прервал их:

— Бреннан, ради бога, что с вами произошло?

— Это долгая история. Мы очень торопимся? Разумеется, нет — вам еще нужно запустить мотор. Прекрасно, я вам расскажу, что же произошло. Итак, соблюдайте почтительную тишину и помните, что именно к этому вы стремились. Стремились изо всех сил.— Бреннан тяжело посмотрел на обоих мужчин.— Я ошибся. Вы не подойдете. Вы оба слишком стары.

— Итак, наберитесь терпения. В ядре галактики, вблизи края шарового звездного скопления, живет раса двуногих...

Самое важное, что их созревание включает три стадии. Детство, что самоочевидно. Стадия производителя — то есть просто двуногие, со слаборазвитым умом, назначение которых — наплодить как можно больше потомства. И стадия защитника.

В возрасте примерно сорока двух лет, по нашему времяисчислению, индивид, находящийся на стадии производителя, ощущает настоятельную необходимость поедать корень кустарника

определенного вида. Вплоть до этого возраста производитель избегает питаться этим корнем, так как его запах представляется ему омерзительным. Кустарник растет по всей планете. Реальных шансов на то, что производитель, проживший достаточно долго и захотевший этот корень съесть, не мог его получить — нет.

Корень служит причиной определенных изменений — как физиологических, так и психологических. До того, как я перейду к подробностям, открою вам важный секрет. Раса, о которой я говорю, называет себя...— Бреннан-монстр резко щелкнул роговым клювом,— Пак. Мы называем ее «Нооа».

— Что? — Нику показалось, что его насильно, против его воли заставляют подняться. Но Люк, продолжая сидеть, уперся ему в грудь своими бессильными ногами, скаля зубы с видом колоссальнейшего наслаждения.

— Была послана экспедиция, которая совершила посадку на Земле около двух с половиной миллионов лет назад. Кустарник, который они привезли с собой, дал непригодные корни, так что ни один Пак на Земле не достиг стадии защитника. Я достиг.

Когда производитель съедает корень, происходит ряд изменений. У него или у нее исчезают вторичные половые признаки. Размягчается череп, и мозг начинает расти. Он растет до тех пор, пока не становится намного больше и сложнее, чем ваш, джентльмены. Затем череп затвердевает и формируется костяной гребень. Зубы выпадают, все до единого. Десна и губы срастаются вместе, образуя твердый, почти плоский клюв. Мое лицо слишком плоское. Развитие «хомо хабилис» идет лучше. Выпадают все волосы. Очень разбухают суставы, что обеспечивает громадное увеличение мускульной силы. Увеличивается момент силы, понимаете? Кожа твердеет, покрывается морщинами, формируя подобие брони. Ногти превращаются во втяжные когти, кончики пальцев приобретают гораздо большую чувствительность. Сами пальцы становятся более приспособленными для производства орудий. Там, где отходят к ногам вены, формируется простое двухкамерное сердце. Точка соединения, как бы, черт возьми, ее не называли, и будет сердцем. Вы заметили, что в этом месте моя кожа толще? Ну, есть и другие, менее драматические изменения, но все они необходимы для того, чтобы защитник представлял собой мощную, высокоразумную боевую машину. Гарнер, вы, кажется, больше не удивлены?

— Все это выглядит ужасно знакомым.

— Хотел бы я знать, заметили ли вы, что... Очень велики эмоциональные изменения. Защитник — это тот, кто не чувствует никаких обязанностей по отношению ко всему потомству Пак... Единственная для него настоятельная потребность — защищать потомство своего рода. Он узнает их по запаху. В данном случае его возросший интеллект большой роли не играет, поскольку его мотивациями управляют гормоны. Ник, вам не приходит в голову, что все эти изменения — лишь крайняя степень того, что про-

исходит со всеми мужчинами и женщинами по мере их старения? Гарнер давно это понял.

— Да, но...

— Добавочное сердце,— вмешался Люк.— Как насчет него?

— Подобно увеличению мозга, оно не может формироваться без корня дерева жизни. Обычное человеческое сердце после пятидесяти, без современной медицинской помощи, перестает адекватно исполнять свои функции. В конце концов оно останавливается.

— А?..

— Вы, двое, находите это убедительным?

Люк решил приберечь свое мнение:

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Честно говоря, меня больше интересует, убедился ли Ник. Мое гражданство жителя Зоны зависит от того, смог ли я вас убедить, что я — Бреннан. Не говоря уже о банковском счете, моем корабле и грузе. Ник, я нашел сброшенный бак из-под горючего от «Маринера-20». Он пришвартован к моему кораблю, который, когда я его оставил, шел на большой скорости сквозь Солнечную Систему.

— Он до сих пор делает то же самое,— ответил Ник.— Так же, как и судно Постороннего. Нам следовало бы что-нибудь предпринять для их возвращения.

— Очи Файнегла, да корабль Постороннего спроектирован не лучшим образом, я смог бы усовершенствовать его с завязанными глазами. Но за груз монополей можно купить всю Цереру.

— Сперва — первоочередное,— пробормотал Гарнер.

— Гарнер, этот корабль удаляется. А, понимаю, что вы подразумеваете. Вы боитесь, что инозвездное чудовище окажется вблизи космического корабля, пригодного для полета.— Бреннан-монстр коротко глянул на пистолет, затем, по-видимому, отказался от мысли силой завладеть лодкой.— Мы останемся здесь до тех пор, пока вы во всем не убедитесь. Договорились? Приходилось вам когда-нибудь заключать лучшую сделку?

— Только не с зонником, Бреннан; имеются веские доказательства, что человек находится в родстве с остальными земными приматами.

— В этом я не сомневаюсь. У меня есть некоторые соображения.

— Рассказывайте.

— Это касается той забытой колонии. Сюда прибыл большой корабль. Приземлились четыре посадочных судна примерно с тридцатью защитниками и большим количеством производителей. Годом позже защитники знали, что ими выбрана планета, не годящаяся для их планов. Необходимый им кустарник рос неправильно. С помощью лазера они послали сообщение, прося о помощи. Затем они погибли. Смерть от голода — обычная смерть для защитника, но, как правило, она добровольна. Здесь она на-

ступила помимо их воли.— Ни в голосе, ни на похожем на маску лице Бреннана-монстра не отразилось никаких эмоций.

— Они погибли. Производители размножались бесконтрольно. Они располагали обширным пространством, а защитники, должно быть, уничтожили все опасные для них формы жизни. Что было дальше — не трудно предположить. Защитники умерли, но производители были приучены к их опеке и остались рядом с кораблем.

— И что же?

— Без наблюдения защитников ядерный реактор стал источником сильной радиации. Там должны были быть искусственно полученные расщепляющиеся элементы. Возможно, произошел взрыв. Возможно, нет. Радиация вызвала мутации, в результате которых появились различные формы — от лемуров до обезьян, от шимпанзе до древнего и современного человека.

— Это одна из теорий,— продолжал Бреннан-монстр.— Другая состоит в том, что защитники намеренно вызвали мутации среди производителей, чтобы те, приобретя новую форму, имели шанс выжить, пока не придет помощь. Результат получается тот же самый.

— Я в это, не верю,— заявил Ник.

— Поверите. Вы уже поверили. Тому достаточно доказательств, особенно в религиозных верованиях и народных сказках. Какой процент человечества на самом деле ожидает жизни вечной? Почему так много религий рассказывает о расе бессмертных существ, постоянно воюющих друг с другом. Как объяснить преклонение перед предками? Вы знаете, что происходит с человеком без помощи современной гериатрии: по мере старения его клетки мозга начинают отмирать. Почему же люди демонстрируют тенденцию уважать и слушаться стариков, откуда взялись ангелы-хранители?

— Память расы?

— Вероятно. Трудно предположить, что предания могут просуществовать так долго.

— Южная Африка,— сказал Люк.— Они должны были приземлиться в Южной Африке. Где-нибудь в районе Национального парка Олдувай-Годж. Там встречаются все виды приматов.

— Не обязательно. Может быть, одно из суден приземлилось в Австралии. Из-за металлов. Знаете, защитники могли просто рассыпать радиоактивную пыль и так все и оставить. Без естественных врагов производители размножались словно кролики. Радиация способствовала их изменениям. Со смертью защитников в них развились новые качества. Некоторые стали сильнее. Другие — подвижнее, третьи — умнее. Разумеется, большая часть гибла. Шли мутации.

— Я, кажется, вспоминаю,— сказал Люк,— что процесс старения человека может быть сопоставлен с окончанием программы космического зонда. Поскольку зонд выполнил свое задание, не имеет значения, что с ним произойдет дальше. То же самое с на-

ми, когда мы перешагнули возраст, в котором способны иметь детей...

— Эволюция идет через нас. Она дает вам толчок, и вы продолжаете двигаться только по инерции. Охраняете направление движения, но лишены корректирующих механизмов,— кивнул Бреннан-монстр.— Разумеется, корень обеспечивает программу для третьей стадии. Хорошее сращивание.

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, что произошло на Земле с корнем?— спросил Ник.

— О, никакой тайны. Хотя некоторое время это и сводило с ума защитников Пак. Не удивительно, что такая маленькая колония не смогла выполнить эту задачу. В корне живет вирус. Вирус содержит гены, необходимые для того, чтобы производитель мог превратиться в защитника. Он не может существовать без корня, поэтому защитнику необходимо поедать этот корень все время. Если в почве нет таллия, корень продолжает расти, но вируса в нем уже нет.

— Это очень сложно.

— Вы когда-нибудь работали на гидропонных фермах? Взаимосвязи в устойчивых экологических системах могут быть сложными. В мире Пак никаких проблем не возникало. Таллий— редкий элемент, но в звездных системах вторичного происхождения он достаточно распространен. И там корень растет повсюду.

— Откуда произошел Посторонний?— спросил Ник.

Свист и щелчок клювом:

— Физпок!

Потом:

— Физпок обнаружил старые записи, включая призыв о помощи. За два с половиной миллиона лет он был первым защитником, нашедшим способ отыскать Солнце, или, по крайней мере, сузить район поисков. И у него не было потомства, так что ему следовало поскорее определить для себя цель, пока не исчезла потребность в еде. Именно это происходит с защитником, если его род погибает. Полное отсутствие программы. Между прочим, можете отметить, что раса Пак обладает сильным иммунитетом против мутации. Мутанты пахнут неправильно. Это может быть крайне важным в ядре галактики, где сильная радиация.

— Значит, он пришел оттуда с полным трюмом семян?

— И с мешками окиси таллия. Окись более пригодна для перевозок. Я удивлялся конструкции его корабля, но теперь вы сами можете понять, почему грузовой отсек располагался позади отсека жизнеобеспечения. Получить небольшую дозу радиации для него не страшно. Он уже не мог иметь детей.

— Где он сейчас?

— Мне пришлось его убить.

— Что?— Гарнер казался потрясенным.— Он на вас напал?

— Нет.

— Тогда... Я не понимаю.

Бреннан-монстр вроде бы заколебался. Потом сказал:

— Гарнер, Соул, послушайте меня. В двенадцати милях отсюда примерно под пятьюдесятью футами пыли находится часть чужого космического корабля, наполненная корнями, семенами, мешками с окисью таллия. Корни, которые я могу вырастить из этих семян, сделают человека чуть ли не бессмертным. Что дальше? Что мы будем делать со всем этим?

Два человека переглянулись. Люк, который, казалось, хотел сказать что-то, не открыл рта.

— Трудный вопрос, правда? Но не трудно догадаться, на что Физпок рассчитывал, не так ли?

Физпок дремал.

Он знал, что ровно через день ему придется разбудить Бреннана. Разумеется, он мог ошибиться. Но если он ошибся, значит, племя Бреннана, мутируя, стало слишком отличным от народа Пак.

Физпок мог дремать, зная, сколько времени у него в запасе. Марсиане не представляли опасности, хотя, возможно, против них и следовало что-либо предпринять. Дремота — это тонкое искусство защитника. Он продремал около десяти дней. В прошлом он дремал неделю, вплоть до того дня, когда он покинул планету Пак. Сенсорная стимуляция сокращала время его путешествия. Он летел в будущее.

Физпок дремал.

Все начнется, когда проснется пленник. Видно, что мозг его будет больше мозга Физпока, поскольку лицевой угол изменен выпуклостью лба. Пленник научится быстро. Физпок научит его как быть защитником, что делать с семенами и корнями дерева жизни.

Были ли у производителя дети? Если да, то он сохранит секрет, используя дерево жизни для создания защитников из числа своих собственных потомков. Это было бы правильно. Если у него хватит разума, чтобы способствовать распространению своей семьи (избегая близкородственного скрещивания), то его род поглотит большую часть расы Пак этой звездной системы.

Вероятно, он убьет Физпока, чтобы сохранить тайну. Это тоже будет правильно.

В дремах Физпока присутствовал оттенок кошмара. Поскольку пленник выглядел не так, как надо. Его ногти развивались неправильно. Его голова, определенно, была неправильной формы. Эта лобная выпуклость... И клюв, такой же плоский, как и его лицо. Спина пленника не согнулась, ноги были не той формы, руки — слишком короткие. Его племя слишком долго мутировало.

Но на корень он реагирует правильно.

Будущее неопределенно... Если не считать будущего самого Физпока. Обучить пленника всему, что необходимо, если он только сможет. Придет день, когда Земля станет вторым миром Пак. Физпок сделал все, что было в его силах. Он обучит, а затем умрет.

Бреннан пошевелился. Согнутое тело распрямилось, он потянулся, раскрыл глаза. Он, не мигая, глядел на Физпока, глядел так, будто читал мысли защитника. Так смотрели все новые защитники, ориентированные на память. Только теперь они начинали приходить к пониманию.

— Я был бы удивлен, если бы вы поняли, как быстро это происходило,— сказал Бреннан-монстр. Он пристально посмотрел на стариков, один вдвое старше другого, но оба уже перешагнули возраст изменений. И удивился, что они могут быть его судьями.

— За два дня мы изучили языки друг друга. Его язык намного быстрее моего и более пригоден для моего речевого аппарата. Так что мы говорили на его языке. Он рассказывал мне историю своей жизни. Мы обсудили проблему марсиан, выбрали наиболее эффективный способ их уничтожения...

— Что?

— Их уничтожения, Гарнер. Черт побери, ими уже убито тридцать человек. Мы разговаривали практически безостановочно. И все это время мы упорно работали. Моя физическая подготовка. Воздух и воду, вплоть до последнего атома, мы переместили из системы жизнеобеспечения на базу. Костюм Физпока, чтобы в нем можно было плавать в пыли. Я никогда прежде не видел базы. Мы экстраполировали план базы и выяснили, как вновь наполнить ее воздухом и как ее защищать.

На третий день он объяснил мне, как вырастить урожай дерева жизни. Он открыл ящик и рассказал, как разморозить семена, не повредив их. Он приказывал мне, словно я был всего лишь микрофоном компьютера. Я чуть было не спросил его: «У меня нет права выбора?» Но права выбора у меня не было.

— Не понимаю,— сказал Гарнер.

— У меня не осталось никакого выбора. Я стал слишком разумен. Вот что происходило каждый раз с момента моего пробуждения. Я узнавал ответ прежде, чем успевал сформулировать вопрос. Откуда взяться выбору, если я все время видел наилучший ответ? В чем моя свобода воли? Вы не можете поверить, насколько быстро это происходило. В одно мгновение я мог проследить всю логическую цепочку. Я ударил Физпока головой о край холодильника. Времени его беспамятства мне хватило на то, чтобы тем же краем перерубить ему горло. Затем я отпрыгнул, на тот случай, если он атакует меня. Я высчитал, что смогу продержаться, пока он не умрет от удушья. Но он не атаковал. Он не понимал, все еще не понимал.

— Бреннан, это выглядит как убийство. Ведь он же не собирался нападать на вас?

— Даже тогда — нет. Я был его самой главной надеждой. Он не мог даже защищаться из страха повредить мне. Он был старше меня, и он знал, как надо сражаться. Если бы он захотел, он бы мог меня убить, но он не смог захотеть. Тридцать две тысячи лет

реального времени он нес к нам эти корни. И он полагал, что завершением его трудов являюсь я.

Думаю, он умер, веря, что достиг своей цели. Он наполовину ожидал, что я его убью.

— Почему, Бреннан?

Бреннан-монстр пожал похожими на дыни плечами:

— Он ошибся. Я убил его потому, что узнай правду, он постарался бы истребить человечество.

Он сунул руку в разрез кокона, в котором проделал путь в двенадцать миль по текучей пыли. Вытащил и показал своим судьям что-то, тихо жужжащее устройство для возобновления воздуха, изготовленное из приборов корабля Физпока. Затем он вытащил половину корня. Корень напоминал сырой сладкий картофель. Бреннан сунул картофель под нос Гарнеру:

— Понюхайте.

Люк понюхал:

— Пахнет приятно. Запах похож на ликер.

— Соул?

— Приятно, а как на вкус?

— Если вы знаете, что он превратит вас в нечто, похожее на меня, станете вы его есть? Гарнер?

— Непременно. Мне бы хотелось жить вечно, я боюсь старости.

— Соул?

— Нет. Я не смог бы отказаться от секса.

— Сколько вам лет?

— Семьдесят четыре. День рождения был два месяца назад.

— Вы уже слишком стары. Вы были слишком стары уже в пятьдесят. Съели бы вы его добровольно в сорок пять?

Соул засмеялся:

— Вряд ли.

— Ну, вот вам и половина ответа. С точки зрения Физпока, мы — ошибка. Другая его половина состоит в том, что некий душевнобольной мог бы заняться распространением корня. На Земле. Или в Зоне. Или еще где-либо.

— Хотелось бы надеяться, что этого не будет. Но позвольте выслушать ваши доводы.

— Война. Во все времена своей истории мир как никогда не был свободен от состояния войны. И естественно, что не был свободен, поскольку любой защитник нацелен на экспансию и на защиту своего рода от экспансии со стороны всех прочих. Знания постоянно теряются. Раса не способна ни минуты действовать совместно, если каждый защитник видит свою выгоду в том, чтобы переиграть остальных. Из-за этого не прекращающегося состояния войны никакой прогресс для расы Пак невозможен.

И мне заняться распространением этого корня на Земле? Можете вы вообразить себе тысячу защитников, каждый из которых решил, что их внукам необходимо больше пространства? Ваши

восемнадцать миллиардов плоскостников и без того живут слишком тесно; свои возможности вы исчерпали.

Кроме того, на самом-то деле нам ни к чему дерево жизни. Гарнер, когда вы родились? В тысяча девятьсот сороковом или что-то в этом роде?

— В тридцать девятом.

— Гериатрия развивается настолько быстро, что мои потомки смогут жить тысячу лет. Мы станем долговечными и без дерева жизни, ничем не жертвуя при этом.

— Теперь посмотрим на это с точки зрения Физпока,— продолжал Бреннан-монстр.— Мы — мутанты. Мы заселили Солнечную Систему и начали создавать межзвездные колонии. Мы нуждаемся в корне, и, даже если нам навязать его силой, защитники-мутанты в результате окажутся необычными. Физпок мыслил долговременными категориями. Мы — не Пак, мы не сможем принести пользу Пак и, надо полагать, когда-нибудь сможем достичь ядра галактики. Пак атакуют нас в то же мгновение, как только обнаружат, и мы дадим им отпор.— Он пожал плечами.— И мы победим. Среди Пак нет единства. У нас оно есть. А наша технология окажется лучше, чем их технология.

— Наша лучше?

— Я говорил вам, что они не в состоянии развивать науку. То, что не может быть использовано немедленно, останется без применения до тех пор, пока кто-нибудь не передаст записи об этом в Библиотеку. Военные сведения не фиксируются никогда. Семьи хранят их в строжайшей, глубочайшей тайне. А те, кто обращается в Библиотеку,— это бездетные защитники. Их мало, и уровень мотивации у них низок.

— А если бы вы попробовали найти с ними общий язык?

— Гарнер, мне его с вами не найти. Если бы он только начал понимать, он тут же бы убил меня. Он умел убивать защитников. У меня не осталось бы ни единого шанса. А после этого он постарался бы уничтожить человечество. Мы для него намного хуже, чем просто враждебно настроенные чужаки. Мы — искажение расы Пак.

— Но он не смог бы этого сделать. Он был один.

— Я придумал с полдюжины способов, которыми он мог бы воспользоваться. Ни один из них не дает полной гарантии, но рисковать я не имел права.

— Назовите хотя бы один.

— Засеять деревом жизни весь Национальный парк Конго. Создать защитников из шимпанзе и мартышек.

— Но здесь он был как на необитаемом острове.

— Он смог бы захватить ваш корабль. Смог бы отобрать ваш дурацкий сигнальный пистолет так же быстро, как и я. Джентльмены, могу я обратить ваше внимание на то, что скоро заход Солнца? Не думаю, что вам понравится вести лодку обратно к кратеру в темноте.

Люк включил мотор.

— Мартин Шеффер на Церере вызывает Ника Соула на борту «У-Санта». Ник, не знаю, как идет ваша охота, но Фобос сообщает, что вы благополучно приземлились возле базы Олимп. Они все время следят за вашей песчаной лодкой. Вероятно, когда вы вернетесь, вы все найдете на ленте.

— Мы послали «Голубого Быка» вам навстречу, полагая, что вам может понадобиться компьютер в качестве транслятора. Командует Эйсаку Икеда.

— Эйнар Нильсон умер. О результатах вскрытия сообщим позднее.

— К судну Постороннего выслан корабль с горючим и оборудованием. Его уже сопровождают два одноместных корабля. Судно Постороннего оснащено надежными буксировочными канатами. Для его буксировки мы можем использовать и одноместные буксировочные корабли. Хотя это будет более трудоемким и потребует больше времени. Доставить его домой, в Зону, раньше, чем через пару лет, мы не сможем.

— Ник, когда подойдет «Бык», будь поосторожнее с Тиной Джордан. Не травмируй ее. Думаю, она винит себя за то, что случилось с Эйнаром. Она и без того перенесла сильное потрясение.

— Повторяю...

Люк причалил лодку, когда уже почти совсем стемнело.

— Вам придется подождать здесь, Бреннан,— сказал он.— Ник не сможет перенести нас обоих.

— Я покачусь,— ответил Бреннан-монстр.

Ник сошел на тропу и, неестественно торопясь, обогнул пылевую лужу.

— Успокойтесь,— недовольно предупредил Люк.— При таком освещении вам не удастся скакать рысью. Упадете и разобьете нам шлемы.

— Он намеревается первым войти в корабль,— резко произнес Ник.

Бреннан, катящийся прямо по пыли, на мгновение остановился.

— Помедленней. Вам не удастся обогнать его, а он не сможет подняться по трапу.

— Если он только не придумал способ. Если он... А, черт.— Ник замедлил шаг, Бреннан вкатился на откос и остановился в футе от лестницы «У-Санта». Смахивающий на полупрозрачную сосиску, он ожидал их.

— Ник, вы ему доверяете?

Прошло какое-то время, прежде чем Ник ответил:

— Я полагаю, его рассказ — правда. Он зонник. Или — бывший зонник.

Ругаясь, он не поминал Файнегла.

— Я, порой, тоже. И он узнал меня. Нет, говорю вам, он и в самом деле меня убедил. Он не спросил о жене, поскольку она

сама о себе может позаботиться. Он спросил о грузе. Он — зонник.

— Тогда мы принимаем его историю. Антропологию и все прочее. Уф-ф.

— Его историю — да. Люк, я подниму вас наверх, а потом спущусь за Бреннаном. Но я не отправлюсь за ним до тех пор, пока вы не переговорите с Церерой. Я хочу, чтобы все это было записано прежде, чем я позволю ему подняться на борт судна. Я все еще не понимаю его побуждений.

— А-а.

— Он сам об этом сказал. У защитников другие побуждения.

Гарнер уже закончил, когда Бреннан выбрался из своего застегивающегося баллона. О задержке он упоминать не стал. Сказал только:

— Если вы беспокоитесь об оборудовании, то я могу обойтись без противоперегрузочного кресла. Кстати, я могу лететь даже снаружи, в грузовой сетке, если вы снабдите меня радиопередатчиком. Если моя собранная по кусочкам воздушная установка откажет, то мне понадобится быстро оказаться внутри.

— Это не обязательно. Мы бы так и сделали, будь здесь тесно, но места хватает,— ответил Ник. Он протиснулся мимо Бреннана, содрогнулся, прикоснувшись к его сухой, жесткой коже, и опустился в кресло.

— Кажется, мы получили сообщение.

В тишине они прослушали голос Светляка Шеффера.

— Скверно насчет Нильсона,— сказал после этого Бреннан.— У него было немного шансов на то, что ему позволят съесть достаточное количество корня, даже если бы он не оказался слишком стар.

Никто не ответил.

— А знаете, Шеффер прав. Действуя таким образом, вы в самом деле потратите пару лет, чтобы прибуксировать корабль Физпока.

— У вас найдется лучшая идея?

— Разумеется, у меня найдется лучшая идея. Вы глупец, Ник. Я смогу долететь до дома на этом корабле сам.

— Вы? — Ник уставился на него.— Когда это Посторонний обучил вас управляться с его механизмами?

— Он этого никогда не делал. Но я их видел, и они не кажутся мне безнадежно непонятными. Просто — более сложными. Я уверен, что смогу разобраться, как пилотировать корабль Постороннего. Все, что от вас требуется,— это доставить на корабль горючее и меня.

— Х-мм... А что будем делать с грузовым отсеком? Оставим, где он есть?

— Нет. Отсек снабжен гравитационным поляризатором.

— Да?

— Не говоря уже о запасе корней, который необходим мне, даже если вам он не нужен. Прибавьте сюда семена. Джентльме-

..ы, если вы наконец-то поняли, насколько возрос мой интеллект, то вам должно стать ясно, что представляют собой эти семена. Они гарантируют безопасность человеческой расы. Если нам действительно когда-нибудь потребуется лидер, то мы сможем просто подобрать бездетного сорокалетнего добровольца и предоставить ему или ей клочок земли, засеянный деревом жизни.

— Не уверен, что мне это нравится,— сказал Гарнер.— И к тому же, гравитационный поляризатор не менее важен. Вы — вместе с флотом ООН — можете забрать его, пока мы с Ником добираемся до судна Физпока...

— Совсем просто...— заметил Соул.

— Какое-то время вам не придется тревожиться насчет марсиан. Как раз перед тем, как оставить судно Физпока, я выпустил в пыль остатки воды. Никому не позволяйте входить в отсек без скафандра. Подробнее объяснять нужно?

— Нет,— сказал Гарнер. Он чувствовал себя как новичок, вставший на лыжи. Где-то он утратил контроль, и теперь события развивались слишком стремительно.

Ник заговорил, не скрывая раздражения:

— Погодите-ка. С чего это вам пришло в голову, что мы вам позволим лететь на корабле Постороннего?

— Потратьте немного времени и подумайте,— ответил Бреннан.— У вас в залог остаются мои запасы корня. И куда бы я направился с двигателем Баззарда? Кому бы я смог его продать? Где мне спрятаться — с моим-то лицом?

Лицо Ника утратило настороженное выражение. Где было его желание сотрудничать?

— Вероятно, это самый ценный артефакт во всей доступной человечеству Вселенной,— продолжал Бреннан.— Он удаляется со скоростью в несколько сотен миль в секунду. Каждая минута, которую вы потратите на то, чтобы принять решение, обернется для вас лишними двумя часами возвращения корабля из межзвездного пространства. Вам придется расплачиваться за это перерасходом горючего и припасов. И часами человеческого труда. И задержкой. Не теряйте времени даром. Думайте.

Бреннан-монстр обладал способностью к саморасслаблению. Но когда-нибудь в будущем для него наступят периоды бешеной активности.

Они оставили Лукаса Гарнера на Фобосе, дозаправились и продолжили путь. После этого Гарнер не видел Ника семь месяцев. С Бреннаном он не встречался больше никогда.

Весь остаток своей жизни он помнил этот невероятный разговор. Бреннан на спине, задрав вверх колени, в чрезвычайно неудобной позе, бормотал позади кресла Гарнера своим наполовину нечеловеческим голосом. У него были трудности со звуками «в» и «у», но Гарнеру удавалось понять его. Голос Бреннана был полон щелкающих звуков.

Неясное напряжение, излучаемое Ником, прекратилось, когда

корабль перешел на свободное падение. Марс медленно уменьшался, яркий и разнообразный ландшафт его краснел по мере того, как смазывались детали.

— Дети. У вас есть дети,— внезапно вспомнил Люк.

— Я помню. Но не бойтесь. На их счет у меня нет особых намерений. Без этого у них будет больше шансов на счастье.

— Гормональные изменения не подействовали?

— Я как трутень — среднего рода. А они должны действовать еще долго. Я склонен думать, что необходимость смерти защитника после гибели его рода — искусственная. Обучение. У меня этого обучения нет. Нет и убеждения, что производитель не может быть счастлив или не находится в безопасности без того, чтобы предки постоянно указывали ему, что нужно делать. Ник, вы можете объявить, что Посторонний меня убил?

— Что? Зачем?

— Так будет лучше для детей. Я не могу повидаться с ними и не оказать воздействия на всю их жизнь. И для Шарлотты так тоже будет лучше. Я не могу надеяться в таком виде снова войти в человеческое общество. Для меня в нем больше ничего нет.

— В Зоне не станут к вам относиться как к калеке, Бреннан.

— Нет,— сказал Бреннан твердо.— Выделите мне астероид. Я поставлю купол и стану выращивать дерево жизни. Установите со мной ежемесячную связь с Цереры, чтобы я мог последовательно информировать вас о том, как оно развивается. Я оплачу все это новыми открытиями. Думаю, я смогу спроектировать управляемый человеком аппарат таранного типа. Лучший, чем у Физпока.

— Вы назвали его деревом жизни?— спросил Гарнер.

— Это хорошее название. Помните, Адам и Ева ели с дерева познания добра и зла. В соответствии с Книгой Бытия причина, по которой они были изгнаны вон, в том, что они могли так же вкусить от дерева жизни и жить вечно. «И стать как один из нас» — это сделало бы их равными ангелам. Сейчас это выглядит, словно оба эти дерева были одним и тем же.

Люк отыскал сигарету:

— Не сказал бы, что мне нравится идея о получении урожая дерева жизни.

— Мне еще меньше нравится идея о государственном секрете,— сказал Ник.— В Зоне никогда не было общегосударственных секретов.

— Надеюсь, мне удастся вас убедить. Я не могу защищать своих детей, но я могу попробовать защитить всю человеческую расу. Если я буду необходим — я буду там. Если необходимость возрастет — у нас будет корень.

— Лекарство, весьма вероятно, окажется хуже болезни.— Люк щелкнул зажигалкой.— Ф-фу...

Узловатая рука протянулась из-за затрещавшего кресла, вытащила сигарету у него из губ и загасила о стенку.

Это потрясло Люка. Он с содроганием вспоминал об этом,

проходя через двойные воздушные шлюзы, расположенные вдоль главной оси астероида Фермера.

Некогда астероид Фермера представлял собой глыбу железоникелевого сплава приблизительно цилиндрической формы, двигающуюся между орбитами Марса и Юпитера. Затем его преобразовала техника зоны: заставила вращаться, разогрела металл почти до жидкого состояния и создала внутри пустоты. Астероид превратился в цилиндрический пузырь с радиусом в пять миль. Сила его тяготения, составляющая половину земной, обуславливалась его вращением. Здесь выращивались многие пищевые культуры Зоны.

Люк однажды уже посещал астероид Фермера. Он был в восторге от пейзажа его внутренней стороны, с озером, похожим на обручальное кольцо, квадратами полей, рассыпанными перед ним, и над ним, и по бокам. Полей, которые вспахивали и бороздили крошечные трактора,— в десяти милях над его головой.

Воздушный люк, расположенный вдоль оси, пропустил его. Здесь было холодно. Масса астероида отгораживала его от Солнца, и сюда никогда не доходило тепло, идущее от продольного ядерного реактора. Здесь громоздились ледяные горы, сконденсировавшиеся из воздуха. Гора разламывалась, ее осколки катились по откосам вниз и таяли, давая начало рекам. По специально проложенным руслам реки стекали в похожее на обручальное кольцо озеро, которое опоясывало астероид Фермера. Здесь его встретил Соул и помог преодолеть склон, на котором Люка ждала инвалидная коляска.

— Могу догадаться, зачем вы здесь,— сказал Ник.

— Официально я по поручению Объединенного Совета Межзвездных Колоний. Он получил ваше требование послать предупреждение в Страну Чудес. Совету, правда, далеко не ясно, какое создалось положение, и я не смог оказать ему особой помощи.

— Вы получили мое сообщение,— немного резковато сказал Ник.

— Ник, в сообщении сказано немного.

Помедлив, Ник кивнул:

— Моя вина. Мне просто не хотелось говорить об этом... И сейчас не хочу, но раз уж об этом пошла речь... Было уже слишком поздно. Но вы знаете, мы просто так не сдаемся. Мы его проследили.

— Ник, что произошло?

— Когда мы прибыли с Бреннаном на место, уже была проделана значительная работа. Идея состояла в том, чтобы соединить воедино два одноместных судна, развернув их двигатели под углом в десять градусов. Затем к этой конструкции кабелем пришвартовать корабль Пак. На расстоянии восьми миль от отсека жизнеобеспечения. На небольшом ускорении мы смогли бы дотянуть его до нас. Но Бреннан сказал, что двигатель Пак способен развивать ускорение в десять раз большее.

Тогда мы высадились на этом шаре, отсеке жизнеобеспечения Пак, и Бреннан начал колдовать с приборами. Наблюдая за ним,

я провел там пару суток. Оказалось, что можно делать прозрачным или весь корпус, или часть его. Это мы обнаружили попутно. Мы расширили отверстие, которое проделала Тина Джордан, и приспособили к нему воздушный шлюз.

Прошли два попусту потраченных дня, и Бреннан заявил, что он во всем разобрался, и от нас требуется только одно — заправить горючим секцию жизнеобеспечения. Он сказал, что если мы попытаемся буксировать судно назад, то нарушим работу всех систем безопасности. Гарнер, черт побери, разве я знал...

— Вы и не могли знать. Однако теперь это не имеет значения.

Ник провел рукой спереди назад по своему белому чубу.

— Был наспех сооружен трубопровод для перекачки горючего на корабль Пак. Бреннан настаивал на том, чтобы всю работу проделать самостоятельно. Но даже ему пришлось пользоваться противорадиационным скафандром и щитом. Его собственное судно мы пришвартовали с помощью буксировочного каната, просто на тот случай, если что-нибудь случится по дороге домой. Это была моя идея, Гарнер.

— Ха-ха.

— Он отправился в путь, взяв направление на Солнце. Мы пытались идти рядом, но он начал маневрировать, чтобы опробовать приборы корабля. Мы сохраняли дистанцию. Тогда — он просто развернулся и пошел в межзвездное пространство.

— Вы пытались его поймать?

Ник взвыл:

— Что значит: «пытались». Мы летели рядом с ним. Я не хотел предпринимать ничего угрожающего, но он не выходил на связь, а у нас кончалось горючее. Я приказал Дубчеку и Тортону использовать их двигатели как оружие, если он не сменит курс.

— И что?

— Думаю, он включил поле таранно-черпающего двигателя Баззарда. Электромагнитный эффект оказался достаточным, чтобы наши приборы сгорели. Мы остались в космосе без аппаратуры и оборудования. Повезло, что хоть двигатели не взорвались. В конце концов до нас добрался заправочный корабль, и мы ухитрились произвести кое-какой ремонт. Все это время Бреннан набирал скорость.

— Великолепно.

— Черт побери, откуда мне было знать? Его запасы продовольствия остались у нас. Тот ящик с корнями был почти пуст. Оригинальный способ самоубийства? Или он испугался того, что мы можем натворить, обладая пилотируемым судном, оснащенным двигателем Баззарда?

— Я так не думаю. И, Ник, вы знаете, что это такое. Помните, как он уничтожил мою сигарету?

Ник хмыкнул:

— Конечно. Он все время извинялся, но не мог допустить, чтобы вы курили. Я думаю, вам хотелось его ударить.

— Он — защитник. Чтобы он ни делал, все это для нашей по-

льзы.— Люк нахмурился, вспоминая кого-то... Нет, это было все, что он мог вспомнить о ней. Учительница средней школы?— Он не хотел, чтобы мы владели кораблем Пак. Или не хотел, чтобы мы могли узнать о чем-то, заполучив это судно. Или же не хотел, чтобы мы что-то могли узнать от него.

— Тогда почему он потратил два месяца, оставаясь за орбитой Плутона? С двигателем Баззарда нельзя останавливаться на полдороге. Это влечет за собой добавочный расход горючего. И там вообще не было ничего, что...

— Так называемый кометный пояс. Большая часть комет основное свое время находится именно за орбитой Плутона. Плотность пояса невелика, но дело не в этом. Там также находится десятая планета.

— Он не проходил вблизи Персефоны.

— Но он мог пройти вблизи каких-либо планет.

— ... Верно. О'кей, он провел там два месяца, два своих последних месяца, насколько могли определить наши детекторы монополей. А прошлый месяц он снова начал двигаться. Мы следили за ним достаточно долго, чтобы убедиться в этом. Он идет с ускорением к Альфе Центавра. К Стране Чудес.

— Сколько ему потребуется времени, чтобы туда добраться?

— О, во всяком случае, лет двадцать двигатель развивает небольшое ускорение. Но мы можем предупредить их и принять решение, чтобы наши передатчики через пятнадцать лет повторили предупреждение. Просто на всякий случай.

— Отлично. Это сделать мы сможем. Что еще? Как вам известно, мы откопали грузовой отсек

— Это всем известно. ООН тоже умеет хранить секреты.

— Мы уничтожили корни и семена. На самом-то деле эта идея никому не нравилась, но мы их уничтожили.

Прошло немало времени, прежде чем Ник ответил:

— Хорошо.

— Хорошо или плохо, но мы это сделали. С гравитационным поляризатором мы вообще не смогли разобраться. Если это гравитационный поляризатор — Бреннан мог сказать и неправду.

— Это гравитационный поляризатор.

— Вы откуда знаете?

— Мы проанализировали запись курса Постороннего к Марсу. Его ускорение менялось в соответствии с изменением гравитационных градиентов: не только скорость, но так же и направление.

— Великолепно, это нам поможет. Что мы еще сможем сделать?

— Что касается Бреннана — ничего. Скорее всего, он умрет от голода. Тем временем мы постоянно будем знать, где он находится.

— Или где находится источник монополей.

— У него нет корабля без груза монополей,— сказал Ник, те-

ряя терпение.— В настоящее время у него нет запасов пищи. Он мертв, Гарнер.

— Я все время не забываю, что он умнее нас. Если он найдет способ впасть в спячку, он доберется до Страны Чудес. Процветающая колония... И что же? Что он намерен делать со Страной Чудес?

— Что-то, о чем мы и думать не можем.

— Я так никогда и не узнаю — что. Я умру раньше, чем Бреннан достигнет Страны Чудес.— Люк вздохнул.— Бедный Посторонний. Проделать такой долгий путь, чтобы доставить нам корни.

— У него были благие намерения.

ЧАСТЬ 2

ИНТЕРЛЮДИЯ

Как описать промежуток в два столетия? Мера времени — события. За двести двадцать лет произошло многое. Иссохший труп Физпока закончил свой путь в Смитсонианском Институте. Много спорили, к какому классу гоминид он относится. Его история — поскольку Бреннана не было — передавалась теперь из третьих рук. Но его скелет соответствовал скелету гоминид. Кость соответствовала кости. Лукас Гарнер умер, когда корабль Пак достиг середины пути. Поворотов корабль не делал. Двумя годами позже Ник Соул наблюдал, как магнитный след судна Бреннана миновал Страну Чудес и, по-прежнему с ускорением, Бреннан направился в никуда. А Ник хотел бы знать — куда именно.

База Олимп на Марсе была реконструирована, чтобы грузовой отсек корабля Физпока можно было изучать на месте. Это было легче, чем попытаться поднять его, противоборствуя притяжению планеты (гравитационный поляризатор все еще не работал). Исследовательская группа неохотно прекратила работу, так и не поняв, как поляризатор действует. Для защиты от марсиан использовался помещенный в стационарную точку одноместный корабль, который двигателем расплавил пыль под базой.

Население Зоны значительно увеличилось. Множились покрытые куполами миры, некоторые из них были оборудованы двигателями, служащими для передвижения. Более трудной стала разработка шахт: наиболее богатые жилы были истощены. На всех астероидах возникли города. На одноместных кораблях летало все меньшее число зонников.

С Марсом столкнулся большой ледяной астероид. В результате возникли пылевые бури и не слишком сильные землетрясения, повредившие базу Олимп.

Колонии в межзвездном пространстве развивались и процветали. Широкое развитие вакуумной индустрии на Приносящем Несчастье привело к тому, что ландшафт планеты окутался атмосферой, подобной атмосфере Ист-Энда. На плато возникло общество угнетения. Население Страны Чудес увеличилось, и малочисленные поселения распространились по всему большому материку. Городам там предстоял долгий путь развития. Но мы добились, цивилизации развивались под Землей — приходилось избегать зимних и летних ураганных ветров. Дом — один из таких ми-

ров, был заселен и процветал, извлекая выгоду из своей новой техники и ошибок, допущенных более старыми колонистами мира.

Лучи лазера поддерживали связь между Землей и ее колониями. Изредка на Юнону уходили автоматы таранного типа с линейным ускорителем. Автоматы несли с собой груз новых знаний. Почти сразу же большинство доставленных звездолетами «подарков» авансом оплачивались биологическими новинками — семенами и замороженными эмбрионами. Новости из колоний поступали редко, хотя Приносящий Несчастье и Дом обладали превосходными переговорными лазерами.

Проблема наркотиков на Земле начала исчезать еще во времена Люка Гарнера. Потенциальные наркоманы предпочитали мозговые электроды. Ощущения оказывались богаче, а цена — после первоначальных расходов на операцию — невелика. Мозговые электроды никому не причиняли беспокойства. Проблема электродов так никогда и не стала серьезной. К 2340 году она была практически решена. Люди научились справляться с ними.

Численность населения Земли сохранялась на стабильном уровне. Если в этом возникала необходимость, она поддерживалась силой оружия.

Гравитационный поляризатор, казалось, выходил за пределы человеческого понимания.

Получила развитие аллопластика. Она прошла долгий путь, решив проблему нехватки трансплантатов. Вместо органических трансплантатов использовались приборы. Граждане ООН даже постановили считать смерть лишь наказанием за определенного рода преступления. За уклонение от уплаты подоходных налогов, за незаконную рекламу. Непререкаемая власть, которой обладали армия и объединенная полиция наций, была во много урезана.

Войн большого масштаба в эти времена не происходило.

Жизнь обитателей Солнечной Системы сделалась почти идиллической.

ЧАСТЬ 3

ВАНДЕРВЕКЕН

1. Упрямство Вселенной имеет тенденцию стремиться к максимуму.
2. Если что-то может происходить неправильно, оно происходит неправильно.

Первый и второй законы Файнегла

Он проснулся. Холод жег его нос и щеки. Он проснулся мгновенно, открыл глаза и увидел черноту ночи и яркие ясные звезды. В огромном изумлении он сел. На это потребовалось некоторое усилие. Он был во что-то завернут — словно куколка в своей оболочке.

Тени горных вершин ползли по мере того, как передвигались звезды. Вдали за глыбистым горизонтом пылали огни города.

В то утро он шел по вершине — после недельного путешествия с рюкзаком за плечами. Он проделал весь маршрут, он шел по пещерам, милю за милей вверх по узким тропинкам, где его окружали безумие и пустота. Вверх, туда, где должны быть металлические поручни и голые ступени, вырубленные прямо в скале. Свой последний ленч он съел там, на самой высокой вершине. Подготовка к спуску заняла много времени, его ноги протестовали против новой работы. Странное геологическое образование. Вершины вертикально тянулись вверх, словно пальцы, показывающие в небо. Потом... Что потом?

Однако теперь, по-видимому, он находился здесь, на полпути к вершине горы. Спальный мешок, в котором он очнулся, лежал посередине тропы.

Он не помнил, как заснул.

Контузия? Падение? Он высунул руку из мешка, ощупал себя в поисках повреждений. Ни одного. Он чувствовал себя прекрасно, никаких травм у него не оказалось. Воздух обжег холодом руку, и он удивился.

День был таким жарким.

А свой рюкзак он оставил в машине. Неделю назад он поставил машину на стоянке, тем же утром вернулся и засунул все свое снаряжение в багажник. Вместе со спальным мешком. Как мешок мог попасть сюда?

Путь сквозь вершины был достаточно опасным и при дневном свете. Элрой Трусдейл ничуть не считал себя способным состязаться с вершинами в темноте. Он достал из рюкзака еду (из рюкзака, который тоже должен был находиться в машине, но сейчас, покрытый росой, лежал рядом с его головой) и начал ждать рассвета.

С рассветом он направился дальше. Ноги хорошо отдохнули,

ему радостно было смотреть на пустые безлюдные скалы. Когда он преодолел невероятной трудности тропу, то громко запел. Никто не орал на него, чтобы он заткнулся. Ноги не болели, когда к полудню он преодолел подъем. Он подумал, что находится в прекрасной форме. Хотя только дурак отправился бы с рюкзаком по этим тропам. Не говоря уже о том, что ему захотелось дойти лишь до половины горы.

Когда он добрался до стоянки, Солнце стояло высоко.

Машина была надежно заперта, в таком виде он и оставил ее. Теперь он не насвистывал. Начиналась бессмыслица. Некий добрый самаритянин нашел его, лежащим без сознания на тропе (или сам его оглушил). Он не стал звать на помощь. Взломал машину Трусдейла, достал оттуда рюкзак, дотащил его до середины горы, чтобы завернуть Трусдейла в его же Трусдейла собственный спальный мешок. Какого черта? Кому-нибудь потребовалась машина Трусдейла, чтобы потом его обвинили в каком-либо преступлении? Когда он открыл багажник, то чуть ли не ожидал увидеть там труп убитого. Но там ничего не было. Даже пятен крови. Он почувствовал облегчение и разочарование.

На музыкальном комбайне машины лежала кассета с посланием. Трусдейл вставил ее и прослушал.

«Трусдейл, говорит Вандервекен. Теперь вы, может быть, поняли, что из вашей юной жизни исчезли четыре месяца. Прошу меня извинить за это. Мне это было необходимо, а вы могли позволить себе эти четыре месяца потерять. И я намерен за эти месяцы заплатить вам по справедливости. Короче, всю вашу оставшуюся жизнь вы каждые три месяца будете получать по пятьсот кредиток ООН. При том условии, что вы не станете делать попыток узнать, кто я.

По возвращении домой вы найдете кассету с подтверждением от «Баретта, Хаббарда и Ву». Они ознакомят вас с деталями.

Поверьте мне, за эти четыре месяца вы не совершили ничего преступного. Вспомнить вы ничего не сможете. Вы занимались тем, что вы сами сочли бы интересным. Кроме того, вы получите за это деньги.

В любом случае, вы обнаружите, что идентифицировать меня было бы затруднительно. Образец голоса вам ничего не даст. Баретт, Хаббард и Ву обо мне ничего не знают. Ваша попытка потребовала бы затрат и оказалась бы бесплодной. И я надеюсь, что такую попытку вы не станете предпринимать».

Элрой даже не шевельнулся, когда от кассеты с записью начал, клубясь, подниматься едкий дым. В какой-то мере он ожидал этого. В любом случае, голос этот он узнал. Его собственный. Должно быть, он наговорил эту ленту для... Вандервекена... в тот период, о котором ничего не помнит.

Он заговорил, обращаясь к почерневшей ленте:

— А ты не врешь сам себе, Рой, не врешь?

Он вылез из машины, дошел до туристского бюро и купил утреннюю ленту новостей. Комбайн все еще работал, хотя кату-

шка с посланием превратилась в обугленный комок. Он прокрутил ленту до даты 9 января 2341 года.

А это произошло с ним 3 сентября 2340 года. Он пропустил и Рождество и Новый год. На что он потратил четыре месяца? Гнев нарастал в нем. Трусдейл поднял телефонную трубку. Кто занимается похищениями людей? Местная полиция или армия?

Какое-то время он держал трубку в руке. Потом положил ее обратно.

Он понял, что и не собирался звонить в полицию.

Пока машина несла его обратно в Сан-Диего, Элрой Трусдейл бился в своего рода ловушке.

Он лишился своей первой (и вплоть до настоящего времени — единственной) жены из-за присущего ему нежелания тратить деньги. Она достаточно часто говорила ему, что это существенный недостаток. Так никто не делал. В мире, где никто не умирал от голода, стиль жизни был более важным, чем надежный кредит.

Он не всегда был таким.

От рождения Трусдейлу была определена твердая сумма, которая по замыслу могла сделать всю его жизнь пусть не богатой, но комфортабельной. Так могло и быть, но Трусдейлу хотелось большего. В возрасте двадцати пяти лет он уговорил своего отца выдать ему все деньги. Он хотел сделать некоторые капиталовложения.

Если бы дело удалось, он стал бы богачом. Но всему помешало жульничество. Где-то на Земле или в Зоне жил в роскоши человек, которого то ли можно, то ли нельзя было именовать Лоуренсом Сент-Джоном Мак-Ги. Даже при его образе жизни он не мог растратить все, что имел.

Может быть, реакция Трусдейла была слишком сильной. Но у него не было подлинных талантов, он не мог с уверенностью на себя полагаться. Теперь он это знал. Он стал продавцом в обувном магазине. А до этого работал на станции обслуживания, снабжая батареями проходящие машины и проверяя, как у них работают моторы и пропеллеры. Он был заурядным человеком. Он следил за своей формой потому, что так делали все. Полнота и вялые мускулы рассматривались как легкомыслие по отношению к себе. После того как Лоуренс Сент-Джон Мак-Ги украл его счастье, Трусдейл отказался от бороды. Превосходнейшей бороды. У работающего человека нет времени отрастить добротную бороду. На жизнь — две тысячи в год. Трусдейл не мог отказаться от денег.

И теперь он оказался в ловушке, запертый туда своим собственным «существенным недостатком». Проклятый Вандервекен. Он, должно быть, продавая себя, вступил с Вандервекеном в соглашение. Это был его собственный голос на ленте с посланием.

Подожди. Может, там никаких денег и нет... Просто дешевое

обещание, чтобы сплавить Трусдейла на несколько сотен миль на юг, чтобы Вандервекен получил несколько добавочных часов.

Трусдейл позвонил домой. В запоминающем устройстве телефона его ожидает цена четырех месяцев. Он назвал шифр «Баретт, Хаббард и Ву» и ждал, пока запоминающее устройство отыщет искомое.

Сообщение было на месте. Он прослушал его. В нем говорилось то, что он и ожидал.

Он вызвал лучшее Деловое Бюро.

Да, у них есть сведения о «Баретт, Хаббард и Ву». Это фирма, завоевавшая репутацию в своей области, специализирующаяся в общем законодательстве. Он получил от информатория их номер.

Баретт оказалась элегантно одетой женщиной средних лет. Она вела себя уверенно и резко. И не пожелала ему вообще ничего сообщить даже после того, как он удостоверил свою личность.

— Все, что я хочу знать,— сказал он,— это — гарантирует ли ваша фирма выплаты. Этот Вандервекен обещал мне по пятьсот кредиток каждый квартал. Если он прекратит выплату вам, то, тем самым, он прекратит ее и мне, не так ли? Невзирая на то, согласен ли я с условиями договора.

— Это не так, мистер Трусдейл,— холодно ответила дама.— Мистер Вандервекен выплачивает вам ежегодную ренту. Если вы нарушите заключенные с ним условия договора, рента перейдет... Разрешите посмотреть... Навсегда перейдет к Институту реабилитации преступности.

— Ого! И условия договора таковы, что я не должен пытаться узнать о том, кто такой мистер Вандервекен.

— Грубо говоря, да. Это можно было вполне ясно понять из сообщения, которое...

— Я его знаю.

Он повесил трубку. И задумался. Две тысячи в год, всю жизнь. И это оказалось на самом деле. Прожить на такие деньги было бы трудновато, но они явятся таким милым дополнением к его жалованью. Он уже придумал с полдюжины способов, на что можно будет потратить первые выплаты. Можно будет даже подыскать себе другую работу...

Две тысячи в год. Непомерная цена за четыре месяца работы. Работы какого рода? Что он делал эти четыре месяца?

И откуда Вандервекен знал, что этого окажется достаточно?

«Вероятно, я рассказал ему о себе,— раздраженно подумал Трусдейл.— Сам себя предал».

По крайней мере, его не обманули. Пять сотен каждые три месяца. Приобщиться к роскошной жизни... И до самого ее конца испытывать желание узнать. Но обращаться в полицию он не станет.

Он не мог припомнить, чтобы его так раздирали когда-нибудь противоречивые желания.

Он принялся за прослушивание других сообщений, накопившихся в запоминающем устройстве телефона.

— Но вы это сделали,— сказал лейтенант Армии.— Вы здесь.

Лейтенант был мускулистым человеком с квадратными челюстями и недоверчивыми глазами. Взгляните в эти глаза попристальнее — и вы сами начнете сомневаться во всем том, о чем вы ему только что рассказали.

Трусдейл пожал плечами.

— Что заставило вас изменить решение?

— Снова деньги. Я начал прослушивать сообщения в своем телефоне. Там было извещение от другой юридической фирмы. Вам знакомо имя «Миссис Джакоб Рандоля»?

— Нет. Минутку. Эстелла Рандоля? Президент Клуба Струльдбургов до... Хм.

— Она была моей пра-пра-пра-пра-бабушкой.

— И она умерла в прошлом месяце. Мои соболезнования.

— Спасибо. Я... Я, понимаете, не часто виделся с Большой Стеллой. Может быть, дважды в год. Раз — на праздновании ее дня рождения, раз — на Рождество или что-нибудь в таком духе. Вспоминаю, как мы вместе завтракали вскоре после того, как я обнаружил, что потерял все свои деньги. Она была вне себя. Ох, парень... Она предложила меня финансировать, но я отказался.

— Гордость? Это могло бы случиться с каждым. Лоуренс Сент-Джон Мак-Ги занимается старой и изысканной профессией.

— Я знаю.

— Она была самой старой женщиной в мире.

— Знаю.

Президентом Клуба Струльдбургов становился самый старый его член. Это был почетный титул. Делами обычно занимался действующий Президент.

— Когда я родился, ей было семьдесят три года. Дело в том, что никто из нас никогда не верил, что она умрет. Полагаю, это звучит не глупо?

— Нет. Много ли людей умирают в двести лет?

— Затем я прокрутил эту ленту от Бекета и Холлинтбрука. Она умерла! И я унаследовал около полумиллиона кредиток. Из невероятного, должно быть, состояния. У нее было столько прапра... правнуков, что их число могло бы превысить любую нацию в мире. Вы бы видели приемы в ее дни рождения.

— Понимаю,— глаза военного пристально уставились на него.— Итак, теперь деньги Вандервекена вам не нужны. Сейчас для вас две тысячи в год — семечки.

— И из-за этого сукиного сына я пропустил ее день рождения.

Военный откинулся назад.

— Вы рассказали странную историю. Я никогда не слышал о такой амнезии, после которой вообще не остается воспоминаний.

— Я тоже. Это — как если бы я уснул и проснулся через четыре месяца.

— Но вы даже не помните, как засыпали.

— Именно.

— Так могла бы оглушить пуля... Ну, мы подвергаем вас глубокому гипнозу и посмотрим, что у нас из этого получится. Полагаю, у вас нет никаких возражений? Вам придется письменно зарегистрировать свое разрешение.

— Прекрасно.

— Да, вот еще, вам может не понравиться то, что мы обнаружим.

— Я знаю.— Трусдейл уже подготовил себя к тому, что может быть обнаружено. Голос был его собственный. Что может испугать его, если он вспомнит о себе?

— Если в то время, о котором вы можете вспомнить, вы были замешаны в каком-либо преступлении, вам, возможно, придется понести наказание. Для алиби ваша амнезия не оправдание.

— Рискну.

— Отлично.

— Думаете, я это сфальсифицировал?

— Такая мысль у меня мелькнула. Узнаем.

— О'кей. Просыпайтесь,— сказал голос. И Трусдейл очнулся, словно человек, слишком внезапно разбуженный. Сны умирали в его мозгу.

Голос принадлежал Микаеле Шортер, широкоплечей, чернокожей женщине в свободной голубой рабочей блузе.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Прекрасно,— ответил Трусдейл.— Удачно?

— Очень странно. Вы не просто ничего не помните, что произошло за эти четыре месяца. Вы даже не сознавали течения времени. Как если бы вы все это время спали.

Лейтенант Армии сидел в стороне. Трусдейл не видел его, пока лейтенант не заговорил:

— Вам известно о каких-либо медикаментах, которые могли бы вызвать такое?

Женщина покачала головой.

— Доктор Шортер — специалист в области судебной медицины,— пояснил лейтенант Трусдейлу.— Похоже, что кто-то выдумал нечто новое.

Затем он обратился к доктору Шортер:

— Это может быть что-что совершенно новое. Почему бы вам не воспользоваться компьютером?

— Воспользовалась,— коротко ответила доктор.— Во всяком случае, таких медикаментов не выявлено. Выглядит это так, словно он, будучи оглушенным, уснул, а затем провел четыре месяца в замороженном состоянии. За исключением того, что тогда можно было бы выявить следы оттаивания: разрывы клеток ледяными кристаллами и тому подобное.— Она быстро взглянула на Трусдейла.— Не поддайтесь опять моему голосу.

— Не поддамся.— Трусдейл встал.— Чтобы ни было сделано со мной, это делалось в лаборатории, не так ли? Если это было таким новым. Это несколько сужает район поисков, верно?

— Сужает,— согласилась доктор Шортер.— Я бы поискала побочный продукт генетических исследований. Что-то способное разлагать РНК на составные части.

— Мы думали, что тот, кто схватил вас в горах,— проворчал лейтенант,— тоже должен был оставить какие-нибудь следы. Но и их не было. Машина была бы засечена радаром. Вандервекену пришлось нести вас вниз на себе, до стоянки, а это около м-м... Четырехсот метров. И когда вокруг никого не было.

— Это же невероятно опасно — на тех тропинках.

— Знаю. У вас есть лучшее объяснение?

— Неужели вы ничего не узнали?

— Насчет денег? Ваша машина оставалась на стоянке потому, что плата за нее была внесена авансом. То же самое и с вашей ежегодной рентой. Все взято со счета, зарегистрированного на имя Вандервекена. Счет новый, и он уже закрыт.

— Вымышленное имя?

— А вам это имя ничего не напоминает?

— Нет. Голландец, наверно.

Лейтенант кивнул и поднялся. Взгляд доктора Шортер выражал нетерпение. Ей хотелось поскорее вновь стать хозяйкой своего кабинета.

Полмиллиона кредиток — изрядная сумма. Трусдейл потешил себя идейкой послать своего босса ко всем чертям... Но вопреки традиции, Джером Линк не заслуживал обхождения такого рода. Не следует показывать, что ему, Трусдейлу, не терпится подать на расчет. И Трусдейл (как и положено, за месяц) написал заявление об увольнении.

Став временной, работа оказалась более приятной. Продавец в обувном магазине... Он встретил здесь столько интересных людей. Однажды он пристально уставился на машину, которая отливала обувь по мерке. Замечательное, восхитительное приспособление. Раньше он никак не мог понять этого.

В свободные от работы часы он планировал, как, освободившись, он посвятит свое время осмотру достопримечательностей.

Когда завещание Большой Стеллы вступило в силу, Трусдейл возобновил знакомство с бесчисленными родственниками. Те не заметили его ни на похоронах, ни на последнем приеме, устроенном в честь ее дня рождения. Где он был?

— Отвратительный случай,— ответил Трусдейл. И в тот же вечер ему пришлось рассказывать свою историю с полдюжины раз. Это доставляло ему извращенное удовольствие: ведь Вандервекен не желал гласности.

Удовольствие, им испытываемое, дало трещину, когда сводная троюродная сестра заметила ему:

— Так вас снова обокрали. Похоже, вы испытываете склонность к тому, чтобы вас обворовывали, Рой.

— Больше такое не повторится. Собираюсь изловить этого сукиного сына,— сказал Трусдейл.

За день до этого он зашел в Штаб Армии. С трудом вспомнил имя мускулистого лейтенанта. Робинсон, вот как его звали. Робинсон кивнул ему из-за изогнутого стола и сказал:

— Заходите. Наслаждаетесь жизнью?

— Отчасти. Как дела?— Трусдейл сел. Его офис был меньше, но комфорта было больше, со встроенными в стол кранами для кофе и чая.

Словно бы довольный вторжением, Робинсон откинулся за своим столом:

— Результаты, в основном, отрицательные. Мы все еще не знаем, кто вас похитил. Мы не смогли проследить путь денег, но убедились, что они исходят не от нас.— Он поднял глаза.— Вы, кажется, не удивлены?

— Я был уверен, что вы меня проверите.

— Верно. Предположим на мгновение, что некто, кого мы будем именовать Вандервекеном, обладает особым средством, вызывающим амнезию. Он может продавать его тем, кто намереваетсяся совершить преступление... Вроде убийства родственницы с целью получения от нее наследства.

— Я не убивал Большую Стеллу.

— Несмотря на то, что вы этого не делали, Вандервекен мог бы даже заплатить вам и здоровенную сумму. Нелепая идея. Кроме того, что вы этого не делали, мы обнаружили еще два случая селективной амнезии вашего типа.— На столе имелся ввод компьютера. Лейтенант включил его.— Первый произошел с Мари Боесалс, исчезнувшей на четыре месяца в 2220 году. Она не сообщила об этом. Армия заинтересовалась ею потому, что она перестала лечиться от болезни почек. Казалось вероятным, что она получила человеческий трансплантат. Но она рассказала очень странную историю, весьма напоминающую вашу. Включая годовую ренту.

Затем был Чарльз Моу, исчезнувший в 2241 году и вернувшийся через четыре месяца. Он также получил годовую ренту, но выплаты прекратились по той причине, что деньги присвоило себе «Страхование судьбы». Это привело Моу в такую ярость, что он обратился к нам. Естественно, Армия начала выявлять другие аналогичные случаи, но не обнаружила ничего. В течение столетия. Пока не появились вы. И выплата вашей ренты прекращена. В двух предыдущих случаях деньги переходили на исследование проблем протезирования. Сто лет назад еще не существовало реабилитации преступного поведения. Преступников пускали на органические трансплантаты.

— Верно.

— В других отношениях эти случаи были точно такими же. Похоже на то, что мы разыскиваем Струльдбурга. Соответствует

время: самый ранний случай произошел сто двадцать лет назад. Соответствует имя Вандервекен. Соответствует интерес к проблемам протезирования.

Трусдейл задумался. Струльдбургов было немного. Минимальный возраст для принятия в члены этого чрезвычайно изысканного клуба застыл на ста восьмидесяти одном годе.

— Конкретно вы кого-нибудь подозреваете?

— Если бы даже так и было, я не имел бы права сказать вам об этом. Но — нет. Миссис Рендолл, определенно, умерла естественной смертью, и она, так же определенно, не была Вандервекеном. Если она и была каким-то образом с ним связана, то обнаружить этого мы не смогли.

— Вы проверили Зону?

Робинсон резко взглянул на него.

— Нет. Зачем?

— Просто подумалось.

— Удаление во времени равно удалению в пространстве?

— Ну, мы можем послать запрос. Может быть, и у них были такие случаи. Я, лично, не знаю, что можно предпринять еще. Мы не знаем ни почему это делалось, ни как.

Для всех потенциальных туристов-рюкзаконосцев, живших на Земле в 2341 году, места не хватало. Не хватало всех взятых вместе национальных и интернациональных парков. Список на очередь в джунгли Амазонки растянулся на два года. В других парках существовали такие же списки.

Элрой Трусдейл пронес свой рюкзак через Лондон, Париж, Рим, Мадрид, Марокко, Каир. От города к городу его доставляли сверхзвуковые поезда. Он ел в ресторанах, в которых кредитные карточки предъявлялись раньше, чем обезвоженные продукты. Это было тем, о чем он мечтал долгое время, когда денег у него не было.

Он видел пирамиды, Эйфелеву башню, Лондонский Тауэр, Пизанскую башню, и все это было настоящее. Он видел Долину Упавших. Вместе с дюжиной иноплеменников он прошел по дорогам Рима.

Повсюду встречались другие рюкзаконосцы. На ночь они разбивали лагерь в местах, отведенных для них городами — обычно в старых гаражах или на заброшенном шоссе. Они разжигали лагерный костер, каждый давая огонь из своих переносных печурок, а потом сидели вокруг костра и учили друг друга песням. Когда они начинали надоедать ему, Трусдейл останавливался в гостинице.

Он износил свои носки для пеших прогулок, купленные по бешеной цене, и приобрел новые у лагерного торгового аппарата. Ноги его стали твердыми как дерево.

Месяц такой жизни — но Трусдейл и не думал ее прекратить. Что-то влекло его повидать все, что есть на Земле. Отказавшись от других возможностей, он отправился в необжитой район Австралии, вероятно, наименее популярный из всех национальных

парков. Он провел там неделю. Он нуждался в тишине и пространстве.

Затем — Сидней. И девушка с прической зонницы.

Ее спина была обращена к нему. Он видел «конский хвост» ее остриженных волос, черных и волнистых, почти достигающих талии. Большая часть ее черепа была голой и дочерна загоревшей (как и ее тело). Посередине — хохол, шириной в два дюйма.

Лет двадцать назад это действовало бы на нервы. Носить хохол жителя Зоны считалось причудой. Но это прошло, и теперь девушка выглядела отзвуком далекого прошлого... Или настолько отдаленного расстояния? Она была высокой, как все зонницы, но с гораздо лучше развитой мускулатурой. И была одна. Она не присоединилась к группе, собравшейся вокруг лагерного костра на другом конце восьмого этажа десятиэтажного гаража.

Прозвучала неожиданная песня, эхом отразившись от бетонного пола и потолка. «Я родилась около десяти тысяч лет назад... Когда мы высадимся на Луне, я покажу им, как...»

Настоящая зонница? Туристка?

Через лабиринт спальных мешков Трусдейл пробрался к ней.

— Простите, — сказал он. — Вы зонница?

Она повернулась:

— Да. Что из этого?

Глаза ее были коричневыми. Лицо ее было привлекательным на любой вкус, но отнюдь не любезным. На приглашение она отреагировала отрицательно. Возможно, ей не нравились плоскостники? И, наверняка, ей уже изрядно надоели заигрывания.

— Я хочу рассказать жителю Зоны одну историю.

Она сдвинула брови: жест раздражения.

— Почему бы вам не отправиться в Зону?

— Мне никак не попасть туда сегодня вечером, — резонно возразил он.

— Прекрасно. Начинайте.

Трусдейл рассказал ей о похищении на вершинах. Он говорил гладко. Быстро. И уже жалел, что не отправился просто спать.

Она слушала с плохо скрытым терпением, потом поинтересовалась:

— Чего ради вы все это мне рассказали?

— Ну, были еще два случая похищения такого же рода. Оба очень давно. Я хотел бы знать, не случалось ли чего-нибудь подобного в Зоне?

— Не знаю. Возможно, есть записи в архивах золотомундирников.

Он лежал в своем спальном мешке, закрыв глаза, скрестив руки на груди. Завтра... Бразилия? Остальные все еще пели:

«Ведь раз меня заметил Амра, мне остается лишь проклясть мою, почти потерянную, жизнь.

Потому что когда начинается сражение, кровь течет как вода.

Я всего лишь смола, которую раздавил корабль команды Вандервекена...»

Глаза Трусдейла широко распахнулись.

«... И это самая странная вещь, которую когда-либо сделает человек.

Похоже на то, что он подыскал себе скверное местечко».

Рюкзаконосцы склонны вставать с рассветом. Некоторые предпочитают отыскать ночной ресторан для завтрака. Другие готовят себе еду сами. Когда девушка поднялась, Трусдейл как раз варил замороженно-обезвоженные яйца.

— Помните меня? Меня зовут Алис Джордан.

— Рой Трусдейл. Берите яйца.

— Благодарю.

Он передал ей пакет, содержимое которого перемешал с водой и налил ей вместе с осадком. Наутро она была другой: отдохнувшей, более молодой на вид и не такой грозной.

— Я кое-что вспомнила этой ночью. О случаях, похожих на ваш. Они действительно были. Я — золотой мундир, и я слышала о подобных происшествиях, но ни разу не удосужилась поинтересоваться подробностями.

— Вы — золотой мундир?

Легавая? Кстати, она с него ростом. С такими мускулами она справится с любым зонником.

— Я к тому же и контрабандистка,— ответила она, оправдываясь.— Но однажды я решила, что налоги Зоне нужнее, чем контрабандисты.

— Возможно, теперь и мне придется отправиться в Зону,— небрежно заметил он. А сам подумал при этом: «Или сказать Робинсону, чтобы тот затребовал архивы». Яйца были готовы. Он подал их в чашках, которые все рюкзаконосцы носили на своих поясах.

— Расскажите мне поподробнее о случае с Вандервекеном,— попросила она.

— Больше мне не о чем рассказывать. Я бы предпочел об этом забыть.

«Это» в течение месяца поглощало все его мысли. Он был ограблен.

— Вы сразу же обратились в полицию?

— Нет.

— Вот что я вспомнила. Похититель брал свои жертвы из главной Зоны, держал у себя четыре месяца или около того, затем подкупал их. В большинстве случаев взятка оказывалась достаточно большой. Надеюсь, в вашем случае было не так.

— Почти.— Рассказывать чужестранке о Большой Стелле он не собирался.— Но если большинство из них приняли взятку, то как вы их обнаружили?

— Ну, утаить исчезновение корабля нелегко. Большинство кораблей исчезло в главной Зоне, затем через четыре месяца вновь появилось на других орбитах. Но если телескопы не могут их об-

наружить на протяжении четырех месяцев, кое-кто может начать задавать вопросы.

Они выплеснули из чашек остатки и наполнили их кофейным порошком и кипятком.

— Было несколько случаев такого рода,— продолжала она,— и все они остались неразгаданными. Некоторые зонники думают, что это Посторонний, берущий образцы.

— Посторонний?

— Первое чуждое человечество, с которым мы когда-нибудь повстречаемся.

— Вроде Морской Статуи? Или того чужака, который приземлился на Марсе во время...

— Нет, нет,— нетерпеливо сказала она.— Морская Статуя была извлечена из континентального шельфа самой Земли. Она пролежала там свыше миллиарда лет. Что же касается Пак, то, насколько можно судить, они представляют собой ветвь человечества. Нет, мы все еще ждем настоящего Постороннего.

— И вы думаете, что он берет образцы, чтобы установить, готовы ли мы принять цивилизацию? Что он явится, когда мы будем готовы?

— Я не говорила, что верю в это.

— А во что?

— Не знаю. Мне представлялось, что это очаровательная и немного странная история. Мне никогда не приходило в голову, что он начнет брать образцы и из плоскостников.

Он засмеялся:

— Благодарю.

— Не обижайтесь.

— Отсюда я направляюсь в Бразилию,— сказал он. Это было не совсем предложение.

— Я остаюсь. День работы, день отдыха. Для зонницы я крепка, но я просто не могу идти день за днем,— она заколебалась.— Вот почему я не могу ни с кем путешествовать. Мне делали предложения, но мне ненавистна даже мысль, что я могу оказаться слабее кого-то.

— Понимаю.

Она встала. Встал и Трусдейл. Ему показалось, что она выше его, но это только показалось.

— Где вы живете?— спросил он.— Церера?

— Веста. Пока.

— Пока.

Он пересек Бразилию, Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Он видел Чичен-Ица и, по обычаю, отведал перуанской кухни. Мысль о четырех месяцах, украденных из его жизни, все еще зудела в его мозгу, когда он оказался в Вашингтоне, округ Колумбия.

Центр Вашингтона был накрыт погодным куполом. Ему не разрешили войти туда с рюкзаком. Вашингтон был деловым го-

родом: под его управлением находилась значительная часть планеты Земля.

Трусдейл направился прямо в Смитсонианский Институт.

Морская Статуя представляла собой не совсем гуманоидную фигуру с зеркальной поверхностью. Она стояла на громадных косолапых ногах, две трехпалые руки подняты, отражая какую-то опасность. Несмотря на века, проведенные на дне моря, на ней не было заметно признаков коррозии. Она выглядела словно изделие какой-то предшествующей цивилизации... Она и была им. Была скафандром, способным генерировать очень сильное статисполе. Находящийся внутри генератор представлял большую опасность. Когда-то этот скафандр потеряли.

Пак оказался древней, сморщенной мумией. Лицо его было твердым и нечеловеческим. На этом лице отсутствовало какое-либо выражение. Его голова была повернута под странным углом, руки слабо раскинуты по сторонам, не поднявшиеся против того, что сломало его горло. Трусдейл прочел в путеводителе его историю. И почувствовал жалость. Пак пришел из такого далека, чтобы спасти нас всех...

Итак... Экземпляры извне имелись. Вселенная достаточно велика, чтобы в ней отыскалось все, что угодно. Если кто-то и берет образцы человечества, то ради чего? Зачем он утруждает себя еще раз, возвращая их обратно?

Нет, еще хуже. От этих вопросов прямо зуд начинается: зачем отправляться на Землю за плоскостниками? Достаточно много богатых парочек проводит свой медовый месяц на Титане, под грандиозным чудом колец Сатурна. Наверняка было бы гораздо легче похитить ракету с молодоженами. И зачем похищать зонников именно из главной Зоны? Достаточно много их уходят на шахтные разработки в других направлениях.

Какой-то слабый проблеск... Но это ничего не прояснило. Он выкинул пришедшую мысль из головы...

Путешествие вдоль Миссисипи и подъем на скалы. Там он сломал ногу, и пришлось лететь в ближайший городок, расположенный в неровном каньоне. Врач вправил ногу и срастил кость. После этого Трусдейл улетел домой. С него было достаточно.

Полиция Сан-Диего не имела новых сведений о Лоуренсе Сент-Джоне Мак-Ги. Они уже привыкли к розыскам Трусдейла и, если называть вещи своими именами, несколько устали от него. Трусдейлу стало ясно, что они никогда и не надеялись разыскать Мак-Ги и его, Трусдейла, деньги.

— Он накупил достаточное количество трансплантатов лица и кончиков пальцев,— как-то сказал ему один из офицеров. Теперь же они просто разыгрывали утешающую видимость деятельности и ждали, когда же он уберется. Последний раз он заглядывал сюда с год назад.

Трусдейл направился в Штаб Армии. Его больше устраивало такси, а не движущиеся тротуары. Нога все еще побаливала.

— Мы работаем над этим,— сказал ему Робинсон.— Такого рода случаи могут быть позабыты. Так что — не беспокойтесь.

— Что?

Военный вроде бы усмехнулся:

— Никакой реальной связи. Я запросил компьютер о других нераскрытых преступлениях. Связанных с новейшей технологией и произошедших в любое время. Вы когда-нибудь слышали о копии Стоунхенджа?

— Разумеется. Я был там полтора месяца назад.

— Разве не удивительно? Какой-то шут воздвиг эту копию за одну-единственную ночь. На следующее утро Стоунхенджа оказалось два. Нельзя обнаружить никаких отличий, за исключением местоположения: копия на несколько сот ярдов севернее. На копии даже вырезаны те же самые имена.

Трусдейл кивнул:

— Знаю. Это, должно быть, самая дорогостоящая шутка, которую когда-либо разыгрывали.

— На самом же деле мы не знаем, который из них подлинный Стоунхендж. Предположим, шутник поменял оба Стоунхенджа местами. У него же хватило сил для перетаскивания камней при постройке копии. Все, что ему оставалось сделать,— это сдвинуть камни, являющиеся настоящим Стоунхенджем, и поместить на его место копию.

— Только никому об этом не говорите.

Военный рассмеялся.

— Получили что-либо из Зоны?

Улыбка исчезла с лица Робинсона:

— Да. Полдюжины установленных случаев похищения и амнезии, и все — нераскрытые. Я все еще думаю, что мы разыскиваем Струльдбурга.

И все — нераскрытые. Это сулило неудачу и в деле Трусдейла.

— Старый Струльдбург,— сказал военный.— Кто-то, кто уже сто двадцать лет назад был достаточно стар, чтобы решить, что знает все для разрешения всех проблем человечества. Или, может быть, чтобы написать книгу, определяющую характер человеческого прогресса. Тогда-то он и начал брать образцы.

— И он все еще занимается этим?

— Или внук, продолживший его дело.— Робинсон вздохнул.— Не беспокойтесь. Мы его заполучим.

— Не сомневаюсь. Просто для этого вам потребуется еще сто двадцать лет.

— Не дурите,— попросил Робинсон. И Трусдейл послушался.

Центр активности золотомундирной полиции располагался там же, где и административный центр: на Церере. Штабы полиции на Палладе, Юноне, Весте и Астрее были в определенном смысле лишними. Но крайне необходимыми. Пять астероидов могли охватить всю главную Зону. Случалось, что все они в одно

и то же время оказывались по одну сторону от Солнца. Но такое происходило редко.

Из этих пяти астероидов Веста была самой маленькой. Ее города располагались прямо на поверхности, под четырьмя большими двойными куполами.

Один купол был трижды продырявлен за всю его историю. Это не из тех вещей, которые забываются. Все здания на Весте были герметичны. Некоторые были соединены с герметическими трубами, идущими через весь купол.

Окончив обычное антиконтрабандное патрулирование, Алис Джордан вошла в военный воздушный шлюз полиции Военного Города. Здесь помещались две комнаты и прихожая. Она сняла скафандр, повесила его. На груди — самка дракона, выдыхающая пламя.

Она доложила своей начальнице, Винни Гарсиа:

— Не повезло.

Винни усмехнулась. Она была темнокожей, тонкой и гибкой. С длинными и узкими пальцами. Намного более типичная зоннича, чем Алис Джордан.

— Вам повезло на Земле.

— Сыграла в шутку Файнегла. Вы получили мой рапорт.

Алис отправилась на Землю в надежде разрешить нарастающую социальную проблему грез плоскостников — мозговые электроды, направляющие электроток прямо в центры мозга, начавшие распространяться и в Зоне. К несчастью, решение проблемы электродов на Земле тоже заставляло себя ждать. Лет через триста земляне ее решат... Но это вряд ли удовлетворит Алис Джордан.

— Я не это имела в виду.— Винни сделала паузу.— В вашем кабинете вас дожидается плоскостник.

— Плоскостник?

На Земле она переспала с одним мужчиной, но это не доставило удовольствия ни ему, ни ей. Гравитация и недостаток опыта. Он проявил тактичность, но больше они не встречались.

Алис встала:

— Я вам еще нужна?

— Нет. Позабавьтесь.

Когда она вошла, он попытался встать. Его несколько сбивала с толку низкая гравитация, но он ухитрился достать ногами до пола, а все остальное выпрямить.

— Хелло. Рой Трусдейл,— сказал он прежде, чем она отыскала в памяти его имя.

— Добро пожаловать на Весту,— ответила Алис.— В конце концов, вы объявились. Все еще охотитесь на похитителя?

— Да.

Она села за стол:

— Расскажите. Вы уже кончили ваши странствия с рюкзаком за плечами?

Он кивнул.

— Думаю, лучше всего были скалы, и попасть туда нетрудно. Вам следовало бы попробовать. Скалы не считаются национальным парком, и немногие разбивают там свои палатки.

— Постараюсь, если снова попаду на Землю.

— Я видел других Посторонних... Знаю, что они не настоящие Посторонние, но, черт возьми, они чужие. Если настоящий Посторонний на них похож...

— Раньше вы склонялись к мысли, что Вандервекен — человек.

— Верно, склонялся.

— И затратили много сил, чтобы его найти.— Она проанализировала мысль, что Трусдейл явился, разыскивая некую женщину, обитательницу Зоны. Эта мысль ей льстила...

— Кажется, с законами считаются не везде,— сказал он.— Хуже того, похоже, что охота на Вандервекена или кого-то вроде него идет на протяжении ста двадцати лет. Я разозлился и записался на корабль, идущий на Весту. Решил разыскать Вандервекена самостоятельно. Знаете, а попасть к вам нелегко.

— Знаю. Слишком многим плоскостникам хочется полюбоваться астероидами. Нам приходится ограничивать их число.

— Мне пришлось ждать три месяца, пока не подвернулся аварийный катер. Я все еще не знал, куда мне направиться. В конце концов, всегда можно отказаться от своего решения... А затем произошло кое-что еще,— при одном воспоминании у него сжались челюсти.— Лоуренс Сент-Джон Мак-Ги. Десять лет назад он завладел почти всем, что у меня имелось. Мошенничество.

— Случается. Мои сожаления.

— Его поймали. Он назвал себя Эллери Джонсом из Сент-Луи. Затеял новую аферу в Топеке, штат Канзас, но кто-то выдал его, и его схватили. У него были новые отпечатки пальцев, новый рисунок кожи, новое лицо. Пришлось провести анализ волн мозга, чтобы убедиться, что это он. Я даже могу получить обратно мои деньги.

Она улыбнулась:

— Ну, это просто прекрасно!

— На него указал Вандервекен. Еще одна взятка.

— Вы уверены? Он назвал имя?

— Нет. Будь он проклят, затеявший игру с моим мозгом! Он, должно быть, решил, что я за ним охочусь потому, что он меня ограбил. Он забрал четыре месяца моей жизни. А теперь швырнул мне Лоуренса Сент-Джона Мак-Ги, так что мне можно перестать беспокоиться об этом упущенном мною времени.

— Вам не нравится, что его арестовали по подсказке?

— Да. Мне это не нравится,— он не смотрел на Алис. Его руки сильно сжимали подлокотники гостевого кресла. При этом мышцы на руках вздувались, перекатывались. Многие зонники делали вид, что они презирают мускулы плоскостников.

— Вандервекен может оказаться слишком велик для нас,— заметила Алис.

Его реакция была интересной:

— Вот вы как теперь заговорили. Что вы обнаружили?

— Ну... Я тоже охочусь на Вандервекена. Как вы знаете, были и другие исчезновения.

— Знаю.

Ее стол, как и стол Робинсона, был снабжен выходом компьютера. Она включила его.

— Полдюжины имен. Даты: 2150, 2191, 2230, 2250, 2270, 2331 годы. Можете посмотреть наши записи о вернувшихся до вас. Я беседовала с Лоуренсом Дженнифером, последним из них, но он мог вспомнить не больше, чем вы. Он точно вышел на орбиту, направляясь в троянские точки с грузом небольших деталей, когда... Потеря сознания. Следующее, что он осознал, так это то, что он оказался на орбите возле Гектора.— Она усмехнулась.— Он отнесся к этому иначе, чем вы. Он был просто счастлив, что вернулся обратно.

— Все остальные живы и здоровы?

— Дандридж Сукарно и Норма Стайер, исчезнувшие в 2270 и 2230 годах соответственно. Они не могли мне сказать, когда по местному времени это случилось. Они приняли свое вознаграждение, вот и все. Мы проследили путь денег. Обнаружили два разных имени — Джордж Олдувай и С. Критмейстер. За этими именами никто не стоит.

— Просто вам было не до этого.

Она пожала плечами:

— Многие золотомундирники время от времени интересовались Похитителем. Для людей сорта Винни это соблазнительно.

— Похоже на то, что он берет по образцу раз в десять лет. Попеременно с Земли и из Зоны.— Трусдейл взволнованно присвистнул.— Двадцать один на пятьдесят — примерно двести лет тому назад. Не удивительно, что он назвал себя Вандервекеном.

Она быстро взглянула на него:

— В этом есть какой-нибудь смысл?

— Вандервекен был капитаном Летучего Голландца. Я это раскопал. Знаете легенду о Летучем Голландце?

— Нет.

— В ней говорится о торговом парусном корабле. Парусном — выходя в море, он использовал силу ветра. Во время сильного шторма Вандервекен попытался обогнуть мыс Доброй Надежды. Богохульствуя, он поклялся, что обогнет мыс, даже если ему придется бороться с ветром до окончания веков. В штормовую погоду его все еще могут видеть проходящие мимо судна, он все еще пытается обогнуть мыс. Порой он останавливает эти суда и просит взять письма родным.

Она нервно рассмеялась:

— Письма — кому?

— Может быть, Вечному Жиду. Существуют варианты. В одних говорится, что Вандервекен убил жену и ушел в море, спасаясь от полиции. В других — что убийство было совершено на

борту. Кажется, писателям эта легенда по душе. По ней были сделаны романы. Было поставлено старое, плоское кино, и даже еще более старая опера. И вы слышали ту старую песню, которую поют рюкзаконосцы возле костров? «Я всего лишь смола, которую раздавил корабль команды Вандервекена...»

— Песенка-то хвастливая.

— Во всех этих легендах есть один общий пункт: бессмертный человек, в силу проклятия обреченный странствовать вечно.

Глаза Алис Джордан сделались большими и круглыми.

— В чем дело? — спросил Трусдейл.

— Джек Бреннан.

— ...Бреннан. Помню. Человек, который съел корни, находившиеся на борту судна Пак. Джек Бреннан. Предполагали, что он мертв.

— Предполагали,— она уставилась на свой стол. Постепенно глаза ее сфокусировались на катушках с сообщениями.— Рой, я должна сейчас же заняться одним делом. Где вы остановились, во «Дворце»?

— Конечно. Это единственная гостиница в Военном Городе.

— Я вас навещу там в восемнадцать. В любом случае, вам понадобится гид для посещения ресторанов.

Являясь единственным, «Дворец» был великолепным отелем. Обслуживающий персонал был небезупречен, но оборудование — удобства в ванной комнате, механизмы чистки и официанты — просто превосходны. Казалось, зонники обращались со своими машинами так, точно от машин зависела их жизнь.

Восточная стена шла в трех метрах от купола, и окна, как в художественных фильмах, были защищены большими прямоугольными щитами. Щиты автоматически поворачивались, прикрывая окна от резкого солнечного света. Сейчас щиты были открыты. Трусдейл посмотрел сквозь прозрачную стену. Горизонт за главной выпуклостью купола города Андерсена был таким же зазубренным и близким, что ему показалось, будто он находится на горном пике. Но с любой земной горы звезды не казались бы такими яркими. Он видел вселенную, и так близко, что до нее можно было дотронуться.

А комната обошлась ему недешево. Он готовился вновь научиться тратить деньги без содрогания.

Трусдейл принял душ. Это выглядело как насмешка. Душ разродился большой, медленно текущей массой горячей воды, которая словно желе стремилась облепить его тело. Струи по бокам и брызги словно иголки. Отголосок давным-давно минувших времен, решил он, тех дней, когда глубокая впадина, в которой теперь располагался город Андерсена, была искромсана вширь и вглубь при добыче водосодержащего камня. Но расплав стоил дешево, а вода, однажды полученная, могла дистиллироваться снова и снова, до бесконечности.

Когда он вылез из-под душа, оказалось, что для него есть со-

общение. Информационный терминал на краю стола выдал ему материалы, отпечатанные в книге толщиной с телефонный справочник Сан-Диего. После отъезда клиента страницы книги вновь становились чистыми. Должно быть, сообщение послала Алис Джордан. Он пролистал страницы, обнаружил воспоминания Николаса Соула и начал читать. Раздел, касающийся судна Пак, оказался почти в самом конце.

Когда Трусдейл закончил, его бил озноб. Николас Соул, некогда Первый Председатель Зоны... Соул не был дураком. «Нужно помнить,— писал Соул,— что он умнее нас. Может быть, он додумался до чего-то, до чего я не мог додуматься».

Но как может, пусть и умный, человек компенсировать отсутствие источника пищи?

Он продолжил чтение...

Алис Джордан появилась на десять минут раньше. Сразу же с порога она глянула ему за спину, на информационный терминал:

— Вы его получили. Очень хорошо. Сколько вы уже одолели?

— Воспоминания Ника Соула. Учебник по Физиологии Пак. Я бегло просмотрел книгу Грейвиса об эволюции. Он утверждает, что из мира Пак можно было бы импортировать с дюжину растений.

— Вы плоскостник. Что вы думаете?

— Я не биолог. И я опустил раздел об основании Базы Олимп. Меня в самом деле не беспокоит, почему гравитационный поляризатор до сих пор остается для нас загадкой.

Она присела на край кровати. На ней были широкие брюки и блуза. По мнению Трусдейла, наряд не для обеда. Но он и не ожидал увидеть юбку, учитывая притяжение Весты.

Алис сказала:

— Думаю, это Бреннан.

— Я тоже такого мнения.

— Но он должен был умереть. У него нет пищи.

— У него был его собственный одноместный корабль. Он его буксировал. Даже двести лет назад корабельная кухня могла бы обеспечить пищей надолго. Разве не так? Корни, вот чего ему не хватало. Может быть, несколько штук он прихватил из грузового отсека, какое-то количество могло находиться на борту судна Пак. Но, съев их, он должен был умереть.

— И все же вы считаете, что он жив. Я тоже так думаю. Давайте выслушаем ваши доводы.

Трусдейл помолчал с минуту, собираясь с мыслями.

— Летучий Голландец. Вандервекен. Бессмертный человек. Проклятый. Все это очень хорошо подходит.

Она кивнула:

— Что еще?

— О, похищения... и тот факт, что он возвращает нас обратно. Даже рискуя тем, что его поймают, он возвращает нас обратно.

Он слишком заботлив для чужака и слишком могущественен для человека. Что остается?

— Бреннан.

Вдобавок эта копия Стоунхенджа. Он должен рассказать ей об этом.

— Я думаю об этом с того момента, как вы упомянули Бреннана. Знаете, как мне это представляется? У Бреннана было достаточно времени, чтобы ознакомиться с гравитационным поляризатором в грузовом отсеке Пак. Должно быть, он разгадал, на каком принципе тот действует, и усовершенствовал, превратив его в генератор гравитации. А затем он принялся с ним играть.

— Игры. Опять подходит. Этому суперразуму, должно быть, понравилась его новая забава.

— Его могло потянуть на осуществление кое-каких других шуток.

— Да,— произнесла она демонстративно подчеркнуто.

— Что? Еще одна реализованная шутка?

Алис засмеялась.

— Вы слыхали когда-нибудь об Астероиде Махмуда? Это должно было быть в тех извлечениях, что я послала вам.

— Кажется, это я пропустил.

— Астероид двух миль в диаметре, состоящий главным образом изо льда. Телескопы Зоны обнаружили его довольно рано, году, думаю, в... 2188-м. Тогда он находился за орбитой Юпитера. Махмуд был первым, кто высадился на нем, кто нанес на карту его орбиту и выяснил, что астероид столкнется с Марсом.

— И он столкнулся?

— Да. Вероятно, его можно было остановить, даже с тогдашней техникой, но, полагаю, никто в этом не был по-настоящему заинтересован. Он должен был упасть вдалеке от базы Олимп. От него откололся здоровенный кусок льда и вышел на новую орбиту. Почти чистая вода, ценное вещество.

— Не понимаю, какое это имеет отношение к...

— Марсиане погибли. Все марсиане на планете, насколько известно. Увеличилось содержание водяных паров в атмосфере.

— Ого,— выдохнул Трусдейл.— Геноцид. Вот так осуществленная шуточка.

— Я вам говорила, Вандервекен может оказаться слишком велик для нас.

— Да-а,— с того момента, как он услышал голос, записанный на саморазрушающейся кассете, Вандервекен рос по всем направлениям. Теперь время его деятельности составляло двести двадцать лет, а активность покрывала всю Солнечную Систему. В отношении физической силы он тоже вырос. Бреннан-монстр мог взвалить себе на плечи находящегося без сознания Элроя и снести его вниз с вершин.— Он велик, прекрасно. И мы единственные, кто об этом знает. Что мы теперь будем делать?

— Пойдемте обедать,— сказала она.

— Что вы имеете в виду?

— Вы знаете, что я имею в виду,— мягко произнесла Алис.— Но пойдемте обедать.

Крыша отеля «Дворец» представляла собой четырехгранный купол, откуда открывались два вида. Восточная и западная грань показывали Весту, а северная и южная — голографическую проекцию какой-то горной цепи на Земле.

— Это замкнутая в кольцо лента, демонстрация продолжается несколько дней,— пояснила Трусдейлу Алис.— Снято с машины, идущей над земной поверхностью. Вероятно, утро в Швейцарии.

— Да,— согласился он. «Мартини» крепко ударил ему в голову. Он пропустил ленч, и теперь у него в желудке зиял вакуум.— Расскажите мне, чем кормятся зонники.

— Хорошо. «Дворец» — это, главным образом, французская кухня плоскостников.

— Мне бы хотелось попробовать кухню Зоны. Завтра?

— Честно говоря, Рой, на Земле я избаловалась. Завтра я возьму вас туда, где едят зонники, но не думаю, чтобы вам понравился вкус нашей пищи. Еда здесь слишком дорого стоит, чтобы лишний раз экспериментировать с ее приготовлением.

— Скверно,— он глянул на меню, укрепленное на груди официанта и содрогнулся.— Боже мой! Ну и цены!

— То, что здесь подается, дорого. Но с другой стороны, есть дрожжи для безработных, а они бесплатны...

— Бесплатны?

— ...И только чуть хуже на вкус. Если вы в стесненном положении, дрожжи обеспечат вам пропитание, а растут они практически сами. Обычный зонник употребляет почти исключительно вегетарианскую пищу, не считая цыплят и яйца. В большинстве крупных куполов выращиваются цыплята. Говядину и свинину мы можем получать только в мирах, образованных выдуванием пустот в астероидах. А морская пища... Ну, для этого нам пришлось бы плавать. Иногда появляются замороженные и обезвоженные продукты. Они стоят дешевле.

Они отстучали свои заказы на клавиатуре официанта. На Земле в ресторане с такими ценами официант, по крайней мере, имел бы человеческий облик... Но Рой никак не мог представить себе зонника в качестве официанта.

Куски мясной «Дианы» были слишком маленькими, овощи — разнообразные и в изобилии. Алис резко оборвала его восторги.

— Я позабыла,— сказала она,— что на Земле мне пришлось взвалить на плечи рюкзак, чтобы компенсировать все, что я съела.

Рой отложил вилку:

— Не могу понять, чем же он питался?

— Оставим пока это.

— Хорошо. Расскажите тогда о себе.

Она рассказала ему о детстве, проведенном на Астероиде Родов, о толстых окнах в подвальном помещении, через которые она могла видеть звезды. Звезды, которые для нее ничего не зна-

чили до тех пор, пока она не вышла наружу. Годы тренировок по вождению космических кораблей — не по необходимости, но друзья сочтут вас ненормальной, если вас отсеют. Первая попытка контрабанды и пилот-золотомундирник, повисший у нее на хвосте словно пиявка. Смеющийся над ней с экрана связи. До следующей попытки прошло три года, и все это время она возила пищевые продукты и гидропонное оборудование в троянские точки. А затем — то же самое смеющееся лицо. Она отгрузилась, а он всю дорогу до Гектора читал ей лекции по экономике.

Они перешли к кофе (замороженному и обезвоженному) и коньяку (произведен в Зоне и, к тому же, превосходен). Он рассказывал ей о двоюродных сестрах и сестрах еще более дальнего родства, вплоть до четвертого колена, о совсем уже отдаленных дядьях, а заодно и о тетках. Они все разбрелись по всему свету, так что куда бы он ни направился, у него везде отыщутся родственники. Он рассказал ей о Большой Стелле.

— Так он был прав,— сказала Алис.

Он знал, что она подразумевает.

— Я мог бы не обращаться к народу. Я мог бы не отказываться от денег. Алис, именно так он и судит о всей человеческой расе. Как о марионетках — на ниточках. И он — единственный, кто эти ниточки может видеть.

Лицо Алис исказилось от гнева:

— Я не позволяла судить о себе подобным образом.

— Он берет образцы, чтобы видеть, что мы делаем и как мы делаем. Полагаю, следующим его шагом будет осуществление плана селективного размножения.

— Великолепно, а каков наш следующий шаг?

— Не знаю,— он потягивал коньяк крохотными глотками. Чудесный напиток. Коньяк, казалось, испарялся во рту. Зоне следовало бы экспортировать его. Он был бы экономичнейшим из горючих: провались все пропадом.

— Думаю, у нас есть три возможности,— сказала Алис.— Первая: всем рассказать то, что мы знаем. Прежде всего — Винни, а затем продюсеру любой ленты новостей, который согласится нас выслушать.

— А они станут слушать?

— О...— она небрежно махнула рукой.— Думаю, опубликуют. Это же сенсация. Но у нас нет никаких доказательств. Одни предположения, а в них — зияющая дыра. И это все, чем мы располагаем.

— Чем он питался?

— Именно.

— Ну, можно попытаться объяснить.

Алис нажала кнопку вызова. Когда официант, шелестя в воздухе, скользнул к ним, она заказала еще два коньяка.

— И что потом? — поинтересовалась она.

— ...Н-ну...

— Люди нас выслушают, начнут обсуждать и удивляться.

И ничего не произойдет. Постепенно все сойдет на нет. Бреннану придется просто выждать. Столько, сколько понадобится: сто лет, тысячу...

— Мы ничего не знаем. Мы кричим в пустоту.

— Прекрасно. Вторая наша возможность — отказаться от этого дела.

— Нет.

— Отлично. Третья возможность — выследить его. С помощью Флота Полиции Зоны, если она нас поддержит, в противном случае — самостоятельно. — Он подумал, потягивая коньяк. — Знать бы, где его искать.

— Прекрасно, давайте прикинем. — Алис откинулась в кресле, полузакрыв глаза. — Он направился в межзвездное пространство. Остановился в кометном поясе, далеко за орбитой Плутона, пробыл там два месяца. Остановился полностью, что ему обошлось в немалое количество горючего. А потом продолжил путь.

— Путь продолжил его корабль. Раз уж он сейчас здесь, значит, он отправил в космос пустую моторную секцию корабля Пак. У него остались кабина управления корабля Пак и одноместное судно Зоны.

— И горючее. Столько горючего, сколько ему нужно — из цистерн моторной секции. Запас для маневрирования. Когда он отправлялся в путь, его цистерны были полны.

— Чудесно. Мы предполагаем, что он нашел способ выращивать корни для своего пропитания. Возможно, перед тем, как покинуть Марс, он забрал семена из грузового отсека. Чего у него теперь нет такого, в чем бы он нуждался?

— Дома, базы. Строительных материалов.

— Мог он получить это из комет?

— Вполне. Газы и химические соединения, во всяком случае.

— Превосходно. Я тоже так считаю, — сказал Трусдейл. — Когда вы так бойко говорите о кометном поясе, вы представляете, что говорите о кольце камней и скал, похожем на Зону Астероидов? Кометный пояс — место удобное, — произнес он с некоторым усилием. Коньяк начал сказываться на его языке. Если он исказит какое-нибудь мудреное слово, она только рассмеется. — Это там, где кометы замедляют скорость, зависают, а потом возвращаются к Солнцу. По объему это в десять раз больше всей Солнечной Системы, и, во всяком случае, большая часть Солнечной Системы располагается в одной плоскости. В большинство соединений, составляющих хвост кометы, входит водород, верно? Вот Бреннан и решил проблему горючего. В этом отношении Бреннан сегодня может находиться в одном месте, а завтра в каком угодно другом. Где будем искать?

Она резко взглянула на него:

— Отказываетесь?

— Есть такой соблазн. Не из-за того, что он грозен. Он для меня мелюзга. Но вот район, в котором он прячется, велик до отвращения.

— Есть еще одна возможность,— сказала Алис.— Персефона.

Персефона. И какого черта он забыл, что там как раз находится десятая планета? Однако...

— Персефона — газовый гигант, не так ли?

— Точно не знаю, но полагаю, что так. Это было определено по ее массе, по влиянию, которое она оказывает на кометы. Но атмосфера может находиться в замороженном состоянии. Он мог зависнуть над поверхностью до тех пор, пока не проплавит дыру в замороженном слое, а потом опуститься.— Она перегнулась к нему через стол. Ее глаза глубокого коричневого цвета поблескивали.— Рой, он откуда-то должен получать металлы. Ведь он построил какую-то разновидность генератора гравитации, построил? И он должен был при этом проводить эксперименты. Металл. Много металла.

— Может быть, из ядра кометы?

— Мне в это не верится.

Трусдейл кивнул.

Он не мог вести шахтные разработки на Персефоне. Планета такой величины должна быть газовым гигантом с жидким ядром. У нее газообразная атмосфера. Он не смог бы на нее высадиться. К тому же, на ней очень высокое давление.

— В таком случае — спутник! Может, у Персефоны есть спутник.

— А какого бы черта и нет? Почему бы такому газовому гиганту не обзавестись десятком спутников?

— Он провел там время, отдыхая два месяца. И убедился, что сможет там выжить. Он, должен быть, обнаружил Персефону и с помощью телескопа изучал ее. А когда убедился, что у нее есть спутники, то отправил моторную секцию корабля Пак в свободный полет. В противном случае ему оставалось только вернуться и сдаться.

— Похоже, все сходится. Он мог там вырастить даже дерево жизни... Но до сих пор он там находиться не будет.

— Он должен был оставить следы. Сейчас мы говорим о спутнике. Там, где он опустился на своем ядерном двигателе, должен остаться след. Шрам. И громадные шрамы там, где он рыл свои шахты, и постройки, которые ему пришлось оставить, и теплица. Он мог замаскировать некоторые из наделанных им повреждений, но спрятать теплицу он не мог.

На такой маленькой луне, находящейся далеко за орбитой Плутона, это невозможно. Теплица должна была оказать влияние на окружающую среду, нарушить эффект сверхпроводимости, испарить льды.

— Мы должны получить доказательства,— заявил Трусдейл.— Голографические снимки. В худшем случае, у нас будут следы шрамов, которые он оставил на спутнике Персефоны. А это уже не на половину высосанная из пальца теория.

— А в лучшем случае? — Алис усмехнулась.— Встретимся лицом к лицу с Бреннаном-монстром.

— И поймаем его!

— Выпьем за это.— Алис подняла свой коньяк. Они с осторожным звоном сдвинули рюмки воздушного стекла и выпили.

Его наполовину пробудил страх видения, а успокоило — знакомое состояние похмелья. Он сел. Кровать походила на розовое облако — постель Алис. Они пришли сюда прошлой ночью, вероятно, чтобы отпраздновать свое начинание. Или чтобы заключить соглашение. А, вероятно, просто потому, что они нравились друг другу.

Никакой головной боли. После хорошего коньяка ощущение похмелья остается, но голова не болит.

Это была одна из лучших ночей.

Алис не было. Ушла на работу? Нет, услышал он, она на кухне. Голый, на подгибающихся ногах, он направился туда. Алис, тоже обнаженная, жарила оладьи.

— Мы действительно хотели этого? — спросил он.

— Теперь ты узнаешь вкус кухни Зоны,— ответила она. Она протянула ему тарелку со стопкой блинов, и когда он взял тарелку как-то не так, оладьи подпрыгнули и полетели, совсем как на рекламном объявлении. Он ухитрился подхватить их, но стопка косо обрушилась вниз.

На вкус оладьи были как оладьи. Хороши, но не больше. Возможно, приготовление пищи в Зоне включает в себя обязательную наготу повара. Он налил себе кленовый сироп и отметил в памяти: послать Алис несколько бутылок вермонтского кленового сиропа. Если она предпочтет остаться в Зоне. И если он когда-нибудь вернется живым на Землю.

— Мы действительно хотели этого? — спросил он снова.

Она передала ему чашку и кувшин обезвоженно-замороженного кофе в смеси с земным коньяком:

— Давай-ка сперва узнаем насчет Персефоны. Тогда и будем решать.

— Я могу сделать это сам, в гостинице. Сведения тебе передам тем же путем, что ты мне вчера. Занимайся своими делами.

— Хорошая мысль. Тогда я могу связаться с Винни.

— Я бы хотел знать, разрешит ли мне золотомундирный флот сопровождать его.

Она уселась ему на колени. Невесомая как перышко, но женщина в полном смысле этого слова. Такая женщина, о которой только может мечтать мужчина. Она заглянула ему в глаза:

— На что ты надеешься?

Он прикинул.

— Полечу с ними, если разрешит твое начальство. Но заявлю прямо: если я смогу навести золотые мундиры на след Вандервекена, значит, он не сможет мной манипулировать. Поскольку Вандервекен это знает, то это все, о чем мне следует позаботиться.

— Я полагаю, это вполне справедливо.

Они вместе вышли из квартиры. Квартира Алис представляла

собой часть жилища, напоминающего утес, жилища, врезанного в стену глубокой борозды, оставленной в водосодержащей породе. Это — город Андерсена. Они в пневматическом вагоне доехали до Военного Города и там расстались.

Персефона. Впервые открыта в 2002 году путем математического анализа пертурбаций в орбитах некоторых известных в то время комет. Визуально обнаружена впервые в 2014 году. Орбита Персефоны расположена под углом в шестьдесят один градус к плоскости эклиптики. Масса несколько меньше массы Сатурна.

Возможно, первым достиг Персефоны и исследовал ее Алан Джакоб Мион в 2084 году. Заявка Миона была отклонена из-за отсутствия фотографических доказательств (его фильмы, как и сам Мион, подверглись воздействию радиации и погибли. Защита корабля была облегчена с целью экономии горючего). А также потому, что Мион утверждал, будто у Персефоны есть спутник.

Официально признанная исследовательская экспедиция была предпринята в 2170 году. Экспедиция сообщила, что Персефона не имеет спутников. Атмосфера — типичная для газовых гигантов, богатая водородными соединениями. Атмосферу планеты можно было бы использовать в качестве источника сырья, если бы Персефона была так же доступна, как Юпитер. Больше экспедиций к Персефоне не предпринималось.

— Проклятье,— подумал Трусдейл.— Никаких лун.

Ему хотелось знать, мог ли Бреннан добывать сырье из холодных газообразных химических соединений Персефоны. И чем, сложенными ладошками? И для чего? Таким путем ему не удалось бы получить металла... Да и не в том дело. В облаках никаких следов он оставить не мог.

Он отыскал сообщение экспедиции 2170 года и прочел его. С несколько большей тревогой он разыскал текст-интервью, которое репортер «Спектра новостей» взял у Алана Джакоба Миона. Мион относился к типу хвастунов, любящих выставлять себя напоказ. Он затратил год на то, чтобы добраться до десятой планеты, и все только для того, чтобы можно было заявить: я был здесь первым. Он не вел тщательных наблюдений и не был осторожен в своих выводах. Вероятно, его «спутник» был ядром кометы, идущим мимо Персефоны по отлогой параболе.

Через информационный терминал Трусдейл переслал материалы в штаб полиции.

Алис вернулась около 18-00.

— Винни не поверила,— устало сказала она.

— Я ее не порицаю. Спутников нет. Одна наша распрекрасная логика — и ни одной дерьмовой луны.— Он убил день, разыгрывая из себя туриста в городе, который не был предназначен для туристов. Военный Город был местом, в котором работали.

— Она бы не согласилась, даже будь там спутник... Она сказа-

ла... Ну, я не уверена, что в этом она права.— Усталость Алис объяснялась не гравитацией. Она не стала падать в постель. Она стояла выпрямившись, с высоко поднятой головой. Но в ее глазах и ее голосе...

— Прежде всего,— сказала она,— это все слишком гипотетично. И это правда. Во-вторых, если бы это была правда, что бы дала нам посылка бедного и беспомощного золотомундирного флота? В-третьих, вопрос с Похитителем адекватно объясняется как проявление Дальнего Взгляда.

— Не знаю про такое.

— Дальний Взгляд. Самогипноз. Зонник проводит слишком много времени, глядя в бесконечность. Иногда он приходит в себя, уже выйдя на орбиту возле места своего назначения и не помня ничего из того, что происходило после взлета. Винни и в самом деле показала мне доклад о Норме Стайер. Помнишь ее? Исчезновение в 2330 году...

— Помню.

— Эти четыре месяца, которые она сочла потерянными, она находилась в пути. Фильмы, заснятые на ее корабле, подтверждают это.

— Но подкуп? Похититель подкупает похищенных.

— У нас есть доказательства пары случаев подкупа. Но можно подыскать и другое объяснение. Люди используют историю с Похитителем, чтобы скрыть доходы от занятий контрабандой... Или чем-то еще более грязным.— Она улыбнулась.— Или же Вандервекен мог подделать фильмы, снимавшиеся на борту Нормы Стайер? Лично я в Похитителя верю.

— Да, черт возьми!

— Но Винни устно сделала одно замечание. Куда бы мы направились с этим несчастным флотом полиции Зоны? Бреннан откуда-то должен брать свой металл. Если он вел шахтные разработки на спутнике Персефоны, потом он должен был куда-то переместить его.

— Как?

— Тебе это на ум не приходило?

— Нет.

— В этом нет ничего странного. То, о чем мы говорим, небесное тело размером с Ганимед. Или это может быть большой скалистый шар наподобие Весты. Астероиды перемещали и раньше.

— Верно... И у него неограниченный запас водородного топлива. И у него же был генератор гравитации. И мы уже предположили, что он передвинул Астероид Махмуда. Но он не мог далеко сместить этот спутник. Любой кусок металла, который мы там обнаружим, может оказаться луной Персефоны. Верно? И он не стал бы передвигать ее, если бы она не служила слишком явным доказательством против него.

— Ты все еще собираешься открыть на него охоту?

Трусдейл глубоко вздохнул:

— Да. Мне нужна твоя помощь, чтобы запастись оборудованием.

— Я с тобой.

— Отлично.

— Я боялась, что мне придется распрощаться с этим делом,— сказала Алис.— У меня нет денег, чтобы оплатить эту затею, а ты казался достаточно... непреклонным, да и Винни почти что убедила меня, что это охота за журавлем в небе. Рой, ты тоже так считаешь?

— Это сделает наше маленькое свадебное путешествие еще более приятным. И мы будем единственными из ныне живущих, кто повидал десятую планету. Надеюсь, мы сможем снова продать снаряжение, когда вернемся обратно?

Они погрузились в обсуждение технических деталей.

Затраты предстояли солидные.

Бреннан... Что можно сказать о Бреннане? Чтобы достичь цели, он всегда максимально использовал свое окружение. Зная окружающие его условия, зная его побудительные мотивы, можно было с точностью предугадать его действия.

Но его разум... Насколько изменился его разум?

Избранное им занятие — занятие, которое он определил для себя как цель всей своей жизни — хорошо приучило его к терпеливости.

Он уже давным-давно был готов. Он ждал, наблюдал и, время от времени, оттачивал свою готовность. Было у него и хобби. Одним из них являлась Солнечная Система.

Иногда он брал образцы. В других случаях с помощью своего оригинального заменителя телескопа он наблюдал за движущимися огнями ядерных двигателей. Он ловил обрывки новостей и развлекательных радиопередач, неестественно искаженных фильтрами аппаратуры. В большинстве своем эти обрывки приходили с Земли. Передачи в Зоне осуществлялись с помощью лазеров, лучи которых не достигали Бреннана.

Развитие цивилизации продолжалось. Бреннан наблюдал.

Из радионовостей он узнал о смерти Эстеллы Рендолл.

Это открывало интересные воможности. Бреннан начал наблюдение за источниками ядерных огней, направляющихся к Персефоне.

Рой не понял, отчего он проснулся. Он спокойно лежал в паутине гамака, ощущая, как дышит вокруг него корабль.

Вибрация двигателя скорее чувствовалась, чем слышалась. Два дня полета — и он уже не мог различить ее, если не сосредоточивался специально. Это ощущение не изменилось, подумал он.

Рядом с ним в другом гамаке лежала Алис. Глаза открыты, линия губ чуть напряжена.

Это насторожило его.

— Что такое?

— Не знаю. Одень скафандр.

Он скривился. «Одень скафандр». В первый же день она шесть часов подряд заставляла его одевать и снимать этот проклятый аварийный костюм. Костюм представлял собой сделанный в форме человека прозрачный пластиковый мешок с молнией, идущей от подбородка до колен и разветвляющейся в паху. Вы должны уметь мгновенно забраться в него, а в следующую секунду подсоединить толстый шланг, по которому поступают воздух и вода, к системе жизнеобеспечения корабля. Но он дернул молнию дважды и выслушал от нее такое, чего уж никак не ожидал услышать от своей любовницы, безотносительно к ее предыдущему опыту. «С этого мгновения,— заявила она,— ты не будешь носить на себе ничего, за исключением плавок. И тебе придется щеголять в них все время. Ничто не должно мешать застегивать молнию». После этого она два часа занималась тем, что бросала ему сзади смятый в ком костюм, а он должен был поймать и одеть его за десять секунд. Она успокоилась лишь тогда, когда он сумел проделать это с завязанными глазами.

— Это должно стать для тебя первейшей необходимостью,— пояснила она.— Всегда. Что бы ни случилось — одевай костюм!

Не глядя, он схватил костюм, нырнул в него ногами, руками, головой, застегнул молнию, присоединил шланг к стене. В следующее мгновение он выхватил из ниши наплечный пакет, быстро приладил его, выдернул переходник, подсоединил к скафандру. Находившийся в пакете воздух наполнил костюм. Воздух был абсолютно безвкусным. Алис управилась еще быстрее. Обогнав его, она взбиралась по лестнице.

Когда Трусдейл пролез в люк, она уже сидела в пилотском кресле.

— Добро пожаловать,— бросила она, не оглядываясь.

— Что случилось?

— Двигатель работает отлично. Мы делаем в точности одно «же», курс по-прежнему на Персефону.

— Порядок.— Он расслабился. Направился к другому креслу. Споткнулся.

Она оглянулась:

— Чувствуешь?

— Что «чувствуешь»?

— Может быть, мне кажется. Я ощущаю легкость.

Теперь он тоже почувствовал это.

— Но у нас одно «же».

— Да.

У него интуитивно возникло подозрение:

— Проверь курс еще раз.

Она бросила на него странный взгляд, затем кивнула и взялась за дело.

Он не мог ей помочь. Трусдейл потратил на обучающие ленты часть первого дня и все последующие. Теперь он научился хорошо управлять грузовым кораблем Зоны, поддерживать в рабочем со-

стоянии и ремонтировать его механизмы. Но Алис знала, как обращаться с приборами. Это он предоставил ей. Он почувствовал, как что-то изменилось, чуть больший вес надавил ему на плечи, чуть слышно заскрипел корпус корабля. Он заметил страх в глазах Алис, но не сказал ничего.

— Мы больше не движемся в направлении Персефоны,— выговорила она немного погодя.

— Да,— он почувствовал, как холодный страх заворочался у него внутри.

— Откуда ты знал?— спросила Алис.

— Догадывался. Но это понятно. У Бреннана есть генератор гравитации. Мы это предполагали. Если мы оказались в сильном гравитационном поле, то может возникнуть приливной эффект.

— О! Хорошо. Вот, значит, что произошло. Разумеется, автопилот это не зарегистрировал. А это значит, что, воспользовавшись методом триангуляции, мне надо определить наш новый курс. Мы наверняка далеко отклонились от направления на Персефону.

— Что мы можем сделать?

— Ничего.

Он не поверил ей. Они так детально распланировали свой полет.

— Ничего?

Она развернулась к нему в своем кресле:

— Вспомни, мы собирались достичь пика скорости в 5600 миль в секунду, а затем лететь по инерции. У нас достаточно горючего, чтобы проделать это дважды. Один раз — по дороге туда, другой — обратно.

— Точно.

Двести пятьдесят шесть часов ускорения, столько же — торможения, около ста часов свободного полета. И если часть топлива им придется использовать на разведочные рейсы, то на обратном пути они разовьют меньшую скорость. Ему следовало бы помнить об этом. Они перебрали множество возможностей. Чтобы взять дополнительное горючее, они выбрали грузовой корабль. Взяли лазеры, с помощью которых можно будет отрезать опустевший грузовой отсек, если дела пойдут действительно плохо и им придется бороться за каждый грамм лишнего веса. К тому же, лазеры можно было использовать как оружие.

Все распланировано, и что теперь? Он все понял — и замолчал. Он понял это сразу же, еще до того, как Алис заговорила:

— Сейчас мы движемся со скоростью около двадцати двух тысяч миль в секунду. Я не вычислила точно, на это потребовались бы часы, но раз уж это так, горючего нам хватит только на то, чтобы полностью затормозить.

— Остановиться в кометном поясе?

— Вернее сказать — в нигде. Осел достиг своей цели.

...составлять планы борьбы с Бреннаном — в этом крылось что-то в корне неправильное. Бреннан — вне планирования.

Намерения его, во всяком случае, были запланированы. Существовали старинные предания... Люди, выжившие в космосе в критических ситуациях... «Аполлон-тринадцать»... Путешествие Четверки Джи Дженисона... Эрик-киборг...

— Чтобы достичь Персефоны, мы можем дать боковое ускорение, затем быстро повернуть к планете по гиперболе. По крайней мере, этот маневр отправит нас обратно в Солнечную Систему.

— На это у нас горючего хватит. Я займусь расчетом курса,— она засуетилась над приборами.

Ощущение силы тяжести медленно пропало.

Вибрация двигателя прекратилась. В мозгу Трусдейла воцарилась тишина.

Элрой Трусдейл менее непредсказуем, чем Бреннан. Из нескольких воможностей, появившихся перед ним, одна явно предпочтительнее. Но как может Бреннан полагать, что Трусдейл ею воспользуется? Производители часто выбирают не лучший вариант. Хуже того. Кажется, у Трусдейла на борту его большого корабля есть напарник. Женщина, к тому же зонница. Да, Трусдейл менее чем непредсказуем. А кроме того, как Бреннан может предвидеть причуды девушки, с которой он ни разу не встречался?

Точно так же обстоят дела с вооружением Трусдейла. Разумеется, лазеры. Лазер — орудие, слишком пригодное на все случаи жизни, чтобы не взять его с собой. Значит, у него есть лазеры и еще какое-нибудь оружие. Гранаты, пули, инфразвуковые излучатели, пластиковая взрывчатка. Существуют четыре хороших возможности. И одна из них наилучшая, если не учитывать того, что Бреннан способен ее предвидеть. Логика Трусдейла сводилась к тому, чтобы зашибить деньгу, и побольше. Бреннан знал, что он достаточно умен, чтобы понять это.

Итак, до того как он отправился в путь, ему удалось сорвать куш. Во что же, Бреннан, это вылилось? Бреннан засмеялся про себя, хотя его лицо оставалось неподвижным. Бреннану стало приятно от того, что Трусдейл поумнел.

Что ему делать теперь? Бреннан прикинул эту проблему. К счастью, это неважно. Трусдейл не сможет предпринять ничего такого, что укрылось бы от странного, похожего на мяч, телескопа Бреннана... Того самого инструмента, с помощью которого был изменен курс Трусдейла. Бреннан занялся другими делами. Через несколько дней...

— Если Бреннан не вызывает у нас беспокойства, то я знаю, чем нам следует заняться,— сказала Алис.— Мы должны затормозить и послать призыв о помощи. Через несколько месяцев кто-нибудь организует экспедицию и нас вытащат.

Они лежали в гамаке, свободно обвисшем в полете по инерции. Эти последние несколько дней они все больше и больше времени проводили в гамаке. Они дольше спали. Они гораздо чаще зани-

мались сексом. Или потому, что любили друг друга, или для самоуспокоения, или для того, чтобы положить конец случайно вспыхнувшей ссоре, или же потому, что им нечем было заняться.

— С чего бы это кому-нибудь отправляться нас спасать? — спросил Рой.— Если мы оказались такими проклятыми дураками, что отправились...

— Деньги. Плата за спасение. Разумеется, нам это будет стоить всего, что мы имеем.

— Ого!

— Включая корабль. Что ты предпочитаешь, Рой? Разориться или умереть?

— Разориться,— тотчас же ответил он.— Но у меня, пожалуй, нет выбора. Вот я его и не делаю. Мы же договорились, что капитан — ты. Так что будем делать, капитан?

Алис придвинулась к нему и, обняв, легонько пощекотала ногтем его спину.

— Не знаю. А что предпочитает делать моя верная команда?

— Рассчитывать на Бреннана. Хотя меня от этого воротит.

— Думаешь, он вытащит тебя второй раз?

— Бреннан уже поставил непревзойденный рекорд... По гуманизму. Когда я отказался от взятки, деньги отошли к Институту изучения реабилитации преступников. До этого они отходили на медицинские исследования по проблемам протезирования и аллопластики.

— Не вижу связи.

— Не видишь. Зонница. На Земле существовала такая штука — отправка в банк органов. Полагаю, каждому хочется жить вечно, и простейший путь получить достаточное количество трансплантатов для всех больных — использовать приговоренных преступников. Навязывалось решение карать смертной казнью за все и вся, включая большинство дорожно-транспортных нарушений. Вот что происходило, когда Бреннан начал давать деньги на другого рода медицинские исследования.

— У нас подобной проблемы никогда не было,— с достоинством ответила Алис,— потому что мы решили — это не для нас. Мы никогда не превращали преступников в доноров.

— Разумеется. В те времена вы оставались высокоморальными.

— Я серьезно.

— А мы преодолели это потому, что медицинские исследования обнаружили лучший путь. Проведению этих исследований и оказывал поддержку Бреннан. Теперь мы снова оставляем в живых уголовных преступников, и они получают возможность вернуться в человеческое общество.

— И Бреннан оказывал всему этому покровительство. Тот самый мягкосердечный Похититель, что примчится возвращать нас на Землю, если мы сами ничего не сделаем.

— Мой капитан, вас интересовало мое мнение. У вас нет причин рассматривать мой ответ как мятеж.

— Успокойся, моя верная команда. Просто я...— ее рука сжалась в кулак, он спиной почувствовал это,— мне до омерзения не нравится на кого-то полагаться...

— Так же, как и мне...

— ...на кого-то, кто проявляет такое высокомерие, как этот Бреннан-монстр. Может быть, он и на самом деле рассматривает нас как животных. Может быть, он просто... отмахнется от нас, потому что мы причиняем ему хлопоты.

— Возможно.

— Я все еще ничего не вижу впереди по курсу.

— Ну, куда бы мы ни направлялись, все равно попадем в ад значительно быстрее, чем нам того хотелось бы.

Она рассмеялась. Начертила ногтем кружок на его пояснице.

Кое-что впереди было. Нечто невидимое для телескопа или радара, но стрелка детектора массы слабо дрогнула. Случайная комета, ошибка детектора или еще что-то?

Свободное падение продолжалось еще шесть дней. Теперь они находились на расстоянии 7 000 000 000 миль от Солнца. На таком же расстоянии, как и Персефона. Теперь детектор массы показывал крошечный четкий зайчик. То, к чему они летели, было меньших размеров, чем могла бы быть луна газового гиганта. Но материя была здесь разрежена так — почти так же, как в межзвездном пространстве,— что они должны были бы лететь прямо в пустоту.

Они думали о Бреннане. Их обуяли надежды и страх.

А телескоп ничего не показывал.

Он не знал, что разбудило его. Он вслушался в тишину, огляделся, вокруг было сумрачно...

Алис лежала в своем гамаке. Гамак провис на растяжках в направлении носа судна. Так же, как и его гамак.

Он хорошо вызубрил свой урок. Костюм оказался у него в руках до того, как он расстегнул привязные ремни. Придерживаясь за них, он одной рукой натянул на себя костюм. Тяготение было в несколько футов, не больше. Алис опять обогнала его, она уже спускалась по лестнице к носу.

Детектор массы сошел с ума. За иллюминатором была пустота. В пустоте — неподвижные звезды.

— Не могу определить наш курс,— сказала Алис.— Нет опорных точек. Расчет курса стал затруднительным уже довольно давно, еще когда мы находились в двух днях полета от Солнца.

— О'кей.

Она ударила кулаком по стеклу иллюминатора.

— Не о'кей. Я не могу понять, где мы. Что он намеревается с нами сделать?

— Спокойно, спокойно. Мы шли к нему.

— Я могу рассчитать доплеровское смещение Солнца. По крайней мере, это даст нашу радиальную скорость. Но мне не рассчитать смещение Персефоны, она, черт бы ее побрал, сли-

шком тусклая...— Алис вдруг отвернулась, ее лицо конвульсивно подергивалось.

— Возьми себя в руки, капитан.

Она закричала. И, когда он обнял ее, бессильно ударила кулаком по его спине:

— Мне не нравится это. Мне ненавистна мысль, что я от кого-то завишу...— Измученная, она зарыдала.

Она оказалась более чувствительной, чем он. Более подверженной стрессу.

И он знал, что это правда — она не могла заставить себя смириться с зависимостью от кого-либо. Будучи членом большого семейства, Рой всегда мог найти кого-нибудь, к кому можно было обратиться, попав в критическое положение. И он всегда чувствовал жалость к тем, у кого такой опоры в жизни не было.

— Любовь — это род взаимозависимости,— подумал он. И, получалось, что ни он, ни Алис никогда не любили. Скверно.

...до чего глупо — предаваться размышлениям и ждать, завися от капризов Бреннана, Похитителя, Вандервекена или как его там еще? Непрочная цепочка доводов — все, чем они располагают, а тем временем кто-то передвигает их корабль, словно катает игрушку по полу детской. И Алис, спрятавшая голову у него на груди, словно пытающаяся вычеркнуть из памяти весь мир, одной рукой цепляющаяся за стену. Он не подумал об этом.

Она почувствовала, как он напрягся, и тоже обернулась. Мгновение она ничего не понимала, потом кинулась к приборам телескопа.

Оно походило на далекий астероид.

Оно было не там, куда показывал детектор массы, а позади этой точки. Рой не мог поверить своим глазам, когда Алис перебросила изображение на экран. Это была залитая солнечным светом сказочная страна, сплошь покрытая травой, деревьями и кустарником. Виднелось несколько небольших зданий мягких, обтекаемых форм. Все это выглядело так, словно страна была создана мановением руки доброго волшебника.

Страна была маленькой, слишком крохотной, чтобы атмосфера образовывала дымку. Рой мог всю ее охватить одним взглядом, и он видел искрящийся голубой пруд на удаленной от него стороне. Слепленная из глины игрушка с возвышенностями и впадинами на поверхности. И маленький, зеленый, цвета травы, шар, плывущий в пустоте. Одинокое дерево, вырастающее из шара. Рой мог видеть этот шар совершенно отчетливо. Огромный шар, должно быть.

Ближняя к Рою сторона была вся залита солнечным светом. Откуда он взялся, солнечный свет?

— Мы направляемся туда.— Алис все еще была в напряжении, но в ее голосе слез уже не было. Она быстро пришла в себя.

— Что будем делать? Сами пойдем на посадку или подождем, пока он нас опустит?

— Я бы предпочла разогреть двигатель,— ответила она.—

Может быть, его генератор гравитации вызывает штормы в этой искусственной атмосфере.

Он не спросил: «А откуда ты знаешь?» Разумеется, она просто предполагала.

Он поинтересовался:

— Оружие?

Руки Алис замерли на рычагах:

— Он не... Не знаю.

Он начал прикидывать возможности и таким образом упустил свой шанс.

Когда он проснулся, то подумал, что находится на Земле. Яркий солнечный свет, голубое небо, щекочущая ноги и спину трава, прикосновение, звуки, запах прохладного освежающего ветерка... Словно кто-то оставил его в национальном парке. Он перевернулся на бок и увидел Бреннана.

Бреннан сидел на траве, обняв свои узловатые колени. И смотрел на него. На Бреннане была только длинная рубашка. Вся рубашка была усеяна карманами — большие карманы, маленькие карманы, петли для инструментов, карманы на карманах и внутри карманов. И карманы эти большей частью были заполнены. Должно быть, важнейшее свое снаряжение ему приходилось носить с собой.

Там, где рубашка не покрывала его, кожа Бреннана напоминала коричневую замшу, и она была сплошь усеяна широкими морщинами. Он напоминал мумию Пак в Смитсонианском Институте, но был крупнее и даже еще более безобразным. Выпуклости лба и подбородка сочетались с гладкими очертаниями черепа Пак. Глаза его были коричневыми, полными мысли. И человеческими.

— Здравствуйте, Рой,— сказал он.

Рой стремительно сел. Алис лежала на спине, закрыв глаза. Она все еще была в своем герметическом костюме, но шлем был откинут... Корабль стоял, прислонившись брюхом к... к...

Головокружение.

— О'кей, все в порядке,— сказал Бреннан. Его голос был сухим. Чуточку инородным.— Что ж, вы добились того, чего хотели. Было бы нежелательно, что бы вы бросались на меня с огнестрельным оружием. Стабильность этой экосистемы поддерживать нелегко.

Рой снова огляделся, напротив него поднимался пологий зеленый склон. Он поднимался туда, где плавала, готовясь упасть на них, невозможная масса. Покрытый травой шар с одиноким гигантским деревом, вырастающим у него из бока. На ствол дерева опирался корабль. Корабль тоже готов был обрушиться вниз.

Алис Джордан села. Роя удивило, что она не ударилась в панику... но она мгновение изучающе смотрела на Бреннана-монстра, потом сказала:

— Значит, мы были правы.

— Вы почти угадали,— согласился Бреннан.— Хотя на Персефоне вы ничего бы не нашли.

— И теперь мы пленники,— горько произнесла она.

— Нет. Вы — гости.

Выражение ее лица не изменилось.

— Вы полагаете, что я играю терминами. Нет. Когда я отсюда уйду, вы останетесь здесь хозяевами. Моя работа здесь почти закончена. Мне придется вас проинструктировать, чтобы вы сами себя не загубили, нажав не на ту кнопку. И я передам вам документы на право владения Кобольдом. Для этого у нас еще будет время.

Передаст им Кобольд и документы? Роя охватило ощущение, словно его высадили на необитаемый остров, высадили сюда, в невообразимом далеке от дома. Вполне приятная тюрьма. Не думает ли Бреннан, что он создал новый сад Эдемский? Но Бреннан продолжал:

— Разумеется, у меня есть свой корабль. Вы умно поступили, сохранив горючее. Вследствие этого вы очень разбогатеете, Рой. Вы тоже, мисс.

— Алис Джордан,— представилась она. Держалась Алис хорошо, но, казалось, не знала, что делать с руками. Руки ее дрожали.

— Зовите меня Джеком, можно Бреннаном-монстром.

Рой произнес лишь одно слово:

— Почему?

Бреннан понял.

— Потому что моя работа здесь окончена. Как вы думаете, чем я здесь занимаюсь на протяжении двухсот двадцати лет?

— Использовали генератор гравитации, чтобы создать этот искусственный мир,— ответила Алис.

— И это тоже. А главным образом — я наблюдал, не появились ли в районе созвездия Стрельца радикалы лития, обладающие высокой энергией.— Он посмотрел на них сквозь маску лица.— Здесь нет ничего таинственного. Попытаюсь объяснить, чтобы вы не так нервничали. Я находился здесь не без цели. И несколько недель назад обнаружил то, что искал. Теперь мне придется уйти. Никогда не думал, что на это потребуется столько времени.

— У кого?

— У Пак. Погодите-ка, вам пришлось подробно изучить инцидент Физпока, иначе вы так далеко не забрались бы. Вам не приходило в голову, чем занялись бездетные защитники Пак после отлета Физпока?

— Естественно, не приходило.

— А я об этом задумался. Физпок основал космическую индустрию. Он выяснил, как выращивать дерево жизни на планетах в рукавах галактики. Он построил корабль, и это показало, что любой из Пак может сделать то же самое. Что дальше?

Для всех бездетных защитников обнаружилась цель в жизни. Появилась космическая индустрия, способная строить корабли,

предназначенные для выполнения определенного задания. С Физпоком могло что-либо случиться (и случилось, как вы знаете). Или несчастный случай. Или же где-то в пути он мог утратить желание жить.

Рой понял:

— Они должны были выслать еще один корабль.

— И выслали. Даже если Физпок добрался, чтобы обследовать пространство радиусом в тридцать световых лет. Кто бы ни следил за Физпоком, но курс он держал не прямо на Солнце. Физпок изучил Солнце уже по прибытии сюда. Он направлялся в сторону, далеко от подлинной области своих поисков. Насколько я понимаю, это дало мне некоторое добавочное время,— продолжал Бреннан.— Я думал, что они отправят следующий корабль почти немедленно. Я боялся, что не успею подготовиться.

— Почему у них ушло на это так много времени?

— Не знаю.— Бреннан издал звук, который можно было бы расценить как признание собственной вины.— Возможно, это тяжелое грузовое судно. Производители в состоянии приостановленной жизнедеятельности на тот случай, если мы вымерли за два с половиной миллиона лет.

— Вы сказали, что наблюдали за...

— Да. Спектр звезд не полностью аналогичен спектру двигателя Баззарда. Звезда, выгорая, испускает чертовски много тепла. Газ, по мере ее выгорания, уходит в пространство. Таранно-черпающий двигатель Баззарда испускает много необычных химических соединений, водород и гелий высоких энергий, радикалы лития, даже химические соединения лития с водородом, которые в обычных условиях являются невозможными. В фазе торможения все эти соединения испускаются потоком, обладающим высокой энергией и скоростью, близкой к скорости света.

Именно так был построен корабль Физпока, и я не ожидал, что Пак забракуют этот проект. Не только потому, что этот проект хорош, но и потому, что это лучший проект, который они могут разработать. Когда вы умны так же, как Пак, то на поставленный вопрос существует только один правильный ответ. Хотел бы я знать, не случилось ли с их технологией что-нибудь после отлета Физпока. Из-за войны, например.— Он задумался.— Во всяком случае, я обнаружил в созвездии Стрельца странные химические соединения. К нам идут.

Рою было страшно задать свой вопрос.

— Сколько кораблей?

— Один, разумеется. На самом деле я его не видел, но они должны были выслать второй корабль, как только его построили. Чего ждать? Быть может, за ним идет еще один корабль, за ним — еще один. Я обнаружу их отсюда, пока у меня еще есть нечто вроде телескопа.

— А потом?

— А потом я уничтожу столько кораблей, сколько их там окажется.

— Просто потому, что вам это нравится?

— Я ожидал подобной реакции,— ответил Бреннан с ноткой горечи.— Но сами подумайте. Если Пак узнают, на что похожа человеческая раса, они постараются истребить нас. И что вы прикажете мне делать? Связаться с ними и попросить отсрочки? Да одной этой информации им окажется вполне достаточно.

— Вы можете убедить их, что вы — Физпок,— заметила Алис.

— Возможно, мне это удалось бы. Что дальше? Разумеется, он должен был перестать есть. Но, прежде всего, он хотел довести свой корабль до цели. Он никогда не верил, что мы уже достаточно развили свою технологию, чтобы производить искусственные монополи. А верил он, что его корабль в данной системе является своего рода спасителем и что нам крайне необходима окись таллия.

— Хм.

— Хм,— передразнил ее Бреннан.— Вы думаете, мне нравится идея истреблять тех, кто преодолел тридцать одну тысячу световых лет, чтобы спасти нас от нас самих? Я долго думал над этим. Другого выхода не существует. Но не стану вас утомлять.— Бреннан поднялся.— Подумайте. Пока вы здесь, вы можете заодно изучить Кобольд. В конце концов, вы станете его владельцами. Все опасности остались по ту сторону двери. Играйте в волейбол, плавайте там, где найдете воду, займитесь гольфом, если он вам нравится. Но ничего не ешьте и не открывайте другие двери. Рой, расскажите ей легенду о Синей Бороде.— Бреннан указал на низкий холм.— Этим путем и через сад вы дойдете до моей лаборатории. Я буду там, если вы захотите меня увидеть. Располагайтесь.— И он удалился бегом, а не прогулочным шагом.

Рой и Алис переглянулись.

— Как ты думаешь, что он на самом деле имел в виду?— спросила Алис.

— Мне это нравится,— ответил Рой.— Спланированная сила тяжести. Все это место, Кобольд. Располагая генератором гравитации, нам, может быть, удастся переместить его в глубь Солнечной Системы. Тогда мы устроим здесь Диснейленд.

— Что он подразумевал, говоря о Синей Бороде?

— Он подразумевал: «И в самом деле, не открывайте другие двери».

— Ох.

Поскольку они были вправе идти куда угодно, то решили навестить Бреннана на его холме. Благо он больше не подавал о себе вестей. У Кобольда был четко обрисованный горизонт, как у любого большого астероида. По крайней мере, с внешней стороны он представлял собой тороид.

Но они обнаружили сад. Здесь росли фруктовые деревья. И орехи. И участки, засаженные овощами на всех стадиях их созревания. Рой вытянул из земли морковку, и это сразу же пробудило воспоминания: он и его двоюродные сестры, все старше де-

сяти лет, гуляют с Большой Стеллой по небольшому огородику, засаженному овощами, в ее поместье. Они вытаскивали морковку, потом мыли ее под водопроводным краном...

Он выбросил морковку, не попробовав, какова она на вкус. Он и Алис шли под апельсиновыми деревьями, не притрагиваясь к ним. В сказочной стране нельзя безнаказанно игнорировать приказы ее властителя... Но Рой не был уверен, знает ли Бреннан силу искушения нарушить запрет.

Когда они подошли поближе, вверх по дереву стремглав пронеслась белка. Из-за грядки со свеклой на них смотрел кролик.

— Это напоминает мне Астероид Годов,— сказала Алис.

— Мне это напоминает Калифорнию,— ответил Рой.— За тем исключением, что здесь другая сила тяжести. Хотел бы я знать, был ли я здесь прежде?

Она быстро взглянула на него:

— Ты что-нибудь вспомнил?

— Не факты. Странно все это. Бреннан вообще ни разу не упомянул о похищениях, верно?

— Нет... Он... Может быть, он думает, что ему не следовало так поступать. Поскольку мы здесь, мы должны сами все понять. Если Бреннан думает категориями чистой логики, тогда все это для него быльем поросло... Как если бы мы все это уже обсудили.

За садом они могли разглядеть самую верхнюю башню средневекового замка. Башня глядела прямо на них. Несомненно — лаборатория Бреннана. Они полюбовались ею, потом повернули обратно.

Природа сделалась более дикой, земля простиралась перед ними калифорнийской степью. Они заметили лису, сусликов, даже дикую кошку. Местность кишела живностью. Словно парк, если не считать, что дорога все время шла вниз.

На внутреннем изгибе тороида они постояли перед травянисто-зеленым шаром, глядя снизу вверх на свой корабль. Громадное дерево тянуло к ним свои ветви.

— Кажется, я могу дотянуться до этих ветвей,— заметил Рой.— Могу.

— Пустяки. Посмотри вон туда.— Она указала на изгиб...

Там, куда она показывала, струился поток, падающий с середины большого участка площади Кобольда на травянистый шар.

— Да-а. Если мы воспользуемся этим водопадом, то можем добраться до корабля.

— У Бреннана должен быть путь отсюда и туда.

— Он сказал: «Плавайте там, где отыщете воду».

— Но я не умею плавать. Придется тебе одному.

— Договорились. Приступим.

Сначала вода показалась ему холодной, как лед. Вода блестела, отражая солнечный свет, вода слепила... И Рою захотелось попробовать снова. Над его головой сверкало яркое жаркое солнце. Но это был ядерный генератор.

Алис с берега смотрела на него.

— Ты уверен, что тебе еще раз хочется?

— Абсолютно уверен,— он часто засмеялся от того, что его трясло.— Если со мной что случится, обратись к Бреннану. Что для тебя прихватить с корабля?

— Одежду.— Под прозрачным герметическим костюмом на ней ничего не было.— Мне бы хотелось вот этими своими руками что-нибудь на себя одеть.

— Из-за Бреннана?

— Бреннан, насколько я знаю, беспол.

— Оружие?— спросил он.

— Не в нем дело,— она заколебалась.— Я пытаюсь придумать какой-нибудь способ проверить то, о чем рассказывал Бреннан. На корабле нет нужных для этого приборов. Но ты можешь попытаться обнаружить признаки солнечного шторма в созвездии Стрельца.

Рой поплыл к водопаду. От беснующейся воды не доносилось ни единого звука. Это могло оказаться не таким опасным, каким... должно было бы быть.

Что-то коснулось его лодыжки. Он изогнулся, посмотрел в глубину. В воде метнулась от него прочь серебряная вспышка. К ноге прикасалась рыба. Такого прежде с ним никогда не случалось.

Он добрался до того места, где вода текла вверх. Отдохнул, лежа на поверхности, позволяя течению нести себя. Секундная потеря ориентации, а затем... Он плыл в ровно текущем потоке.

Алис стояла, с тревогой глядя на него. Но она стояла горизонтально на боковой стене отвесного утеса.

Его удивило, как текут струи, скользящие вдоль его ног. Он нырнул прямо в завихрения, а вынырнул на противоположной стороне потока, текущего в обратном направлении. Он снова нырнул, и поток понес его туда, где он попал на зеленый шар — попал в бассейн, имеющий форму почки. Корабль оказался всего в нескольких ярдах от него.

Трусдейл выбрался из воды. Отдышался. Рассмеялся. Поток, текущий по воздуху сразу в двух направлениях!

Корабельный прибор предупреждения о солнечных штормах не отметил ни малейшего признака каких-либо нарушений в созвездии Стрельца. Это ничего не доказывало. Трусдейл не знал, при какой мощности излучения срабатывает прибор. Он сложил в герметический костюм одежду для них обоих и, поскольку был голоден, добавил туда два пакета с едой. Костюм он плотно закрыл и взял с собой. А на оружие даже и не глянул.

Вделанная краем в обнаженную почву, висящая в воздухе почти горизонтально, изготовленная из какого-то серебристого материала, перед ними находилась лента Мебиуса. Сорока футов в поперечнике и шести футов шириной. Какое-то время они смотрели на нее, а затем Алис захотелось попробовать.

Сила тяжести шла вертикально к поверхности ленты. Алис

прошла по внешней стороне, потом она шла вверх ногами и вернулась по внутренней стороне. Помахав поднятыми в знак одобрения руками, она спрыгнула вниз.

Они наткнулись на миниатюрную площадку для гольфа. Все выглядело абсурдно просто, но на всякий случай Рой занял место подающего у сетки, попробовал. Сделал несколько ударов. Мяч выписывал в воздухе странные кривые, иногда подскакивал на большую высоту, чем та, с которой он падал, а один раз вернулся с силой, с какой Рой ударил по мячу. Рой достаточно долго терпел это, но потом понял, что гравитационные поля здесь все время меняются, и сдался.

Они обнаружили заросший лилиями пруд, на поверхности которого возвышались водяные скульптуры. Мягкие очертания скульптур поднимались и опадали. Далеко от берега, в центре пруда, высилась очень подробно выполненная скульптурная голова. Пока Алис и Рой смотрели на нее, она изменилась. Твердое лицо и выпуклый череп Бреннана-монстра превратились в...

— Я думаю, это тоже Бреннан,— сказала Алис.

...в квадратное лицо с глубоко запавшими глазами. Человек был подстрижен полосой, как зонник. Во взгляде его таилась задумчивость, как если бы он вспоминал о каком-то древнем зле. Губы его изогнулись во внезапной улыбке, и лицо начало таять...

Кобольд вращался. Когда они вернулись к замку, в этом районе уже наступали сумерки.

Стоящий на возвышении замок был выстроен из темных каменных блоков цвета грозового неба, с окнами в виде вертикальных щелей и большой деревянной дверью, рассчитанной на гиганта.

— Замок Франкенштейна,— сказал Рой.— У Бреннана еще сохранилось чувство юмора. Очень похоже получилось.

— Учитывая его историю, может быть, он просто важничает.

Рой пожал плечами:

— А что мы можем поделать?

Ручку огромной двери пришлось поворачивать обеими руками, а чтобы открыть ее — навалиться вдвоем.

Головокружение.

Они стояли на краю огромного открытого пространства. Все оно было заполнено лестницами, площадками и снова лестницами. Сквозь открытые двери мельком виднелись сады. И всюду безликие манекены, множество манекенов. Манекены поднимающиеся и спускающиеся, стоящие на площадках и прогуливающиеся по садам... но стояли они под самыми разными углами. Две трети площадок были расположены вертикально. Так же, как и сады. Манекены стояли на вертикальных площадках без всякой поддержки. Двое двигались по лестничному маршу в одном и том же направлении, но один шел вверх, а другой — вниз...

Загремел голос Бреннана, перекатываясь эхом:

— Эй! Поднимайтесь сюда! Узнаете?

Никто из них не ответил.

— Это «Относительность» Эшера. На всем Кобольде вы найдете только копии других работ. Я думал сделать «Мадонну порта Ллигат», но здесь не хватает места.

— Иисус,— прошептал Рой. Затем он крикнул:

— А вам не приходило в голову установить «Мадонну порта Ллигат» возле порта Ллигат?

— Конечно,— раздался бодрый рев.— Но это многих испугало бы. Я не хотел становиться причиной излишних волнений. Мне даже не следовало бы изготовлять ту копию Стоунхенджа.

— Мы нашли не просто Вандервекена,— прошептала Алис.— Мы отыскали самого Файнегла!

Рой рассмеялся.

— Поднимайтесь!— проревел Бреннан.— Тогда не придется кричать. Не беспокойтесь насчет гравитации. Она отрегулирована.

Они изрядно устали, добираясь до верхушки башни. «Относительность» Эшера заканчивалась специальной лестницей, которая, казалось, бесконечно поднималась вверх и вверх, мимо оконных щелей, спроектированных для стрелка из лука.

Помещение на самом верху было мрачным и открытым небу. По прихоти Бреннана крыша и стены помещения казались начисто разрушенными, словно их обстреливали камнями из баллист. Но небо не было небом Земли. В нем ослепительно сверкали адски яркие, пугающе близкие звезды.

Бреннан отвернулся от своих устройств — от приборной доски шести футов высотой и двенадцати футов длиной, усеянной, словно еж, колючками, лампочками, циферблатами и рычагами. В туманном свете солнц он выглядел словно сумасшедший ученый давних времен, лысый и уродливый, охотящийся за любого рода знаниями для себя и для мира.

Алис все еще не могла отвести глаз от изменившегося неба. Но Рой отвесил низкий поклон и сказал:

— Мерлин, король велит тебе присутствовать.

— Передай старому сычу,— подхватил в тон Бреннан,— что я не смогу изготовить ему больше золота до тех пор, пока не прибудет груз свинца из Нортумберленда. А тем временем — как вам нравится мой телескоп?

— Это все небо?— спросила Алис.

— Алис, вы бы прилегли. В такой позе вы рискуете растянуть шею. Это гравитационная линза.— Он понял их изумление.— Вы знаете, что в поле тяготения луч света искривляется? Хорошо. Я могу создавать поле, в котором свет сходится в одну точку. Получается линза, по форме напоминающая красный кровяной шарик. Таким вот образом я получаю свой солнечный свет. Солнце, видимое через гравитационную линзу, вместе с рассеянными в ней некоторыми добавками, дает мне голубое небо. Дополнительная выгода в том, что остальной свет рассеивается, так что Кобольд нельзя увидеть до тех пор, пока не подберешься к нему вплотную.

Рой посмотрел на близко пылающие светила:

— Совершеннейший эффект достоверности.

— Это созвездие Стрельца, направлении — к центру галактики. Я все еще не обнаружил этот проклятый корабль. Но освещение приятное, не так ли? — Бреннан прикоснулся к кнопке, и небо покатилось, обтекая их, словно они находились на корабле, на сверхсветовой скорости проходящем сквозь звездное скопление.

— Что случится, когда вы их обнаружите? — спросил Рой.

— Я вам уже говорил. Я просчитал в уме эту ситуацию сотни раз. Это так, словно я уже прожил бесконечно долго во всех возможных обличиях. Мой корабль — копия того, который использовал Физпок, не считая некоторых усовершенствований. На одном ракетном двигателе я могу развить ускорение до трех «же», и у меня в грузовом отсеке — вооружение, которое я улучшал двести лет.

— Однако я думаю...

— Знаю я, что вы думаете. Частично мне придется сделать это из-за того, что у вас давно не было войн. Поэтому вы выросли такими мягкими и, как следствие, более миролюбивыми. На что вас и благословляю. Но сейчас — состояние войны.

— Но так ли это?

— Что вы знаете о Пак?

Рой не ответил.

— К нам идет их корабль. Если Пак когда-нибудь в самом деле узнают о нас правду, они постараются нас истребить. Убивать они умеют. Это я вам говорю, будь оно все проклято! Я — единственный человек, когда-либо встречавшийся с Пак, и единственный человек, который когда-либо сможет понять их.

Рой ощетинился. Проявлять по отношению к нему такое высокомерие!

— Тогда где же корабль, о всезнающий Бреннан?

Другой, может быть, и заколебался бы от неуверенности. Но не Бреннан.

— Я еще не знаю.

— А где он может быть?

— На пути к Альфе Центавра. Если усилить сигнал...— Бреннан передвинул что-то, и небо над ними выплеснуло полосу света. Рой замигал, борясь с головокружением.

Звезды задрожали, остановились.

— ... там. В середине.

— Оттуда исходят ваши необычные химические соединения?

— Более-менее. Это не точечный источник.

— А почему Альфа Центавра?

— Потому что Физпок шел почти в противоположном направлении. Большинство из находящихся поблизости желтых карликов расположено по одну сторону от Солнца. Исключение составляют звезды Центавра.

— Что ж, этот второй Пак осмотрит систему Центавра и, если не обнаружит Страну Чудес, направится прочь от Солнца?

— Это было бы лучшее из того, что бы я смог придумать,—

сказал Бреннан.— Но направление выхлопа показывает, что он неуклонно приближается. Поэтому мне остается предположить, что когда Физпок шел сюда, он следил за ним. Я послал корабль Физпока в направлении Страны Чудес. Но должен считаться с тем, что это могло его не обмануть. Если Физпок не ушел отсюда, он, возможно, обнаружил то, что искал. Таким образом, Пак номер два доберется и до нас.

— Так где он?

Небо снова колыхнулось. Яркие солнца спрятались за крохотными звездами, тускло светящимся газом и пылевыми облаками. Панорама Вселенной проплыла мимо них и, накренившись, остановилась.

— Там.

— Я его не вижу.

— Я тоже.

— Значит, вы его не нашли. Но продолжаете утверждать, что понимаете Пак?

— Утверждаю.— Бреннан не колебался. За все время, что Трусдейл знал его, он только один раз заметил нерешительность Бреннана.— Если они делают что-либо неожиданное, то лишь потому, что изменились окружающие условия.

Неожиданно заговорила Алис:

— Может оказаться так, что там много кораблей?

— Нет. Зачем Пак посылать на нас флот?

— Не знаю. Но они продвинулись дальше, чем вы предполагали, основываясь на этих необычных химических соединениях. Ищите настойчивее,— сказала она. Она сидела на полу, скрестив ноги, запрокинув голову, чтобы видеть звезды. Бреннан, казалось, не слушал ее, он работал, манипулируя приборами телескопа. Но Алис продолжала:

— Выхлоп может иметь более размазанные очертания. А если они продвинулись дальше, то и скорость у них больше. Не так ли? До вас доходили частицы, обладающие более высокими скоростями.

— Но не в том случае, если они взяли с собой большой груз,— возразил Бреннан.— Тогда им пришлось бы идти медленнее.

Небо выросло, надвинулось на них, расплылось.

— Но ведь это же дьявольски маловероятно! Один шанс из множества, что такое могло бы случиться... Подождите, пожалуйста. Настройка займет много времени. Поле мы получим сразу же.

Звезды померкли, затем опять размазались.

— Во всяком случае, мне следует проверить эту возможность. Тогда нам можно будет больше не беспокоиться.

Размытые очертания неба сконденсировались в точные белые точки. Гигантские звезды в поле зрения отсутствовали.

Но там же находились сотни две крошечных, одинакового размера голубых точек. Каждая на значительном расстоянии от дру-

гих, и все вместе они образовывали то, в чем Рой постепенно узнал шестиугольник.

— Я просто не могу в это поверить,— сказал Бреннан.— Слишком много совпадений.

— Вот они. Да это же целый флот! — Роя охватил ужас. Он почувствовал, что и Бреннан, не сумел предвидеть это.

Он поверил Бреннану.

— Их должно быть больше,— сказал Бреннан.— Дальше, в направлении к ядру галактики. Слишком далеко, чтобы их можно было разглядеть с помощью моих приборов. Вторая волна. И, может быть, третья.

— Разве этих — недостаточно?

— Недостаточно,— ответил Бреннан.— Вы еще не поняли? В ядре галактики что-то случилось. Это — единственная причина, которая могла вызвать такой дальний поход столь большого числа кораблей. Она подразумевает эвакуацию мира Пак. Но я не вижу достаточного для этого количества кораблей, даже если учитывать вспыхнувшие между ними войны и то, что каждый защитник старался захватить для своих потомков первые же построенные корабли.

Маленькие голубые огоньки на фоне неба, усеянного слишком яркими звездами. Гибель от этих крохотных голубых огоньков?

Алис потерла шею:

— Что могло случиться?

— Все, что угодно. Черные дыры, блуждающие в ядре галактики и накапливающие все большую и большую массу, могли слишком близко подойти к Пак. Или — какой-нибудь вид космической жизни. Или — могло взорваться ядро галактики, породив цепную реакцию вспышек сверхновых. В других галактиках такое случалось. Меня беспокоит иное, что следует предпринять сейчас?

— Вы не подумали, что могут быть и другие объяснения?

— Ни одно из них не годится. И это не простое совпадение, как поначалу кажется,— устало произнес Бреннан.— Физпок создал лучшую астрономическую систему, которая когда-либо существовала. И она фиксировала его курс, как бы далеко он не ушел. После его отлета Пак, должно быть, обследовали окружающее пространство и обнаружили нечто. Сверхновую в плотном скоплении старых звезд. Исчезновение звезд. Области, искривляющие световые лучи. Это — Совпадение Файнегла. Я просто не мог поверить.

— Может быть, вы не хотели поверить,— сказала Алис.

— А вы могли поверить в это?

— Но почему сюда? Почему они идут к нам?

— К единственному из известных обитаемых миров вне ядра галактики. Кроме того, у нас хватит времени, чтобы обнаружить движущихся в других направлениях.

— Да-да.

Бреннан взглянул на них:

— Вы не голодны? Я голоден.

Глубоко внутри поражающего воображение лабиринта «Относительности» Эшера была укрыта небольшая кухня. С одной точки зрения это была площадка, с другой — стена. Стена, на которой стояли шкафчики с кухонными принадлежностями, раковина, спаренные духовки, утопленная в стене плита с горелками. Рядом с плитой громоздились продукты в сыром виде: тыквы, дыни, два кролика со свернутыми шеями, морковь, сельдерей, множество пряностей.

— Давайте посмотрим, как быстро умеем мы работать,— сказал Бреннан. И очертания его рук размазались, рук сделалось множество. Рой и Алис остановились позади его мелькающих рук. В одной руке был нож, и нож двигался словно серебряная молния. Морковь мгновенно превратилась в кругляши, а кролики, казалось, просто развалились на части.

Рой чувствовал дезориентацию, резкий отрыв от реальности. Интуитивно он отвергал связь между маленькими голубыми огоньками над башней и флотом сверхсуществ, готовых истребить человечество. Не помогала и эта домашняя идиллия. Нож-молния продолжал готовить обед, а Рой Трусдейл смотрел сквозь открытую створку огромных дверей на пейзаж Кобольда.

— Вся эта пища оттуда, не так ли?— спросила Алис.— Почему вы не хотели, чтобы мы там ели что-нибудь?

— Ну, всегда есть шанс, что вирус дерева жизни приживается еще где-нибудь. Приготовление пищи его убивает, и существует лишь ничтожная вероятность, что он вообще способен где-либо выжить, если я перестану вносить в почву окись таллия.— Бреннан не поднимал глаз и не прекращал работу.— Когда я избавился от опеки Земли, то оказался лицом к лицу перед загадкой Файнегла. Продовольствие у меня имелось, но в чем я действительно нуждался — это в вирусе из корней дерева жизни. Я перепробовал различные способы: пытался культивировать его в яблоках, гранатах...— Он поднял глаза, чтобы убедиться, понимают ли они, о чем он говорит.— Я получил штамм, который может жить в мясе. И вот тогда я понял, что смогу здесь выжить.

Бреннан разложил кролика и овощи словно на натюрморте. Поставил горшок в духовку:

— В моей кухне имелись все сорта замороженных продуктов. К счастью, я любил хорошо поесть. Позднее я раздобыл семена с Земли. Сам я никогда не подвергался опасности, я всегда мог просто уйти. Но мне не нравилось то, что может произойти с цивилизацией в результате моих действий,— он обернулся.— Обед будет готов через десять минут.

— Вы были одиноки?— спросила Алис.

— Да.— Бреннан выдвинул стол из пола. Это был не знаменитый самовыкатывающийся пластик, а массивная деревянная плита, достаточно тяжелая, чтобы Бреннану пришлось напрячь мускулы. Взгляд, брошенный им назад, на Алис, видимо, показал

ему, что она ожидает более подробного ответа.— Видите ли, я буду одинок везде. И вы это знаете.

— Нет, не знаю. И вам следовало бы относиться к нам более радушно.

Бреннан, казалось, резко отклонился от темы:

— Рой, вы здесь уже бывали. Вы догадывались об этом?

Рой кивнул.

— Как я стер ваши воспоминания именно об этом периоде? Вы думали об этом?

— Не знаю.— Рой внутренне напрягся.— Никто не знает.

— Простейшая вещь на свете. Сразу после того, как я вас оглушил, я сделал запись с вашего мозга. Переписал всю вашу память. А перед тем, как оставить вас на вершинах, я стер память из вашего мозга полностью, а потом наложил на него запись. Это более сложно, чем процесс, когда изменяют отвечающие за память РНК и сложнейшие электрические поля, но зато мне не пришлось выделять из воспоминаний те, которые я хотел уничтожить.

— Бреннан, это ужасно,— произнес Рой слабым голосом.

— Почему? Потому что в течение какого-то времени вы были безмозглым животным? Я не собирался оставлять вас в таком состоянии. Я делал это двадцать раз, и несчастных случаев не бывало.

Рой содрогнулся:

— Вы не понимаете. Этот я, который провел у вас четыре месяца. Он умер. Вы убили его.

— А вы начинаете понимать.

Рой посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы правы. Вы — другой. Вы будете одиноким где угодно.

Бреннан накрыл на стол. Пододвинул кресла для гостей, двигаясь с невозмутимой неторопливостью, характерной для хорошего официанта. Подал еду, отложив себе половину, потом сел и начал есть с жадностью волка. Ел он опрятно и закончил гораздо раньше, чем они. Его живот заметно раздулся.

— Критические положения вызывают у меня чувство голода,— пояснил он.— А теперь мне хотелось бы извиниться. Но на войне — воюют.

И со скоростью бегуна он удалился.

Несколько следующих дней Рой и Алис чувствовали себя незваными гостями безупречного хозяина. Они не часто виделись с Бреннаном. Однажды они мельком заметили его вдали, он мчался с бешеной скоростью.

Или же они находили его в лаборатории, вечно погруженного в регулировку своего «телескопа». Теперь в поле находился только один корабль, видимый на фоне красных карликов и расположенных между звездами пылевых облаков: алое ядерное пламя, переходящее в голубовато-желтое свечение гелия, искры по его краю.

Бреннан беседовал с ними, не прерывая своей работы:

— Форма корабля Физпока,— сказал он с явным удовлетворением.— То, что хорошо сделано, они не меняют. Видите в центре пламени черную точку? Во время торможения первым идет грузовой отсек. И отсек этот больше, чем на корабле Физпока, их корабли движутся медленнее, чем Физпока, пройдя то же расстояние. Они не так близки к скорости света. Здесь они будут не раньше, чем через сто семьдесят два — сто семьдесят три года.

— Это хорошо.

— Хорошо для меня. Грузовой отсек идет первым, а в качестве груза — спящие в замороженном состоянии производители. Уязвимая конструкция, как по-вашему?

— Не при соотношении в двести тридцать против одного.

— Рой, я не сумасшедший. Я не собираюсь их атаковать в одиночку. Я попрошу помощи.

— Где?

— В Стране Чудес. Она ближе всего.

— Что? Нет. Ближе всего Земля.

Бреннан обернулся:

— Вы с ума сошли? Я не собираюсь даже предупреждать Землю. Земля — это восемьдесят процентов человечества, в том числе и все мои потомки. Лучший для них вариант — не участвовать в сражении. Если какой-либо другой мир ввяжется в войну и проиграет, есть шанс, что так еще какое-то время не заметят Землю.

— Таким образом вы собираетесь использовать Страну Чудес как приманку? А им вы об этом сообщите?

— Не стройте из себя дурака.

Они бродили по Кобольду, стараясь не попадаться на пути Бреннану. Он появлялся неожиданно, выходя из-за валуна или рощи, то ли вечно торопящийся, то ли постоянно поддерживающий себя в боевой форме — он никогда не говорил, в чем именно дело. И на нем всегда была одета рубашка. Он носил ее не из-за стыдливости или для защиты от стихий, а потому, что ему были необходимы карманы. Насколько Рой знал, рубашка выполняла также и аварийные функции: в одном из больших карманов хранился сложенный герметичный костюм.

Однажды он встретил их возле одного из окружавших замок зданий. Бреннан провел их через воздушный шлюз и показал нечто, находящееся за внутренней стеклянной стеной.

В большой облицованной камнем полости плавала серебряная сфера восьми футов в диаметре, отполированная до зеркального блеска.

— Чтобы удерживать ее там, требуется чертовски сильное гравитационное поле,— сказал Бреннан.— Большей частью она состоит из нейтрониума.

Рой присвистнул. А Алис сказала:

— Но ведь она должна быть нестабильной? Она слишком маленькая.

— Конечно, должна быть. Но я поместил ее в статис-поле. Теперь ее материя сконцентрирована в основном на поверхности. Можете представить, что сила тяготения на ее поверхности равна восьми миллионам «же»?

— Думаю, могу.

Нейтрониум был наиболее плотным состоянием материи, под давлением большим, чем в центре большинства звезд. Нейтроны в нем укладывались бок о бок. Плотнее могла быть лишь гипермасса. Но гипермассу нельзя было уже рассматривать как материю — скорее как точечный источник гравитации.

— Я думал оставить его здесь, в качестве приманки. На тот случай, если корабль Пак придет, когда меня здесь не будет. Но теперь их слишком много. Я не могу допустить, чтобы они обнаружили Кобольд. Этот подарок оказался бы смертельно опасным для человечества.

— Вы намерены уничтожить Кобольд?

— Вынужден.

Иногда они стряпали себе сами. Но, следуя инструкции Бреннана, не употребляли в пищу ни картофеля, ни мяса. Иногда еду для них готовил он. Его непостижимая для глаз скорость никогда не выглядела торопливостью, но он ни разу не остался побеседовать с ними после завершения трапезы. Он сильно прибавил в весе, но, казалось, все это ушло в мускулы. И в громадные узлы суставов, которые еще больше придавали ему облик скелета.

Он продемонстрировал настоящую вежливость. Ни разу он не заговорил с ними свысока.

— Мы для него вроде котят,— заметила Алис.— Он занят, но следит, чтобы мы были сыты, а порой остановится, чтобы почесать нам за ухом.

— Это не его вина. Мы ничем не можем ему помочь. Мне даже хочется, чтобы что-нибудь случилось...

— Мне тоже,— она лежала на траве, под солнечными лучами, которые теперь имели странный оттенок. Бреннан убрал из гравитационной линзы, через которую проходили лучи Солнца, свой добавочный компонент. Свет мешал его наблюдениям. Теперь небо стало черным, Солнце увеличилось и сделалось туманным. Оно уже не могло бы выжечь человеку глаза.

Чтобы легче регулировать многократно усиленные гравитационные поля, Бреннан остановил вращение Кобольда. Теперь все время дул ветер. Он свистел в бесконечной ночи, окутавшей лабораторию Бреннана. Ветер охлаждал полуденный жар на обращенной к Солнцу стороне травяного шара. Растения еще не начали погибать, но ждать этого оставалось недолго.

— Сто семьдесят лет. Мы так никогда и не узнаем, чем все это закончится,— сказала Алис.

— Мы можем прожить достаточно долго.

— Надеюсь.

— У Бреннана, должно быть, вируса дерева жизни больше, чем ему необходимо.

Когда она вздрогнула, Рой засмеялся.

Алис села:

— Скоро нам придется уйти отсюда.

— Посмотри.

В водопаде появилась гладкая голова. Показалась рука и помахала им. Теперь Бреннан плыл, пересекая пруд, его руки вращались словно пропеллеры.

— Мне приходится плыть как сумасшедшему,— сказал он.— Я тяжелее воды. Понимаете?

— О'кей. Как идет война?

— Сносно.— Бреннан поднял заполненный кассетами герметически запечатанный пластиковый мешок.— Звездные карты. Я почти готов к отбытию. Если бы я мог придумать какое-нибудь эффективное новое оружие, чтобы взять его с собой, то провел бы здесь хоть целый год, изготовляя его. Теперь остался только последний осмотр.

— У нас на корабле есть оружие. Может, взять его?— предложил Рой.

— Спасибо, принято. Что у вас есть?

— Ручные лазеры и винтовки.

— Ну, места они займут не очень много. Благодарю.— Бреннан отвернулся, глядя на пруд.

— Эй!

Бреннан повернулся:

— Что?

— Могла бы вам пригодиться помощь другого рода?— спрашивая, Рой чувствовал себя дураком.

Бреннан пристально посмотрел на него.

— Да,— сказал он.— Но помните, вы сами об этом спросили.

— Верно,— твердо ответил Рой. (Знакомое ощущение: «А что я с этого буду иметь?»)

— Мне хотелось бы сопровождать вас,— сказал Рой и затаил дыхание.

— Бреннан,— произнесла Алис,— если вам действительно нужна помощь, то я тоже хочу быть с вами.

— Извините, Алис, но вашей помощью я не могу воспользоваться.

Алис заставила себя сдержаться.

— Я не упоминала, что я хорошо тренированная золотомундирница. Владею оружием, обучена водить космические корабли, могу вести преследование.

— А, кроме того, вы беременны.

Бесконечно приспособленный к чему угодно, Бреннан имел привычку в середине разговора взорвать бомбу, он, казалось, просто не понимал этого. У Алис от этого заявления перехватило дыхание.

— Я?

— Мне следовало бы быть тактичным? Дорогая моя, вы можете ожидать, что у вас все пройдет великолепно...

— Как вы узнали?

— Действие гормонов вызывает некоторые изменения. Поймите, вам нельзя подвергаться потрясениям. Вы должны избегать...

— Избегать попыток сделать что-либо полезное,— закончила она за него.— Я знаю. Я подумывала о том, чтобы завести ребенка, но это было до того, как началось дело Вандервекена, а потом... ну, Рой, потом был только ты. Я думала, все плоскостники...

— Нет, я понимал, что ребенок может быть. Откуда, как ты думаешь, берутся новые плоскостники? Я тебе говорил, но никогда...

— Рой, не надо быть таким взволнованным.— Алис встала и обвила его своими руками.— Я горжусь. Понимаешь ты это своей тупой головой?

— Я тоже,— он улыбнулся, чуточку принужденно. Разумеется, ему хотелось стать отцом. Но...— Но что нам теперь делать?

Она выглядела обеспокоенной, но ничего не ответила.

Они быстро утратили контроль над ситуацией. Бреннан взорвал слишком много бомб одновременно. Рой крепко зажмурился, словно это могло бы помочь. Когда он открыл глаза, Бреннан и Алис все еще смотрели на него.

Беременная Алис.

Маленькие голубые огоньки.

— Я... я... я пойду с Бреннаном,— заявил он им.— Не потому, что я перестал любить тебя,— добавил он быстро и настойчиво. Его руки крепко сжали ее плечи.— Мы принесли ребенка в этот мир. В тот самый мир, который, по странному стечению обстоятельств, стал мишенью для двухсот тридцати...

— Я обнаружил вторую волну,— сообщил Бреннан.

— Проклятье! Лучше бы мне этого не знать!

Алис рукой закрыла ему рот:

— Я все понимаю, моя верная команда. Думаю, ты прав. Воздух был заполнен дымом от сжигаемых мостов.

Они стояли под ветвями одинокого громадного дерева, наблюдая. Бреннан занимался каким-то портативным прибором, вытащенным из своей рубашки.

Потом он повернулся к ним и сказал:

— Пора.

Рой и Алис обнялись, потом Алис медленно пошла к кораблю.

Бреннан только смотрел.

Построенный двести лет назад одноместный корабль походил на пузатенькое насекомое с длинным жалом. Паутина грузовых сетей распласталась словно двойные крылья. Кончик жала светился. Бреннан затратил целый день, обучая Алис управлению кораблем, обслуживанию и ремонту. Сейчас корабль издавал пронзительный визг. Рой не верил, что одного дня окажется доста-

точно, но если Бреннан в этом уверен... А Алис все сделала хорошо. Она пошла прямо вверх, потом плавно повернула туда, где должно находиться Солнце.

Рой содрогнулся, испытывая настоятельную необходимость, понимание того, что если он не сделает что-то прямо сейчас, значит, он обманут на всю жизнь. Но момент был давно упущен. Он только смотрел.

Солнце выглядело теперь странно. Бреннан перестроил гравитационную линзу, превратив ее в систему запуска корабля. Рой увидел, как Солнце немного сместилось влево, затуманилось, окружило оказавшийся точно в его центре корабль.

Корабль скрылся из виду.

— У нее не будет никаких затруднений,— сказал Бреннан.— А судно это послужит для нее источником дохода. Оно не просто реликт. Оно — историческая достопримечательность. И я сделал на нем некоторые любопытные изменения в...

— Безусловно,— ответил Рой. Он смотрел на увядшую траву и ставшие желтыми листья деревьев. Теперь пруд представлял собой неглубокое озерко грязи. Кобольд еще раньше утратил все свое очарование.

Бреннан хлопнул его по плечу:

— Пошли.

Он вошел в то. что прежде было прудом. Рой вздрогнул, последовал за ним. Прохладная грязь выдавливалась между пальцами ног.

Бреннан нагнулся, глубоко погрузился в топь, выпрямился. С чмокающим звуком обнаружилась металлическая дверь. Дверь воздушного шлюза.

Теперь события сменяли друг друга очень быстро. Шлюз вел в тесную кабину управления. В кабине находились два треснувших кресла, над пультом шел круговой экран, словно в космическом корабле.

— Привяжитесь, если хотите,— сказал Бреннан.— Если мы ошибаемся, то мы в этом случае — покойники...

— Если бы я знал...

— Нет. Когда мы будем в пути, вы сможете осмотреть корабль для душевного успокоения. Черт, да у вас для этого будет целый год.

— К чему такая спешка?

Бреннан искоса взглянул на него:

— Рой, имейте же сердце. Я проторчал здесь дольше, чем прожила на свете ваша Большая Стелла.

Он включил обзорный экран.

Они плыли по туннелю, проходящему через весь Кобольд.

Бреннан резко ударил по кнопке.

Кобольд рывком отдалился.

— Я дал быстрый старт,— пояснил Бреннан.— Наберем скорость вдвое быстрее.

— Хорошо.

Кобольд замедлил свой бег, остановился и стал похож на кулак какого-то божества, занесенный для удара. Рой вскрикнул. Он ничего не мог поделать с собой. Только что они находились в тунеле, а теперь впереди было черное небо.

Рой развернул свое кресло, чтобы видеть то, что осталось позади, но Кобольд уже исчез. Солнце здесь было — звезда среди звезд.

— Давайте увеличим его,— сказал Бреннан. Солнце сделалось намного больше, вылезло за пределы прямоугольной секции обзорного экрана, там же стал виден уменьшившийся в размерах Кобольд. Снова резкое увеличение — и Кобольд заполнил экран.

Бреннан нажал красную кнопку.

Кобольд смялся, словно невидимая рука сделала его комом ваты. Камень потек как масло, запылал жарким желтым светом. В теле, в желудке Роя почувствовалась слабость. Это было так же, как если бы кто-нибудь вздумал бомбардировать Диснейленд.

— Что вы сделали?— спросил он.

— Выключил генераторы гравитации. Я не могу допустить, что Пак обнаружили Кобольд. Чем дольше они его не заметят, тем лучше для нас.

Весь Кобольд был охвачен желтым пламенем, он уменьшался, таял.

— Через несколько минут он полностью окажется размазанным на поверхности того восьмифутового шара нейтрониума. А когда остынет, найти его окажется практически невозможно.

Теперь Кобольд превратился в слепящую глаза яркую точку.

— И что будет потом?

— В течение года, двух месяцев и шести дней — ничего. Хотите осмотреть корабль?

— Ничего?

— Я имел в виду, что нам в течение этого времени не придется набирать ускорение. Взгляните,— пальцы Бреннана порхнули над пультом управления. Обзорный экран послушно продемонстрировал трехмерную проекцию Солнца и его расположенной в двадцати пяти световых годах соседки.

— Мы здесь, возле Солнца. Направляемся — вот сюда. Эта точка находится как раз посередине между Альфой Центавра и звездой Ван-Маанена. Когда мы уничтожим корабль Пак, то направимся прямо в середину их флота. Они не смогут определить нашу относительную скорость, не зная скорости нашего выхлопа, а поперечной составляющей они не могут знать вообще. Им придется предположить, что я иду к Альфа Центавра или от звезды Ван-Маанена. Я не хочу навести их прямо на Солнце.

— В этом есть смысл,— неохотно согласился Рой.

— Так давайте отправимся в путешествие,— сказал Бреннан.— Позднее мы сможем уточнить детали. Я хочу, чтобы вы научились управлять кораблем. На тот случай, если со мной что-либо стрясется.

«Летучий Голландец» — так назвал Бреннан свое судно. И хотя внутри его были корабли, само оно вряд ли являлось кораблем.

— Если вам нужно подтвердить название,— весело заявил он,— то могу утверждать, что мы плывем под парусами. Здесь нас подкарауливают и приливы, и фотонные ветры, и пылевые мели, которые могут поглотить нас.

— Но с момента старта вы все время заняты управлением.

— Конечно, но, если нужно, я могу развернуть световой парус. Пока я предпочитаю этого не делать. Парус сделает нас более заметными.

«Летучий Голландец» представлял собой обломок скалы, большей частью — полый. В трех больших ангарах находился разобранный на части корабль, оснащенный таранно-черпающим двигателем Баззарда. Корабль был таким же, как у Пак. Бреннан дал ему название «Защитник». Еще в одном ангаре помещался грузовой корабль Роя Трусдейла. Что бы он уместился там, полость пришлось расширить. Остальные помещения были пусты.

Нашлось место и для гидропонного сада.

— Сюда вход запрещен,— предупредил Бреннан.— Дерево жизни. Никогда сюда не заглядывайте.

Была здесь и тренировочная комната. Бреннан затратил немного времени, показывая Рою, как отрегулировать механизмы, чтобы они оказались подвластными мускулам пользователя. На борту «Летучего Голландца» сила тяжести была почти нулевой. Им обоим пришлось привыкать к такому притяжению.

Имелся склад деталей к механизмам.

Имелся телескоп, большой, но обычного образца.

— Я не хочу использовать сейчас генераторы гравитации. Я хочу, чтобы мы внешне выглядели как скала. Позднее мы будем выглядеть как корабль Пак.

Рой подумал, что это не так уж необходимо.

— Пройдет половина от этих ста семидесяти лет, прежде чем Пак обнаружат какие-либо следы того, чем мы сейчас занимаемся.

— Возможно.

И был «Защитник». Первые несколько недель путешествия они мало чем занимались, не считая тренировок Роя Трусдейла по управлению судном. Он узнал, чем отличается корабль Бреннана от корабля Физпока.

— Я не знаю, какое время нам придется еще сохранять маскировку,— заявил Бреннан.— Может быть, до самого конца, может быть, вообще не придется. Посмотрим.

А пока Бреннан превратил кабину управления в учебную студию, перемонтировав воспринимающие устройства системы управления и производя ввод сигналов снаружи. Рой научился поддерживать постоянное ускорение в 0,92 «же». Научился так распределять поля в пространстве, чтобы для внешнего наблюдателя выхлоп казался размазанным. Двигатель судна Физпока не был отрегулирован с такой точностью, как двигатель на корабле

Бреннана. Так и должно было быть, если учесть, что Физпок проделал путь в тридцать одну тысячу световых лет.

Рубка управления оказалась намного больше, чем предполагал Рой.

— У Физпока было не так много свободного места, правда?

— Верно. Физпоку пришлось взять с собой пищу, воздух, оборудование для всего, что ему могло понадобиться в полете длиной в несколько тысяч лет. А мне — нет. Однако нас двое... Кроме того, не было вычислительной техники, или он не пожелал ею воспользоваться.

— Хотел бы я знать, почему?

— Пак не видят смысла в создании машин, которые бы думали за них. Они сами умеют думать слишком хорошо, и это им, кстати, очень нравится.

Внутри каплеобразного грузового отсека не было ничего напоминающего то, с чем чужой корабль пришел два столетия назад в Солнечную Систему. Его содержимым была смерть. Ее могли нести и тяжелые позиционные ракетные двигатели, и сам корабль. Вдоль его продольной оси был установлен рентгеновский лазер. Расположенная параллельно лазеру толстая труба генерировала направленное магнитное поле.

— Таким образом можно нарушать основанную на действии монополей работу таранно-черпающего двигателя Баззарда. Разумеется, вы не сможете повредить этот двигатель в достаточной степени, если будете действовать неправильно.

Когда Рой научился манипулировать этим устройством (на что ушло много времени — слишком мало он знал о теории поля), Бреннан взялся за военную муштровку.

Это оказалось тем, из-за чего Рой взбунтовался.

Прошло два месяца муштры, но она не стала ни на йоту приятней. Рой вернулся в школу, где был всего-навсего учеником, а учитель, занимавшийся с ним круглосуточно, был не из тех, кто может простудиться, или урок которого удастся прогулять. Но ведь Рой не стал снова ребенком. Он расстался с открытыми пространствами Земли. Он расстался с Алис. Он расстался со всеми женщинами, черт побери! И такое будет продолжаться целых пять лет.

Пять лет — и остаток жизни придется провести в Стране Чудес. О Стране Чудес он знал немного. Но знал, что население ее было немногочисленным и редким. Адекватной была и технология. Пасторальный рай, вероятнее всего. Милейшее местечко, чтобы провести там свою жизнь... до тех пор, пока не объявится Бреннан. А теперь Стране Чудес придется готовиться к войне.

— Флот Пак на расстоянии в сто семьдесят три года пути,— сказал Трусдейл.— Мы окажемся в Стране Чудес через пять лет. Почему вы считаете, что вам понадобится артиллерист? Во всяком случае, я-то зачем понадобился?

Бреннан крепко ухватился руками за край отверстия, через которое должны будут выпускаться ядерные ракеты.

— Вы вправе сказать, что я научился быть скромным. Я уже

давно думал, что следует заняться поисками флота Пак, но так этого и не сделал. Просто вероятность была слишком мала. Ну, я и перестал искать их.

— Искать кого? Мы же знаем, где находится флот Пак.

— Мне не хотелось бы тревожить вас. Это долгая история.

— Меня тревожить? Мне надоело! Мне просто скучно!

— Прекрасно, тогда вернемся немного назад,— сказал Бреннан.— Мы знаем, где находится первый флот и как он велик. Второй флот отправился на триста с лишним лет позже. Все, что я о нем знаю,— это размытый источник тех самых необычных химических соединений, химических соединений выхлопа. Этот флот движется намного быстрее. И они идут не прямо след в след первому флоту. На это им потребовалось бы слишком много горючего.

— Размеры?

— Меньше. Порядка ста пятидесяти кораблей, если допускать, что они не меняли имеющуюся у них конструкцию. Точнее я сказать не могу.

— Есть и третий флот?

— Если он и есть, я никогда не смогу его обнаружить. Чтобы построить второй флот, они должны были найти новые источники материалов и энергии. Возможно, они вели шахтные разработки в близлежащих системах, там и построили свои корабли. Сколько времени ушло у них на постройку третьего флота? Где они его строили? Возможно, это место очень далеко отсюда. Но дело в том, что должен быть и последний флот.

— Что дальше?

— Я предполагаю, что когда отправился последний флот — второй, третий или четвертый, это не важно,— то часть защитников осталась на месте. Допустим, это были защитники, не имеющие потомства, потерявшие всех своих производителей. Они остались потому, что на кораблях было больше свободного места, а также потому, что еще могут принести пользу Пак.

— Оставшись в покинутом мире? Каким образом?

— Они могли построить разведывательный флот.

Роя не в первый раз тревожило душевное состояние Бреннана. Физиологические изменения плюс двадцать два десятилетия, проведенных в одиночестве... Но если Бреннан свихнулся, он слишком умен, чтобы показать это.

— Но этот ваш разведывательный флот,— мягко заметил Рой,— должен отставать по меньшей мере на пятьсот лет от последнего флота.

— Звучит глупо, не так ли? Но им не нужно было экспериментировать. Им не требовалось искать доказательства, что их замысел правилен — поскольку они рискуют только собой. Им ни к чему грузовые отсеки. И, думаю, они могут постоянно выдерживать тройную силу тяжести. Я же не могу. Значит, вес необходимых для них припасов должен быть намного меньше, поскольку сам полет займет меньше времени. Производители ушли, а защитники спо-

собны на что угодно... Например, они могут создать новые шахты для добычи металла, вызвав вулканические извержения в коре планеты Пак.

— У вас неплохое воображение.

— Благодарствую. Что я могу представить, так это то, что они могли планировать догнать первую волну судов с эмигрантами примерно там, где телескопы Пак уже недостаточно хороши, чтобы разведать лежащее дальше пространство. И с этого момента они летят впереди флота. Вам все еще скучно?

— Нет. Но вы грезите наяву. Они никогда не смогут построить эти гипотетические корабли. Что бы ни выгнало их из ядра галактики, оно уже, вероятнее всего, должно было погубить разведчиков.

— Дьявольщина, оно могло погубить третью волну и потрепать вторую. И, либо оно уничтожило разведывательные корабли, либо (как бы вы не просчитались со своим мнением) они идут сюда.

— Вы их обнаружили?

— Как? Обшаривая все небо? Они не просто вцепятся нам в глотку, они приближаются к Солнцу неизвестно с какого направления. На их месте я поступил бы именно так. Вспомните, что они ожидают найти: мир цивилизаций защитников Пак, каким она была у них двести лет назад. Имевших достаточно времени для освоения девственного мира, начиная с населения... О, тридцать миллиардов производителей всех возрастов. И созданные Физпоком недавно появившиеся три миллиона защитников. Разведчики не захотят выдавать местоположение своего флота.

— Хм-м...

— Кое-что я могу сделать, но на изготовление необходимых приборов у меня уйдет несколько дней работы. Первое, что необходимо мне, это удостовериться, что вы умеете водить этот корабль. Управлять им и сражаться. Так что вернемся в отсек жизнеобеспечения. Направленное магнитное поле вызывало возмущения в межзвездной плазме. Такие же возмущения возникали при работе двигателя Баззарда. Поле, используемое как оружие, могло обрушить поток плазмы на испускающий ее корабль. Атакующий должен был варьировать свои удары, чтобы вражеский пилот не мог компенсировать действие оружия. Если окружающий водород имел неодинаковую плотность, атакуемый корабль мог оказаться поврежденным. Если плазма различалась по плотности, противник не мог даже выключить двигатель, не рискуя погибнуть при этом. Одним из назначений таранного поля являлась защита от гамма-лучей, возникающих при сгорании топлива.

— Если есть выбор, бейте его в районе сопла,— наставлял Бреннан.— Но не позволяйте ему делать с вами то же самое.

Лазер, если его луч попадал в корабль, нес более верную смерть. Но к началу сражения вражеский корабль должен был находиться на расстоянии, по меньшей мере, нескольких световых секунд. Это делало его слишком маленькой, неуловимой целью.

И увидеть его можно было лишь с опозданием в секунды или минуты. Для нанесения удара легче было использовать тысячемильные крылья таранного поля.

Управляемые бомбы отличались многочисленностью и разнообразием. Некоторые из них были обыкновенными ядерными бомбами. Другие под действием таранного поля извергали горячую плазму или испарения, внезапно и бурно превращающиеся в огненный поток или же полтонны радонового газа, спрессованного статис-полем. Смерть просто и смерть со сложностями. Были и обыкновенные макеты-ловушки, посеребренные баллоны.

Рой учился.

Прошло почти три месяца со дня уничтожения Кобольда, и Рой сжился с войной. В последнее время эти учебные сражения даже доставляли ему удовольствие. Но наслаждался он ими не в одиночку. Что бы он ни делал, рядом с ним находился неистощимый на выдумку Бреннан. Разведчики Пак на трех «же» выходили ему в хвост, а затем — бабах! Шесть «же» и сближение. Некоторые из ракет, выпущенных им, ушли по самым диким траекториям: разведчики каким-то образом нарушили управление ими. Два корабля увернулись от луча его лазера с такой легкостью, что он просто выключил окаянное устройство. Пак направили лазеры на него, подожгли не только корабль, но и тянувшееся за ним сжатое в жгут поле. Атомы водорода столкнулись и слились в ядерной реакции, так что «Защитника» резко и неровно подбросило, и Рою пришлось беспокоиться за сохранность генераторных установок. На немыслимых скоростях они метали в небо бомбы, вероятно — линейного ускорителя. Ему приходилось медленно отворачивать по случайным кривым. «Защитник» не был тем, что можно назвать маневренным кораблем.

Трое суток он провел в модуле жизнеобеспечения, ел там и пил, а сон ему заменяли возбуждающие таблетки. Он подчинялся правилам придуманной Бреннаном игры. И был близок к сумасшествию. Выводы о том, что происходит за стенками модуля, он мог делать только на основании показаний приборов. Он представлял твердые лица, похожие на лицо Бреннана.

Два разведчика подошли к нему сзади, и он наконец ударил по одному из них направленным магнитным полем и увидел, как таранное поле врага вспыхнуло и рассеялось.

Как раз в этот момент он понял, что там было две пары кораблей, идущих гуськом друг за другом. Будь ты проклят, Бреннан! Он ударил по переднему судну, но замыкающее все еще находилось там... и замедляло ход. Так, словно его тормозила потеря головного корабля, Рой сосредоточил внимание на второй паре, которая по-прежнему приближалась.

Он попытался развернуться. Два сцепленных вместе корабля должны быть менее маневренными, чем один... И часом позже он узнал, что так оно и есть. Сам он мог поворачивать лишь на долю угловой минуты, но его противники оказались еще менее пово-

ротливыми. Он, по-прежнему увертываясь, смог вклиниться в промежуток между вражескими кораблями.

Он попытался использовать свое оружие против одиночного корабля, оставшегося у него за кормой.

Половина имевшегося на борту оружия раскалилась докрасна. Ему пришлось сделать вывод, что хвостовой отсек взорван. Вероятно, из-за этого идиотского излучателя: он пытался пробить дыру в таранном поле одиночного корабля. Он мог бы держать пари на свое судно, что прав, и он даже рискнул допустить, что взрывом уничтожен лазер, который при других обстоятельствах мог бы принести определенную пользу. Он выпустил серию бомб с противоположной месту взрыва стороны грузового отсека. Головной корабль оставшейся пары вспыхнул и погиб.

Таким образом, от каждой пары осталось по одному замыкающему кораблю, всего — два. Ускорение, которое они могли набрать, было меньше, чем у него. Он немного отошел, затем развернулся и напал на них. Ему по-прежнему удавалось увертываться от снарядов, ракет и лучей лазера.

Разведчики уходили от боя. Он видел, как они уменьшались... Но затем один из них перестал уменьшаться... И наконец пошел на Трусдейла с максимальным ускорением. Он приближался сзади, набрав что-то около восьми «же».

Первым побуждением Роя было закричать:

— Бреннан, что вы делаете?

Он так бы и поступил прежде. Теперь же он удержался. Потому что ответ был для него очевиден: второй корабль поджег выхлоп «Защитника». Не имеет значения, каким образом. Но это было сделано. Так вот почему они двигались в тандеме!

Отключив двигатели, он дважды выбросил по полтонны радона.

Радон имел короткий период полураспада. Стабильным он оставался только в статис-поле. На оболочке бомбы, частично сделанной из мягкого железа, был установлен генератор поля. Под воздействием вражеского таранного поля он взрывался. Минутой позже радон подвергался сильному сжатию, и по нарастающей начинало происходить следующее: слияние ядер в этом районе приводило к образованию трансурановых элементов, и затем немедленно следовал ядерный взрыв. Таранное поле словно бы зажигало рождественскую елку в универсальном магазине. Корабль Пак вспыхнул крохотной белой точкой, затем точка потускнела и исчезла.

Возвращение к реальности — процесс медленный. Рою пришлось убеждать самого себя, что это было не на самом деле, что все это разыграно. Он резко подпрыгнул, когда в люке стремительно просунулась абсолютно чуждая голова Бреннана.

А потом тотчас же завопил:

— Какого черта потребовалось зажигать мой выхлоп?

— Я точно знал, что вы этим поинтересуетесь,— сказал Брен-

нан.— Об этом мы еще поговорим детально, но давайте сперва обсудим, как проходил бой.

— Заткнитесь вы со своим боем!

— Вы провели его неплохо,— продолжал Бреннан.— Но боезапасов у вас осталось немного. Так что хорошо, что вы не повстречались с большим числом разведчиков. И у вас не осталось резервов горючего, чтобы выйти на орбиту вокруг Страны Чудес, вы расходовали его слишком расточительно. Но вы можете оставить «Защитник» и пойти на посадку на грузовом корабле.

— Очень мило. Невероятно успокаивает. А теперь скажите-ка, каким образом разведчик Пак умудрился поджечь мой выхлоп, а потом подойти и повредить мне корму?

— Это одна из возможностей. На самом деле — она первая из тех, что я начал исследовать, потому что до нее нетрудно додуматься. Лучше я покажу вам все это на графиках.

Рой несколько успокоился, когда они добрались до рубки управления «Летучего Голландца». А кроме того, его начал бить озноб. Три дня, проведенных в кресле рубки «Защитника», опустошили его дотла.

Бреннан внимательно посмотрел на него:

— Если хотите, отложим.

— Нет.

— Хорошо, я не долго. Давайте рассмотрим, какие действия производит ваше таранное поле. Оно собирает межзвездный водород в жгут трех тысяч миль в поперечнике. Жгут сжимается магнитными полями. Сжатие достаточно сильное и происходит достаточно долго, чтобы началась ядерная реакция. На выходе гелий, некоторое количество избыточного водорода и продукты ядерной реакции, обладающие высокой энергией.

— Так.

— Это очень горячий и довольно плотный поток. В конечном итоге он рассеивается в пространстве, как и любой ракетный выхлоп. Но, предположим, что корабль, за которым вы следуете, находится здесь.— Бреннан изобразил на экране картинку: два крохотных корабля, один в ста милях позади первого. Перед головным кораблем протянулся широкий конус, сходящийся позади него почти в точку. Защита корабля — острие в форме иглы — отбрасывала поступающий водород в кольцеобразный сжиматель.

— Вы собираете поступающее от него горючее. Его таранное поле имеет всего лишь сто миль в поперечнике...— Бреннан изобразил несколько более узкий конус.— Это позволяет ему более точно контролировать поток поступающего горючего. Поступает оно горячим и плотным. Оно лучше горит, ядерная реакция протекает более бурно. В выхлопе должно обнаружиться много бериллия.

Это просто одна из тех штучек, которые могут попытаться выкинуть оставшиеся Пак. Идущий впереди корабль не оборудован ничем, кроме тарана: на борту нет горючего, нет двигателей, нет

груза. Двигает его таран. Сопровождающее судно тяжелее, но таким путем оно получает большее ускорение.

— Вы думаете, именно таким способом Пак идут на нас?

— Не исключено. Есть и другие варианты, при которых получается то же самое. Два независимых судна, удерживаемых вместе генератором гравитации. При необходимости они могут расцепляться. Или настоящим является переднее судно, а заднее служит только в качестве двигателя. В любом случае, я могу обнаруживать их. Они будут испускать атомы бериллия, светящиеся, словно неоновая реклама на фоне неба. Все, что мне надо сделать, это построить детектор.

— Помощь понадобится?

— При известных обстоятельствах. Идите спать! Попробуем справиться с этим за месяц или около того.

Рой остановился в дверном проеме:

— Так долго?

— Ровно столько, чтобы у вас язык не начал вываливаться. Всегда будьте в такой же готовности, как сейчас. Но в следующий раз обращайтесь поосторожнее и повнимательнее с электромагнитным излучателем. Когда вы проснетесь, я покажу, что с ним способны вытворять разведчики Пак.

Бреннан трое суток провел в мастерской. Если он и спал, то спал там. Едой он пренебрегал. А то, чем он там занимался, заполнило мастерскую непрекращающимся грохотом, и по всему «Летучему Голландцу» распространялось жужжание вибрации.

Рой прочел пару старинных романов, оказавшихся в памяти компьютера. Он плавал по голым каменным пещерам и переходам, и от этого у него зародилось гнетущее впечатление, что он заточен под землей. Он до изнеможения работал в учебной комнате. Из-за отсутствия силы тяжести мышечный тонус у него несколько понизился. С этим надо было что-то делать.

Он изучал, что представляет собой Страна Чудес. И обнаружил то, что и ожидал. Тяготение: 61% земного. Население: 1 024 000 человек. Площадь освоенной территории: 3 000 000 квадратных миль. Наибольший город: Мюнхен, население: 800 человек. Прощай городская жизнь. В результате и Мюнхен ему когда-нибудь покажется схожим с Нью-Йорком.

Время перевалило на четвертые сутки, когда он обнаружил, что в мастерской воцарилась тишина, а Бреннан, по всей вероятности, заснул. Он собирался уйти, когда Бреннан приоткрыл глаза и заговорил.

— Вы слишком полагаетесь на эти долгие, медленные повороты. Меняйте ускорение — и таким образом вы сумеете избегнуть оружия Пак. Все время увеличивайте и ослабляйте напряженность таранного поля. Когда, например, на вас направят лазерный импульс, ослабьте напряженность. Ядерной реакции просто не в чем будет начаться, если плазма сжата недостаточно плотно.

Роя это не удивило. Он уже знал манеру Бреннана возобновлять разговор, прерванный несколько дней назад. Он сказал:

— Тот оставшийся корабль легко бы мог это сделать, когда я выпустил на него радон.

— Верно, мог, если среагировал бы достаточно быстро. На больших скоростях заряд окажется сжат прежде, чем враг поймет, что заряд идет в его таранное поле. Особенно если заряду не придавать начального ускорения с помощью ракеты. Это хорошая мысль, Рой. Запомните, никогда не летите вслед убегающему кораблю. Он может выбросить в таранное поле вашего судна слишком многое. Надеюсь, что в любом сражении убегать придется нам.

Рой вспомнил, зачем он пришел:

— Вы не ели как минимум два дня. Я подумал, что должен...

— Я не голоден. У меня призма в печи, и надо подождать, пока она охладится.

— Я мог бы принести...

— Спасибо, не надо.

— Какой в этом смысл?

— Разве я говорил, что меня просто понять? Если поблизости не окажется разведчиков Пак, вы сможете просто высадиться в Стране Чудес в одиночку. Большая часть того, что я знаю о Пак, записана в памяти компьютера. Когда защитник не испытывает в этом необходимости, он не ест.

— Так у вас все-таки появилась какая-то надежда обнаружить разведчиков Пак?

Бреннан рассмеялся. Это скорее можно было назвать хихиканьем, хотя рот его оставался неподвижным. Его лицо не было абсолютно затвердевшим, оно скорее напоминало выделанную с морщинами кожу. Вот только рот его походил на окаменевшую раковину. Рот человека очень во многом определяет выражение его лица.

Вечером того же самого дня он явился, волоча сооружение весом в фунтов триста. Наиболее видное место в устройстве занимала большая кристаллическая призма из какого-то твердого металла. Он не позволил Рою помочь ему тащить этот механизм, но установкой его в фокусе телескопа «Летучего Голландца» они занимались вместе. Рой принес бутерброд и заставил Бреннана съесть его. Трусдейла раздражала необходимость играть роль еврейской мамаши, но еще больше раздражала мысль о посадке в Страну Чудес в одиночку.

Когда на пятые сутки, как раз в полдень, Рой пришел присмотреть за ним, Бреннана не оказалось. Рой отыскал его там, куда ему, Рою, вход был запрещен — в гидропонном саду. Бреннан, склонившись над открытым баком, доставал один за другим клубни сладкого картофеля и поглощал их.

Спектр, отброшенный призмой на белую поверхность, походил на дождевую радугу. Бреннан указал на яркую зеленую линию.

— Бериллий. Со сдвигом в голубую область. Линии гелия — в

фиолетовую. Обычный бериллий находится в инфракрасной области.

«Со сдвигом в голубую». Любой школьник знает, что это значит.

— Он приближается, чтобы вцепиться нам в глотку. Он идет прямо на нас, но не исключено, что он изменит курс. Мы находимся на расстоянии лишь двух световых недель от Солнца, а он — светового года, и я полагаю, что он тормозит. Я должен буду это проверить. Мы все узнаем, когда увидим его выхлоп. Но я думаю, что он нацелился на Солнце.

— Бреннан, это еще хуже.

— Это просто настолько скверно, насколько может быть скверно. Через месяц мы будем знать. К тому времени он уже достаточно сместится, и мы сможем определить параллакс.

— Месяц! Но...

— Погодите-ка минуточку. И успокойтесь. Как далеко он сможет продвинуться за месяц? В настоящее время его скорость ниже световой. Мы движемся, вероятно, быстрее, чем он. Месяц — это для нас немного. А я смогу установить, сколько их там, где они, куда они направляются. И мне нужно кое-что сделать.

— Что?

— Один аппарат. Я задумал его после того, как мы обнаружили флот Пак, и когда я понял, что у Пак могут быть разведчики. Все чертежи устройства в компьютере.

Рой не боялся одиночества. Он опасался его противоположности. Бреннан был не обычным спутником, а в «Защитнике», когда они наконец покинут «Летучий Голландец», должно быть тесновато. В течение недели или около того, Рой отказывался от наблюдений, сознательно лелея свое одиночество. Описывая руками и ногами круги, он парил между полом и потолком в пустой учебной комнате. Позднее ему захочется вспомнить эту комнатушку. Даже этот наполовину полый каменный шар был слишком мал для человека, который с большей охотой занялся бы альпинизмом.

Однажды он предложил: необходимо уточнить бреннановские модели поведения разведчиков Пак. Но у Бреннана не нашлось ничего нового.

— Вы знаете ровно столько, сколько нужно, если собрались когда-либо вступать в бой с Пак. Вам не страшно?

— Да, черт возьми.

— Рад это слышать.

Как-то Бреннан не появился в лаборатории. Рой отправился на его поиски. По мере того как шло время, упрямство его все возрастало. Но Бреннана, казалось, вообще не было на борту корабля.

Наконец он спросил сам себя:

— Как бы поступил в данном случае Бреннан? Логично. Если его нет внутри, значит, он снаружи. Что ему снаружи могло понадобиться?

Верно. Вакуум и выход на поверхность.

Дерево, трава, ил на дне пруда — все было вымерожено, обезвожено, погибло. Звезды стали яркими и жуткими. И более реальными, чем они выглядели на телевизионном экране. Рой смог взглянуть на них как на поле битвы: невидимые планеты — это те территории, которые должны быть завоеваны, а окружающая звезды газовая броня — смертельная ловушка для неосторожного воина.

Он увидел прожектор Бреннана. Бреннан работал в пустоте, создавая... нечто. Его заново разрисованный скафандр выглядел чужеродным анахронизмом. На груди — фрагмент картины Дали: Мадонна и младенец, очень красиво нарисованные. Отломленная буханка хлеба проплывала сквозь окно в теле младенца, и он пристально следил за ней задумчивым, взрослым взглядом.

— Не подходите слишком близко,— раздался голос Бреннана из переговорного устройства в скафандре Роя.— Когда я создавал Кобольд, у меня нашлось достаточно времени, чтобы потратить его немного и на этот каменный шарик. Здесь, под его поверхностью, укрыты химически чистые элементы.

— Что вы делаете?

— Одну шуточку, способную на расстоянии разрушить генератор направленной гравитации. Если генерированная гравитация — это то, чем они пользуются, чтобы их суда шли тандемом, значит, гравитация эта должна быть поляризованной. В противном случае она не будет действовать на таком расстоянии. Мы знаем, что они умеют этого добиваться. Генератор они установят на размыкающем судне, потому что оно будет получать достаточное количество энергии, чтобы поддерживать поле.

— А если предположить, что они используют что-либо другое?

— Тогда я без толку потратил на это целый месяц. Но я не верю, что они станут пользоваться кабелем. В фазе торможения даже кабель Пак не выдержит выхлопа буксируемого судна. Я могу допустить, что все необходимое они погрузят на замыкающее судно, а передний корабль будет использоваться исключительно для того, чтобы нести основную часть двигателя Баззарда, то есть компрессор. Но тогда они проигрывают и в мощности и в маневренности.

Я пытался представить себе, как спроектирован разведывательный корабль Пак. Это не так-то просто, поскольку я не знаю, чем они располагают. Худший с нашей точки зрения вариант, до которого я смог додуматься, это два независимых корабля, оснащенных мощными многоцелевыми генераторами таранного поля. При такой тактике, если в бою потеряны два головных корабля, в пару соединяются два ведомых. И наоборот.

— Да-а.

— Но я в это не верю. Большая часть груза будет равномерно распределена между всеми судами. Так им понадобится меньшее число кораблей. Я думаю, они пойдут на компромисс. Переднее судно, оснащенное двигателем Баззарда, предназначено для боя,

но не слишком отличается от нашего. Заднее судно является многоцелевым, на нем установлен большой генератор таранного поля. Соединить в пару можно два замыкающих, но не два передних судна. Во всяком случае, головное судно более уязвимо. Вы в этом убедились.

— Значит, с этими разведчиками будет бороться труднее, чем с теми, с которыми сражался я.

— И их трое.

— Трое?

— Они идут конусом через... Помните? Ту карту околосолнечного пространства? Район, в котором сосредоточены почти все красные карлики? Пак идут через этот район. Думаю, цель их состоит в том, чтобы составить для флота карту обратного маршрута, если с Солнцем что-либо не так. В противном случае они убедятся, что с Солнцем все в порядке, а затем пойдут к другим желтым карликам. Почти все карлики находятся на расстоянии около одного светового года от Солнца. И небольшая их часть расположена особняком — на расстоянии примерно в восемь световых месяцев.

Рой порылся в памяти. Где же окажется поле боя? Положение Солнца он представил легко, но никак не мог вспомнить, откуда придет первый разведчик. Его охватила дрожь, хотя костюм удобно облегал его, а грел гораздо лучше, чем когда-либо прежде. Костюм был отрегулирован Бреннаном.

— Их может оказаться больше.

— Мне это представляется сомнительным,— возразил Бреннан.— Я не обнаружил больше никаких источников бериллия, имеющего сдвиг в другую частоту.

— Допустим, они идут не попарно, а по одному. Тогда они выглядят, как обыкновенные корабли, снабженные двигателем Баззарда.

— Мне в это не верится. Сами посмотрите, им необходимо видеть друг друга. Если разведчик исчезнет, другим нужно об этом знать.

— Прекрасно. Значит, нам надо помешать им идти к Солнцу. Как насчет того, чтобы нам выступить в качестве приманки?

— Верно.

Короткий, данный без раздумья ответ смутил Роя. Подобное случалось так часто, что создавалось впечатление, будто Бреннан уже все обдумал, продумал во всех деталях. Причем продумал давным-давно. Бреннан ничего не добавил, и Рой спросил:

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет. С этим мне надо закончить самому. А вы — освежите свою память. Местную астрономию вам надо знать назубок. Она — карта нашего поля боя. Посмотрите в справочнике, что там есть о Доме. Мы не пойдем к Стране Чудес. Если у нас окажется такая возможность, мы пойдем к Дому.

— Как же так?

— Сейчас объясню. Я намереваюсь в глубоком космосе совер-

шить поворот под прямым углом. Учитывая это, Дом оказывается наиболее оптимальной целью. К тому же, на нем хорошо развитая промышленная цивилизация.

Дом. Эпсилон Индейца. 2. Вторая из пяти планет системы, включающей так же 200 астероидов, вращающихся по беспорядочным, но нанесенным на карты орбитам.

Сила тяжести: 1,08 земной.

Диаметр: 8800 миль.

Период обращения: 23 часа 10 минут.

Продолжительность года: 181 день.

Атмосфера: 23% кислорода, 76% азота, 1% редкие нетоксичные газы.

Давление на уровне моря: 11 футов на квадратный дюйм.

Один спутник.

Диаметр: 1200 миль.

Сила тяжести: 0,2.

Строение поверхности в общих чертах напоминает лунную.

Открытие: в 2094 году, с помощью исследовательских зондов, оснащенных двигателями таранного типа.

Заселение: в 2189 году, с помощью тихоходных судов и автоматов таранного типа.

Использование двух новых технических приемов облегчило заселение Дома. Тихоходные корабли несли каждый по шестидесяти колонистов, находящихся в статисе. Столетием раньше для шестидесяти человек потребовалось бы три-четыре тихоходных судна. И хотя ни одно живое существо не может перенести путешествия в автомате таранного типа, оказалось, что эти автоматы могут доставлять горючее на тихоходные корабли. Широко использовалась и более старая техника: припасы для колонистов доставлялись на орбиту вокруг Дома таранными автоматами, что сохраняло место на борту тихоходных кораблей. Взамен тех автоматов, что потерпели аварию в пути, тут же высылались новые.

Первоначально колонисты намеревались назвать свой новый мир Плоской Страной. Вероятно, это забавляло их думать о себе и своих потомках, как о плоскостниках. Но однажды мнение жителей Дома изменилось: запоздалый приступ патриотизма.

Население: 3 200 000 человек.

Освоенная территория: 6 000 000 квадратных миль.

Главные города

Рою потребовалось некоторое время, чтобы заучить карту наизусть. Города располагались обычно в русле рек. Сельские об-

щины — вблизи моря. Жизнь на Доме развивалась в море. Существовала, правда, и сухопутная жизнь, но слаборазвитая. Сельское хозяйство образовывало замкнутый экологический цикл, но для производства удобрений широко использовались морские организмы.

Существовала хорошо развитая горнодобывающая промышленность, вся продукция которой шла на нужды самого Дома.

Контакты с Землей обусловили преобладающую роль промышленности, устойчивое и постоянное развитие всех новых отраслей.

Три миллиона... Трехмиллионное население свидетельствовало о высоком уровне рождаемости, даже если первоначальный прирост обеспечивался зародившимися в колбе детьми и пришедшими позднее кораблями с колонистами. Рой никогда не задумывался об этой стороне увеличения населения колониальных миров. Гордость от права быть отцом многих детей... гордость, имевшая на Доме гораздо меньшее значение, так как здесь не приходилось доказывать свою гениальность, не приходилось доказывать, что вы изобрели колесо, чтобы получить лицензию. Однако... у него, у Роя, окажутся дети в двух мирах.

Но, вероятно, Дом изменится к худшему, когда Бреннан выведет его на тропу войны. Война никогда не являлась забавой, а межзвездная война подобного рода (Рою следовало бы это знать) обещала быть затяжной и нелегкой. Какой ум потребуется, чтобы разработать планы ее ведения на все сто семьдесят три года вперед?

Устройство, которое смастерил Бреннан, несколько превышало его рост, было цилиндрической формы и тяжелым на вид. Бреннан установил его возле одного из тех люков, за которыми ожидал своего часа разобранный на части «Защитник».

— Мне необходимо быть полностью уверенным, что я могу получать адекватно поляризованное поле,— сказал Рою Бреннан.— В противном случае в этот прибор может провалиться весь «Защитник» целиком.

— Как Кобольд, а? И вы в силах это сделать?

— Думаю, да. Пак же умеют... как мы предполагаем. Если уж у меня это не получится, остается предположить, что они удерживают корабли в связке каким-то иным способом.

— Где же это устройство будет находиться?

— Я помещу его позади оружейного отсека. А ваш грузовой корабль — позади отсека жизнеобеспечения. Мы будем растянуты цепочкой. Пак не увидят, что я несколько изменил конструкцию корабля, они сделали бы то же самое, будь у них инструменты и материалы.

— Почему же вы думаете, что они этого не сделали?

— Я этого не думаю,— возразил Бреннан.— И я по-прежнему хочу знать, каким образом они меня порадуют, узнав, чем я располагаю.

Как-то он заглянул в обсерваторию.

— Все закончено,— отрывисто сообщил он.— Я могу получать такое поляризованное гравитационное поле, какое мне необходимо. А это означает, что оно может быть и у Пак, что они, по всей вероятности, его используют.

— В таком случае, мы готовы к отправлению? Наконец-то.

— Как только я установлю, чем занимаются разведчики Пак. На это уйдет часов двенадцать, не больше, я обещаю.

На экране телескопа разведчики Пак выглядели крошечными зелеными огоньками, находящимися далеко друг от друга. Огоньки несколько продвинулись в направлении Солнца. Бреннан, казалось, просто знал, где их искать, а это говорило, что он наблюдал за ними все эти два месяца.

— По-прежнему идут с ускорением в три «же»,— сказал он.— И намерены отдохнуть только тогда, когда доберутся до Солнца. Я был прав, говоря, что они способны так много выдерживать. Посмотрим, сколько удастся выдержать мне.

— Разве вы мне раньше не говорили, что все это предусмотрено?

— Верно. Теперь мы покидаем «Летучий Голландец». Черт с ними, с доказательствами, что я иду от звезды Ван-Маанена. В любом случае Пак увидят нас под неправильным углом. Я сделаю вид, что направляюсь к Стране Чудес с ускорением что-нибудь около 1,08 «же», продержусь в таком положении с месяц, а затем увеличу ускорение до двух «же» и начну отворачивать в сторону от Пак. Если к этому моменту они меня заметят, а я смогу им внушить, что достаточно опасен, они повернут следом за мной.

— Почему?..— хотел было спросить Рой, но тут же вспомнил, что 1,08 «же» — сила тяжести на поверхности Дома.

— Я не хочу, чтобы они думали, будто я Пак. Не сейчас. Больше вероятности, что они погонятся за чужаком, сумевшим самостоятельно построить корабль. Или же сумевшим украсть корабль Пак. И я не хочу, чтобы ускорение равнялось силе притяжения Земли. Это бы было слишком большой подсказкой.

— Понятно. Но тогда они решат, что вы идете от Дома? Этого вы и хотите?

— Пожалуй, да.

Раньше у Дома оставался скромный выбор: вступать ему в войну или не вступать. Рой вздохнул:

— А что, если двое из них пойдут к Солнцу, а оставшийся погонится за вами?

— И прекрасно. Они пока что на расстоянии восьми световых месяцев друг от друга. Каждый из них вынужден будет начать делать разворот за восемь месяцев до того, как он сможет убедиться, что остальные тоже разворачивают. Чтобы вернуться на прежний курс, им потребуется еще полтора года. А к этому времени они могут просто-напросто решить, что я слишком опасен, чтобы уклоняться от боя.— Бреннан скользнул глазами по экрану.— Вы не разделяете моего энтузиазма?

— Бреннан, ведь это еще целых два проклятых года, прежде чем вы даже узнаете, что они повернули за вами. Им потребуется год, чтобы увидеть вас. Вам потребуется год, чтобы убедиться, что они повернули за вами.

— Не обязательно два года. Гораздо меньше.— Глаза Бреннана под выступами лба поблескивали черным.— Какое время вы можете выдерживать бездействие?

— Не знаю.

— Я могу поместить вас в капсулу статис-поля, использовав для этого две радоновые бомбы.

— О господи, передышка!

— Да, это было бы славно. Но для этого нам придется выбросить радон. Так ведь?

— Нет, черт побери. Этого бы я не стал делать. Я просто помещу две бомбы в отсеке обеспечения, между двумя генераторами, и окружу их металлическим кожухом.

В Рое заговорила совесть.

— Послушайте, разве вы не ощущаете того же, что и я? Я имею в виду — ожидание. Мы могли бы чередоваться в роли наблюдателя.

— Бросьте. Если на то есть причины, то я могу ждать без передышки хоть до Страшного Суда.

Рой засмеялся. Он-то и в самом деле получал передышку.

Статис-капсула представляла собой цилиндр семи футов длиной, изготовленный из мягкого железа. Цилиндр был приварен к двум радоновым бомбам, так что общая длина сооружения достигала четырнадцати футов. Попасть в него можно было через люк, соединяющий кухню с учебной студией.

Цилиндр, словно гроб, был подогнан под размеры Роя. Он и почувствовал себя словно в гробу. Рой крепко стиснул зубы, удерживая просящиеся наружу слова, пока Бреннан устанавливал на место изогнутую крышку люка.

Закрываясь, люк издавал низкий звук.

— Ты уверен, что это сработает?

— Идиот. Именно таким образом и был заселен Дом. Разумеется, это сработает.

Бреннан никогда бы не подумал, что он такой дурак.

Он ждал. В темноте. Он представлял, как Бреннан заканчивает сварку, как, прежде чем нажать на тумблер, проверяет контакты, прозванивает цепи и тому подобное. Затем... Он перестал ощущать течение времени. И когда крышка открылась, он глупо поинтересовался:

— Не сработало?

Внезапно на него навалилась сила тяжести. Рой ударился ступнями об пол, но устоял. Только заворчал от потрясения и удивления. Необходимости задавать вопросы не было, «Защитник» вступил в сражение, легко развивая ускорение в три «же».

Люк качнулся обратно. Бреннан подхватил Роя под мышки,

поднял. Руки его были тверды как железо. Он полувел, полутащил Роя к противоперегрузочному креслу. Тиски сместились на пояс Роя, Бреннан неторопливо уложил его в кресло.

— Я не калека,— прохрипел Рой.

Бреннан откинул спинку противоперегрузочного кресла Роя.

— Скоро вы почувствуете себя калекой,— с точно такой же осторожностью он улегся в другое кресло.— Они вцепились в приманку. И идут за мной следом. Теперь на протяжении двух лет ускорение наше — 2,15 «же». Оно такое небольшое потому, что «Защитник» способен обогнать их.

— А вы можете сказать, что они делают?

— Я вам продемонстрирую.— Бреннан положил руки на пульт управления, и экран заполнило звездное небо.— Два года наблюдений, сжатые до десяти минут. При таком показе вы все лучше поймете. Видите корабли Пак?

— Да.— Три зеленые точки, удлиняющиеся заметно для глаз, движущиеся. Яркая белая звезда — Солнце — отодвигалась с центра экрана влево.

— Пока они делали разворот, я получил их параллакс. Ускорение небольшое, но поворот был произведен быстро. Радиус поворота — почти как у нас. Думаю, что суда разделились и осуществили поворот независимо друг от друга. Сейчас они снова идут гуськом, преследуя нас с ускорением в пять с половиной «же».

— Вы полагали, что это почти предел для них?

— Не забывайте, я несколько дней провел с Физпоком в качестве наставника. Полагаю, что физически здоровый Пак способен выдерживать ускорение в три «же» сколько угодно. А в шесть «же», которое губительно,— на протяжении пяти лет. Разведчики знают пределы своих возможностей и намерены достичь их.

Три зеленые точки плыли по направлению к Солнцу. Внезапно они исчезли и тут же появились снова. Теперь окраска их стала более туманной, более желтой. Борясь с собственным весом, Рой попытался сесть, но рука Бреннана толкнула его обратно.

— Это тот момент, когда они пошли с ускорением.

Рой понаблюдал еще с минуту, но ничего не происходило, не считая того, что зеленые звездочки сделались намного ярче.

— Вот где мы сейчас находимся. Изображение показывает расстояние между ними примерно в один световой год. Сами корабли находятся на два световых месяца ближе, если считать, что они преследуют нас с постоянным ускорением. Через несколько месяцев мы узнаем, не повернет ли какой-нибудь из них на обратный курс. В противном случае лидирующая пара должна нагнать нас примерно через четырнадцать месяцев по корабельному времени. Если не считать того, что они могут начать торможение и попытаться нанести нам удар издали. Такой удар потребует несколько большего времени.

— Четырнадцать месяцев.

— Корабельного времени. Мы идем на релятивистских скоростях. Мы пройдем гораздо большее расстояние, чем это.

Рой покачал головой:

— Мне пришло в голову, что вы разбудили меня несколько преждевременно.

— Это не так. Я не смог придумать ничего такого, что бы они могли сделать со мной на таком расстоянии, но я не уверен, что они тоже ничего такого не придумали. Я предпочел разбудить вас, чтобы вы смогли полностью прийти в себя, на тот случай, если со мной что-либо произойдет. Кроме того, я хочу отправить эти бомбы обратно в оружейный отсек.

— То, что вы сказали, звучит неправдоподобно. Что они могут сделать такого с вами, что за компанию убьет и меня?

— Прекрасно, у меня была еще одна причина вас разбудить. Ведь я мог поместить вас в статис-поле сразу же после того, как мы покинули Кобольд. Почему я этого не сделал?

Рай почувствовал усталось. Из-за гравитации, отгоняющей кровь от мозга?

— Мне надо было учиться. Учиться водить этот корабль и воевать.

— И вы в состоянии сражаться? Да вы похожи на кучу мокрой лапши. Черт бы все это побрал. А мне надо, чтобы вы могли двигаться, когда события начнут развиваться.

Рой... да, он почувствовал себя словно куча мокрой лапши.

— Прекрасно. А нельзя ли нам...

— Никакого выбора нет. Сегодня мы просто будем лежать здесь. А завтра немножко с вами походим. Сделаем вид, будто вы заболели.— Бреннан искоса посмотрел на Роя.— Не переживайте это так тяжело. Разрешите мне вам кое-что показать.

Рой успел позабыть, что они находятся в управляющем модуле корабля Физпока, стенки которого могут по желанию становиться прозрачными. Когда стена сделалась невидимой, это повергло его в ужас. Затем он заставил себя успокоиться и присмотрелся внимательнее.

Они двигались так быстро. Звезды позади них отливали красным, переходящим в черноту. Впереди и сверху звезды были фиолетовыми. А в самом же зените звезды распадались, словно радуга: расширяющиеся кольца фиолетового, голубого, зеленого, желтого, оранжевого, красного цветов. Эффект охватил весь корабль — все внутренние переборки «Защитника» тоже стали прозрачными.

— До вас такого не видел никогда ни один человек,— сказал Бреннан.— Если не считать за человека меня. Вон там,— указал он.— Это Эпсилон Индейца.

— Он смещен в сторону.

— Мы идем не просто к нему. Я вам говорил, что собираюсь сделать поворот под прямым углом. Существует одно-единственное место, где мне это удастся.

— Сможем мы там разделаться с разведчиками?

— Думаю, что со вторым кораблем вряд ли. Вам придется сражаться с ведущим судном.

Рой спал по десять часов в день. Дважды в сутки он совершал длинные прогулки — от рубки управления до учебной комнаты и обратно. И эта сверхдлинная дистанция — ежедневно. Рядом, готовый подхватить его, вышагивал Бреннан. Неловко упав, Рой мог погибнуть.

Он чувствовал себя больным и измотанным. И ему это не нравилось.

Однажды они почти полностью ослабили сжатие таранного поля и в свободном падении, защищенные от гамма-лучей сверкающей броней внутреннего таранного поля, переместили радоновые бомбы обратно в их гнезда в оружейном отсеке. В течение этих двух часов Рой снова почувствовал себя сильным. Он был счастлив. Затем снова вернулись 2,16 «же», и он опять стал беспомощным существом, весящим четыреста фунтов.

С помощью Бреннана он составил календарь событий этой самой долгой из всех возможных войн и записал его на ленту:

33 000 до н. э.: Физпок покидал мир Пак;
32 800 до н. э.: первая волна эмигрантов;
32 500 до н. э.: вторая волна эмигрантов;
???: разведчики Пак;
2125 н. э.: Физпок достигает Солнца. Бреннан становится защитником;
2340 н. э.: похищение Трусдейла;
2341 н. э., октябрь: обнаружение флота Пак;
2341 н.э., ноябрь: отлет на «Летучем Голландце». Уничтожение Кобольда;
2342 н. э., май: обнаружение разведчиков Пак;
2342 н.э., июль: Трусдейл в статис-поле. Полет на «Защитнике».

К этому моменту теория относительности начала сжимать и перекручивать время. Рой решил исходить из корабельного времени, поскольку именно в этом времени ему дано было жить.

2344 н.э., апрель: замечено, что корабли Пак изменили курс;
2344 н.э., июль: Трусдейл выходит из статиса;
Предположительно:
2345 н.э., сентябрь: встреча с первым кораблем Пак;
2346 н. э., март: поворот под прямым углом (?). Уход от разведчиков Пак;
2350 н.э.: прибытие к Дому. Выверка календаря.

Рой изучал Дом. Уже много десятилетий назад между Землей и Домом была установлена постоянная и интенсивная лазерная связь. С ее помощью передавались описания путешествий и биографии, романы и работы, посвященные местной жизни. Бреннан уже прочитал все это. С его скоростью чтения ему для этого даже не потребовалось двух лет, прошедших с момента старта.

Беллетристика отличалась странным пристрастием к целому

ряду не передаваемых словами представлений, которые Рой никак не мог связать между собой, пока не обратился за разъяснениями к Бреннану.

Бреннан обладал эйдетической памятью и великолепно умел улавливать тонкости.

— Частично это выражения зонников,— сказал он Рою.— Они знают, что живут в искусственной окружающей среде, и по отношению к ней они испытывают покровительственные чувства. Тот эпизод из «Самого короткого дня», где в Играма стреляют за то, что он бродил по траве,— это прямо взято из истории Дома. Потом вы познакомитесь с биографией Лифермора. Как и их похоронные обряды, это, вероятно, сохранилось с более давних дней. Вспомните, та первая сотня людей, которые встретили смерть на Доме, все они знали друг друга, как вы знаете собственного брата. В те дни в этом мире любая смерть имела для всех большое значение.

— Да-а. Когда вас кладут, как... А кроме того, у них было много свободного пространства. Они не нуждались в крематориях.

— Верно. Бескрайняя и бесплодная страна. Бесполезная до тех пор, пока ее чем-нибудь не удобрят. Чем больше разрастались кладбища, тем яснее это показывало, что человек осваивает Дом. В особенности, когда там, где прежде ничего не росло, появились деревья.

Рой обдумал эту идею и решил, что она ему по душе. Что вы теряете? Во всяком случае, пока не появились Пак.

— Эти Гомеры, кажется, не особенно любят войну,— заметил он.— Мы должны будем успеть до того, как разведчики Пак обнаружат Дом, и подготовить их к войне. Любым способом.

Но Бреннан не счел нужным беседовать на эту тему.

— Все наши сведения наверняка устарели. Я не знаю, что из себя представляет Дом в настоящее время. Мы не знаем, чего хотят их политики. У меня есть некоторые идеи... Но сейчас, в основном, мы займемся разведкой.— Он хлопнул Роя по спине. Ощущение было таким, словно по спине ударил мешок, набитый орехами.— Радуйтесь. Мы могли бы вообще никогда сюда не попасть.

Когда Бреннан располагал временем, он становился многословным. Более того: он явно пытался приободрить себя. Это было хорошо: беседовать о Пак, восемь лет проведших в противоперегрузочных креслах. Но Бреннан был человеком по воспитанию.

Они играли в различные игры, используя аналоговые программы, заложенные в памяти компьютера. В шахматы, шашки, крестики-нолики и тому подобное все время выигрывал Бреннан. Но домино оказалось игрой, которой трудно научиться, но затем легко достичь вершин мастерства. В домино они играли постоянно. Бреннан все еще выигрывал чаще, чем его партнер, возможно, потому, что он мог читать по лицу Роя.

Они вели долгие беседы о философии и политике, о путях, ко-

торыми идет человечество. Они очень много читали. У Бреннана оказалась накопленной уйма материалов не только о Доме и Стране Чудес, но и обо всех остальных обитаемых мирах. Однажды он сказал:

— Я никогда не знал в точности, куда мне в конце концов придется вести свой поврежденный корабль, чтобы пополнить запасы воздуха и получить возможность для ремонта неисправностей, я и сейчас этого не знаю.

Спустя несколько месяцев Рой начал больше тренироваться и меньше спать. Он окреп. Его мышцы стали тверже, чем когда-либо прежде.

А корабли Пак приближались.

Держа корпус прозрачным, они были невидимы, черные на черном небе. Они все еще находились слишком далеко, и не все излучения, исходившие от них, представляли собой видимый свет. Но при увеличении их можно было различить: вспышки гистерезиса в широко раскинутых крыльях таранного поля и маленькое ровное пламя двигателя в центре.

Через десять месяцев после того, как Рой вышел из статисполя, исходящий от лидирующего судна свет пропал. Минутой позже он появился снова, но сделался тусклым и мерцающим.

— Они перешли на стадию торможения,— сказал Бреннан.

Через час двигатель врага вновь источал ровное пламя. Линии бериллия сместились из голубой в красную часть спектра.

— Мне тоже пора приступать к повороту,— сообщил Бреннан.

— Вы намереваетесь с ними сражаться?

— Во всяком случае, с этой первой парой. И если я поверну сейчас, это нас выдаст.

— Выдаст?

— Поскольку поворот — под прямым углом.

— Послушайте, можете вы объяснить, в чем тут дело с этим поворотом? Или перестаньте о нем говорить.

Бреннан захихикал:

— Должен же я каким-то образом подогревать ваш интерес, верно?

— Что вы надумали: выйти на близкую орбиту возле черной дыры?

— Мои поздравления. Предложение дельное. Я обнаружил невращающуюся нейтронную звезду... Почти невращающуюся. Я бы не посмел войти в радиоактивный газ, окутывающий пульсар, но эта зверюга, кажется, имеет большой период обращения, а газовой оболочки лишена начисто. И она не светится. Должно быть, это старая звезда. Разведчики лишь с большим трудом смогут ее обнаружить, а я уже рассчитал гиперболу, идущую через гравитационное поле, по которой нас вынесет прямо к Дому.

По какой-то причине в словах Бреннана таилась опасность. А корабли Пак неуклонно подбирались все ближе. Через четыре

месяца первая пара кораблей была уже видна невооруженным глазом: одинокая голубовато-зеленая точка на фоне черного неба.

Они наблюдали, как эта точка росла. Пламя двигателя корабля Пак сводило с ума приборы Бреннана.

— Не так уж плохо,— сказал Бреннан.— Разумеется, если хоть ненадолго выбраться наружу, это — смерть.

— Да-а.

— Мне хотелось бы, чтобы они подошли достаточно близко, чтобы испытать на них аппарат гравитации.

Рой, ничего не понимая, наблюдал, как пальцы Бреннана запорхали над пультом. Бреннан ни разу не показывал ему, как пользоваться этим новым оружием. Оно было крайне чувствительным, требовало хорошо развитой интуиции. Но спустя два дня голубовато-зеленый огонек погас.

— Получил свое,— произнес Бреннан с видимым удовлетворением.— Во всяком случае, замыкающий корабль — получил. Вероятно, он обрушился в свою собственную черную дыру.

— Так вот что делает ваше устройство: коллапсирует, но иначе, чем генератор гравитации, создающий гипермассу?

— Он делает то, что, как предполагалось, он и должен делать. Но давайте-ка просто посмотрим.— Бреннан задействовал спектроскоп.— Все верно. Только линии гелия. Замыкающее судно погибло, передний корабль приближается с ускорением в одно «же». Он пройдет мимо меня раньше, чем рассчитывает. У него сейчас две возможности. Или бежать, прижав уши. Или — тараном по макушке. Полагаю, он предпочтет, так сказать, тараном.

— Попытается нас накрыть своим таранным полем? Это должно нас уничтожить, так ведь?

— Да. И его — тоже. Ну...— Бреннан выпустил несколько ракет и приступил к повороту.

Через два дня головной корабль исчез. Бреннан вернул «Защитника» на прежний курс. Все это проходило на один из способов Бреннана выходить сухим из воды. Не считая того, что времени на это все-таки потребовалось побольше.

Затем события начали развиваться по-другому.

Прошло шесть месяцев, прежде чем к ним приблизились оставшиеся Пак. Но в один прекрасный день их уже можно было увидеть невооруженным глазом — две тусклые точки на фоне расстилающейся за кормой черноты. Их скорость не намного превышала скорость «Защитника».

Первоначально разделенные расстоянием в восемь световых месяцев, спаренные корабли разведчиков год от года сближались, пока не оказались бок о бок в тридцати световых часах от «Защитника».

— Пора снова попытаться воспользоваться аппаратурой гравитации,— сказал Бреннан.

Он занялся своими приборами, а Рой посмотрел на два желтых глаза, сверкающих над черными очертаниями двигательной

секции. Он сознавал, что видит то, что было два с половиной дня назад... Что ничего другого он не увидит... И оказался не прав. Охватив огнем внутреннюю обшивку сферы жизнеобеспечения, сзади пришло пламя. Бреннан среагировал мгновенно, ткнув кнопку негнущимся указательным пальцем.

А мгновением позже Бреннан, напрягшийся как пружина, уже парил над циферблатами. Затем он снова стал самим собой.

— Реакция пока еще в норме,— заявил он.

— Что произошло?

— Они его построили. Построили генератор гравитации, такой же, как и у меня. Мой собственный прибор коллапсировал, превратившись в гипермассу. И гипермасса начала, двигаясь по кораблю, пожирать все вокруг. Если бы я не оборвал кабель вовремя, она поглотила бы оружейный отсек. Освободившаяся бы при этом энергия убила бы нас.

Бреннан открыл панель пульта управления и начал менять блоки местами. Что-то было припасено у него на будущее.

— Теперь мы должны увести их к нейтронной звезде. Если они будут продолжать торможение, нам это удастся.

— А тем временем — чем они, по всей вероятности, могут нас атаковать?

— Лазерами — наверняка. В любом случае, у них должны быть мощные лазеры, чтобы поддерживать связь с основным флотом. Я сделаю корпус светонепроницаемым.— Бреннан так и сделал. Теперь они оказались запертыми внутри скорлупы серого цвета. Разведчиков можно было видеть на экране телескопа.— Еще одно... Мы все находимся в неудобном положении для запуска бомб. Мы все замедляем ход. Для моих ракет это равносильно выстрелу снизу вверх. На таком расстоянии они не смогут достигнуть Пак. Пак же могут достать меня, но их бомбы пойдут в неправильных направлениях. Они идут правильно, если проходят через таранное поле сзади.

— Это хорошо.

— Разумеется. Если только Пак не окажутся достаточно меткими, чтобы угодить прямо в корабль. Ну, увидим.

Лучи лазера пришли двумя опаляющими потоками зеленого света, и «Защитник» со стороны кормы ослеп. Оболочка «Защитника» частью выкипела, и это было страшно. Внутренний слой обшивки имел зеркальную поверхность.

— Это не сможет нам повредить, пока они не подойдут гораздо ближе,— успокоил Бреннан. Но ракеты его тревожили. Он начал беспорядочно менять курс. И когда Бреннан менял направление ускорения, жизнь на борту «Защитника» становилась неуютной.

На них налетел рой тел, обладающих небольшой массой. Бреннан ослабил напряженность таранного поля, и они с относительным комфортом могли наблюдать за взрывами, хотя некоторые из них и сотрясали корабль. Рой смотрел, почти не испытывая страха. Его раздражало все усиливающееся ощущение, что Брен-

нан и разведчики Пак играют в какую-то детально разработанную игру, правила которой великолепно всем знакомы. Игра, подобная всем космическим войнам, что разыгрывались программами компьютера. Бреннан заранее знал, что он уничтожит первую пару кораблей, что оставшиеся уничтожат его гравитационное устройство, что сближение курсов для настоящей дуэли будет проходить слишком медленно, что Пак будут все еще находиться слишком далеко, чтобы добраться до него раньше, чем они обнаружат впереди нейтронную звезду...

В дне пути от нейтронной звезды один из зеленых лучей погас.

— Наконец-то они ее увидели,— сказал Бреннан.— Они определяют курс. В противном случае их может расшвырять в разных направлениях.

— Они ужасно близко,— заметил Рой. Они и были ужасно близко — в относительном смысле: в четырех световых часах позади «Защитника», ближе чем расстояние, отделяющее Плутон от Солнца.— И вы не сможете достаточно хорошо уворачиваться, иначе вам не выдержать наш курс возле звезды.

— Позвольте мне самому заняться этим,— буркнул Бреннан, и Рой замолчал.

Ускорение постепенно упало до половины «же». «Защитник» качнулся влево, и на конце своего кабеля неестественно качнулся отсек жизнеобеспечения.

Затем Бреннан полностью выключил таранное поле.

— Там есть тоненькая газовая оболочка,— пояснил он.— А теперь на некоторое время избавьте меня от своего жужжания.

Идущей на посадку уткой «Защитник» перешел в свободное падение.

Через четыре часа пришли ракеты. Должно быть, разведчики Пак выпустили их, как только увидели, что искрящееся таранное поле «Защитника» исчезло. Бреннан уклонился, использовав внутрисистемный двигатель. Ракеты, которые он сам выпустил по разведчикам, видимого эффекта не произвели: адский зеленый свет, испускаемый головным судном, продолжал окутывать «Защитника».

— Он отключил свое таранное поле,— неожиданно произнес Бреннан.— Ему придется выключить и лазер, когда сядут батареи.— Впервые за долгое время он посмотрел на Роя.— Вздремните немного. Вы же сейчас полумертвый. На кого вы будете похожи, когда мы обогнем звезду?

— На окончательно мертвого,— вздохнул Рой. Он раскинул свое кресло.— Разбудите меня, если они по нам ударят. Разбудите: мне не хотелось бы что-либо упустить.

Бреннан не ответил.

Прошло три часа. Находящаяся впереди нейтронная звезда все еще была невидима.

— Готовы?— спросил Бреннан.

— Готов.

Облаченный в костюм Рой плавал в воздухе, держась одной

рукой за косяк воздушного шлюза. В глазах его все еще стоял сон. Сны ему снились кошмарные.

— Пошел.

Рой шагнул вперед. Шлюз мог пропустить только одного. Он уже работал, когда через люк проник Бреннан. Бреннан срезал путь, чтобы уменьшить воздействие окутывающей звезду тонкой радиоактивной газовой оболочки и сократить время, когда Пак могли поразить ничем не защищенных людей.

Они открепили корабль, ведущий к моторной секции. Затем, сматывая кабель, подтянули моторную секцию поближе. Кабель, по мере того как он прибывал, Бреннан и Рой укладывали кольцами. Он был тяжелым и толстым. Рой и Бреннан укрепили его на корме моторной секции.

То же самое они сделали с тросом, который вел к оружейному отсеку. Рой работал. Адреналин переполнял его привыкшие к двойной силе тяжести мышцы. Он отчетливо сознавал, что тело его пронизывает радиация. Это была война... Но кое-кого в ней не доставало. Он не мог ненавидеть Пак. Для этого он не понимал их достаточно хорошо. Он мог бы заразиться ненавистью от Бреннана — если бы Бреннан их ненавидел. Но Бреннан не испытывал ненависти к Пак. Суть не в том, что Бреннан называл это войной. Бреннан вел себя так, словно играл в покер с высокими ставками.

Теперь три основные секции «Защитника» летели нос к носу. Впервые за долгие годы Рой перешел на борт грузового судна Зоны. Когда он занял свое место за пультом управления, кабину залил зеленый свет. Он поспешно опустил противосолнечные экраны.

Бреннан появился в люке шлюза с криком:

— Мы их перехитрили. Если бы они сделали это на полчаса раньше, мы бы уже изжарились.

— Я думал, они израсходовали свои запасы энергии.

— Нет, это было бы слишком глупо, но запасов у них оставалось крайне мало. Они считали, что я буду выжидать до последней секунды и только потом разъединю корабли. Они не знают, что я уже сделал это! — ликовал он.— И они не знают, что у меня есть помощник. Все правильно, у нас оказалось около часа, когда нам пришлось выбраться наружу. Занимайте наше место в линии.

С помощью позиционных двигателей Рой вывел корабль Зоны на четвертое место в линии, позади оружейного отсека «Защитника». Он чувствовал себя превосходно, управляясь с приборами, занимаясь чем-то полезным в войне, ведущейся Бреннаном. Сквозь противосолнечные экраны отсеки «Защитника» ослепительно сверкали зеленым, словно пламенем ада. Они уже начали смещаться в сторону, повинуясь притягивающему воздействию находящейся впереди массы.

— Вы уже как-нибудь назвали эту звезду?

— Нет,— ответил Бреннан.

— Вы ее открыли. Окрестить ее ваше право.

— В таком случае я нарекаю ее звездой Физпока. Будьте свидетелем. Думаю, мы у него в долгу.

Название: Звезда Физпока. Позднее Институтом знаний на Джинксе переименована в БВС-1.

Класс: нейтронная звезда.

Масса: 1,3 массы Солнца.

Строение: нейтрониум, одиннадцать миль в диаметре. Сверху нейтрониума полмили сколлапсированной материи. Верхняя оболочка около двенадцати футов обычной материи.

Сила тяжести на поверхности: 1 700 000 000 000 же, т. е. стандартных земных.

Примечание: Первая из когда-либо открытых нерадиоактивных нейтронных звезд. Неправомерно сравнивается со многими известными пульсарами. Но в звездах типа БВС трудно найти общее с пульсарами. Возможно, БВС-1 начала свое существование (сто миллионов миллиард лет назад) как пульсар и обладала радиоактивной газовой оболочкой. Затем вращение звезды передалось на газовую оболочку, которая при этом рассеялась.

Обогнув звезду Физпока, они намеревались уходить со всей возможной скоростью.

Четыре секции «Защитника» падали по отдельности. Даже кабель Пак не мог бы удержать их вместе. Хуже того, приливный эффект вытянул секции в линию, устремленную к центру звезды. Четыре секции с их отсоединенными тросами вышли на совершенно разные траектории.

Поэтому имеющий возможность маневрировать грузовой корабль мог быть использован для того, чтобы после прохождения перигелия вновь свести вместе остальные секции. Но Рой и Бреннан не могли выбраться оттуда, где находились. В кораблях Зоны кабина помещалась в носу корабля, слишком далеко от центра тяжести.

Рой понимал это. И еще до того, как они покинули судно, смог это почувствовать. «Защитник» втрое потерял высоту, прежде чем вышел наконец из-под удара зеленых лучей лазера. После этого лазеры погасли. И впереди тусклой красной точкой светилась нейтронная звезда. Рой почувствовал, как притяжение звезды выволакивает его из пристегивающих ремней кресла.

— Пошел,— приказал Бреннан.

Рой открепил ремни. Он встал на прозрачный пластик полого иллюминатора, затем пополз вдоль стены, поперечные выступы развернули его в другом направлении. Маневрируя, он пытался добраться до воздушного шлюза. Это оказалось очень трудно. Через несколько минут это станет невозможно. Еще несколько минут, и силой тяжести его размажет по иллюминатору, словно попавшего под каблук жука.

Корпус был гладким, без поручней. Он не мог оставаться здесь. Он повис на косяке, потом оторвался.

Корабль исчез. Рой видел крошечную человеческую фигурку, согнувшуюся в воздушном шлюзе. Затем — четыре коротких вспышки. Бреннан сжимал в руках одну из скорострельных винтовок. Он вел огонь по Пак.

Теперь Рой смог почувствовать тяжесть и стоны жил в своем теле. Его ноги поволокло к горящей впереди красной точке.

Позади него падал Бреннан. Он опускался на двигателях заплечного реактивного ранца.

Тяжесть, заполнившая его тело, увеличивалась. Руки, легшие на руки и голову Роя, попытались мягко оттащить его в сторону. Красная точка пожелтела, сделалась ярче, надвинулась на него раскаленным шаром.

Он думал об этом добрый час. До такой степени напугал его Бреннан. Он прикидывал и так и эдак, а потом заявил Бреннану, что тот сумасшедший.

Они были связаны веревкой в три ярда длиной, хотя нейтронная звезда превратилась уже в крохотную красную точку, оставшуюся позади. А Бреннан все еще не расставался с винтовкой.

— Не смею сомневаться в вашей профессиональной компетентности,— сказал Бреннан.— Но какие симптомы заставили вас обратиться с ней по моему адресу?

— Винтовка. Почему вы стреляли по кораблям Пак?

— Я хотел повредить их.

— Но вы же не могли в него попасть. Вы целились прямо в него. Притяжение звезды должно было отклонить пули в сторону.

— Вы все продумали. Если уж я окончательно потерял свою голову, вы вправе принять командование на себя.

— Нет необходимости. Иногда помешательство лучше, чем глупость. Чего я действительно боюсь, так это того, что стрельба по кораблям Пак могла действительно иметь смысл. Все, что вы делаете, приобретает смысл, рано или поздно. Но если смысл есть и в этом, мне следует подавать в отставку.

Через спаренный бинокуляр Бреннан следил за грузовым судном.

— Не подавайте,— сказал он.— Расценивайте это как головоломку. Если я не сошел с ума, то для чего я стрелял по кораблям Пак?

— Черт побери, в любом случае начальная скорость пули никак не могла быть достаточной, чтобы... Сколько времени я провалялся без сознания?

— Два часа пятьдесят минут.

— Ого!

Они снова находились на борту «Защитника» в отсеке жизнеобеспечения, наблюдая за телевизионными экранами и, если иметь в виду Бреннана, за показаниями приборов, расположенных рядом. Четыре секции кораблей второго экипажа Пак летели по направлению к миниатюрному Солнцу: похожая на двойной то-

пор моторная секция, затем — отсек жизнеобеспечения, напоминающий коробку, потом пустое пространство в несколько сотен миль, затем — моторная секция гораздо больших размеров и еще одна коробка. Первая коробка как раз проходила перигелий, когда нейтронная звезда вспыхнула.

Мгновение назад при увеличении был виден туманный красный шар. Теперь на его поверхности горела маленькая голубовато-белая звезда. Яркое пятнышко расширялось, размазывалось. Не скрытое облаками, оно расползалось по всей поверхности. Стрелка на приборах Бреннана завибрировала, задрожала.

— Это его уничтожит,— произнес Бреннан с удовлетворением.— В любом случае, эти пилоты Пак, очевидно, не отличаются здоровьем. Проведя более тридцати одной тысячи лет возле двигателя Баззарда, они получили большую дозу облучения.

— Я полагаю, это была пуля.

— Да. Пуля в стальной оболочке. А мы движемся в направлении, противоположном вращению звезды. Я выстрелил, пуля полетела достаточно медленно, чтобы оказаться захваченной магнитным полем, которое еще сильнее замедлило ее полет, и такое замедление продолжалось до тех пор, пока пуля не ударилась о поверхность звезды. Здесь была некоторая неопределенность. Я не знал точно, когда пуля попадет в звезду.

— Очень находчиво, капитан.

— Пилот замыкающего судна, вероятно, тоже догадался об этой возможности, но сделать уже ничего не мог.

Вспышка теперь уже сияла лимонно-желтым светом. Она охватила половину поверхности звезды Физпока. Внезапно на ее краю взорвалась еще одна белая искра.

— Даже если они и догадались об этом заранее, то не могли быть уверены, что у меня есть винтовка. И существовал лишь один курс, придерживаясь которого, они могли меня преследовать. Им оставалось только гадать: выброшу я что-либо на звезду или не выброшу. Но давайте понаблюдаем, чем занята оставшаяся пара.

— Давайте сперва соберем воедино секции «Защитника». Думаю, впереди должен быть поставлен двигательный отсек.

— Правильно.

Они проработали несколько часов. Секции «Защитника» оказались разбросанными по всему небу далеко друг от друга. Рой работал сгорбившись, плечами отгораживаясь от смертоносного зеленого света, но этот свет так больше и не вспыхнул. Вторая пара разведчиков Пак погибла.

Прервав работу, они наблюдали за тем, что происходило час назад: третья пара в бешеной спешке вновь сцепила свои корабли, и разведчики Пак, используя оставшиеся у них незначительные запасы горючего, с ускорением пошли прочь от звезды.

— Думаю, дело обстоит так,— заговорил Бреннан с довольными интонациями, удовлетворенно хихикнув,— они не знают, каким оружием, пригодным для примененных скоростей, я распо-

лагаю, и они не могут позволить себе сейчас погибнуть. Они — последние. И это обстоятельство вынуждает их лечь на курс, уводящий их от нас ко всем чертям. Мы окажемся у Дома по меньшей мере на полгода раньше их.

Рою Трусдейлу было тридцать девять лет от роду, когда он вместе с Бреннаном обогнул звезду Физпока. Ему было сорок три, когда, снизив скорость, они вышли к внешнему краю системы Эпсилон Индейца.

За эти четыре года Рой не раз думал, что сойдет с ума.

Он лишился женщин. Он лишился не Алис Джордан, он лишился женщин. Двух десятков самых разных женщин, которых он когда-то любил. И сотен, которых он едва знал. И миллиардов, которых он не знал вовсе. Он лишился своей матери, и сестры, и теток, и всех своих родственников, ведущих род свой от Большой Стеллы.

Он лишился женщин, мужчин, стариков, детей. Людей, с которыми можно соперничать, разговаривать, любить их или ненавидеть. Однажды он провел ночь напролет, крича, зовя всех людей Земли и приняв меры, чтобы Бреннан не услышал его. Кричал не для того, чтобы предупредить Пак («Что может сделать с ними флот Пак?»), но просто потому, что их не было здесь, а его — там.

Он подолгу, заперши дверь, отсиживался в своей комнате. Бреннан мог высадить этот замок за тридцать секунд. Бреннан мог выломать дверь одним пинком. Но запертая дверь порождала определенный психологический эффект, и Рой был ей за это признателен.

Он лишился пространства. На любом случайно подвернувшемся пляже Земли можно бежать вдоль изгиба мокрого плотного песка, бежать между морем и берегом, бежать до тех пор, пока не останется сил ни на что, кроме дыхания. На Земле можно гулять до бесконечности. В своей запертой каюте на борту «Защитника», не в силах больше выносить тяжелой обстановки «Защитника», Рой безостановочно шагал меж четырех стен.

Иногда, оставшись в одиночестве, он проклинал Бреннана за то, что тот использовал все до одной радоновые бомбы. Ведь в противном случае он мог бы продолжать полет, находясь в статисе. Рой подозревал, что Бреннан сделал это намеренно, чтобы иметь спутника.

Иногда он проклинал Бреннана за то, что тот вообще взял его с собой. Для такого интеллекта это было глупым поступком. На полном ускорении «Защитник» мог бы уйти от второй и третьей пары разведчиков. У Бреннана не было необходимости сражаться. Но уже тройная сила тяжести могла покалечить Роя Трусдейла.

Во время сражения пользы от него было немного. Не взял ли его Бреннан только ради компании? Или... Его позабавила иная идея? Одна из дочерей Бреннана носила имя Эстелла. Носила? Она могла передать это имя своей дочери: Большая Стелла.

Эта мысль вызывала злость — его взяли с собой только потому, что он принадлежит к роду защитника, потому что он — живое напоминание о том, за что должен сражаться Бреннан. Для того, чтобы поддерживать интерес Бреннана к этой войне. Потому что он, Рой, правильно пахнет. Рой так и не спросил Бреннана об этом. На самом деле ему не хотелось знать это.

— В известном смысле вы подвергаетесь воздействию сенсорного голода,— сказал ему как-то Бреннан. Это было незадолго до поворота, после того как они предприняли решительную попытку: устроили всестороннее обсуждение проблемы «свобода воли или детерминизм?», причем Бреннан отскакивал заслуженные пять звездочек сразу в нескольких различных областях, которые придерживались различных воззрений. Это не сработало. Оба они слишком старались.

Рой потерял всякий интерес к беседе.

Бреннан сказал:

— У нас могут быть какие угодно развлечения, но разговаривать, кроме как со мной, вам не с кем. Число иллюзий, которые вы можете от меня получить, ограничено. Но давайте попробуем.

Рой не стал спрашивать, что имелось в виду. Он понял это через несколько дней, когда вошел в свою каюту и обнаружил, что стоит на горном склоне.

Теперь он проводил там больше времени, чем когда-либо прежде. Бреннан менял обстановки так часто, как только мог. Голографические ленты, дающие обзор на 27 градусов, создавались запоминающим устройством компьютера. И все они показывали не Землю, а другие планеты. После нескольких неудачных попыток Рой избегал сцен, в которых участвовали люди. Люди никогда не замечали Роя. Они вели себя так, будто он не существовал. От этого становилось скверно.

Он просиживал здесь часами, всматриваясь в чуточку отличающиеся от земных ландшафты, грезя, что он может войти в них. Слишком много смотреть и грезить тоже плохо, и тогда он выключал изображение.

Это случилось как раз в один из таких периодов: его окружали стены, ничего, кроме стен, когда ему снова захотелось узнать, что же задумал Бреннан сделать на Доме. Огибая нейтронную звезду, разведчики Пак далеко отклонились от курса. Теперь по чудовищно большой дуге они выходили наконец прямо на Дом. Но даже ускорение в 5,5 «же» не могло компенсировать потерянного ими времени. Они проигрывали гонку настолько, насколько это и нужно было «Защитнику». И у Дома будет десять месяцев, чтобы приготовиться к их прибытию.

Миролюбивый народ — это не те, кого легко уговорить начать с лихорадочной поспешностью готовиться к обороне. Перестройка предприятий на производство оружия тоже потребует времени. Насколько большую угрозу представляет одна пара разведчиков Пак?

— Я уверен, что они в состоянии уничтожить планету,—

рассудительно ответил Бреннан, когда Рой задал этот вопрос.— Планета — это большая цель. А природа — структура хрупкая. И планета не может увернуться, как корабль, снабженный двигателем Баззарда. Кроме того, у разведчиков Пак, вероятно, разработан план уничтожения планет. Если он не сработает, то что в нем хорошего?

— Чтобы их подготовить, у нас есть меньше года.

— Не волнуйтесь. Времени достаточно. У Дома уже есть переговорные лазеры, луч которых может достичь Земли. Это хорошо свидетельствует о точности и мощности этих лазеров. Мы используем их в качестве пушек, и у меня есть план создания оружия гравитации.

— Но станут ли они его создавать? Это мирный народ, живущий в стабилизированном обществе.

— Мы убедим их.

Сидя в своей каюте, не отрывая глаз от пустого штормового моря, Рой поражался оптимизму Бреннана. Играло ли тут роль незнание психологии производителей?

— Я перестал надеяться на случай,— заявил как-то Бреннан.

— Ну и...?

— На Доме никогда не было войн... Если верить лентам, на которых записаны их сообщения на Землю. В их романах редко уделялось место насилию. Однажды они воспользовались ядерными бомбами, чтобы создать бухты. Но бухты у них теперь есть, зато заводы по производству бомб отсутствуют.

Заметил ли Бреннан, что в их романах нет даже скрытого насилия?

Однажды он нашел решение.

Одна эта мысль привела его в ужас. Он ни разу не упомянул о ней Бреннану. Он сознательно возобновил свои долгие беседы с ним. Он пытался проявить интерес к наиболее вероятному курсу уцелевших Пак. Он играл с Бреннаном в джин и домино. Упражнялся. Превратился в гору мускулов. Иногда Рой пугался сам себя.

— Научите меня, как сражаться с Пак,— попросил он однажды.

Бреннан ответил:

— Это невозможно.

— Подчиненный может взбунтоваться. Если Пак захотят когда-нибудь взять пленника-производителя...

— Прекрасно, приступим. Я вам продемонстрирую.

Очистив учебную комнату, они устроили в ней поединок. За полчаса Бреннан «убил» Роя где-то около тридцати раз, с изысканной точностью, нанося ему удары карате. Затем он позволил Рою несколько раз ударить себя. Со злобным энтузиазмом Рой проводил убийственные удары, которые Бреннан мог бы назвать умелыми. Бреннан даже допускал, что они нанесли ему повреждения. Сам Рой был уверен в этом.

Они больше никогда не возвращались к бойцовской части своей программы.

Существовало много способов убивать время. И время шло. Иногда оно ползло, ползло невыносимо медленно. Но все-таки шло.

В системе Эпсилон Индейца одна из планет была размером с Юпитер. Годзилла, Эпсилон Индейца-5, оставалась в стороне, когда «Защитник», тормозя, шел на скорости три тысячи миль в секунду. Но Бреннан несколько отклонился, чтобы Рой смог увидеть удивительнейшее зрелище.

Они скользили мимо сверкающей полупрозрачной сферы, состоящей из ледяных кристаллов. Это была троянская точка Годзиллы, и выглядела она огромным елочным украшением. Но Рою она представлялась вывеской: «Добро пожаловать». Он начинал верить, что они справятся.

Через два дня, когда скорость упала до тысячи миль в секунду, таранное поле сделалось бесполезным. Бреннан убрал его.

— Сорок два часа до Дома,— сказал он.— Я мог бы подойти к звезде и воспользоваться эффектом взаимодействия таранного поля и солнечного ветра, но какого черта! У нас полно горючего, и я чувствую, что вам не терпится поскорее пойти на посадку.

— Весьма странно.— Рой напялил на свое лицо улыбку. Улыбка получилась какой-то изголодавшейся.— Я бы не мог сказать, что ваше общество не доставляет мне удовольствие.

На экране телескопа был виден Дом. Дом выглядел, как Земля: голубой водоворот с белыми, словно посыпанными сахарной пудрой, облаками. Береговая линия континентов была почти неразличима на глаз. Рой почувствовал, что его горло судорожно вздрагивает. Весь последний год стены его каюты демонстрировали исключительно пейзажи Дома.

— Послушайте,— сказал он,— мы будем здесь ждать, пока подойдет корабль-подкидыш, или сами пойдем на посадку?

— Полагаю, что нам следует оставить «Защитник» на дальней орбите и пойти на посадку на грузовом судне. Возможно, оно нам понадобится, чтобы вновь заправить «Защитник» горючим. Гомеры, с их ограниченными возможностями, вряд ли способны на многое. Возможно, у них вовсе нет грузовых кораблей.

— Прекрасно. Прежде, чем вы включите внутрисистемный двигатель... Почему бы мне прямо сейчас не перебраться на грузовой корабль и не провести там осмотр?

Мгновение Бреннан изучал его. Это был оценивающий взгляд, который порой заставлял Роя думать, что его предложения и советы дурацкие. Но...

— Прекрасно. Это сбережет нам время. Когда будете на борту, вызовите меня.

Дом был уже виден невооруженным глазом: белая звезда, находящаяся неподалеку от Солнца. Рой перешел на борт, скинул

с себя костюм, подошел к приборам и вызвал Бреннана. Вскоре «Защитник» двинулся к Дому. С ускорением, равным ускорению свободного падения на этой планете.

Рой начал осмотр с системы жизнеобеспечения. Все в порядке. Насколько можно верить приборам, двигательная система тоже в порядке. Роя беспокоило, что центровка трубы двигателя могла быть нарушена действием тяготения звезды Физпока. До сих пор у них не было возможности проверить, не нарушена ли центровка. Сделать это нельзя было до тех пор, пока грузовое судно не отделится от «Защитника».

Осматривать механизм приземления он не стал. Он совершит посадку в бухте. Корабль обладал плавучестью.

Он потратил на осмотр двенадцать часов, потом прервал его, чтобы вздремнуть. Сейчас он должен вызвать Бреннана и запросить, подходят ли им средства обслуживания космического порта на Доме. А еще через двенадцать часов...

При силе тяжести Дома спалось легко, но не хотелось спать долго. Он проснулся. Его окружал слабый свет. Он вспомнил свои странные подозрения насчет Бреннана. На лице Роя появилась улыбка.

Он еще раз повторил про себя то, в чем его подозревал... ожидая увидеть, насколько это нелепо. Должно быть, он стал немножко параноиком. Человеку не следует жить взаперти на протяжении шести лет с не совсем человеческим существом.

Он снова обдумал свои подозрения, и они продолжали казаться логичными. Мысль была чудовищной, но он не смог найти в ней логических неувязок.

Это его не беспокоило. И он все еще не знает, что именно запланировал для Дома Бреннан. Он встал и принялся бродить по кораблю. Нашел кое-что, давным-давно оставленное Алис: краски для герметического костюма. На груди костюма Роя никогда не было никакого рисунка. Он разложил костюм поперек кресла и встал перед ним, ожидая приступа вдохновения. Но вдохновение подсказало ему лишь яркую и сверкающую мишень.

Сосунок. Если он прав... Но он не может быть прав.

Он вызвал Бреннана. Если бы все было не так...

— Здесь все было в порядке,— отозвался Бреннан.— Как у вас?

— Отлично, насколько я могу судить, не опробовав корабль в полете.

— Хорошо.

Рой обнаружил, что он словно упрямец и тупица пытается прочесть, что выражает неподвижное и твердое лицо Бреннана.

— Бреннан, некоторое время назад мне кое-что пришло на ум. Я ни разу не упоминал об этом...

— Два с половиной года назад? Я понял, что вас что-то беспокоит, кроме отсутствия гарема.

— Может быть, я кретин,— сказал Рой.— Может быть, и тогда я был кретином, мне не дает покоя, что у нас есть гораздо более

легкий способ получить поддержку народа Дома. Для вашей войны. Без уговоров. Если вы сперва...— Он почти ничего не сказал. Но, разумеется, Бреннан обдумал это.– Если вы сперва засеете планету деревом жизни.

— Не годится.

— Да, не годится. Но не будете ли вы любезны объяснить мне, почему это не годится с точки зрения логики?

— Это не годится именно с точки зрения логики,— ответил Бреннан.— Слишком долго пришлось бы выращивать урожай.

— Да-да,— вздохнул Рой с облегчением. А затем:

— Да, но вы предостерегали меня от гидропонного сада. Не потому ли, что меня мог заполучить вирус?

— Нет. Потому, что вас мог заполучить запах. И вы что-нибудь съели бы.

— И то же самое с садом на Кобольде?

— Верно.

— Мы с Алис бродили по этому саду вдоль и поперек, не ощущая вообще никакого запаха.

— Вы стали старше, идиот!— рассвирепел Бреннан.

— Да-а. Разумеется. Простите меня, Бреннан. Я думал об этом...— Бреннан вышел из себя? Бреннан? А...— Проклятье, Бреннан! Я же стал только на месяц старше, когда вы сказали, чтобы я никогда не заходил в гидропонный сад «Летучего Голландца»!

— Я вас берег,— ответил Бреннан, и Рой отключился.

Рой сидел в противоперегрузочном кресле. Его охватила тоска. Кем бы он сам ни был, но Бреннан был его другом и союзником. И тут...

И тут внезапно «Защитник» рванулся с места, развив ускорение сразу в три «же». Роя вдавило в кресло. Рот его широко раскрылся от шока. Затем, напрягая все силы ставшей невероятно тяжелой правой руки, он дотянулся до приборов нажать красную кнопку.

Она была под предохранительным колпаком.

Ключ находился в его кармане. Беспрерывно матерясь шепотом, Рой полез за ним. Бреннан хотел обездвижить его. Это не должно ему удасться. Рой встал, преодолевая три «же», тянущие его назад, откинул колпак и нажал кнопку.

Трос, соединяющий его с «Защитником», отцепился. Он падал.

На включение двигателя у него ушла целая минута. Он начал разворот на девяносто градусов, чтобы повернуть «Защитник» по дуге того же радиуса, что и маленькое грузовое судно. Сквозь иллюминатор Рой видел, как пламя двигателя «Защитника» сместилось в сторону.

Он увидел, как оно погасло.

Бреннан выключил двигатель. Почему?

Неважно. Следующий шаг: переговорный лазер — и предупредить Дом.

Предположим, он прав... Но он и не мог предположить ничего

другого. Бреннан потом сможет оправдаться: повстречает космонавтов с Дома, оденет герметический костюм и расскажет им, как Рой Трусдейл сошел с ума. Вероятно, он даже окажется прав.

Он развернул переговорный лазер к Дому и начал настраивать его. Он знал нужную ему частоту и знал место... Если это та сторона планеты. Чем сейчас занят Бреннан? Что он мог бы сделать? Вот что он может. Свобода выбора защитника ограничена... А в оружейном отсеке «Защитника» полно адского оружия. Он собирается убить Трусдейла.

Дом, похоже, был повернут к Рою не той стороной. Колония была большой, ее население равнялось нации средних размеров, и надо же такое невезение — она на противоположной стороне планеты! И где смертоносный луч Бреннана? Он обязан это сделать.

Двигатель «Защитника» все еще был включен. И никаких попыток преследовать его, Роя.

Находился ли Бреннан все еще на борту судна?

Затем Рой нашел возможность. Не разумно, но времени думать нет. Он выбрался из кресла и пополз к лестнице. В воздушном шлюзе было оружие, а внутренняя дверь все еще оставалась открытой. Рой метнулся в нее, сорвал со стены один из лазеров и прыгнул назад прежде, чем дверь успела бы закрыться.

Она не шелохнулась.

Но если Бреннана нет на борту «Защитника»...

Тогда, как это ни неразумно, Бреннан должен попытаться спасти и положение Роя Трусдейла. А для этого он должен попасть на борт грузового корабля. Это подвиг, это невозможный подвиг... но Рой прямо видел Бреннана в кабине «Защитника», как тот автоматическим движением включает двигатель, а затем, как раз в то время пока он, Рой, отсоединяет кабель, выпрыгивает из воздушного шлюза по направлению к грузовому кораблю. Падает на обшивку, привязывается веревкой, пока Рой не успел дать ускорение. Затем — по веревке вниз в воздушный шлюз. Невозможно? Что невозможно для Бреннана? Рой держал оружие наготове, ожидая, пока закроется внутренняя дверь воздушного шлюза.

Ответ пришел в виде грохота и вспышки позади него. В пронзительном свисте выходящего воздуха Бреннан-монстр проник сквозь корпус со стороны туалета, прошел сквозь дверь туалета и мягким движением закрыл ее за собой. Дверь была сделана из другого материала, чем корпус. Под давлением она слегка прогнулась, но выдержала.

Рой поднял оружие.

Бреннан что-то бросил. Предмет полетел настолько быстро, что его невозможно было увидеть глазом, и ударил Роя в правое плечо. Кость раскололась вдребезги, словно хрупкий кристалл. Ударом Роя развернуло вполуоборот, рука вылетела из плечевого сустава, качнулась, как что-то мертвое. Лазер отскочил от стены и снова полетел к нему.

Рой подхватил его левой рукой и закончил оборот.

Бреннан изготовился для броска, как игрок, подающий мяч. Он держал в руке мягкий диск угольной смазки, величиной с хоккейную шайбу.

Рой рукой перехватил лазер. Почему Бреннан не бросает? Нащупал спусковой крючок. Почему Бреннан не бросает? Рой выстрелил.

Бреннан отпрыгнул в сторону. Отпрыгнул невероятно быстро. Рой качнул лучом вслед за ним. Луч прочертил тело Бреннана чуть ниже талии.

Бреннан упал, разрезанный пополам.

Рука не болела вообще, но звук от падения Бреннана вызвал в желудке тошнотворную боль. Он посмотрел на руку. Она свисала, распухшая как дыня. Там, где осколок кости пропорол кожу, бежала кровь.

Рой посмотрел на Бреннана.

То, что осталось от Бреннана, приподнялось и направилось к нему.

Рой обмяк. Кабина пошла кругом. Опять кругом. Шок. Он улыбнулся, когда Бреннан подошел поближе. И сказал:

— Тише, монсеньор.

Бреннан ответил:

— Вы ранены.

Все вокруг сделалось серым, поблекло, потеряло свой цвет. Рой сознавал, что, повинуясь Бреннану, он разорвал свою рубашку, чтобы положить турникет пониже плечевого сустава. Бреннан говорил ровным, монотонным голосом, было непонятно, ожидал ли он, что Рой его слушает:

— Не будь мы в родстве, я мог бы убить вас. Дурак вы, дурак. Чтобы на вас потолок обрушился, Рой. Рой, послушайте, вы обязаны жить. Они могут не поверить тому, что записано в компьютере, Рой. Черт бы вас побрал, слушайте!

Рой потерял сознание.

Большую часть того, что происходило дальше, он воспринимал сквозь бред. Он ухитрился развернуть корабль к Дому, но после этого не смог справиться с управлением, и его вынесло на уходящую от планеты траекторию. Корабли, которые пришли за ним, были предназначены для исследований в системе. Им удалось снять с «Защитника» Роя, тело Бреннана и компьютер. Сам «Защитник» они оставили в пространстве.

Поврежденная рука, казалось, в достаточной степени объясняла состояние комы, в котором был найден Трусдейл. Прошло некоторое время, прежде чем стало ясно, что он болен еще чем-то К тому времени заболевали и двое пилотов.

ЧАСТЬ 4

ЗАЩИТНИК

Цыпленок — это способ, которым одно яйцо производит другое яйцо.

Самуэль Батлер

Каждый человеческий защитник пробуждается именно так. Пак пробуждается, обладая первоначально лишь ощущениями. Но человеческий защитник сохраняет свою человеческую память. Он пробуждается, имея ясную голову, сохранив свои воспоминания и думая с нарастающим чувством неловкости: «Каким же я дураком был».

Белый потолок, чистые шершавые простыни поверх мягкого матраса. По обе стороны от меня передвижные, окрашенные в пастельный цвет ширмы. Прямо передо мной окно. Видны маленькие изогнутые деревья на чем-то вроде крохотных лужаек. Деревья залиты солнечным светом, немного больше с оранжевым оттенком, чем на Земле. Примитивное оборудование и масса пространства. Сейчас я находился в больнице Дома. А раньше я был дураком. Если бы только Бреннан... но ему ничего не следовало говорить мне. Потому что так мы быстрее добрались до Дома, а он, разумеется, заразил себя. В крайнем случае ему достаточно было только знать, что он или его тело попадут на Дом. И он не препятствовал тому, чтобы заразился я. Причина — та же самая.

Он мне рассказал почти все. Чем он действительно был занят после того, как ушел из пределов Солнечной Системы, а запасы дерева жизни остались на Марсе, так это поисками штамма вируса дерева жизни, который мог бы жить в яблоках, или в гранатах, или еще в чем-нибудь. В конце концов он получил штамм, который при внесении окиси таллия мог жить в мясе. Но где-то еще он получил и обнаружил штамм, разновидность которого могла жить в человеческом теле. Вот чем он задумал засеять Дом. С беззащитной колонией сыграли скверную шутку. Такой вирус, скорее всего, не ограничивается определенными возрастными рамками. Он должен убить всех, кто не вмещается в интервал (возьмем максимальные пределы) — всех, кто не находится между сорока и шестьюдесятью годами. Дом завершил бы свое существование в качестве мира бездетных защитников, а Бреннан получил бы свою армию.

Я встал, напугав этим сиделку. Она находилась по ту сторону эластичной пластиковой стены. Мы, вместе с нашей болезнью, были этой стеной надежно изолированы. Два ряда кроватей, и на каждой — наполовину сформировавшийся защитник, и каждый выказывает признаки вымирания от голода. Вероятно, в этой бо-

льшой палате собраны все полузащитники Дома. Двадцать шесть человек.

Что же дальше? Я обдумал это, пока сиделка вызывала врача, пока врач облачался в скафандр. Масса времени. Мои мысли неслись так быстро. Большая часть проблем достаточно скоро перестала быть проблемами и потому больше не представляла какого-либо интереса. Я проверил цепочку логических построений Бреннана, затем снова погрузился в размышления. В настоящее время мне следует доверять тому, что Бреннан рассказывал собственно о Пак. Противоречий в нарисованной им картине не было. Если он и лгал, то лгал блестяще, и я не мог обнаружить мотивов. Я сам видел корабли Пак... с помощью инструментов Бреннана. Ну, это я могу проверить, спроектировав сам генератор гравитации.

Молодая светловолосая женщина прошла через то, что заменяло здесь воздушный шлюз. Я напугал ее, как своим безобразным обликом, так и быстротой движений. Будучи вежливым человеком, она попыталась скрыть свой страх.

— Нам нужна пища,— сказал я ей.— Всем нам. Если бы у меня не было излишнего мускульного веса, когда я заболел, сейчас бы я был уже мертв.

Она кивнула и заговорила с сиделкой, общаясь при помощи микрофона размером с булавку.

Она обследовала меня. Мое физическое состояние сказало ей достаточно, чтобы повергнуть ее в крайнее изумление и расстройство. Я уже должен был умереть или же стать калекой-артритиком согласно большинству законов медицины. Чтобы доказать ей, что я здоров, я сделал несколько гимнастических упражнений (и воздержался от многих других упражнений, чтобы она не знала, насколько я здоров).

— Эта болезнь не калечит,— объяснил я ей.— Когда она проходит, мы становимся способны вести нормальный образ жизни. Болезнь воздействует только на наш внешний облик. Заметили?

Она залилась румянцем. Я наблюдал, как она спорит сама с собой, следует ли сказать мне, что я утратил всякую надежду на нормальные сексуальные отношения. Она решила, что пока я еще не готов к такому удару.

— Вам придется несколько изменить свой образ жизни,— деликатно предупредила она.

— Я тоже так полагаю.

— Это болезнь с Земли?

— Нет, к счастью. Если бы ее можно было легко распознавать... Честно говоря, мы считали, что с ней покончено. Если бы я думал, что существует хотя бы малейший шанс... Ну, ладно.

— Надеюсь, вы сможете что-нибудь сообщить нам о ее лечении. Мы не смогли помочь ни одному из вас,— сказала она.— Все, что мы пытались сделать, только ухудшало положение. Даже антибиотики. Троих мы потеряли, остальным, казалось, не становилось хуже, и мы оставили вас в покое.

— Хорошо, что вы остановились прежде, чем принялись за меня.

Она решила, что это бездушно. Но если бы она только знала! Я был единственным человеком на Доме, который достаточно много знал о мире Пак. Следующие несколько дней я занимался тем, что насильно кормил остальных заболевших. Самостоятельно есть они не могли. Обычная пища не обладала вкусом корня дерева жизни. Все заболевшие были близки к смерти. Бреннан знал, что делает, когда не мешал мне нагуливать лишнюю мускулатуру. В промежутках я разузнавал, что я могу сделать, с учетом уровня промышленного развития Дома. Я воспользовался лентами из больничной библиотеки. Я изобретал всевозможные способы защиты, используя для этого примерно два миллиона производителей (нам придется установить диктатуру, поскольку ни на что другое просто нет времени, но при этом некоторая часть населения будет потеряна) и ровно двадцать шесть защитников. Я разрабатывал и другие варианты обороны с учетом двадцати двух, двадцати четырех защитников на тот случай, если не все они выдержат перерождения. Но решение всех этих проблем было всего лишь игрой ума. Двадцати шести человек было недостаточно, если учитывать то, что я узнал об уровне цивилизации Дома.

Когда остальные пациенты очнутся, я смогу все объяснить им. А о Доме они знают больше. Возможно, их ответы окажутся отличными от моего. Я ждал. Время еще было. Нас и разведчиков Пак разделяло девять месяцев. Я разрабатывал, поставив себя на место разведчиков Пак, различные способы уничтожения Дома. Я создавал новый проект «Защитника», использовав то, чему мы научились от разведчиков Пак, и учитывая то, чего не имел Бреннан, когда он строил свой «Защитник».

Через шесть дней заболевшие начали пробуждаться. Двадцать четыре. Кроме врачей Мартина и Коулеса, заразившихся от своих пациентов. Они еще находились в стадии перерождения. Это было счастье — беседовать с людьми, чей разум равен твоему собственному. Бедняга Бреннан. Я говорил быстро, зная, что скорость и мой акцент плоскостника сделают мою речь непонятной для любого производителя, который мог бы нас подслушать. Пока я говорил, они ходили по палате, опробуя свои мускулы, опробуя свои новые тела. Но я знал, что они не упускают ни единого слова. Когда я закончил, мы потратили несколько часов на обсуждение ситуации.

Нам следовало выяснить, не сфабриковал ли Бреннан изображение флота и разведчиков Пак. Нам повезло. Лен Бестер оказался ремонтником по ядерным двигателям... Он смог спроектировать индуцирующий генератор гравитации. Он сказал, что устройство это будет работать, и, чтобы убедить нас, дал нам подробное теоретическое обоснование и рассказал, как именно генератор будет работать. Мы решили поверить и в гравитационный телескоп, и во флот Пак. Больше проверкой истории Бренна-

на мы не занимались, не считая анализа ее внутренней последовательности, который мы все-таки провели.

Мы совместно разработали наши планы. Взломали пластиковый воздушный шлюз и всей толпой ринулись по больнице. Все закончилось раньше, чем персонал успел сообразить, что происходит. Мы заперли их на то время, пока вирус дерева жизни не погрузит их в спячку. Многие просили разрешить им продолжать ухаживать за пациентами. Мы это позволили, но все запасы медикаментов пришлось уничтожить. Существовала возможность, что когда люди начнут подвергаться действию вируса жизни, оставшиеся попытаются лечением улучшить их физиологическое состояние.

Полиция города Глины окружила наконец больницу. Но к тому времени мы могли быть уверены, что все, кто находился в больнице, заражены. Ночью мы разогнали полицейских.

В последующие дни мы громили больницы, аптеки и единственную на планете фармацевтическую фабрику. Чтобы замедлить распространение новостей, мы разрушили телевизионные станции. Людьми овладела бы паника, если бы они узнали о новом заболевании. Правду они сочли бы не менее ужасной. Со вспышками паники нам приходилось сталкиваться неоднократно. Народ Дома сражался с нами так, точно мы были исчадиями ада. Десять из нас погибли, схваченные и связанные, но не убившие ни одного потенциального защитника. Шестеро из нас были пойманы на том, что пытались спасти свои семьи, снабдив их скафандрами или герметическими палатками, чтобы предохранить от вируса, и укрыв своих близких где только возможно. Убивать нарушителей необходимости не было. Мы посадили их под замок до тех пор, пока производители не умрут или же не переродятся.

Через неделю все было кончено.

Через три недели уцелевшие начали пробуждаться.

Мы приступили к созданию наших защитных средств.

Изложить отчет об этих событиях в форме романа представлялось вполне логичным. Слишком много в нем предположительного. Я никогда не знал Лукаса Гарнера, Ника Соула, Физпока, Эйнара Нильсона и всех прочих. Образ Трусдейла вы можете рассматривать как подлинный, приняв во внимание, что я не лгу, если у меня нет для этого причин. Остальное, по-видимому, достаточно точно.

Первым, однако, это сказал Бреннан: «Я не уверен, что все еще имею право на имя, данное мне при рождении».

Рой Трусдейл был кем-то иным. И Рой Трусдейл умер, он жаждал смерти, пытаясь предотвратить то, что я сделал с Домом. У нас достаточно оснований, чтобы не отправлять луч с этим отчетом в заселенные человеком области космоса. Пока для этого не настанет время. Бреннан был прав: сам факт существования защитников может изменить все направление развитой человеческой цивилизации. Лучше вам считать Дом колонией-неудачницей, погибшей из-за эпидемии. Если кто-либо из ваших

исследователей заразится этой болезнью, что ж, они тогда умрут при перевоплощении или очнутся защитниками, присмотритесь к ним, и вы придете к тем же выводам, что и мы. Для защитника от свободы воли остается немного.

Но впереди нас по-прежнему ожидает битва с флотом Пак, хотя их разведчики и погибли. (Вот это был розыгрыш! Мы покрыли весь Дом городами-макетами. Сплошные городские огни, линии скоростных шоссе и ядерные энергостанции, необходимые для наших силовых установок. Пак никак не могло прийти в голову, что мы можем Дом считать миром, которым вправе пожертвовать). Нам почти наверняка удастся уничтожить этот флот, но сколько из нас последует вслед за Пак? Спроектированы ли по-другому, модернизированы ли корабли второго флота? Если мы выживем, нам придется отконвоировать их обратно, прямо во взрывы, сотрясающие ядро галактики. Если мы проиграем первое либо второе сражение — что ж, выжившие пошлют луч с этим отчетом ко всем мирам обжитого человечеством космоса. И в этом случае...

Бреннан припрятал колбы с вирусом, указав, где они могут быть найдены. Осмотрите копию Стоунхенджа. Разыщите заключенный в шар из нейтрониума контейнер. Если вы потерпите в этом неудачу, в вашем распоряжении грузовой отсек судна Физпока, оставленный на Марсе. Осмотрите стены, соскребите с них остатки корня с дремлющим в них вирусом дерева жизни. Если вам не удастся и это, то хотя Дом больше не годится для колонизации, его атмосфера насыщена вирусом дерева жизни. Никого не превращайте в защитника, если у него или у нее есть дети.

Вы будете сильнее, быстрее и умнее их. Вы сможете их разгромить. Но не медлите. Если вас достигнет это послание, значит, флот Пак оказался достаточно сильным, чтобы уничтожить нас. Значит, флот Пак идет вслед за этим лазерным импульсом, идет на скорости, близкой к световой. А теперь действуйте!

Прощайте, и — удачи! Я люблю вас.

ЛЕТАЮЩИЕ КОЛДУНЫ

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Меня разбудил Пилг Крикун. Он дубасил в стенку моего гнезда и взволнованно кричал:

— Лэнт! Лэнт! Это свершилось! Иди скорее!

Я высунул голову наружу.

— Что у тебя стряслось?

Я втянул голову назад в гнездо и стал одеваться. Безрадостная новость, как и все новости принесенные Пилгом. Недаром шерсть на мне встала дыбом. Пилг Крикун имел привычку предсказывать катастрофы за неделю до их начала.

Два раза в год, в периоды равноденствия, он предрекал любые несчастья. По мере того, как мы уходили из-под влияния одного Солнца и попадали под влияние другого, местные чары утрачивали свою стабильность. Стоило нам приблизиться к соединению — моменту, когда голубое Солнце должно было пересечь красное,— Пилг с нарастающей интенсивностью начинал предупреждать о катастрофе. Так было всегда. Естественно, должно же было когда-то случиться что-то. Что-то ужасное. Это ощущалось повсюду. А впоследствии Пилг, тряся тяжелой головой, стонал:

— Подождите до следующего года! Подождите до следующего года! Будет еще хуже!

Иногда мы подшучивали над ним, предсказывая конец света, если «следующий год» Пилга когда-нибудь наступит.

Я сбросил лестницу и спустился вниз.

— Так в чем дело?

— О, я предупреждал тебя, Лэнт. Предупреждал! Может быть, теперь ты будешь мне верить. Я предупреждал тебя, ты не посмеешь сказать, что не предупреждал. Там на небе я видел знамение. Какое еще доказательство тебе нужно?

Он имел в виду Луны, которые уже начали сбегаться в одно место, в определенной части неба. Шуга, волшебник, предсказал, что вскоре мы окажемся в полной темноте. Возможно даже сегодня вечером. И Пилг усмотрел в том еще одно предначертание катастрофы. Пока мы шли, я пытался разузнать у Пилга, что же все-таки случилось. Река изменила свое течение? Чье-нибудь гнездо сорвалось с дерева? Или загадочная гибель целого стада? Но Пилг и сам не знал в точности, что произошло. Его волновало другое. В своих предостережениях он на этот раз оказался прав!

Похоже, какой-то пастух прибежал в деревню в паническом страхе. Он что-то при этом кричал о новом волшебнике. Прежде чем я получил нормальную информацию от Пилга, мы вышли на деревенскую поляну, где испуганный пастух, прислонившись к большому дереву, рассказывал о случившемся большой группе мужчин. Они обступили его, донимая вопросами. Женщины и те оставили работу, но все же с почтительного расстояния наблюдали со страхом за пастухом.

— Новый волшебник! — говорил тот, задыхаясь.— Красный волшебник! Я видел его!

Кто-то передал ему бурдюк. Он шумно пил большими глотками и не оторвался до тех пор, пока не высосал его до дна. Затем, отдышавшись, продолжал:

— ...около пирамиды ветряного бога. Он бросил красный огонь через горн.

— Красный огонь... красный огонь,— забормотали деревенские жители.— Если он бросает красный огонь, значит, он красный волшебник.

И тут я услышал слово «дуэль». Женщины, кажется, тоже услышали его. Они разинули рты и отпрянули от мужчин. Тогда я протиснулся к центру толпы.

— А, Лэнт,— сказал один из собравшихся.— Ты слышал? Говорят, здесь будет дуэль.

— Здесь? — усомнился я.— Ты видел руны, написанные на гнезде Шуги?

— Нет, но...

— Тогда почему же ты решил, что здесь будет дуэль?

— Красный волшебник! — вдруг вмешался пастух.— Красный волшебник!

— Чепуха! Ни один красный волшебник не может иметь той силы, которую ты описываешь. Что же ты не подождал и не выяснил что-нибудь определенное, прежде чем распространять глупые лживые слухи, которые пугают женщин и детей?

— Мы все хорошо знаем Шугу. Как только он обнаружит, что в здешних местах появился новый волшебник, он...

— Ага! Ты хочешь сказать, что Шуга еще ничего не знает!

Мужчина пришел в замешательство.

Я повысил голос:

— Кто-нибудь сообщил Шуге?

Молчание.

— И ни один не подумал! Ясно. Так вот, мой долг — не дать Шуге поступить опрометчиво.

С этими словами я прошел мимо мужчин и заторопился к гнезду волшебника.

Гнездо Шуги вполне отвечало колдовским требованиям. Сморщенная уродливая тыква, свисающая с дерева-великана далеко за пределами деревни. Гильдия Советников не подпускала волшебника ближе, опасаясь его постоянных экспериментов с новыми заклинаниями.

Шугу я застал собирающим свой походный ранец. И по его беспокойным движениям я понял, что он встревожен. И тут же встревожился сам: я случайно увидел, что он положил в ранец теринэль, украшенный резьбой по кости. Последний раз он применял его, когда накладывал заклятие красных зудящих нарывов на Хэмлита Неудачу, жителя деревушки Неуспех. А еще я заметил, что он уложил поверх теринэля. И, вздрогнув, сказал:

— Я уверен, что это противоречит правилам Гильдии.

Какой-то миг мне казалось, что сейчас он заклеймит меня заклятием. Я сжался от страха и инстинктивно сделал защитный жест, чтобы оградить себя от заклятия. Здесь мне не мешало бы вспомнить, что защитные амулеты, которые я носил, изготовил для меня сам Шуга, вероятно, он будет не в силах преодолеть собственные барьеры, по меньшей мере, еще несколько дней — они должны были угаснуть с приходом голубых рассветов.

— Это ты! — резко заявил он.— Что ты знаешь о магии? Ты — называющий себя моим другом! Даже из вежливости ты не сообщил мне о появлении нового колдуна!

— Я сам узнал о его появлении всего несколько минут назад. Возможно, он прибыл только сегодня.

— Прибыл сегодня? И сразу начал разбрасывать красный огонь? Не сообщив о себе местным богам? А предварительные местные заклинания, связанные с приливами, и их побочные эффекты? Смешно, Лэнт, ты — глупец! Ты — идиот из первого круга изучения магии. Почему ты надоедаешь мне?

— Потому что ты — идиот, не признающий дипломатии,— ответил я, разозлившись. (Я был один из немногих жителей деревни, которые, ощетинившись на Шугу, оставались после этого в живых и могли потом рассказать об этом.)

— Если бы позволил тебе, вооружившись, идти в гору всякий раз, когда ты чувствуешь себя обиженным, ты бы ввязывался в дуэли так же часто, как встает голубое Солнце.

Шуга посмотрел на меня, и по выражению его лица я понял, что мои замечания достигли цели.

— Я рад, что ты разглядел во мне дипломата,— сказал он, и я позволил себе расслабиться.

— Наши способности должны взаимно дополнять друг друга, Шуга. Чтобы наши старания увенчались успехом, надо относиться друг к другу с уважением. Только таким образом мы сможем защитить нашу деревню.

— Ты и твои проклятые речи,— нахмурился он.— Когда-нибудь я соберусь и превращу твой язык в кислую дыню. Только ради мира и спокойствия.

Я игнорировал последнее замечание. Учитывая обстоятельства, Шуга имел право быть раздражительным. Он сердито затянул ремешки на походном ранце.

Я спросил:

— Ты готов? Я пошлю приказание Орбуру, чтобы он приготовил два велосипеда.

— Ты, как всегда, самонадеян,— пробормотал Шуга, но я уже понял, что он втайне благодарен мне за эту мысль.

Вилвил и Орбур — мои старые друзья, старшие сыновья. Вырезанные ими велосипеды считаются лучшими в районе.

Глава 2

Мы нашли нового волшебника возле пирамиды Макс-Вотца — ветряного бога. От пирамиды к крутому каньону тянулся широкий и плоский, покрытый травой холм с небольшим склоном к югу.

Новый волшебник захватил этот холм, разложил на нем свои вещи и приспособления. Когда мы резко остановили свои велосипеды, он занимался тем, что обменивался заклинаниями с каким-то незнакомым предметом.

Шуга и я остановились на почтительном расстоянии и наблюдали. Ростом незнакомец был чуть выше меня и значительно выше Шуги. Его кожа была светлее нашей и не имела волос, за исключением единственного участка шерсти на верхнем участке черепа. К тому же у него на носу имелись странные устройства. Очевидно, это были линзы из кварца в костяной рамке, через которые незнакомец мог смотреть.

Черты его лица были странными и тревожащими, а кости, казалось, имели необычные пропорции. Определенно ни одно нормальное существо не могло обладать таким животом. Его вид вызывал у меня тошнотворное чувство, и я предложил, то есть предположил, что кто-то из его предков был нечеловеком.

По традиции волшебники носили диковинную одежду, чтобы выделить себя из общей массы. Костюм незнакомца представлял собой одно сплошное одеяние, покрывающее большую часть тела. Даже Шуга не отказался бы от такого фасона: капюшон, отброшенный назад, обшлага, высоко поднятые на рейтузах, высокие кожаные сапоги, а над сердцем золотой значок — вся одежда была вытканна точно по форме тела, и форма эта была на удивление выпуклой. Тело охватывал широкий пояс, к которому были прикреплены три-четыре колдовских приспособления, а рядом были расставлены крупные механизмы. Их полированный металл отдавал голубовато-белым мерцанием.

В нашей деревне было мало металла — он быстро ржавел, но я, человек много путешествовавший по миру, и знаком с металлами, которые видел в других землях. Но все же я ни разу не встречал металл так прекрасно обработанный, как этот.

Механизмы стояли ровно, каждый на трех ногах, даже там, где земля была неровной. Незнакомец, пока мы наблюдали за ним, напряженно всматривался в один из механизмов, то смотрел через каньон на священную пирамиду Макс-Вотца, бога ветров, а затем на свое устройство. Бормоча сам себе, он пересек поляну

и что-то подрегулировал в приборе. Видимо, это было длинное и сложное заклинание, хотя ни я, ни Шуга не могли понять, в чем заключается его смысл.

Иногда ему приходилось обращаться к своему гнезду, большому и черному, правильной яйцеобразной формы, сидящему на краю пастбища. Вокруг не было деревьев, достаточно высоких, чтобы подвесить его, и он просто посадил его, широким концом прямо на землю. Поступил он, конечно, глупо, однако скорлупа гнезда выглядела достаточно прочно, чтобы противостоять мародерствующим хищникам.

Я ни разу не встречал такого гнезда и удивлялся, как это он умудрился построить его за одну только ночь. Его власть должна быть громадной.

Незнакомец не замечал нас, и беспокойный Шуга вертелся от нетерпения. Но как раз, когда Шуга едва не прервал его, незнакомец выпрямился и коснулся своего приспособления. Устройство откликнулось, швырнув через каньон, прямо на пирамиду Макс-Вотца красный огонь.

Я думал, Шугу охватит смертельная ярость. Прямо сейчас же! Сию же минуту... Боги погоды достаточно упрямы, чтобы, в лучшем случае, уметь их хотя бы сдерживать, и Шуга потратил три долгих лунных периода, стараясь умилостивить Макс-Вотца в предвидении следующего сезона ураганов. И вот теперь незнакомец разрушил одно из его самых тщательных заклинаний.

Более красный чем рубин, опаляющий глаза, яркий и узкий, прямой, точно горизонт в океане, который я тоже видел. Этот малиновый огонь протянулся через каньон и принялся хлестать по храму. Огонь вытекал снова и снова, я начал опасаться, что он никогда не прекратится. И звук от него шел ужасный. Высокое жужжание, неземной вой, до боли вонзающийся в мою душу. Сквозь него мы слышали, как равномерно потрескивала и пощелкивала пирамида.

Едкий дым поднимался от нее вверх, и я содрогнулся, представив, как рассеивающаяся гарь может повредить атмосфере. Кто знает, как это может повлиять на погоду, сделанную заклинаниями Шуги. Я сделал мысленную отметку насчет того, чтобы жены укрепили пол моего гнезда. Но тут, так же неожиданно как начался, красный огонь прекратился. На холм снова спустилась тишина и спокойствие. Снова голубой сумрак окутал землю. Но в моих глазах сохранился ослепительно голубоватый отпечаток. Но пирамида ветряного бога все еще продолжала потрескивать.

Удивительно то, что пирамида продолжала стоять! Она тлела и шипела, на ней виднелись безобразные шрамы там, где к ней прикасался красный огонь. Но она была целой. Когда Шуга строит, он строит добротно!

Незнакомец тем временем переналаживал свое устройство, не прекращая бормотать что-то себе под нос. Я так и не понял, было ли это частью заклинания. Словно мать, опекавшая своих детены-

шей, он двигался от устройства к устройству, всматриваясь в одно, переставляя другое, произнося странные звуки над третьим.

Я бросил взгляд на Шугу, но смог разглядеть лишь сильно поджатые губы. Ничего странного, что даже его борода, казалось, съежилась. Я начал бояться, что дуэль начнется прежде, чем незнакомец успеет преподнести Шуге подарок.

Что-то следовало предпринять, чтобы не позволить Шуге совершить опрометчивый шаг. Я храбро шагнул вперед.

— Гм...— начал я.— Гм... Мне не хотелось бы прерывать ваше столь очевидное занятие, но эта штука посвящена Макс-Вотцу. Потребовалось много циклов, чтобы создать систему заклинаний, которые...

Волшебник поднял глаза и, кажется, впервые нас заметил. Он сделался необычайно возбужденным. Стремительно шагнув к нам, он сделал жест: выпрямил руки с ладонями, раскрытыми нам навстречу, произнося что-то быстро и напряженно на языке, которого я никогда в жизни не слышал. Я тут же бросился на землю и закрыл голову руками.

Ничего не произошло.

Когда я поднял глаза, Шуга все еще стоял рядом с другим велосипедом, раскинув руки в виде фигуры разрушающей заклинания. Или заклинания незнакомца не удались, или Шуга сумел их сблокировать, но только незнакомец уже не повторял заклинаний. Вместо этого он попятился к своему странной формы гнезду, не сводя с нас взгляда. Он снова заговорил своими непонятными словами, но теперь они были медленными и более низкого тона, похожего на тон, каким успокаивают потревоженное животное. Потом он скрылся в гнезде, и снова все стало способствовать спокойствию и голубизне.

Если не считать потрескивания остывающего камня, которое все еще доносилось до каньона, как напоминание о том, что Макс-Вотц был осквернен.

Глава 3

Я повернулся к Шуге.

— Это может быть серьезным?

— Лэнт, ты глупец. Это уже серьезно.

— Сможешь ли ты справиться с этим новым волшебником?

Шуга хмыкнул уклончиво, и мне стало страшно.

Шуга считался хорошим колдуном, и если теперь он в себе не уверен, не уверен в своем мастерстве, значит, вся деревня может оказаться в опасности.

Я уже начал было высказывать свои опасения, но тут незнакомец вновь появился. Он нес какое-то устройство, сделанное из металла и кости. Оно было меньше, чем остальные, и от него во все стороны торчали тонкие прутья. Оно напоминало мне одно из самых неприятных приспособлений, виденных мной в свои мрачные годы.

Волшебник не спускал с нас взгляда все время, пока устанавливал приспособление на три тонкие ножки. Как только он повернул его в нашу сторону, я напрягся.

Приспособление начало издавать жужжащий звук, похожий на звук водяной арфы, когда струнный смычок протягивается через ее стеклянные трубы. Жужжание росло на высоких тонах, пока не сделалось беспокойным, как у механизма красного огня.

Я прикинул расстояние между собой и ближайшим валуном. Незнакомец снова нетерпеливо обратился к нам на своем непонятном языке.

— Вы невежливы,— сделал громкое замечание Шуга.— А эти дела могут подождать, не так ли?

Волшебное устройство тут же повторило:

— Не так ли?

Я плюхнулся позади валуна и затаился там. Шуга остался стоять.

— Именно так,— повторил он твердо.— Вы нарушаете обычай. Находясь в моем районе, вы должны подарить мне одно новое заклинание.

Волшебное устройство снова заговорило. Его интонации были устрашающими и нечеловеческими.

— Новый волшебный подарок... прежде неизвестный... конечно. Будь я в вашем районе...

Я понял, что сказал незнакомец. Устройство пыталось говорить вместо него, но нашими словами. Шуга тоже понял это и успокоился. Устройство было всего-навсего говорящим амулетом, причем скверным, несмотря на внушительные размеры.

Шуга, говорящий амулет и незнакомец стояли на продуваемом ветром холме и разговаривали друг с другом. В основном это был детский лепет. Устройство не имело своих собственных слов, но оно могло использовать слова Шуги, иногда правильно, но чаще — нет.

Настроение Шуги оставалось неизменным. Он пришел требовать дар или вызов на дуэль от вторгшегося в его владения незнакомца, а вместо этого ему приходилось обучать устройство разговаривать. А незнакомец словно бы даже веселился на Шугин счет.

Красное Солнце давно скрылось, а голубое клонилось к горизонту. Неожиданно, голубое Солнце зашло за кучу фиолетовых облаков и исчезло, как тонкая свечка, задутая ветром. Весь горизонт стал темно-красной тенью. Луны возникали в ночи, расположившись сейчас в виде полосатой ящерицы.

С помощью неопределенных конфигураций Шуга делается сильнее. Повелитель он или только слуга полосатой ящерицы, размышлял я, в то время как он властно подтягивал одежды на своей коренастой фигуре. Повелитель — это видно из его поведения.

Внезапно незнакомец повторил свой жест с открытыми ладонями, повернулся и пошел назад к своему гнезду. Но не вошел внутрь. Вместо этого он коснулся края входа, и там зажегся свет. Ослепительный свет! Вдвое ярче дневного света, он бил струей из

бока гнезда. Очень страшный свет — земля и растения изменили свою окраску, и что-то произошло с их тенями, так как они сделались удивительно черными.

Поступок нового волшебника был очевиден даже мне — тем более Шуге. Он отпрянул назад от света с поднятыми для защиты руками. Это было бесполезно. Свет последовал за ним, обрушился на него, ослепил, совершенно затмив лунный свет.

Незнакомец уверенно отвергал власть полосатой ящерицы над собой. Шуга стоял трепеща — крошечная фигура, приколотая к земле этим странным ослепляющей силы светом.

Затем, непонятно почему, незнакомец заставил свет исчезнуть.

— Мне кажется, свет вас беспокоит,— сказало за волшебника говорящее устройство.— Для меня он не имеет значения. Мы можем разговаривать в темноте.

Я вздохнул с облегчением, но до конца не расслабился. Этот незнакомец наглядно доказал, как запросто он может аннулировать эффект любой лунной конфигурации. От Шугиной власти, которую можно было призвать с неба, придется отказаться.

Я смотрел, как полосатая ящерица удручающе крадется к востоку. Луны чертили через небо свой путь. Молочно-белые полумесяцы с широкими красными краями. В последующие ночи красные границы станут уже, как только Солнца приблизятся одно к другому. Затем цветные края растают. А позднее, после следующего восхода Солнца, должны показаться голубые края... И Шуга не получил никакой пользы от всего этого.

Шуга и новый волшебник все время разговаривали. Но теперь говорящее устройство обладало достаточным запасом слов, так что оба могли довольно вразумительно обсуждать все вопросы магии.

— Этическая сторона ситуации очевидна,— говорил Шуга.— Вы занимаетесь магией в моем районе. За это вы должны заплатить. Более того, вы должны мне секрет.

— Секрет...— отозвалось говорящее устройство.

Сбросив оцепенение, я навострил уши.

— Какую-нибудь часть магии, которой я еще не знаю,— уточнил Шуга.— Каков, например, секрет вашего света. Отчего он вдвое сильнее дневного?

— ...разница потенциалов... горячий металл внутри холодного... сомневаюсь, что вы сумеете понять... причиной тепла является поток... крошечные кусочки молнии...

— Ваши слова лишены смысла. Мне не понятно их значение. Вы должны раскрыть секрет, чтобы я понял его и мог использовать. Я вижу, что ваша магия очень сильна, возможно вы знаете способ, как предсказывать приливы?

— Нет, я не могу рассказать вам, как предсказывать приливы. У вас имеется одиннадцать Лун и два основных Солнца, которые растягивают ваши океаны во всех направлениях, воздействуя при этом друг на друга. Понадобятся годы, чтобы рассчитать схему приливов...

— Несомненно, ты знаешь вещи, которые мне неизвестны. Так же, как и я знаю секреты, о которых ты не слышал.

— Конечно. Но я стараюсь найти то, что тебе пригодилось бы больше всего. Это чудо, чего вы уже достигли. Даже велосипеды...

Тут я позволил себе вмешаться:

— Это хорошие велосипеды,— сказал я ревниво,— их сделали два моих сына.

— О! Велосипеды! — Он подошел ближе.

Я напрягся, но он всего лишь захотел осмотреть их.

— Рамы из твердого дерева, шкивы с ремнями вместо цепей, прошитые шкуры вместо шин. Все это чудесно. Просто изумительно! Примитивно, сделано вручную, колеса большие, плоские, без спиц, но какое это имеет значение! Это же велосипеды! И это в то время, когда наши не захотели верить в развитие у вас любых форм.. совсем.

— О чем ты говоришь? — требовательно спросил Шуга.

Я оскорбленно молчал, кипя от обиды за велосипеды Вилвила и Орбур. Примитивные, как же?!

— ...начинается с познания порядка,— ответил волшебник.— Но ваш мир совсем не упорядочен. Вы находитесь в густом темном облаке, поэтому не можете видеть ни один из постоянных источников света на небе. Ваше небо — случайный набор Лун вашей системы... сочетание трех тел облегчает захват... приливы, которые происходят каждый по-своему под влиянием всех этих Лун... Луны, пути которых пересекаются постоянно и беспорядочно, изменяя их... из-за взаимного...— говорящее устройство пропускало половину слов незнакомца, превращая остальные в тарабарщину.— А еще высокий уровень... от голубого Солнца, дает вам новые формы каждую неделю или около того. Нет порядка в наблюдаемом вами... можно применить метод проб и ошибок в строительстве. Нет четкой линии технологии, потому что вам не приходится наблюдать, чтобы ваше окружение воспроизвело те же самые линии дважды подряд... Но это... человеческий инстинкт старается управлять природой. Вы должны рассказать мне...

Шуга прервал болтовню незнакомца.

— Сперва ты должен рассказать мне. Сообщи что-нибудь новое, что могло бы удовлетворить законы Гильдии. В чем секрет, скажи мне, твоего красного огня?

— О, я не могу выдать вам секрет!

Шуга снова начал раздражаться, но вслух сказал лишь:

— Не можете? Но почему?

— Что касается этого устройства, то вам его не понять. Вы не можете использовать его в работе.

Шуга выпрямился в полный рост и уставился на незнакомца.

— Не собираешься ли ты сказать, что я даже не волшебник второго круга! Любой волшебник, достойный своих костей, может делать огонь и швырять его.

И тут Шуга произвел шар огня из рукава и небрежно швырнул его через поляну.

Я видел, как был поражен незнакомец. Такого он не ожидал. Огненный шар пошипел, а затем угас, оставив на земле выжженное место. Незнакомец сделал к нему два шага, словно намеревался исследовать его, затем повернулся к Шуге.

— Очень впечатляюще,— произнес он,— и все-таки...

Шуга ответил:

— Вот видишь. Я также могу бросать огонь. Но я хотел бы бросать его по прямой линии, как это делаешь ты,— вот чему я хочу научиться.

— Это совершенно другой принцип... когерентный свет... плотный луч... маленькие сгустки энергии... вибрация...

Демонстрируя, он дотронулся до колдовского механизма — и оно еще раз выплеснуло красный огонь. Обжигающее глаза пламя снова заиграло на пирамиде Макс-Вотца. И еще одна дымящаяся дыра. Я сморщился. Незнакомец пояснил:

— Он заставляет кипеть камень, а цвет дыма сообщает мне, из чего он сделан.

Я постарался скрыть свою реакцию. Любой идиот знает, что дым голубовато-серый по цвету, так же и из чего сделан камень. Это я сам мог сказать ему.

Он, однако, продолжал:

— Поглощение света... Я не могу научить вас, как им воспользоваться. Ведь вы можете потом применить его в качестве оружия.

— Можем применить как оружие! — возбужденно воскликнул Шуга.— Тогда может есть другая польза от заклинания, бросающего красный огонь?

— Я уже объяснил вам,— сказал незнакомец нетерпеливо.— Могу объяснить снова, но для чего? Это для вас слишком сложно, чтобы понять суть. (Вот это было совершенно излишне и оскорбительно. Конечно, Шуга — волшебник только второго круга, но это еще не значит, что он более низкого положения. Действительно, имелось немного секретов, которые не были ему известны. Кроме того, достижение первого круга — это вопрос не столько мастерства, сколько политики. А Шуга никогда не был дипломатом.)

Словом, мне оставалось только наблюдать, как Шуга разряжается.

Было самое время смягчить маслом дипломатии жесткие кромки разногласий между этими двумя волшебниками. Особенно теперь, когда преодолен языковой барьер, мой долг преодолеть трения между ними.

— Шуга,— сказал я,— разреши говорить мне. Я дипломат.

Не дождавшись согласия и немного нервничая, я подошел к говорящему устройству...

— Позвольте представиться. Мое имя Лэнт-ла-ли-лэйах-ноу. Возможно, вам покажется самонадеянным, что я претендую на семь слогов, но я немаловажная личность в нашей деревне.

Я чувствовал, что необходимо установить мой ранг с самого начала и мое право отвечать за деревню.

Незнакомец посмотрел на меня и произнес:

— Мне приятно познакомиться с вами. Мое имя...— говорящее устройство запиналось, но я успел сосчитать слова в имени. Всего три. Я улыбнулся про себя. Очевидно, мы имели дело с лицом очень низкого статута... Но вот что меня беспокоило, откуда взялся этот волшебник, если личность такого низкого статута могла управлять такой могучей магией? Я решил пока не думать об этом. Возможно, он не назвал своего полного имени. В конце концов я тоже не назвал секретные частицы моего.

Говорящее устройство вдруг перевело три слова имени незнакомца.— Как цвет, оттенок пурпурно-серого.

— Очень странно,— тихо сказал Шуга.— Я никогда не слышал о волшебнике, именуемом как цвет.

— Может быть, это не имена, а лишь указание какому богу он служит?

— Чепуха,— прошептал в ответ Шуга.— Тогда он должен быть где-то красным или где-то голубым. А он ни тот, ни другой.

— Возможно, он оба сразу, то есть Пурпурный.

— Не говори глупостей, Лэнт. Нельзя служить двум хозяевам. Кроме того, он не совсем пурпурный, он пурпурно-серый. Я никогда не слышал о сером волшебнике.

Я повернулся к незнакомцу.

— Это ваше полное имя? А сколько слогов в его секретной части?

Он не мог на меня обидеться, я же не спрашивал его о самом имени.

Он сказал:

— Я назвал вам полное имя. Как-Тень-Пурпурно-Серого.

— И у вас нет другого? Нет секретного имени?

— Я не уверен, что понял. Это мое полное имя.

Мы с Шугой переглянулись. Незнакомец был или невероятно глуп, или очень хитер. Или он выдал нам полное имя, отдавая себя тем самым под полную власть Шуги, или строил из себя дурака, чтобы позволить Шуге раскрыть себя. Возможно, имя, названное им, было своего рода волшебной ловушкой. Определенно, оно не являлось ключом к его личности.

Как-Тень-Пурпурно-Серого заговорил снова:

— Откуда вы пришли?

— Из деревни.

Я уже было собрался показать вниз, под гору, но воздержался. Неразумно говорить этому странному незнакомцу, где расположена деревня.

— Но я не видел деревни с воздуха.

— Совершенно невероятно!— воскликнул Шуга.— С воздуха!

— Да, когда я облетал район.

В ответ глаза Шуги стали округлыми.

(Облетал? У тебя есть летательное заклинание? Я даже не смог заставить летать что-нибудь более крупное, чем дыню. В нее я наловил пузырей дурного запаха, что есть в болотах.)

Действительно, Шуга пытался улучшить заклинание полета и занимался этим все время, как стал волшебником. Он даже заставил моих сыновей Вилвила и Орбур помогать ему. Им нередко приходилось забрасывать вырезание новых велосипедов, чтобы приниматься за работу над каким-нибудь новым устройством. И так был велик энтузиазм и замыслы Шуги, что они не брали, к моему раздражению, никакой платы за свой труд.

Новый волшебник улыбнулся, когда Шуга описал свой летательный амулет.

— Примитивно,— сказал он.— Хотя и способно действовать. Моя собственная повозка использует более сложные и эффективные сопредельные способы.

Он указал на свое огромное черное гнездо. Должно быть, он имел в виду одно из своих устройств, скрытых внутри или возле гнезда. Кто может представить себе летающее гнездо? Гнездо — это дом, определенное место, символ убежища и возвращения. Философически, гнездо не может двигаться, ни тем более летать. Вот. А что невозможно философически, то невозможно и для магии. Этот закон сдерживает даже богов.

— Покажи мне, как оно действует, научи своему заклинанию! — взволнованно выкрикнул Шуга.

Незнакомец покачал головой.

— Я не могу этого показать ни тебе, ни другому. Вы просто не поймете...

Пожалуй, это было уже слишком! Целый вечер новый волшебник оскорблял Шугу. А теперь он отказывается одарить его секретом. Шуга начал подпрыгивать от раздражения. Он вытащил свой теринэль и, прежде чем я успел его успокоить, набил духовые камеры проклятым порошком.

— Шуга, ну потерпи, пожалуйста,— начал я его успокаивать.— Давай вернемся в деревню. Сначала потребуем собрать Гильдию Советников. Не вызывай его на дуэль, пока мы не обсудим это мероприятие.

Шуга ответил едва слышным бормотанием. Бормотал он примерно следующее.

— Надо бы испытать этот теринэль на тебе. Сам знаешь, я не любитель зря тратить хорошее проклятие.

Но тем не менее он опустошил зарядные устройства, завернул теринэль в шкуры и убрал в ранец. Потом встал, посмотрел на нового волшебника и сказал:

— Мы возвращаемся в нашу деревню, чтобы посоветоваться. И вернемся сюда в начале голубых рассветов.

Но незнакомец, кажется, не понял его.

— Я пойду с вами,— сказал он.— Мне хотелось бы увидеть вашу деревню.

Шуга был бы умнее, если бы немного подумал. Но он тут же ответил:

— Конечно, вы можете пойти с нами. С нашей стороны было бы невозможно не пригласить вас. Но вам не следует так далеко

отлучаться от вашего гнезда. Ночью, когда уходят Луны, красные проклятья бродят по земле. (Мне не хотелось, чтобы Шуга заострял этот вопрос, ведь мы тоже находились далеко от дома.)

Шуга беспомощно развел руками.

— Если бы в деревне имелись пустые гнезда... мы бы вам уступили одно, а так с наступлением полной темноты я не рекомендую блуждать в отдалении от собственного гнезда.

— Все это правильно,— согласился незнакомец.— В таком случае, придется захватить его с собой.

— Хм! Каким образом? Мы совершенно не намерены вам помогать. Да ни один из нас и не обладает силой, чтобы...

Как-Тень-Пурпурно-Серого усмехнулся.

Я уже начал уставать от его ухмылок.

— За это не беспокойтесь,— заверил он.— Вы только идите впереди по дороге, а я последую за вами.

Мы с Шугой переглянулись. М-да, ясно, что этот коротконогий незнакомец не поспеет за нашими велосипедами, особенно, если он собирается тащить за собой гнездо. Тем не менее мы из вежливости подождали, пока незнакомец укладывал свои вещи в гнездо. Я был удивлен, видя, как легко они складывались и как компактно хранились, и сделал в уме заметку — при случае ознакомиться с одним из них поближе. Любопытно было узнать, чем вырезана кость и как обработан металл. Возможно, конструкция этих приспособлений и меня чему-нибудь научит. Слишком тонкой была их резьба, чтобы я мог разглядеть ее как следует в лунном свете. Непроизвольно я посмотрел на небо. Мы почти вплотную приближались ко времени полной темноты. Всего шесть Лун осталось на небе. Неудивительно, что свет от них был слаб. Я был совсем не намерен задерживаться дольше из-за этого незнакомца.

В самое короткое время незнакомец упаковал все свои устройства и сложил их внутри гнезда. В его поведении была такая уверенность, словно он знал, что делает, и это вызывало у меня смутное беспокойство.

— Все в порядке,— сказал он,— я готов.— С этими словами он исчез внутри гнезда, закрыв за собой дверь.

Когда это случилось, мое беспокойство перешло в настоящий ужас. Гнездо Пурпурно-Серого вдруг начало жужжать, и громче, чем все его говорящие и огненно-красные устройства, потом поднялось в воздух. Там оно повисло на высоте роста двух человек. Оно засверкало невиданным цветом, от которого деревья и камни засверкали подобно ярким галлюцинациям. Я подумал, как бы Шуга от удивления не свалился с велосипеда. Ведь он и днем едва справлялся с ним, так как ездить на нем достаточно трудно.

Путь назад в деревню был кошмарным. Шуга был настолько не похож на себя, что даже не произнес ни одного из своих защитных «кантеле». Мы все время оглядывались на огромное яйцо, плывущее за нами и разбрасывающее свет во все стороны, подобно некоему ужасному воплощению Элкина — бога грома.

Положение дел ухудшилось еще в тем, что очередная Луна,

если смотреть сверху, спускалась на нас, приближался период полной темноты. Один из нас застонал, и я не был уверен, кто это был — Шуга или я.

Велосипеды грохотали по горной тропинке. Мне настолько хотелось вернуться целым и невредимым домой в гнездо, что я не догадался попросить Шугу быть поосторожнее со второй машиной. Он все время посматривал назад, через плечо, и я был уверен, что он ударится обо что-то по дороге и расколет колесо. К счастью, этого не произошло. Не знаю, стал бы я останавливаться, чтобы помочь ему. Только не при этом яйце, сверкающем, гонящемся за нами, пугающем, все время держащимся в воздухе.

Нам все-таки удалось спуститься к лугам. Несколько женщин вышли в поля собирать ночные грибы, они заметили наше появление, но когда они увидели огромное яйцо, летящее за нами, то они повернулись и, на всякий случай, убежали в деревню.

Мы с Шугой даже не догадались остановить велосипеды на холме, а прямо на них направились в деревню. (Ничего, позже женщины очистят грязь с колес.)

Как только мы добрались до деревни, последняя из Лун исчезла на востоке. Еле дыша, мы остановились в центре поляны. Большое черное яйцо зловеще плавало над нами, заливая всю деревню своим зловещим сиянием. Огромные деревья и тыквообразные гнезда, устроенные на их могучих ветвях, приобрели странный и пугающий оттенок...

Сверху, громче любого естественного, загромыхал голос волшебника:

— ... неудивительно, что я не увидел ее с воздуха... дома, сконструированные в виде сфер, свисающих с веток громадных деревьев... должны быть, по меньшей мере... погодите, пока... узнают об этом... Где я могу остановиться? — неожиданно спросил он.

— Где-нибудь,— выдохнул я, тяжело дыша, и сделал соответствующий жест рукой. Потом осмотрелся по сторонам, есть ли у нас деревья достаточно крепкие, чтобы подвесить это гнездо. Ни одного большого дерева, ни одного свободного. Но если этот волшебник способен заставить свое гнездо летать, то он, несомненно, может прицепиться и к молоденькому деревцу. Но вместо этого незнакомец опустился просто на землю.

Точнее, не просто на землю. Гнездо пронеслось над деревней к реке, к гребню склона, возвышавшегося над лягушачьими прудами. Сейчас пруды стояли сухими, подготовленными к ритуальной чистке и перенесению заговоров.

Глава 4

Спал я плохо. И встал, когда дымный ободок красного Солнца только начал появляться над горизонтом.

Умывшись и расчесавшись, я почувствовал себя лучше, но все же оставался измученным и усталым. Ночные приключения не прошли даром. Одного взгляда, брошенного на гнезда, оказалось

достаточно, чтобы убедиться — незнакомый волшебник все еще здесь.

Пилг Крикун расхаживал между деревьями и стонал по этому поводу. Теперь, когда новый колдун перенес свое гнездо в деревню, катастрофа обрела определенный смысл. Даже отсюда я видел толпу любопытных собравшихся вокруг гнезда, правда, державшуюся на почтительном расстоянии.

Видел и торговца лягушками, заламывающего руки и причитающего над своими прудами. После изгнания незнакомца ему придется очищать их заново. А если это случится нескоро, то он пропустит время высеивания икры.

Мы с Шугой только направлялись посмотреть. Зато, заметив нас, колдун оторвался от растения, которое рассматривал, и скрылся в своем гнезде. Но почти сразу же вернулся, неся в вытянутой руке какой-то предмет.

— Подарок,— сказал он,— подарок для Шуги-волшебника.

Шуга был явно удивлен. Он никак не ожидал, что незнакомец предложит требуемый в данном случае подарок. Теперь же он выполнил обязательное для волшебника условие и имел полное право оставаться в нашем районе. По тому же условию Шуга обязан был даже уважать нового волшебника в его заклинаниях... Правила Гильдии вполне определены.

Шуга, как местный волшебник, имел право старшинства. Незнакомец не имел права делать ничего такого, что мешало бы практической деятельности Шуги или его предшествующим заклинаниям, но в остальном он имел право делать все, что захотел бы.

Шуга осмотрел подарок. Тот был маленький и легкий, можно держать в одной руке. С одного торца вмонтированная стеклянная линза. Незнакомец тут же показал, как он работает. Если надавить на скользившую шишку устройства, стеклянная линза делает свет.

Пустяковая вещь. Я почувствовал разочарование Шуги. Он был оскорблен: незнакомец мог бы подарить что-нибудь позначительнее. Шуга и сам мог показать холодный свет разными способами. Но сказать ему было нечего. Испытывать подаренный ему амулет в присутствии всей деревни считалось очень нехорошим поступком.

Единственным достоинством подарка было то, что его свет мог приобретать формы, какие мы никогда не видели раньше. Покручивая ободок на торце, форму света всегда можно было менять, от узкого луча, как у огненно-красного устройства незнакомца, до широкой полосы, способной осветить половину деревни. Используя скользящую жилку, яркость приспособления тоже можно было регулировать, от тусклого мерцания, не ярче, чем у светящегося мха, до света такой яркости, что на него невозможно было смотреть.

Пурпурно-Серый посоветовал Шуге не пользоваться амулетом слишком долго в таком состоянии, так как его нечто (говоря-

щее устройство не смогло перевести этого слова) очень быстро истощиться. Шуга вертел подарок в руках. Сердце его тянулось к летающим заклинаниям или устройству красного огня. Но правила приличия вынуждали принять и этот дар с благодарностью. Я видел, что он хочет спросить еще что-то, но не имеет понятия, как сформулировать вопрос и не обидеть волшебника.

— Трудно понять, как в вашем мире возникла жизнь? Эволюционные модели предоставляются невоспроизводимыми. А кто бы стал здесь селиться? Мы, естественно, жить бы здесь не смогли... С одной стороны, из космоса планету накрывают пылевые облака. С другой, вы фактически не получаете нормального желтого света,— отдельные понятные предложения перемешивались вереницей бессмысленных слов.— Хотя я предполагаю, что красное и голубое Солнце создают комбинацию, дающую тот же самый эффект... все растения выглядят черными потому, что здесь так мало зеленого цвета, но нечто в растениях использует не зеленый цвет, так что с этим, по-моему, все в порядке... И эти двойные тени, которые любого сведут с ума.

Шуга переждал этот поток тарабарщины с похвальным терпением. Слова Пурпурно-Серого о различных цветах, казалось, намекали на что-то очень важное, и Шуге хотелось понять на что.

— Ты говоришь об этом мире,— сказал он,— можно предположить, что ты знаешь и другие миры?

Я подумал, не ловит ли Шуга незнакомца на удочку.

— О да! Мой мир...— Новый волшебник посмотрел вверх, размышляя, затем указал на пустое небо.— Мой мир находится в том направлении... Я думаю, за пылевыми облаками.

Пылевые облака?

Шуга начал пристально рассматривать небо. Я сделал то же самое, и так же поступила толпа свидетелей.

— Пылевые облака?

Небо было чистым и голубым.

Шуга посмотрел на волшебника.

— Издеваешься над нами? Я ничего нигде не вижу. Никаких пылевых облаков, никаких других миров. В небе ничего нет.

— Есть,— заявил Пурпурно-Серый.— Но они слишком малы и далеки, чтобы их рассмотреть.

Шуга шевельнул бровью и опять повернулся в сторону волшебника. Чувствовалось, что многие из тех, кто к нам прислушивается, едва сдерживают смех. Молодые женщины начали потихоньку хихикать, и их надо было увести.

— Слишком малы,— повторил Шуга.— Слишком малы..

Терпение его иссякло. Шуга не обладал темпераментом, пригодным для общения с детьми, дураками и сумасшедшими.

— О нет... ты неправильно меня понял,— быстро заговорил Пурпурно-Серый,— они слишком малы, потому что очень-очень далеко отсюда.

— А-а...— протянул Шуга медленно.

Пурпурно-Серый так и не объяснил про пылевые облака или об их отсутствии.

— Да. На самом деле они настолько далеки, что если бы ты решил до них добраться, скажем на велосипеде, то доехать туда могли бы только твои потомки. А ты постареешь и умрешь даже раньше, чем преодолеешь незначительную часть пути.

— Я понял...— сказал Шуга,— но тогда, как ты добрался сюда? Крутил педали быстрее?

Пурпурно-Серый рассмеялся.

— О нет, даже это не может помочь! Я...

Говорящее устройство запнулось, затем сказало:

— ... обошел вокруг.

Шуга в смятении покачал головой. Еще несколько женщин пришлось увести прочь. Нехорошо, когда женщины слушают взрослого мужчину, корчащего из себя дурака. И нехорошо, когда они станут свидетелями смущения Шуги. Мужчины тоже начали переговариваться. Шуга широким жестом заставил их замолчать — он еще не сдался.

— Обошел кругом? Что, пылевые облака? — спросил он.

— О нет. Пылевые облака я прошел насквозь. А обошел кругом... путь...

Шуга медленно повторил это предложение, чтобы проверить, не упустил ли он что-нибудь. Нет, все так и было. Только... Он повернулся и побрел вверх по склону, вертя в руках дающее свет устройство.

Глава 5

Несколько следующих дней Пурпурно-Серый потратил на то, что собирал мелкие растения, части растений покрупнее, пригоршни грязи, воды и почвы. За его работой постоянно следили как дети, так и взрослые, но он не обращал на них никакого внимания.

Его повсюду сопровождало летающее трехногое устройство (во время полета ноги у него были сложены). Волшебник не обращал на него внимания, пока не возникла нужда. Каждый раз, когда ему необходимо было взять образец чего-то, он устанавливал свое устройство на ножки и направлял его на нужное место. Устройство выглядело достаточно безвредным, чтобы рискнуть осмотреть его, но Шуга только скрежетал зубами всякий раз, когда оно проплывало мимо.

Наконец Шуга принял решение раскрыть секрет делающего свет устройства. Когда я навестил его, чтобы узнать, как идут дела, он свирепо на меня глянул и пробормотал:

— Проклятье этому демону с одной тенью!

— Может быть, тебе помогло, если бы ты попытался узнать, какой бог дает силу его заклинаниям?

Шуга поглядел на меня еще свирепее.

— Я учу тебя, как вырезать по кости? Почему же ты решил

учить меня магии? Не думаешь ли ты, что я плохо знаю свое дело? Я проверил устройство на присутствие богов каждого из известных пантеонов и... безрезультатно.

— Возможно,— предложил я,— оно основано на другом принципе работы? Пурпурный, насколько можно понять, ни к каким богам вообще не обращается. Может быть, что...

— Тогда каким образом его устройства работают?— закричал Шуга.— С помощью суеверия?

— Я не знаю, но... может быть, он черпает свою власть из какого-нибудь другого источника. А может быть...

— Лэнт, ты глупец! Почему ты упорно продолжаешь болтать о том, в чем нисколько не разбираешься. Если ты собираешься говорить с волшебником о магии, то постарайся хотя бы говорить достаточно разумно.

— Но как раз поэтому я и спрашиваю...

— Суеверие, Лэнт, это безвредная болтовня, которую повторяют настолько часто, что люди и в самом деле начинают в нее верить. И вот тогда она уже не безвредна. Магия, с другой стороны, оперирует тщательно сконструированными уравнениями символов, предназначенных для управления определенными силами и предметами. Магия действует всегда, веришь ли ты в нее или же нет.

— Понял,— ответил я.— Не думаю, что Пурпурный действует при помощи суеверия.

— Я тоже так думаю,— согласился Шуга.— Слишком большой силой он обладает.

— Но ведь не видно, что он действует при помощи магии!

— Не предполагаешь же ты, что устройства Пурпурного могут работать вне зависимости от богов?

Шуга поглядел на меня так и сказал эти слова таким тоном, словно обращался к сумасшедшему. Меня это рассердило.

— Такие вещи возможны. Вилвил как-то признался мне, что часто проверяет новые велосипеды без благословения. Совсем стал беззаботным и забывчивым. Но ничего плохого с ним не случилось.

— Вилвил и Орбур под моей защитой. Вспомни, вместо платы за помощь в изделии летающие заклинания.

— Да, я помню. Но я бы предпочел, чтобы они получали что-нибудь более существенное.

Шуга игнорировал мое замечание.

— Я в любом случае оберегаю твоих сыновей, так что какая-то поездка Вилвила на неблагословленном велосипеде ничего не доказывает. Кроме того, если все остальное было выполнено как надо, то благословение велосипеду не обязательно.

— И все равно я скажу, что устройства, не зависящие от богов, возможны.

Шуга посмотрел на меня.

— Ты кажешься излишне самоуверенным.

— Однажды в детстве я воспользовался неблагословленным рыболовным удилищем. Я сделал его сам.

— И что дальше?

— Я поймал рыбу.

Шуга фыркнул.

— Лэнт, это ничего не доказывает. Если бы ты благословил удилище и смыл крючок как положено, ты бы поймал в десять раз больше рыбы. А так ты доказал только одно — что сделал удилище пригодным для ловли. Что тебе требовалось для этого эксперимента, так это контрольный образец — точно такое же удилище, только благословленное и омытое. Тогда бы ты увидел, на какое из них можно было поймать больше рыбы.

— Ты говоришь так, будто сам ставил такой эксперимент.

— Не с рыбой. С ловушкой.

Он заметил мое удивление и сказал:

— Любой начинающий волшебник, будучи учеником, должен доказать самому себе, по крайней мере, однажды, что магия — огромная сила. Невозможно стать волшебником, если в твою душу впало зерно сомнения. Позволяя ученику удовлетворить свое любопытство, мы укрепим в нем веру в себя. Этот простенький эксперимент — такой может кто угодно придумать — на самом деле тест, который может быть повторен множество раз. И всегда результат будет одним и тем же.

— Какой?

— Получается, что в ловушку с благословленной приманкой попадается вдвое больше кроликов.

— Да? Может быть, это просто потому, что приманка для кроликов в благословленной ловушке становится более соблазнительной?

— Конечно,— ответил Шуга.— Как раз это и подразумевается. Вся цепь заклинания — это стремление сделать приманку пособлазнительнее. Ловушки — простые устройства, Лэнт. Простые устройства не всегда нуждаются в магии, зато результаты ее сразу видны. Сколько, скажем, частей было в твоей удочке?

— Три. Удилище, леска и крючок.

— Верно, всего три. Тем не менее леска может порваться, наживка соскочить, крючок не зацепиться. А ведь это в простом устройстве, которому и не обязательно быть особенно надежным. Подумай, Лэнт! Подумай о конструкции, в которой много движущихся частей. Необходимо, чтобы они все были в полном порядке, прежде чем вся конструкция сможет работать. Подумай, например, о велосипеде.

Я собрался было ответить, но Шуга оборвал меня.

— Не перебивай. У велосипеда много движущихся частей: колеса, шкивы, руль, педали, оси. Все эти части должны быть точно вырезаны и аккуратно подогнаны друг к другу, иначе велосипед просто не поедет. Далее, теоретически, совершенная машина возможна... но на практике, ну, когда ты имеешь машину, которая обязана быть точной просто потому, что иначе не станет функ-

ционировать, тогда влияние магии становится чрезвычайно важным. Если неудачна только одна часть, только одна, то бесполезна вся машина. Простое устройство не нуждается в магии, потому что его действия усиливаются самыми простыми заклинаниями, сложному же устройству требуется и более сложные заклинания только для того, чтобы оно вообще работало. Слишком много может получиться не так. Скажи, Лэнт, сколько частей в велосипеде?

Я пожал плечами.

— Никогда не считал. Очень много, я думаю.

Шуга кивнул.

— А сколько частей в летающем гнезде незнакомца?

Я покачала головой.

— Я не знаю.

— Больше чем у велосипеда?

— Несомненно,— ответил я.

— Ты очень наблюдателен, Лэнт. Я уверен, что там должно быть, по меньшей мере, тысяча разных частей. На основании своих собственных детальных экспериментов я могу сказать, что летательный амулет на самом деле очень сложное устройство. В гнезде Пурпурно-Серого должно быть очень много движущихся частей, и все должны работать в очень точном взаимодействии. Малейшая ошибка и — пуфф! Ничего не получится. Для меня вполне очевидно, что чем больше у машины частей, тем больше у нее возможностей сломаться. А теперь ты стоишь здесь и стараешься убедить меня, что чужак заставляет все эти части работать с абсолютной точностью без помощи магии вообще...

Я закивал. Шуга говорил очень убедительно. Определенно, он уже обдумал весь этот вопрос в целом глубже, чем я себе представлял. Но, конечно, это и была его работа, как волшебника. Можно чувствовать себя спокойно — выполнит он ее хорошо. Я улыбнулся ему.

— То же самое можно сказать и о всех других его устройствах, не так ли?

— Ты начинаешь замечать очевидное, Лэнт,— кивнул он.

— Им необходимо столько магии, что впору дымиться от заклинаний, верно?

Шуга вновь кивнул.

— Значит, ты раскрыл секрет светового устройства, Шуга! — воскликнул я.— Оно столь сложно, что остальное очевидно, так?

— Не так. Оно настолько просто, что в этом-то и вся загадка.

— Хм-м...

— Все, что следовало сделать, это разобрать устройство и посмотреть, что мне это даст.

Он махнул на верстак. На нем лежали всего четыре предмета, элементы светового прибора чужака: пустая оболочка, кристаллическая линза, плоская пластина и внутренняя коробочка, по форме напоминающая внешнюю оболочку. Шуга вертел этот предмет и так и эдак, но не мог найти места, где бы этот предмет откры-

вался. Коробочка эта была твердой и сплошной, и мы никак не могли догадаться, что же у нее внутри. Раскрыть ее нам никак не удавалось, а применять силу Шуга не хотел, он боялся испортить устройство.

— Ты так и не добился от него никаких изменений? — спросил я.

— Не совсем так. Одного я все же добился...

— И какого?

— Свет. Он совсем исчез и больше не появлялся.

— О!

Я наблюдал, как Шуга, насупившись, снова собрал предметы вместе. Он сдвинул скользящую пластинку. И ничего не случилось. Он покрутил туда-сюда вращающуюся выпуклость. Опять ничего.

— Я не думал,— пробормотал он.— Я надеялся, что заклинание восстановится, если дать ему отдохнуть, но тут, очевидно, я ошибся.

— Тогда почему бы тебе не вернуть его Пурпурному?— поинтересовался я.

— Что? Или ты считаешь, что я сам неспособен решить эту проблему.

— Да нет же, Шуга,— запротестовал я.— Я уверен, что ты ее решишь. Я только подумал... ну, если Пурпурный сделал что-то такое, что отменяет первоначальное заклинание... а ты об этом не знаешь. Возможно, он оскорбил кого-то из богов.

Шуга задумался.

— Может быть, ты и прав. Ты же уверен в моем мастерстве волшебника, Лэнт?

И он пристально посмотрел на меня. Я поспешил его заверить:

— Шуга, у меня нет никаких сомнений в уровне твоих знаний.

Это несколько успокоило его.

— Хорошо. Без сомнения, теперь мы можем навестить Пурпурного и узнать, почему устройство перестало работать.

Глава 6

Мы нашли Пурпурного на восточном пастбище. Он что-то колдовал над своим приспособлением. Я огляделся, но устройства, бросающего красный огонь, не заметил. Очевидно, он его с собой не взял. Приспособление, с которым он возился на лугу, казалось безобидным.

Пурпурный прохаживался по лугу, что-то довольно бормоча себе под нос, когда Шуга прервал его занятие и протянул испорченное устройство. Пурпурный взял устройство, несколько раз попробовал его включить, затем открыл и проверил внутренний цилиндр. Он обратил внимание, что его поверхность стала красной.

— Ну, конечно, он и не должен работать. Батарея сдохла.

Шуга побледнел.

— Батарея? Почему ты мне не сказал, что там внутри живое существо? Я даже не знал, чем его накормить.

— Да нет же,— рассмеялся Пурпурный.— Ты не понял.

— Я понял все достаточно хорошо,— заявил Шуга.— Ты доверил мне живое существо, даже не сказав об этом. Не стоит удивляться, что оно, заключенное в этот крошечный ящик без воды и пищи, умерло. Теперь из-за тебя я повинен в смерти живого существа и должен произнести молитвы за упокой его души.

Пурпурный справился со смехом.

— Да послушай же меня, Шуга, послушай! Батарея — не живое существо. Это устройство, предмет, который хранит в себе энергию.

— А-а,— произнес Шуга,— скрытое заклинание.

Он оглядел механизм и спокойно спросил:

— Какого бога мне нужно ублаготворить, чтобы восстановить ее силу?

Пурпурный опять засмеялся.

— Ты опять не понял. Да я это для тебя сделаю.

Он потянулся за устройством, но Шуга воспротивился.

— Почему ты не можешь сказать мне, как ее восстановить?— потребовал он.— Зачем мне устройство, если я буду постоянно обращаться к тебе, если его сила истощается? Каким волшебником я буду после этого? А в дальнейшем, что будет, если ты уедешь, как я это восстановлю? Если бы я, по крайней мере, знал, какие боги...

— Никаких богов,— заявил Пурпурный.— Вообще никаких богов. Ваши боги не могут восстановить силу этого устройства. Дай его мне, Шуга. Я сам все сделаю.

Шуга отдернул руку, словно ужаленный.

— Боги не могут восстановить силу устройства! Только ты это можешь сделать?

— Успокойся, Шуга,— попросил Пурпурный.— Устройство работает без помощи богов, оно в них не нуждается.

Шуга закрыл устройство рукой и заговорил медленно и осторожно:

— Ты надо мной смеешься? Ни одно устройство не может работать без помощи богов.

— А это работает. Точно так же, как и остальные мои устройства.

Тон Шуги стал немного резким.

— Пурпурный, это ты не понял. Неужели ты можешь отрицать власть богов? За такие слова Элкин обрушит молнии на твою голову. Я тебя предупредил...

— Звучит вполне правдоподобно,— перебил его Пурпурный.— Особенно в том случае, если бы здесь присутствовал сам Элкин или другой бог. У вас этих богов столько, что я до сих пор не успел их пересчитать. Ох уж эти примитивные суеверия, порожденные невежеством, пытающиеся объяснить необъяснимое.

Я сожалею, Шуга, но не смогу объяснить тебе всего — ты такая же их жертва, как и хозяин.

Тут он замолчал.

— Это все? — спросил Шуга.

— Да, боюсь, что так,— ответил тот.

Шуга задумчиво посмотрел на устройство, которое все еще сжимал в руках.

— Пурпурный,— начал он медленно и резко, но в голосе его ощущалась сдержанность.— Если бы не твои устройства, я бы подумал, что ты либо дурак, либо богохульствующий красный волшебник. Но возможности твоих устройств таковы, что ты не можешь быть ни дураком, ни заблуждающимся. Следовательно, ты должен быть еще кем-то.

Он помолчал, потом добавил:

— Я хочу знать, кто ты такой. В наших беседах ты постоянно пользуешься понятиями, которые не имеют смысла, но намекают на него. Я уверен, ты знаешь такие вещи, о которых я и понятия не имею. Твои устройства это доказывают яснее ясного. Я хочу знать эти секреты.

Он снова замолчал, потом с трудом пересилил себя и спросил: — Ты меня научишь?

Слова Шуги напугали меня. Никогда раньше я не видел его таким смирным. Должно быть, страстное желание выведать секреты чужака поглотило его целиком, иначе к чему так унижаться.

Пурпурный долго смотрел на Шугу.

— Да,— сказал он тихо, словно бы себе.— Да... это единственный путь — учить местных шаманов, дать им знания. Но, Шуга, сперва ты должен понять, что боги — это не боги, а атрибуты вашей веры.

Шуга кивнул.

— Эта теория мне знакома.

— Отлично,— ответил Пурпурный.— Возможно, ты не так примитивен, как я думал.

— Эта теория,— продолжал Шуга,— одна из ключевых теорий, на которых основана вся магия — боги принимают формы, необходимые для их функции, и эти функции определяются...

— Нет, нет,— оборвал Пурпурный.— Люди не понимают, как Луны вызывают приливы, поэтому вы придумали Нэвила — бога приливов и покровителя картографов. Вы не понимаете, как под воздействием огромных масс раскаленного воздуха образуется ветер, поэтому придумали Макс-Вотца — бога ветров. Вы не понимаете связи между причиной и следствием, поэтому вы и придумали Либа — бога магии.

Шуга хмурился, но кивал. Он очень старался понять.

— Я знаю, как это происходит, Шуга,— сказал Пурпурный снисходительно.— Неудивительно, что у вас так много богов. Вера в одного Бога начинается с одного Солнца. А у вас тут два Солнца и одиннадцать Лун. Вся планетная система скрыта пылевым облаком...— он заметил, что Шуга нахмурился еще сильнее, и бы-

стро поправился,— нет, забудь об этом. Это только сбивает тебя с толку.

Шуга кивнул.

— Тогда слушай внимательно, Шуга. Есть нечто большее, чем ваши боги, но ты и твои соплеменники забыли, что сами их создали, а потом начали думать наоборот, что боги создали вас.

Шуга поежился, но ничего не сказал.

— Теперь я постараюсь научить тебя тому, что могу. Я был бы рад этому. Чем скорее ты и твои сородичи отбросят свои примитивные суеверия и признают единственно правильное...— в этом месте говорящее устройство снова запнулось,— ... магию, тем скорее вы унаследуете огни в небе.

— Хм!— произнес Шуга.— Что еще за огни в небе? Ты имеешь в виду те слабые призрачные светлячки, которые изредка появляются, и на одном и том же месте почти никогда снова.

Пурпурный кивнул.

— Ты не можешь видеть их такими, как я, но когда-нибудь, Шуга, когда-нибудь твой народ построит свои собственные летающие амулеты, и...

— Да, да, конечно,— произнес Шуга страстно.— Покажи мне эти летающие амулеты. Какие боги?

— Никаких богов, Шуга. Именно это я и стараюсь тебе растолковать. Летающие устройства созданы не богами, а людьми, такими же, как я.

Шуга открыл рот, но чуть не подавился и лишь прохрипел:

— Создано... людьми...

Пурпурный кивнул.

— Тогда это должно быть очень простое устройство, насколько я представляю... ты меня научишь?

— Я не могу,— запротестовал Пурпурный.

— Не можешь? А сам только что говорил, что будешь меня учить.

— Нет, нет... Я имел в виду, что научу тебя своей...— говорящее устройство опять не смогло перевести это слово,— магии, но не могу обучить тебя своим летающим заклинаниям.

Шуга покачал головой, уяснив сказанное.

— Твое летающее устройство — это не магия?

— Наверно. Она...— говорящее устройство опять замкнулось,— ...магия.

Я почувствовал, что терпение Шуги истощилось.

— Так ты собираешься научить меня летать или нет?

— Да... но это твои потомки будут летать...

— Тогда зачем мне это?

— Я имел в виду, что твои дети и твои внуки.

— У меня нет детей,— отрезал Шуга.

— Да не об этом я... Я подразумевал, что дети и внуки твоих соплеменников. Летающие устройства настолько сложны, что уйдут годы, прежде чем его изучат и построят.

— Так давай начнем,— потребовал Шуга нетерпеливо.

— Но у нас ничего не получится,— запротестовал Пурпурный,— до тех пор, пока ты не изучишь основы... магии.

— Я уже знаю основы магии! — воскликнул Шуга.— Учи меня летающему заклинанию!

— Да не могу я! — воскликнул в ответ Пурпурный.— Это для тебя слишком сложно.

— Тогда почему ты сказал, что будешь учить, если уже не будешь? — завопил Шуга, раскрасневшись.

— Я не сказал, что не буду,— громыхнул Пурпурный,— я сказал, что не могу!

И тут Шуга вышел из себя.

— Пусть у тебя будет множество безобразных дочерей,— начал он.— Пусть паразиты от десяти тысяч грязных скотов заполнят твои штаны.— Его голос поднялся до пугающей высоты.— Чтоб разлетелось твое гнездовое дерево! Чтоб ты никогда не получил подарок, который тебе понравится! Чтоб бог грома ударил тебя в коленку!

То были только эпитеты, ничего более, но в устах Шуги и этого было достаточно, чтобы побледнел даже я, невинный храбрый зритель. Я подумал, не выпадут ли у меня волосы от присутствия при демонстрации такого гнева.

Пурпурный сохранял спокойствие. Я позавидовал его мужеству перед лицом такой ярости.

— Я уже говорил тебе, Шуга, что твоей магии я не боюсь. Я выше этого.

Шуга набрал побольше воздуха.

— Если ты не прекратишь, я буду вынужден использовать вот это!

И Шуга вытащил из складок своей одежды куклу. По странным пропорциям и раскраске я догадался, что кукла изображает Пурпурного. Но Пурпурный даже не вздрогнул, как сделал бы это любой нормальный человек на его месте.

— Используй,— согласился он,— иди и используй. Только не мешай мне работать. Балансировка вашей всепланетной экологической системы развивалась в инертном направлении. У животных развились очень необычные железы внутренней секреции для контроля функций тела. Я таких ни разу не встречал.

Пурпурный опять обратился к своим устройствам, движением пальца сделал что-то с одним из них — и целый участок восточного пастбища взлетел вверх.

Шуга в отчаянии нахмурился. Пурпурный только что надругался над красивейшим пастбищем деревни, одним из самых замечательных пастбищ Ротн-Бэйна — бога овец. Кто знает, каким будет вкус у баранины этой весной?

И тут Пурпурный принялся собирать кусочки почвы и складывать их в маленькие контейнеры. Он собирал помет!!! Да разве можно одному человеку нарушать столько основных законов магии и уцелеть!!! Законы магии очень строги! Любой глупец каждый день может видеть их в действии — даже я был знаком с ни-

ми,— они управляли всем миром, и влияние их было просто и очевидно.

Я не удивился, когда Шуга с мрачной решимостью положил на траву куклу и поджег ее. Я также не удивился, когда от куклы осталась только горстка белого пепла, а Пурпурный так и не обратил на это внимания.

Шуга смотрел на него в ужасе. Сама беззаботность Пурпурного воспринималась в крайней степени оскорблением. Когда мы уходили, он копался внутри одного из своих щелкающих ящиков. Он даже не заметил, что мы покинули его.

Глава 7

Шуга пристально всматривался в небо, наморщив лоб. Оба Солнца стояли еще высоко — крупный красный диск и голубовато-белая точка. Голубое Солнце стояло на краю красного, готовясь начать долгий путь по его лицу.

— Дух Элкина,— бормотал Шуга,— я не могу воспользоваться солнцами, их расположение непостоянно. Остаются только Луны, но они образовали конфигурацию «Грязевая Вонючка».— Он швырнул через поляну огненный шар.— Восьмилунная Грязевая Вонючка,— он подбоченился и закричал в небо:— За что ты меня, Суале! За что? Что я сделал обидного, что ты проклял меня таким неблагоприятным расположением Лун? Разве я не клялся служить тебе всю жизнь?

Но ответа не последовало. Я и не думал, что Шуга ждет его. Он вернулся к своим волшебным атрибутам.

— Ну и ладно. Раз ты подсовываешь мне Вонючку, пусть будет Вонючка. На, Лэнт, подержи-ка,— и он подтолкнул ко мне большой короб.

Шуга рылся в своем оборудовании, не переставая что-то бормотать. Вокруг него выстроилась странная коллекция заклинающих приспособлений.

— Для чего все это?— Я указал на кучу.

Шуга, казалось, не слышал моего вопроса, продолжая что-то прикидывать в голове, потом принялся складывать приспособления назад в короб.

— Так для чего все это?— повторил я.

Шуга взглянул на меня.

— Лэнт, ты глупец! Это,— он со значением приподнял свой груз,— чтобы доказать чужаку, что нельзя шутить с богами полного живота.

— Мне страшно спрашивать, но все же, что это?

— Заклинания... Тебе остается только подождать и вместе с другими увидеть их действие.

И он целеустремленно зашагал к лягушачьим прудам. Я поспешил за ним. Удивительно, как быстро способны нести Шугу его коротенькие тоненькие ножки.

На возвышении над летающим гнездом уже собралась возбу-

жденная толпа жителей деревни. Когда появился Шуга, люди взволнованно зашептались — слух о том, какое оскорбление нанес ему Пурпурный, разнесся быстро. Собравшиеся напряглись от ожидания.

Шуга игнорировал их присутствие. Он пробился сквозь беспорядочную толпу и сердито направился к гнезду Пурпурного, не обращая внимания на грязь, чавкающую у него под ногами и забрызгавшую край его накидки.

Он трижды, не останавливаясь, обошел вокруг гнезда, осматривая его со всех сторон.

Мне было неясно, то ли он уже начал заклинания, то ли еще только прикидывал ситуацию. Какое-то время он простоял, разглядывая нижнюю часть гнезда, напоминая художника, погрузившегося в размышления над чистой шкурой. Затем он быстро и сосредоточенно шагнул вперед и куском мела быстро и решительно нарисовал на боку гнезда Пурпурного рогатый знак.

Заинтересованный задумчивый шепот прошел по толпе.

— Рогатый знак... рогатый знак!..

Это заклинание должно было относиться к ведению Ротн-Бэйра — овечьего бога. Собравшиеся стали деловито обсуждать происходящее. Ротн-Бэйр был не особенно могущественным, но особенно раздражительным. Большинство заклинаний Ротн-Бэйра относились к плодородию и собранию пищи. Мало что могло разгневать овечьего бога, но уж если Ротн-Бэйра что-то должно было вывести из себя, то Шуга должен был знать заклинание. Толпа гудела от любопытства. Каждый прикидывал, какую форму примет законченное заклинание.

Шуга кончил рисовать. Бездумно стряхивая мел с рук, он подошел к топкому берегу реки. Затем принялся расхаживать взад и вперед вдоль него, что-то обдумывая. Неожиданно обнаружил то, что искал, и как раз над поверхностью воды. Попытался схватить искомое, погрузив руки в воду без малейшего всплеска. Когда он выпрямился, рукава накидки были мокрые, а в руке он сжимал коричневого слизняка. Немного погодя я почувствовал омерзительный запах грязевого вонючки.

Запах достиг остальных, и по толпе пронесся шепот одобрения. Вражда между Ротн-Бэйром — овечьим богом, и Нильном — богом грязевых существ, была хорошо известна даже непосвященным. Очевидно, Шуга задумал заклинание, построенное на взаимной антипатии двух богов.

Моя догадка оказалась верной — я гордился своим практическим пониманием основных заговоров и законов магии.

Грязевый вонючка был разрезан Шугой по брюху. Потом Шуга ловко извлек вонючую железу, поместив ее в костяную чашку. Я узнал чашку, вырезанную и освященную для него мной самим. Она была изготовлена из черепа новорожденного ягненка и посвящена Ротн-Бэйру. Сейчас же он осквернил ее самой отвратительной частью вонючки. И, несомненно, привлек внимание овечьего бога.

Он отставил чашку в сторону и вернулся к вонючке, лежащей в болотной луже, поднял его и умело отрезал голову, даже не вознеся молитву за его душу. Этим он осквернил ее смерть. И, несомненно, привлек внимание Нильна.

Используя мочевой пузырь слизняка вместо чашки, он начал изготовлять зелье из растертой кости, экстракта голода, сушеной овечьей крови и некоторых других компонентов, которые я не мог определить с такого расстояния. Я подозревал, что все они были предназначены для того, чтобы вызвать дух Нильна, хотя еще не совсем ясно, каким образом.

Шуга осмотрел гнездо сумасшедшего волшебника со стороны, обращенной к реке, а затем принялся широкими полосами наносить водяное зелье на черный бок гнезда, рисуя решетку из одиннадцати полос.

Эта часть заклинания должна была разгневать Нильна. Шуга осквернил грязевое существо для того, чтобы прославить величие Ротн-Бэйра — рогатый знак, изображенный на противоположной стороне гнезда.

Он вернулся к костяной чаше с вонючей железой слизняка и с помощью большой кости растер железу в дурно пахнущую пасту. Затем смешал ее с овечьей кровью, порченной водой и зеленоватым порошком из своего ранца. Я узнал порошок — это был экстракт страха, обычно используемый там, где желательно могущественное заклинание. Его получали из раздробленных копыт животных. Надо было пожертвовать шесть овец, чтобы получить его небольшое количество, которое Шуга добавил сейчас к своему зелью. Нагнувшись к нижней части гнезда, Шуга начал изображать знакомый символ поверх мелового рисунка рогатого знака. Это был знак Нильна — диагональная полоса с двумя пустыми кругами с каждого края.

Толпа оценивающе затаила дыхание. Присутствовать при таком оригинальном нанесении заклинания доставляло истинное наслаждение. Не удивительно, что его прозвали Шуга-Высокий. Ротн-Бэйр не мог позволить долго просуществовать подобному ужасному оскорблению своих овец. И Нильн — бог грязевых существ — недолго будет благодушествовать, если грязевые вонючки будут приноситься в жертву Ротн-Бэйру.

Вражда двух богов проявлялась всякий раз, когда овец гнали к воде. Овцы неаккуратны и неуклюжи. Когда они толпятся на берегу, то давят множество лягушек, змей, ящериц, хамелеонов и прочих амфибий, которые живут в грязи. В то же время многие из наиболее опасных живых существ, ядовитых и клыкастых, со злобой нападают на овец, раня им ноги, портя шерсть, заражая паразитами, награждая гноящимися язвами, оставляя кровавые следы от сердитых укусов и царапин.

Два бога ненавидели друг друга и в своих разнообразных воплощениях — таких как овцы и грязевые существа — не жалели сил, чтобы уничтожить друг друга при первой же возможности.

Сейчас же Шуга нарисовал оскорбления обоим на одном и том

же гнезде. Он осквернил воплощения каждого из них для того, чтобы прославить величие другого. Если Пурпурный немедленно не принесет возмещение, то пострадает от ярости обоих богов одновременно.

Пурпурный заявил, что он в богов не верит. Он отрицал их существование. Он отрицал их власть. Он утверждал, что выше магии Шуги.

Я надеялся, что вернется он вовремя, чтобы увидеть действие заклинания.

Я пошел с Шугой вниз к реке и помог ему в ритуальном очищении. Ему было необходимо очиститься от следов проступка против обоих богов, иначе он пострадал бы от собственного проклятия. Боги иногда близоруки. Я окропил его шестью различными маслами, прежде чем позволил хотя бы вступить в реку (неразумно обидеть Филфо-мара — речного бога).

Мы не успели кончить с очищением, как услышали, что действие проклятия началось. До нас донеслись слитные крики толпы и смутный гул. Шуга завернулся в накидку и поспешил на холм. Я возбужденно последовал за ним.

Глава 8

Мы добрались до гребня холма вовремя, чтобы увидеть свирепого барана, яростно бодающего гнездо Пурпурного. Набежали еще несколько баранов и тоже ринулись в атаку на черный шар. Гнев их был в основном сосредоточен на осквернённом знаке Ротн-Бэйра. Казалось, их раздражало само вещество символа. Запах грязевого вонючки достаточно могущественен, чтобы разъярить любого.

Тяжело дыша, с покрасневшими глазами, бараны сталкивались, пихались, даже били в бешенстве друг друга лбами, только чтобы атаковать ненавистный символ, нанесенный на боку летающего гнезда. При каждом их ударе ужасающий гул эхом разносился по холмам.

И каждый удар сопровождался громким весельем толпы. Я ожидал, что в любой момент кто-нибудь из баранов проломится сквозь стенку этого мрачного жилища — но нет, эти стенки оказались крепче, чем я предполагал. Каждый раз, когда баран ударял в него, гнездо, казалось, на мгновение немного приподнималось в грязи и тут же опускалось в нее — это был единственный эффект, который я мог наблюдать. Блея от бешенства, бараны неистовствовали, нападая на оскорбительный рисунок,— они являли собой живое воплощение гнева Ротн-Бэйра. Снова и снова бросались они на тусклую черную поверхность.

Старый Харт, вожак, сбил себе оба рога (они сами по себе священные атрибуты, и я скорбел, оплакивая потерю). Несколько других баранов тоже пострадали. Их глаза налились кровью от ярости, ноздри широко раздувались, дыхание вырывалось горячими выхлопами пара, звуки блеяния и фырканья наполняли воз-

дух. Пар поднимался от тел, копыта шлепали по грязи, сминали траву и грязь в сплошную жижу.

Некоторые бараны уже хромали, и, пока мы наблюдали, одно из старых животных поскользнулось и покатилось по грязи, столкнулось с двумя другими, свалило их. Все трое оказались под ничего не разбиравшими копытами других баранов. К сердитому фырканью прибавилось хрюканье боли, шум падения и глухой гул, который раскатывался по склону каждый раз, когда на стенку гнезда Пурпурного падали удары. Сила и выносливость животных превосходила все мыслимое, они продолжали карабкаться друг на друга, бодая оскорбительное заклинание.

При каждой новой атаке гнездо приподнималось от земли и грозило соскользнуть вниз по склону, и каждый раз, помедлив, оседало назад и выдавливало себе из грязи колыбель. Несколько раз оно придавливало изгибом стенки зазевавшихся животных.

Я чувствовал, как во мне вздымается волна возбуждения — в любой момент гнездо Пурпурного должно было завалиться на бок. И тут внезапно три барана одновременно ударили в гнездо. Оно, казалось, подпрыгнуло в воздух. В тот момент, когда оно приподнялось из своего углубления, в него ударил еще один баран, как бы продолжая это движение. С громким влажным хлюпаньем гнездо вдруг заскользило вниз по склону. Разъяренные бараны ринулись за ним, бодая всю дорогу, забивая грязь копытами,— через все тщательно террасированные лягушачьи садки Лига прошел длинный глубокий шрам. Я вопил от восторга вместе со всеми.

Огромный черный шар врезался в реку с громким чмоканьем и брызгами, у жителей деревни вырвался истошный крик восхищения.

Молчал только я — ужасающее гнездо ни на сколько не отклонилось от своего правильного вертикального положения. Заметил ли это Шуга? Его хмурость и озадаченность были не меньше моих.

Но гнездо находилось в реке! Бараны, увязая в грязи, скользили по склону, уничтожая то, что еще уцелело от лягушачьих прудов, настигая противника. Чуть ли не весело, они бросились в воду, продолжая наносить удары по жилищу Пурпурного.

Часть из них толпилась на берегу, меся грязь. Грязевые вонючки и саламандры в панике копошились под их копытами, к кровавым пятнам на боках обезумевших животных добавились новые оттенки. Раздавленные грязевые вонючки смешивались с овечьей кровью. Невыносимый запах настиг нас на вершине холма вместе с истерическим блеянием и хлопками.

Теперь черное гнездо оказалось в пределах досягаемости Нильна. Пока только Ротн-Бэйр имел возможность отомстить за оскорбление. Сейчас же берега вскипели, точно живые, когда саламандры, ящерицы, крабы, ядовитые змеи и прочие речные создания начали выбираться из грязи и темноты. Они копошились на

взбаламученной поверхности и атаковали все, что двигалось, но чаще — баранов.

Бараны продолжали заниматься гнездом, безразличные к обитателям ила, запутавшимся в их шерсти, свисающих с боков, бьющим по ногам. Их когда-то округлые, а теперь изодранные и исцарапанные бока были испещрены красными пятнами, и широкими полосами ила от грязной речной воды. Это зрелище внушало благоговение — овцы и речные создания, вместе атакующие неподвижную черную сферу.

Жители деревни выстроились на гребне холма и радостными криками приветствовали неистовую активность внизу. Один-два пастуха похрабрее попытались было спуститься вниз, к реке, но щелканье клешней крабов быстро прогнало их наверх.

Бараны теперь двигались медленнее, но все же продолжали тесниться вокруг жилища Пурпурного, все еще продолжая толкать его, вскарабкиваясь на тела упавших товарищей. Вода стала розовой. По берегам реки кишели рассерженные грязевые вонючки. Это было зрелище, достойное богов. Толпа продолжала дико веселиться и даже начала распевать хвалебные гимны в честь Шуги. Заводилой был Пилг Крикун.

Гнев баранов начал утихать. Некоторые уже взбирались наверх, скользя и шлепаясь в свою собственную кровь, съезжая назад по илистой почве. Два-три барана ушли под воду и больше не показывались.

Грязевые создания тоже начали успокаиваться — и пастухи, соблюдая осторожность, осмелились спуститься вниз, чтобы позаботиться о своем израненом стаде.

— Красивое заклинание, Шуга,— поздравил я его.— Красивое и такое сильное.

И действительно, по мере того как взбаламученная пена реки начала спадать, открывая всю степень разорения, некоторые из жителей начали даже ворчать, что, возможно, заклинание действительно было слишком сильным. Один из членов Гильдии Советников проворчал:

— Только поглядите на эти разрушения! Это заклинание должно быть запрещено!

— Запретить и оставить нас беззащитными перед врагами?— возразил я.

— Ну,— поправился он,— наверное, надо удерживать Шугу от того, чтобы он использовал его против друзей. Он может применять это только против чужаков.

Я кивнул, соглашаясь.

На истоптанной грязи склона лежали мертвыми, по крайней мере, одиннадцать наших овец, грязевые существа беспорядочно копошились на их неподвижных или все еще вздымающихся боках. Четыре барана были втоптаны в землю, другие, подальше, лежали с повернутыми под неестественными углами головами — они сломали себе шею, бодая гнездо Пурпурного. Три тела с открытыми ртами лежали под водой. У уцелевшей части стада на

боках и ногах виднелись многочисленные следы укусов грязевых вонючек. Несомненно, большинство из этих укусов позднее станут гноящимися ранами, и еще много баранов умрет по прошествии некоторого времени.

Обитатели ила будут злобствовать еще несколько дней. Будет опасно купаться, и, вероятно, овцы еще долго не посмеют вернуться к реке, и их придется водить на водопой к горным ручьям. Лягушачьи садки уничтожены полностью, их предстоит еще восстанавливать где-то в другом месте.

Алг, обозрев свой испоганенный склон, сердито стонал и заламывал руки. И наконец, гнездо сумашедшего волшебника перегородило реку. Вода, встречая препятствие, перехлестывала через южный берег бурным потоком. Она уже прокладывала себе новое русло.

Но какое это имело значение? Невелика цена за ущерб, нанесенный чужаку. Принимая во внимание грандиозность задачи, потери были невелики. Мы могли гордиться Шугой. Тогда почему вдруг стало так тихо? Я посмотрел налево и увидел Пурпурного, стоящего на гребне холма.

Глава 9

Он стоял там, а вокруг парили его устройства. Все внимание толпы переключилось на него. Пурпурный стоял, уперев руки в бедра, и задумчиво смотрел вниз, на свое гнездо. Как долго он уже там?

— Очаровательно,— произнес Пурпурный и начал быстро спускаться по склону. Его устройства запорхали следом. Гнездо торчало посреди реки, похожее на огромное яйцо. Сильный водяной поток огибал выпуклые бока, гневно рассыпая брызги вверх и на утоптанный берег. Свирепые грязевые существа пытались вскарабкаться на его тусклую черную поверхность, решительно добираясь до знаков заклинания. Комья грязи, клочья окровавленного меха смазали его края, но магические рисунки Шуги все равно были видны, словно он выгравировал их на поверхности. Гнездо стояло непоколебимо, надменно нацеливаясь носом вертикально вверх. Меня это насторожило. Я искал глазами вмятины на стенках поверженного гнезда чужака. Они определенно должны были остаться от бараньих рогов, но не обнаружил ничего.

Пурпурный зашагал по склону прямо вниз к воде. Ни комочка грязи не прилипало к его необычным сапогам, в отличие от нас с Шугой. Мы были в грязи по бедра. Несколько грязевых вонючек напали на волшебника, когда он вошел в воду. Пурпурный не обратил на них внимания. А твари, казалось, не могли вцепиться ему в ноги. Он остановился под выпуклостью гнезда, и мы ожидали, что он сейчас разразится криками ярости.

Но как ни в чем не бывало, Пурпурный начал коротким инструментом осторожно соскабливать кусочки заклинания Шуги

и складывать их в прозрачные мешочки. Его безумное говорящее устройство продолжало передавать его ворчание:

— Очаровательно... сила этих желез секреции, контролирующая функции тела, такова, что я ни с чем подобным раньше не сталкивался. Интересно, возможно ли этот эффект воспроизвести искусственно?

Дважды он принюхивался к тому, что соскребал, и дважды ронял слово, которое говорящее устройство не могло перевести. Когда он кончил, то окунул руки в воду, чтобы смыть их, ненароком обидев Филфо-мара, обычно доброго речного бога.

Пурпурный вернулся к овальной двери своего гнезда. Оно шло вровень с выпуклой стенкой, но было обведено оранжевой краской, чтобы сделать ее заметной. Он надавил на квадратную выпуклость, дверь скользнула в сторону, и он исчез внутри гнезда.

Мы ждали. Останется ли он в своем гнезде и будет жить посреди нашей реки?

Внезапно летающее гнездо зажужжало и поднялось футов на двадцать в воздух. Я завопил вместе со всеми — бессильный крик ярости. Гнездо в одно мгновение превратилось из черного в серебряное, должно быть, стало невероятно скользким, так как все частицы грязи, кровавые ошметки, остатки заклинаний Шуги начали стекать с его поверхности вниз, и комком грязи шлепнулись обратно в реку.

Гнездо вновь стало черным. Оно горизонтально полетело над землей и мягко приземлилось — на несколько ярдов западнее места, на котором стояло час назад. Только теперь оно возвышалось на краю участка истоптанной грязи, на которой бараны и грязевые существа сражались, чтобы его уничтожить.

Я увидел, как Шуга сел там же, где стоял. Я испугался за свою деревню, за нормальное психическое состояние Шуги и свое собственное. Если уж Шуга не сумел нас защитить от сумасшедшего волшебника, значит, все мы обречены.

Жители деревни сердито заворчали, когда из своего гнезда вновь появился Пурпурный. Он нахмурился и спросил:

— Интересно, что вас так разозлило?

И в этот момент кто-то метнул в него копье.

Я не в силах был обвинить парня. Дикие слова, никакие звуки не могли лучше ответить волшебнику.

Юнец, озлобленный до потери рассудка, швырнул свое костяное копье в спину чужаку — без благословения!

Оно тяжело ударило Пурпурного и отскочило, не вонзившись. Пурпурный опрокинулся, но не как человек, а на манер статуи. У меня создалось странное впечатление, что на какое-то неуловимое мгновение Пурпурный стал твердым как камень.

Но это мгновение прошло. Волшебник тут же вскочил на ноги. Копье, разумеется, не причинило ему никакого вреда. Никто не должен нападать на волшебников с неблагословленным копьем. Теперь мальчишке предстояло предстать перед Гильдией Советников. Если, разумеется, деревня доживет до того времени.

Глава 10

Светила поднялись одновременно, голубое Солнце вырисовывалось внутри огромного, с лохматыми краями, малинового диска.

Я проснулся в полдень. Эвакуация уже шла своим чередом. Мои жены и дети успели упаковать уже почти все, хотя боязнь потревожить мой сон сковывала их. Но, хотя под моим присмотром и при соответствующей дисциплине, упаковка пошла быстрее, мы оказались чуть ли не последней семьей, покидающей деревню.

Диск красного Солнца уже низко повис над горами, когда я отстал от процессии своих жен, задержавшись возле гнезда Шуги.

Шуга выглядел усталым, но, удивительно, глаза его были живыми и веселыми, а пальцы двигались будто сами по себе, завязывая на кожаном ремешке магические узлы. Я достаточно хорошо знал его, чтобы не приставать с разговорами, когда он был весь сосредоточен на дуэли.

Хотя никакого официального заявления Пурпурный и не делал, но это была уже дуэль. Возможно, Пурпурный надеялся, что если дуэль до сих пор и не объявлена, то Шуга так и будет мирно посиживать и позволять ему вести похожие на дуэль действия.

Но я-то хорошо знал Шугу. Яростный жар, горящий в его глазах, подтверждал то, о чем я и остальные жители деревни уже догадывались. Шуга не успокоится, пока в деревне, без сомнения, не будет только одного волшебника.

Я поспешил за женами. С таким грузом нам придется идти даже ночью. Я даже снял путы с женщин, чтобы они смогли двигаться побыстрее — не стоило недооценивать серьезность положения.

К тому времени, когда над головой повисли Луны, мы добрались до цели. Большинство семей разместилось на террасах, вытянувшихся вдоль длинного покатого склона, нависающего над рекой и рощей домашних деревьев, на которых находилась наша деревня.

Лагерь предоставлял собой беспорядочное сборище навесов и палаток, дымных костров и кричащих женщин, толчею мужчин и мальчишек. Навозные жуки уже деловито копошились под ногами. Прежде чем успели выбрать место, многие из моих отпрысков уже растворились в темноте и суматохе.

Хотя ночь давно настала, спали немногие. Феерический лунный свет создавал сумрак не красный и не голубой, а прозрачно-серый — странное полуреальное время, ожидание следующего шага дуэли. Лагерь наполняло почти что радостное оживление.

Откуда-то из-за стойбища холостяков доносилась перебранка игроков в кости и отдельные победоносные крики, когда кому-то из играющих удавалось выиграть кон. Чтобы удовлетворить низшие классы, многого не требуется.

Глава 11

А утром нас поджидал неприятный сюрприз.

Мы с Хинком стояли на краю лагеря, глядя со склона вниз на деревню, и обсуждали предстоящую дуэль, когда услышали неясный далекий хлопок — точно Элкин откашлялся.

— Погляди,— сказал Хинк.— Шуга уже начал.

— Нет,— покачал я головой,— думаю, он только разогревается. Похоже на подготовительное заклинание или что-то в этом духе, попытка привлечь внимание богов.

— Достаточно энергичное привлечение внимания,— ответил Хинк.

Я кивнул.

— Дуэль будет неистовая. Я думаю, не пора ли нам двигаться дальше?

— Если мы еще не выбрались из опасной зоны, уважаемый Лэнт, то у нас уже не осталось времени, чтобы уйти,— проговорил Хинк.— Даже бегом, даже под угрозой смерти. И даже, если ты и прав, нам не уговорить остальных. Они слишком устали.

Он, конечно, был прав, но прежде чем я успел ответить, нас отвлекла толпа женщин, истерически несущихся по лагерю со всей скоростью, которую позволяли им спутанные ноги. Они выкрикивали имя Пурпурного.

Я перехватил их и ударом кулака призвал к порядку свою третью жену.

— Что с вами случилось?— потребовал я ответа.

— Сумасшедший волшебник!— заголосила она.— Он надумал заговорить с женщинами!

— Сумасшедший волшебник здесь?!

Она испуганно закивала.

— Он перенес свое гнездо к источнику, в котором мы моемся... и пробовал с нами говорить. Он хотел знать, почему мы ушли.

Может ли мужчина так не уважать себя? Заговорить с женщинами! Даже от ненормального волшебника такого трудно было ожидать. Я пробился сквозь нервозно кружащуюся толпу женщин, мужчин, расспрашивающих своих жен, отпрысков, требующих внимания. Пока я добирался до ручья, некоторые из мужчин разузнали в чем дело и присоединились ко мне. Они тревожно перешептывались. Пилг громко причитал:

— Не убежать нам! Дуэль следует за нами. Увы! Увы!

Все осталось так, как и говорили женщины. Пурпурный перенес свое гнездо на новое место, как раз за лагерем, возле источника, который женщины выбрали себе для умывания. Огромное черное яйцо стояло закрытым, волшебника нигде не было видно.

Мужчины (кроме меня и Хинка) выжидали ровно столько, чтобы убедиться, что женщины говорили правду. Затем они развернулись и умчались в лагерь.

Хинк и я обменялись безмолвными взглядами. Почему Пурпурный последовал за нами? Может быть, он бежит от дуэли? Я никогда ни о чем похожем раньше не слышал. Что ему понадобилось от жителей деревни?

Я осторожно обошел гнездо. Оно было таким же, как и в ту страшную ночь, когда я впервые увидел его. Я подкрался поближе. На земле остались неглубокие отпечатки от странных сапог Пурпурного. Но где же он сам?

Неожиданно раздался все тот же громыхающий голос:

— Лэнт! Как раз ты-то мне и нужен!

Для Хинка это было уже слишком. Он повернулся и умчался вниз по склону, вслед за остальными. Я очень хотел присоединиться к остальным, но и очень хотел выяснить, что же замышляет волшебник.

Дверь гнезда скользнула в сторону, и показался Пурпурный. Чудная, с брюшком фигура казалась неспокойной, на голом лице — пугающая усмешка... Он направлялся ко мне, словно я был его старым другом. Говорящее устройство плыло следом.

— Лэнт,— сказал он, подойдя ближе.— Может быть, ты мне сможешь объяснить, почему вы перенесли деревню? То место было намного приятнее.

Я с любопытством поглядел на него. Может ли быть, чтобы он не знал о дуэли? Можно ли быть таким наивным? Ну что же, так даже лучше — его неведение пойдет на пользу Шуге. Я определенно не должен ничего объяснять ему. Какое дело обыкновенному смертному до дел волшебников. Не хочу я ни во что впутываться. Поэтому я только кивнул:

— Да, то место было лучше.

— Тогда почему же вы там не остались?

— Мы надеемся вскоре вернуться,— ответил я.— После соединения.

Я указал на Солнце, где одно наложилось на другое. Голубоватая точка Оуэлса пристроилась у нижнего края малинового диска Вирна.

— О да,— согласился Пурпурный,— очень впечатляюще.

Он обернулся и восхищенно уставился на землю позади себя.

— И к тому же это делает такими красивыми тени!

— Очень красивыми...— я замолчал, не закончив фразы. Тени были черными и голубыми, каждая с кровавой каймой: постоянное напоминание о времени ужаса, нависшего над нами. Или человек этот бесстрашный... или глупый. Я промолчал.

— Очень красиво,— повторил Пурпурный.— Прямо-таки изумительно. Ладно, я останусь здесь с тобой и твоими людьми. Если я могу чем-то вам помочь...

Все внутри меня сжалось и умерло.

— Ты... ты собираешься остаться здесь?

— Да, думаю, что так. И вернусь в деревню, когда вы все вернетесь. А пока воспользуюсь случаем потратить денек-другой на исследование горных районов.

— О! — произнес я.

Тут он, казалось, потерял ко мне всякий интерес, повернулся и направился к своему гнезду. Я подождал, чтобы посмотреть, как он заставляет дверь сдвигаться в сторону.

Меня это озадачило с тех пор, как я впервые увидел его, проделывающим этот фокус. Это была серия ударов по стенке гнезда. Он выстукивал их в быстром и четком ритме.

Я предполагал, что серия ударов является своего рода заклинанием для того, чтобы дверь открылась, но все происходило для меня слишком быстро, чтобы запомнить последовательность.

Пурпурный вошел внутрь, дверь закрылась, и он исчез.

Я угнетенно поспешил обратно в лагерь, точнее в то, что еще осталось от лагеря.

Жители покидали свои самодельные домики, готовясь спасаться бегством. Мужчины поспешно паковали походные ранцы, женщины сзывали малышей. В толпе возбужденно сновали дети и собаки, поднимая пыль, сшибая цыплят и жуков-мусорщиков.

Охваченные паникой семьи уже двинулись по террасе, по склонам, вниз, в стороны, куда угодно, лишь бы подальше от Пурпурного, ненормального волшебника, который принес с собой столько несчастий. Мои собственные жены стояли и нервничали, поджидая меня. Первая и вторая пытались успокоить третью, которая едва владела собой.

— Он хотел говорить со мной! Он хотел говорить со мной!

— Это не твоя вина, — сказал я ей. — Я не стану тебя наказывать за это прегрешение. Ты правильно сделала, что убежала.

Мои слова оказали немедленный успокаивающий эффект на испуганную женщину, быстрее, чем все уговоры и поглаживания двух других жен, еще раз доказав, что только мужчина может справиться с необычной ситуацией.

— Поднимайте тюки, — приказал я. — Пора отправляться.

— Уже идти? — переспросила одна из них. — Но мы ведь только пришли.

— Нам нужно снова уходить, — заявил я. — Прежде чем это место будет проклято. Скотские манеры безумного волшебника заслонили от тебя подлинную опасность. Шуга последует за Пурпурным сюда. А теперь поднимайте тюки, или я побью вас троих.

Жены выполнили все, что было им приказано, но не без слабого ропота. Даже когда я решился снять с них путы, чтобы ускорить движение, они продолжали слабо ворчать — и не без причин. Пурпурный легко и бездумно перечеркнул все наши усилия всего лишь несколькими мгновениями полета.

За какой-то час лагерь опустел. Когда мы спускались с холма, мне показалось, что я вижу Пурпурного, бродящего как неприкаянная душа среди брошенных навесов.

Глава 12

Мы оказались единственной семьей, вернувшейся в деревню. Куда убежали остальные, я не знал. Вероятно, южнее, за пределы района. Должно быть, они потеряли всякое желание поглядеть на дуэль, даже на расстоянии. Теперь они старались просто спасти свою шкуру.

В блекнувшем дневном свете мы осторожно приближались к деревне. Голубое Солнце исчезло за краем мира, осталась лишь округлая выпуклость красного. От его света как бы наполнялся огнем туман, поднимавшийся от дальних болот. Словно вся западная сторона мира воспламенилась. Я чуть ли не ощущал запах горелого в воздухе, запах несчастья в вечернем свете. Я оставил жен возле гнезда — гнезда, к которому, как я думал, мы больше не вернемся — и направился к гнезду Шуги. Я нес с собой сверток с едой для него — пожалуй что последней его едой. Идя по деревне, я мог видеть многочисленные следы его заклинаний. Некоторые из наших величественных домашних деревьев тут и там лежали на боку, точно вырванные из земли громадной силой. Другие, казалось, высохли и умерли прямо на месте. Повсюду на земле валялись гнезда с расколотыми стенками. Исчезли животные-мусорщики, не слышно было ночных птиц. Деревня была пуста, если не считать, конечно, меня, моих жен и, естественно, Шуги. Деревня вымерла.

Даже если Шуга выиграет дуэль, то в эту деревню вернуться никто не сможет или не захочет. Ее стабильность, надежность оказалась почти уничтоженной.

Все вокруг было безмолвным и угнетающим. Когда я подошел к гнезду Шуги, под ногами заскрипела мертвая трава. Я осторожно постучал по стенке.

Когда Шуга появился, я онемел от изумления и ужаса. Шуга стал серым и изможденным, под глазами появились новые круги, а кожа была расцвечена красными пятнами, словно он оказался близко от своего собственного проклятия.

Но еще больше меня испугало то, что Шуга обрил свою шерсть. Теперь он был совершенно голым и безволосым — страшная карикатура на свихнувшегося волшебника.

Шуга приветствовал меня слабой улыбкой, благодаря за появление. То, что в ночь перед дуэлью жители деревни накрывают стол для своего колдуна, было традицией. Но все остальные разбежались, и поэтому этот долг пал на меня одного.

Я стоял молча, ждал и прислуживал ему, реагируя на каждый жест и желание. Пищи было много, все самое лучшее, что мне удалось приготовить при таких обстоятельствах. Шуга, казалось, ничего не замечал. Он ел неторопливо, смакуя каждый кусок. Выглядел он усталым, руки подрагивали при каждом движении. Но он ел добродушно.

Когда он отложил костяную палочку для пищи, Солнце давно скрылось на западе. Луны еще не появлялись. Шуга двигался мед-

ленно, но было ли в том повинно истощение или ситуация, определить не представлялось возможным.

— Где остальные? — спросил он.

— Сбежали.

Я объяснил, что случилось. Шуга слушал внимательно, порой выхватывая приглянувшийся ему кусок из стоящей перед ним чаши.

— Я не ожидал, что чужак переедет,— пробормотал он.— Поступок плохой, но умный. Теперь мне придется изменить заклинания, чтобы учесть этот новый фактор. Ты сказал, что он попытался заговорить с женщинами? — И он впился зубами во фрукт.

Я кивнул.

— С моей третьей женой.

— Тьфу! — Шуга с отвращением выплюнул семена.— У человека нет вкуса. Если мужчина падает так низко, чтобы заговорить с женщиной, он мог бы, по крайней мере, выбрать женщину достойного противника.

— У тебя нет женщин,— напомнил я ему.

— И все-таки этим он нанес мне оскорбление,— не сдавался Шуга.

— Возможно, он знал кое-кого получше. Но помнишь, он говорил, что обычаи его родины сильно отличаются от наших.

— Невежество могло бы оправдать его плохие манеры,— проворчал Шуга,— но только безумием можно объяснить его прегрешения против здравого смысла.

— Говорят, безумец обладает силой десятерых.

Шуга посмотрел на меня.

— Я знаю, что так говорят. Я и сам много раз так говорил.

Мы посидели молча. Немного погодя я спросил:

— Как ты думаешь, что будет завтра?

— Будет дуэль. Один победит, другой проиграет.

— Но кто? — настаивал я.

— Если бы можно было наверняка сказать, кто из волшебников победит, не было бы необходимости в дуэлях.

Мы опять посидели молча. Впервые Шуга упомянул о дуэли с каким-то привкусом сомнения. Раньше он всегда высказывал уверенность в своих способностях и скептически относился к могуществу Пурпурного. Было ясно, что дуэль начала оказывать свое влияние еще до того, как было произнесено первое проклятие.

— Лэнт,— неожиданно произнес Шуга,— мне потребуется твоя помощь.

Я удивленно уставился на него.

— Моя?! Но я ничего не смыслю в магии. Ты сам говорил мне, что я глупец, несчетное количество раз. Мудро ли рисковать таким важным начинанием из-за участия...

— Прекрати, Лэнт! — сказал он мягко. Я замолчал.— Все, что от тебя потребуется, это помочь перенести волшебное оборудова-

ние наверх, к гнезду Пурпурного. Нам потребуется два велосипеда, или вьючное животное. Я не могу перенести все сам.

Я облегченно вздохнул.

— О, конечно, в таком случае...

Меньше чем через час мы пустились в дорогу.

Глава 13

До расположения лагеря мы добрались почти на рассвете. Брошенные насесты и укрытия стояли пустыми, напоминая ночью страшный город мертвых. Я заметил, что дрожу.

Мы молча проехали через него и остановились на склоне, как раз возле источника. Было слышно, как он беззаботно журчит в темноте. Стараясь двигаться по возможности тихо, мы пробрались к краю холма. Я затаил дыхание, пока мы не взобрались выше, и только тогда вздохнул с облегчением. Да, гнездо было на месте.

Я подумал, что заплакал бы горькими слезами, если бы оно оттуда исчезло. Я был уверен, что это убило бы Шугу. Потрясение от того, что враг таким манером сбежал от него, от крушения его планов, было бы слишком велико.

Мы прокрались назад в покинутый лагерь, чтобы там дождаться рассвета. Мне очень хотелось спать, но Шуга дал мне зелье для бодрости, чтобы ему не было скучно в одиночестве, как сказал он. После этого он начал раскладывать свое оборудование, сортируя его.

— Если бы только я мог захватить его врасплох,— пробормотал он, прекратив смазывать металлический нож.— Если бы существовал какой-нибудь способ отвлечь его подальше от гнезда...

— Это ни к чему,— выпалил я,— он, вероятнее всего, и сам уйдет. Он снова начал свои опыты. Он сам это сказал, когда я с ним говорил. Он намерен исследовать гряду гор.

— Хм,— произнес Шуга,— это удача. Надеюсь, он намерен исследовать гору таким же способом, как и деревню, когда ушел из гнезда чуть ли не на целый день.

— А почему бы и нет? Да и что случится, если он вернется раньше, чем будет наложено проклятие?

— Будем надеяться, что не вернется.

— А ты что-нибудь сделать сможешь?

Шуга помедлил, немного подумал, потом начал шарить в своем ранце.

Достал небольшой мешочек с порошком и пучком каких-то трав.

— Иди и рассей эту пыль вокруг гнезда. Это очень мелкая пыль, она будет плавать в воздухе часами. Если он надышится ею, то почувствует неистребимое желание чего-нибудь добиться, и он не вернется до тех пор, пока его желание не будет удовлетворено.

— А как же я?

— Для этого трава и предназначена. Когда закончишь с порошком, то возьми половину травы и жуй как следует. Когда во рту станет горько, то проглоти, но не раньше. Остальную траву принесешь сюда, чтобы я тоже смог пожевать. Это сделает нас обоих невосприимчивыми к воздействию порошка.

Я кивнул, потом прокрался на холм и сделал все, что велел Шуга. Когда я вернулся к нему, он как раз заканчивал раскладывать оборудование. С одним пухлым мешочком он обращался особенно осторожно.

— Растертый волос волшебника,— объяснил он мне.

Я не осуждал его за эту осторожность. Он слишком много пожертвовал, чтобы наполнить этот мешочек. Его сжавшееся, выбритое тело дрожало от холода.

Неожиданно лицо его исказилось от тревоги.

— Я уверен, что власть Пурпурного связана каким-то образом с его гнездом. Я должен как-нибудь проникнуть в него. Это единственная часть проклятия, в которой я сомневаюсь. Я должен попасть в его гнездо.

Мое сердце подпрыгнуло.

— В этом я могу тебе помочь,— чуть ли не закричал я, но тут же спохватился и понизил голос.— Сегодня... я хочу сказать вчера (так как рассвет уже быстро приближался), я стоял достаточно близко от Пурпурного, чтобы видеть, как он проделывает свое заклинание для двери.

Шуга чуть ли не бросился на меня.

— Лэнт, ты глупец! — но тут он сообразил, что надо говорить потише.— Почему ты мне раньше не сказал об этом,— прошипел он.

— Ты меня не спрашивал.

— Ладно, а теперь я спрашиваю, как оно действует?

Я рассказал то, что видел, про серию ударов по стенке гнезда, которые Пурпурный отстучал в определенном порядке, про то, что дверь после этого немедленно открылась.

Шуга слушал внимательно.

— Очевидно, последовательность, с которой он касался стенки, управляет заклинанием. Подумай, Лэнт! Какого места он касался?

— Этого я не видел,— признался я.

Шуга выругался.

— Тогда зачем ты надоедаешь мне рассказами о том, как открыть дверь, если сам этого не знаешь. Лэнт, ты глупец!

— Я сожалею... но это происходило так быстро. Если бы я только мог вспомнить... если бы я мог увидеть это еще раз...

— Не исключено,— пробормотал Шуга.— Не исключено... Лэнт, ты когда-нибудь подвергался заклинанию, раскрывающему память?

Я покачал головой.

— Это заклинание большой силы. Его можно использовать для того, чтобы ты мог вспомнить то, что забыл.

— Гм, это опасно?

— Не больше, чем любое другое заклинание.

— Ладно,— сказал я, поднимая велосипед.— Желаю тебе счастливой дуэли, Шуга. Увидимся, когда она...

— Лэнт,— ровно произнес Шуга,— если ты сделаешь еще один шаг, я включу наряду с именем Пурпурного и твое имя...

Я тут же опустил свой велосипед на землю. Только этого мне еще не хватало для полного счастья!

Мои чувства, должно быть, ясно выразились на лице, потому что Шуга сказал:

— Да не бойся ты так. Я сделаю все, чтобы тебя защитить. Ты неожиданно стал очень важной частью этой дуэли. Знания, скрытого в твоей памяти, может быть, как раз и не хватает для успеха.

— Шуга, но я же глупец! Ты настолько часто говорил это, что это не может не быть правдой. Я с этим согласен. Я глупец. Ты не мог ошибиться в своем суждении обо мне. Какая же польза от меня может быть?

— Лэнт,— произнес Шуга,— ты не глупец. Поверь мне. Иногда из-за своей нетерпимости я склонен к поспешным высказываниям. Но касательно тебя у меня всегда было самое высокое мнение. Лэнт, ты не глупец.

— Нет, я глупец,— настаивал я.

— Ты — нет! — возразил Шуга.— К тому, же здесь не требуется никаких особенных интеллектуальных качеств, чтобы вспомнить те простые операции, которые ты описал. Даже такой идиот, как ты, может это сделать.

— Ах, Шуга, думай что хочешь, а мне, пожалуй, позволь вернуться к семье.

— И пусть другие мужчины деревни считают, что ты трус?

— Это не такой уж большой груз, я его вынесу...

— Никогда! — перебил меня Шуга.— Никогда ни один из моих друзей не будет заклеймен пятном труса! Ты останешься здесь, Лэнт! Можешь мне поверить, здесь, со мной! И ты будешь благодарен мне за то, что я, как твой друг, о тебе позабочусь.

Он опять склонился над оборудованием, разложенным на земле. Я вздохнул, смирившись, и присел на землю, ожидая дальнейшего развития событий.

Рассвет уже забрезжил на востоке. Шуга повернулся ко мне.

— Твое участие будет минимальным, Лэнт. Нет причин бояться...

— Но опасность...

Он жестом заставил меня замолчать.

— Никакой опасности, если ты в точности будешь следовать инструкциям, которые я тебе дам.

— Я буду следовать твоим инструкциям.

— Хорошо. Тогда никакой ошибки не предвидится. Даже малейшая ошибка может стоить нам жизни.

— Но ведь ты только что сам сказал, что никакой опасности не будет...

— Конечно, не будет, если ты будешь следовать инструкциям. Большая часть тяжелой работы уже выполнена. Не забывай, чтобы составить уравнение, мне было необходимо приготовить составные части. Я должен был разработать символику, чтобы заставить различные мистические формулы и снадобья действовать. Все, что предстоит тебе, это разместить их в соответствующих местах и в соответствующее время.

— Я думал, что все, что я тебе должен был помочь сделать, это открыть гнездо...

— Конечно. Но раз ты будешь рядом, то можешь помочь и в остальном.

— О-о! — выдохнул я.

— И что бы ты ни делал, ты не должен пытаться со мной заговорить. Это очень важно. Как только Солнце взойдет, мы начнем, а как только мы начнем, мне нельзя будет отвлекаться. За исключением тех моментов, когда это будет необходимо для проклятий. А так вообще я не буду разговаривать. Ты понял?

Я кивнул.

— Хорошо. Теперь слушай. Есть еще одна вещь. Вещь очень важная. Это не относится к проклятию, Лэнт. Но для своей же собственной безопасности ты должен быть очень внимательным, чтобы не леснерить.

— Леснерить? — переспросил я. — Что это значит — «леснерить»?

Но вместо ответа Шуга указал на восток. Над холмами густоголубыми сполохами пробивался день. Шуга опустился на колени и забормотал. Проклятие началось.

Глава 14

Первым шагом было самое тщательное ритуальное очищение, чтобы мы не могли загрязнить проклятие каким-нибудь давно забытым заклинанием.

Затем шло освящение, молитва о покровительстве, обращенное к Солнцам, Оуэлсу и Вирну, к Лунам, всем одиннадцати — сейчас они образовали конфигурацию Экке-Человек (этот человек так хорошо служил богам, что сам стал богом).

Другие молитвы были посвящены речному богу и богам ветра, богам силы и магии, разума, хищным птицам, дуэлям прошлого, настоящего и будущего, небес, морей и приливов. И, конечно, Элкину — богу грома. Мы произнесли молитвы всем им и просили благословить наши старания. Мы просили винить чужака, а не нас за нанесенные им оскорбления. После чего мы произвели очищение снова.

Затем отобрали колдовское оборудование и начали карабкаться вверх по склону, туда, где поджидало нас жилище свихнувшегося волшебника. Туман, покрывший на рассвете все низины под нами, исчезал по мере того, как выше поднимались оба светила. Массивное красное Солнце придавало туману розоватый цвет,

а крохотное голубое заставляло его быстро испаряться. Теперь мы могли видеть на многие мили вокруг.

Мы медленно взобрались на возвышенность. Немного ниже, на противоположной стороне виднелось черное гнездо волшебника, угрюмо и угнетающе поджидающее нас в утренней тишине. Оно стояло закрытым. Но вот пустое ли оно?

Я хотел спросить Шугу, что нам делать дальше, но его последние наставления так меня напугали, что я даже боялся дышать без разрешения. Шуга, должно быть, почувствовал мою растерянность, так как сказал:

— Теперь мы подождем...

Солнце поднялось еще выше в небе. Остатки тумана развеялись. Яйцо продолжало безмолвно стоять на площадке. Единственным звуком, нарушавшим утреннюю тишину, было журчание источника.

Дверь гнезда внезапно открылась, и появился Пурпурный. Он неторопливо потянулся, сделал глубокий вдох, с шумом выдохнул. Я подумал, плавает ли еще в воздухе возбуждающий порошок. Если он все еще сохранился в воздухе, то теперь Пурпурный до предела наполнил им свои легкие. Хотя никакого эффекта не наблюдалось, пока он закрывал свое гнездо. Если порошок подействовал, то слабо.

Мы затаили дыхание — Пурпурный начал подниматься по склону холма. Вскоре он исчез за его вершиной, а мы остались одни, взирая на гнездо. Шуга встал и энергично направился к нему, и я тут же, не мешкая, последовал за ним, но совсем не так охотно. Шуга внимательно осмотрел гнездо, трижды обойдя вокруг, и, наконец, остановился возле оранжевого овального контура, обозначавшего вход.

Первый шаг был самым важным и критическим. Шуге предстояло войти в гнездо Пурпурного. Если он этого не сумеет, то все остальные тщательные приготовления окажутся напрасными. Он окажется не в состоянии завершить заклинания.

Поэтому теперь все зависело от заклинания, возвращающего память...

Шуга поместил меня на том же самом месте, на котором я стоял, когда наблюдал за тем, как Пурпурный открывает свое гнездо. Затем он достал стеклянное устройство, поднес к моим глазам и приказал смотреть на него.

Я подумал, напряжение последних дней оказалось для моего друга чрезмерным. Внутри стеклянного устройства я не увидел никаких ответов. Но я сделал так как он приказывал, продолжая внимательно пялиться вовнутрь. Шуга своим высоким каркающим голосом начал произносить что-то мягкое, медленно, нараспев. Я попытался было сосредоточиться на его словах, но стеклянный предмет мерцал и светился перед глазами, мешая сделать это.

Я не мог сфокусировать взгляд на устройстве. Оно, казалось, таяло и исезало, хотя Шуга продолжал держать его передо

мной. Я попытался было следовать за устройством глазами, когда оно уплывало из вида, но оно было быстрее. Звуки голоса сплетались со световыми вспышками, они вместе, казалось, вращались и сворачивались, смешивались и распадались... и мир стал...

Неожиданно я очнулся.

Ничего не произошло.

Заклинание, раскрывающее память, не удалось.

Я ничего не вспомнил. Я раскрыл было рот, чтобы сказать это, но Шуга остановил меня.

— Ты сделал все замечательно, Лэнт, просто замечательно.

Я удивился, не понимая, о чем он говорит, но Шуга уже опять возился со своим оборудованием. Движения его стали уверенными, почти что веселыми. Он нашел, что искал,— кусок мела и принялся рисовать магическую формулу на квадратной выпуклости возле двери. Не прекращая своего занятия, он сказал:

— Ты рассказал мне почти все, что необходимо знать, Лэнт. Почти все. Остальное я должен понять сам.

Я пожал плечами и присел, наблюдая.

Шуга, скорее всего, знал, что делает. Он уселся, подогнув ноги перед дверью, и начал заклинание, вводящее его в транс. Шуга сидел неподвижно, слышались лишь его тонкий пронзительный голос и журчание источника. Солнце взбиралось все выше на небе, Оуэлс словно голубовато-белый алмаз сверкал на потускневшем краю Вирна. Так много предстояло сделать и так мало времени оставалось! Долго ли еще будет отсутствовать Пурпурный? Успеем ли мы закончить заклинание вовремя?

Шуга продолжал сидеть, неподвижный и молчаливый. Его глаза стали тусклыми. Время от времени он хмыкал, но ничего не говорил. Я почувствовал, что потею.

Может ли Пурпурный бросаться красными огнями в человека? Наконец, когда я начал опасаться, что Шуга так никогда и не заговорит, он поднялся, шагнул к этой выпуклости и как-то по-особенному прикоснулся к ней.

Ничего не произошло.

Шуга повторил попытку. И опять ничего не произошло. Он пожал плечами, вернулся на прежнее место и снова погрузился в транс. Последовало ожидание еще более длительное. Следующий раз Шуга приближался к двери осторожно и медленно. Он заново отстучал серию ударов по выпуклой поверхности гнезда, но в другой последовательности.

Но снова ничего не произошло.

Шуга вздохнул и опять принял сидячее положение. Я начал бояться, что так мы можем провести целый день, стараясь войти в гнездо Пурпурного, и у нас не останется времени для проклятий. Фактически я уже распростился со всеми надеждами выполнить стоящую перед нами задачу, когда Шуга поднялся снова. Он медленно подошел к гнезду, долго глядел на выпуклость, затем начал постукивать по ней в особо тщательной и аккуратной манере.

И дверь гнезда открылась.

Шуга позволил себе улыбнуться, но только слегка. «Я так и знал»,— говорила улыбочка.

Предстояло еще много работы.

Мы быстро собрали оборудование и внесли его в жилище Пурпурного.

Стены гнезда светились сами — странный, как и сам Пурпурный, коричнево-желтый свет. Из-за него мои глаза стали неправильно воспринимать цвета. И только по мере того, как глаза привыкли, я смог оглядеться и увидел, что гнездо обставлено как ни одно другое. Повсюду виднелись крохотные светящиеся глазки, шишки и выпуклости, похожие на выпуклости возле двери.

В самом центре находилась зизгагообразная мягкая кушетка — подходящее ложе для демона. Как раз напротив нее, на стенке гнезда, был расположен ряд плоских пластин, напоминающих окна, но бесконечно более прозрачных — точно отвердевший воздух! Действительно, гнездо в целом являло самую искусную работу, которую я когда-либо видел.

Шуга внимательно разглядывал пластины, напоминающие окна. В одних виднелись участки местности вокруг гнезда. Другие показывали странные разноцветные картины, тщательно прорисованные линии и кривые — очевидно, заклинания демона. Шуга указал на одно из них и спросил:

— И ты все еще думаешь, что он не пользуется магией?

Но тут же вспомнив свое собственное приказание воздержаться от болтовни, замолчал.

Это предписание, очевидно, было не слишком строгим, так как сам Шуга не переставал бормотать все утро. Вероятно, он предостерегал от разговора только меня, потому что боялся, что я стану отвлекать его. Ну, насчет этого он мог бы и не беспокоиться. Я слишком уважаю Шугу, чтобы приставать к нему с расспросами посреди заклинания.

Я открыл было рот, собираясь сказать ему это, но Шуга жестом остановил меня.

Рядом с мягким предметом находилось растение — оно как раз подходило к обстановке такого гнезда. Я лично такого растения никогда не видел. Формой оно напоминало белую розу, но его цвет — может ли зеленый цвет быть таким? Листья сверкали, словно галлюцинация. Зеленый цвет — цвет темный, близкий к черному, а тут он, казалось, сверкал так же ярко, как красный или голубой. Я прикоснулся к растению, ожидая, что оно окажется таким же нежным, как и все известные мне, но тут же отдернул руку от неожиданности. Листья были жесткими, словно неободранная шкура. «До чего же, должно быть, странен мир, откуда пришел Пурпурный!» Я подумал об этом, и тут же понял, что во многом слишком стал верить безумному волшебнику. Это растение должно быть из тех, которые мне знакомы. Просто Пурпурный его проклял. Я переключил внимание, начав отыскивать дверь, ведущую в помещение наверх. Но ничего такого не нашел. Очевидно, в гнезде было только одно отделение. А остальное его в нема-

лом объеме, должно быть, занимали магические устройства. Шуга оказался прав во всем!

Но до чего же тесное это гнездо, едва хватает места, чтобы поместиться вдвоем.

Шуга раскрыл свой ранец, разложил оборудование на полу и принялся последовательно раскладывать материалы, которые ему понадобятся в первую очередь. Словно ему приходилось проклинать летающие гнезда каждый день.

Он остановился, поскреб пальцем щетину на подбородке и начал сверяться с контрольной схемой — куском пергамента, который достал из ранца.

— Да,— произнес он, решившись после недолгой паузы. И достал металлический нож, который уже я раньше видел.— Мы начнем с осквернения металла.

Он поплевал на нож и начал вырезать им на поверхности пола. Точнее, попытался это сделать, нож не втыкался. Нахмурившись, он надавил сильнее. Кончик ножа обломился. Затем лезвие раскололось пополам.

Шуга без комментариев вернул остатки ножа в ранец и опять углубился в список. На этот раз он взял мешочек с красным порошком — пылью ржавчины, отсыпал немного на руку и подул. Бурое облако наполнило помещение. Я закашлялся, и Шуга бросил на меня свирепый взгляд.

Где-то возник жужжащий звук. Затем ветер пробежал по гнезду, шевеля мои волосы и одежду. Я испуганно вгляделся — не поймал ли Шуга бога ветра? Пока я озирался, красноватая пыль исчезла из воздуха. Потом ветер прекратился, но и пыль пропала вместе с ним. Не осталось даже тонкого красноватого налета на полированных стенах. Странно. Но Шуга не унывал. Он опять уставился на свой список.

Неожиданно Шуга выбросил шар огня из-под накидки. Потом еще и еще, швыряя их в стены, потолок, пол. Шары прилипали там, где касались поверхности, исходя искрами и маслянистыми дымами. Послышался свистящий звук, из отверстий в потолке ударили струи воды. Они били точно по огненным сгусткам. В доли секунды превратив их в пепел. А затем, когда Шуга швырнул из-под накидки еще один шар, все они нацелились в Шугу.

Когда вода прекратилась, Шуга уронил промокший ком на пол. Роняя капли он достал подмоченный список и опять сверился с ним. Вода стекала с него вниз и куда-то девалась.

Я почувствовал, как надежды мои уменьшаются вместе с водой. Шуга сделал три отдельные попытки, и все они окончились неудачей. Магия ненормального волшебника оказалась слишком сильной. Мы были обречены прежде, чем начали.

— Так,— проговорил Шуга,— все идет хорошо.

Я не верил своим ушам. И я даже осмелился спросить:

— Все идет — как?

— Лэнт, ты невнимателен. Это же очевидно. Гнездо снабжено очень активным заклинанием. Я должен был выяснить, что они

собой представляют, чтобы потом суметь нейтрализовать их. Ну, а теперь давай проклинать!

И Шуга начал писать руны на всех поверхностях гнезда: на полу, стенах, потолке, на спинке странной кушетки — везде. Он обращался к Тонкой линии, богу инженеров и архитекторов, прося их взорвать это гнездо, чтобы оно треснуло и развалилось. На каждый священный знак, нанесенный мелом, он капал дурно пахнущей жидкостью. Она тут же начала дымиться и шипеть.

— Воды, огонь, горите и вскипайте,— настойчиво уговаривал Шуга свое зелье.

Мы наблюдали за тем, как жидкость выедала дырки в рунах и поверхности под ними. Замечательное осквернение — сердцевина самого хорошего проклятия.

Теперь Шуга принялся наполнять гнездо пылью. Он, очевидно, надеялся перегрузить устройство защитного ветра, так как вздымал огромные облака красной ржавчины. Жужжание послышалось немедленно, но Шуга не прекратил вздымать пыль.

— Эй, не стой там, болван! Помоги мне!

Я схватил пригоршню красного порошка и тоже начал дуть. Плотные облака ржавчины кружились по всему помещению.

Пыль ржавчины — символ времени. Она посвящена нескольким богам сразу: Брейду — богу прошлого и Кренку — богу будущего, а также По — несущему увядание всем пашням.

Вскоре мы покончили с ржавчиной и принялись за белый порошок, напоминающий толченую кость.

— Это тоже для ветровых отверстий,— пояснил Шуга, указывая на квадратные окошки под потолком.

Я раскашлялся до слез. Шуга швырнул огненный сгусток на экран, там он и прилип. Вода ударила короткой струйкой, потекла по экрану, порошок собрался вокруг водяных капель.

Вскоре жужжание стало неровным, грозя прекратиться.

— Прикрой нос и рот, Лэнт, я не хочу, чтобы ты дышал всем этим.

Шуга поднял туго набитый кожаный мешочек. Я обернул одеждой нижнюю половину лица, наблюдая, как он достал большую пригоршню растертого волоса волшебника.

Шуга с благоговением, порожденным великой жертвой, тщательно прицелился и выдул в направлении ветровых окошек плотную струю.

Через мгновение все было кончено. Жужжание стало напряженным, ветер, казалось, прекратился.

И вдруг все стихло.

— Хорошо, Лэнт. Теперь давай горшки.

Лицо Шуги светилось триумфом. Я поднял свой ранец, лежащий возле стены, и выставил ряд горшков с плотной крышкой на каждом.

— Хорошо,— снова проговорил Шуга. Он осторожно расставил горшочки по всему гнезду Пурпурного. В каждый он вкладывал шипящий огненный сгусток, затем закрывал крышкой. В кры-

шке каждого горшка были проделаны крошечные отверстия. Они позволяли дышать богу огня, но были слишком маленькими, чтобы в них могла проникнуть вода. Над горшками повисли водяные струи, но они не могли добраться до пламени, продолжая хлестать по горшкам и по всему остальному.

Шуга заметил куда уходит вода и принялся лить в сточные отверстия осквернённую воду и прочие вязкие субстанции. Потом сделал перерыв, чтобы добавить к новой порции внушительную горсть толченой белой кости. Как только этот порошок достиг отверстий, смесь начала угрожающе густеть.

Сливные отверстия вскоре перестали справляться. На полу вскоре начали собираться лужи. В горячем влажном воздухе отвратительный запах осквернённой воды сделался невыносимым. Я побоялся, что меня вырвет. Но это не имело никакого значения. Гнилая вода определенно должна была разгневать Филфомара — речного бога. А потом Филфо-мару и Нэвину — богу приливов предстояло схватиться в своей древней борьбе за воду. Только на этот раз они будут растягивать не воды мира, а противоположные стенки черного гнезда. Чем больше воды скопится в кабине, тем больше станет их власть и тем яростнее битва.

К тому времени, когда водяные струи прекратились, мы были насквозь мокрыми и стояли по колено в воде, но не мерзли. В гнезде было как в бане, Шуга скинул свою накидку, и я последовал его примеру.

Глаза слезились. Я все еще не мог откашляться от пыли, набившейся в легкие. Я сказал об этом Шуге, но он только фыркнул в ответ:

— Хватит жаловаться. Я никогда не говорил, что проклятия легко даются. То ли еще будет!

Действительно, мы только начинали.

Теперь Шуга переключился на разнообразные плоскости и пластины, входящие в обстановку. Они были усеяны огромным количеством шишек и выпуклостей. Многие располагались в ряд по восемь, и каждая обозначалась отдельным символом. Один из них мы узнали — треугольник, символ Экке-Человека.

Могло ли это быть аналогичным какому-то заклинанию Шуги, основанному на символе Экке? А если так, то не смог бы Шуга использовать этот факт в качестве клина, рычага, чтобы с его помощью нарушить и остальные заклинания гнезда Пурпурного?

Шуга задумчиво пожевал губами, затем поскреб щетину на подбородке.

— Нажимай на все выпуклости, Лэнт. Там, где увидишь знак треугольника. Мы приведем в действие все Экке-заклинания Пурпурного, а потом развеем их силу.

Мы двинулись по периметру гнезда, сверху донизу, рассматривая шишки и выпуклости. Шишки могли поворачиваться так, что основание треугольника оказывалось наверху, а выпуклости можно было вдавливать.

Попадались, правда, шишки без символов. Немного поэкспериментировав, Шуга выяснил, что их можно поворачивать таким образом, чтобы крошечные металлические лучики, спрятанные за стеклянными пластинками, сдвигались и указывали на треугольники, выгравированные там.

Происходили странные веши, но Шуга успокоил меня, приказав не обращать на это внимание.

Так, к примеру, одна из плоских зеркальных пластин засветилась немыслимым светом, и на ней возникли образы деревни, людей, которых мы знали: Хинка, Алга и Пилга. Я в ужасе уставился на них, но Шуга тут же уничтожил заклинание, мазнув густым серым зельем, скрывшим всю картину. А я тут же получил выговор.

— Сказано было тебе — не смотри!

Мы продолжали свою деятельность. В конце концов, все устройства в гнезде ненормального волшебника оказались настроены на знак треугольника.

Мы перешли к следующей стадии нашего проклятия.

Огненные горшки начали остывать, потому Шуга снова их наполнил. Металл в том месте, где они стояли, стал уже слишком горячим, чтобы к нему прикасаться, а детали отдельных устройств начали потрескивать.

Затем Шуга принялся покрывать все подряд густой серой мазью. Сперва он ликвидировал окна с картинками. Потом замазал все глазки и выпуклости. Теперь одни боги знали, какие символы были приведены в действие. За несколько минут внутри гнезда все стало серым. Кларс, бог небес и морей, должен был разозлиться. Фол, бог порчи, наверно, трясся от смеха. Шуга таким образом подтолкнул их к схватке друг с другом внутри черного яйца.

Шуга начал рисовать новые руны на замазанных поверхностях, словно позабыл о рунах внизу. Там, где верхние и нижние символы вступали в противоречие, боги тоже должны были оказаться вовлеченными в беспорядочную схватку. Везде, где только можно, Шуга включал в руны имя Элкина — бога грома.

В щель между двумя панелями и с шишками и выпуклостями Шуга вставил узкое острие тесака и призвал Пулниссиня — бога дуэлей. Призывая Хитча — бога птиц, он разбил в три отверстия яйца, которые тут же сердито зашипели, растекаясь по сторонам,— так Шуга использовал яйцеобразную форму яйца против него же. Он продолжал говорить нараспев, призывая Маск-Вотца и Влока — бога насилия, а в одном случае он даже произнес руну, оскорбляющую Тис-турзика — бога любви, потому что любовь, обернувшаяся ненавистью, сможет оказаться самой могущественной силой.

Шуга опять сверился со списком и достал сосуд с дремлющими жалящими насекомыми, с разной плесенью и пиявками. Сначала он извлек насекомых с жалами и насекомых с когтями и принялся разбрасывать по сторонам. Хотя твари были вялые, некоторые попытались напасть на нас, поэтому мы постарались заки-

нуть их туда, где они не будут представлять немедленной опасности. К тому же мы не поленились натянуть самые толстые сапоги и перчатки, которые не могли прокусить эти клыкастые бестии.

Шуга большими комьями грязи залепил отверстия возле панели с шишками и выпуклостями, призывая одновременно Синил — повелителя грязи. Воздух из-за жары и воды сделался почти что непригодным для дыхания, но панели были еще горячее. В некоторых местах серая грязь Шуги потрескалась и почернела. Поверхность под ней светилась красным и дышала таким жаром и вонью, что никто из нас не решался туда приблизиться. Внутри яйца что-то шипело и дымилось.

И все это время Шуга не переставал взывать к Элкину — богу грома, богу страха.

— Элкин! О, Элкин! Сойди вниз, о великий и малый, бог грома и молнии и громких звуков! Сойди со своей горы, о, Элкин, сойди со своей горы и порази этого святотатца, который осмелился осквернить священное имя твоей магии.

Шуга забрался на кушетку демона и, раскинув руки, протянул их вверх, к небу. Торжество рисовалось на его лице, когда он произносил последнее кантало проклятия.

Гнездо было запутано паутиной боли и разрисовано рунами отчаяния.

Затопленная раскаленная кабина кишела огненными шарами, колючими крабами, морскими чудищами и пиявками. Где-то что-то горело: густой дым выбивался из-под стенок. Я задыхался от негодного воздуха, слезы слепили глаза.

Это была мастерская работа.

Глава 15

Вслед за Шугой я вывалился из гнезда. Сухая трава затрещала под ногами, когда я спрыгнул на землю. Мы, наверное, полжизни потеряли в этом созданном Шугой аду.

Я удивился, обнаружив, что еще день. Двойной солнечный свет разливался над миром с ободряющей привычностью. Деревья, растения и трава показались мне черными, я подумал, не слишком ли долго мои глаза привыкали к свету гнезда Пурпурного.

Я наслаждался холодным чистым воздухом. Голова кружилась. Но, несмотря на это, именно мне пришлось помогать Шуге идти. Я только наблюдал за проклятиями, Шуга же осуществлял их, и это отняло все его силы. Неверными шагами мы спускались по склону. Наши тени с красно-голубыми краями раскачивались перед нами. Как кончилось проклятие, так кончилось и соединение. Светила опять разошлись.

Казалось чудом, что Пурпурный не помешал нам, но еще только близился полдень. Мы умудрились уложиться в кратчайшее время.

Мы притаились среди кустов. Чистый воздух действовал как

крепкое вино, и я чувствовал, что пьянею от него. Мы разлеглись под раскидистыми черными листьями и дышали полной грудью.

Немного погодя я перевернулся на бок, посмотрел на Шугу и спросил:

— Когда это начнется?

Он не ответил, и я решил было, что Шуга уснул. Меня бы это не удивило. Он осунулся, напряжение последних дней измотало его. Глаза, когда он их раскрыл, были красными и обведены кругами. Шуга медленно вздохнул:

— Не знаю, Лэнт, не знаю. Возможно, я забыл что-нибудь...

Я сел и с беспокойством посмотрел на черное гнездо. Оно оставалось все там же, во впадине между двумя холмами. Дверь приглашающе раскрыта. Дверь!..

— Шуга,— закричал я.— Дверь! Мы оставили ее открытой.

Он резко поднялся, в ужасе уставившись на поляну.

— Мы можем ее закрыть? — спросил я.

— Для этого требуется другое заклинание,— ответил Шуга.— А у нас его нет.

— А ты можешь?

— Что «могу»? — поинтересовался он.— Составить заклинание, закрывающее дверь? Нет, для этого гнезда не могу. Я сперва должен выяснить, что приводит в действие заклинание, открывающее дверь.

— Но я сам видел, как ты открыл дверь...

— Лэнт, ты глупец,— вяло возразил он.— Я знаю, как использовать заклинание, но я не знаю, почему оно так действует. Ты же видел, сколько у меня было возни со световым устройством. Нет, Лэнт, если бы ты еще что-нибудь знал о том, как дверь действует... но я-то знал, что ничего такого ты не знаешь, потому что, всматриваясь в твою память, она до сих пор открыта...

— Но, проклятие...

Он жестом остановил меня.

— Я не знаю. Придется ждать. Ему еще что-то требуется, чтобы перейти к действию... может, закрытая дверь... А без того...

Он не договорил и пожал плечами.

Солнца ползли на запад. Голубое теперь явно опережало красное. Я спокойно смотрел на холм. Долго ли еще придется ждать, пока проклятие сработает. И в этом нам могли помочь только боги. Величайшие заклинания Шуги шли насмарку. И, если они не сработают, не останется больше богов, которые могли бы помочь нам. Все они будут настроены против нас.

Тени медленно удлинялись, прохладные сумерки уже растекались над миром, а мы с Шугой все стояли в беспомощности и смотрели. Черное гнездо, мрачное и угрожающее, ждало. Желтый свет освещал проем двери.

Мир ждал, мы ждали, гнездо ждало.

Проклятие ждало...

А потом неожиданно хрустящий звук шагов по склону. Мы тут же нырнули в кусты. Немного погодя показался Пурпурный. Он

поднимался на холм. Я еще подумал, удовлетворил ли он свое желание? С той стороны, откуда он шел, он не мог видеть открытую дверь. Пурпурный обогнул изгиб стены и остановился. Затем торопливо шагнул вперед, вглядываясь вовнутрь. Впервые мы увидели Пурпурного реагирующим на магию Шуги. Он закричал — точно охотящаяся летучая мышь. Перевод без сомнения, был бы более содержательным, но говорящее устройство молчало. Пурпурный бросился в дверь, задел за косяк, и тот сшиб с его носа стеклянное приспособление (интересно, как Шуга умудрился так подколдовать).

Мы слышали, как он горланил внутри гнезда — неистовые яростные вопли, совсем на него не похожие. Время от времени грохочущий голос говорящего устройства разносился над равниной:

— Бог мой!... Как эти... забрались... А-а, ужалил! Отдай ногу, ты сволочь... почему не действует убийца насекомых...

— Жалящие насекомые причиняют ему беспокойство,— прошептал я.

— Богом проклятые жалящие насекомые! — прервал меня громыхающий голос Пурпурного.

— Но жалящие насекомые не входят в заклинание, Лэнт,— прошептал Шуга.— Они будут жалить в любом случае, являются они частью заклинания или нет.

Шуга был прав. Проклятие еще не вступило в действие.

Я раздраженно рвал на себе мех. Чего ждут боги? Может, они намерены ждать достаточно долго, чтобы Пурпурный успел нейтрализовать элементы, составляющие проклятие, и обратить его против Шуги?

Новые вопли неслись над миром:

— Яйца... яйца...

— Во всяком случае, мы лишили его спокойствия,— прошептал я Шуге.— Это уже начало.

— Этого недостаточно. Боги должны были сцепиться друг с другом в стремлении его уничтожить... Должно быть, дверь виновата... Лэнт, я боюсь...

Он зловеще замолчал. Я почувствовал, как начал леденеть позвоночник.

— Дикари! — ревел голос Пурпурного,— примитивные дикари!.. Эта проклятая серая краска... Где, черт возьми! Кровосмешение... совокупление... совокупление кровосмесительного извращения... заболевания от физической близости... примитивные дети... я убью похотливых отпрысков собак! Я испепелю этот похотливый мир!..

Пурпурный мог быть непоследовательным, но, несомненно, говорил искренне. Я приготовился к бегству. Я видел, как он бушевал в гнезде, неистово колотя по шишкам и выступам, которые мы с Шугой закрасили, Пурпурный лихорадочно крутил одну шишку за другой, пытаясь нейтрализовать заклинание Шуги.

— Что же касается этой волосатой скотины Шуги...

Тяжелая изогнутая дверь закрылась, оборвав истеричные вопли Пурпурного.

Глава 16

Мягкий ветерок цеплялся за листья, кусты и наши накидки. Тени удлинялись, пока не начали теряться в темноте.

Голубое Солнце замерцало и исчезло, оставив одно распухшее красное светило. Все погрузилось в мертвое молчание.

Мы с Шугой осторожно выползли из своего укрытия. Черное гнездо спокойно лежало в углублении. Дверь была закрыта, и только оранжевый контур отмечал ее место на гладкой невыразительной поверхности.

Мы осторожно и опасливо подобрались поближе.

— Уже началось! — прошептал я.

— Заткнись, глупец! Сейчас нас, должно быть, слушает весь пантеон богов.

Мы приблизились вплотную. Черное гнездо оставалось неподвижным, поджидая нас. Шуга приложил ухо к его поверхности и прислушался.

Яйцо неожиданно и бесшумно взмыло вверх, отшвырнув Шугу в сторону. Я плашмя упал на землю и начал вымаливать прощение:

— О, боги мира, я полагаюсь на вашу милость, я прошу вас, пожалуйста, не гневитесь...

— Заткнись, Лэнт! Хочешь испортить заклинание?

Я осторожно поднял голову. Шуга стоял, упершись руками в бедра и глядел вверх, в красные сумерки. Черное гнездо терпеливо и неподвижно зависло в нескольких футах над его головой.

Я устало поднялся на ноги. Это заклинание пока что оборачивалось не проклятием, а невыносимой скучищей.

— Что оно делает? — спросил я.

Шуга не ответил.

Гнездо внезапно превратилось из черного в серебряное и начало опускаться обратно так же плавно, как и поднялось. Красный диск цвета крови сверкал на его поверхности.

Мы отступили назад, как только оно коснулось почвы, и начало погружаться в нее, не замедляя скорости. Теперь, во всяком случае, раздался звук, скрежещущееся недовольство камней, раздвигаемых в стороны. Гнездо погружалось неуловимо. Камни трещали под его напором.

И мгновение спустя оно исчезло. Скрежет камней стал отдаленным, затем затих окончательно.

Ошеломленный, я подошел к неровному краю дыры. Темнота скрывала ее дно, но там все еще слабо ощущалось отдаленное громыхающее движение.

Шуга встал рядом со мной.

— Великолепно, — произнес я. — Оно ушло, Шуга. Полно-

стью, совершенно исчезло. Словно его вообще никогда и не существовало. И...— Я глубоко вздохнул.

Шуга скромно хмыкнул. Потом нагнулся, чтобы поднять стеклянное приспособление, свалившееся с носа Пурпурного, и безразлично сунул его в карман.

— Это пустяки,— произнес он.

— Но, Шуга... никаких побочных эффектов. Я бы не поверил, что ты на это способен! Почему ты нам не сказал, что именно это планируешь. Нам бы не пришлось покидать деревню.

— Лишняя безопасность не помешает,— пробормотал Шуга.— Он, должно быть, и сам был ошеломлен результатами собственной победы.— Видишь ли, я не уверен... почему действие заклинания приливов потянуло гнездо вниз, а не... Почему склонность Экке-Человека и... Ладно, все это было очень необычно... решение, можно сказать, получено опытным путем. Я...

Весь горный массив затрясся. От толчка я упал на живот и поглядел вниз. Двумястами футами ниже, на склоне холма, изверглось черное яйцо, вопя в агонии. Оно рванулось вверх и к югу, безобразно вскрикивая,— звук этот причинил нам ужасную боль. Мучительное верещание яйца — поднимающаяся и падающая нота — оставалось пронзительно громким, даже когда оно удалилось за горы. Какой-то великолепный побочный эффект обращал в порошок само вещество холма, измельчая его в мелкую каменную щебенку. Склон целиком стронулся с места, величественно заскользив вниз, увлекая нас с собой. Мы были бессильны что-либо предпринять, мы ехали верхом на грохочущей лавине, на камнепаде, вздымающем тучи пыли и песка. Черное гнездо превратилось в пятнышко — ярко-красную пронзительно вопящую точку, несущуюся к южному горизонту.

Скольжение горы понемногу прекратилось. Из каприза или благодаря магии Шуги она не погребла нас. Мы оказались счастливчиками, смогли удержаться на вершине затронутого участка и спуститься на нем ровно и без ушибов. Я обнаружил, что лежу на животе, погрузившись в жидкую грязь. Шуга лежал несколькими ярдами дальше.

Я поднялся на колени. Черное гнездо стало точкой на горизонте. Оно поднималось и опускалось, взлетало вверх и опускалось опять... потом рванулось чуть ли не вертикально в небо, и я потерял его из виду.

Я спустился к Шуге, с каждым шагом вызывая крошечные лавинки. Помог ему подняться на ноги и спросил:

— Теперь все?

Шуга пытался, и без результата, отряхнуть свою накидку.

— Думаю, нет,— ответил он, пристально глядя на юг.— Там слишком много богов, которые еще не сказали своего слова.

Мы стояли по щиколотку в измельченной грязи. Двигаться приходилось осторожно, чтобы не вызвать нового сползания склона.

— И долго нам ждать, пока проклятие завершит свою работу? — спросил я.

Шуга пожал плечами.

— Даже не хочу гадать. Слишком многих богов мы призвали, Лэнт, я предлагаю тебе вернуться в деревню. Дети и жены ждут тебя.

— Я останусь с тобой, пока проклятие не совершится.

Шуга задумался и нахмурился.

— Лэнт, черное гнездо, скорее всего, вернется, чтобы напасть на того, кто его проклял. Я не имею права возвращаться в деревню, пока опасность не исчезнет. Но я не хочу, чтобы ты был рядом. Когда все это начнется...

Он положил руку мне на плечо.

— Спасибо, Лэнт, я ценю все, что ты сделал для меня. А теперь иди.

Я кивнул. Мне не хотелось его покидать, но я знал, что так надо.

Шуга не говорил «прощай», он говорил «до свидания». Пока он не был уверен, что черное гнездо уничтожено, он не имел права вернуться.

Я отвернулся и побрел вниз. Мне не хотелось, чтобы он видел на моих глазах слезы.

Глава 17

Деревня была такой же, как я ее оставил. Молчаливой, опустевшей, несущей на себе следы приготовлений Шуги.

Мне посчастливилось найти на дороге один из своих велосипедов. Теперь я остановил его возле моего гнезда. Каким-то чудом домашнее дерево и оба велосипеда оказались неповрежденными.

Я поднялся в гнездо. Моя первая жена спала на полу, свернувшись клубком. От сотрясения она проснулась и протерла сонные глаза.

— Где остальные? — спросил я.

Она покачала головой.

— Они убежали, когда этим утром в деревню пришел Пурпурный.

— Пурпурный приходил в деревню? — спросил я в ужасе.

Она кивнула.

Я схватил женщину за плечи.

— Ты должна рассказать мне, что он делал! Он проклинал гнездо Шуги, не так ли?

— Нет, ничего подобного. Он только походил немного вокруг.

— А огненное устройство? Он использовал огненное устройство?

— Нет. Ему хотелось чего-то другого.

— Что ему нужно было, женщина?

— Не знаю, правильно ли я его поняла. Но у него не было с собой говорящего устройства. Нам пришлось объясняться жестами.

— Ладно, чего он хотел?

— Думаю, он хотел сделать то, ради чего создаются семьи.

— И ты ему позволила...

Женщина опустила глаза.

— Я подумала, что, может быть, я помогу Шуге в дуэли, если ненормальный волшебник на какое-то время отвлечется...

— Но как ты могла! Он же не наш гость! Я тебя побью!

— Я сожалею, муж мой. Я думала, это поможет.

Женщина съежилась под моей занесенной рукой.

Она была права. Я опустил руку. Было бы несправедливо побить одну и не побить другую.

Он устроен очень страшно, муж мой. Он почти что без волос, кроме как...

— Я не желаю об этом слушать,— зашипел я.— Это все, что он сделал?

Женщина кивнула.

— А потом он покинул деревню?

Она опять кивнула.

— Он ничего не касался? Ничего не брал?

Она опять покачала головой.

Я вздохнул с облегчением.

— Благодарение богам, хоть тут пронесло. Ситуация могла оказаться очень опасной. К счастью, ты не сказала ничего лишнего.

Довольный, я опустился на пол. Только теперь я почувствовал, как устал.

— Накорми меня,— сказал я.

Она быстро подала еду, не произнеся ни слова. Если ей понадобится поупражнять свои челюсти, для этого всегда найдутся остатки моего ужина. Я успел съесть два куска, когда вдруг в небе послышался сверхъестественный свист.

То был звук несчастья, бедствия, паники. Я вывалился из гнезда и помчался по поляне. И там сквозь верхушки деревьев увидел... летающее гнездо! Оно вернулось в деревню! Оно больше не было серебряным. Теперь оно стало желтым. Оно пронеслось над головой, затем с пронзительным воем повернулось и полетело обратно.

У меня в голове мелькнули слова Шуги: «...черное гнездо, скорее всего вернется, чтобы напасть на того, кто его проклял...» Не могло ли гнездо спутать меня с Шугой? Я торчал на центральной поляне, слишком напряженный и испуганный, чтобы двигаться.

Гнездо резко остановилось в нескольких ярдах от верхушек деревьев, словно наткнулось на мягкую стену. Дверь, оторванная полностью, отсутствовала. Проем казался черным, а не сверкающе оранжевым, как должен был бы светиться раскаленный металл. Гнездо угрожающе повернулось. Я представил себе глаза, притаившиеся в темноте за входом.

Я ждал, когда они найдут меня.

Гнездо повернулось еще раз, уже быстрее. И неожиданно завращалось с невероятной скоростью. Все его детали смывались и исчезали, поверхность казалась оранжевой жидкостью. Я услышал, как оно жужжит, поднимаясь, и закрыл глаза. Между деревьями пронесся ветер.

Гнездо вращалось, увлекая за собой воздух. Сильные вихри с пронзительным свистом закрутились по деревне, этот звук отличался от агонизирующего крика гнезда, но пугал не меньше. Зарождался чудовищный смерч, и гнездо было его центром. Я вцепился в ствол ближайшего домашнего дерева.

Не Макс-Вотц напал ли на этого чужака? Или это нападение на деревню? Ветер ревел среди деревьев, срывал ветки, листья, гнезда, пытался отодрать меня от ствола, в который я намертво вцепился. Я обхватил корень руками и ногами, спрятав лицо. Листья, кора, сломанные ветки сыпались и сыпались на меня. Сыпались и сыпались...

Немного погодя, я сообразил, что звук стал слабее. Я поднял голову. Ветер утих. Ни на одном дереве в деревне не осталось листьев. Все гнезда были сброшены на землю, многие раскололись от удара, другие откатились в сторону с места падения. Огромное гнездо Пурпурного, все еще вращаясь, двинулось на юг, к реке.

Оно оказалось над ее новым руслом, над неистово мчащейся водой, когда начало падать. Филфо-мар, яростный и неумолимый, тащил гнездо вниз, намереваясь разрушить.

Я должен был видеть это. Я побежал за гнездом, не думая о возможной опасности. Я должен был удостовериться, что гнездо Пурпурного уничтожено полностью!

Гнездо яростно вращалось, словно намереваясь вырваться из пут речного бога. Когда оно коснулось воды, огромное облако пара взметнулось вверх. В то же мгновение вода и топкие берега реки вздыбились единой стеной воды и земли. Небо почернело, Луна скрылась. Чернота широкой волной растекалась по сторонам. Я попытался бежать. Крик сам собой вырвался из моего горла, когда нахлынувшая волна понесла меня назад в деревню. Грязь и ил забили рот и нос.

Неожиданно что-то с чудовищной силой ударило мне в спину, и я обнаружил, что вишу, зажатый между двумя ветками дерева. Вода стекала вниз крупными каплями, грязь — липкими комками.

Вода начала спадать, затем мутной грязевой волной повернула назад в реку, оставив за собой мешанину водорослей и обломков.

Шуга ошибся. Гнездо вернулось не для того, чтобы атаковать его, даже сейчас я видел, что в деревне ничего не уцелело, только несколько почерневших, лишенных листьев домашних деревьев.

Я спустился с веток. Спина надсадно болела, и я начал опасаться, не сломано ли ребро. Пересиливая боль, я захромал к реке. Если мне суждено умереть, я должен сначала узнать судьбу своего врага.

Черная грязь хлюпала под ногами при каждом шаге. Грязная слизь стекала с деревьев. Словно весь мир сделался необитаемым, захлестнутым дождем из земли и воды.

Идти было трудно. В вязком болоте то и дело попадались острые обломки и черепки. В рассеянном свете семи Лун я начал пересекать старое русло реки. Грязь и скользкие камни задерживали меня. Возможно, ими я спасал свою жизнь. Я забыл, что еще один бог не сказал своего слова!

Я выругался, потеряв равновесие на скользкой поверхности. Впереди было видно гнездо. Вращаясь, оно высверлило под собой дискообразную площадку. Когда я взобрался на вал, его окружающий, то увидел, что гнездо опять почернело и лежит в мелкой серебристой воде. Вращение его прекратилось. И наконец, наконец-то оно уже не было нацелено вверх!

Оно лежало на боку. Вода захлестывала впадину вокруг него, а оттуда, в дверной проем. Ослепительный свет вспыхивал в отверстии, бросая блики на поверхность воды.

Боковой наклон яйца был, несомненно, работой Тонкой линии — бога инженеров. Не исключено, что в последние свои мгновения Пурпурный поверил-таки в магию Шуги. Я начинал прикидывать, как подобраться поближе, чтобы хоть краешком глаза увидеть тело свихнувшегося волшебника. Ничего живого внутри гнезда уцелеть не могло.

Я не проделал еще и четверти пути вниз, когда вспышки и сполохи внутри гнезда участились. Свет не был там устойчиво желтым, который раньше освещал кабину. Там сыпались зловещие шипящие вспышки цвета молнии. Я настороженно остановился. До ушей доносились потрескивающие звуки и шипение воды, превращающейся в пар. Я начал карабкаться по склону назад.

Голубоватые вспышки позади меня становились все ярче. Потом из зияющего провала ударила густая струя черного дыма.

Наконец-то я добрался до периметра грязевого вала и укрылся за ним. Осторожно приподнял голову. Гнездо, казалось, медлило, словно раздумывало, что предпринять дальше.

И — надумало!

Оно прыгнуло вверх из выемки. Поднялось по крутой дуге, сверкая белым пламенем, помедлило в верхней точке и рухнуло вниз. Оно упало как раз посреди деревни и тут же подпрыгнуло, оставив позади несколько горящих деревьев. Горячий ветер ударил мне в лицо. Гнездо подпрыгнуло снова.

Оно перемещалось прыжками и пугало сверкающим паром. При каждом ударе из него вырывались огромные искры, и земля вспыхивала, но только на мгновение. Деревня стояла на слишком топком месте, чтобы поддерживать огонь.

Гнездо продолжало прыгать. Оно покинуло деревню, отмечая свой путь новыми очагами пламени, и по прямой линии двинулось к горам на западе, где ждал Шуга.

Оно прыгнуло на холмы, заскакало по нему, словно шарик. Я мог его видеть — сверкающее белое пятно, беспорядочно пере-

мещавшееся по склону горы. Наконец оно исчезло по ту сторону гребня. Ветер следовал за ним, потрескивая от присутствия того бога, который еще не сказал своего слова, затем он тоже пропал на западе. Что-то вроде тишины снизошло на землю. Остались лишь звуки воды, стекающей с веток деревьев в деревне.

Я встал и посмотрел туда, где в центре деревни все еще поднимался столб черного дыма. Смахивая грязь, налипшую на одежду, я подумал, осталась ли в живых моя первая жена? Я бы очень сожалел о ней. Она была хорошей женщиной, послушной и сильной, почти как вьючное животное.

И тут мне пришло в голову, какой из богов еще не сказал своего слова. Я присел. Стояла мертвая тишина. Только хлюпала грязь и шипела вода, пробиваясь между слипшихся камней — только эти звуки наполняли ночь. Ветер совсем прекратился. Последняя Луна спускалась на западе. Вскоре темнота охватила всю землю. Вокруг стало небезопасно.

Мог ли именно в этом ошибиться Шуга? Он, кроме всего, был непредсказуемым богом и славился своей склонностью к чванству, а также был известен тем, что терпел неудачу именно тогда, когда меньше всего ожидал. Может быть, экспериментальная природа заклинания Шуги оказалась недостаточной, чтобы расшевелить его...

Позади меня восток стал вместо черного темно-голубым. Я поднялся, проклиная жесткую и холодную тяжесть моей одежды. И тут же обжигающая глаза ослепительная вспышка заполнила мир...

Глаза мои от боли зажмурились. Но мысленно я все еще продолжал видеть огромный огненный шар, похожий на шары Шуги, но увеличенный до размеров горы. Потом я заставил глаза раскрыться и увидел громадную, вздымающуюся массу пламени — раскаленный яростный гриб-поганку — пылающий дым, поднимающийся из-за гор, скрывающий небо и все кругом...

Меня опрокинуло на спину, поволокло по грязи, словно от удара гигантским молотом, изготовленным из воздуха. А звук! О, этот звук! Мои уши, казалось, лопнут от боли — таким он был громким и непереносимым. Если я считал, что голос Макс-Вотца, пришедший в деревню, был громким, то в сравнении с этим звуком он казался шепотом. Словно сам Сауло спустился вниз и хлопнул своими могучими ручищами.

Но звук продолжался, превратившись в перекатывающийся гул, громыхающий над холмами. Он ворчал и грохотал над миром. Отдалялся и снова накатывался непрерывной волной. Я был уверен, что еще очень долго буду слышать его даже после того, как он исчезнет. Но этот неистовый гудящий рев не смолкал. А с неба начали сыпаться небольшие камни.

Элкин сказал свое слово!

Глава 18

Я нашел свою жену, скорчившуюся на ветках, под вырванным с корнем деревом.

— С тобой все в порядке? — спросил я, помогая ей подняться на ноги.

Она кивнула.

— Хорошо. Тогда найди какую-нибудь тряпку и перетяни мне ребра. Мне больно.

— Да, мой муж.

И она покорно начала стаскивать свою юбку.

Я узнал ее — юбка была одной из ее самых любимых. Я остановил руку женщины.

— Не надо рвать. Найди что-нибудь другое. У тебя не осталось в этом мире ничего другого. Храни ее в целости.

Женщина взглянула на меня, глаза наполнились слезами благодарности.

— Да, мой муж...

Она замолчала. Я понял, что она хочет сказать что-то еще, но боится.

— Продолжай,— приказал я.

Она, забыв о грязи, повалилась на колени и возбужденно схватила меня за руки.

— О муж мой, я так боялась за тебя! Мое сердце наполнилось такой радостью при виде тебя, что я не могу ее скрыть. Я жизни без тебя не мыслю!

Она целовала мои руки, прижимаясь головой к моему телу. Я погладил мех на ее голове, хотя тот и был перепачкан. Но это не имело сейчас особого значения. Мы оба промокли насквозь и изрядно вывозились в грязи.

— Все хорошо,— сказал я.

— О, говори, говори со мной! Скажи, что опасности больше нет, что в мире все снова стало хорошо.

— Встань, женщина,— сказал я.

Она тут же встала.

— Я все потерял. Наше гнездо разбито, а дерево повалено. Я не знаю, где мои дети, куда разбежались другие жены. У меня ничего не осталось. Лишь та одежда, что на теле. И все же я не бедный человек...

— Нет? — Она глядела на меня. Коричневые ее глаза расширились от удивления.

— У меня осталась женщина... хорошая жена.— Я посмотрел в ее глаза, раскрытые и светящиеся любовью.— Женщина с крепкой спиной и желанием работать. Я знаю это. А теперь иди и найди что-нибудь для повязки. Ребро болит.

— О да, мой муж, да!

Она осторожно зашлепала по грязи, покрывающей землю. Я медленно сел. Отдохнуть бы, поспать...

Глава 19

Прежде чем оставить деревню, мы как следует пошарили по ней. Не осталось ли что-нибудь ценное неуничтоженным. Но мало чего нашли. Я надеялся отыскать свой велосипед, но его раздавило упавшим деревом. Больно было видеть прекрасно изготовленную машину раздробленной, вмятой в болотистую землю. И я в самом деле оказался прав, когда говорил, что у нас больше ничего не осталось, кроме той одежды, что была на́ теле.

Мы постояли среди развалин деревни, печально оглядывая последствия катастрофы.

— Что будем делать, муж мой?

— Пойдем отсюда,— сказал я.— Здесь нам нечего делать.

Я повернулся и поглядел на далекие голубые луга.

— Пойдем туда,— махнул я рукой,— на юг. Может, остальным пришло в голову то же решение.

Женщина кивнула, соглашаясь, кряхтя, взвалила на спину тюк, и мы двинулись в дорогу.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда мы заметили на западе коричневую фигурку на велосипеде, старающуюся нас догнать. Было в ней что-то знакомое... Нет, невероятно...

Но так оно и оказалось.

— Шуга!— закричал я.— Ты жив!

Он терпеливо посмотрел на меня и слез с велосипеда.

— Конечно, я жив, Лэнт. А ты как думал?— Он помолчал, разглядывая высохшую грязь, облепившую нашу одежду.

— Что с вами приключилось?

— Мы были в деревне. И видели агонию гнезда Пурпурного, Но умирать оно отправилось в горы, и я подумал, что...

— Чепуха, Лэнт. Дуэль выиграл я. Погибает только проигравший. Я видел, как черное гнездо вернулось. Оно напало на деревню, вместо того чтобы отправиться за мной в горы. А раз оно решило уничтожить деревню, у меня не было причин задерживаться на холмах. К тому же я нашел другой велосипед.

— Скорее всего гнездо проскочило мимо тебя.

Шуга кивнул.

— Я видел, как оно приближается, разворотив деревню. Оно нацеливалось на горы. Но меня там уже не было.

— Шуга, это прекрасно!

Шуга скромно пожал плечами, стряхивая комочки налипшей грязи с рукава накидки.

— Ничего особенного. Так я и планировал.

Говорить больше было не о чем.

Шуга вновь взгромоздился на велосипед. Его чувство собственного достоинства было удовлетворено, репутация победителя — возвеличена.

Он покатил дальше на юг.

Я почувствовал, что горжусь знакомством с ним. Да, иметь такого друга, это вам не что-нибудь!

Глава 20

Голубые сумерки кончились, и успел начаться красный рассвет, прежде чем мы нашли место для отдыха. Мы остановились на каменистом плато, возвышающемся над грядой округлых холмов, за которыми смутно просматривались силуэты домашних деревьев деревни. Море, похожее на пустыню, осталось позади.

Не было необходимости давать приказ делать привал. Мы инстинктивно знали, что проделали за день достаточный отрезок пути. Женщины побросали свои тяжелые тюки и поклажу и устало опустились на землю. Дети немедленно погрузились в глубокий сон. Мужчины сидели, массируя натруженные ноги.

Видок у нас был жалкий и потрепанный. Даже самые сильные выглядели неважно. Многие расстались с большой частью своего меха, и все — со своей упитанностью. Мой мех тоже свалялся в колтун, таким он и останется, пока не выпадет. Открытые гноящиеся раны не были редкостью, и большинство наших заболеваний не поддавались лечению Шуги.

Моя вторая жена, одна из женщин, лишившихся шерсти, разложила передо мной скромную пищу. При других бы обстоятельствах я устроил скандал из-за низкого качества еды и побил бы ее за то, что еды так мало, но при нашем теперешнем положении это был настоящий пир, состоящий из настоящего дефицита. Женщины, должно быть, угробили много часов, выискивая эти плоды и орехи. И все-таки это было не то, к чему я привык. Я принудил себя есть, преодолевая отвращение.

Пока я сидел, перемалывая зубами жесткие волокна, ко мне кто-то подошел. Я узнал почти полностью облысевшего Пилга, когда-то нашего деревенского крикуна, а теперь бедного бездомного бродягу, как и мы все. Был он худой и бледный, и ребра безбожно выступали под кожей.

— А, Лэнт! — воскликнул он с преувеличенной радостью.— Надеюсь, я не помешал тебе?

Он помешал, и он знал это. Поначалу я притворился, что не слышу его, и сосредоточился на особо жестком корне.

Он встал прямо напротив меня. Я закрыл глаза.

— Лэнт,— произнес он,— путешествие, кажется, заканчивается. Твоя душа этому не рада?

Я приоткрыл один глаз. Пилг пожирал глазами мою обеденную чашку.

— Нет,— ответил я,— не рада.

Пилг не смутился.

— Лэнт, тебе надо глядеть на жизнь с радостной точки зрения.

— А она есть?

— Конечно. Ты только подумай, как тебе повезло. У тебя со-

хранилось четверо детей, две жены, и все волосы, да и первая жена ожидает ребенка. Намного больше, чем у меня.

Тут он был прав. Пилг потерял свою единственную жену и всех отпрысков, кроме одного, да и та — девчонка — ничего хорошего.

Но я потерял гораздо больше, чем спас. Так что чувствовать себя лучше было не с чего.

— Мы потеряли всю нашу деревню,— напомнил я и выплюнул горький кусочек прямо под ноги Пилгу. Он неуверенно посмотрел на него, но гордость пересилила голод. Раз ему не предложили, есть он не будет.

А предлагать я и не собирался. Я трижды кормил его за три последних дня. И у меня не было намерения еще больше приваживать Пилга к своей семье.

— Но мы быстро добьемся уважения в новой деревне,— возбужденно заговорил Пилг.— Конечно же, репутацию Шуги как волшебника здесь уже все должны знать. Разумеется, они будут его чествовать. Значит, и нас тоже.

— Они больше всего будут желать, чтобы мы оказались в каком-нибудь другом месте. Посмотри назад. Посмотри, откуда мы пришли. Сплошные болота. А за ними — вода. Океан поднимается почти так же быстро, как мы от него уходим. Вот-вот наступит светлый период, Пилг. Это тяжелое время для любой деревни. Конечно, сейчас они снимают урожай, но пищи окажется ровно столько, чтобы как-то самим продержаться болотный сезон. С нами им поделиться будет нечем. Нет, особого счастья они не почувствуют, если мы решим к ним присоединиться.

Мое упоминание о еде заставило Пилга пустить слюни, которые потекли по подбородку, но правила приличия удержали его. Он вновь покосился на выплюнутый кусочек корня, валяющийся возле ноги.

— Но, Лэнт... погляди на рельеф этой местности. Деревня, к которой мы подходим, расположена на склоне возвышенности, дальше идет обширная долина. У них в запасе, по меньшей мере, дней двадцать — тридцать, прежде чем вода начнет им серьезно угрожать.

— Разумеется,— согласился я, проглатывая кусок, который жевал.

— Может быть, им потребуется наше мастерство, и мы сумеем заработать себе на пищу?

— И какое свое умение ты им предложишь? — хмыкнул я.— Распускать слухи!

Пилг, казалось, обиделся. А я сразу же почувствовал себя виноватым — было жестоко говорить так. Пилг действительно пострадал больше всего, издеваться над его бедами было несправедливо.

— Зачем так грубо, Лэнт,— сказал он.— Если ты хочешь, чтобы я ушел, я уйду.

— Нет,— возразил я, удивляясь самому себе. Я же хотел, что-

бы он ушел.— Не уходи, по крайней мере, пока не поешь чего-нибудь.

Проклятье! Снова он меня спровоцировал! Я ведь поклялся, что не предложу ему еды, но он изводил меня до тех пор, пока я не обидел его и тогда, чтобы загладить обиду, мне пришлось доказывать, что он нисколько меня не раздражает.

Я подумал, не начать ли мне питаться тайком, чтобы только избавиться от Пилга. Но в одном он был прав. Может быть, нам в самом деле удастся обменять наше мастерство на пищу. Не исключено, что умение резьбы по кости не очень распространено здесь, далеко к югу от тех мест, где мы раньше жили.

Но тут очень много зависело от местного волшебника. Согласится ли Шуга принести клятву перемирия на время Болотного Сезона? Потерпит ли местный волшебник хотя бы присутствие Шуги, принимая во внимание размеры его репутации. Будет ли он чувствовать себя в безопасности, когда такой могучий волшебник надумает стать его соседом? А если этот колдун не обладает знаниями и мастерством Шуги, то снизойдет ли Шуга до того, чтобы обращаться с ним, как с равным? Да и вообще, отыщется ли такой волшебник, способный превзойти величие Шуги, столь драматично им продемонстрированное.

Правда, Шуга может предложить местному волшебнику поединок за право повелевать магией этого района. Если он, по несчастливой случайности, проиграет, то нам придется двинуться дальше, но уже без колдуна. Если же выиграет, что более вероятно, то навлечет на нас множество бед, ведь не зря говорится, что волшебник должен понравиться десяти поколениям, прежде чем его примет племя.

Я страшился предстоящей встречи с жителями деревни и особенно с их Гильдией Советников. Если посчастливится, то у нас найдется время передохнуть перед ней, но, скорее всего, такой возможности не будет. Как только они узнают о нашем появлении на склонах их горы, они тут же направят к нам своих представителей.

От нашей Гильдии почти никого не осталось, жалкая кучка людей — я, Хинк Ткач, Пилг Крикун, Демп Три Обруча и еще один-два человека. Ренд Большой Глоток утонул в одном из своих чанов. Тэвид Пастух потерялся вместе с большей частью стада, а среди уцелевших пастухов не нашлось никого достаточно старого и опытного, чтобы заменить его в Гильдии. Другие не выдержали длинного перехода на юг.

И все же Гильдия должна была встретиться, и, если повезет, мы выработаем определенное соглашение, которое нам позволит задержаться здесь, пока не схлынет вода.

А потом нам придется или подыскивать новый район, или просить разрешение остаться. И опять же, очень многое здесь будет зависеть от волшебника.

Глава 21

Позже, с приближением красного заката, наша жалкая горстка Советников побрела по склону к деревне на обязательную встречу с ее жителями.

Большую часть дня мы провели, купаясь в холодном ручье, бегущем через пастбище, потом позволили женщинам промассажировать нас и умастить кожу благовониями и жирами. Мы специально сберегли растирания ради такого случая. А так, если бы постоянно не думать о возможности такой встречи, то давным-давно их бы съели. Мы сменили походную одежду. Не стоило показывать себя такими бедными, какими мы были на самом деле, поэтому пришлось оставить нагишом чуть ли не все племя, чтобы обеспечить достаточно опрятной одеждой Советников, отправляющихся на это чрезвычайно важное свидание.

Шуга, погруженный в свои мысли, остался.

Позже Демп Три Обруча обратил наше внимание на прекрасное качество деревьев в этой области. Нам попадались тонкие и крепкие побеги бамбука, трубчатые волокнистые растения, которые можно было использовать и для строительства, и в пищу, и в качестве закваски для браги, высокие изящные березы с корой, покрытой серыми и голубыми пятнами, искристая осина, белая сосна, крепкий красный ведьмин дуб, густой темный кустарник и даже дикие домашние деревья, остановившиеся в росте, искривленные из-за отсутствия благословения волшебника и надлежащего ухода. В изобилии встречались ручьи. Мы брели по толстому ковру похрустывающих опавших листьев.

Да, это был богатый лес. Лес, за которым ухаживали, но еще не поняли до конца скрытых в нем возможностей. Прежде чем мы проделали половину дороги, стало очевидно, что район великолепно годился для жилья. Лучшего и не надо. Фру, самый старый из пастухов, издал возглас удивления при виде прекрасного пастбища. Джекр, немного разбиравшийся в умении делать брагу, выражал восхищение качеством бамбука. Хинк Ткач задумчиво похмыкивал при виде волокнистых растений, мимо которых проходил. Если бы нам позволили остаться здесь, мы бы, несомненно, были счастливы.

Я раздумывал над тем, что вокруг непочатый край работы. Много больше, чем когда-либо надеялась сделать одна деревня. Если в этом году у них щедрый урожай, то может оказаться хорошим и настроение. Мы рассчитывали, что сможем предложить нашу помощь в обмен на пищу или право использовать часть этой земли.

Их деревня находилась сразу же за поросшим лесом склоном, на гребне самого низкого из гряды холмов. Была она больше, чем наша когда-то, но не намного. Но самое важное — большая часть домашних деревьев оказались неиспользованными, а те, что были заняты, располагались на значительном расстоянии друг от друга. В нашей деревне имелась просторная, хорошо утрамбованная

рыночная площадь. Здесь же все покрывал ковер черной травы, кое-где прорезаемый грязными тропинками. Было ясно, что они не торговали в том количестве, к которому мы привыкли.

Когда мы подошли ближе, то увидели советников, собравшихся на поляне, почти на краю деревни. Мы подняли руки и сделали пальцами жест плодородия. Они повторили его в ответ.

Высокий мужчина, покрытый редким коричнево-красным мехом, выступил вперед.

— Я, Гортин — Глава деревни. Это мои Советники.

Он по очереди представил их. Советников оказалось больше тридцати — торговцы, ткачи, рыбаки, пастухи, различные мастера.

С плохо скрываемой радостью я не нашел среди них мастера резьбы по кости. Неужели в деревне не было ни одного представителя моей профессии?

Если так — то я мог быть уверен, что у меня здесь окажется много работы. Или — эта мысль ужасала, они не считают мастера резьбы по кости достаточно важным, чтобы пригласить его в Гильдию Советником.

Я отметил эту мысль. Мастер резьбы по кости так же необходим, как и любой другой.

Гортин кончил представлять последнего из Советников и повернулся с нам.

— Кто у вас главный?

Вопрос был трудным. Мы еще не выбрали никого из Советников новым главой. А старого Главу Франца похоронили всего два дня назад, и память о нем в наших сердцах еще не остыла. Начались нерешительные колебания и перешептывания, пока наконец Пилг не вытолкнул меня вперед.

— Иди, Лэнт! Ты Главный. Ты дольше всех побыл в Советниках.

— Не могу,— прошептал я,— я никогда не был Главой. У меня даже символа Главы нет, мы похоронили его с Францем.

— Мы сделаем новый. Шуга его освятит. А сейчас мы нуждаемся в Главе.

Кое-кто согласно закивал.

— Но они могут меня убить, если решат, что я слишком дерзкий Глава,— прошептал я.

Многие кивнули в знак подтверждения.

Хинк проговорил:

— Ты с этим справишься, Лэнт.

А Пилг добавил:

— Это высочая честь — умереть за нашу деревню. Я тебе завидую.

После чего он вытолкнул меня вперед и заявил:

— Это Лэнт, наш Глава, он слишком скромен, чтобы самому сказать об этом.

Я проглотил комок. Мужчина должен принимать и исполнять свой долг. Но я дрожал. И не мог избавиться от ощущения, что

сейчас, в любой момент, появится старый Франц и вздует меня за дерзость. Или, что Гортин каким-то образом распознает во мне самозванца и откажет в уважении, необходимом для исполнения моего нелегкого дела.

Но он просто кивнул мне и спросил:

— Почему вы путешествуете?

— Мы переселяемся,— объяснил я.— Мы — эмигранты, ищущие новое пристанище.

— Вы выбрали неправильное направление,— сказал Гортин.— Эти места неподходящие для жилья.

— Вы-то здесь живете,— возразил я.

— Да, но мы этому не радуемся. Я вам завидую... вашему стремлению к странствиям... и желаю вам счастья в пути...

— Мне кажется, вам бы очень хотелось видеть нас уходящими, друг Гортин?

— Совсем нет, друг Лэнт... просто мне не очень хочется, чтобы вы оставались. Земля тут бедная. Вам совсем не понравится, когда вы здесь застрянете на время Болотного Сезона.

— Болотного Сезона?

— Да, когда дни становятся жаркими, Глава Лэнт, а моря поднимаются высоко. И так большую часть года наша земля связана с материком.

— Ваша земля... связана с материком?

— Правильно, двигайтесь по перешейку, дальше. Это очень удобно — на перешейке никто не живет. Скверное время года может застать любого, так что проход открыт для всех.

— Но только не в Болотный Сезон,— закончил за него я.

— Да.— Гортин криво улыбнулся.— На этот сезон мы оказываемся на острове. Потому-то так важно, чтобы вы поторопились. Вы же не хотите, чтобы вас отрезало здесь?

— И большой остров?

— Небольшой. Четыре деревни и немного земли между ними. И холмы Юдиони. Это там, где сейчас расположились ваши люди.— Он подумал и добавил: — Никто не живет на холмах. В основном из-за того, что там ничего не растет. Мы перебираемся туда на время Болотного Сезона, но потому лишь, что остальную сушу океан затапливает. А все остальное время это место пустует.

— Остров... — повторил я. Мысль начала принимать форму.— Да, ты прав, нам надо поторопиться.

Я махнул Советникам.

— Идемте, не стоит тратить время на разговоры. Гортин дал нам прекрасный совет, надо поспешить, чтобы воспользоваться им.

Я поглядел на Гортина, сделал жест плодородия, запахнулся в накидку и покинул поляну. Мои Советники потянулись следом.

Мы снова вошли в лес. Хинк и все остальные спешили со всех ног.

— Скорее, Лэнт, скорее,— подгоняли они. Я брел сзади, иногда останавливаясь, чтобы полюбоваться видом особенно живописной группы деревьев.

— Лэнт,— не успокаивался Пилг.— Да поторопись же ты!

— Пилг, не гони так,— пробормотал я.— Куда спешить?

Его глаза расширились.

— Ты же сам слышал. На время сезона здесь будет остров.

Другие тоже остановились и собрались вокруг.

— Надо торопиться, Лэнт!

— Зачем?— спросил я.

— Затем, что если мы не поторопимся, то окажемся тут в ловушке.

— Завязнем мы тут и не сможем идти дальше,— растолковывал Хинк.

— И тогда они не смогут отказать нам в убежище, не так ли?— ответил я.

Советники задумались.

Я продолжал:

— Конечно, мы должны поспешить отсюда убраться, как и рекомендовал Гортин. Но если мы поторопимся, но недостаточно быстро, то у нас не окажется выбора. И нам придется остаться.

— Хм,— протянул Пилг, он начал улавливать мою мысль.

— Ну-ну,— произнес Хинк, он уже понял.

— Взгляните вокруг,— продолжал я.— Лес ужасный, верно. А вспомните, что видели по дороге?

Советники задумчиво закивали. Еще бы, они помнили, что видели.

— Никуда не годное место для деревни, согласны?

Они огляделись.

— Да, место никуда не годится,— согласился Демп,— мне придется плести вдвое большие по размеру гнезда, чем прежние, так что работы окажется непочатый край. Да и что станет делать мужчина с таким большим гнездом?

— Ты прав,— согласился Джерк.— Ты только посмотри на этот бамбук, такой густой и крепкий. Я подумал о пиве, которое я мог бы из него сделать. Нет, не пойдет на пользу мужчине такое замечательное сладкое пиво!

Хинк опустился на колени, ощупывая волокнистые растения.

— Хм-м,— протянул он,— ничего хорошего не принесет человеку такая прекрасная одежда. Она его испортит, не подготовит к трудностям жизни.

— Стоит ли привыкать питаться регулярно,— добавил Пилг.— Мы растолстеем, станем ленивыми.

И мы все дружно вздохнули.

— Да, кошмарное это место, чтобы здесь селиться,— подвел я итог, растягиваясь под уютным деревом.— Идите сюда, нам надо поскорее решить, как мы будем двигаться дальше.

Хинк пристроился под соседним деревом.

— Хорошо, Лэнт,— сказал он,— но поспешность к добру не ведет, давай слегка прикинем, каким путем нам отсюда уйти легче всего.

— А-а,— вздохнул Пилг, нашедший себе лужайку с мягкой лу-

говой травкой.— Но уйти нам надо до того, как здесь нас отрежет море.

— Ты прав,— согласился Джерк с уютной постели из мха.— Мы не должны задерживаться здесь слишком долго.

— Не должны,— поддержал его Демп.— Но, думаю, сумерки будут темными.

— Да, конечно, никто и не думает, что мы можем отправиться в дорогу на ночь глядя,— вмешался я.

— В таком случае, зачем женщинам снимать палатки?— спросил Пилг.

— Это просто замечательно, следует выспаться перед путешествием,— добавил еще кто-то.

Я зевнул.

— Что ж, звучит заманчиво. Кажется, я уже начинаю задремывать.

— Завтра мы должны рано встать,— напомнил Джерк.

— Ага. Думаю в полдень или чуть позже будет нормально,— пробормотал я.

— О-о,— простонал Хинк,— ведь предстоит еще так много сделать. Например, завтрак и потом... полдник...

— Ах,— вздохнул Пилг.— У женщин просто не окажется времени снять палатки до полдника.

— Но и после этого у них не окажется времени,— пробормотал я сонно.— Им же предстоит запастись пищей для путешествия, прежде чем мы отправимся в дорогу.

— Это может занять весь день...

— Или даже два... а то и три...

Новые надежды... и зевки. Кто-то сонно пробормотал:

— Надеюсь, не окажется проблемой познакомить Шугу с местным волшебником.

— Не знаю. Надо что-то придумать. Спроси Пилга, как он считает?

— Пилг спит.

— Тогда спроси Хинка.

— Он тоже спит.

— А Джерк?

— Давным-давно.

— Вот незадача. А Демп?

— Само собой.

— Тогда почему вы мне спать не даете,— проворчал я.— Трудная эта работа, быть Главой.

Глава 22

И действительно — ужасное событие нас не избегло. Мы торопились, как могли, но море поднялось и отрезало нас на острове. На это потребовалось одиннадцать дней.

Нам надо было всего несколько часов, чтобы преодолеть перешеек — все время сужающуюся полоску суши,— но нам как-то не

удалось организовать женщин. Суматоха в лагере царила ужасная. Шесть дней подряд мы снимали палатки. Но потом оказывалось, что было слишком поздно и их приходилось ставить обратно, чтобы лечь спать. Красное Солнце стояло высоко в небе, значит, пришла ночь.

Гортин и его Советники пришли полюбоваться на нас на следующий день. Они кричали, озирались по сторонам и без конца требовали, чтобы мы быстрее торопились.

— Но мы и так торопимся изо всех сил. Но вы же видите, наши женщины настолько глупы, что могут удержать в голове самое большое два приказа сразу.

— Удивительно, что вы так далеко ушли,— пробормотал Гортин.

— Да, конечно,— согласился я и побежал дальше.

Теперь Гортин приходил каждый день, разбирался в наших задержках. Наконец, когда мы тронулись в путь, Гортин и его Советники были просто счастливы проводить нас в качестве проводников.

На то, чтобы пересечь остров, у нас ушло пять дней. Мы подошли к перешейку как раз вовремя, чтобы увидеть, как над ним сомкнулось море. Гортин то ли вздохнул, то ли застонал от огорчения. Я тоже горестно вздохнул.

Глава Гортин посмотрел на меня.

— Лэнт, если бы я не знал наверняка, что вы хотите уйти, я бы подумал, что твои люди хотят здесь остаться.

Он помотал головой.

— Но я не могу в это поверить. Я еще не встречал племя более глупое и суетливое, чем твое.

Я был вынужден согласиться с ним.

Гортин сказал:

— Ладно, давай возвращаться. Очевидно, вам придется побыть с нами весь Болотный Сезон.

Я кивнул.

Потом, будто нехотя, отдал приказание:

— Эй, вы, поворачивайте назад! Поворачивайте! Слишком поздно идти через перешеек. Нам придется вернуться назад, на нашу прежнюю стоянку.

Мы снова разбили лагерь на холмах Юдиони еще до наступления сумерек.

Глава 23

Настало время представить друг другу наших волшебников.

Я был очень доволен собой.

Глава Лэнт. Глава одной из лучших деревень в мире. Глава деревни Шуги Великолепного! Я светился от гордости.

Шуга — в пурпурно-красной накидке, способной менять цвета, как Солнце меняет расположение на небе,— производил сильное впечатление. На шее, на шнурке он нес линзы ненормального вол-

шебника, трофей и символ, доказывающие, что он — именно тот, кто и есть.

Нараспев, высоким голосом, он поведал им о своем искусстве и о том, как он нанес поражение своему самому опытному врагу, Пурпурному, безумному волшебнику, который заявлял, что пришел с другой стороны неба.

При этих словах слушатели зашевелились. Очевидно, слава Шуги опередила нас. Шуга рассказывал, как он уничтожил гору Зуб Критика, как призвал гром и обратил в пустыню местность на многие мили вокруг.

В виде доказательсва он высоко поднял квадратные линзы Пурпурного. И он еще нисколько не приукрашивал историю. Правда, она сама по себе бала достаточно впечатляющей.

Когда он закончил, начал я. Я рассказал, что нам пришлось уйти из своей деревни из-за побочных эффектов заклинания Шуги и двигаться на юг почти четверть сезона. Наше путешествие началось при голубом Солнце. Мы проделали многие сотни миль по дну отступающего океана. Мы шли, и Солнца отступали друг от друга на небе все дальше и дальше. Красный Варн и голубой Оуэлс все дальше и дальше растягивали дни между собой, пока темнота не пропала совсем.

Я рассказал, как из-за множества опасностей и потерь мы пересекли великую грязевую пустыню. Приближался светлый сезон, моря должны были вернуться на эту землю, последний этап нашего путешествия превратился в беспорядочное бегство от подкрадывающейся воды. Много раз мы просыпались и обнаруживали океан, плещущийся у наших палаток.

Я не стал говорить, что именно там мы потеряли Франса. Однажды ночью он захлебнулся в своей палатке. Им совсем ни к чему было знать, что я совсем недавно стал Главой деревни.

Сейчас Варн и Оуэлс были на противоположных сторонах неба. Световое время началось. Как океан подползал к этим холмам, так и я неторопливо повествовал, как мы добрались сюда, к подножию южных гор, ища убежища и места, чтобы построить новую деревню.

Гортин улыбнулся.

— Ваши рассказы очень впечатляющие, особенно у твоего волшебника. Коль его магия хоть наполовину так же хороша, как его рассказы, то он бросает вызов самим богам.

— У вас такой же хороший волшебник? — спокойно спросил я.

— Лучше,— ответил на это Гортин.— Его заклинания не вызывают побочных эффектов, которые уничтожают целые деревни.

— Заклинания нашего волшебника так сильны, что и при меньших побочных эффектах оставляют вокруг себя пустыню.

— Какое счастье, что он уменьшает побочные эффекты,— улыбка Гортина поддразнивала нас.

Было очевидно, что он не верит в силу Шуги. Но я надеялся, что Шуге не придется это демонстрировать.

— Наш волшебник,— продолжал Гортин,— пришел к нам со-

всем неожиданно. Он убил старого волшебника одним ударом, но ничего не повредил. За исключением, конечно, старого волшебника.

Позади Гортина зашуршали кусты, словно кто-то торопливо шел к нам. Гортин отступил в сторону со словами:

— Знайте же, наш волшебник — это Пурпурный Неубиваемый!

Я подумал, что мое сердце остановилось. Шуга стоял дрожащий и немой, не в силах пошевелиться. Человек, выступивший вперед, действительно был Пурпурный в целости и сохранности, тот самый Пурпурный, которого Шуга, как мы надеялись, убил в яростной битве, во время последнего заклинания.

Другие жители нашей деревни отпрянули от Шуги, словно надеясь избежать неизбежного удара молнии Пурпурного.

Внутренне я тоже был готов отпрянуть. Я хотел убежать, умереть. Видимо, последнее мое желание будет удовлетворено, и скоро.

Пурпурный внимательно оглядел нас. На нем был костюм небесно-голубого цвета, сшитого из одного куска, он облегал его как вторая кожа. Несколько предметов свисало с широкого пояса, стянувшего обширную талию. Капюшон откинут назад. Взгляд его был косящим и неуверенным, глаза слезились и бегали, перескакивая с одного на другого. Наконец, ищущий этот взгляд остановился на... о, боже! На мне...

Пурпурный энергично шагнул вперед, схватил меня за плечи, вглядываясь в лицо.

— Лэнт, ты ли это?

Его слова звучали странно, но произносились им самим. Очевидно, его говорящее устройство было уничтожено, и ему пришлось научиться объясняться по-человечески.

Он выпустил меня раньше, чем я потерял сознание, и осмотрелся вокруг.

— А Шуга? Шуга здесь?

И тут он увидел низенького волшебника. Шуга стоял на месте и дрожал.

— Чему бывать, того не миновать, — пробормотал он, — лишь бы это было безболезненно.

— Шуга, — произнес свихнувшийся волшебник, пройдя мимо меня с вытянутыми руками. — Шуга, я хочу кое о чем спросить тебя.

Шуга излал поистине нечеловеческий крик, прыгнул вперед и вцепился в Пурпурного.

Они оба покатились по земле, большой волшебник и маленький. Шуга издавал некрасивые хныкающие звуки. Пурпурный задыхался.

Потребовалось девять человек, чтобы растащить их. Наши самые молодые и проворные советники уволокли лягающегося и визжащего Шугу. Крики его доносились до нас из-за леса, пока не прервались всплеском в реке.

Пока Пурпурный отряхивался, Шуга вернулся, сопровождаемый с одной стороны Дирком-пастухом, а с другой — Орком, моим старшим сыном. Он встал между нами, сердито поглядывая на собравшихся.

Сочувствующие, заботливые советники обступили Пурпурного. Они похлопывали его по плечам, словно взволнованную женщину. Гортин не скрывал замешательства. Он посмотрел на меня и сказал:

— Кажется, наши волшебники уже знакомы друг с другом.

Глава 24

Я перевел взгляд на Пурпурного. Голова кружилась. Я чувствовал, что пропал. Мой рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной умирать на берег. Как эта напасть нас отыскала?

— Ты мертв! — заявил я волшебнику. — Как ты мог... какого бога...

Тут я замолчал, поскольку вопрос был неразумным. Пурпурный не верил в богов, он говорил об этом множество раз. Я не мог спокойно смотреть на него, на его тело с противным брюхом, на его выпирающую плоть, на бледную безволосую кожу, на лоскутья неестественного прямого черного меха. Он был воплощением уродства в моих глазах. Он был угрозой моей душе и рассудку. Гортин усмехнулся, довольный таким сюжетом. Я указал на Пурпурного и с трудом проговорил:

— Откуда?

— Это — подарок богов, — ответил Гортин. — Мы много лет прожили с волшебником, которым не все были довольны. — Он сумрачно нахмурился. — Дером был прекрасный, сильный волшебник, но некоторые становились несчастными из-за его заклинаний.

— Дером! — пробормотал Шуга. — Мы учились вместе.

Я кивнул. История была знакомой. Иногда волшебники начинали злоупотреблять своей властью. И тогда уважение к ним падало. Потому что от этого страдали жители.

— Это случилось во время последнего соединения, — продолжал Гортин. — Чудо! В эту ночь разразилась страшная буря. Поднялся сильный ветер, огненный шар Элкина пронесся по небу и повернул обратно. А затем на краю деревни послышался треск. Когда мы выбрались из гнезд, то обнаружили вот этого волшебника, который упал на старый дом Дерома и раздавил его всмятку. Действительно, странный волшебник!

— Он упал с неба!

Гортин кивнул. Другие Советники принялись объяснять, перебивая друг друга:

— Он пришел с неба!

— Хотя на нем не было и царапинки!

— Словно огромная падающая звезда...

— Никто не пострадал.

— Даже Дером. Он был убит мгновенно.

— Было много песен и плясок...

— Ти-хо! — проревел Гортин.

Стало тихо. Гортин продолжал:

— Мы отдали Пурпурному малиновые сандалии Дерома и его накидку и тут же сделали его волшебником. А что нам еще оставалось делать? От него вообще никакого толку. Он даже по-человечески не говорил. Нам пришлось похоронить Дерома без освящения.

— Но как может человек упасть с неба и не быть убитым?

— Пурпурный — не просто человек,— заявил Гортин, словно этого объяснения было достаточно.

— Он — демон,— прорычал Шуга.

Такого объяснения было более чем достаточно.

— Это благодаря моему защитному костюму,— вмешался Пурпурный.

Он выступил вперед и с силой ударил себя по животу. Его брюхо было большим и рыхлым, потому от удара он должен был бы сморщиться от боли. Но этого не произошло. Мне на мгновение показалось, что Пурпурный стал жестким, как камень.

— Мой защитный костюм,— повторил он.— В нормальных условиях он гнется как обычная одежда. Но при резком ударе становится единым несокрушимым монолитом. Лэнт, помнишь, как в вашей деревне мальчишка кинул в меня копье?

— Помню. Тебя даже поцарапало.

— Этот костюм словно жесткая кожа. Вместе с капюшоном он прикрывает меня всего, кроме глаз и рта. Он спас мне жизнь.

— Я не понял, что мое летающее яйцо движется,— продолжал Пурпурный.— Вы замазали густой серой грязью все кнопки и циферблаты, так что я не мог видеть как работают мои... — он запнулся, подбирая подходящее слово,— мои устройства для заклинания.

Он принялся объяснять жителям своей деревни:

— Они каким-то образом умудрились проникнуть в мое летающее гнездо. Я вам о нем уже рассказывал — и натворили в нем ужас что.

Повернувшись в нашу сторону, он добавил:

— Я был в ярости, Лэнт. И хотел перебить всю вашу банду.

Я содрогнулся. Он и сейчас может осуществить свое желание. Действительно, чего он ждет?

— Потом я понял,— продолжал он,— что все это вы сделали из-за невежества. Возможно, вы подумали, что яйцо живое и опасное. Вероятно, это и послужило причиной первого нападения Шуги на меня. Я теперь хочу знать... для чего вы перепачкали и переломали все инструменты в моем летающем гнезде?

К несчастью, я не понял, как тяжело вы повредили его. В любом летающем гнезде предусмотрено заклинание, которое компенсирует резкие движения. Оно же компенсирует отсутствие зе-

мли под ногами. Короче, я не знал, что лечу. Вы же замазали серой краской все экраны, так же как и индикаторы.

Когда я открыл дверь, чтобы отправиться на ваши поиски, ветер от движения гнезда подхватил меня и швырнул наружу. Когда я понял, что падаю, то надвинул капюшон и свернулся клубком. Мой защитный костюм спас меня, сохранив форму. Как вода в сосуде, оне не изменит свою форму, если ты резко надавишь на него.

— Я бы предпочел, чтобы этот сосуд разбился,— проворчал Шуга.

— От падения я потерял сознание,— продолжал Пурпурный,— но не сломал ни одной косточки. Правда, падая вниз, я ничего не запомнил на местности. И до сих пор не знаю, где нахожусь... А мое летающее гнездо не отвечает на сигналы. Уже несколько месяцев не отвечает. Я боюсь, что оказался вне зоны его приема...

— Совершенно верно,— сказал я.— Заклинание Шуги его полностью уничтожило. Оно находилось под горой, называвшейся Зуб Критика, когда по нему ударил молот Элкина.

— Элкина?

— Бог грома, маленький, но могущественный.

— Ах, да. Я о нем слышал. Так, говоришь, он ударил в мое яйцо?

— Ударил — огромнейшей вспышкой и звуком, таким громким, что содрогнулась земля и раскололось небо. И после этого я не мог ничего видеть и слышать.

Пурпурный издал странный сдавленный звук.

— Скажи мне, Лэнт, теперь земля там светится по ночам странным голубым светом?

— В старой деревне — да. И все деревья и трава — умерли. Многие жители и животные — тоже. Взгляни, у Пилга и Анга вылезла вся шерсть, а Пилг покрылся язвами.

Пурпурный прищурился и подошел поближе. Пилг, настоящий храбрец, не сбежал от неожиданного и лихорадочного осмотра.

Лица обоих побледнели.

— И правда,— прошептал Пурпурный.— Получается, я потерпел крушение. Это язвы,— тут он воспользовался словом из своего демонского языка,— от радиации. Язвы от радиации!— воскликнул он.— Вы взорвали мое гнездо.— Пурпурный продолжал что-то непонятно и возбужденно бормотать, озираясь по сторонам.— Вы, волосатые недочеловеки, сокрушили мою летающую машину. Я остался здесь навечно. Будьте вы прокляты, все вы...

Мы отпрянули от него подальше, даже жители его деревни. Слишком уж он увлекся проклятиями. Но Гортин и еще несколько Советников шагнули вперед и принялись утешать Пурпурного.

— Ничего, ничего,— бормотали они, похлопывая его по спине, но с видимой опаской.

— Оставьте меня в покое!— завопил Пурпурный, вырываясь

из удерживающих его рук. Он наткнулся на Пилга, который продолжал стоять впереди всех, выставив лысую, воспаленную грудь.

— Ты сможешь меня вылечить?— спросил Пилг дрожащим голосом.

Пурпурный заколебался, глядя на перекошенное болезнью тело, точно увидел его впервые, потом заглянул в глаза Пилгу, шагнул вперед и обнял его за плечи.

— О, мой друг, мой бедный друг, дорогой друг...

Он выпустил дрожащего Пилга и повернулся к остальным.

— Мои друзья, вы все...

Мы дружно подались назад. В обеих деревнях не нашлось человека, хотевшего стать другом бродячего свихнувшегося волшебника.

— Друзья мои, теперь я нуждаюсь в вас больше, чем когда-либо. Я потерял самый сильный источник своего могущества. Мое летающее яйцо уничтожено. И все те чудеса, которые я обещал для вас сотворить, когда его найду... теперь я не могу осуществить...

Тут Шуга немного распрямился.

— А сделал это я,— напомнил он.

В его голосе прозвучали нотки гордости. И он был единственным, кто улыбался.

— А сделал это ты,— сказал Пурпурный таким тоном, что двое Советников тут же двинулись вперед, готовясь схватить его за руки.

Гортин перевел взгляд с меня на Пурпурного, потом на Шугу. Он, должно быть, лихорадочно размышлял. Он полагал, что их волшебник лучше нашего. Но Пурпурный только что сам признался, что дуэльные заклинания Шуги принесли тому довольно значительный ущерб. Очевидно, оба волшебника обладали властью, с которой придется считаться.

Но как они ненавидят друг друга! Это не предвещало ничего хорошего любой деревне. Гортин отвел меня в сторону.

— Думаю, самое время прекратить собрание.

— Пока наши волшебники не сделали это за нас,— согласился я.

— Забирайте своего в свой лагерь, а мы загоним своего в его гнездо. А с тобой нам надо встретиться позднее, наедине, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Чтобы наши обе деревни выжили, нам придется немало поработать.

Я кивнул.

Долго ли сможет Шуга держать себя в руках?

Нам следовало как можно быстрее убраться с территории Пурпурного. Я немедленно замахал руками на своих Советников.

— Пошли, пошли!

Все, чего я желал,— это увеличить расстояние между свихнувшимся волшебником и Шугой.

Мы торопились вернуться на свой склон. Все наши мысли были сосредоточены на одном — мы в ловушке на острове, рядом

с двумя раздраженными колдунами... О, Элкин, что мы такого сделали, что заслужили такую участь! Неужели мы настолько разгневали богов?

Глава 25

На то, чтобы дурную новость узнали все, много времени не потребовалось. Волна страха прокатилась по лагерю и была очень видима. Женщины принялись выть, сильные мужчины дрожать, дети недоуменно орать. Собаки лаять.

Многие начали распутывать веревки палаток, снимая их. Хотя и измученные, люди были готовы продолжить свой путь — настолько был велик их страх перед Пурпурным.

Невероятно — несколько вот этих жалких семей совсем недавно были богатой и сильной деревней. Но такими мы были до появления Пурпурного. Мы видели, как наша деревня выжигается дотла, видели смерть наших друзей и соседей, видели, как гибла наша собственность, и все это в результате вражды Шуги и ненормального волшебника.

А дуэль еще не кончилась. Пурпурный все еще жив, он последовал за нами, он готовился уничтожить нас. Его принесло сюда за одну ночь. И он четверть сезона поджидал нашего появления.

Шуга был неприступен. То, что Пурпурный был до сих пор жив, видимо, само за себя говорило о его неудаче. Он осуществил свое самое великое заклинание, а ненормальный волшебник даже не держал на него за это зла!

Шуга раздраженно вырвался из рук двоих сопровождающих его советников и потопал напрямик через поле, уже подмоченное морем. Толпа двинулась за ним по краю, как овцы вдоль лужи грязной воды. Встревоженные матери загоняли детей в безопасное место.

По всему лагерю уже снимали палатки. Люди готовились спасаться бегством. Они не знали куда идти, но лучше умереть в пути — так был велик их страх перед Пурпурным волшебником. Тут и там рыдающие женщины упаковывали свои тюки. Дети цеплялись за их юбки. Многие мужчины, когда я проходил мимо, набрасывали на своих жен дополнительные путы — кто знает, на что способна женщина в истерике.

Несколько членов Гильдии Советников стояли кучкой и спорили. Увидев меня, они замолчали.

— А, Лэнт, мы только что обсуждали, что лучше: двинуться дальше на юг или, возможно, на запад, чтобы...

— Что за глупости ты болтаешь, Пилг?

— В путь, в путь!.. Не можем мы здесь остаться, черт возьми, верно?

— Мы не с силах отсюда уйти. Если только ты не научился ходить по воде.

— Это не единственное место на острове, Лэнт,— произнес Хинк.— Ты слышал, что говорил Гортин?

— Ты это тоже слышал,— резко прервал я его.— Остров невелик. Четыре деревни и холмы Юдиони. Хинк пожал плечами.

— Если нам придется бежать на холмы, то пусть так и будет. Мы сможем выбраться отсюда ночью.

— Тогда все деревни острова будут настроены против нас.

— У нас нет выбора. Шуга собирается начинать дуэль.

— Это Шуга сказал?

— Ха! Нет необходимости говорить с Шугой, чтобы понять, что он замышляет дуэль. Он поклялся убить Пурпурного, помнишь?

— А теперь послушай,— сказал я.— И не торопись с глупыми выводами. Вот что мы сделаем. Первое: никакой дуэли сейчас не будет. Второе: я собираюсь прогуляться в нижнюю деревню и кое-что предпринять. Я хочу переговорить с Гортином наедине и попытаться реализовать наши первоначальные планы: обменять наше мастерство на пищу и землю. Это единственная возможность для нас выжить.

— Ха!— фыркнул Хинк.— Ты считаешь, что сможешь удержать Шугу от продолжения дуэли?

— Теперь я — Глава,— перебил я его,— это дает мне власть.

— Минутку, Лэнт,— улыбнулся Хинк,— мы позволили тебе быть Главой, но только на переговорах с жителями нижней деревни. У нас нет намерения позволять тебе, всего лишь мастеру по кости, принимать на себя все остальные права и привилегии Главы.

Послышались приглушенные согласные голоса остальных.

— Конечно, ты прав, Хинк. И в тот раз я не хотел быть Главой. Но вы настаивали, и твой голос был одним из самых громких. Теперь же, раз вы признали меня Главой в переговорах с другими людьми, то вам придется признать и тот факт, что я представляю вас в переговорах с богами.

— Хм!

— Хорошо, подумай сам! Очевидно, боги нас испытывают. Эта куча напастей, которая на нас навалилась,— всего лишь проверка нашей веры и послушания. Боги желают убедиться, продолжаем ли мы верить в них, несмотря на все несчастья, продолжаем ли мы молить их о милости — или вместо этого мы отрекаемся от них в своем отчаянии.

— А что здесь общего с тем, что будет тебе позволено или нет отдавать приказы?— спросил младший сводный брат Хинка, Меньшой Хинк. Отец у них, конечно, был один, но матери разные.

Я с самым сердитым видом уставился на него.

— Но это же должно быть очевидно даже для таких лягушачьих мозгов, как у тебя! Если ты отрицаешь старые обычаи и традиции — ты отрицаешь самих богов. Вся наша жизнь основана на капризах богов, которым мы служим. Только волшебник может контролировать богов — и только Глава деревни может контролировать деревенского волшебника. Шуга вырезал свое согласие

на символе Главы, поэтому только владелец этого символа имеет над ним власть.

— Но у тебя нет символа,— заметил Хинк.

— Правильно,— воскликнул Большой Хинк.— Мы тебе ничего не должны.— Остальные послушно начали поворачиваться.— Мы можем выбрать и другого Главу. Шуга с такой же легкостью сделает символ и для него.

— Подождите!— крикнул я. Соображать приходилось мгновенно.— Кое о чем вы забыли!

Что-то в моем голосе заставило их остановиться!

— Вы забыли о Гортине, Главе нижней деревни. Он не знает, с каких пор я являюсь Главой,— он думает, что я такой же опытный, как и он. Но если вы представите в качестве Главы другого человека, он сразу догадается, насколько этот человек неопытен,— и будет удивляться, что мы выбрали нового Главу в такой критический момент. Все деревни на острове получат перед нами преимущество, зная, что имеют дело с начинающим Главой.

Советники что-то забормотали, потом отошли в сторону и принялись горячо обсуждать вопрос.

— Лучше совсем без Главы, чем...

— Но эта нижняя деревня...

— Не нужен нам еще один неподходящий Глава...

— Но мы уже поручили...

— И еще одно,— окликнул я их,— Шуга.

Они замолчали и повернулись в мою сторону.

— Как вы думаете, как он будет реагировать, когда вы придете к нему и заявите, что его лучший друг больше не Глава? Найдется среди вас такой, кто считает, что сможет успокоить разбушевавшегося волшебника?

Такого не оказалось. Советники осторожно переглянулись. Наконец Хинк закивал, соглашаясь, и остальные закивали вместе с ним.

— Ладно, Лэнт, ты победил. В следующий раз мы будем осмотрительнее, когда придется кого-то выталкивать вперед.

— И, определенно, язык у него не будет таким шустрым,— пробормотал Младший Хинк.

— Будем надеяться, что он сможет использовать его против Гортина,— пробормотал Спеорг.

— Не беспокойся,— заявил Большой Хинк,— если не сможет, мы же его за это и вздернем.

— Я более озабочен, чтобы ты потренировал его на Шуге,— сказал Пилг.— И поскорее. Как раз в эту минуту Шуга, возможно, готовится к дуэли.

— Чепуха!— отрезал я.— Не будет он сейчас планировать дуэль. Сейчас светлый сезон, Лун нет.

— О, Лэнт, ты достаточно хорошо знаешь времена года,— но не думаю, что ты так хорошо знаешь Шугу!

— Я мастер по кости,— произнес я с достоинством.— Я дол-

жен иметь достаточное представление о магии, чтобы изготовлять настоящие инструменты.

Глава 26

Шуга находился в одиночестве возле своего укрытия. Я обнаружил его пристально разглядывающим небо и что-то бормочущим себе под нос.

— Козлиная почка... лягушачья икра... муравьиные перья... Ну почему все несчастья случаются во время светлого сезона?

— Шуга,— поинтересовался я,— в чем дело?

— В небе, идиот, в небе!

— Я не идиот. Я теперь Глава.

— Можно быть Главой и оставаться идиотом,— резко ответил он. Его глаза покраснели и слезились от длительного разглядывания небес.— Если бы не только это проклятое богами небо!

— С небом что-то случилось!

— Я не вижу Лун.— Шуга встал и всплеснул руками.— Элкин! Как я узнаю, какая сейчас конфигурация! Ведь я не могу видеть Луны! Красный день, голубой день, снова красный день... а темноты нет совсем... Я смотрел...

Во мне начало подниматься недоброе подозрение.

— Шуга, что ты замышляешь?

— Пытаюсь спланировать дуэль... Да защитят нас боги, Лэнт, но я не могу хотя бы спланировать оборону, пока не узнаю конфигурацию Лун!

— Это скверно,— согласился я. Один Вирн знает, как я мог сдержаться и не позволить своему голосу не задрожать.— Но, быть может, это и хорошо.

— Хорошо?!— Шуга резко повернулся в мою сторону.— Что здесь может быть хорошего? Как я смогу спланировать дуэль, если все предзнаменования скрыты?

— Может быть, это знак,— осторожно проговорил я.— Знак, что не стоит объявлять дуэль.

— Не стоит объявлять дуэль?.. Да ты с ума сошел, Лэнт! Глава!— произнес он, не скрывая иронии.— Один ты знаешь, как истолковывать предзнамменования.

— Я и не собираюсь толковать предзнаменования,— твердо заявил я.— Я хочу сказать, что тебе не всегда следует полагаться на свою магию, как на самое легкое решение. Вероятно, тебе иногда бы не мешало и подумать о более рациональном образе действий, а не торопиться накладывать заклинания со своими опасными побочными эффектами. Не забывай, что бы ты ни сделал, от побочных эффектов ничего не спасет.

— Ты собираешься учить меня магии?

Шуга пристально глядел на меня сузившимися глазами.

— Я? Никогда! Я — твой самый верный сторонник!.. Но ты должен признать, Шуга, что ты порой берешься за свою магию в ситуациях, когда немного дипломатии принесет больше пользы.

Ты слишком поспешно разбрасываешься заклинаниями, не успев выяснить, как они действуют.

— А как мне еще узнать, как они подействуют? — упрямо спросил Шуга.

Я решил проигнорировать вопрос.

— Ты должен признать, Шуга, что словесное мое мастерство выше твоего словесного мастерства.

— Да, — согласился он. — Ты им чаще, чем я, пользуешься. Поэтому у тебя лучше и получается.

— Тогда пусть все останется так, как и есть, если ты не знаешь, как расположены Луны, если ты не можешь использовать никаких зависимых от Лун заклинаний, то тебе придется положиться на меня, как на Главу, чтобы я постарался избежать ситуации, при которой потребуется твоя магия.

— Слишком поздно, Лэнт. Мы уже оказались в ситуации, в которой настолько требуется моя магия, что другого выхода нет. Я обязан защитить нас от Пурпурного. А он, несомненно, постарается убить и меня... и тебя... и всех остальных жителей деревни, лишь бы только вернуть их себе. — И он помахал в воздухе трофеем, который подобрал во время уничтожения черного яйца: кварцевыми линзами Пурпурного. Их черная костяная оправа заблестела в голубом свете.

— Чепуха! — резко возразил я, сам удивляясь собственной дерзости. Я уже начал ощущать себя Главой. — Очевидно, ты хуже меня знаешь Пурпурного. Я не припомню, чтобы он хоть раз применил против тебя насилие или попытался применить заклинание. Пурпурный даже не ответил ни на одну из твоих атак.

— Тем более надо быть осторожным. Мы сейчас в его деревне, и когда он ответит, то Луны посыплются, Лэнт.

— Еще одна чепуха! Пурпурный больше говорит, чем делает.

— Моя магия необходима, чтобы защитить нас, Лэнт!

— Огромное спасибо, что ты намерен нас защищать, но это не значит, что ты должен нападать на Пурпурного немедленно...

— Нападение — самая хорошая форма защиты.

— И Луны будут падать с неба нам на головы? Почему ты не хочешь подождать и выяснить, что он замышляет? Ты забыл, что у тебя есть над ним власть, Шуга — его линзы. Он захочет их вернуть. Ради них он на все пойдет, только бы заполучить их обратно. Возможно, он даже согласится произнести клятву перемирия.

— Перемирия! — проревел Шуга. — Перемирия! Ну, Лэнт, у тебя рассудок помутился. Между волшебниками перемирия не бывает. Пора бы и знать!

— А у тебя характер осла, — раздраженно ответил я. — Если бы не я, ты бы давно себя угробил, пытаясь швыряться огромными шарами в Элкина.

Это на мгновение остановило его. Шуга немо уставился на меня. Потом сказал на удивление спокойно:

— Лэнт, ты меня удивляешь. Я и не предполагал, что ты такой агрессивный.

— Путешествие было долгим и трудным, Шуга. Я устал. И больше всего устал от скверного характера волшебника. А теперь попытайся хоть раз воспользоваться своим разумом... Или, если его у тебя нет, позволь мне воспользоваться своим, вместо твоего...

— Что ты предлагаешь? — выдохнул он.

— Ждать — и ничего более. Ждать. Принести клятву перемирия, если потребуется. Слишком рано сейчас для дуэли с Пурпурным, слишком рано. Если ты затеешь с ним сражение на его земле, то ты заранее обречен на проигрыш. Подожди, пока ты не окажешься в равных, по крайней мере, условиях.

Шуга ничего не ответил. Он задумчиво разглядывал свои ногти и чесал короткий мех, который начал уже отрастать.

— Ну?.. — спросил я.

Шуга молчал, продолжая почесываться.

— И еще об одном ты забыл, Шуга. Пурпурный всегда заявлял, что его магия не зависит ни от богов, ни от конфигурации Лун. А ты всегда считал, что он лжет. Но, допустим, он говорит правду — тогда непрекращающийся солнечный свет не помешает.

Шуга не ответил, но, по крайней мере, перестал чесаться.

— Ну? Ты согласен подождать или ничего не предпринимать, пока не посоветуешься со мной?

Он поглядел на меня.

— Я поставлю тебя в известность, прежде чем начну что-либо предпринимать в отношении Пурпурного. А до этого ничего такого делать не буду.

— Прекрасно.

Когда я его покидал, он начал понемногу раскладывать по местам свои колдовские приспособления.

Глава 27

Разрешив эту проблему, я вернулся к Хинку и прочим, сказав им, что мы можем не бояться немедленной дуэли. Шуга с места не сдвинется, предварительно не посоветовавшись со мной. Еще я сказал, что мы останемся здесь.

Опять последовало ворчание, но им пришлось с этим смириться — если не перед моей властью Главы, то перед властью наступившего моря. Ясное дело, они и не ожидали, что я так быстро договорюсь с Шугой, так что им ничего другого и не оставалось, как утвердить меня в должности. Словно сами боги помогали мне!

Когда они разошлись по своим палаткам, я вызвал своих сыновей Вилвила и Орбура.

Вилвил поинтересовался:

— Почему тебе так хочется остаться здесь? Все в этом районе обещает неприятности. То, что Пурпурный до сих пор жив, не сулит нам ничего хорошего.

— Ну, думаю, что с этой ситуацией можно справиться. А пре-

имущества от проживания здесь намного пересиливают любые страхи.

— Преимущества? — недоверчиво переспросил Орбур. Он был угрюмее Вилва.

— Конечно... Но вы, строители велосипедов... Вы должны были уже отметить качественные и подходящие образцы деревьев в округе. Прекрасный стройный бамбук, сосна, искристая осина, дуб. И еще волокнистые растения, прямые и однородные. С таким материалом в руках любой может построить замечательный велосипед. Да с таким материалом кто угодно сможет построить что угодно. Разве вы не заметили, что в нижней деревне нет ни велосипедов, ни велосипедных мастерских? Заказы у вас будут всегда.

Вилвил энергично закивал.

— Орбур, наш отец прав. Работы здесь непочатый край.

— Ты правильно думаешь, Вилвил. Начни с контакта с соседними деревнями. Узнай для меня ближайшие залежи кости. Любой. У них здесь нет хорошего мастера резьбы по кости.

Глава 28

Теперь я направился в нижнюю деревню на встречу с Гортином.

На этот раз нас будет только двое, без надоедливых Советников, от которых одна помеха. Надо будет побыстрее покончить с формальными приветствиями и перейти сразу к сути дела. Конечно, выбора тут быть не могло. Жителям всей деревни придется тут задержаться на время Болотного сезона.

Нам с Гортином придется прийти к какому-то соглашению, на основе которого две деревни смогут дотянуть до следующего совпадения.

Честно говоря, я беспокоился. Мне впервые приходилось быть Главой деревни и принимать решение за всех. Одно дело внушать уважение к себе одному из твоих соплеменников и для его пользы, совсем другое — попытаться это же сделать с совсем незнакомым человеком.

Я нес на себе символ счастья, вместо нового символа Главы, который Шуга даже не начал для меня изготовлять. Он никак не мог найти один из самых важных ингредиентов — камень весом маленького ребенка. На самом деле мы даже не выбрали еще ребенка, чей вес послужит эталоном для символа.

Без соответствующего символа Главы я чувствовал себя неуверенно и опасался, что не смогу все проделать как надо.

— Символ, символ,— бормотал я.— Разве благо моей деревни не может заменить символ?

И я заковылял вниз по склону, полный решимости и без символа сделать все наилучшим образом.

Позади меня раздался крик. Я остановился. Моя первая жена

сбегала с холма, юбка развевалась, груди подпрыгивали, путы заставляли передвигаться коротенькими шажками.

— Лэнт, о, храбрый Лэнт, подожди! Ты забыл свой амулет искусного торговца.

— Я ни в чем не нуждаюсь, женщина. Я иду на переговоры. Со мной символ хорошо подвешенного языка и символ счастья. Зачем мне еще символ торговца?

Она удрученно покорилась.

— Я сожалею, мой отважный муж. Ты прав. Я только хотела сделать что-нибудь, чтобы тебе помочь... я хотела дать тебе что-нибудь такое, что бы помогло твоим переговорам, но все, что смогла придумать, это амулет торговца. И я решила, может, он сможет тебе помочь... хоть немного, как-нибудь...

— Как же он сможет мне помочь? — с иронией спросил я. — Я иду туда не в качестве торговца, а как Глава.

— Ты прав, мой мудрый муж, — она принялась ласкать и целовать мои ноги. — Я не знаю, чем занимается Глава, но я подумала, что это что-то вроде торговца, потому что я... я сожалею, что отняла у тебя время. Пойду и отстегаю себя.

Она выглядела такой подавленной и несчастной: волосы местами выпали и утратили былую горделивую ухоженность, фигура из-за беременности стала грузной. Я почувствовал прилив жалости.

— Ладно, женщина, погоди. Давай амулет. Он не повредит. Он и не может помочь, конечно, но я его возьму, раз ты считаешь, что это так важно.

Пустые, разумеется, слова, которые мне нетрудно было произнести, но как же благотворно они на нее подействовали. Она благодарно улыбнулась и почтительно бросилась к моим ногам.

— Ладно, ладно, хватит целовать. Ты хочешь, чтобы вторая жена подумала, что я уделяю тебе намного больше внимания?

Я взял амулет, приказал ей встать и отослал обратно в лагерь.

Затем продолжил свой путь к нижней деревне. Широкая река обегала холм и текла к морю. Большие черные домашние деревья вытянулись вдоль ее берегов. Там было много лягушачьих прудов и садков, а у самого берега террасами шли мелкие лужи, пригодные для выращивания риса.

На одной стороне, достаточно далеко за деревней, виднелось уединенное дерево настолько неправильной формы, что ни один человек не стал бы там жить. Ясно, что там находилось гнездо Пурпурного.

Но не оно было моей целью. Еще рано. Сперва надо поговорить с Гортином.

Когда я вошел непосредственно в деревню, за мной увязался хвост любопытных жителей и детей. Некоторые из отпрысков начали было дразнить меня, но взрослые останавливали их. Я невозмутимо шел между темными стволами, а все тащились за мной. Скрипела черная трава под ногами.

Я не мог не восхищаться размерами деревьев и искусным пле-

тением гнезд, висящих на них. Все говорило о процветании. Требуется множество забот, чтобы дерево выросло достаточно большим, чтобы выдержать дом. То, что в деревне было их так много, говорило о богатстве обитателей.

Поляна Главы представляла собой тенистый закуток, обсаженный буком и желтой осиной. За этот круг не дозволялось заходить ни женщинам, ни детям, ни другим обитателям деревни.

Мой ранг позволял мне находиться там, но из дипломатических соображений я вежливо предоставил Главе возможность официально пригласить меня. Он выдвинулся вперед и разрешил мне войти, но все же сперва разогнал уже довольно значительную по размерам толпу зевак. Появление наших людей, скорее всего, явилось самым волнующим событием за последнее время.

Гортин и я устроились на поляне и обменялись ритуальными приветствиями. Мы пожевали корень рабы и поговорили о богах и погоде. Мы обменялись каждый двумя слогами наших торжественных имен скорее из необходимости намечавшегося взаимного доверия, чем в знак уважения.

После этого мы обменялись биографиями. Я не особенно вдавался в подробности, рассказывая о себе — просто сообщил, что был единогласно избран Главой жителей моей деревни из-за присущих мне храбрости и мужества. На Гортина это произвело соответствующее впечатление.

Он рассказал, как стал Главой деревни, как неоднократно боролся за эту честь и как терпел поражения, как в его деревне один за другим правило несколько ужасных вождей, но одного убили за дерзость, другого опозорили, а третьего сместили, только тогда кроткие деревенские жители поняли, что Гортин больше всех подходит на это место, и выбрали его.

Это была впечатляющая история, клянусь. Я верил ему не больше, чем он мне, но искусство Гортина как Главы произвело на меня впечатление.

— Не секрет,— заявил он потом,— что ваше племя нуждается в месте, где можно было бы остановиться насовсем.

Я кивнул.

— Ты прав, это не секрет. Каждый может устать от странствий.

— Мне трудно в это поверить. Расстаться с впечатлениями, приключениями...

— Да,— согласился я.— Нам нравилось сидеть и говорить о них. Мы оказались смелыми людьми и не побоялись тягот такого переселения. Но позади нас таились опасности, которые помогли нам быть храбрыми.

И я тут же сменил тему.

— У вас здесь богатый район.

— Ну уж нет! — запротестовал Гортин.— Если разобраться, так мы совсем нищие. Совсем-совсем бедные. И большую часть неплодородного сезона голодаем.

— Значит, вы неправильно возделываете землю,— заметил

я.— Наши люди смогли бы здесь вырастить достаточно пищи, чтобы прокормить обе деревни.

— Ну-ну, ты сильно преувеличиваешь. Мы обеспокоены, как бы себя прокормить. Места для хорошего урожая не хватает. Мы еле выбрали участок, чтобы посадить скромную рощицу домашних деревьев.

— Но по твоей деревне этого не скажешь. У вас деревьев даже больше, чем надо. Многие пустуют. Да еще домашние деревья выше по склону, которые вообще не используются. Там нашлось бы место и для нас, не так ли?

— Это наша запасная территория. Она понадобится позже, когда поднимется вода.

— И все же этот район достаточно обширен. И домашних деревьев целая поляна.

— Совсем немного,— покачал головой Гортин.— Нам самим едва хватает. Да и состояние у них плохое.

— Чепуха. Наши за несколько дней смогут привести их в норму, а неделю спустя повесить достаточно гнезд на каждом.

— Думаю, в это трудно поверить.

— Можем продемонстрировать. Я уже вижу, что среди вас нет тех умельцев, которые имеются у нас, иначе бы вы жили несравненно лучше.

— Мы живем как умеем.

— Среди вас имеется приличный мастер по кости?

— Работа по кости культивируется на севере. У нас она не в почете.

— Жалко мне вас — многое теряете из того, что сделало бы вашу жизнь легче. Мы владеем многими профессиями, о которых вы и понятия не имеете.

— Допустим, мы можем дать вам продемонстрировать ваши многочисленные дарования. Что вы потребуете взамен?

— Право поселиться. Ну, скажем, на том участке, за лесом.

Гортин медленно покачал головой.

— Эта земля непригодна для жилья. Она неприспособлена для жизни.

— Она не подходит для вас, ты хочешь сказать. Но мы не торгуем урожаем, как вы. Нам нет необходимости жить возле рек и каждый год переселяться, когда поднимается вода. Мы — народ гордый. Мы живем за счет овец, коз, пастбищ. Мы не ходим голодными во время неплодородного сезона.

— Хм, Лэнт, я, может, и сомневаюсь во многих твоих словах — ваша одежда груба, по крайней мере, плохо сшита. А качество отделки шкур не указывает на то мастерство, которым вы якобы обладаете. Высокообразованным людям нет необходимости облачаться в шкуры.

— Для твоей деревни это справедливо,— признал я,— но только потому, что вы — ткачи. А мы — нет. Мы ремесленники. Есть у вас, к примеру, мастер по велосипедам?

— Велосипедам?

— Ага, нет. Это — машина с колесами, которая может перенести своего наездника на огромное расстояние за один день.

— Полагаю, вы используете собак либо свиней, чтобы тянуть повозку, наподобие восточных варваров.

— О Гортин, ты лишь продемонстрировал свое невежество. Для велосипеда вовсе не требуются животные, он движется одной магией.

— Одной магией? — Гортин не скрывал недоверия.

— Совершенно верно,— ответил я не без нотки превосходства в голосе.— Если эти люди не знают даже велосипедов, они, несомненно, отстают в развитии. Человек садится прямо на велосипед, молится и нажимает на педали. Чем сильнее он молится, тем быстрее едет. Конечно, тебе приходится много молиться, поднимаясь на холм, но зато в машине запасается столько магии, что тебе почти не приходится молиться на всем пути вниз.

— Хотел бы я посмотреть на одно из этих сказочных устройств.

— У Шуги один сохранился. Уцелел со времени битвы с Пурпурным.

Он был мой, но я не осмелился попросить Шугу вернуть его обратно. Это было бы оскорблением. Но это не имеет значения. Мои сыновья смогут изготовить и другие.

— И для меня?

— Вполне возможно.

— И только у меня одного будет такое устройство, верно?

— Ты здесь Глава,— ответил я.— Если ты почувствуешь, что магия велосипеда слишком опасна для жителей твоей деревни, твое слово будет законом.

Глаза его хитренько прищурились.

— Думаешь, я смогу с ним управиться?

Я неохотно кивнул. Было ясно, чего добивается Гортин. Быть единственным владельцем велосипеда, значит сильно укрепить свое влияние. Я не хотел бы допустить этого, а также значительного сокращения рынка сбыта для продукции моих сыновей. Но если это было все, что я мог предложить ему взамен права остаться, то выбора у меня не осталось. За Гортином все еще остается право потребовать, чтобы мы ушли, когда Болотный Сезон кончится. Я вздохнул и еще раз кивнул.

Гортин просиял.

— Тогда решено, Лэнт. Ты и твоя деревня даете мне велосипед, за который мы вам позволим продемонстрировать якобы ваше высокое умение делать дела, а также расширить и привести в порядок нашу запасную землю.

— О Гортин, друг мой,— ответил я.— Манеры вежливы, но условия соглашения изложены неправильно. Мы даем на время велосипед лично тебе. А взамен ты благодаришь вашей запасной землей нас. Мы же в знак нашей доброй воли обещаем научить твоих людей всем умениям, которые необходимы, чтобы прожить в неплодородный сезон.

— О Лэнт, мой верный друг, мой товарищ на всю жизнь. Это ты неверно изложил соглашение. Ты забыл о подаренных десяти баранах, которые ты предложил для великого пира в честь этого.

— О Гортин, мой преданный брат, мой великодушный наперсник, я о них не забыл,— на самом деле я просто о них не думал.— Такой пир устраивается в честь тех богов, которые совершали небывалые чудеса.

— Лэнт, спутник моих детских лет, неужели я не заслужил такой чести?

— Ах, Гортин, мы не просто товарищи, мы вскормлены одной грудью. Я ни в чем не могу отказать тебе. Только попроси — и это твое. И я тебе предлагаю из-за безграничного влечения к тебе моего сердца шесть овец, которых твои люди могли бы пасти, как своих собственных.

— Но, Лэнт, прославленный мой Советник, мои люди не пастухи. Животные погибнут.

— Гортин, Гортин, мудрость твоя не преувеличение. Конечно же, мы не можем доверить овец неопытным пастухам. Ты выделишь троих молодых мужчин, чтобы те присматривали за ними. Мы будем держать твоих овец вместе с нашими и учить твоих людей пастушьему мастерству. А Шуга просветит их насчет нужных заклинаний.

— У меня нет лишних людей.

— Тогда — мальчишек. Мальчишки любят животных. Наши пастухи научат любых твоих трех мальчишек, как правильно ухаживать за овцами и не пасти их долго на одном месте.

— В костях овец много магии. Не оттуда ли так много могущества у твоего волшебника? Не от овец ли?

— Я не знаю источника могущества Шуги,— ответил я.— Но ты прав, в овцах много магии.

— Тогда какую гарантию мы будем иметь, что вы не имеете намерения использовать эту магию против нас?

— Твоя деревня тоже не лишена могущества. Какую гарантию мы будем иметь, что вы не обратите против нас свою магию?

— У тебя есть свой волшебник,— возразил Гортин.

— У тебя есть тоже,— напомнил я.

— Да, это так,— согласился он.

На какое-то время наступило молчание.

— Надо решать, что с ними делать, пока они сами не решили,— сказал я.— Вражда между ними не предвещает ничего хорошего ни одной из деревень.

— Да,— кивнул он.— Обе деревни могут погибнуть.

— И большая часть окружающей местности тоже,— добавил я.

Гортин испуганно посмотрел на меня.

— Я уже говорил с Шугой,— заговорил я быстро.— Я знаю, что теперь он не замышляет нападение на Пурпурного. Правда, не обошлось без уговоров. Но я убедил Шугу, что для нас это достаточно важно, а для того, чтобы нам здесь поселиться, ему необхо-

димо принести клятву перемирия с Пурпурным. Важно, конечно, что он, да и все мы хотели бы получить какие-то гарантии от Пурпурного.

— Хорошо,— согласился Гортин,— но говорить за Пурпурного я не могу. Никто не может говорить за Пурпурного. Это право прежде всего самого Пурпурного. Честно говоря, мне совершенно не нравится, если по соседству окажутся два враждующих между собой волшебника. Даже наличие одного такого волшебника, как этот, мне не нравится. Говоря между нами, между мной и Пурпурным любви мало. Мы с Деромом были хорошими друзьями. Сила Дерома поддерживала меня, как Главу, но с тех пор, как его сменил Пурпурный, он ничего для меня не сделал.

— Хм-м,— задумчиво протянул я.— Разве не говорится, что там, где появилось двое волшебников, очень скоро остается один.

Гортин кивнул.

— В нашем районе не так уж много магии. Для одного волшебника ее достаточно, но для двоих... И один из них неизбежно должен умереть.

— Я знаю Шугу. Он давно думает об этом.

— И я тоже. Даже если наши волшебники принесут клятву перемирия, положение все равно останется очень непрочным. Долго это не продлится.

Я кивнул. Тут он, конечно, был прав.

— Но, может быть, это даст нам возможность продержаться некоторое время, до тех пор, пока океан не уйдет. А тогда что? Тебе нужно постоянное место для деревни. Мне нужен постоянный волшебник.

— Пурпурный намерен вас покинуть?

— Он говорит об этом с самого начала. С того самого дня, когда свалился на нас с неба. Пока что волею обстоятельств он был вынужден оставаться — как и вы. Но если подвернется случай, многие в нашей деревне только были бы рады ускорить его уход.

— Можно подумать, ты был бы доволен, если бы Пурпурного не стало?

— Конечно. Мне не следовало говорить об этом,— согласился Гортин.— Глава деревни не должен вмешиваться в дела своего волшебника. Но, если между нашими двумя волшебниками все же состоится дуэль, я не буду особенно разочарован, если Пурпурный ее проиграет.

— Но ты говорил, что не хочешь дуэли?

— Конечно же, не хочу. Я, если совершенно честно, Лэнт, предпочел бы, чтобы он ушел совсем, по собственной воле. И по возможности без эксцессов. Но, если понадобится, я не буду против насильственного его выдворения.

— Я тебя понимаю,— сказал я.

Пурпурный не помогал Гортину, как это должен был делать любой волшебник. Гортину хотелось, чтобы тот ушел. Лучше со-

всем без волшебника, чем плохой волшебник. Это было мне понятно.

— Знаешь, Гортин, если найдется какой-нибудь способ выжить Пурпурного из деревни, то мы тебе в этом поможем.

— И замените его Шугой?

— Ну...— осторожно произнес я.— Тебе бы этого хотелось?

Мне, например, вовсе не улыбалось отдать Шугу в другую деревню.

— Определенно нет,— ответил он.

— Ну и прекрасно. Тогда Шуга останется у нас.

— Но, Лэнт,— напомнил Гортин.— Я, конечно же, хочу избавиться от Пурпурного. Но не ценой разорения этой земли. Мне вовсе не улыбается становиться переселенцем, вроде тебя.

— Хм-м,— пробормотал я задумчиво.— Это делает проблему значительно более сложной. Но давай все по порядку. Для начала обезопасим себя от наших волшебников клятвой перемирия. Это даст Шуге возможность освоиться с местными заклинаниями.

— Это будет не сложно,— согласился Гортин.— Большая часть магических устройств погибла тогда же, когда умер Дером. Уцелело немного, а Пурпурный ни одного из них не восстановил.

— Шуга сможет это сделать,— энергично заявил я.— Он знает все сто одиннадцать деревенских заклинаний.

— Это хорошо. Нам может быть от них большая польза. Ты, например, заметил, что многие деревья пустуют. Часть наших жителей убежала после появления Пурпурного. Они боятся жить в деревне с ненормальным волшебником.

— Я их понимаю,— сказал я.

— Конечно, конечно, деревенский Глава всегда сочувствует людским бедам.

— Тогда ты должен считаться одним из лучших.

— И ты тоже, Лэнт. Ты подлинный светоч веры.

— О Гортин, я лишь тень на фоне твоей яркости.

— Ах, зачем сравнивать одно Солнце с другим.

— Нет, конечно, нет. Здесь и не может быть сравнения. Одно яркое, но маленькое, другое огромное, но тусклое. Хотя оба освещают мир одинаково хорошо.

— Оба нужны и оба прекрасны,— подытожил Гортин.

— Как и мы,— добавил я.

— Конечно, конечно. Это настоящее счастье, что мы почти во всем друг с другом согласны, Лэнт. Будет нетрудно составить договор, одинаково справедливый для обеих наших деревень.

— Как же это может быть трудно, когда каждый из нас больше думает о других, чем о себе!

— О Лэнт, какой же ты все же словесный искусник, какой мастер! Но вот насчет тех овец — шестерых будет достаточно...

— Их более чем достаточно, мой Гортин. Если ты планируешь прислать только трех мальчиков.

На том мы и договорились.

Глава 29

Мы сделали передышку и почти до самого голубого рассвета жевали корень рабы. Предстояло много чего обсудить и много корня сжевать. Когда мы расправились с тем, что было у нас, то уже немного накачались. Корень оказался что надо. Хороший корень. Джерк смог бы приготовить из него отличное пиво.

— Пурпурный,— заявил Гортин.— У него должен быть корень рабы. Пурпурный его жует, когда у него плохое настроение. А в последнее время у него всегда плохое настроение.

— Вот и хорошо. Давай его навестим. А раз мы уж там будем, заодно сообщим о нашем договоре.

— Опять ты о делах, Лэнт! Я просто поражен твоим трудолюбием.

Мы нашли Пурпурного ухаживающим за своим небольшим огородиком трав и растений. Корень рабы оказался не единственным сближающим средством. Нашлись и другие. О некоторых я знал — о большей же части не имел понятия. Джерк будет обрадован этими новостями.

— Эгей, Пурпурный! — окликнули мы его.

Он скосил глаза в нашу сторону.

— Кажется — мой старый друг, Лэнт,— произнес он.

Друг... Я содрогнулся. Скрипнул зубами и сказал:

— Да, это я, Лэнт. Мы с Гортином пришли поговорить с тобой.

Я постарался проговорить это со всей возможной строгостью.

— А-а...— Пурпурный заколебался. Казалось, что-то смущает его.— Как ты живешь, Лэнт? Как твоя семья, твои жены?

Ну и странные вопросы. Чего ради он интересуется моими женами? Но что поделаешь, Пурпурный всегда отличался странностями.

— С моими женами все хорошо,— ответил я.— Моя первая жена вскоре ожидает ребенка. Шуга сказал, что это будет дочь. Но поскольку она уже принесла мне двоих сыновей, я не могу быть на нее за это в претензии.

— Ожидает ребенка?

Пурпурный словно был напуган этим. Он принялся что-то лихорадочно подсчитывать на пальцах.

— Получается почти девять...— Он поглядел на меня.— И через сколько ожидает?

— Через три руки дней.

Он снова углубился в подсчеты.

— Три раза по пятью пять... семьдесят пять. Голубых дней, конечно. Теперь посмотрим, что получится, если перевести их в обычные... Ага, через четыре с половиной месяца... Уф! А я было подумал...

— Что подумал?

— Не имеет значения. Я просто радуюсь, что у вас не случае-

тся таких вещей, как период недомогания в тринадцать с половиной месяцев...

Он опять нес какую-то чушь — беременности больше двухсот пятидесяти голубых дней не бывает. Сколько это будет месяцев я и понятия не имел, хотя он применял этот термин примерно в том же значении, что и руку дней. Вероятно, это был его способ подсчета числа дней. Пурпурный упоминал еще раньше, что его дни — «стандартные дни», как он их называл — наполовину длиннее, чем наши. Наши дни, ясное дело, измеряются прохождением голубого светила вне зависимости от положения красного. Гортин рассказал мне, как растерялся Пурпурный, он не мог поверить, что уже середина ночи, а все потому, что красное солнце все еще стояло высоко в небе. Странное дело — почему периоды света и темноты должны соответствовать периодам дня и ночи? Такое бывает только во время соединения. В любом случае я не мог понять его озабоченности в связи с предстоящим рождением ребенка. Я спросил:

— Пурпурный, почему ты так беспокоишься?

— Хм... Хм...

— Не потому ли, что ты сделал кое-что с моей женой в день последнего соединения?

Пурпурный побледнел.

— Я... Лэнт, прости меня...

— Простить тебя? Почему я должен тебя прощать?

Пурпурный испуганно подался назад, выставив руку, словно защищаясь от меня.

Я сказал:

— Шуга рассеял возле твоего гнезда пыль желания. Ты бы не смог вообще совладать с собой.

— Ты думаешь... ты хочешь сказать... я это сделал из-за заклинания?

— Разумеется, это было заклинание. Оно явилось частью дуэли.

Теперь он, вроде бы, успокоился. На его лицо вернулась краска.

— Тогда я напрасно беспокоился. Мне вообще не стоит волноваться из-за ребенка.

— А почему тебе следует беспокоиться? Шуга знает, когда ребенок был зачат и когда он будет рожден.

Пурпурный кивнул.

— Да, Шуга, вероятно, хорошо разбирается в таких вещах.

— Да,— подтвердил я.— Ребенок — твоя дочь, все правильно.

Он опять побледнел. На этот раз я подумал, что он упадет в обморок. Кровь приливала и отливала от его головы, так что он еле стоял. Я продолжал:

— Когда мы поняли, что ребенок твой, я чуть было не убил свою жену...

— О нет, Лэнт, нет... потому что я...

Я посмотрел на него с недоумением.

— Пурпурный, я же тебе сказал, что ты и не мог бы с собой

справиться. А она — только женщина. Женщина не умеет отказывать в ласке. Нет, мы должны были побить ее потому, что она вынашивает ребенка демона, но Шуга запретил. Ребенок должен быть выношен и рожден, как и любой другой. Только тогда мы сможем определить, добрым демоном он является или злым. Шуга считает, что девочка будет обладать большой магией, и если так, то он полагает, что сможет контролировать ее.

Гортин фыркнул.

— Ну и ну, значит, так, словно Шуга собрался соперничать с легендой о бедном ребенке и демоне. Демон потребовал исполнения трех желаний...

Я пожал плечами.

— Меня это мало касается. Если ребенок — демон, Шуга обязан мне уплатить за право его уничтожения или контроля. Если нет — то я, по крайней мере, получу свадебную цену. Почему это женщинам позволено рожать без разбора? Еще один сын — это всегда гордость и сила! Дочка — в лучшем случае — цена выпивки. Любой, согласно обычаю, может предложить жену гостю. А теперь, когда наши деревни собрались жить вместе и мирно, рождение ребенка вообще не будет иметь никакого значения. Будем же считать, что я предоставил тебе привилегию гостя, чтобы укрепить добрые отношения между деревнями. То, что она дочь волшебника, прибавит ей цену, когда я ее продам на седьмой годдень. Но девчонка — это девчонка, и не стоит тратить воздух на обсуждения.

— М-м, да-а,— пробормотал Пурпурный. Видно было, что он чем-то смущен.— Еще один вопрос. У всех ваших женщин срок беременности такой длинный?

— Что значит такой длинный? Двести пятьдесят дней самый правильный срок беременности.

— Двести пятьдесят...— Пурпурный опять принялся подсчитывать.

— Тринадцать с половиной месяцев,— сказал он.— Ого!

И он продолжал бормотать про себя.

— Ладно, я догадываюсь, что это необходимо... Вероятно, четыре с половиной месяца нужны потому, что здесь такие нестабильные условия. Это позволит нарождающемуся младенцу дополнительно окрепнуть и быть более подготовленным к злому негостеприимному миру. Да, да... Теперь понятно почему...

Мы с Гортином переглянулись. Я сказал:

— Вижу, он до сих пор городит чепуху сам с собой.

— Не так часто, как ты думаешь,— возразил Гортин.— Теперь он редко пользуется демонским языком.

— Что ж, это хорошо. Можно ли считать человека цивилизованным, если он не говорит на цивилизованном языке?

Я обратился к Пурпурному.

— Но мы пришли поговорить с тобой на более важную тему.

— Верно,— вмешался Гортин.— У тебя есть созревший корень рабы?

Я снова убедился, что этот Глава не из тех, кто даром тратит слова. Он сразу переходит к делу.

Пурпурный поскреб свой безволосый подбородок, кажущийся серым из-за множества крохотных черных точек. Еще одна странность. Потом он произнес:

— Думаю, могу немного поделиться.

Он пошарил по своим грядкам, затем решил по-другому и исчез в своем гнезде.

Он вернулся почти сразу же с корзиной клубней.

— Вот уже очищенные. Берите сколько надо.

Гортин взял и повесил корзину на руку.

— Спасибо, Пурпурный. Этого будет в самый раз.

Пурпурный посмотрел немного косо, но спорить не стал. Я удивился про себя: что это за волшебник, если с ним обращаются немногим лучше, чем с торговцем зерном. Не наделен ли Гортин своего рода властью над Пурпурным? Нет, это представляется невозможным... Или быть может Гортин уверен, что Пурпурный не использует против него свою силу? Но откуда эта уверенность?

Возможно,— промелькнуло у меня в голове.— Пурпурному позволено здесь оставаться по одной-единственной причине: его невозможно убить. А если бы могли — с ним за одну минуту разделались бы.

Ничего странного, что Гортин с такой охотой принял предложение отделаться от Пурпурного. Волшебник он был хуже, чем неумейка — он был опасным глупцом. И они пытались с ним бороться, точно так же, как и мы четверть цикла назад.

Неудивительно, что Гортин так невежливо с ним обходится. Он надеялся оттолкнуть Пурпурного своей грубостью.

«С Шугой он так бы обращаться не посмел,— подумал я.— Шуга проклял бы его сразу же, и глазом не моргнул».

Гортин протянул мне корень рабы, и я принялся нетерпеливо жевать его, смакуя его горькую густую горечь. О, корень оказался замечательным! Его острый запах заполнил поляну и пропитал воздух. Мне в моей одежде теперь несколько дней не избавиться от этого запаха.

Мы уже направлялись назад к деревне, когда я вспомнил. Я схватил Гортина за руку и потянул его в обратную сторону.

— Эй, Пурпурный,— окликнул я.

Он посмотрел на меня.

— Да? Что еще, Лэнт?

— Я чуть не забыл тебе сказать. Наше племя получило разрешение поселиться в этом районе. Но мы не сможем этого сделать, если вы с Шугой затеете дуэль.

Пурпурный выглядел озадаченным.

— У меня нет намерения начинать дуэль с Шугой.

— Это точно?

— Конечно. Дуэли никогда ничего не решали.

Я покосился на Гортина.

— Теперь ты видишь, почему мы нашли его сумасшедшим.

Гортин хмыкнул.

— Думаешь, ты указал нам на то, чего мы сами не заметили?

Я опять обратился к Пурпурному.

— Очень рад это слышать. Шуга тоже будет доволен.

Пурпурный задумчиво кивнул. Потом спросил:

— Лэнт, мне показалось, что я видел свои приспособления для глаз, висевшие у Шуги на шнурке на шее, когда он приходил на поляну.

— Это трофей дуэли,— объяснил я.— Хотя... при известных условиях...

— Я бы принес клятву мира, Лэнт, в обмен на это устройство. Оно мне необходимо для того, чтобы видеть.

— Ну-ну,— протянул я.— Я не знаю. Шуга считает этот трофей очень ценным.

— Не будет линз, Лэнт, не будет и клятвы о мире.

— Ладно, я передам ему твои условия, и, думаю, он будет удовлетворен.

— А я еще более,— произнес Пурпурный.

Великолепно! Дельце оказалось легче, чем я думал. Я был очень рад. От волнения я даже протянул Пурпурному кусок корня рабю, чтобы скрепить сделку.

— Это очень разумное предложение.

Пурпурный с полным ртом согласно закивал.

— И я так думаю,— заявил Гортин.— Тебе стоило бы запросить больше.

Я нахмурился.

— Но здесь, фактически, ничего больше нет, что мне могло бы понадобиться,— ответил Пурпурный.— За исключением разве что...

— За исключением чего?

— Нет, ничего. Вы не сможете мне помочь.

— Но если бы мы, по крайней мере, знали, мы могли бы хоть что-то предположить...

Он посмотрел на нас как на детей.

— Не говорите глупостей,— попросил он.— Вы никак не можете помочь мне вернуться домой.

— А-а!

Мы с Гортином переглянулись. Надо же, он хочет того же, что и мы оба. Я и Гортин чуть не пихали друг друга от страстного желания ответить.

— Мы сделаем все, чтобы помочь тебе, Пурпурный! Все, что в наших силах! И мы хотим того же, что и ты,— чтобы ты смог вернуться домой и как можно скорее!

Пурпурный вздохнул.

— Это очень великодушно с вашей стороны, но боюсь, такой возможности нет. Мое летающее яйцо уничтожено. Я не могу подняться в небо.— Он снова вздохнул и потрогал одно из своих устройств на поясе.— У меня есть средство вызвать большое яйцо, но отсюда сигнал не дойдет.

— Большое яйцо?— Я чуть не подавился корнем.

— Да. Яйцо, которое Шуга... погубил, это только маленькая повозка для детального исследования мира. А моя большая повозка осталась на небе.

Я нервно посмотрел вверх.

Пурпурный засмеялся.

— Нет, не нужно бояться, Лэнт. Оно не спустится, пока я его не позову. Но я оказался слишком далеко к югу, чтобы это сделать. Если бы нашелся какой-нибудь способ, чтобы я смог вернуться на север...

— Ты хочешь сказать, что тогда бы ты покинул нас?— удивился Гортин.

Пурпурный понял его неправильно.

— О Гортин, друг мой, я знаю, что тебе будет больно, но, пожалуйста, постарайся меня понять,— я очень хочу вернуться домой на небо, чудесное небо, хочу беседовать там, обсуждать свои дела с такими же братьями-колдунами.

Гортин изобразил на лице горе.

Пурпурный продолжал:

— Но, увы, пути туда нет. Я не могу отправиться туда пешком, потому что там уже все покрыло море. И не могу отправиться туда на лодке. Мне говорили, что ваше море полно водоворотов и неведомых опасных рифов. Так что мне не выбраться отсюда ни по суше, ни по морю. Я — на острове.

Пурпурный еще раз вздохнул и опустился на землю.

Я вздохнул вместе с ним.

— Вот если бы дорога по воздуху... но по воздуху ничего не летает, кроме птиц и яиц...

— Если бы ты захотел научить Шугу своему летающему заклинанию,— укорил я его,— то сейчас, возможно, не оказался бы в таком незавидном положении.

— Летающее заклинание! — простонал Пурпурный. Его лицо приняло странное выражение.

Гортин посмотрел на меня удивленно — на Пурпурного — опять на меня, потом снова перевел взгляд на Пурпурного.

— О чем вы это?

Сумасшедший волшебник растерянно беседовал сам с собой:

— Нет... нет... абсурдная идея... Ничего не получится... да, вот если бы...— и он продолжал на своем демонском языке, мотал головой, словно пытаясь отогнать пришедшую мысль. Но мысль не уходила — и этот страшный свет в его глазах не исчезал. Он яростно спорил сам с собой, пользуясь словами, неизвестными людям.

Неожиданно Пурпурный вскочил на ноги.

— Да, но ведь можно попытаться! — воскликнул он.— И должно получиться. Это единственный путь!

Он рванулся ко мне, я отскочил назад, но он успел ухватить меня за штанину.

— Лэнт, Шуга еще не расхотел летать?

— Разве небо перестало быть голубым и красным? — спросил я в ответ.— Так и Шуга все еще хочет летать.

Пурпурный остался доволен.

— О да... да... до чего же чудесная идея...

Он принялся скакать вокруг своего домашнего дерева.

— Иди, иди... расскажи ему, расскажи... я собрался домой... и собрался лететь!

— Расскажи ему,— не понял я.— Что ему рассказать?

— Скажи Шуге, что я собираюсь построить летающую машину... нет, мы собираемся построить летающую машину... А потом я собираюсь полететь на север, за зимой!

Тут он истерически рассмеялся.

Гортин и я обменялись взглядами и печально покачали головами. Я и не знал, кого мне больше жаль — Пурпурного, который сошел с ума, или Гортина, который был Главой его деревни.

Глава 30

Выслушав новости, Шуга не рассердился, но не высказал особого удовлетворения. Он был просто удивлен.

— Значит, теперь он надумал построить летающую машину? Раньше он не мог мне рассказать, как это делается. Из-за этого и вышла наша дуэль. А теперь, видите ли, захотел.

Он покачал головой.

— Не нравится мне это, Лэнт. Сильно не нравится.

— Но, Шуга, неужели ты не видишь, что это значит? Выходит — ты победил, ведь ты боролся с ним только потому, что он не захотел тебе объяснить, как летать. Ты, правда, не убедил его, но поставил в положение, когда он должен тебе все показать, или же он сам не сможет вернуться домой.

Шуга оставался спокойным.

— Ну и что? Почему я должен ему помогать строить летающую машину? Он на ней улетит, а летающего заклинания у меня так и не будет.

— Но ведь он не заберет ее с собой,— напомнил я.— Он только слетает в северную страну.

— Он живет в северной стране? Я думал, что он живет по ту сторону неба.

— Нет, он должен сперва добраться до северной страны, а уже оттуда попасть на другую сторону неба.

— Лэнт, ты что-то путаешь. Северная страна — это не другая сторона неба. Она к ней даже ничуть не ближе. Я это знаю. Мы с Деромом там учились.

— Но он должен добраться туда, чтобы вызвать большое яйцо.

— Большое яйцо? Ты хочешь сказать, что у него есть еще одно яйцо?

— Очевидно, есть... По крайней мере, он так говорит.

— Хм! — пробурчал Шуга. Он в это не поверил.

— Он показал мне волшебное устройство. Оно прикрепляется к его поясу. Это талисман для вызова. Но он не мог его использовать, потому что его большое яйцо находится не по эту сторону неба. Оно — на северном небе. Поэтому он и должен отправиться в северную страну, чтобы им воспользоваться. А для этого ему нужна летающая машина.

— Хм,— произнес Шуга.— А что будет с машиной потом?

— Когда потом?

— После того, как она станет не нужна ему?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, он оставит ее в северной стране. Ведь после того, как он вызовет вниз большое яйцо, оно ему станет больше не нужна.

— Хм,— пробурчал Шуга.

— Ты, вероятно, сможешь забрать ее себе,— предположил я.

— Ха! Ты не подумал, Лэнт! Если я захочу ее забрать, мне придется отправиться на север или полететь туда вместе с Пурпурным. Нет, эта идея мне сразу не понравилась.

— Но если он будет строить летающую машину, ему, несомненно, понадобится помощь. Ты, Вилвил и Орбур можете ему помочь. Если вы сможете построить одну летающую машину для него, то, ясное дело, сможете и еще одну — для себя.

— Хм! — пробормотал Шуга в очередной раз. Глаза его загорелись, как только он прикинул возможности. Действительно, его лицо приняло то же самое особое выражение, что появилось и у Пурпурного, когда он думал о летающей машине.

— Значит, договорились? — спросил я.

Шуга потрогал линзы, висящие на шнурке на шее.

— Для того чтобы работать вместе, надо сначала заключить перемирие, так?

Я кивнул.

— А это значит — отдать ему мой трофей, так?

Я снова кивнул.

— М-м-м,— протянул он, продолжая вертеть линзы.

— Но летающая машина, Шуга! — мягко напомнил я.— Подумай об этом. Летающая машина!

— М-м-м,— ответил он.

— А когда Пурпурный уедет, в этом районе не останется ни одного волшебника,— прошептал я,— который мог бы сравниться с тобой... определенно. Тебе не будет равных — ты сможешь стать волшебником обеих деревень.

— М-м-м,— ответил Шуга.

— И еще подумай,— вкрадчиво продолжал я.— Всего этого ты достигнешь без дуэли.

— Нет, Лэнт, на это я не могу пойти.

— Но почему?

— Мне нельзя без дуэли. Если я хочу заработать здесь авторитет, то я должен продемонстрировать, что я могучее, чем Пурпурный. Я обязан победить его на дуэли.

— Ну ладно, ну...

Я в глубине души уже перестал мечтать о мирном исходе.

Шуга непоколебимо мотнул головой.

— Я сожалею, Лэнт, но ты сам знаешь — это неизбежно. Если в одном районе оказываются два волшебника, то дуэль между ними не только необходимость, но и соблюдение приличий.

— Ну, Шуга,— быстро вмешался я.— Ты уже превзошел его в дуэли.

— Нет, я только поставил его в невыгодное положение, уничтожив его гнездо. Сама дуэль еще предстоит.

— Но ты обещал, что не станешь вызывать его на дуэль прямо сейчас...

— Нет, не так. Я обещал, что не стану вызвать его на дуэль, не переговорив сначала с тобой. Нет, о дуэли я сейчас с тобой и говорю.

Я почувствовал себя подавленным.

— Но летающая машина...

— Дуэль,— стоял на своем Шуга.

— Но... но...— беспомощно бормотал я, хотя и понимал, что все напрасно. Если Шуга что-то взял себе в голову, его упрямство не перешибить.

— Ладно, Шуга, я знаю, когда надо уступить. Раз такое дело, я пойду и предупрежу жителей деревни.

— Сделай это, Лэнт, но скажи, чтобы не слишком тревожились.

— Почему?— спросил я с горечью.— Ты планируешь уменьшить побочные эффекты?

— Нет,— ответил он.— Но ведь нет причин, чтобы дуэль состоялась прямо сегодня. Я просто собирался позволить ему показать мне, как строится летающая машина.

Мое сердце подпрыгнуло.

— Значит, ты согласен сотрудничать с Пурпурным?

— Конечно, нет. Я просто собираюсь осторожно позволить ему показать мне, как строится летающая машина,— если, конечно, он это умеет,— ответил Шуга.

Я расслабился.

— А потом,— добавил он,— когда дело будет сделано — я его убью.

Глава 31

Голубое Солнце находилось на одной стороне неба, красное — на другой. Мир купался в красном и голубом свете. Тени тянулись в двух направлениях. Мы ждали на лугу под горой. Все были спокойны.

Предстояла первая встреча двух волшебников. Окажутся ли они способны жить в мире?

Пурпурный, полненький, с брюшком, уже ковылял по склону в сопровождении Гортина и его советников. Бросающаяся в глаза фигура Пурпурного, из-за своего странного наряда, остановилась, и Пурпурный подозрительно глядел на холм.

Я поглядел туда же. Шуга величественно шествовал к нам, внушительный, несмотря на свой маленький рост.

Затем Шуга заметил Пурпурного и остановился. Оба волшебника разглядывали друг друга. Один, стоя на холме, другой — внизу.

На какое-то мгновение все было спокойно и тихо. Я затаил дыхание и начал молиться. Затем Шуга сделал один шаг вперед, другой. Пурпурный поступил так же. Я громко и с облегчением вздохнул. Оба волшебника сближались осторожно. Остановились напротив друг друга, один за моей спиной, другой за спиной Гортина. Мы оказались между двумя колдунами. Являясь Главами обеих деревень, мы решили стать именно так, чтобы суметь остановить волшебников, если они вздумают напасть друг на друга. Если же не сумеем... Что ж, тогда мне об этом не придется беспокоиться.

Шуга и Пурпурный настороженно разглядывали друг друга.

— Клятва... — подсказал я.

— Он первый, — одновременно выпалили оба, указывая друг на друга.

— Оба вместе! — выкрикнули Гортин и я.

Шуга и Пурпурный нехотя сошлись, протянули друг другу правые руки, затем коснулись левыми руками. Теперь ни один не мог извлечь колдовские приспособления, не позволив противнику сделать то же самое. Поверх соединившихся рук они впились глазами друг в друга. Я посмотрел на Гортина и кивнул. Он кивнул в ответ. Мы одновременно повернулись, каждый к своему волшебнику, срезали прядь его волос, два кусочка ногтя, взяли по капле крови и немного слизи из носа.

Волшебники наблюдали, как мы смешивали эти компоненты в помещенную между ними чашу, затем делим содержимое на две половины, затем раскладываем это по мешочкам: один для Шуги, другой для Пурпурного.

— Вот так, теперь ни один из вас не сможет проклясть другого, не повредив себе. Любая неприятность, случившаяся с одним, неизбежно повлечет за собой такую же неприятность и для другого. Так что вам лучше следить за благополучием друг друга.

Волшебники продолжали хмуриться.

— Повторяйте за мной,— сказал я.— Повторяйте в унисон, чтобы ваши клятвы звучали, как одна: я... назовите свое полное имя, включая секретные слоги... торжественно клянусь...

— Торжественно клянусь...

— Любить, почитать, лелеять...

— Любить, почитать, лелеять...

— Моего брата-волшебника, как себя самого...

— Моего брата-волшебника, как себя самого...

Я повернулся к Шуге.

— Согласен ли ты, Шуга, выполнять условия клятвы?

Его глаза полыхали от ярости.

Немного погодя я повторил:

— Согласен ли ты, Шуга, выполнять условия этой клятвы?

Он пробормотал что-то.

— Громче,— потребовал я и лягнул его по ноге.

— Да,— резко ответил Шуга.

Гортин нагнулся и надел кольцо на третий палец левой руки Шуги.

Я повернулся к Пурпурному.

— Согласен ли ты, Пурпурный, выполнять условия этой клятвы?

Он проворчал:

— Согласен.

— Прекрасно,— и я надел кольцо на его палец.— Пока вы на этом острове, кольцо на пальце будет напоминать об обязательствах перед твоим братом-волшебником. Постарайтесь выполнять их хорошо. Теперь властью, данной мне, как Главе верхней деревни, властью, которую признал каждый из вас самих, удостоверяя ее фактом своего присутствия здесь, и властью, которую мне доверил Гортин, позволив провести эту церемонию, я объявляю обоих волшебников заключившими перемирие.

После этого они одновременно отпустили руки друг друга и отпрыгнули в сторону, сердито поблескивая глазами. Я нахмурился и ждал. Но не послышалось ни взрывов, ни шипения. Я открыл глаза.

Они все еще стояли на прежних местах, поглядывая друг на друга.

— Благоприятный знак,— пробормотал Гортин.— Они не пытаются разделаться друг с другом.

— М-м,— ответил я.

Пурпурный напрягся и сделал шаг вперед.

— Мое устройство для глаз,— сказал он и протянул руку вперед.

Шуга снял шнурок с линзами и неохотно отдал.

Пурпурный принял их бережно и с благоговением. Подрагивающими руками протер их мягкой тряпочкой и водрузил на нос. Потом поднял на нас глаза.

— Лэнт, Шуга, Гортин... до чего же здорово вас видеть! Я хочу сказать по-настоящему вас видеть!

Он непроизвольно шагнул вперед и вцепился в правую руку Шуги.

— Шуга, благодарю тебя. Я благодарю тебя за заботу о них! — Он улыбался — он на самом деле так думал.

Шуга не мог справиться с удивлением.

Он пробормотал:

— Пожалуйста,— даже не сознавая своих слов.— Теперь мы можем строить летающую машину?

— Да,— засмеялся Пурпурный,— теперь мы сможем построить машину!

Гортин и я переглянулись. Начало было положено. Лишь бы только они отказались от попыток убить друг друга.

Глава 32

Я начинал понимать, что подразумевал старый Фрар, когда любил приговаривать:

— Мужчина не может стать Главой, пока не проведет стадо коз через джунгли.

И действительно, я начал подозревать, что пасти коз занятие более легкое.

Например, оказалось, что это именно я должен организовать строительство летающей лодки. И назначил Орбура и Вилвила своими официальными помощниками и проинструктировал их, чтобы они никогда не оставляли Шугу и Пурпурного вместе одних — ни на какое время, ни под каким предлогом. Мальчишки уныло закивали. Они прекрасно все понимали, но все-таки согласились — им очень хотелось построить летающую лодку. Вот если бы и другие мужчины деревни согласились признать мое старшинство! Я с горечью улыбнулся при этой мысли.

Вот если бы все моря были из пива, то мы все время бы ходили пьяные... С таким же успехом я мог пожелать, чтобы с неба свалилась Луна и разом покончила со всеми проблемами. Ну, а если море превратится в пиво, я всегда мог бы найти надувной пузырь и ухватиться за него...

Хинк и прочие решили остаться, затем они все же задумали переселение. Потом опять решили остаться, после чего обнаружили, что остаться — значит расчищать верхний склон, привести в порядок домашние деревья, построить к тому же гнезда, да и вообще сделать участок пригодным для жилья — и им сразу же захотелось отправиться куда-нибудь подальше. Они готовы были заниматься чем угодно, но только не работать.

Если говорить честно, то лес тут был запущенный, деревья увивали дикие красные лианы, подходы к ним заросли колючим черным кустарником. Повсюду висели иссохшие обломанные ветки и гнезда жалящих пчел. Серая паутина оплела все вокруг, а однажды мы наткнулись на дупло с коршуном-вампиром.

По всей округе деревья казались ухоженными и выглядели

приятно, но здесь, именно в этом месте, где мы предполагали поселиться, словно сконцентрировалась вся дикость леса.

Правда, может быть, мы всего этого не замечали, пока не принялись за работу. Все страдали от укусов и уколов. Женщины постоянно выглядели изможденными. Мы, мужчины, питались плохо — порой хуже, чем во времена переселения, а жили в запущенном хаосе. То, что работа предстоит тяжелая, секретом не было. Даже женщины принимались порой роптать.

Дети же то помогали, то мешали — в зависимости от капризов, но в целом это было прекрасное время.

Шуга появлялся каждое утро и, благословив начало рабочего дня, исчезал в своем гнезде и спал до полудня.

Пастухи между тем нашли несколько прекрасных пастбищ для овец. Я был обрадован сначала рабочей силой, присланной из нижней деревни. Один из парней оказался находкой — работу делал за двоих. В результате у нас появилось четверо новичков-пастухов, способных вытаскивать репейники и расчесывать овцам шерсть. Это, конечно, высвободило несколько опытных мужчин для работы вместе с нами в лесу. Но они этого совсем не оценили.

И все же постепенно жизнь в лесу становилась более удобной, чем жизнь в скитаниях и бродяжничестве.

Когда у нас появилось достаточное количество домашних деревьев и гнезд, Хинк начал опять поговаривать о ткачестве и решил проверить пригодность здешних волокнистых деревьев и растений. Джерка изо дня в день видели экспериментирующего с разными видами экзотических корней и трав на предмет пригодности их для варки пива. Анд, по причине отсутствия лягушек, изменил своему призванию и наставил рыболовных прутьев вдоль потока...

А я...

Теперь, когда я устроил дела двух деревень и двух волшебников, я почувствовал себя готовым вернуться к профессии мастера резьбы по кости.

Глава 33

Френ Медный Кузнец был торговцем металлом и членом Гильдии Советников нижней деревни. Этакий широкоплечий здоровяк, хмурый и неразговорчивый. Голова его поросла жесткими коричневыми волосами. Мне показалось, что мои изделия он рассматривает с неодобрением. Я не мог понять его враждебности. В самом начале нашего путешествия я набрал на месте нашей деревни только самые ценные куски окаменевшей кости. Потом во время странствий я увеличил свой запас, натыкаясь на скелеты, сухие от старости и твердые, как камень. На Френа это должно было произвести впечатление, но не произвело.

— В чем дело? — спросил я прямо. — Боишься конкуренции?

— Ха! — грубовато ответил он. — Кость не может соперни-

чать с металлом. Она недостаточно прочна. Медный молоток не сломается там, где костяной разлетится вдребезги.

— У кости есть другие области применения. Я могу вырезать церемониальные чаши и ритуальные орнаменты.

— Верно,— согласился кузнец.— Но почему бы тебе не обсудить этот вопрос с Белисом-горшечником, у него наверняка найдется, что сказать по этому поводу.

Белис-горшечник. Что такое горшечник? Я узнал это, наблюдая за его работой. Он доставал глину со дна реки и придавал ей форму чаши. Когда глина подсыхала, то становилась твердой, как кость, хотя и намного более хрупкой.

Белис проделывал это с большим искусством. Он обжигал глиняные изделия на солнцепеке до тех пор, пока они не переставали течь — теперь они могли использоваться для переноски воды или пищи. Белис также изучил способы укреплять чаши огнем, раскрашивать их и украшать. Из глины можно было изготавливать и другие предметы. Белис считался в районе одним из лучших мастеров в своей области. Действительно, он мог делать из глины то, чего я не мог изготовить из кости.

— Но,— предположил я,— не можешь же ты делать принадлежности для ритуалов и празднеств? Боги, без сомнения, будут оскорблены использованием чаши или украшений без души. Только кость обладает душой.

Белис, коренастый мужчина, высокий и сутулый, посмотрел на меня мудрыми глазами.

— Мой отец использовал глиняные чаши для освящения всех своих детей, и моя семья использует глиняные чаши для всех нужд. Если бы нашлись боги, которые сочли бы это за оскорбление, мы давно бы от них это услышали.

«Может быть, твоя согнутая фигура и является свидетельством этого»,— подумал я. Но у меня не было желания ссориться с ним. Поэтому я только напомнил:

— Но глина не имеет души.

— Тем более ее нужно использовать. Ты можешь делать с ней, что захочешь, не спрашивая на то разрешения у силы, в ней заключенной.

Как и торговцы костью в моем районе, Белис понимал, по крайней мере, самую элементарную магию в достаточной степени, чтобы обсуждать ее требования с волшебником.

— Твоя профессия устарела, Глава Лэнт. Скоро ты поймешь, что здесь небольшой спрос на кость.

— Ну, насчет спроса я могу не волноваться,— ответил я.— Шуга не так легко отвыкает от старых обычаев. Он всегда будет нуждаться в моем ремесле.

— Да,— сказал Белис.— Видишь вон ту кучу чашек и горшков? Видишь вот этот — все это для Шуги. Сделать глиняную чашу несравненно легче, чем вырезать ее из кости. К тому же Шуга может сразу использовать их. В них не таится скрытых влияний, которые сперва требуется нейтрализовать.

Я почувствовал себя преданным. Конечно же, Белис был прав. Для волшебника, по крайней мере, преимущество глины над костью было огромным. И для обычного человека — тоже. Ему не придется возносить молитву состраданий, если он ненароком разобьет чашку. Он просто выбросит черепки, вот и все.

Я уже инстинктивно понял — спроса на кость здесь не предвидится. И, вероятно, его здесь никогда не было. Лучшей костью является кость окаменевшая, но здесь кость не могла окаменеть. Слишком влажный климат. Мне следовало догадаться раньше.

Теперь я мог понять, почему Хинку и прочим приспичило двигаться дальше. Хинк был ткачом. Но здесь ткачи были несравненно лучше. Джерк был специалистом по пиву, но здесь имелось такое количество сбраживающих растений, что любой мог сварить себе пиво сам или пожевать корень рабы. Я же был мастером по кости, но костяных изделий здесь никто не использовал.

Но, хотя мы и передумали здесь оставаться и собирались идти дальше, сделать этого мы не могли, пока моря не спадут, а до этого было еще очень далеко. И я сомневаюсь, что тогда кому-нибудь захочется пуститься в путешествие, учитывая тот факт, что уже сейчас многие заявляли, что довольны своими новыми домами.

Гортин говорил мне, что на время сухого сезона этот остров становится полуостровом, частью огромного южного континента. Его массив можно было видеть по ту сторону вздувшегося пролива, примерно в двадцати милях. Но за пределами нашего мира.

Ничего странного, что я не встретил здесь торговцев костью — они вымерли с голоду. Когда местные жители хотели подчеркнуть тщетность или бесполезность чьих-либо усилий, они говорили: «Шел бы ты лучше по кости вырезать!»

«В хорошее же время я это обнаружил»,— подумал я с горечью.

Ладно, раз я оказался без профессии, то придется сосредоточиться на управлении своей деревней. Я прикидывал, не осмелиться ли мне предложить своим людям выплачивать мне незначительную долю за выполнение обязанностей Главы. Я слышал о деревнях, в которых Глава берет дань с каждого взрослого мужчины. Но я чувствовал, что мое племя начнет активно возражать. Мой авторитет был еще слишком слаб, чтобы рискнуть подвергнуться такому испытанию.

Значит, меня будут содержать Вилвил и Орбур. Ничего другого не оставалось. Но увы — сыновья работают сейчас в нижней деревне на Шугу и Пурпурного. Значит, за их содержание несут сейчас ответственность колдуны. Хм... если они заботятся о сыновьях, то с таким же успехом могут позаботиться и об остальной моей семье, включая меня. К тому же, волшебника содержит деревня, если они будут содержать и меня, то тем самым будут выплачивать свою долю, даже не зная об этом. Гортину можно сказать, что я решил на время отказаться от своей профессии, пока

все дела, связанные с Пурпурным и Шугой, не будут завершены. Мое дипломатическое мастерство необходимо, чтобы обеспечить их совместную работу и ускорить окончательный отъезд Пурпурного.

Гортин должен согласиться с этим. И я отправился поставить его в известность о своем решении.

Глава 34

Я застал Шугу и Пурпурного спорящих возле шкуры для письма, покрытой непонятными рисунками. Вилвил сидел на камне, плача от бессилия. Орбур похлопывал его по спине. Источник волнения был налицо. Пурпурный пытался убедить Шугу, что линии на рисунке соответствуют летающей машине. Шуга не мог этого понять. Я тоже.

— Послушай, дурья башка,— втолковывал он.— Шкуры животных не летают. Чтобы шкуры животных, по крайней мере, двигались, в них должно быть животное.

— Шкура не должна летать,— вопил Пурпурный.— Она нужна для того, чтобы нарисовать на ней линии летающей машины.

— О-о! Значит, летают линии?

— Нет, эти линии не летают. Они изображают летающую машину. Это... они...— Он запнулся, подбирая нужное слово.— Они — копия.

— Чепуха,— отрезал Шуга.— Будь это копия, она сама была бы летающей машиной. Как же она может быть копией и не быть летающей машиной?

— Это неработающая копия,— настаивал Пурпурный.

— Не глупи. Твои слова противоречат сами себе. Это все равно что сказать — неработающее заклинание.

Пурпурный забормотал что-то на своем демонском языке.

— Это — как кукла, Шуга. Это...

— Это я и имел в виду,— отрезал Шуга,— кукла означает личность, личность, воплощенную в кукле. Чего тут еще непонятного?

— Кукла — не личность! Кукла... это кукла! — резко ответил Пурпурный.

— А ты — лягушачья морда! — парировал Шуга.

— Ха! Чтобы овца помолилась тебе, опорожнив на тебя свой мочевой пузырь!

— А ты — сам этот пузырь!

И они закатали рукава, готовясь швыряться проклятиями. Я не раздумывая встал между ними. А если бы подумал, что делаю, то теперь двигался бы прямо в противоположном направлении.

— Прекратите-ка!.. Вы, оба!.. Хотите уничтожить еще одну деревню!

— Стоило бы сделать это, если это помогло бы убрать с моих глаз вон того пожирателя плесени!

— Тварь вроде тебя только и достойна жить, что в моих испражнениях.

— И что дальше? — поинтересовался я. — Мы можем подождать, пока спадет вода, а вам не терпится. Погубите весь остров, а сами куда денетесь?

Они заколебались.

Прежде чем их ярость могла разгореться с новой силой, я добавил:

— Кроме того, вы оба давали клятву перемирия. Так что ни вражды, ни дуэлей быть не должно. Со всеми разногласиями обращайтесь ко мне! Итак, в чем проблема?

Оба заговорили одновременно, как дети:

— Этот навозный жук даже не знает, как делать самые простые...

— Стоп! Прекратите! — Я повернулся к Орбуру.

— Ты понял, из-за чего весь этот сыр-бор разгорелся?

Он кивнул.

— Оба они пустоголовые.

Волшебники уставились на него, готовые разразиться новыми проклятиями, но на сей раз уже в его адрес. Но Орбур не испугался. Он невозмутимо продолжал:

— Мы с Вилвилом поняли, чего хочет Пурпурный. Если он немного помолчит, то мы практически уже можем рискнуть приступить к изготовлению рамы для машины. Но мы ничего не сможем сделать, если будем торчать здесь, пялиться на рисунки Пурпурного и пытаться что-либо втолковать Шуге.

— Но рисунки, — не сдавался Пурпурный. — Они необходимы вам для того, чтобы построить летающую машину.

— Прекрасно, — ответил Вилвил, — рисуй их на здоровье, когда мы кончим. Тогда машина будет у тебя в качестве образца, который можно срисовать.

— Но... так не годится! — завопил Пурпурный.

Я поглядел на Шугу. Линии казались черными на коричневом фоне. Даже со своим устройством для глаз, зрение Пурпурного оказалось не особенно хорошим.

— Я не вижу, почему они так важны, — заметил я.

— Но это... Понимаешь, мы вначале рисуем машину, а потом ее строим.

— Значит, это часть заклинания? — спросил я.

— Да, конечно, можно понимать и так.

— Ладно. Тогда почему ты не сказал этого раньше? — спросил Шуга.

— Я... я не знал.

Я посмотрел на обоих.

— Ясно. Будем считать происшедшее недоразумением, верно?

— Верно, — согласился Пурпурный, все еще выглядевший смущенным.

Шуга тоже кивнул.

— Прекрасно. Тогда вот что мы сделаем. Орбур и Вилвил

начнут строить раму машины. Пурпурный пусть делает свои рисунки, а Шуга... Шуга тоже пусть чем-нибудь займется. А я останусь здесь и помогу вам все организовать.

Они все уставились на меня.

— Ты? Организовать?

— Кто-то должен распределить среди вас работу, обеспечить материалами.

Они поняли мудрость моего предложения и закивали.

— Кроме того,— добавил я.— Всегда надо, чтобы был кто-то вроде меня, чтобы разрешить все ваши разногласия. Значит, так... Вилвил и ты, Орбур, можете начинать сооружать здесь свою раму и что там еще надо...

— Нет, отец. Мы думаем строить раму на скале Юдиони.

— Почему там? Вам ведь придется поднимать туда все необходимые материалы.

— Зато это высокое место. Хорошее место для запуска летающей машины. И море не поднимается так высоко. Мы сможем работать на всем протяжении болотного сезона, если понадобится.

— Хм-м. Предложение дельное. Тогда ты и Орбур можете начинать строить раму на скале Юдиони, а Пурпурный останется здесь рисовать свои рисунки... А Шуга... Шуга пусть читает руны доброго счастья.

Шуга, казалось, был не особенно польщен своим поручением, как и Пурпурный. Они попытались возражать, но я не стал их слушать. Я подгонял Орбура и Вилвила, чтобы они поскорее начали перетаскивать свои инструменты на скалу.

— Теперь так,— заявил я Пурпурному.— Если я уже взялся за организацию этого проекта, то мне нужно знать, что я организовываю. Какие материалы нам еще потребуются?

Пурпурный начал:

— То, что мы строим, представляет собой гигантскую лодку, размером в пять, а может и шесть человеческих ростов длиной. Мы прикрепляем...

— Погоди, погоди! Лодка? Я полагал, что ты хочешь лететь.

— Ну, да. Я все обдумал. Можно было бы использовать корзину, но если мне придется опуститься на воду, то пусть уж я лучше окажусь в лодке, чем в корзине.

— В этом есть смысл,— согласился я. Даже Шуга кивнул.

— Далее... как твоя лодка будет летать?

— Мы изготовим большие мешки, в которые запрем газ, который легче воздуха. Мы прикрепим их к лодке. Они поднимут ее, и лодка поплывет по воздуху.

Шуга призадумался.

— Газ, который легче воздуха? Он не похож на те пузыри с отвратительным запахом, которые поднимаются из болот?

— Ты пытался использовать болотный газ, чтобы построить летающую машину?

Шуга энергично закивал.

— Это гораздо разумнее, чем все, что я от тебя ожидал, Шу-

га... Ты более развит, чем я предполагал. Да, именно это мы и собираемся сделать. В принципе, это будет представлять собой... Мы не будем собирать газ из болот.

— Газ? — переспросил Шуга.— Ты используешь это слово...

— Да, газ,— ответил Пурпурный, возбужденно размахивая руками.— Воздух — это множество газов, смешанных вместе. Газ, который мы будем использовать, мы получим из воды. А теперь видите вот это? — Пурпурный показал на нарисованный на шкуре круг.— Это большой мешок. Мы наполним...

— Но это не большой мешок! — не выдержал Шуга, закричав с негодованием.

Но тут я оттащил Пурпурного в сторону и порекомендовал ему лучше не использовать рисунки, чтобы что-нибудь объяснять Шуге. Ему не нравятся заклинания в форме рисунков, потому что он их не понимает.

Пурпурный пожал плечами и вернулся на прежнее место.

— Ладно, Шуга, забудем о рисунках. Ты прав. Это не большой мешок — это рисунок. Но мы используем большие мешки, чтобы поднять в воздух лодку. Мы наполним их нутро газом легче воздуха.

Тут он повернулся ко мне.

— Вот что мне потребуется: первое — корпус лодки. Местные мастера не знают как строить такие большие лодки, как у вас на севере. Но Вилвил и Орбур в этом разберутся. Они смогут обучить местных строителей лодок. Второе: нам необходима ткань, хорошая ткань, из которой мы сошьем мешки. К счастью — ткачи здесь лучшие в районе. Третье: нам нужен газ, чтобы наполнить им мешки. Газ я беру на себя.

— Тогда все решено,— сказал я.— Мы легко сможем построить летающую машину.

— Вот и нет,— возразил Пурпурный.— К сожалению, твои сыновья до сих пор не могут подобрать подходящего материала для корпуса лодки.

— Да? Не понял, что ты только что сказал...

— Они знают как строить лодки из тяжелого дерева. И только,— объяснил Пурпурный,— а эта лодка должна быть легкой и вместе с тем — прочной. Она должна быть изготовлена из самого легкого дерева. Да и качество местной ткани все же непригодно для мешка. Она слишком грубая. Мы собираемся научить изготовлять ткачей более тонкий материал.

— А как насчет газа? — спросил Шуга.— Есть какая-нибудь причина, мешающая нам получить его?

Пурпурный покачал головой.

— Нет, это несложная задача — разделить воду. Я могу воспользоваться своей батареей, или Френ Медный Кузнец построит мне искровое колесо.

— Разделить воду? Батарея? Искровое колесо?

— Вода — это два газа. Мы разделим их и один используем для накопления мешков.

Шуга при этих словах замотал головой, но Пурпурный, видимо, знал, что говорит.

Осталось лишь подождать и посмотреть.

Я дал Шуге задание: получить образцы ткани у всех ткачей в районе. Он начал было протестовать, но я отвел его в сторону и растолковал всю важность получения волшебного материала нужного сорта. Но Шуга опять начал выражать недовольство, и пришлось указать ему, что он может иметь преимущество, лишь познакомившись с местными заклинаниями в процессе их действия. Тут он понял важность своего задания и, согласившись со мной, ушел.

Глава 35

Вилвил и Орбур уже начали размечать контуры будущей лодки колышками и бечевой. Она выглядела как большая плоскодонная баржа.

— Нет, нет! — закричал Пурпурный, ознакомившись с их деятельностью.— Она должна быть уже, и у нее должен быть киль, как вот здесь показано.

— Убери свои рисунки,— сказал я,— мы в них не нуждаемся.

Потребовалось какое-то время, чтобы его успокоить, а потом ребята начали все сначала. Вилвил и Орбур безропотно передвинули колышки, сделав долгожданную лодку более узкой. Но при этом скептически пожали плечами и покачали головами.

— Лодка ведь перевернется. Как быть с уравновешиванием?

— Выдвижные снасти. Мы поставим выдвижные снасти,— принялся объяснять Пурпурный.— У лодки будут узкие поплавки, вынесенные с обеих сторон.

— Но что заставит лодку держаться ровно, когда она будет висеть в воздухе?

— Киль, конечно,— тяжелая деревянная доска в днище корпуса.

— Но, если она будет тяжелой, не будет ли лодка много весить?

Пурпурный призадумался.

— Может, вы и правы. Если так, мы сможем добавить еще один газовый мешок.

Сказать по правде, я мало что понимал в этой дискуссии. Для меня в ней было слишком много технических сложностей. Но Вилвил и Орбур как только понимали ход мыслей Пурпурного, тут же принимались возбужденно спорить.

И все трое вопили друг на друга... Вилвил и Орбур то и дело кивали, начинали жестикулировать при каждой новой идее. Вскоре они начали рисовать чертежи на грязи для того, чтобы проще понимать друг друга. Пурпурный попытался снова обратиться к своим рисункам, но они были отвергнуты. Для постройки машины требовались рисунки именно на грязи. Кажется, мои сыновья начинали понимать, что нужно строить и как именно это сделать.

Иногда смысл работы ускользал от них, но Пурпурный охотно пускался в объяснения. Несколько раз мальчики предлагали другие варианты и иные способы, как прикреплять газовые пузыри к раме лодки.

— А почему бы не сшить один очень большой мешок, заменяющий все остальные? — спросил Орбур.

Пурпурный двумя руками растянул край своей накидки и резко рванул. Ткань не лопнула, но разошлась. Теперь она напоминала сито.

— Если у меня будет только один мешок и такое случится,— сказал он,— то я упаду в море, причем с большой высоты. Если же у меня будет много мешков и такое случится, я просто потеряю один из них.

Орбур возбужденно закивал:

— Да-да, я понял, понял!

И они опять вернулись к проблеме оснащения лодки большим числом газовых мешков.

Глава 36

Через два дня Шуга вернулся и принес с собой две охапки образцов ткани.

— Я побывал у каждого ткача на острове,— пропыхтел он.— Все хотят нам помочь. Вот образцы их самой лучшей ткани.

В тот же вечер состоялся совет всех ткачей верхней и нижней деревень с обязательным участием представителей от трех других деревень полуострова-острова. Мы впятером присутствовали тоже, обсуждая возможности применения каждого сорта ткани.

Единственно диссонирующую ноту вносил Хинк. Он потребовал объяснить, с какой стати тут присутствую я, простой мастер по кости. Я ответил ему, что нахожусь здесь в качестве Главы, а также как организатор проекта. Потерпев в этом неудачу, он прицепился к моим сыновьям.

— А они почему здесь? Я думал, что будет совет ткачей и волшебников.

— Так и есть. Но они помогают строить летающую машину. Они имеют такие же права участвовать в этом совещании, как и ты, возможно, даже больше.

Ворча, он сел.

Все образцы ткани Пурпурный подверг двум простым способам испытания. Для начала он просто с силой растягивал кусок, чтобы проверить насколько легко ткань расползается. Больше половины образцов этой проверки не выдержали. Пурпурный заявил ткачам, их изготовившим, что если они не могут делать ткань лучше, то им нет смысла тут оставаться. Некоторые ушли, только радуясь, что им не придется работать на ненормального волшебника.

Второе испытание оказалось таким же простым. Пурпурный сворачивал образец кульком и лил туда воду. Затем медленно счи-

тал с какой скоростью вода проходит сквозь ткань. Было ясно, что он выявляет наиболее плотную ткань, которая бы держала воду дольше других.

— Если ткань не будет пропускать воду,— объяснял он,— ее можно сделать такой, что она не будет пропускать и воздух. Но если ни один образец не подойдет, нам придется искать дальше. Не исключено, что нам придется изготавливать ткань самим.

Мы проверили лучшую продукцию в районе, но Пурпурный каждый раз качал головой и печально говорил, что ткань слишком грубая. Ни один образец не держал воду дольше минуты. Естественно, ткачи ощетинились. Еще несколько человек ушло в раздражении.

Если бы перед ними не находились два величайших в мире волшебника, они, несомненно, вызвали бы нас на битву не на жизнь, а на смерть еще до наступления голубого рассвета.

— Гм,— произнес старый седой Леста.— Почему ты хочешь носить воду в мешке из ткани? Почему бы тебе не воспользоваться горшком, как все нормальные люди?

— Для заклинания необходим мешок, ясно тебе, бородавка! — резко оборвал его Шуга.

Леста закипел от обиды, но ничего больше не сказал.

Пурпурный вообще не обращал внимания на эту перепалку. Он отложил в сторону последний образец свернутой в кулек ткани и сказал:

— Этого я и боялся. Все они слишком грубые для наших целей. А лучше вы сделать не можете?

— Это — наши самые лучшие ткани. А поскольку они самые лучшие из тех, которые мы делаем, то ты не найдешь нигде никого, кто бы мог изготовить такие же, не говоря уже о том, чтобы превзойти их.

Пурпурный расстегнул свой так называемый «защитный костюм» и стащил его с тела. Потом снял нижнюю рубашку, обнажив (о, защитите нас, боги!) бледную безволосую грудь. Я уже знал об этом от своей первой жены, но люди из других деревень перестали дышать от изумления. Вид толстенького брюшка Пурпурного довел их чуть ли не до шокового столбняка. Пурпурный тем не менее полностью игнорировал их реакцию. Он встряхнул рубашку и сунул ее в руки мужчине, который только что говорил.

— Вот материал получше,— заявил он.

Ткач осторожно взял ее, повертел в руках, поглядел на обе стороны, затем потер между пальцами.

— Вот вам доказательство того, что можно сделать ткань и получше,— сказал Пурпурный.

Другие ткачи подались вперед. Рубашка быстро пошла по кругу. Ее обнюхивали и проверяли на вкус, щупали и что-то бормотали. Ткачи не могли поверить, что такое качество возможно.

Наконец она добралась до старого Лесты. Тот принялся разглядывать ее на свет. Потом рванул и опять поглядел на свет. Пропустил между пальцами, понюхал, хмыкнул и лизнул. Опять

хмыкнул, свернул кульком и шагнул к центру поляны. Один из ткачей, поняв его намерения, подхватил глиняный кувшин и налил в кулек воду. Ткань воду держала.

Леста начал медленно считать, но только несколько капель просочилось наружу. С такой скоростью пришлось бы ждать целый день, пока кулек опустеет.

— Гм,— буркнул Леста и выплеснул воду на землю.— Ты прав,— сообщил он.— Ткань замечательная. Так почему бы тебе ее и не использовать?

— Потому что это все, что у меня есть,— ответил Пурпурный, забирая рубашку назад. Он начал отжимать из нее воду.— Я хочу, чтобы вы изготовили такую.

— А чего ради я должен стараться,— проворчал Леста.— Если тебе нужна такая ткань, иди туда, где ты взял этот кусок.

— Я и хочу это сделать! — взорвался Пурпурный.— Я хочу попасть домой. Я — один в этой незнакомой стране! Я домой хочу!

Я пожалел его. Но ничем не мог помочь. Мы тоже были одни на незнакомой земле. И хотя вина за это целиком лежала на Пурпурном, я пожалел его.

Пурпурный отвернулся от ткачей и принялся натягивать на себя все еще влажную рубашку. Было видно, что он смущен своей вспышкой. Я подождал, пока он не покроет свое противоестественное розовое тело. Потом повернулся к Лесте.

— Вы не можете делать такого качества ткань, верно?

Леста невнятно пробубнил что-то.

— Что?

— Нет,— ответил он.— Нет, не могу. И никто не может. Это демонская ткань.

— Но если вы узнаете, как такую ткань делать,— предложил я,— то станете величайшими ткачами в мире. Верно?

— Я и без того лучший ткач в мире! — закричал старик.

— Ага,— ответил я.— Но что с тобой будет, если умение делать такую ткань приобретет кто-то другой?

Леста замер.

— ... а ты не сможешь.

Он ничего не ответил. Посмотрел на меня, на Пурпурного, потом опять на меня. Но все же быстро овладел собой и сказал самонадеянно:

— Чепуха! Это сделать невозможно!

— Рубашка Пурпурного доказывает, что это вполне возможно. Если потребуется, Пурпурный может показать, как это делается. Если будет нужно, он обучит других ткачей этому мастерству.

Леста ощетинился. Начал было поворачиваться, чтобы уйти, но тут же отменил свое намерение. Открыл было рот, намереваясь что-то сказать, и снова закрыл его. Глаза его сверкали.

— Это невозможно сделать! — повторил он.— Но если все же

возможно, то я это сделаю. Если кто-то и сможет сделать, то этим человеком буду только я!

При этих словах Пурпурный повернулся к нам, застегивая свой защитный костюм.

— Вот и хорошо, Леста,— сказал он.— Я принимаю твое предложение.

Леста растерялся.

— И я помогу тебе его выполнить.

Леста понял, что отступать некуда. У него не оставалось теперь выбора. В любом другом случае он терял свое лицо и реноме главного ткача.

Глава 37

Мы отправились на ревизию ткацких станков. Предложение Пурпурного научить лучшему качеству тканья было принято, но его намерение ознакомиться со станками встретило некоторое сопротивление.

— Но как я могу вас чему-то научить, если не знаю оборудования, на котором вы работаете.

Леста пожал плечами.

— Тебе придется учить нас здесь.

— Но я не могу,— возразил Пурпурный.— Я должен вначале увидеть станки.

— Тогда никакой новой ткани вам не будет. Я не могу показать вам станок.

— Хорошо. Я найду ткача, который согласится показать мне свой станок.

Тут старому Лесте пришлось смириться. И он повел нас на свою секретную поляну. Входить на нее позволялось только ткачам. То, что Леста решился нарушить древнюю традицию, показывало, насколько важной он считает ткань Пурпурного.

Когда мы подошли ближе, то услышали звуки огромной скрипящей машины, содрогающейся и протестующей. Звуки сменялись криками и командами. Все вместе образовывало стабильный цикл — крик и содрогание, команда и крик.

Мы вышли на поляну, и я впервые в жизни увидел ткацкие станки. Они представляли из себя тяжелые деревянные конструкции — гигантские движущиеся рамы, установленные под странными углами друг к другу. При каждой команде они качались взад-вперед. При этом ткань, казалось, сама появлялась между ними. На некоторых станках виднелась паутина нитей, на других куски неокрашенной материи.

Начальник группы увидел нас, и команда застряла у него в горле. Рамы замедлили свое движение и остановились. А мелькающие нити тоже застыли в неподвижности. Ученики и рабочие повернулись и уставились на нас.

— Нет, нет,— произнес Пурпурный,— распорядись, чтобы они продолжали работать.

Леста принялся отдавать команды. Ткачи недоуменно глядели на него. Ткани ткать? Когда здесь чужие?

Леста угрожающе зарычал, и я понял, почему он стал Главным ткачом. Подмастерья нервозно вернулись на свои места. Начальник группы откашлялся и принялся отдавать команды дальше. Станки опять начали скрипеть.

Молодые мужчины блестели от пота, толкая тяжелые рамы взад и вперед, а мальчишки тем временем играли во что-то наподобие «кидай-лови», бросая клубок ткани между рамами.

Я никогда не видел ткачества прежде и был зачарован процессом.

Леста объяснил технологию:

— Берется два вертикальных ряда нитей, каждая на своей раме. Они независимы друг от друга, но подвешены таким образом, что могут меняться местами. Горизонтальные нити кладутся по одной, затем рамы меняются местами, и процесс повторяется.

Пурпурный медленно кивал, точно это ему было давно ясно. Возможно, так оно и было. Он осмотрел образец только что полученной ткани и спросил:

— Лучше этой ткани вы сделать не можете?

— В принципе я мог бы, но где я возьму зубья для станка, достаточно тонкие, чтобы натягивать нить, и где я возьму нить, чтобы ее можно было использовать с такими зубьями.

Пурпурный провел пальцем по материи.

— Откуда они берутся, ваши нити?

— От волокнистых растений. Иногда мы используем овечью шерсть. Если удастся ее выменять. Она обычно очень груба или ее очень мало.

— И лучшей нити у вас нет?

Леста покачал головой.

Пурпурный пробормотал что-то на своем языке.

— Даже основной производственный комплекс слишком примитивен...

Никто ничего не понял, но ткачи обозлились. Тон Пурпурного был ясен — волшебник недоволен их работой. Возможно, даже проклинает ее.

Пурпурный посмотрел на них.

— И другого способа изготовлять ткань не знаете, не так ли?

— Если бы он был, мы бы им пользовались,— небрежно ответил Леста.

Пурпурный повернулся ко мне и Шуге.

— Знает ли кто-нибудь из вас о таком дереве, которое дает липкий сок?

Мы покачали головами.

— Есть одно сладкое растение,— припомнил Шуга.— У него липкие выделения.

— Да?— оживился Пурпурный.

— Дети любят сосать их.

— Нет,— вздохнул волшебник.— Это мне ни к чему. Мне нужно клейкое вещество, которое застывает липкими комками.

Мы глядели друг на друга, и каждый желал, чтобы у него нашелся ответ.

— Ладно,— опять вздохнул Пурпурный.— Я знал, что придется нелегко. Поймите, мне нужен особого рода материал, который можно нагреть и расплавить в жидкость, и который высохнет потом пластинами или слоями.

Мы все снова покачали головами.

Пока Шуга продолжал описывать свое загадочное липкое вещество, я придвинулся поближе к станкам, чтобы осмотреть их. Ткачи косились на меня с плохо скрываемой враждебностью, но я решил не обращать на это внимания. Зубья станков были вырезаны из ветвей твердого дерева. Каждый — длиной с ладонь и вставлен в прорезь на верхушке рамы.

— Это лучшие зубья, которые у вас есть?— спросил я.

— Нет, у нас есть еще комплект более тонких,— дрожащим голосом ответил подмастерье, к которому я обратился.— Но мы почти никогда не используем их, потому что они хрупкие и быстро ломаются. Нам приходится работать очень медленно, когда мы ими пользуемся.

— Хм,— произнес я.— А почему бы вам не использовать зубья из кости?

— Из кости?

— Зубья из кости будут не только намного крепче, но их можно сделать и намного тоньше. На том же участке вы сможете разместить их в два-три раза больше.

Подмастерье пожал плечами.

— Я в этом ничего не понимаю.

Я еще раз осмотрел раму, даже взобрался для этого на платформу. Я хотел рассмотреть прорези, чтобы понять, каким образом закреплены зубья. Да, их вполне можно было вырезать из кости. Я вытянул измерительную нить и начал завязывать на ней мерные узелки.

Только тут Леста увидел, чем я занимаюсь, и отскочил от Пурпурного.

— Эй, ты там! Воруешь наши секреты?

— Нет, на что они мне!— запротестовал я.— Хочешь более тонкие зубья для своего станка? Ну так я смогу снабдить ими тебя через пару дней, а то и скорее.

Леста посмотрел на меня. Сзади подошли Пурпурный и Шуга.

— Как?— спросил ткач.— Разве более тонкие и крепкие зубья возможны?

— Я вырежу их из кости.

— Из кости!— ужаснулся старик.— Ты собираешься осквернить ткань душой животного?! Ткань происходит от деревьев, волокнистых деревьев, растений. Ты должен использовать зубья из дерева, но не зубья животных.

— Но я могу вырезать зубья в четыре-пять раз более тонкие, чем эти.

Услышав это, Пурпурный поднял голову.

— Можешь, Лэнт? Это же отлично! Получится почти такая ткань, как нужно.

— Ха! — сказал Леста. — Я могу сделать такую ткань хоть сейчас. Если захочу.

— Каким образом? — спросил я.

— Уплотнить ткань — вот и все.

— Уплотнить ткань? — переспросил Пурпурный.

Леста кивнул.

— Это простая операция. Мы используем то же количество нитей, но сдвигаем из внутрь, чтобы они занимали меньшую ширину. Видите вон тот станок?

Мы посмотрели в указанную сторону. На раме висел наполовину законченный кусок материи. Он был небольшой, меньше чем в половину станка, но от его краев нити тянулись к каждому зубу станка.

— Вот, — сказал Леста, — эта ткань уплотнена. Вот таким образом мы ее получаем!

Пурпурный подошел поближе, чтобы получше рассмотреть материю. Леста последовал за ним. Я спрыгнул с платформы и нагнал из.

Леста говорил:

— Конечно, если мы уплотним ткань, она не получится такой ширины, как...

— Ширина для меня не важна, — ответил Пурпурный. — Если понадобится, выткем больше ткани. Меня интересует только плотность.

Леста пожал плечами.

— Как угодно.

Пурпурный поглядел на него.

— Если Лэнт вырежет новые зубья из кости, ты сможешь уплотнить и эту ткань тоже?

— Конечно, можно уплотнить любую ткань, какую ты захочешь, — согласился Леста. — Но кость на моих станках использоваться не будет.

— Но ведь это единственный способ...

— Костяных зубьев на моих станках не будет, — упрямо отрезал Леста.

Шуга, стоящий позади него, прошипел:

— А не хочешь ли ты, чтобы я на тебя костяную и термитную тлю напустил?

Старик побледнел и покосился на Шугу.

— Ты этого не сделаешь!

Волшебник принялся закатывать рукава.

— Хочешь, чтобы я попробовал...

— Но... — Леста беспомощно посмотрел на него. Ясное дело, он этого не хотел. Ткач сделал назад шаг, другой, третий и... на-

ткнулся на Пурпурного. Леста отпрыгнул в сторону, посмотрел на нас, на свой станок и еще более нервно с трудом произнес:

— Хорошо, я полагаю, не следует отставать от последних достижений в этой области, верно?

— Мудрое решение, старина! — прогремел Пурпурный и хлопнул ткача по спине.— Я рад, что все решилось. Лэнт, немедленно начинай вырезать новые зубья.

Я был в восторге. Есть возможность избавиться от большинства подобранных по дороге скелетов. Какое счастье! На зубья уйдут все плоские кости, так что останется побеспокоиться только о ста двадцати восьми ребрах.

— Так, давай-ка подумаем. Некоторые куски, возможно, придется отшлифовать песком, чтобы получить плоские пластины. Затем прорезать щели. Для разрезания лучше всего использовать нить, чтобы щели получились очень узкие. Хм, похоже на изготовление костяного гребня уйдет меньше времени, потому что делать глубокие щели необязательно. Можно использовать раму с нитями и прорезать все щели за один раз. Если я буду делать достаточно тщательно, то каждая секция окажется точно такой же, как остальные. Точно такая же, как и любая другая. Это была интересная мысль. Если она сломается, ее можно будет немедленно заменить, без малейшей задержки. Достаточно держать пару запасных секций под рукой. Мне это представлялось практичным. Хм-м...

Я прикинул, что зубья удалось бы сделать даже быстрее, если бы можно было найти какого-нибудь подмастерья. Но — увы! В обеих деревнях свободных рук не хватало. В избытке имелись только женщины, но от них никакого толку, если не сказать хуже.

Мы обговорили еще несколько деталей. Пока наконец Пурпурный не закинул руки за голову и не уставился на небо.

— А-ах,— зевнул он,— продолжим на следующий день.

— Хорошая идея,— поддержал я.— Мои жены уже готовят пищу... Я хотел бы получить ее до того, как наступит темнота.

Мы направились в верхнюю деревню. До промежутка между голубым рассветом и красным закатом оставалось еще довольно много времени. Шуга даже мог мельком видеть лужи.

— Думаю, мы все заслужили отдых,— сказал я.

— Я в этом уверен,— буркнул Шуга.— Но у меня на рассвете церемония освящения домашнего дерева.

— Почему бы тебе не прийти,— импульсивно предложил я Пурпурному.— Тебя это развлечет.

— Могу и прийти,— ответил тот.

Когда мы вошли в деревню, то увидели Демпа Три Обруча, подготавливающего дикое дерево к церемонии.

Дикое домашнее дерево представляет собой толстый, но гибкий ствол с крупными ветвями, ствол должен быть обвязан и укреплен, прежде чем сможет держать дом. Нижние ветки необходимо наклонить к земле и обработать, чтобы они пустили корни. Верхние — связать попарно, чтобы образовалась рама для

гнезда. Через несколько дней изготовитель гнезд может браться за свою работу.

По настоянию Вилвила и Орбура Пурпурный отужинал вместе со мной и моей семьей. Обычно я никогда даже близко не подпускал его к своему гнезду, но тут альтернативой был публичный отказ — а это могло оскорбить людей из нижней деревни.

Опасения мои были напрасными. Пурпурный, Орбур и Вилвил были настолько увлечены своим проектом, что ни о чем другом весь ужин и не говорили, и это тогда, когда у нас были свежие морские пиявки!

Вся троица только и спорила о способах постройки, о принципах, на которых машина должна работать. Я пытался вникнуть в их дискуссию по мере своих способностей, но большинство оказалось мне не по зубам... в конце концов я махнул на них рукой и переключил свое внимание на моих нервничающих жен, которых пришлось успокаивать. Все эти разговоры о летающих машинах и воздушных мешках пугали их до чрезвычайности. Они истерически вздрагивали в стороне и отказывались подходить, кроме как только после самого сурового приказания. В конце концов мне пришлось пригрозить побить их и не оставить остатков со стола.

Шуга тоже был приглашен к нам, но уклонился от этой чести. Вместо этого он все двадцать минут темноты провел на скале Юдиони, пытаясь рассмотреть Луны. Голубой рассвет был очень ярок. Показалась только одна из самых больших Лун, да и то на секунду между облаками. Шуга не смог даже определить, какая это была Луна. Ну и хорошо! Я знал, что он хочет от неба, и был только рад, что ничего в нем не нашел!

Глава 38

Пурпурный никогда прежде не видел освящений. Теперь он стоял и наблюдал, как Шуга производил семнадцать благословений пивом, одолженным в нижней деревне. Шуга был на удивление спокоен. Я не видел его таким с последнего момента встречи с Пурпурным. Хорошо, что он выбросил из головы все свои сложности и неясности с летающей машиной. Освящение — один из самых простых обрядов, что даже появление Лун на него никак не влияет.

Шуга, в своей ярко раскрашенной накидке, тяжелом головном уборе, молитвенной шали, украшенной бусами, произносил необходимые слова. Пурпурный вежливо наблюдал.

Когда Шуга начал брызгать пивом на основание дерева, Пурпурный пробормотал что-то насчет обрядов оплодотворения. Снова его демонские слова.

Но наконец мы добрались до самой моей любимой части церемонии. Все женщины и дети скинули одежды и начали танцевать вокруг освящаемого дерева, распевая и рисуя яркой краской полосы вокруг ствола.

Интерес Пурпурного немедленно подскочил.

— Что это за заклинание? — спросил он.

— Ты о чем? — Я не понял вопроса.

— Какая цель этого заклинания? Может, они пытаются отпугнуть красные лианы, или термитную тлю, или...

— Нет, Пурпурный. Они делают это для веселья.

— Для веселья?

Лысое лицо Пурпурного порозовело. Он наблюдал еще немного, затем постепенно утратил интерес к церемонии. Пурпурный мрачно о чем-то размышлял. И только тогда, когда Шуга начал выпускать сок из дерева, его интерес возобновился. Когда Демп Три Обруча начал стучать по всему дереву, а Шуга снова распевать, он поднял голову.

— А что теперь они делают?

— Выпускают сок из дерева,— насмешливо прокричал кто-то из детей.

Что это за волшебник, если он не знает даже такой простой церемонии обработки дерева?

Мы терпеливо наблюдали, как Шуга благословил кровь дерева и смазал ею связанные ветки. Более высокие ветки, связанные вместе, должны были вырасти в крепкую круглую раму гнезда.

Церемония была близка к завершению, когда неожиданно Пурпурный вмешался в нее. Он проскочил сквозь круг распевающих женщин и провел пальцем по струйке стекающей крови дерева. Пение мгновенно оборвалось. Мы стояли растерянные, не понимая, почему Пурпурный вздумал нарушать заклинание.

Разъяренный Шуга потянулся к мешочку на поясе.

Пурпурный же задумчиво произнес:

— Может быть, нам удастся использовать этот сок?

Он повернулся к Шуге с протянутыми липкими пальцами. Шуга замер. Он колебался, скорее всего даже забыв про мешочек на поясе. Но, несомненно, вспомнил о клятве. Голос его был полон ярости, когда он зарычал:

— И только ради этого ты разорвал нежную паутину моей магии?

— Шуга, ты не прав, ты не понял! — Пурпурный потер ставшие липкими пальцы.— Может быть, мне удастся использовать это вещество для воздушных мешков.

— Кровь домашнего дерева для тяжелой летающей машины?

— Конечно! — воскликнул Пурпурный.— А почему бы и нет?

Недовольный ропот окружающих должен был бы подсказать Пурпурному, почему нет, но он, конечно, не понял этого. Я быстро протиснулся сквозь толпу, взял Пурпурного за руку и поволок прочь. Он спотыкался, поспевая за мной, не переставая бормотать на своем демонском языке. За его спиной я подал знак Шуге начать церемонию снова, а сам пошел за Пурпурным, пытаясь уловить хоть искру смысла в его словах.

— Это похоже на естественную резину, Лэнт. Конечно, я дол-

жен ее проверить, но не исключена возможность, что это как раз то, что позволит мне удержать газ в мешках.

— Забудь об этом, Пурпурный. Тебе не удастся использовать кровь домашнего дерева. Домашние деревья священны.

— Будь она проклята эта святость! Мне необходимы воздухонепроницаемые контейнеры. Да прекрати ты скакать вокруг меня!

— Тогда ты прекрати свои ужасные проклятия!

— Какие проклятия? — Пурпурный даже растерялся.— А-а, не обращай внимания.

И он снова принялся изучать сок на своих пальцах.

— Слушай, а тебе не удастся ли использовать что-нибудь другое, кроме сока домашнего дерева? Кровь младенцев, например... я уверен, нам удастся...

— Нет! — Он даже задохнулся.— Определенно нет. Никакой человеческой крови. Это не сможет помочь!

— Ты сказал, если ткань будет водонепроницаемая, то она будет и воздухонепроницаемой. А как насчет горшков? Не удастся ли тебе удержать свой газ в больших глиняных горшках?

— Нет, нет, они слишком тяжелые... Мы должны попробовать сок домашнего дерева. Это единственный способ. Видишь ли, ткань, которая у нас есть, недостаточно плотна, но если нам удастся изготовить более плотную ткань и пропитать ее соком домашнего дерева, а затем высушить. То тогда, вполне возможно, все получится. Разумеется, нам придется перепробовать разные варианты...

— Да, да!.. — бессвязно бормотал я. Должен же существовать какой-то выход из этого лабиринта. Пурпурный страстно желает улететь, но ни Шуга, ни жители деревни ни за какие коврижки не позволят осквернить кровь домашнего дерева. И дуэль! Она ведь пока только отложена.

И тут странная мысль пришла мне в голову. Я должен был бы, даже из-за моего обывательского отношения к магии, прогнать ее. Но Пурпурный был таким необычным существом...

Я сказал:

— Есть шанс! Ты только не смейся, Пурпурный, но может быть ты сможешь использовать сок диких домашних деревьев для своего летающего заклинания?

— Да, конечно! А почему бы и нет?!

— Как? — Я не в силах был поверить.— Ты хочешь сказать, что сможешь?

— Конечно! — на лице Пурпурного появилось странное выражение.— Конечно. Сок есть сок.

— Но ты же знаешь, он...

Пурпурный не слушал.

— Лэнт, мне необходимо это проверить. Мне нужно дикое домашнее дерево, несколько горшков, немного ткани и...

— Видишь Вилвила и Орбура? Они могут достать все, что потребуется. А как выглядит дикое домашнее дерево, ты ведь знаешь, да?

— Конечно. Корни и ветви не должны быть согнуты.

И он ушел.

Ответ, конечно, был правильным, но я не переставал удивляться. Да, необычности в Пурпурном хватало!

Глава 39

К тому времени, когда я закончил первый комплект зубьев для станка, Пурпурный с Шугой завершили первую серию экспериментов с соком дикого домашнего дерева. Пурпурный знал, что ему надо, а Шуга знал, как этого добиться. Нагретый сок обрабатывается определенными волшебными веществами и превращается в вонючую, пачкающую жижу. Ткань погружается в эту жижу и превращается в воздухонепроницаемую. Но ее изоляционные свойства оказывались нестойкими и нестабильными, что вовсе не устраивало Пурпурного, и волшебники продолжали эксперименты.

В тот день, когда я начал вырезать третий комплект зубьев, Пурпурный объявил, что он нашел решение проблемы. Он знает, как делать воздухонепроницаемую ткань. Вместо того чтобы окунать готовую материю в жижу из сока, надо окунать в жижу нити, и только потом изготовлять из них ткань. Высохнув, нити оказывались блестящими и гладкими на ощупь. Материя, сотканная из таких нитей, могла быть еще раз обработана тем же раствором и высушена. Нити материи после вторичной обработки разбухали, слипались и получался единый прочный материал, непроницаемый ни для воздуха, ни для воды.

Пурпурный был в восторге. Если нить окажется достоточно тонкой, а мои костяные зубья оправдают ожидания, то нам определенно удастся соткать материю, достаточно легкую и достаточно плотную, чтобы использовать ее для летающей машины.

К тому времени, как я закончил третий комплект, Леста уже вытkал для Пурпурного несколько кусков такой ткани. Она получилась гладкой и блестящей, и просветы между нитями почти не наблюдались.

— Разве это не прекрасно, Лэнт! — воскликнул Пурпурный. Мне пришлось с этим согласиться. Старый Леста сиял от гордости. Пурпурный метался от одного к другому и требовал, чтобы все щупали материю.

— Когда все зубья для станка будут готовы, мы начнем изготовлять материю такого качества... — закончить фразу он не смог, настолько переполняли эмоции.

Леста вел себя немного сдержаннее.

— Лэнт, — требовательно напомнил он, — мне необходимо побольше твоих зубьев. У меня должно быть их столько, сколько ты способен сделать. Мы собираемся ткать воздушную материю.

— Это будет грандиозно, — кричал Пурпурный. — Спасибо тебе! Я использую все, что ты сможешь сделать.

Леста уставился на него.

— Ты считаешь, что я буду надрываться для тебя, мохнатая бородавка? На эту ткань будет спрос на мили вокруг. И нам необходимо к этому приготовиться. Когда спадет вода и откроются торговые пути, к нам, несомненно, придет процветание.

— А-а! — протянул Пурпурный. Лицо его становилось то красным, то синим и еще каким-то разноцветным одновременно.— Ты сперва должен соткать достаточно ткани, чтобы удовлетворить мои нужды и потребности.

— Чепуха,— продолжал Леста,— мы так не договаривались.

— Змеиный корень! Не договаривались! Я обещал показать тебе, как делать хорошую ткань,— ужасно рассвирепел Пурпурный.— Ты взамен должен сделать мне достаточно ткани для летающей машины!

— Как же, как же,— зарычал Леста.— Это долг волшебника постепенно улучшать образ жизни своего племени. Ты просто выполнил свою обязанность, Пурпурный. И, к тому же, первый раз за все время,— добавил он.

— Подождите минутку! — крикнул я.— Дайте мне во всем разобраться!

Они оба уставились на меня.

— Это моя обязанность помогать волшебникам в случае необходимости. Сейчас как раз то положение, когда решение зависит от меня.

— Лэнт прав,— сказал Пурпурный,— давай, Лэнт, излагай!

Леста прищурился.

— Что ж, послушаем, что ты скажешь,— проворчал он,— продолжай!

— Ну...— начал я,— для меня ситуация вполне очевидна. Пурпурный — волшебник, Леста — ткач. Пурпурный показал Лесте, как изготовить ткань такого качества, какая до сих пор была неизвестна людям. Теперь Пурпурный требует оплаты за свое умение, правильно?

Они оба кивнули.

— Тем не менее Леста утверждает, что он ничего не должен Пурпурному. Пурпурный, дескать, выполнил свой долг деревенского волшебника, который в том и состоит, чтобы поднимать жизненный уровень деревенских жителей. Тоже правильно.

Они опять кивнули.

— Ну, тогда все просто,— заявил я.— Совершенно очевидно, что прав... Леста!

— Как? — у Пурпурного отвисла челюсть от удивления.

Леста просиял.

— Ты прав, Лэнт, я согласен с твоим решением.

Он бросил насмешливый взгляд на Пурпурного.

— Подожди, Лэнт...— начал Пурпурный.

— Ты его слышал? — резко перебил Леста.— И ты обещал согласиться с его решением.

— Нет, не обещал,— закричал Пурпурный,— я только сказал, что послушаю, что он скажет. Лэнт, что же ты делаешь?

— Да погодите же немного,— снова крикнул я.— Подождите!

Они опять уставились на меня.

— Я еще не кончил говорить,— сказал я.

Они притихли.

— Леста прав,— повторил я.— Он ничего не должен Пурпурному. Тем не менее,— продолжал я неторопливо,— он должен мне...

— За что?

— За зубья для станка,— сказал я.— Ты используешь мои зубья. Я их вырезал, и они принадлежат мне.

— Тебе?— переспросил Леста.— А на что они тебе?

— Ну я могу дать их напрокат разным ткачам, или сам стану ткачом...

— Мы поломаем твои зубья!— заорал он.

— И навлечем тем самым на себя гнев Шуги, не так ли? Так что ничего вы не сломаете. Вместо этого ты заплатишь мне справедливую цену за использование моих зубьев. Как заплатил бы любой другой ткач.

— Я тебе не любой ткач,— ощетинился Леста.— И я не собираюсь платить. Ты был обязан их сделать из чистой благодарности, за позволение переселиться на нашу территорию.

— У вас бедный район,— ответил я.— Он мне не нравится. Или верни мои зубья, или плати. А то мне еще надо переговорить с Хинком Ткачом.

— Э-э... постой,— засопел Леста.— Может, нам еще удастся договориться...

— Уверен, что удастся. Прибыль твоя и так будет невообразимой. Ты не разоришься, если заплатишь справедливую цену. Ведь это же мой труд.

Глаза его сузились.

— И что представляет из себя эта, так называемая, справедливая цена?

Пурпурный слушал наш разговор с открытым ртом.

Я объяснил:

— Пурпурному — достаточное количество ткани, чтобы он построил свою летающую машину, плюс пять процентов сверх того мне, для собственного пользования, включая торговлю.

— Грабитель!— выдохнул Леста. Я начал опасаться, что он задохнется и умрет прямо на месте.

— Я даю тебе возможность ткать лучше, чем ты когда-либо ткал. Так хочешь ты использовать мои зубья или не хочешь?

Он ел глазами тонкие пластинки, которые я держал в руках. Видно было, как он их хочет... и он прекрасно отдавал себе отчет, что я не постесняюсь обратиться с ними к любому другому ткачу. Про нашу новую тонкую ткань знали уже все. Не нашлось бы ткача, который бы не ухватился за такой шанс.

— Гм!— выдавил Леста.— Я предлагаю тебе половину...

— Нет! Или все, или ничего!

— Ты просишь слишком много. Я не могу...

Я повернулся и пошел прочь.

— Думаю, что найду Хинка у реки...

— Подожди! — завопил он.

Я продолжал идти.

— Подожди! — Он догнал меня и ухватился за мою руку.— Хорошо, Лэнт, хорошо. Ты меня уговорил. Ты победил. Я сделаю ткань для Пурпурного и еще пять процентов сверх того для тебя.

Я остановился.

— Прекрасно. Но мне нужна гарантия.

— Как? — Он уставился на меня.— Разве моего слова недостаточно?

— Нет,— ответил я.— Если бы этого спора не было — другое дело. А так я должен иметь гарантию. Два слога твоего секретного имени.

— Два слога?! — Его рот беззвучно открывался. Потом он шумно сглотнул.

— Ты шутишь?

Я пошел дальше.

Он успел схватить меня за плечо.

— Ладно, Лэнт, ладно.

Он покорился. Оглянулся беспомощно и прошептал мне на ухо. Два слога.

— Благодарю,— сказал я,— надеюсь, ты меня не обманешь. А если на это отважишься, секретные слоги больше не будут секретными. И первым, кто о них узнает,— Шуга.

— Нет, нет, Лэнт, ты можешь ничего не бояться.

— Я в этом и не сомневаюсь. Благодарю, Леста. Я рад, что мы пришли к такому приятному соглашению. Жду через пару дней первую партию ткани.

— Да, Лэнт, конечно, Лэнт. А?..

— Что?

— А зубья, которые ты держишь?

— Ах, да,— я протянул ему зубья.

Следующим ко мне подошел Пурпурный.

— Спасибо, Лэнт.

— За что? Я просто выполнил свои обязанности.

— Да? Хорошо, благодарю тебя за это.

Я пожал плечами.

— Ничего странного. Я не меньше тебя хочу видеть, как ты улетишь на своей машине.

Думаю, он меня неправильно понял и сказал:

— О, ты прав, будет на что посмотреть!

— Ага! — согласился я.— Жду с нетерпением!

Глава 40

Вилвил и Орбур ворчали:

— Мы сделали четыре велосипеда, отец, с тех пор как сюда

пришли, и теперь не можем ни пользоваться ими, ни продать из-за твоего договора с Гортином.

Я вздохнул.

— Гортин достаточно скоро устанет от своей новой игрушки. Кроме того, у вас и так много времени уходит на летающую машину.

— Да,— раздраженно буркнул Вилвил.— Гортин такой тупица, что не может даже научиться ездить на велосипеде. Мы с Орбуром уже семь раз пытались его научить.

Орбур покачал головой.

— Он продолжает сталкиваться с деревьями.

— Совсем не умеет управлять,— пояснил Вилвил.— Кроме того, летающая машина не сможет нас прокормить. Наши велосипеды необходимо продать. Нам нужны пища, одежда, инструменты. Если нам не будет позволено заниматься своим ремеслом, мы будем голодать.

Орбур снова качнул головой и опустился на камень.

— От умения летать никогда и никому выгоды не было.

— Ладно,— сказал я,— посмотрим, что можно сделать. Собирайте свои велосипеды, я же придумаю способ ими торговать. К тому же,— добавил я,— не думаю, что соглашение с Гортином запрещает их продавать в нашей деревне.

Они не скрывали сомнения, но по моему настоянию вернулись к работе. Теперь по утрам они возились с летающей машиной, а днем с велосипедами, хотя в дальнейшем они все больше и больше времени проводили возле летающей машины.

Пурпурный решил, что корпус снаружи и внутри нужно обтянуть новой тканью. Это сделало бы его более водонепроницаемым. Парни пришли в восторг от этого предложения. Дело в том, что они наткнулись на множество трудностей с базальтовым деревом. Это было самое легкое дерево, которое им удалось разыскать, но с ним было очень трудно работать из-за чрезвычайной хрупкости. При испытании на воде оно начинало намокать и пропускать воду. Но машина должна быть способной опускаться на воду. Предложение Пурпурного использовать покрытие из новой материи решало проблему, и парни охотно вернулись к работе над корпусом новой лодки.

Но для них необходима была ткань, а ее производство все еще оставалось главной нашей проблемой.

— Нам не хватает нитей,— заявил Леста.— Нам не хватает людей, чтобы прясть, нам не хватает людей, чтобы ткать.

— Не понимаю,— признался Пурпурный,— у тебя хватало прядильщиков для старых тканей. Но почему же теперь не хватает для новых?

— Потому что водонепроницаемая ткань не просто ткется. Надо напрясть нитей, окунуть их, высушить. Теперь только на пряжу требуется в три раза больше людей, чем раньше. Затем, когда ткань готова, ее надо пропитать заново. Вот тебе еще одна операция. А где я возьму для тебя еще людей? На то, чтобы со-

ткать кусок новой ткани, времени требуется вдвое больше, чем на любую другую работу, и кусок этот в четыре раза меньше прежнего, потому что ты хочешь, чтобы он был уплотнен.

— Конечно, если ее не уплотнять, ткань будет пропускать воздух и воду,— сказал Пурпурный.

— Прекрасно,— ответил Леста,— ты хочешь воздушную ткань, ты ее получишь! Только придется подождать восемьсот лет!

— Чепуха!— возмутился Пурпурный.— Должен, должен же быть способ...

— Его нет...— Леста был непреклонен.— Требуется почти пять дней, чтобы напрясть достаточное количество нитей для одного куска ткани.

— Хорошо, тогда используй большее число прядильщиков.

— А где я их возьму? Я не могу просить своих ткачей унизиться до этого. Да и даже в обеих деревнях не найдется достаточное число мальчишек, чтобы нанять их в качестве подмастерьев.

— А почему бы не пригласить прядильщиков из других деревень острова?

— Да? И подарить им секрет воздушной ткани?

— Им не обязательно знать о последнем шаге, о пропитке ткани,— предложил я.

— Хм. Ты прав... Но они не согласятся.

— Почему?

— А что их ткачи будут делать без них?

— Найми и этих ткачей, чтобы помогали.

— А как мы их прокормим? У нас бедная деревня.

Мы задумались над этим вопросом. В сезон самой высокой воды большая часть пищи поставлялась морем. Если у Анга, ставшего морским фермером, будет достаточно сетей, он, вероятно, сможет наловить достаточно морских пиявок и пресмыкающихся, чтобы прокормить ту армию ткачей, которую намерен собрать Пурпурный. Конечно, Ангу потребуется некоторое время и помощь, но я думаю, несколько юношей для него можно найти.

Мы обсудили это вечером, на специальном собрании обеих наших Гильдий Советников. Мы собрались на поляне нижней деревни. Пришло много специалистов разных ремесел, и все время к нам присоединялись новые.

Почти каждый из выступающих начинал свою речь словами:

— Мы не можем это сделать...

Например Анг:

— Мы не сможем это сделать, у меня не хватит сетей.

— Сплети новые.

— Я не могу это сделать, потребуется слишком много времени, чтобы наплести достаточно сетей, чтобы их хватило для прокорма стольких людей.

— Возможно, ткачи Лесты не откажутся помочь?

— Ерунда, мы не можем этого сделать. Мои люди не знают, как плести сети.

— Но ведь это форма ткачества, верно?

— Да, но...

— Никаких «но» не может быть! Если следующие пять дней мы потратим только на сети для Анга, то к этому времени прибудут новые ткачи, и мы сможем регулярно их кормить. И у нас к тому же будет достаточное количество нитей для новой ткани, чтобы обучить их ткачеству по новой технологии.

— Мы не сможем это сделать,— снова вмешался Леста.

— Почему?

— Я подсчитал. Волокнистых растений и деревьев у нас достаточно. Пока у нас есть дикие домашние деревья — будет сок. Насчет этого можно не беспокоиться. Но у нас все еще недостаточное соответствие между числом прядильщиков и числом ткачей. Вся наша проблема в том, что даже сейчас мы не производим достаточное количество нитей, чтобы загрузить всех ткачей... Если мы пригласим новых прядильщиков и ткачей, то просто увеличим в несколько раз ту же проблему. Просто будет в пять раз больше ткачей, простаивающих в ожидании нитей. Так что мы не сможем этого сделать.

— Ерунда,— заявил Пурпурный.— Проблема в том, что у нас не хватает людей для прядения, вот и все.

— Вот и все! — возмутился Леста.— А разве этого не достаточно? Если мы не сможем найти людей в нашей собственной деревне, то почему ты считаешь, что мы сможем найти их в другой?

— Я тоже сделал некоторые расчеты,— сказал Пурпурный. Он достал шкуру, подозрительно похожую на ту, на которой он делал свои рисунки, но, к счастью, не стал ничего показывать, а просто ею помахал в воздухе.

— Так вот, если взять наше теперешнее количество ткачей и станков, при скорости производства — один кусок воздушной ткани в два дня, то понадобится почти двенадцать лет, чтобы изготовить только то количество воздушной ткани, что мне нужно.

Слова эти вызвали шум и оживленные переговоры среди Советников.

— Ткань действительно прекрасная, но кому она нужна, если ее придется так долго ткать?

Пурпурный игнорировал недовольство.

— Далее: если мы привлечем к работе всех ткачей и прядильщиков острова, это увеличит скорость изготовления в пять раз и тогда понадобится два с половиной года...

— О,— забормотал Леста,— я не уверен, смогу ли вынести Пурпурного хотя бы год, не говоря уже о двух с половиной...

Гортин зашипел на него, но Пурпурный игнорировал и этот выпад.

Он продолжал:

— А теперь поглядим на эту проблему с другой стороны: дело не в том, что так много времени требуется на один кусок, а в том, что этих кусков производится слишком мало. Если бы у нас было

больше станков и больше людей, чтобы на них работать, то уровень производства резко повысился бы.

— Конечно,— кивнул Леста,— а если бы я был птицей и умел летать, то вообще не понадобилась бы воздушная ткань.

Это вызвало смех у собравшихся мужчин и недовольные взгляды волшебников. Шуга плюнул в сторону Лесты. Слюна, упав на землю, зашипела. Пурпурный замахал на ткача своей шкурой.

— Я подсчитал все самым тщательным образом. Если суммировать всех ткачей из всех деревень, всех прядильщиков и даже всех новичков, то их окажется более чем достаточно...

— Бред! Чушь!

— Более чем достаточно,— повторил Пурпурный,— если всех их посадить ткать.

— А кто будет для них прясть нить? Или ночью появятся лесные духи и возьмутся за эту работу?

Снова смех.

Пурпурный оказался самым терпеливым человеком, которого я когда-либо видел. Он откашлялся и уверенно сказал:

— Вовсе нет. А вообще-то я удивляюсь, что вы не спрашиваете, где они будут ткать всю эту ткань?

— Без нити это не имеет значения.

— Давайте по порядку. Если каждый мужчина, каждый член касты ткачей станет полноправным мастером, если у нас окажется достаточное количество станков для всех них и если каждый человек отработает на станках полный день — то мы сможем изготовить столько кусков воздушной ткани, сколько нам нужно за четыре... ну, задолго до того, как жена Лэнта родит ребенка.

— Меньше чем за две руки дней,— добавил я в пояснение.

Леста начал рисовать в пыли.

— Пурпурный — ты кретин. Нам понадобится сто семьдесят пять станков. В нашей деревне их всего шесть. Еще несколько в других деревнях. И где тогда ты предлагаешь достать остальные? Хочешь превратить нас из ткачей в строителей станков? Так нам потребуется минимум пять лет, чтобы их построить.

— Неверно,— возражал Пурпурный.— К тому же ты преувеличиваешь. Первое: сто семьдесят пять станков нам не понадобятся. Нам нужно всего шестьдесят...— Он подождал, пока стихнет взрыв смешков,— нам понадобится всего шестьдесят станков, но мы будем использовать их весь день и всю ночь.

Послышались голоса:

— Использовать все время? А спать когда?

— Да нет же! — закричал Пурпурный.— Послушайте: вы работаете только в течение голубого времени, правильно? Когда голубое солнце садится, вы прекращаете работу. А почему бы вам не работать и в течение красного дня?

Опять послышались приглушенные недовольные голоса. Пурпурный привычно не обратил на них внимания.

— Обратите внимание — свет ночью такой же яркий, как

и днем. Одна группа ткачей работает ночью, другая — днем. Можем назвать их сменами. И нам, таким образом, понадобится в три раза меньше станков. Каждый человек будет отрабатывать полную смену, но не все они будут трудиться во время голубого дня. Одна смена будет работать утром, другая — вечером, третья — во время красного утра, четвертая уже до красного заката. Примем продолжительность каждой смены по девять часов...

И тут на него обрушилась лавина голосов. Ткачи вскочили на ноги, сердито потрясая кулаками.

— Заставить нас осквернить ткацкие заклинания!

— Бога оскорбляешь!

— Ты навлечешь на нас гнев Элкина!

— Да погодите же вы! Помолчите! — Мы с Гортином пытались призвать к порядку разбушевавшийся народ, но все было напрасно. Пурпурный продолжал что-то говорить, но в общем шуме его голоса не было слышно.

В конце концов Шуга невозмутимо швырнул в центр круга огненный шар. Он зашипел, разбрызгивая искры, и заставил разъяренных ткачей замолчать. Еще огрызаясь, они начали умолкать. Но громкие протесты сменились шепотом.

Гортин заявил твердо:

— Мы согласились выслушать предложения Пурпурного и по-деловому обсудить их. Он — волшебник. Думаю, ни у кого нет сомнения в его власти и нет необходимости еще раз ее демонстрировать. Если он считает, что в его словах нет оскорбления богов, то он, очевидно, знает, что говорит.

— А если у кого возникнут сомнения, то здесь присутствует Шуга, можете на эту тему проконсультироваться у него,— добавил я.

Гортин повернулся к волшебнику.

— Ты зришь какую-нибудь опасность?

Шуга неторопливо покачал головой.

— Ну, я не слишком силен в ткацких заклинаниях,— сказал он.— Но то, что я знаю о ткачестве, предполагает, что время суток не имеет никакого существенного значения. Тем не менее если понадобится, я могу, конечно, составить усовершенствованное заклинание, которое устранит опасность.

Это вроде бы успокоило большую часть ткачей. Они опять опустились на свои места.

— Но все-таки,— напомнил Шуга.— Пурпурный говорил про шестьдесят станков.

— Да не понадобится нам их много строить,— сказал Пурпурный.— Шесть станков уже есть. В каждой из других деревень по столько же. Лэнт мне говорил, что Хинк и некоторые другие ткачи верхней деревни тоже уже поставили свои станки. Значит, тридцать один станок уже есть. Если же все ткачи, повторяю, все ткачи истратят только одну руку дней на строительство, у нас будет недостающее количество станков.

Глаза Лесты сузились. Он не доверял этим расчетам, но не собирался и оспаривать их, пока сам не проверит.

— А как быть с зубьями для станков? — спросил он.

Все посмотрели на меня. Я не был готов к этому вопросу и ответил:

— Ну, потребуется время, чтобы их вырезать... почти четыре дня на один полный комплект.

— Ха! Вот... сами видите! — закричал Леста. — Лэнту понадобится почти сорок дней, чтобы изготовить зубья для всех станков! А мы все это время что будем делать?

— Знаешь, Леста, ты — кретин, — сказал я.

Он вспыхнул и вскочил на ноги.

Я тоже поднялся.

— Если мы найдем дополнительных ткачей и строителей станков, то мы, определенно, сможем найти и дополнительно резчиков по кости...

— На острове нет других резчиков, ты — заплесневевшая башка...

— Тогда я кого-нибудь обучу. Любой подмастерье способен научиться ткать, с тем же успехом может научиться и работать по кости...

— Я не позволю самому нерадивому из моих подмастерьев так низко пасть! — резко заявил Леста и сел, мрачно улыбаясь.

— Ну, а как иначе ты сделаешь воздушную ткань? — поинтересовался я.

Его натянутая ухмылка тут же пропала.

Поспешно вмешался Пурпурный.

— Если мы пришлем Лэнту десять мальчиков, но два от каждой деревни, то зубья для станков будут готовы в десять раз быстрее.

— Э-э! — перебил я. Пурпурный поглядел на меня недоуменно. — А где я возьму столько кости?

Леста фыркнул.

— Сухой кости у меня хватит станков на двадцать или около того.

— А почему ты должен использовать именно сухую кость?

— Потому что она самая твердая.

— А сырую кость мы можем использовать?

— Но зубья будут гнуться или быстро ломаться, ведь сухая кость гораздо тверже сырой.

— Но работать они будут?

— Будут, — согласился я. — Они будут работать, только менять их придется гораздо чаще.

— Насколько часто? — поинтересовался Леста.

Я пожал плечами.

— Не знаю. У меня не было случая проверить.

— Ладно, тогда скажи, как долго прослужит комплект зубьев из сырой кости?

— Я даже и сказать не могу. Это совершенно новая для меня

область знаний. Я могу только предполагать. Четыре руки дней, может быть чуть больше, может быть чуть меньше, но приблизительно так.

Леста с отвращением поджал верхнюю губу. Очевидно, он не считал срок достаточным.

Но Пурпурный сказал:

— Это замечательно, Лэнт. Просто замечательно! — Он взглянул на шкуру со своими расчетами, — даже по три руки дней на комплект будет замечательно.

— Хорошо, — согласился я, горя желанием взяться за обучение подмастерьев.

— Тогда все решено, не так ли? — спросил Гортин.

— Нет, не все, — сказал Леста. Все посмотрели на него. — Остался еще один вопрос, на который никто не ответил — откуда возьмется нить?

— Ах, да, — спохватился Пурпурный, — нить? Я думал, теперь этот вопрос для всех очевиден.

Но это было не так. Мы недоуменно пялились на него.

Пурпурный сказал:

— Существует большой и нетронутый источник рабочей силы прямо здесь, среди вас.

Мы удивленно поглядели друг на друга. О ком это он говорит?

— Я имею в виду женщин.

— Женщин? — дружно сорвался крик ужаса из более чем сотни глоток. Всякая сдержанность исчезла. Мужчины повскакали на ноги, потрясали кулаками, ругались, отплевываясь. Даже полдюжины огненных шаров Шуги не смогли их успокоить. Буйство продолжалось до тех пор, пока Шуга не пригрозил призвать на помощь самого Элкина. Только тогда они начали остывать.

— Дайте же мне объяснить, — не успокаивался Пурпурный. — Дайте же мне объяснить!

И, прежде чем кто-нибудь успел перебить его, он продолжал:

— Послушайте! В самом прядении нет ничего священного, даже старый Леста согласится с этим. И вы используете подмастерьев по одной-единственной причине — мы не сможем дать им станков, чтобы они на них ткали. Хорошо, но теперь, когда станков будет хватать на всех, прясть им больше не потребуется. Весь успех нашего плана кроется в том, что прясть станут женщины... зато подмастерья смогут стать ткачами, а теперешние ткачи — начальниками групп.

Тут же послышались неистовые крики радости. По крайней мере, одна часть плана Пурпурного начала приобретать популярность.

— Но женщины! — не мог успокоиться старый Леста. — Женщины! Женщины настолько тупы, что не могут одновременно грызть сладкие орешки и идти по лесу.

— Чепуха, — заявил другой мужчина. — Ты все еще живешь понятиями своей молодости, Леста. Разумные люди, а здесь собрались только разумные, понимают, что женщина — нечто боль-

шее, чем просто вьючное животное. Они ведь родили нас, не так ли?

— Ха! — фыркнул Леста. — Мальчонку потянуло к титьке.

На него зашикали. Говорящий — я не знал его — тем временем продолжал.

— Теперь новые времена, Леста. Теперь мы знаем больше, чем раньше, во времена твоей молодости. Мы не обращаемся со своими женщинами так же скверно, как во времена молодости наших предков, потому мы можем лучше их использовать. Когда ты последний раз видел погонщика с кнутом и его стадо бедных женщин? Женщины больше, чем просто вьючные животные, и с ними нельзя обращаться теми же способами, что были приняты раньше. Женщины — домашние животные, способные выполнять многие простые обязанности. Могу поспорить, что здесь не найдется ни одного мужчины, который бы не позволил своей женщине собирать для него пищу... И я знаю, что некоторые больше не надевают на женщин путы или цепи...

— Глупцы, — резко бросил старый ткач, — они еще пожалеют об этом.

Некоторые из стариков повеселели, но не все.

— Подождите немного, — сказал я и шагнул в центр. Все посмотрели на меня. — Я хочу вам кое-что предложить. Здесь нет ни одного человека, который не захотел бы ткать воздушную ткань. Или я не прав?

Все согласно закивали.

— Пурпурный доказал нам, что вполне возможно, да, вполне возможно, за один сезон изготовить столько ткани, что нам и не снилось. И это будет новая воздушная ткань! Большинство его предположений мы приняли с минимумом шума и споров. Он доказал нам, что его идеи практичны. Они необычны, нельзя отрицать этого факта, зато рациональны. А скорый отъезд Пурпурного зависит от нашей деловитости.

— Так что ты предлагаешь? — спросил кто-то.

— Есть один способ проверить практичность последней идеи. У меня две жены. Я позволю одной из них научиться прясть. Если она с этим справится, то тем самым докажет, что идея практична. Если же нет — значит, идея глупа.

— Лэнт говорит разумно, — закричал тот же мужчина, который только что препирался с Шугой. — Я выделю двух жен для эксперимента.

— И я тоже даю одну, — подхватил кто-то еще.

И тут воздух наполнился обещаниями прислать женщин — каждый молодой мастер был полон желания превзойти другого, доказать, что у него жены толковые.

Пурпурный восхищенно сиял от такого поворота событий. Он ходил от мужчины к мужчине, пожимал руки и благодарил.

Старый Леста поднял руку.

— А что вы, восторженные молодые глупцы, будете делать, когда на вас обрушится гнев Элкина, а?

— А что нам бояться Элкина,— пробормотал кто-то, но надо заметить, не слишком громко.

Я сказал:

— Если мы увидим, что женщины осквернили ткань — мы убьем их.— Действительно, что еще может утихомирить разгневанного бога, но такова цена эксперимента.

Раздались дружные крики согласия.

Когда они стихли, в центр вышел Шуга.

— О ерунде вы спорите,— сказал он,— самое простое дело составить заклинание, позволяющее женщине работать. И не оскорблять при этом богов. Женщины настолько тупы, что просто не могут не обижать богов. Поэтому существует универсальное заклинание, искупающее их невежество.

Таким образом, женщина, будучи один раз освященной, фактически уже не имеет возможности сделать ничего плохого. Так что за богов мы можем не беспокоиться. Здесь вопрос в том, достаточно ли женщина умна, чтобы научиться прясть. Но и на него мы скоро получим ответ. А пока нет смысла особенно распространяться на эту тему.

Разумеется, он был прав. Мы одобрили его выступление и закрыли собрание.

Глава 41

На следующее голубое утро был проведен эксперимент по изучению возможности научить доселе не участвующих ни в какой разумной деятельности женщин прядению. Предложено было семнадцать жен, явилось четырнадцать, подгоняемых своими неожиданно занервничавшими и обеспокоенными мужьями. В холодном утреннем свете эта идея уже не представлялась им такой привлекательной.

Даже я начал жалеть о своем предложении.

Первую жену я привести не смог, поскольку та была беременна. Оставалась вторая — тоненькая, нескладная, со светлым мехом. Мне вовсе не улыбалось потерять ее ради эксперимента. Но выбора не было — честь обязывала!

Нетрудно было понять, почему ворчат другие мужчины. Если только одна жена собирает пищу, еда становится скудной и однообразной. А в моем случае дело обстояло еще хуже. А бить женщину, вынашивающую ребенка,— плохая примета. Ладно, если дела будут идти совсем скверно, я всегда могу присоединиться к холостякам, которых обслуживают незамужние женщины. Выход не из лучших, но, по крайней мере, мой желудок будет полон.

Мы, нервничая, ждали на склоне холма. Топтались и переговаривались. Настроение женщин было разным — от страха до восторга. Все они, несомненно, были взволнованы или же подавлены перспективой новой работы. Мало кто из них понимал, что именно от них требуется, но любые изменения в том образе жизни, что они вели, могли быть только к лучшему.

Пурпурный явился в сопровождении Лесты и нескольких других его ткачей. Да, эти люди действительно могли научить прясть. Помощники тут же начали собирать прядильные устройства.

Урок начался с демонстрации того, что представляет собой прядение в целом.

— Вы будете делать нить, понятно? Нить — это очень важно. Мы будем из нити делать ткань.

Женщины немо и беззвучно затрясли головами.

— Я покажу вам, как это делать,— сказал Леста. Он сел на низенький стульчик перед прядильным устройством и начал прясть, подробно объясняя каждую процедуру. Леста оказался хорошим учителем. Пока я смотрел, то почувствовал, что тоже могу научиться этому ремеслу.

Но женщины — они видели все совершенно по-другому.

— Посмотри! — бормотали они.— Он сидит! Он сидит! Он работает и в то же время сидит!

Моя жена потянула меня за руку.

— О, мой муж! Муж мой, неужели и я смогу сидеть тоже и работать?

— Тихо, женщина, тихо! Будь внимательна!

Но теперь разом начали перебивать все женщины, возбужденно шепча друг другу:

— Он сидит! Он сидит во время работы!

В конце концов старый Леста не выдержал. Он перестал прясть и спрыгнул с табурета.

— Да, проклятье на вас, я сижу! И вы, глупые создания, тоже будете сидеть! Если, конечно, сможете научиться работать!

Женщины немедленно замолчали. Леста осмотрел группу.

— Ну, кто хочет попробовать первой?

— Я! Я!

В страстном желании они все устремились вперед.

— Я первая!

— Я!

Каждая хотела попробовать, на что это похоже — сидеть и в то же время работать. Леста выбрал одну и усадил ее на стул. Женщина истерично захихикала. Леста вложил ей в руку инструменты и пряди расчесанного волокнистого растения, приказал ей делать то, что только что делал он. То, что она видела.

О боги! Она пряла! Она спряла волокно в нить!

Ткачи задохнулись от ужаса — такое оказалось возможным! Мужчины застыли в шоке — неужто женщина может быть настолько умной? Я тоже затаил дыхание, но потому лишь, что никогда такого прежде не видел. Женщины оцепенели — она сидит и в то же время работает! И при этом сидит!

А Пурпурный?

Пурпурный подпрыгивал от восторга.

— Получилось! — вопил он.— Получилось! Она работает! Она работает!

А женщина между тем продолжала прясть. Конечно, нить была неровной и непригодной. Она была неопытной и не совсем понимала, что именно она делает. Но даже теперь стало очевидно — прясть женщина может! И Пурпурный сможет построить свою летающую лодку. При должном опыте и тренировке — и при внимательном присмотре — все женщины в самом скором будущем смогут прясть нить такую же тонкую и ровную, как самые искусные из прядильщиков.

День тем временем продолжался. И вскоре неведомое раньше сделалось явным — женщины даже более искусные прядильщицы, чем мальчики-подмастерья. Подмастерье хитер, он знает, что скоро станет ткачем, и его сердце не лежит к пряже. Он уделяет своей работе мало внимания, потому что она скучна. Мальчишки — всегда мальчишки. Для женщины же, с другой стороны, прядение — задача огромной сложности. Ей приходится использовать обе руки и одну ногу одновременно для тех различных, но согласованных движений. Тут требовалась вся их сосредоточенность — это было для них как вызов. К тому же они знали, что если не справятся, то будут побиты. Женщина должна постоянно сосредотачиваться на том, что она делает, значит, она будет со временем внимательнее следить за нитью. К концу дня многие из них, включая и мою жену, уже пряли нить достаточно тонкую, чтобы ее можно было использовать для воздушной ткани.

Пурпурный все уже успел подсчитать. В двух наших деревнях было почти шестьсот незамужних женщин. Если не считать сбора пищи и уборки, то работы у них почти не было. Но теперь все эти свободные руки могли принести нам огромную пользу. Мы доверили им дело — прясть! И если их окажется недостаточно, чтобы снабдить Пурпурного нитью, мы можем разрешить работать даже женам.

Эксперимент, определенно, увенчался успехом. Пурпурный был не из тех, кто зря станет тратить время. Он быстро определил новые задачи для учеников ткачей и подмастерьев. Парни охотно взялись за дело, когда поняли, в чем дело. Пурпурный создал новую профессию — надзиратель над женщинами. Ребята должны были следить за работой женщин. Они были в восторге, когда сообразили, что будут сами отдавать приказы, вместо того чтобы получать их.

Всех незамужних женщин предстояло разбить на три отряда — прясть, собирать волокнистые растения, расчесывать их для прядения. Но и эти отряды были разделены на три группы поменьше — от тридцати до пятидесяти человек в каждом.

Даже старый Леста был потрясен.

— Никогда не видел прежде такого количества рабочей силы,— признался он.— Я бы ни за что не поверил, что такое возможно.— Тут он понял, что невольно сделал комплимент Пурпурному, и добавил:

— Но, конечно, ничего не получится.

Но пока все получалось.

Другую группу, на этот раз мужчин-ткачей, Пурпурный отправил в лес собирать сок дикого домашнего дерева. Им были выданы огромные горшки, изготовленные Белисом-горшечником. Если горшок запечатать, кровь дикого домашнего дерева сохраняется до тех пор, пока не понадобится для использования. Нам все требовалось в большом количестве. Мы уже отправили гонцов в другие деревни с образцами воздушной ткани, приглашая к себе ткачей и женщин. Если Леста счел впечатляющей армию из шестисот женщин, то ли ему еще предстоит увидеть!

Как только нить была спрядена, бригада подмастерьев окунала ее в ванну с кипящим соком дикого домашнего дерева, а оттуда ее медленно, очень медленно наворачивали на высоко поднятую катушку так, чтобы у нити было время высохнуть в воздухе. Скоро стало ясно, что этим методом Пурпурный недоволен. Если нитей, пока они были мокрые, кто-то случайно касался, то на них оставались пятна грязи, достаточно большие и различимые даже глазом. Пурпурный сердился и утверждал, что в этом месте возле грязи из ткани будет просачиваться газ и его машина упадет в море.

Тут еще мальчишки начали жаловаться на жару от кипящих ванн с соком. Время года тоже способствовало духоте. Было решено перенести ванны и прядильные колеса наверх, на скалу Юдиони. Мальчишки были довольны, потому что там было прохладно от ветра, а женщины, казалось, не обращали внимания на лишние полчаса ходьбы по склону. Но, что более важное, был улучшен процесс пропитки и сушки. Теперь нити пропитывались, затем большой петлей спускались со скалы, вокруг шкива, и опять поднимались наверх, где и наматывались на катушку. Ветер поддерживал ее на весу, а мальчишки тащили ее из ванны так быстро, как только успевали наматывать на катушку. Нить получалась чистой и сухой и даже более эластичной, чем прежде.

Как-то я стоял на выступе вместе с Пурпурным. Работа шла гладко, минимум задержки. Вдоль края скалы разместились почти двести женщин с прядильными устройствами. Примерно пятьдесят мальчишек следили за ваннами с кровью домашнего дерева. Мимо нас тянулись петли только что изготовленной нити. Еще двадцать подмастерьев наматывали их на катушки. Вилвил и Орбур построили несколько больших механизмов, вращающих катушки. Каждый состоял из держателя для катушки, системы шкивов и других рукоятей. На каждом было занято по четыре мальчишки, по двое на рукоять. Нить оно наворачивало быстрее, чем это могли сделать десять подмастерьев, работая поодиночке. Внизу, в деревне, действовало уже около десятка станков, каждый из которых изготовлял три куска воздушной ткани каждые пять дней. Но такого количества все еще было недостаточно — потому-то мы сюда и пришли.

Начинали прибывать ткачи из других деревень, желая познакомиться с нашим новым секретом. Многие были шокированы, увидев, что у нас прядут женщины, а на станках костяные зубья,

но все же многие оставались и начинали учиться, а потом и работать. Новые станки вступали в строй каждый день.

Пурпурный и я стояли и смотрели вниз. Море начало подбираться к нижней деревне. Несколько домашних деревьев уже стояли покинутыми.

— Как высоко поднимается вода? — спросил я.— Не придется ли переносить станки?

— Надеюсь, нет,— ответил Пурпурный.— Посмотри. Видишь вон ту линию деревьев? Гортин говорит, что она проходит как раз там, до какого уровня вода добралась в прошлом году. Я рад, что тут в океане пресная вода, Лэнт. Там, откуда я пришел, вода в океане — соленая.

Я глядел на голубую воду и вспоминал, что совсем недавно здесь была высохшая пустыня.

— Интересно, откуда эта вода берется?

Пурпурный ответил, думая о чем-то своем:

— Когда вы проходите между двух Солнц, тают ледяные шапки на полюсах.

Я с удивлением поглядел на него. Он до сих пор продолжал нередко нести тарабарщину. Вероятно, он никогда не избавится от этой привычки. И тут я внезапно сообразил, до чего привычным для меня стало присутствие Пурпурного. Я больше не думал о его странных манерах, как о странных. Просто они были другими. Я перестал думать о нем, как о чем-то чужом и необычном. И только когда он начинал плести что-нибудь невразумительное, как сейчас, я вспоминал, что он не нашего племени. Действительно, я даже начал привыкать к виду его голого, безволосого лица. Хотя... я посмотрел еще раз и воскликнул:

— Пурпурный, ты что, ошибся в заклинаниях?

— С чего ты взял?

— Твой подбородок, Пурпурный! У тебя начали расти волосы на подбородке и по щекам.

Его рука потянулась к лицу. Он потрогал подбородок и расхохотался гулким утробным смехом. Я здесь ничего смешного не видел. Среди нас было много таких — Пилг, например, кто начисто лишился волос с головы до пят из-за неправильного заклинания. Все еще посмеиваясь, Пурпурный достал какое-то устройство, размером с кулак, и сказал:

— Видишь, Лэнт?

— Конечно.

— Это — волшебная бритва. Она приводится в действие особого рода магией, называемой электричеством.— Именно так он ее назвал.— Сила бритвы будет мне нужна, чтобы получить газ легче воздуха. Поэтому я и решил удалять волосы с лица очень редко. А теперь думаю и вообще не удалять.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Ты хочешь сказать, что можешь сам выращивать волосы?

Он кивнул.

— И удалять их, когда захочешь?

Он снова кивнул.

Странно, очень странно, поглядел еще раз.

Потом спросил:

— Пурпурный, если ты решил не удалять волосы с лица, то почему ты не делаешь этого полностью?

— Как? — переспросил он. Затем поняв, что я имею в виду и остальные голые части его тела, расхохотался еще сильнее.

Но до меня все равно не доходило, что в этом смешного.

Глава 42

На следующий день Пурпурный решил попытаться разделить воду на газы. Посмотреть на это зрелище пришли многие с обеих деревень.

Волшебник взял у кузнеца два куска медной проволоки, опустил в большой горшок так, чтобы концы каждого куска погружались в воду, закрепил провода на концах горшка деревянными зажимами. Мы молча наблюдали, как Пурпурный снял с пояса очередное волшебное приспособление. Оно было плоским и округлым и напоминало то, которое применялось в световом устройстве, подаренном Пурпурным Шуге несколько месяцев назад, только побольше. Пурпурный называл его батареей. Он объяснил, что именно в нем скрыта магия, называемая электричеством. Подсоединенное к его защитному костюму, оно давало силу другим волшебным устройствам. Пурпурный просто указал на них, но ничего не стал объяснять. Единственными механизмами, которые не были зависимы от батарей, были излучатель света, у которого имелась своя крошечная батарея, и счетчик радиации, который, как сказал Пурпурный, не нуждается в электричестве совсем.

Батарея была тяжеленькой, значительно более тяжелой, чем можно было предположить по ее размерам. На одном ее конце виднелось два блестящих металлических нароста. Пурпурный прикрутил к этим наростам свободные концы медного провода, каждый к своему.

— Теперь, — заявил он, — все, что мне остается сделать, — это включить батарею. А вот это крупная шкала показывает, сколько энергии у меня осталось. Когда я включу батарею, заклинание начнет действовать, и вода разделится на газы.

Так он и сделал. Мы ждали. Я услышал шипение и заглянул в горшок. Крошечные пузыри образовались на поверхности проводов, отрывались и поднимались на поверхность.

— Ага, — сказал Пурпурный. Он повернулся и повернул выпуклость. Вода начала пузыриться сильнее. Пурпурный горделиво рассмеялся.

— Водород и кислород, — сказал он, — от одного провода идет кислород, а от другого — водород. Он легче воздуха. Нам нужно будет улавливать водород. Он и поднимает воздушные мешки.

— О! — проговорил я и закивал головой, будто бы все понял.

Но я ничего не понял, но сделал вид, что мне все понятно. Я постоял еще немного из вежливости, а затем вернулся к своей прерванной работе.

Теперь у меня было семь подмастерьев, и хотя они были вполне способны выполнять работу и без меня, я все же — из чувства ответственности — проверял их при каждой возможности. Сейчас мы использовали сырую кость. Огромная ее груда лежала на солнцепеке, конечно, она не станет такой твердой, как окаменевшая кость, но все же можно будет пустить в дело.

Подмастерья хорошо справлялись и без меня. Пурпурный предложил, чтобы они работали в новом порядке. Один разрезал кость на плоские сегменты, другой шлифовал эти сегменты песком, подгоняя под размер пазов ткацкого станка, третий вырезал углубления для крепления пластины к раме, четвертый и пятый прорезали щели в пластине, а шестой тем временем полировал готовые комплекты зубьев. Седьмой следил за инструментами шести и держал их острыми.

Таким образом они могли сделать больше зубьев для станков, как если бы работали поодиночке.

Пурпурный называл это «разделением труда». Каждую работу можно разбить на несколько простых операций. А поскольку одному человеку приходилось осваивать только одну операцию, то это упрощало и убыстряло весь производственный процесс. Никто не обязан знать все.

Кроме Пурпурного, конечно, но на то он и волшебник. Теперь он внедрял свои методы по всей деревне. Появились новые правила, как ткачам прясть нить, ткать ткань, строить станки, делать прядильные машины. Пурпурный учил людей своей магии изготовления вещей.

Он сказал мне, что весь район стал поточной линией для изготовления летающей машины. В будущем мы сможем строить и другие летающие машины, если захотим.

Все, что мы должны сделать,— это поддерживать работу поточной линии. И мы сможем построить столько машин, сколько захотим. Это была ошеломляющая мысль.

Когда с ней ознакомился Шуга, глаза его заблестели. Не было секретом, чего он хочет. Зловещие огоньки плясали в его глазах.

ЧАСТЬ 2

Глава 43

У Пурпурного странная манера разговора — даже более странная, чем его методы изготовления вещей. Но, если мы с ним соглашались, его методы отправдывались. Он снова и снова доказывал нам это.

Например, он придумал способ уберечь Гортина при столкновениях с деревьями во время езды на велосипеде. Он предложил Вилвилу и Орбуру добавить к велосипеду пару маленьких деревянных колес — по одному с обеих сторон заднего колеса. Они удерживали машину от падения набок. Гортин был так благодарен, получив наконец возможность ездить на велосипеде, что позволил моим сыновьям продать и остальные машины в нижнюю деревню. Но при условии, что у них не будет «колес Гортина». Он хотел быть единственным владельцем непадающего велосипеда. Орбур и Вилвил были довольны таким поворотом событий.

Они уже придумали свою собственную поточную линию для велосипедов — с четырьмя подмастерьями они могли бы выпускать по два велосипеда каждые пять дней.

Сыновья были полны желания опробовать ее, как только кончат дела по работе над летающей машиной. В настоящий же момент у них было столько заданий от Пурпурного, что они едва-едва справлялись.

Например, ему потребовались держатели мешков — огромные деревянные рамы, которые удерживали бы мешки над пузырящимися горшками с водой. Таким образом он собирался ловить газ, который поднимался от горшков с водородным проводом.

Он попросил Белиса-горшечника изготовить для этого горшки специальной формы, и тот уже заканчивал первый из них. В дополнение к отверстию сверху, через которое должна была заливаться вода, у него были два горлышка с разных сторон. Одно из них, узкое и изящное, было расположено таким образом, чтобы водород поднимался именно через него. Другой газ должен был уходить прочь через другое горлышко, широкое и короткое. Воздушный мешок, совершенно пустой, предстояло подвесить на раму над горлышком, а его отверстие прикрепить к соответствующему горлышку. Когда к проводам будет подсоединена батарея, то, как надеялся Пурпурный, воздушный мешок начнет наполняться водородом. Но ни один мешок еще не был сшит. Пока толь-

ко было построено две рамы, чтобы держать их, и вылеплен один горшок.

Белис-горшечник начал выходить из повиновения. Сперва он обрадовался заказу Пурпурного на большое количество горшков, но не пришел в восторг от его предложения использовать женский труд. Он возражал против сбора ими глины, против того, чтобы они вращали его круг, приглаживали его уже готовые изделия, очищали инструменты — против всего! Никаких женщин — уперся он. Женщины предназначены для выведения потомства — это все, для чего они существуют. Пурпурный сказал, что уже доказано, что женщины способны на простую работу, как пряжа и собирательство. Белис затряс головой.

— Прядение не требует особого ума, не то что изготовление горшков.

— Хм, примерно то же говорил и Леста. Только он говорил, что изготовление горшков не требует большого ума.

— Леста — старая мохнатая бородавка. А здесь, возле моих горшков, женщинам не бывать...

— Это твое последнее слово, Белис?

— Последнее.

— Я надеялся все-таки, что ты согласишься. Ну да ладно. Я уже послал за горшечниками из других деревень. Они согласны попробовать работать с женщинами. Я предвидел, что ты...

— Подожди! — заволновался Белис. — Может быть, все-таки возможность есть. Но надо попробовать...

Другими словами, теперь все хотели работать с Пурпурным. Даже если при этом приходилось менять свою привычную манеру поведения. И еще одно: как мы все больше и больше узнавали о Пурпурном, так и он, как это стало видно из его поведения при заключении сделок, кое-что узнавал о нас.

Глава 44

Вскоре Шуга закончил кульминацию и освящение всех домашних деревьев в районе, за исключением диких деревьев, которые он оставил Пурпурному для его воздушной ткани. Два дня он бродил по деревне, придумывая, чем бы заняться, и тут и там развлекая себя небольшими заклинаниями для решения мелких проблем. В конце концов он пожаловался мне:

— Все находят себе занятие возле летающей машины — только не я! Тут не нужны заклинания, которыми я мог бы направлять работу. Все пользуются заклинаниями Пурпурного.

— Чепуха, Шуга! Хватит заклинаний и для тебя.

— Назови хотя бы одно.

— Ну... ты можешь использовать свое умение в подготовительных работах для летающей машины. С воздушными мешками, например.

— А что с ней еще делать, с воздушной тканью? Они ее соткали, они ее окунали, она держит воздух.

— Но она должна быть благословлена, Шуга, разве не так? Я хочу сказать, что это должно быть похоже на поимку Макс-Вотца — бога ветра. Тут ведь тоже должны быть своего рода улучшающие заклинания.

Шуга призадумался.

— Верно, ты прав, Лэнт. Я должен исследовать этот вопрос. Боги определенно должны быть привлечены к летающей машине.

Я последовал за ним на рабочий участок ткачей: обширное пастбище как раз под скалой. Там располагалось более сорока гигантских ткацких станков. Шум стоял чудовищный — каждый станок скрипел, содрогался, громко протестовал. Погоняющие выкрики начальников бригад накладывались друг на друга. Я удивился, как это разные ткачи различают, кто и что командует. Мы зажали уши руками, пробираясь между рядами машин — на тяжелой раме каждого вырастал крошечный кусок воздушной ткани. С некоторым неудовольствием я отметил, что поле испорчено множеством собравшихся здесь людей — черная трава превратилась в грязь. Тяжелая пыль повисла в воздухе. Это было плохо для ткани. Хотя каждый кусок ткани тщательно протирался перед пропиткой, все равно не годилось держать ее в такой грязи.

Без малейшего сомнения, нам надо было разнести станки подальше друг от друга.

Старого Лесту мы нашли на краю поляны, наблюдавшего за сборкой трех новых станков.

Шуга оторвал его от работы и оттащил его подальше от станков.

— Я должен поговорить с тобой,— начал он.

— О чем? Видишь же — я очень занят.— Говоря с нами, Леста не переставал вертеться на месте и рычать на суетящихся подмастерьев.

— Ладно,— сказал Шуга.— Я произвел некоторые вычисления...

— О! Нет! Больше никаких вычислений!

— Они касаются воздушной ткани. Мы не можем ткать ее, не обижая Макс-Вотца — бога ветра. Но мы можем ткать ее, если будем читать заклинания примирения над каждым куском ткани и над каждым станком...

— Я не могу себе это позволить,— застонал Леста.— Здесь и без того столько магии, что у меня начали вылезать волосы.

— Мы рискуем нарваться на удар смерча.

— Это было бы неплохо,— ответил раздраженно старый ткач.— У меня, по крайней мере, выдалось хоть немного спокойного времени. Вон, взгляни. Видишь эти станки? На каждом из них работают разные ткачи, и каждый из них поклоняется своему богу. Тут и Таккер — бог названия, и Каф — бог драконов, и Эйн — бог причин. Тут собралось больше богов, чем мне приходилось в жизни слышать! И каждый из этих ткачей требует, чтобы его ткань была вытканна в особой манере, посвящена его любимому богу!

— Но... но,— в замешательстве забормотал я.— У Пурпурного будет припадок...

— Это точно,— согласился Леста.— Ткань должна быть изготовлена строго по образцу. Она должна быть по возможности наиболее плотной. Она не должна быть ни атласной тканью, ни саржей, ни какой-нибудь ерундистикой — она должна быть просто воздушной тканью! Так нет же... Видишь людей, вон там? Они укладываются, чтобы вернуться в свою деревню. Они, надо же, не желают ткать ничего, кроме сатина. Они боятся обидеть Мохантора — бога-человека, бога... понятия не имею чего он там бог! И таким вот образом мы каждый день теряем, по крайней мере, пятерых ткачей.

Леста повернулся к нам.

— Вы понимаете, что происходит? Они крадут секрет нашей воздушной ткани! Они приходят, работают с неделю, а затем выдумывают какой-нибудь предлог, чтобы сбежать назад, в свою деревню. Я не в силах удержать здесь рабочих.— Он застонал и присел на бревно.— А-ах! Лучше бы я никогда не слышал о воздушной ткани!

— Дела!— согласился я.— Тебе, Шуга, действительно надо принять меры...

— Конечно, конечно,— выкрикнул Шуга.— Ни одному из ткачей не позволялось приблизиться к станку, не открыв по крайней мере двух слогов своего секретного имени в качестве гарантии. Но ничего из этого не получилось. Они заявили, что клятва перед богом во много раз крепче и важнее, чем клятва человека человеку, и они правы.

— Хм,— произнес Шуга.— Кажется, я могу кое в чем помочь.

Леста поднял голову.

— Это просто,— продолжал волшебник.— Мы должны посвятить свою жизнь Макс-Вотцу. Всякий, кто надумает ткать ее без моего благословения или ткать в других видах и местах, будет рисковать навлечь на себя его гнев.

— А как насчет тех, кто хочет уйти?— спросил Леста с надеждой.

Шуга покачал головой.

— Это не страшно. Мы можем связать их более крепкой клятвой...

— Более крепкой клятвой, чем клятва богу?

— Определенно! Как насчет клятвы о безволосии?

— Это как?

— Очень просто — если они нарушат клятву, все их волосы вылезут.

— О!— произнес Леста, он немного подумал над этим и просветлел.

— Давайте попробуем,— согласился он.— Хуже от этого уже не будет.

Когда я уходил, они ругались из-за гонорара Шуге за изгнание всех остальных богов из ткани.

Глава 45

Я решил навестить Пурпурного в его гнезде. Он был очень доволен ходом работ. Удовлетворенная ухмылка проглядывала сквозь черную щетину, покрывшую его подбородок. И он игриво похлопал свой животик. Некоторыми повадками он напоминал мне здешнего черного кабана. Я рассказал ему об уходе ткачей. Он задумчиво кивал, когда я сообщил ему о намерении Шуги.

— Да,— согласился Пурпурный,— это очень умно. Но я не беспокоюсь о тех, кто ушел. Они вскоре вернутся.

— Но почему?

Пурпурный объяснил с невинным видом:

— Потому что у нас почти все прядильные установки на острове. Где они возьмут достаточно нитей для своих станков?

Он посмеялся, довольный своей хитростью.

— Они будут счастливы, если сумеют сделать хотя бы кусок воздушной ткани.

— Да, ты прав,— сказал я, хотя совершенно ничего не понял.

— И еще одно... У нас единственные на острове костяные зубья. Они не смогут изготовить такую тонкую ткань, как наша. Они вернутся.

Он похлопал меня по плечу.

— Идем, мне надо подняться на скалу и посмотреть, как движется работа.

— Я немного пройдусь с тобой,— сказал я.— Есть еще ряд вопросов, которые нам надо решить.

Я рассказал о шуме и грязи, созданных скоплением станков в одном месте, вблизи друг от друга.

— Это скверно,— согласился он.— И для материи и для людей. Мы должны раздвинуть их. Возможно, некоторые придется перенести в другое место. Мы должны любой ценой защитить ткань от грязи. Я сам организую это.

— Я уже сказал Лесте,— сообщил я.— Он не возражает. По крайней мере, не больше, чем обычно.

— Хорошо.

Мы запыхались, поднимаясь по склону в верхнюю деревню.

Я сказал:

— Еще одна проблема, Пурпурный. Некоторые начали поговаривать о плате за работу. Они боятся, что у тебя не хватит заклинаний, чтобы рассчитаться с ними за их труд. Честно говоря, даже я недоумеваю, Пурпурный. Каким образом ты намерен выполнить свои обещания.

— Угу,— согласился Пурпурный.— Надо им дать какие-нибудь символы или еще что-то в этом духе.

— Волшебные символы?

Он задумчиво кивнул.

— Да, можно назвать их так.

— И что они будут делать?

— Ну, каждый символ будет обещанием, Лэнт, обещанием бу-

дущего заклинания. Каждый может хранить его, или обменять, или реализовать попозже, когда у меня будет времени побольше.

Я обдумывал это предложение.

— Так их понадобится очень много, верно?

— Да. Я прикидываю, может попросить Белиса-горшечника...

— Нет, подожди! У меня идея получше!

Мой мозг напряженно работал. Мои подмастерья уже хорошо освоили работу по кости. Они наделали комплектов зубьев более, чем достаточно, чтобы удовлетворить потребности всех существующих станков и даже тех, что будут построены в ближайшие пять дней. Мне не нравилось, что они болтаются без дела, а у меня все еще оставалось сто двадцать восемь ребер от скелетов, подобранных по дороге.

Я сказал:

— Почему бы тебе не разрешить нарезать мне их из кости? Кость имеет душу, а глина нет. К тому же моим подмастерьям как раз нечего делать.

Пурпурный неторопливо кивнул:

— Хорошая идея, Лэнт. Мы сможем выдавать по волшебному символу за каждый день работы.

— Нет, не пойдет,— возразил я.— По одному за каждые пять дней работы. Так делает Шуга, и от этого его заклинания делаются еще ценнее. Отработал руку дней — заработал заклинание.

Он пожал плечами.

— Хорошо, Лэнт. Начинай вырезать.

Я был в восторге. Он пошел выше на скалу, а я тут же поспешил в верхнюю деревню загонять моих подмастерьев за работу. Мы разрежем каждое ребро на тысячу — если не больше — узеньких долек и закрасим полученные кругляши давленным соком черных ягод. После немногих экспериментов я выяснил, что мы можем использовать те же режущие нити, которые применяли при изготовлении зубьев. Нити были натянуты на жесткую раму. Убрав одну сторону рамы, мы могли отрезать по нескольку долек сразу от конца каждого ребра. Позже мы сообразили, что рамка еще большего размера, с увеличенным числом нитей, сможет нарезать за один раз еще больше долек. В самом деле, не было причины, чтобы нить была закреплена именно в жесткой рамке для такого вида работ. Я сразу же представил, по меньшей мере, шесть способов отрезания костяных ломтиков. Один из самых эффективных состоял в том, чтобы набросить нить на ребро и тянуть ее взад-вперед.

Таким образом кость разрезалась сразу, с нескольких сторон.

Пока мы обсуждали этот способ, рядом остановились Вилвил и Орбур. Они направлялись на скалу, и каждый нес связку прочных бамбуковых стволов. Я рассказал им о своем проекте, и они задумчиво закивали.

— Пожалуй, мы сможем построить тебе устройство для срезания еще большего числа ломтиков за один раз. Мы приделаем рукоятки, шкивы, и работать на нем будут двое подмастерьев. Ду-

мается, с его помощью возможно будет протягивать пятьдесят нитей одновременно.

— Отлично, отлично,— потирал я руки.— И как скоро я его получу?

— Как только нам предоставится возможность его сделать. Сперва мы должны закончить раму летающей машины. Сосна слишком тяжела, мы собираемся вновь попробовать бамбук.

— А это значит, что раму придется строить заново,— вздохнул Орбур.

Они взвалили свой груз на плечи и потащили его наверх.

Глава 46

Было уже далеко за полночь, и я окончательно выбился из сил. Красное Солнце близилось к закату. Я устал, все тело немилосердно болело, но в то же время я удовлетворенно улыбался из-за проделанной работы.

Пока я тащился по покрытому черной травой склону к своему дому, то думал об удовольствиях, ожидавших меня там: горячая вода, да возможен и кусочек пищи получше, массаж, нежный и согревающий. Можно было позволить женщинам умастить мой мех душистыми маслами, слишком давно я не позволял себе такой роскоши. И, возможно, если я буду в настроении — то, ради чего и создаются семьи, и, разумеется, со второй женой. Первая с каждым днем становится все грузнее и полнее. Возможно, также теплое расчесывание, мечтал я. Я уже ощущал прикосновение гребней. Я ускорил шаг. Дерево моего гнезда гостеприимно замаячило впереди.

Жен своих я застал посреди жуткой ссоры. Первая жена, старшая, сидела в слезах, вторая жена свирепо глядела на первую.

— Ума у тебя! — заорал я на нее.— Ты не должна нервировать мою первую жену — она родила мне двоих сыновей, а ты пока не родила никого!

Женщина озлобленно сверкала глазами.

— Иди подай мне кнут,— приказал я.

Вторая жена ответила:

— Ты можешь исхлестать меня, мой хозяин, но ты не можешь изменить того, что есть. Что есть, то есть.

За такое неуважение она должна поплатиться. Мужчине, который не может управляться с женой, лучше вообще не делать такого шага, как жениться. Я шагнул к своей первой жене, обняв руками ее раздавшуюся фигуру.

— В чем дело, моя первая жена?

Она произнесла сквозь слезы:

— Эта... эта женщина... она...

Моя вторая жена надменно перебила ее:

— Я тебе больше не «эта женщина», я — Катэ!

— Катэ? Что такое Катэ?

— Катэ — это мое имя. У меня теперь есть имя. Мне его дал Пурпурный.

— Что?! Ты осмелилась заиметь имя? Ни у одной женщины нет имени!

— А у меня есть! Мне его дал Пурпурный.

— Он не имел права!

— Имел — он волшебник. Не так ли? Он пришел сегодня на скалу, где мы пряли, и он разговаривал с нами. Он спросил, как нас зовут. Когда мы сказали ему, что у нас нет имен, он предложил дать их нам. И он благословил их к тому же! Теперь мы имеем освященные имена!

Ну вот, этот глупец навлечет гибель на всех нас! Нет ничего опаснее женщины, ставшей надменной. Мы не должны были позволять им учиться прясть. А теперь он им дал еще и имена! Имена — надо же придумать! Уж не считает ли он женщин равных мужчинам и в других отношениях? А я даже спросить его об этом побоюсь. Ведь он может ответить — да!

И такого дождаться от волшебника! Надо сразу же сообщить об этом Шуге! Других мужчин тоже необходимо поставить в известность. А Пурпурного необходимо наказать. Если женщина получит имя, ее можно проклясть благодаря магии, таящейся в имени. Мужчина достаточно силен, чтобы нести на себе такую ответственность, и сумеет избежать этого проклятия. Но женщина — как может женщина хотя бы понять опасность? Они будут в таком восторге от полученных имен, что помчатся трубить об этом первому же встречному. Все это пронеслось у меня в голове мгновенно.

Моя первая жена поглядела на меня со слезами на глазах.

— Дай мне имя, муж мой. Я тоже хочу быть кем-то.

Я выскочил наружу. Деревня бурлила от смятения. Небо было красным, затянутым дымкой, мужчины собирались кучками и выкрикивали разную чушь. Как будто они посмеют напасть на волшебника!

Пилг Крикун взобрался на высокий пень домашнего дерева и вопил перед остальными:

— Процессию с факелами... снимем богохульство!

У Пилга даже жены теперь не было. На что же он теперь жалуется?

Нет, все зашло слишком далеко — здесь требуется разумный голос. Я взобрался на пень позади Пилга и оттолкнул его в сторону. Пилг закачался, размахивая руками. Я набрал побольше воздуха в легкие и загремел:

— Слушайте меня, жители...

Но вокруг было все слишком шумно и суматошно. Неожиданно собравшиеся пошли прочь. Появились горящие факелы, багряное пламя освещало черные безумные головы. Я спрыгнул с пня и протолкался сквозь толпу.

Ну куда пропал Шуга, он так нужен! И мне, мне одному предстояло остановить их, когда они двинутся к реке, в направлении гнезда Пурпурного...

Я пытался пробиться к самому началу толпы, так, чтобы меня могли видеть.

— Послушайте меня! Послушайте вашего Главу!

Но тут толпа из нижней деревни ворвалась в нашу — и больше уже ничего нельзя было сделать. Ни человеческий голос, ни голос демона не услышали бы в таком реве.

Глава 47

Толпа превратилась в разъяренный поток людей, замышляющий убийство. Я все еще пытался пробиться вперед, надеясь свернуть их в сторону, как-то отвлечь...

А затем мы вывалились на берег реки, и Пурпурный был там. Он стоял на коленях позади объемистого горшка Белиса, крепко прижимая к груди мешок — надутый мешок, размером с небольшую женщину. И тут толпа повалила к нему, он удивленно повернулся и выпустил ношу.

Мешок поплыл вверх.

Жители словно наткнулись на бегу на каменную стену. Они резко остановились, затем застонали, словно в агонии. Мешок Пурпурного медленно поднимался вверх, в темно-красное небо. Мешок, сшитый из воздушной ткани, казался непрочным, блестящим, ярким и отражал свет факелов. Он кружился, пританцовывал, пока поднимался...

— Лэнт! — закричал Пурпурный. — Что случилось? Почему они здесь?

Я оторвал глаза от мешка с газом.

— Пурпурный... зачем ты дал женщинам имена?

— А почему бы и нет? — Он казался смущенным. — Не могу же я все время обращаться с каждой из них: «Эй ты!» Не так ли?

Где-то за моей спиной раздались стоны. Но я не счел нужным поворачиваться.

Пурпурный продолжал:

— Мне было трудно поддерживать порядок, Лэнт. Их здесь слишком много. Я хочу сказать, что трудно запомнить, что женщину зовут «жена Трона», но она оскорблялась, если я забывал уточнить: «вторая жена Трона».

— Третья! — вспомнил я.

— Третья! Вот видишь! Мне это мешало. Поэтому я дал некоторым из них имена: Катэ, Анна, Джуди, Урсула, Карен, Марианна, Лен, Соня... Это намного все облегчает.

— Облегчает?!

Я оглянулся. Большинство собравшихся, видимо, осталось. Они только сдвинулись теснее, и выше поднялись факелы.

Другие тоже не убежали, они просто отступили в темноту, пока Пурпурный и я разговаривали. Я еще раз посмотрел в небо, но летучий мешок уже исчез.

— Облегчает? — повторил я. — Они пришли сюда, чтобы тебя сжечь, Пурпурный.

— Гм,— произнес он, но вроде бы не поверил.— А где мой баллон? Он был здесь минуту назад... я его держал...

— Ты имеешь в виду тот мешок, что поднялся в небо?

Лицо его загорелось.

— Он поднялся? Неужели все получилось?

Я с трудом сглотнул и произнес:

— Это действительно получилось.— Он взволнованно уставился вверх, потом снова на меня.

— А-а... ты сказал, сжечь меня?

Я снова кивнул.

Но это вроде ничуть его не обеспокоило. Он все еще продолжал коситься на небо. Совсем свихнулся со своим баллоном.

— За что?— поинтересовался он.— За то, что я дал женщинам имена?

— Пурпурный, ты волшебник. Ты должен был знать, что делаешь. Я хочу сказать, что ты дал им имена при всех, так что все слышали, и любая женщина, которая прядет, теперь знает имя любой другой прядущей женщины, верно?

— Конечно. Ну и что?

Я застонал.

— А то, что они используют магию друг против друга. Магия — слишком большая сила, чтобы давать ее в руки глупцам и женщинам. Они станут слишком высокого мнения о себе. Пурпурный, сперва ты дал им профессию, теперь ты дал им и имена. Того и гляди, они начнут думать, что они не хуже мужчин.

— Тебя это так беспокоит?— понимающе спросил он.— Ладно. Лэнт, чего ты от меня хочешь? Чтобы я забрал имена назад?

— А ты можешь?

— Конечно. Я сделаю это для тебя. Я запомню вместо этого имена их мужей и их номера, лишь бы был мир.

Я не мог поверить, что он так легко, так небрежно от этого откажется. Так же небрежно, как он дал им имена... Я нерешительно повторил.

— Конечно,— засмеялся Пурпурный.— Или я, по твоему, плут?

Он гулко захохотал, показывая зубы. Деревенские тихо застонали и придвинулись поближе друг к другу. Пурпурный опять наклонился к своему горшку с водой и начал возиться с проводами. Я наблюдал за тем, как он прикрепил еще один кусок ткани к горлышку сосуда.

— Еще один воздушный мешок?

— Что? Ах, да... Другой баллон.— Он разгладил ткань руками.— Сегодня мы сделали первые мешки...

Мешок начал медленно приподниматься. Пурпурный держал его так, чтобы он надувался ровнее.

— Наблюдай,— сказал он.— Он надувается водородом. Наблюдай!

Я шагнул поближе, удивляясь самому себе. Позади меня небо-

льшая кучка мужчин, тех, кто еще остался — тоже придвинулась вперед. Мешок сделался упругим и пухлым почти по всей длине. Мы глядели на него, а он становился все круглее. Мне казалось, что я прямо слышу, как пузыри выплывают из воды, проходят по горлышку и раздувают мешок. Пурпурный пристально следил за ним. Наконец он снял мешок с горлышка, завязал и отпустил.

Мешок поплыл прямо на толпу.

— Получилось! Получилось! — крикнул Пурпурный. Он даже приплясывал от восторга.

Мы подались назад, когда эта штуковина подобралась поближе. Пилг оказался к мешку ближе всех. Он выставил свой факел перед собой, как бы обороняясь им. Мешок не обращал внимания на угрозу, подплывал все ближе и ближе. И вдруг...

Возник шар пламени! Яркая оранжевая вспышка жара и пламени. Ослепительный свет!

Я не знал, что потом было. Большинство из нас каким-то образом добрались домой. Но Форд Копальщик взбежал прямо на утес. А Пилга Крикуна вообще никто не смог отыскать.

Глава 48

Но неприятности так просто не кончились. Когда Пурпурный сообщил женщинам, что они больше не будут носить имена, поднялся такой плач и вой, что кто-то мог подумать, что все мужчины деревни одновременно колотят своих жен. И действительно, многие начали бить своих жен ради того лишь, чтобы все это прекратить, но рукоприкладство только усугубило неистовство женщин. Что ж, скоро стало ясно, что мы имеем дело со стихийным мятежом. Выглядело это совсем просто — женщины отказывались работать, готовить пищу и даже делать то, ради чего создаются семьи. До тех пор, пока мы не позволим им снова носить имена.

— Нет! — заявил я своим женам. — Старые обычаи лучше. Если я позволю вам иметь имена, то боги разгневаются.

— Лэнт, возлюбленный наш хозяин и преданный муж...

— Не уговаривайте, — заявил я. — Никаких имен не будет!

— А тогда не будет того, ради чего создаются семьи, — сказали они и захихикали.

Я посмотрел на своих жен. Первую я купил, еще не избавившись от юношеского меха. Она прожила со мной много лет, родила двух замечательных сыновей и одну дочь. Она была преданна и хорошо знала мои привычки. Теперь она уже не была такой гладенькой и лоснящейся, как некогда, но я все же не намеревался пока отсылать ее к группе старых женщин. Нет, она удивительно хорошо подходила для выполнения своих обязанностей, связанных с ведением домашнего хозяйства. Вторая — гладенькая и изящная. Совсем молоденькая и в женах всего три цикла. Она рожала мне только дочерей, была испорченной и крикливой. И я неожиданно почувствовал, что жалею о потере третьей жены, самой

скромной и самой сладкой жены. Она мало говорила, даже тогда, когда другие задирали ее, но она же была самой нежной. Она родила мне одного сына, но и она и сын погибли при разрушении старой деревни. Я уже подумывал о возможности взять новую жену — третью. Но тогда мне придется прогнать этих двух, если они собираются и дальше быть такими непокорными. К тому же вокруг полно женщин. Они будут прыгать от счастья выйти замуж за такого мужчину, как я.

Да, но большинство привлекательных женщин были уже замужем. Остались только самые капризные и крикливые — и даже наиболее миловидные из них не были особенно симпатичными. К тому же если многие начнут рассуждать как я, то на женщин возникнет такой спрос, что кое-кто останется вообще без женщин. Мысль поменять своих жен на чьих-то других мне тоже приходила в голову, но кому же захочется получить жен с дурными привычками? Нет, мне следует держаться этих женщин...

Но то, ради чего создаются семьи? Можно, конечно, попытаться взять их силой. Но они, наверно, начнут строить такие гримасы и делать такие ужасные выражения лица, что никакого удовольствия не получишь. Нет, следует быть хозяином в своем доме. Если они не покорятся моим желаниям, то следует их прогнать и найти новых жен. Само собой, можно подобрать кого-нибудь в деревне. В конце концов, разве я не Глава...

Но большинство бунтовщиц как раз и относились к группе незамужних женщин. Именно из них получились лучшие прядильщицы — и как раз они-то и вопили больше других, требуя имен. Но наверняка, наверняка же найдется хотя бы одна, а то и две, которые променяют желание иметь имена на честь вести мое хозяйство и воспитывать моих детей. Наверняка найдется хотя бы одна, любящая делать то, ради чего создаются семьи...

Я ошибся.

Слишком многим мужчинам пришла в голову та же мысль — слишком многие мужчины воспылали вдруг страстным желанием. А женщины воспылали желанием иметь имена.

Мы созвали еще одно экстренное собрание.

Поднялся Хинк и сказал:

— Я предлагаю, чтобы мы как следует поколотили своих жен. Пусть знают, что мы не разрешим им никаких имен и не позволим бунтовать...

Раздался хор одобрения. Ясное дело, идея всем понравилась. Но тут мужчина из нижней деревни покачал головой и возразил:

— Не выйдет, Хинк. Мы уже наказывали своих жен, но они все равно не работают. Им захотелось имен, и никакими колотушками из них этого не выбить.

— Но это неразумно!

— Женщины так не думают!

— Но мы-то способны! Вот и думайте. Побои только усиливают их недовольство.

Мы задумались... И наконец пришли к соглашению, что можно достичь компромисса за счет значимости.

Решение предложил Пурпурный. Женщины могли получить имена, но имена, используемые только для идентификации. Это будут неосвященные имена, лишенные религиозного значения. Просто слова, которые произносят, чтобы знать, о какой женщине идет разговор. Другими словами, на женские имена не будет распространено влияние богов!

Шуга разворчался по поводу этого решения — что-то о недопонимании основ современной магии. Он сказал:

— По своему определению имена являются частью предмета, который именуют. Вы не можете разделять их. Цветок — это цветок и только цветок.

— Чепуха, Шуга,— цветок и под другими именами остается цветком.

— Вот и нет, Лэнт, он только потому цветок, что мы назвали его заранее цветком. Если он не будет цветком, он станет чем-то еще. Он станет всем, чем ты его назовешь!

— Но пахнуть он будет?

— Мы отклонились от темы.

— Сожалею, Шуга, но имена назад не возьмешь. Все, что мы сможем сделать, это снять с них благословение. Сделай женщин защищенными от проклятий. Пусть их имена останутся бессмысленными наборами звуков.

— Только и всего, Лэнт! Но все слова наделены смыслом, знаем мы его или нет. Не может быть слов, которые были бы одновременно определенными символами предметов, именно каковыми они и являются. Когда Пурпурный говорит, что мы должны снять благословение с имен, то он говорит глупость. С имен благословение снять невозможно.

— Гм,— произнес я.— Но Пурпурный думает по-другому.

— Пурпурный думает по-другому? А кто здесь волшебник? Я или Пурпурный?

— Пурпурный,— коротко ответил я.

Шуга уставился на меня.

— Ну, это ведь его территория.

Шуга зарычал и начал рыться в своей сумке с волшебными амулетами.

Я сказал:

— Шуга, ты такой же искусный, как и он,— наверняка должен быть какой-то способ.

Волшебник нахмурился.

— Хм, да,— сказал он, подумав.— Пожалуй, я просто благословлю каждую женщину одним и тем же именем. Следовательно, ни одна из них не посмеет проклясть другую, потому что в таком случае она проклянет и себя саму.

— Шуга, ты великолепен!

— Ага,— скромно согласился он.— Я такой.

На следующий день он пошел и назвал всех — Мисс. Были от-

менены Катэ, Анна, Урсула, Джуди, Соня... Теперь здесь остались одни Миссы. Мисс Фроуна, Мисс Гортина, Мисс Лэнта.

Решение проблем было полным. Мужчины были счастливы, женщины были счастливы... Все Мисс были счастливы, и, что самое замечательное, они снова начали прясть, работать и делать то, ради чего создаются семьи.

Пурпурный мог звать их как хочет. Это не имело значения. Освященными их именами было имя Мисс. И это было единственное имя, которое обладало какой-то силой. Мужчины в деревне вздохнули с облегчением. Теперь-то они могли вернуться к нормальному образу жизни — к делам, связанным с летающей машиной.

Глава 49

Для того чтобы не нарушать производство воздушной ткани, станки переносились только по три штуки в день. Новые станки собирались на других склонах и не в одном месте. Когда Лесте сказали, что он должен разнести подальше уже готовые и работающие устройства, он застонал от огорчения — мысль о перетаскивании всех сорока пяти станков наводила страх. Но Пурпурный быстро доказал, что нужно передвинуть только двадцать два — если убрать каждый второй станок из ряда, то между ними окажется достаточно места для работы. Покачав головой, Леста отправился отдавать приказания.

Половина новой ткани предназначалась для машины Пурпурного. Остальная делилась на процентной основе: каждому ткачу в размерах, определяемых его положением и работой, которую он выполнял.

Пурпурный расплачивался за свою ткань волшебными символами.

Я или мои помощники нарезали их ему в соответствии с потребностью. Первая партия была вручена Лесте для распространения между его рабочими в той же пропорции, что и ткань. Сперва ни Леста, ни ткачи не поняли их назначения, но когда мы растолковали, что каждый символ это обеспечение будущего заклинания, они закивали и быстренько разобрали их. Через несколько дней они уже вовсю обменивались ими между собой вместо расплаты за различные услуги. Другие играли на них в кости — обычная игра, за исключением того, что они обменивались символами в зависимости от выпадения костей. Шуга решил, что это оскверняет богов — так обращаться с магией. Игроки были строго предупреждены, а их символы конфискованы. Еще одного мужчину поймали на торговле своими женами для того, что создает семью — за символы. Мы конфисковали его жен.

Из-за того, что поточное производство оказалось настолько эффективным, мы на двадцать процентов превзошли прежнюю совместную продукцию всех четырех деревень. Конечно, доля Пурпурного составила половину этого количества. Но мало кто

из ткачей обижался на это — без Пурпурного воздушной ткани не было бы вообще. И они знали, что получат за нее много больше, чем за старые сорта ткани.

Одно время Пурпурный подумывал о конфискации всей ткани на строительство воздушной машины, но позволил отговорить себя от этой затеи.

Если ткачи почувствуют, что работают только на Пурпурного, то станут нерадивы и беспечны. Если же они будут знать, что также работают на себя, то с каждым кусочком ткани будут обращаться как со своим собственным — каковой она и в самом деле может оказаться после распределения.

Распределение производилось каждую вторую руку дней. Большинство мужчин получало достаточное количество ткани и для собственных нужд, и на продажу. Младшим ткачам, подмастерьям и ученикам, труд которых считался незначительным вкладом в производство даже одного куска ткани, их доля выплачивалась волшебными символами. Накопивший три штуки мог обменять их на один кусок ткани.

То, что ткань очень ценная,— секретом не было. Вскоре возможность носить накидку из воздушной ткани стало знаком высокого положения, и материал пользовался большим спросом. Некоторые мужчины, главные ткачи в своих деревнях, стали одевать в воздушную ткань даже своих жен, чтобы подчеркнуть этим собственную значимость. Но мы достаточно быстро положили этому конец. Не из-за того, что они не имели право демонстрировать свое богатство. Для этой цели они не должны были использовать своих жен. Женщины оказались достаточно горды, что уже доказала история с их именами.

Мы вовсе не хотели, чтобы они жаловались, будто Мисс такая-то носит воздушную ткань, так почему и другие не могут носить ее тоже? Мы быстренько подавили эту тенденцию. Тогда наказанные ткачи стали наряжаться в эту ткань сами, напяливая ее на себя столько, сколько могли. Но через несколько дней и это прекратилось. Все еще продолжался Болотный Сезон — сезон пота.

Случился еще один инцидент. У нас произошла кража. Оба виновника были младшими ткачами — почти мальчишки — и обоим не давали покоя огромные запасы воздушной ткани Пурпурного. Они были родом из другой деревни острова и не вполне понимали важность проекта летающей машины. Сюда они пришли только ради работы и чудесной новой ткани. Она притягивала их необыкновенно. Но являясь подмастерьями, плату они получали не материей, а только волшебными символами и горько страдали из-за этого.

Большинство ткачей не нуждались в воздухонепроницаемой ткани и брали ее такой, какой она выходила из ткацкой машины. После окунания в кровь домашнего дерева нити становились очень гладкими. Ткань обладала изумительной ровностью. Создавалось впечатление накрахмаленности. Для Пурпурного ткань откладывалась в сторону для последней обработки. Ее предстоя-

ло окунать снова, на этот раз в склеивающий раствор. Как раз эта груда подготовленной ткани и соблазнила мальчишек. Их поймали, конечно. Хотя это произошло далеко за полночь, и большинство людей спало. Красное Солнце стояло на западе еще достаточно высоко.

Пурпурный, привычки спать у которого не были похожи на наши, приветствовал их, в чем фактически грубо ошибался, потому что их руки были заняты украденной тканью. Мальчишки тоже допустили ошибку, побежав к ткацким полям. Пурпурный со всех ног ринулся за ними, вопя:

— Стойте, воры! Стойте!

Ночные ткачи не знали этого слова. Но они увидели двух бегущих парней и кричащего, гонящегося за ними волшебника. Они поняли, что здесь что-то не так, перехватили беглецов и держали их до прихода волшебника.

На голубом рассвете мы собрали совет, на который были допущены волшебники, главные ткачи и пять Глав деревень, включая Гортина и меня.

— Не знаю, как они надеялись отделаться,— доверительно спросил у меня Пурпурный.— Какое у вас наказание за...— он, казалось, подбирал нужное слово...— за такое преступление?

— А каким должно быть наказание? У нас раньше такого не случалось. Я даже не знаю, что мы можем решить.

Пурпурный выглядел удивленным. Он словно бы хотел что-то сказать, но тут началось слушание дела. Я говорил мало. Решать предстояло не мне, а Главе той деревни, откуда родом мальчишки. Парни стояли и дрожали. Они были примерно того же возраста, что мои Орбур и Вилвил.

Главы спорили все утро. Не было прецедента, не было примера для решения. В конце концов именно Шуга решил вопрос. Он сердито вышел в центр круга.

— Эти юнцы совершили кражу,— заявил он, воспользовавшись словом Пурпурного.— Пурпурный говорит, что есть такой поступок там, откуда он прибыл. Лично я рассматриваю это как проявление глупости — брать что-либо у волшебника крайне опасно.

Его слова встретили приглушенное одобрительное бормотание.

Шуга продолжал:

— Очевидно, раз взятая собственность принадлежит волшебнику, то это вопрос не для Глав. Это вопрос волшебников.

И на этот раз Главы горячо заспорили. Шуга задел их за живое.

— Эти двое воришек хотели взять воздушную ткань,— сказал Шуга, направляясь к юнцам. Они отпрянули от него назад.— Потому я предлагаю, чтобы наказание равнялось поступку... Я говорю — мы дадим им воздушную ткань.

С этими словами он развернул огромные свертки, которые ма-

льчишки стащили у Пурпурного. Получились длинные полосы, первые полотнища, сшитые для воздушной машины.

— Заверните их в ткань,— скомандовал Шуга.

— Э-э, подождите немного...— начал Пурпурный.

Шуга не обратил на него внимания. Главные ткачи подтащили мальчишек и заставили их лечь на землю, прямо на воздушную ткань.

— Заворачивайте,— приказал Шуга.— Плотно! Плотно их заворачивайте!

Ткачи так и сделали.

— Но... Шуга,— запротестовал Пурпурный.— Они же ведь задохнутся.

— Не знаю такого слова,— отрезал Шуга, не отрывая взгляда от дергающихся под массой ткани тел.

— Это означает, что они будут лишены кислорода.

Шуга бросил на него взгляд. Он, может быть, и вспомнил это слово, но что из того? Кислород — это газ, который Пурпурный отбрасывал, добывая из воды водород.

— Прекрасно,— ответил Шуга,— путь задохнутся.

— Не надо так говорить,— попросил Пурпурный. Он стал совсем бледным. Шуга с гримасой отвернулся и пошел прочь. Пурпурный издал горлом странный звук. Я думал, он пойдет за Шугой, но он не пошел. Теперь мальчишки были завернуты в ткань полностью. Они напоминали гигантские жалящие лучинки, длинные, коричневые и бесформенные.

— Мы оставим их здесь до следующего подъема голубого Солнца,— постановил Шуга.— Оставьте человека проследить, чтобы никто не подходил сюда.

Глава 50

Когда мальчишек развернули, они были мертвы и даже окоченели. Даже Шуга был потрясен.

— Никак не ожидал...— Он медленно покачал головой.— Так вот что означает задохнуться! — Он потрогал тела.— Должно быть, очень сильное заклинание. Посмотрите, на них не видно никаких следов?

Мы посмотрели. Лица их стали темными и холодными. Языки высунулись, глаза изумленно таращились. Но на них не было ни единой царапины.

Когда мы рассказали об этом Пурпурному, он болезненно застонал — но так, как будто ожидал этого исхода.

Он спустился на поляну, чтобы осмотреть все самому.

— Я не должен был этого допустить,— бормотал он по дороге.— Надо было его остановить.

Увидев их застывшие тела, он отшатнулся, опустился на бревно, закрыл лицо руками и зарыдал. Даже Вилвил и Орбур отодвинулись от него. Затем появились отцы мальчиков. Их вызвали с другой стороны острова, и они потратили почти день на дорогу.

Когда они поняли, что случилось, то тоже начали рыдать. Они шли принять участие в наказании, а не в траурной церемонии. Да и сам я чувствовал себя странно, опустошенно, как-то с неприятным чувством потери. Гортин свернул украденную ткань, обращаясь с ней с повышенной почтительностью, и протянул Пурпурному. Тот поднял голову, поглядел на сверток и, подавшись назад, покачал головой.

— Убери ее, убери!

В конце концов мы похоронили в ней мальчишек.

Глава 51

Потом я отыскал Пурпурного одного. Он угрюмо сидел на раме незаконченной воздушной машины. Он посмотрел на меня.

— Я же говорил, что они задохнутся. Им не хватит кислорода.

— Проклятье твоему ненужному газу! Им не хватило воздуха, Пурпурный. Твоя воздушная ткань не пропускает воздух, так же как и газ.

— Да, конечно,— озадаченно согласился Пурпурный.

— Так ты знал! Ты знал!— дико закричал я.— Ты знал, что они умрут? Если бы ты заставил Шугу слушать... или сказал бы мне! Мальчишки не сделали ничего особенного.

— Прекрати,— простонал он.

— Ты позволил им умереть, Пурпурный. Из-за такой малости?!

— Но это в обычае многих диких племен,— сказал он. Запнулся и глянул на меня.

— Дикие племена,— повторил я.— Ты думаешь... Ты считаешь нас дикими?

— Нет... нет... Лэнт... Я...— забубнил он.— Я думал, что... Я никогда не видел, как у вас наказывают. И не знал, какой будет ваша кара. Я считал, что Шуга понимает, что делает. Я... я... Мне очень горько, Лэнт... Я не знал...— Он закрыл лицо.

А я неожиданно успокоился. У Пурпурного не было никакого опыта общения с нами. Нам следовало признавать его таким, какой он есть, так как и он воспринимал нас такими, какими мы были.

Я спросил:

— Там, откуда ты пришел, за воровство убивают?

Он покачал головой.

— Это ни к чему. Если кто-нибудь совершает тяжкое преступление, то наши... наши советники могут так воздействовать на виновного... на его душу... что он никогда не сможет больше совершить подобное преступление.

Я был поражен.

— Это мощное заклинание.

— И сильная угроза,— сказал Пурпурный.— Убийца после такого наказания не сможет защитить ни себя, ни свою собственность, ни даже своего ребенка. Перестроенный вор не сможет без

разрешения воспользоваться даже водой, если даже горит дом. Но, Лэнт, я не понимаю — неужели воровство у вас такая редкость? Мальчики взяли вещь, которая им не принадлежит. Они ее не заработали, не изготовили, не выменяли. Разве это привычное для вас поведение?

— Мы о таком не слышали, Пурпурный. Это у нас впервые.

— Но...— Он, казалось, подбирал слова.— Как ты называешь, когда один берет хлеб у другого?

— Голод.

Пурпурный заволновался.

— Хорошо, а что ты будешь делать, если кто-то возьмет твои костяные изделия?

— Без платы? Пойду и отберу их назад. Ему их не спрятать. Ни один мастер по кости не работает точно так же, как я. Даже мне никогда не сделать двух одинаковых предметов... кроме зубьев для станков, пожалуй...

— Тогда необработанная кость — у тебя большие запасы необработанной сырой кости. Что, если кто-то ее заберет?

— А зачем? Зачем она ему нужна? Ее может использовать только другой резчик. Я бы их всех знал. Пошел бы и отобрал назад.

— Но это абсурдно, Лэнт. Наверняка можно найти что-то такое, что вор может украсть. Секреты! — радостно воскликнул Пурпурный.— Леста трясется над своими ткацкими станками, как мать над ребенком.

— Но если кто-то украдет у него секреты, у Лесты они все равно останутся. Он все равно сможет изготовлять свою ткань, хотя это уже смогут делать и другие ткачи. Никто не сможет украсть пищи больше, чем сможет съесть, прежде чем она испортится. Никто не сможет украсть дом или что-то еще такое тяжелое, чего он не способен поднять. Никто не сможет украсть инструменты — инструменты нужны только специалисту, другому человеку придется прежде овладеть профессией. Никто не может украсть положение в обществе или репутацию...

— Но...

— Никто не сможет украсть что-то такое, что легко узнать. Фактически единственная вещь, которую можно украсть, это вещь, выглядевшая точно так же, как огромное множество точно таких же вещей.— Пока я говорил, мой мозг напряженно работал. И я начал понимать недоумение Пурпурного. Вещи, которые выглядят точно так же как и другие вещи. Ткань, или волшебные символы, или зерно... Пурпурный был поражен.

— Да. Ты прав!

— Ткань и волшебные символы. Да, до твоего появления никто не мог украсть достаточно ткани, чтобы это окупало риск. А кто-нибудь мог украсть услуги волшебника? Сама эта мысль была нелепицей, пока не пришел ты, Пурпурный.

Пурпурный ошеломленно произнес:

— Я изобрел новое преступление!

— Поздравляю,— ответил я и покинул его.

Глава 52

Поиски волокнистых растений и диких домашних деревьев распространились даже до дальних холмов. Четыре бригады каждое голубое утро покидали деревню и отправлялись на поиски сырья. И они частенько даже не возвращались и после того, как солнце исчезало за горизонтом. Но слишком часто они стали возвращаться с корзинами, наполненными наполовину. Волокнистые растения не представляли особой проблемы. Они росли быстро. Торговцы урожаем уже начали эксперименты, пытаясь выращивать их для ткачей. Успели проклюнуться молодые побеги, и казалось, что мы разводим волокнистые растения уже давным-давно.

Проблемой был сок домашних растений, который уже фактически задерживал нас. Мы оказались под угрозой остаться без домашних деревьев. Шуга освятил все деревья в населенном районе — кроме трех. Но и эти деревья почти высохли. Пурпурный боялся совсем истощить их из опасения совсем убить. Деревья уже начали сбрасывать листья. Дикие деревья еще оставались, конечно, но препятствием к их использованию были те неимоверные усилия, которые требовались, чтобы доставить огромные глиняные сосуды с дальних холмов. Требовалось восемь мужчин, чтобы нести одну такую здоровенную и тяжелую емкость. Белис изготавливал их из дубовых стволов, обернутых воздушной тканью. Он также изготавливал емкости еще больших размеров, чтобы использовать их в качестве ванн. Они были сложены из тяжелого обожженного кирпича и производили превосходное впечатление.

Но у нас не хватало крови домашних деревьев, чтобы их наполнить. А груды необработанной ткани продолжали между тем расти. Нам хватало сока только на пропитку нитей. Но не на вторичное пропитывание.

На скале между тем каркас лодки обретал форму. Первый его вариант получился слишком тяжелым и был демонтирован. От него мальчики оставили только доску для киля. Вместо сосны они использовали бамбуковые стволы, связанные вместе и хитро сплетенные. В этом им помогал Шуга, хотя мы и редко его видели. В остальных случаях он был слишком занят благословением ткацкого производства и другими заклинаниями.

Второй каркас лодки получился почти полностью бамбуковым. Но все-таки это был только каркас. Мальчишки отказались от своего намерения сделать покрытие из дерева. Они решили использовать воздушную ткань. Получалось, что из нее можно изготовить корпус целиком, если сложить ее в несколько слоев и натянуть на бамбуковый остов. Там, где это было возможным, дерево заменялось на воздушную ткань. Позже, нанеся на нее кровь домашнего дерева в несколько слоев, ее предстояло улучшить, сделав водонепроницаемой.

Как только мои сыновья додумались до этого, так сразу же отыскали множество способов, как сделать лодку максимально лег-

кой. Вместо деревянных досок для сиденья применялась все та же ткань, натянутая на простую раму.

Мальчишки были в восторге от своей работы. Лодка будет воздухонепроницаемой, лодка будет крепкой, и, что самое главное, она будет настолько легкой, что Пурпурному можно будет не волноваться насчет веса припасов. Единственная часть лодки, которую пришлось все же изготовить из древесины, оказался палубный настил, идущий под днищем.

Я размышлял, а нельзя ли воздушную ткань приспособить еще для чего-либо. Например, не удастся ли применить ее для постройки гнезда, вместо того чтобы оплетать стены волокнистыми растениями и лианами. Ведь можно просто обтянуть ее воздушной тканью. Это было бы и легче, и быстрее. Дом получался бы более приличным и к тому же защищенным от дождя.

Хм... или, быть может, удастся натянуть большой кусок ткани на жесткую раму и использовать ее для укрытия стада от дождя... или, скажем, перегородить ручей. Ткань, очевидно, потребуется многослойная, но не видно причины, почему бы это не могло получиться.

Хм... Можно было бы завести большое количество воды в прудах, огороженных воздушной тканью. В землю она просачиваться не будет. А если закрыть тканью воздушную поверхность, то даже жадный Макс-Вотц не сможет ее украсть.

Я был готов поспорить, что для этого материала найдется множество применений, о которых мы просто не думали. Не исключено, что я продешевил с Лестой. Ничего, можно пересмотреть условия нашей сделки, после того как будет закончена летающая машина Пурпурного.

Законченный каркас очень напоминал своими очертаниями лодку, но он был настолько легким, что его пришлось привязывать к скале, чтобы его не сбросил вниз ветер. Один человек мог сдвинуть его с места, а двое волочили его безо всякого труда. Килем служила отдельная сосновая доска, которую оставили от первой конструкции. Чтобы сделать киль более эффективным, его подвесили на нескольких хитроумных распорках из бамбука. После этого, чтобы предохранить киль от поломки, а каркас лодки держать ровнее, мои мальчики построили для корпуса подставку. Теперь же они к подпоркам, которые должны были поддерживать выносные снасти, добавили перекладины.

— Зачем перекладины? — спросил я.

— А затем,— объяснил с довольной улыбкой Вилвил,— чтобы можно было добраться из лодки до воздушных толкателей.

— Воздушный толкатель?

«Я не стал расспрашивать, что это такое. Я все узнаю в свое время»,— подумал я.

Мальчики продолжали работать с выносными снастями. Скоро они начнут обтягивать каркас тканью. И тогда единственное, что нас будет задерживать, это воздушные мешки.

Дальше все зависело от решающих трех обстоятельств:

Во-первых, мы нуждались в большом количестве ткани. А для этого требовались волокнистые растения и кровь домашнего дерева.

Во-вторых, кровь домашнего дерева нам требовалась для того, чтобы повторно обрабатывать ткань, которая была уже готова.

И в-третьих, необходим был другой способ разделять воду. Затея Пурпурного умерла.

Глава 53

О батарее я узнал, когда пошел поговорить насчет крови домашнего дерева. Пурпурный сидел на бревне возле своего дома и вертел в руках плоскую округлую коробочку. По его виду можно было подумать, что он разглядывает собственную смерть. Я, ничего не говоря, присел рядом и ждал.

— Она умерла,— сказал Пурпурный чуть погодя.

— Как?— спросил я.— Ты морил ее голодом?

Он показал вверх. Над его домом покачивались семь мешков воздушной ткани, размером с человека. Они тянулись прямо вверх, удерживаемые веревками.

— Я экспериментировал, Лэнт... я запасал газ впрок.— Он махнул рукой на деревню.— Я не хочу, чтобы люди боялись воздушного корабля...

Группа подростков промчалась мимо, и каждый волочил за собой привязанный за ниточку блестящий воздушный шарик. Мешки были размером с человеческую голову, может чуть больше.

— Лишние лоскутья обработанной воздушной ткани,— пояснил Пурпурный.— Недостаточно плотные для моей лодки. Вот я и подумал, а если ребятишки смогут увидеть... ну, если взрослые смогут увидеть, что даже дети смогут управлять заклинаниями...

Я понял. Пурпурный запомнил наш ужас в ночь мятежа. Он решил извлечь из этого урок, продемонстрировав нам, что это более простое заклинание, чем мы думали.

Теперь он горевал над своей батареей и печально поглаживал ее.

— И нет способа, каким бы ты сделал новую батарею?

— Да ты не понимаешь, о чем спрашиваешь!— воскликнул Пурпурный.— Вся моя цивилизация основана на том роде силы, что была заключена в батарее. Я... я не волшебник в той области, у меня нет должной выучки. Я лишь ученик чародея в понимании того, как дикие люди могут жить вместе.

Я решил не обижаться на оскорбление. Поскольку было ясно, что Пурпурный не в себе. Я заставил его сесть и не позволял произнести ни слова, пока он не выпил чашку пива.

Лицо его скривилось.

— Я был идиотом,— признался он.— Ведь целых восемь меся-

цев я тратил электричество, чтобы бриться, когда оно мне до зарезу нужно для того, чтобы добраться домой.

— А на что эти мешки? — Я указал на домашнее дерево.

— Этих недостаточно. К тому же, когда мы закончим каркас лодки, они снова окажутся пустыми. Газ просачивается, Лэнт...

Я протянул ему еще кружку пива.

— Но ты наверняка сможешь сделать источник силы другого рода, чтобы разделить воду.

— Нет, у нас нет инструментов, чтобы сделать инструменты, с помощью которых можно сделать этот прибор.

— И больше нет ничего, что привело бы в действие летающее заклинание?

— Горячий воздух. Горячий воздух легче холодного. Поэтому дым и поднимается. Все проклятье в том, что горячий воздух быстро становится холодным. Мы опустимся в море и там и останемся. Скорее всего, нам не удастся проникнуть далеко на север на мешках из горячего воздуха.

Я опустился на бревно рядом с ним и влил в себя немного пива.

— Но ведь наверняка должен быть какой-то способ, Пурпурный. Не так давно ты думал, что летающая лодка невозможна. Нельзя ли что-нибудь придумать с твоей батареей? Ведь был же когда-то первый источник электричества. Как он был сделан?

Пурпурный поглядел на меня затуманенным взглядом.

— Увы, Лэнт...

Но его глаза внезапно сузились.

— Подожди минутку... что-то я делал в школе... как-то было... вращающийся мотор, изготовленный из бумажных скрепок, медного провода, батареи и... Но...

— Но у тебя нет бумажных скрепок?

— Ну, это не проблема. Бумажные скрепки требовались только для зажима.

— Но твоя батарея умерла...

— Дело не в том. Тогда я использовал батарею, чтобы заставить двигаться вращающуюся секцию.

Он возбужденно обхватил меня, и мы опрокинулись с бревна, а он даже не заметил этого.

— Это будет работать точно так же, но наоборот! Я могу перевернуть заклинание и заставить вращающуюся секцию заряжать мою батарею.

Я успел подхватить кувшин с пивом, прежде чем пролилось слишком много. И сделал основательный глоток.

— Ты хочешь сказать, что сумеешь восстановить ее силу?

— Да! Да!

Пурпурный начал было приплясывать, но вдруг остановился, выхватил у меня кувшин с пивом и отпил.

— Я могу сделать столько электричества, сколько мне нужно, Лэнт... Я могу это сделать даже для тебя...

— Ну, мне это ни к чему, Пурпурный.

— Но это великая магия! Она сможет тебе помочь! Вот увидишь! А мне понадобится всего немножко взять с собой... О, моя доброта. Вам придется поворачивать вращающуюся секцию руками, не так ли? Ладно, можно воспользоваться рукояткой... и зубчатыми колесами. Но, может быть... мы сможем сделать передачу, и... — Он неожиданно замолчал. — Нет, не получится.

— Как? В чем дело?

— Лэнт, это было так давно. А штука, которую я сделал, была такая маленькая. Я не уверен, что смогу сделать это еще раз, и не знаю, сможет ли она давать достаточно электричества.

Я налил ему еще немного пива и снова усадил на бревно.

— Но ты собираешься попробовать, верно?

— Конечно, — ответил Пурпурный. — Я должен... о, я смутно помню... — Он поерзал на бревне рядом со мной. — Сделать воздушный корабль не так легко, как я думал.

Кивком я подтвердил его мысль.

— Прошло уже девять рук дней, как мы начали. Я думал, что займет совсем немного времени. А конца еще не видно.

— Ага, — согласился он.

Я сделал еще глоток, потом сказал:

— Знаешь, у меня для тебя плохие новости.

— Да? Какие?

— Воздушный ткани больше не будет. Мы истощили все дикие домашние деревья. Ткачи могут изготавливать ткань, конечно, но если не пропитывать нити, ничего хорошего не будет.

— Чудесно, — произнес он, хотя его тон давал понять, что думает он как раз наоборот. — Правда, это почти не имеет значения, поскольку мы не сможем сделать газ.

Я налил еще пива.

— Конечно, — сказал он, — у меня уже хватает воздушной ткани для небольшого летучего корабля... который мог бы нести меня одного. — Он немного помолчал, икнул и продолжал: — Если придется делать летающее заклинание с горячим воздухом, то я его сделаю. Только для того, чтобы Шуга не мог назвать меня лжецом. Я обещал.

Он допил свою чашу и молча протянул мне, я наполнил ее.

— Я бы продал все свои надежды на полет за кварту хорошего шотландского пива прямо сейчас. Ладно, если мы не можем больше брать сок от диких домашних деревьев, давай брать его от прирученных домашних деревьев.

— Освященных домашних деревьев, — поправил я его. — Но осквернить домашнее дерево! Если ты попытаешься это сделать, то тебя уж наверняка сожгут. Вмешиваться насчет жен — это одно, а насчет домашних деревьев — совсем другое.

— Мы не можем брать сок от освященных домашних деревьев, — повторил Пурпурный. Я встревожился. Лицо его раскраснелось. — Но мы можем сперва снять благословение.

— Чепуха!

— Почему? Шуга снял благословение ткацких богов других

деревень. Шуга снял благословение с женских имен. Почему я не могу снять благословение с чего-нибудь?

Он был прав.

— А почему не можешь? — спросил я.

— Потому, что я не знаю заклинания, снимающего благословение,— ответил Пурпурный.

— Никто не знает,— возразил я.— Заклинаний, снимающих благословение с домашних деревьев, просто нет. В них никто и никогда не нуждался.

— А я возьму и придумаю. Разве я не волшебник?

— Конечно,— ответил я.

— Лучший волшебник во всем этом спиральном рукаве и еще в двух соседних.

Он опять понес тарабарщину. Что ему сейчас требовалось, так это еще одна чашка пива. И мне тоже. Мы потащились в верхнюю деревню и вскарабкались в мое гнездо.

Я достал непочатый кувшин. Пурпурный сделал первый глоток. Где-то по дороге он потерял свою чашку и потому пил теперь прямо из горлышка.

— Как же ты собираешься снимать благословение с домашних деревьев,— спросил я.

Пурпурный оторвался от кушина, поглядел на меня с упреком и пошатнулся.

— Пойдем и посмотрим!

Довольно неловко он выбрался из гнезда, и мы торопливо потопали через всю деревню к одному из самых больших домашних деревьев — гнезду Хинка Младшего. Пурпурный еще глотнул пива и задумчиво уставился на дерево.

— Какому богу это дерево посвящено? — поинтересовался он.

— Хм, дерево это... Хинка Младшего... Думаю, оно посвящено Поуму — богу плодородия. У Хинка четырнадцать детей и все, кроме одного,— девочки.

— Ну-ну,— произнес Пурпурный.— Тогда мне следует снимать благословение зельем бесплодия, верно? Пиво, будучи алкогольным напитком, является средством очищающим. Да, в этом случае пивом можно пользоваться, чтобы что-то сделать бесплодным. Пиво должно входить в снимающее благословение заклинание. И, дай-ка подумать, надо еще использовать лепестки колючего растения, которое расцветает только раз в пятьдесят лет, и еще...

Он продолжал что-то в том же духе. Я отпил пива и пошел вместе с ним обратно к его гнезду. Пурпурный исчез в нем, еще что-то бормоча. Из двери гнезда посыпался град предметов и волшебных устройств.

— Мусор! — прогремел голос Пурпурного.— Все это мусор... проклятье, не могу найти лепестки колючего растения... Можно его заменить?

— А это не опасно?

— Ты хочешь ждать пятьдесят лет?

— Нет.

— Я тоже. Заменяем.

Немного погодя он сам вывалился из гнезда, неловко приземлился на вершину внушительной кучи волшебных предметов и начал заталкивать их в большой короб.

— Мне ясно, Лэнт, что это дело надо еще исследовать. Давай вернемся в деревню и взглянем лишний раз на деревья.

Мы еще раз обозрели дерево Хинка. Красное Солнце стояло на западе. У нас остался, возможно, час времени до голубого рассвета.

— Это ночное или дневное заклинание? — спросил я.

— Не знаю. Давай сделаем его утренним заклинанием. Пятичасовое утреннее заклинание.

Он еще отпил пива. Кувшин был почти пуст.

Пурпурный икнул и вытащил глиняную чашу. Он начал мешать в ней зелье, потом неожиданно изменил намерение и выплеснул содержимое на землю. Начал мешать другое, но тоже вылил — оно зашипело в луже первого. В конце концов он принялся ссыпать вместе порошки, понюхал смесь и поморщился.

— Фу! Почти-почти. Это подойдет. Все, что теперь требуется, это...

Он неожиданно выпрямился и объявил:

— Меня приперло.

Пурпурный подобрал накидку и огляделся в поисках кустов. Их здесь не оказалось. Пурпурный взглянул на чашу перед собой и пожал плечами.

— А почему бы и нет?

В чашу полилась горячая струя.

— Пурпурный! — закричал я. — Это просто гениально... испорченная вода сделает заклинание вдвое сильнее... испорченная вода волшебника! Клянусь!

Пурпурный скромно одернул накидку.

— Ничего особенного, Лэнт. Это вышло естественно. — И потянулся за пивом, объясняя: — Позже мне еще понадобится.

Он отпил, потом вернул пузырь мне. После чего осторожно поднял чашу с волшебным зельем.

— Теперь осталось сделать только одно.

Я опустил кувшин и спросил:

— Что же?

— Как что? Испытать заклинание, конечно!

И он тотчас начал петь и приплясывать вокруг дерева Хинка. На втором круге он почти запутался в своей накидке, но, к счастью, распутался раньше, чем упал со своей чашей. Он быстро скинул накидку, снова поднял чашу и начал приплясывать вокруг дерева и петь.

— Вот мы идем вокруг колючего растения, колючего растения... вот мы идем вокруг колючего растения в пять часов утра...

Я подумывал, стоит ли ему говорить, что он снимает благо-

словение не с колючего растения, а с домашнего дерева, когда Хинк неожиданно высунул голову из гнезда и заорал:

— Это что еще за шум? — Он сморщил нос. — И что это за ужасный запах?

— Ничего особенного, — ответил Пурпурный и снова двинулся по кругу. — Иди спи дальше, Хинк. Мы просто снимаем благословение с твоего домашнего дерева.

— Вы это что? — Хинк ощетинился и раздраженно выбрался наружу.

— Успокойся, Хинк, — попросил я. — А пока выпей пива. Я тебе все объясню.

Хинк выпил. И мы выпили. И мы рассказали ему, что у нас мало крови домашнего дерева и как отчаянно нуждается в ней Пурпурный, чтобы покончить со своей летающей машиной и покинуть этот мир, и что он оказывает Пурпурному великую честь. Мы объяснили ему, что все это на день-два, а потом Шуга будет рад освятить его дерево заново. К тому времени, как мы кончили объяснять, Хинк был почти такой же пьяный, как и мы. Он только согласно кивал головой, когда Пурпурный снова схватил свою чашу и начал петь и плясать вокруг его дерева, брызгая на него зельем. Мы немножко понаблюдали и не смогли удержаться от смеха. Пурпурный закричал:

— Хватит торчать и хохотать, помогите мне!

Мы переглянулись и пожали плечами. Хинк сбросил накидку, в которую только что завернулся, и присоединился к Пурпурному. Немного подождав, чтобы прикончить пиво, я сказал то же самое.

Когда мы кончили снимать благословение с дерева Хинка, то обнаружили, что зелья еще осталось много. Поэтому мы направились к дереву Анга Рыбака и Сетевладельца. Анг тут же высунулся из своего гнезда и закричал:

— Празднество? Подождите, и я с вами!

Он почти мгновенно вылетел из гнезда, на ходу сбрасывая одежду, но Пурпурный вдруг перестал петь.

— Нет, ничего не получится. Мы без пива.

— Получится, получится! — закричал Анг. Он исчез в гнезде и тут же вернулся с полным кувшином. — Вот! Нельзя же прерывать праздник.

Когда мы переплясали вокруг его дерева пять раз, Анг вдруг повернулся ко мне и спросил:

— Кстати, Лэнт, а что мы празднуем?

Я ему объяснил.

— О! — только и выговорил он. — Раз этого хочет волшебник — значит, все в порядке.

Мы снова продолжали танцевать. Шум разбудил кое-кого из соседей, и они присоединились к нам, конечно же с пивом. Мы сняли с их деревьев благословение и уже совсем было направились к моему гнезду, как вдруг зелье кончилось.

— Пурпурный, это несправедливо. Ты снял благословение почти со всех деревьев, ты должен снять его и с моего.

Мы наготовили еще зелья. На этот раз испорченной воды хватало у нас всех. Время было как раз перед восходом Солнца. Мы могли видеть, как из-за горизонта появляется его бело-голубой диск, большинство мужчин деревни уже проснулись и жаждали присоединиться к очереди выливающей испорченную воду в горшки для зелья - - теперь их было уже несколько.

Вновь прибывающих мы отсылали назад за пузырями с пивом. Как только один кувшин пустел, другой, полный, появлялся, казалось, ниоткуда.

Новоприбывшие несли и несли их. Жены нервозно выглядывали из гнезда. А мы уже были готовы продолжить пляски и пение. Мы танцевали и пели вокруг каждого дерева, которое нам попадалось, пока Солнце не вспыхнуло на горизонте. Мы пели и танцевали при резком голубом свете, пока Солнце не скрылось за облаками. И вдруг оказались среди яростной бури.

- - Ура! Заклинание получилось!

Мы поскакали вниз со склона и стали плясать вокруг дерева Пурпурного с семью огромными воздушными мешками, повисшими над нами.

— Боги рассердились! Боги рассердились! — пели мы.— Идет дождь! Все боги зарычали!

Гром и молния раскололи небо. Теплые капли дождя приятно падали на наш обнаженный мех...

А затем...

Треск... яркий проблеск... наши волосы поднялись... послышался чудовищный ккк-ррр-ммм-прр! И шар оранжевого пламени окутал мешки Пурпурного, дерево и все остальное.

На мгновение я замер в оцепенении. Не зашли ли мы слишком далеко? Не собирается ли Элкин уничтожить и эту деревню? Но затем все кончилось. Воцарилась тишина. Только спокойный плеск водяных капель.

Глава 54

Когда я проснулся, уже сияло малиновое Солнце. Надо мной стоял Шуга и тоже сиял.

— Шуга,— пробормотал я и застонал. Звук моего голоса ранил мое левое ухо.

— Лэнт,- - проговорил он. Звук его голоса ранил мое правое ухо.

— Шуга,- - сказал я.

— Надеюсь, ты помнишь смысл своего танца сегодняшним утром?

— Не моего танца, не моего! — Я приподнялся на одной руке.— Это танец Пурпурного. Он снял благословение с некоторых домашних деревьев, чтобы можно было использовать их кровь.

— Он... что?

— Шуга,— пролепетал я.— Не кричи так. Он сделал это ненадолго. Ты можешь освятить их заново.

— Я могу что?..

— Ты можешь освятить их заново, как только мы возьмем немного их крови.

— Когда? — воскликнул он.

Я поморщился.

— Мне надо благословлять ткань, мне надо благословлять раму летающей лодки, мне надо благословлять нити, а теперь еще и гнезда. Где я возьму время?

— Ты найдешь его, Шуга. Мы сняли благословение не с такого уж большого числа деревьев.

— А с какого?

— М-м, их немного.

— Так сколько это «немного»?

— Гм, дай прикинуть... Это были деревья Огна, Хинка, Вифа, Тетта, Голдина и... м-м... м...

— Продолжай, дырявая башка! Вспоминай!

— Я вспомню, Шуга, я вспомню. Не подгоняй меня... Я помню, мы сняли благословение с моего дерева и, кажется, с дерева Пурпурного... но я думаю, нам не следует беспокоиться насчет дерева Пурпурного. После того как мы сняли с него благословение, там почти ничего не осталось. И я думаю, с дерева Снарга, хотя нет... или, может быть...

— Лэнт, ты... если ты не вспомнишь, мне придется переосвящать каждое дерево в деревне!

— М-м, я уверен, Шуга, я вспомню. Дай мне только время.

Глава 55

Шуга собирался освящать заново каждое дерево в деревне. Но мы не могли пойти на это. Это означало, что со всей остальной работой придется подождать, пока он не найдет время благословить ее.

И мы решили просто раздать хозяевам деревьев волшебные символы, с тем чтобы потом Шуга смог их отработать. Подобно символам Пурпурного, они обещали заклинания в будущем, с которым Шуга мог бы расплатиться позднее.

— Гм-м, — произнес он, поглядывая на деревню. Было ясно, что идея ему не понравилась. — Ладно, но все-таки мне хотелось бы знать... Намерен ли ты признаться, как вы с Пурпурным накладывали заклинания?

— Ну, все это так смутно... Я помню мы пели, танцевали, и было очень весело. Пурпурный пел что-то вроде: «идет дождь, он льет, все боги зарычали...»

— Могу представить...

— Ах, да, он еще пел: «вот мы идем вокруг колючего растения...»

— Он превратил колючее растение в домашнее дерево или наоборот?

— Только символически, Шуга.

— Только символически? — Шуга застонал.

— Конечно, только символически. Каким образом можно превращать домашние деревья в колючие растения?

— Ладно, — он вздохнул, — займемся делами.

Глава 56

Сбор сока уже начался, когда я направился в нижнюю деревню. Белису-горшечнику предстояло потрудиться, чтобы нам было в чем хранить кровь домашнего дерева, — мы не собирались истощать их еще раз.

Когда я рассказал ему в чем дело, тот пришел в восторг. Это означало большой заказ, и он принялся подпрыгивать и напевать:

— О, отлично, отлично... О, волшебные символы...

Я пожал плечами и покинул его. Голова все еще болела. Я пошел к реке, надо было переговорить с Пурпурным. Но я не мог найти даже того места, где он работал. Вокруг почерневшего ствола его домашнего дерева уже плескались буруны. Половина нижней деревни уже ушла под воду. Река далеко вышла из берегов. Семьи из нижней деревни уже начали перебираться на холм, чтобы занять домашние деревья, которые мы для них заранее приготовили. Но я и не представлял, что вода может прибывать с такой скоростью. Ведь прошло совсем немного времени с тех пор, как я был здесь.

Пурпурного я отыскал у Френа Кузнеца. Оба были поглощены работой с деревом и металлом. Я не мог вникать в то, чем они занимаются, но казалось невероятным, чтобы Френ, личность самая приземленная, стал работать над волшебным устройством. Когда я намекнул про это, Френ только зарычал. Пурпурный ответил:

— Я нуждаюсь в его искусстве, Лэнт. Он — единственный человек, который может сделать то, что мне нужно. У нас есть медный провод, теперь надо найти способ, как его изолировать.

— Изолировать? Пурпурный, я бы просил тебя говорить, как человек.

— Это означает, поймать магию в провод, таким образом она не сможет сделать короткое замыкание. Я могу закрутить его спиралью, но если нитки сомкнутся... Я думаю, может, покрыть его слоем сока?

— Теперь у нас много крови домашнего дерева, Пурпурный. В верхней деревне уже работают бригады сборщиков. С деревьев, с которых мы сняли благословение...

— Помню, я помню! — Пурпурный коснулся своей головы. — О, голова у меня, ты не поверишь...

Я вполне верил, но перешел к более насущным делам. Я сказал:

— Твое дерево было уничтожено ночью, Пурпурный.

— Это не имеет значения. Найдется другое...

— Но твоя батарея...

Он подбросил ее вверх и сказал:

— В безопасности. Я всегда ношу ее с собой.

— Ты придумал способ восстановить ее силу?

— Как раз над этим я сейчас работаю.— Он указал на устройство на верстаке Френа.— Это только модель. Но когда у Френа будет больше медного провода, мы построим настоящую установку. Мы должны еще обмотать настоящую установку, вот эти две железные стойки, медным проводом. А потом мы вставим между ними длинный цилиндр из железа так, чтобы он мог вращаться между двумя стойками. Нам придется и его тоже обмотать проводом, намотать столько, сколько влезет. Затем нам придется протянуть провод длиной с полмили...

— Полмили? Это плата за обучение работе по металлу?

— В твоей старой деревне, может, так и было,— фыркнул Френ.— Здесь металла намного больше.

— Кроме того, мы не можем рисковать, устанавливая слишком близко источник электричества,— объяснил Пурпурный.— От потока искр от него могут взорваться водородные мешки.

— Взорваться?

— Вспыхнуть,— ответил Пурпурный.— Загореться.

— Ты хочешь сказать, что вчера на твоем домашнем дереве...

— Вот именно!— ответил Пурпурный, повернувшись к Френу.

— Кстати, ты нам будешь нужен здесь,— сказал Френ, обращаясь ко мне.— Поможешь переплавлять эту медь в провод. Умеешь работать с воздушными мехами?

Глава 57

На скале Юдиони женщины все еще пряли нить — приятная пасторальная сцена. Огромные серебряные петли мерцали над обрывом, шевелились на ветру.

Я пришел к сыновьям, которые как раз кончали мастерить выносные снасти для лодки. Каждый день они добавляли к мачтам и снастям все новые и новые детали. Все, что им теперь требовалось, так это воздушные мешки.

Женщины, конечно, не знали о мешках Пурпурного. Они просто видели большую узкую лодку с плавником на днище и двумя поплавками, пристроенными по бокам. Естественно, женщины судачили между собой. Ненароком одна из моих жен поведала мне о самом последнем и самом нелепом слухе: мол, странная машина Пурпурного собирается взлететь со скалы, махая крыльями. Пурпурный только ждет, пока Орбур и Вилвил покроют снасти тканью и перьями.

Мы пытались пресечь слухи, указывая самым крикливым женщинам на воздушные мешки, которые Пурпурный наделал для детей. Мы говорили, что именно они поднимут воздушную лодку. Но толку все равно было мало. Большинство маленьких воздушных шаров через несколько дней стали вялыми, они спускались на землю. Теперь я понимал, что имел в виду Пурпурный, когда го-

ворил, что его батарея нуждается в подзарядке, в своем долгом путешествии ему придется все время добавлять водород в баллоны.

Вилвил наносил очередной слой крови домашнего дерева на обтянутый тканью бок. Орбур как раз кончил крепить велосипедную раму в лодке и тянул ремни к странной конструкции из лопастей. Велосипед на летающей лодке?

— Что это?— спросил я.

— Это толкатель воздуха,— ответил Вилвил.

— Делатель ветра,— добавил Орбур.

— Что он делает?

— Он делает ветер,— сказал Орбур.— Хочешь покажу? У нас есть другой, прикрепленный справа.

Он начал перебираться через лодку на другую сторону.

— Эй,— воскликнул Вилвил,— поосторожнее!

— Не ворчи,— бросил Орбур и продолжал карабкаться.

— А это безопасно забираться на них?— спросил я.

— Вполне,— ответил Орбур сверху.— Они для того и придуманы. Тот, кто будет приводить в действие воздушные толкатели, должен пробраться сюда, чтобы сесть на велосипедную раму.

— Ну-ну!— воскликнул я.

Орбур протиснулся на сиденье, объясняя:

— В воздухе здесь не на чем будет стоять, кроме как на выносных снастях. Мы с Вилвилом практикуемся перебираться на лодке сюда и обратно.

Я кивнул.

— Да, в этом есть смысл.

— Встань позади машины с лопастями, но не слишком близко.

Я так и сделал. Вилвил прекратил мазать, чтобы тоже посмотреть. Орбур начал вращать педали, воздушный толкатель начал вращаться. В мое лицо подул ветер. Сильнее и сильнее. Это был крошечный ураган, и шел он от Орбура, от этого устройства с лопастями! Я отшатнулся назад, прикрыв глаза рукой. Мои сыновья засмеялись. Орбур оставил в покое велосипедные педали. Вращение замедлилось, а с ним стих и ветер.

— Видишь?— сказал Орбур.— Оно делает ветер. Когда мы поднимемся в воздух, то опустим толкатели на ремнях вниз. Они будут висеть на высоте человека ниже корпуса лодки. Мы сядем на велосипеды и начнем крутить педали. Шкивы начнут вращать валы, а лопасти делать ветер. Ветер начнет толкать воздушную лодку, и она двинется вперед.

— Ага,— сказал я,— но почему здесь два толкателя?

— Два нужны для того, чтобы управлять лодкой.

— Но это значит, что еще кому-то придется полететь с Пурпурным?

— Двоим,— поправил Вилвил.— Один человек не сможет привести лодку назад. Ведь Пурпурный останется там...

— Но... но... кто... неужели найдется такой глупец, чтобы...

— Отец,— сказал Орбур.— Ты совсем не слышишь, что мы тебе поговорим. Это мы собираемся лететь с Пурпурным.

Меня будто ударило.

— Вы... что?

— Кто-то должен. А кто знает летающую машину лучше нас?

— Но... но...

Орбур слез с велосипедной рамы. Потом с подставки для лодки и подошел ко мне. Нежно опустил руки на плечи и стал осторожно подталкивать в сторону спуска с холма.

— Иди домой, отец, и подумай над этим. Ты увидишь, что это самый мудрый выбор. Кто-то должен видеть, что Пурпурный улетел. Кто-то должен в этом удостовериться.

И я пошел. Они были правы.

Глава 58

Я побрел вниз с холма в деревню. Повсюду были разложены разнообразные конструкции воздушной лодки. Огромные полосы сверкающей ткани были разложены на неиспользуемом склоне. Грим Портной сшивал их вместе, чтобы сделать первый огромный мешок Пурпурному. Эта ткань была уже обработана кровью домашнего дерева и проверена на воздухонепроницаемость. Когда мешок будет сшит, его швы обработают еще раз.

Ткань была легкой и воздушной, и порывы ветра образовывали складки на ее поверхности, несмотря на грузы, которыми она была придавлена.

Я и не представлял, что мы зашли так далеко. Мне казалось, что потребуется много рук дней, прежде чем у нас окажется достаточно ткани. Очевидно, предсказания Пурпурного оказались правильными.

Можно было подумать, что потребуется много времени, прежде чем появятся хоть какие-то результаты, но когда это произойдет, нам кажется, что это было только вчера.

И теперь воздушная лодка, совершенно неожиданно, оказалась почти готова. Первый из мешков заканчивали шить, а Пурпурный строил большой делатель газа.

Когда я подошел поближе, то заметил Шугу, который работал вместе с Гримом. В руке он держал... экземпляр рисунка Пурпурного. Казалось, Шуга руководит чем-то. Я подошел поближе, начиная понимать, что Шуга или сверяется с рисунком, или...

Нет, вскоре все стало ясно. Он руководил переносом образца на ткань. Зная, что в надутом виде мешок должен был принять сферическую форму, Шуга хотел сделать соответствующие волшебные метки на ткани. Поэтому он использовал самое лучшее летающее заклинание из ему известных — заклинание Пурпурного. В конце концов, разве не представляли его рисунки воздушный корабль? Шуга затребовал себе двух подмастерьев, и те наносили линии на широкие полотнища.

Я продолжал свой путь в деревню и там столкнулся с группой

недовольных жителей. Они раскидывали палатки под своими деревьями.

— Не собираюсь я жить на колючем растении,— бормотал Триммел.— Я категорически отказываюсь.

Другие одобрительно бормотали.

Я попытался их успокоить. Это было самое лучшее, что я мог сделать в этой ситуации.

— Как ваш Глава...— начал я.

— Ты тоже плясал!

— Ну, Главе необходимо находиться в хороших отношениях с волшебником,— ответил я.— Пурпурный пригласил меня танцевать. Мне нельзя было отказаться.

— Ладно,— пробурчал Сверг,— что ты теперь собираешься делать?

— И делать ничего не собираюсь. Это забота Шуги. Он обещал снова освятить все ваши домашние деревья. Как только представится такая возможность.

— Как только ему представится возможность? А если это случится через много-много дней?

— Не волнуйтесь,— ответил я.— Он поручил раздать вам голубые волшебные символы.

Они еще поворчали, конечно, но особенно не возражали. Волшебные символы были теперь в обороте в обеих деревнях.

Кто-то спросил:

— Ну, где символы?

— Мои подмастерья их делают,— ответил я и поспешил на свою рабочую поляну и быстренько замазал несколько костяных плашек голубой краской. После чего приказал своим подмастерьям накрасить столько же голубых символов Шуги, сколько было красных символов Пурпурного. В будущем они все нам потребуются.

Я вернулся в деревню и начал распространять символы. Тут началось новое ворчание и еще более сильное — из-за бригад сборщиков сока. Некоторые жители говорили, что волшебник не имеет права брать кровь их домашнего дерева, даже если теперь они и считались колючими растениями. Я заплатил им символами Пурпурного, и они успокоились.

Вскоре все разбрелись по своим гнездам спать.

А я пошел дальше к поляне ткачей. Ткачи роптали, потому что Шуга не явился сегодня для утреннего благословения. Вместо благословения пришлось раздать им пригоршню голубых символов.

— Это волшебные символы. Волшебные символы Шуги. Они имеют ту же цену, что и символы Пурпурного. Только отвечает за них Шуга.

Ткачи осторожно рассматривали голубые плашки. Им не особенно нравились и пурпурные, но они были вынуждены принимать их. Теперь же им предлагались еще одни символы, и они нравились им еще меньше.

Но я все-таки уговорил их.

— Шуга их оплатит, как только у него выдастся время. Это только обещание заклинания. Как только он покончит с другими делами, он придет и освятит ткань. Идите и работайте.

Они, недовольно поворчав, разошлись по своим станкам. Теперь они получали плату и пурпурными и голубыми плашками. Я поглядел, остались ли в карманах символы, нашел несколько штук пурпурного и голубого цвета и отправился обратно в деревню. То и дело встречались люди, которых я ранее пропустил, и выражали нежелание жить в колючих растениях. Каждому я давал по два символа. По голубому — на заклинание, благословляющее дерево, и по пурпурному — за использование крови домашнего дерева.

Решив эти проблемы, я почувствовал, что отработал свою плату в качестве Главы, и двинулся вниз по склону, чтобы навестить Анга Сетевязальщика.

— Анг, не найдется ли у тебя рыбы мне на обед?

Рыбак достал замечательную плоскую и уже вычищенную рыбину.

— Я могу обменять ее на что-нибудь,— ответил он.

— На костяную утварь?

— Нет,— он покачал головой.— Кость здесь гниет.

— Гм, как насчет воздушной ткани?

— Нет, у меня уже много такой ткани.

Я сунул руку в накидку и нащупал последний голубой символ.

— А на волшебное заклинание?

— Ты не волшебник.

— Нет, но Шуга — волшебник. Я дам тебе его символ, который является обещанием заклинания.

— Хм-м,— протянул Анг, осторожно его разглядывая.— Я бы лучше получил один от Пурпурного.

— Могу дать.

К счастью, у меня еще сохранилось несколько символов Пурпурного. Я отдал один из них Ангу за рыбу. Он протянул мне рыбу и голубой символ.

— Вот разница между ценностью этой рыбы и ценностью символа.

— Откуда у тебя голубой символ?— поинтересовался я.

Я лишь несколько часов назад начал распространять их. Но Ангу не давал ни одного.

— Три голубых символа я выменял на рыбу. Потом мне предложили в обмен ткань, но ее оказалось недостаточно, поэтому мне доплатили несколькими символами, сказали, что позже я могу обменять их назад.

— Ага!

Что-то в этом меня беспокоило. Пока моя жена готовила рыбу на обед, я понял, что это было. Люди обменивались символами, будто они и были самими заклинаниями. Но ведь они являлись только обещаниями заклинаний. И опять же, обещание — это

символ действия, а символ — это то же самое, что и само действие.

Они обмениваются магией.

И тут мне пришло в голову, что «обещаний» можно наделать слишком много, и в деревне скопится невероятное количество магии. Тут требовался своего рода контроль. Ну да ладно, это проблема Шуги, а не моя.

Глава 59

Три дня спустя Грим закончил первый воздушный мешок и взялся за второй. Шуга, Пурпурный, Орбур и Вилвил уже осторожно укладывали первый мешок под огромной наполняющей установкой, которую мои сыновья построили много рук дней назад.

Три другие наполнительные установки ждали по соседству своей очереди, пока что пустые.

— Только четыре мешка? — спросил я.

— Нет, — ответил Пурпурный. — Я рассчитываю на большее количество. Но подставки нам, вероятно, понадобятся только четыре. Мы можем сразу наполнить только под одной из них мешок, а остальные будут поджидать пустыми. Мы будем наполнять мешки по очереди.

— Ага, — сказал я. — А что это за канавы внизу?

— Для воды, вместо водяных горшков мы решили попытаться использовать канавы. Видишь эти трубы по бокам? Там мы поместим делающие водород провода. Горловину мешка прикрепим там же. А делающие кислород провода мы опустим по другую сторону канавы. Кислород нам не нужен.

— Используя канаву, — пояснил Орбур, — мы сможем произвести намного больше электричества.

— Нет, — поправил его Пурпурный. — Мы сможем намного эффективнее его использовать. Баллоны будут наполняться быстро. Мы сможем наполнять сразу четыре баллона или один баллон вчетверо быстрее. Все зависит от того, как мы распределим провода и трубы. — Пурпурный указал на странного вида мешок с набором больших труб. — Мы сможем подсоединить его к нескольким подающим газ трубам и направить весь водород в один баллон.

— Похоже, вы проделали большую работу, — признал я. — Все, что нам теперь понадобится, — так это электричество.

При последних моих словах Пурпурный поморщился.

— Как ваши с Френом успехи в изготовлении волшебного источника? — поинтересовался я.

— Да, проклятье, меня это беспокоит. — Пурпурный вздохнул. — Френ сделал все правильно, но я неверно намотал провод. А затем еще понадобится время придумать коммутатор...

— Что?

— Переменный ток, отец,— сказал Орбур.— Мы не можем его использовать.

— Мы должны превратить его в постоянный ток,— добавил Вилвил.

— Ладно, ладно, считайте, что я ничего не спрашивал.

— Пустяки,— сказал Пурпурный,— как бы там ни было, но сейчас он работает. Он дает не так много электричества, как мне бы хотелось, но Френ уже строит более мощные машины, и они, к счастью, будут готовы раньше, чем воздушные мешки. Хочешь взглянуть на них?

Он не дал мне возможности отказаться и потащил вверх по склону, где недавно пришедший подмастерье сидел на велосипедной раме и неистово крутил педали, но никуда не ехал.

— Что он делает?— спросил я.

Взгляни,— ответил Пурпурный,— разве не видишь? Он делает электричество.

Я посмотрел. Но увидел только сложное устройство из рукоятей, ремней и шкивов, заставляющих вращаться металлический стержень так быстро, как это только возможно. От вертушки два провода бежали к батарее Пурпурного.

— Он восстанавливает ее силу?— спросил я.

— Ну да... только ему никогда не восстановить ее всю,— ответил Пурпурный.— Но он может наделать достаточно электричества, чтобы оно не кончилось до конца путешествия.

Мы двинулись дальше по склону. Френа, с полудюжиной других мужчин, мы нашли работающими над какими-то огромными рамками из железа и меди. В жизни не видел столько металла сразу.

— Откуда ты столько набрал?

— Мы практически ограбили всех кузнецов на острове,— хмыкнул в ответ Пурпурный.— Они, очевидно, не очень-то счастливы от этого. Вон и Френ, он редко бывает доволен чем-то.

— Велосипедные рамы скоро будут готовы?— пробурчал Френ.

Пурпурный застонал.

— Вот проклятье... я чувствовал, что забыл что-то.— Он поглядел на меня.— Твоим сыновьям приходилось строить множество велосипедов — и все без колес. Для того, чтобы привести в движение мой воздушный корабль, чтобы делать электричество для моих батарей. А теперь их придется построить еще больше. Так много, как только возможно, чтобы привести в действие эти вращающиеся устройства.

— И сколько же их потребуется?

— По крайней мере, по десять на каждую вертушку. Чем больше мы их сделаем, тем быстрее сможем вращать.

— И сколько вертушек ты намерен построить?

— По крайней мере, четыре. Но мы не станем ждать, как они все будут готовы. Как только будет готова очередная, мы будем подключать ее для восстановления силы в батарее.

— Но, Пурпурный, ты просишь сорок велосипедных рам без колес. Это очень много. Потребуется время, чтобы изготовить столько машин.

— Я знаю, знаю. Лучше пойдем обратно и поговорим с мальчишками. Мы можем организовать еще одну поточную линию. Но этот раз для велосипедов.

Пока мы шли вниз, я заметил, что на велосипеде теперь новый подмастерье.

— Это очень утомительная работа,— объяснил Пурпурный.

— Ну так пойдем,— сказал я.— Я сам покатаюсь на велосипеде...

— Это не велосипед,— поправил меня Пурпурный.— Это генератор. Попробуй повернуть ручку вон на той стороне.

Я взялся за рукоятку обеими руками и подождал, пока подмастерье слезет с велосипеда. Тот тяжело дышал. С первого взгляда не было похоже на то, что эту рукоятку трудно поворачивать. Я навалился на нее. Рукоятка вращалась легко, пока я крутил ее медленно, но чем быстрее я вращал ее, тем сильнее она сопротивлялась. Невидимая сила толкала ее обратно. Я почувствовал, что мой мех встает дыбом. Опустив рукоятку, я медленно отошел.

— Ну вот... теперь видишь для чего нам понадобился сильный мальчишка на велосипеде? Ноги сильнее, чем руки. Но даже они так сильно устают. Можешь представить себе, как тяжело будет заставить вращаться большую машину.

Я кивнул.

— Тебе понадобится больше, чем десять велосипедов на машину.

— Верно,— согласился Пурпурный.

Мы объяснили задачу моим сыновьям, и они понимающе закивали.

— Мы можем завербовать всех свободных мужчин в деревне, чтобы они помогали делать поточные линии для велосипедов.

— Попробуй,— согласился Пурпурный и добавил, обращаясь ко мне:— Тебе придется наделать еще волшебных символов, верно?

Я кивнул.

Вилвил и Орбур, казалось, не были подавлены, как я ожидал, тем количеством велосипедов, которые им предстояло сделать. Очевидно, они уже говорили с Пурпурным о своей поточной линии. А это давало им возможность испытать ее намного раньше.

Пурпурный принялся объяснять им детали:

— Конечно, хотелось бы наполнить все мешки сразу... Но получится, что летающую машину мы закончим раньше, чем вступят в строй генераторы. Пожалуй, поэтому, как только они будут готовы, мы заставим запасать их для нас энергию. Мои батареи смогут вместить в себя все электричество, что эти машины смогут произвести. Большую ее часть мы используем в помощь генераторам, когда окажется возможным наполнять мешки.

— А ты не рискуешь снова сделать их мертвыми? — обеспокоенно спросил я.

— Это практически невозможно. На батарее стоит указатель энергии. Он всегда скажет, сколько силы осталось у меня в запасе. Я рассчитал, сколько энергии нам понадобится, чтобы путешествие на север было безопасным. Пока эта энергия будет в батарее, можно ни о чем не беспокоиться. Я могу регулировать расход энергии, Лэнт... чтобы в день отлета наполнить мешки как можно скорее.

Я понимающе кивнул. Правда, из того, что он говорил, я понял не очень много. Но чувствовал, что Пурпурный нуждается в поддержке.

Глава 60

Вода продолжала подниматься. С каждым днем буруны плескались о холм все выше и выше. Большинству людей из нижней деревни пришлось перебраться выше по склону. А прилив все длился и длился. Только вершины домашних деревьев отмечали тот участок, на котором находилась раньше нижняя деревня. Порой отрывалось гнездо, и было видно, как его уносит прочь. Верхняя деревня оказалась чуть ли не переполненной, но умудрились разместить всех.

Вилвил и Орбур легко смогли отыскать несколько человек для своей поточной линии. Это давало возможность людям хоть чем-то заняться в ожидании спада воды. Нашлись и такие, кому захотелось обзавестись дополнительными волшебными символами.

К тому времени, когда были готовы первые двенадцать велосипедных рам, Френ успел закончить первый волчок-генератор, как он называл его. Мальчики в тот же день подсоединили к нему велосипеды. Шуга подобрал двенадцать крепких парней для первого испытания. Они нервничали, стояли в стороне и тихонько переговаривались. Их ничуть не привлекала перспектива изготавливать электричество.

Пурпурный проверил провода, бегущие через холм к заполненной водой канаве. Когда он был готов, то подал сигнал Шуге, взмахнув рукой. Шуга приказал мужчинам взобраться на велосипеды. По следующей команде они начали крутить педали. Генератор завращался. Сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее. Он делал электричество.

Я оставил генератор и подошел к канаве. Медленно с одного ее конца, но устойчиво поднимались пузырьки кислорода. На другом Пурпурный как раз прилаживал глиняную воронку над погруженным в воду проводом. К горлышку он прикрепил небольшой воздушный мешок. Через несколько минут мешок оказался полон. Пурпурный завязал его и отпустил. Мешок медленно поплыл вверх.

На этот раз паники не было — одно удивление. Мы все больше

и больше привыкали к этому заклинанию. И в самом деле — теперь оно стало совсем почти обычным.

Пурпурный был в восторге. Он дал Шуге сигнал перестать крутить педали. Затем поднялся на холм и подсоединил свою батарею к проводам от генератора.

— Порядок, Шуга,— сказал он.— Скажи им, чтобы крутили дальше.

Шуга прорычал приказ, и двенадцать парней снова начали прилежно крутить педали. Было странно видеть их, так упорно налегающих на педали и никуда не двигающихся. Но это было только начало. Пурпурный хотел, чтобы в будущем целая армия здоровяков неистово крутила еще большее число педалей на холме.

Вилвил и Орбур были довольны успехом. То, что двенадцать велосипедных рам было изготовлено так быстро, свидетельствовало об эффективности их поточной линии.

— Я подсчитал, что у нас будет, по крайней мере, пятьдесят велосипедов, прежде чем кончится следующая пара рук дней,— сказал Орбур.

Мы поднимались на скалу, где нас поджидала воздушная лодка. Вилвил возразил:

— Думаю, поточная линия даст только часть этого количества. Не забывай, сколько людей сейчас у нас работают.

Когда мы поднялись на скалу, мальчики показали мне, что еще надо сделать для лодки. Некоторые выносные конструкции для веревок, которые будут удерживать баллоны, не были еще закреплены. А Вилвил хотел добавить, по крайней мере, еще один слой сока на борта. Мне она представлялась и так достаточно прочной, но когда выяснилось, что на ней полетят мои сыновья, а они чувствуют, что надо сделать еще плотнее, то пусть делают все, что считают нужным.

Орбур сказал, что отрегулировал воздушные толкатели так хорошо, как только мог. Но он хочет еще немного поэкспериментировать с «повышающими» передачами. Он хотел попытаться поставить маленькие колеса на вращающиеся валы, а большие колеса на велосипедную раму. Соединительные шкивы должны были заставить лопасти вращаться еще быстрее. Вилвил вздохнул и начал разогревать укрепляющий раствор сока.

— Как хорошо, что большинство подготовительных работ закончено. Мы могли бы завершить летающую лодку на месяц раньше, если бы не все эти велосипедные рамы, подставки и машины с рукоятками.

— Да,— согласился я,— но лодка никогда бы не полетела, если бы сперва не была сделана другая работа. Нам нужны и воздухонепроницаемая ткань, и генераторы, и машины с ручками для изготовления зубьев для ткацких станков, и...

— Именно это и говорил Пурпурный. Ты должен сделать инструменты, с помощью которых необходимо сделать другие инструменты, для других инструментов,— откликнулся сверху Ор-

бур. - Именно этим мы и занимаемся. Ты не можешь просто построить летающую лодку, вначале необходимо построить поточные линии, которые будут изготовлять части, из которых ты уже потом сможешь собрать необходимую тебе летающую машину.

— Представляю себе поточную линию для черного яйца Пурпурного,— сказал Вилвил.

Я попытался, но не смог.

Затем я увидел фигуру, бредущую по холму. Это был Шуга. Он шел проверить работу на летающей машине.

— Опять, — простонал Орбур.— Теперь он таскается сюда почти каждый день. Задает глупые вопросы и выводит нас из себя...

— Он просто пытается понять заклинание,— примирительно сказал я.

— Он никогда не поймет заклинание,— сказал Орбур.— Он...

— Осторожнее,— предупредил я.— Кем бы он ни был, но слышит он феноменально.

Тут подошел Шуга и удовлетворенно зацокал языком от хода работ.

— А когда вы навесите паруса?— спросил он.

— Паруса? Мы не собираемся вешать никаких парусов, Шуга. Они нам не нужны.

— Чепуха,— отрезал волшебник, пристально разглядывая Орбура, который висел на снасти.— Сколько раз тебе объяснять, без парусов ветер не станет тебя толкать.

Орбур начал спускаться. Я мог видеть, как он вздыхает украдкой. Орбур сбросил с лодки веревку, потом соскользнул по ней вниз и подошел к Шуге.

— Пурпурный нам это не раз объяснял. Нам не понадобятся паруса. Вместо них у нас установлены толкатели ветра.

Шуга нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Но, Орбур, если у тебя есть делатель ветра, то ты, несомненно, планируешь использовать паруса. Делатели ветра будут делать ветер, а тот — толкать паруса, вот лодка и будет двигаться.

— Нет, Шуга, делатели ветра толкают воздух назад, а лодка будет двигаться вперед, без парусов.

— Что же они будут толкать, без парусов? Лодка совсем не будет двигаться по воздуху.

— Лодка будет двигаться.

— Лодка не будет двигаться!

— Пурпурный сказал, что будет!

— А я говорю, что не будет!

— Ты споришь с волшебником?

— Да! Мы с Вилвилом уже испытали двигатель ветра. Мы крутили педали так быстро, как только могли, и лодка, казалось, двигалась вперед, словно пыталась прыгнуть в воздух.

— Она может подняться в воздух,— согласился Шуга,— но не двинется ни на дюйм без парусов.

— Но...

— И не пытайся меня переубедить, Орбур. Я уже заказал паруса Лесте. Тебе с Вилвилом лучше придумать для них мачты.

— Мачты? — переспросил Орбур.— А где мы их поставим, эти мачты?

Он указал на лодку. Она мягко покачивалась на подставке, две ее выносные снасти поплавками распростерлись далеко в стороны. Тяжелый киль выдвинулся вниз на держателях из бамбука. Вверху виднелись бамбуковые, кажущиеся хрупкими, снасти, пустые, ждущие воздушных мешков. Лодка казалась странно незавершенной. Я попытался представить ее законченной и парящей в воздухе, но не смог. Шуга тоже разглядывал ее. Он задумчиво обошел ее, обогнув Вилвила, продолжающего невозмутимо намазывать корпус. Потом забрался на подставку и заглянул внутрь. Орбур и я последовали за ним. Шуга взобрался в лодку и постучал по полу.

— А это что?

— Это слоеное дерево. Мы использовали три тонкие планки, чтобы придать полу жесткость.

— Он слишком тонкий. Мачты на нем, должно быть, установить не удастся.

— Как раз я...

— Придется подвесить их к выносным снастям.

— Где? Позади воздушныз толкателей совсем не остается места.

Места действительно не было. На каждом поплавке была установлена велосипедная рама. Сами толкатели свисали вниз на высоту человеческого роста и были сдвинуты назад, чтобы сделанный ими ветер не мешал крутить педали.

— Ты должен установить их впереди,— сказал Шуга.— Если ты это сделаешь, места окажется достаточно. Установи мачты и паруса перед делателями ветра, а затем крути педали наоборот. Ветер станет дуть в паруса. Ты будешь сидеть лицом вперед в направлении движения.

— Но крутить педали наоборот очень неудобно!

— Тогда переставьте наоборот колесную передачу,— резко бросил Шуга.— Почему это я постоянно должен думать за тебя?

— Не надо нам никаких парусов! — закричал на него Орбур.

— Все, на что ты полагаешься,— это на слова Пурпурного,— голос Шуги неожиданно стал уговаривающим.— Установи теперь мачты и подними паруса, прежде чем ты улетишь. Тогда ты будешь ко всему готов. Если паруса не понадобятся, ты всегда сможешь их убрать...

— Ладно...— нерешительно пробормотал Орбур и покосился на Вилвила. Но Вилвил демонстративно не обращал ни на кого внимания, продолжая методично наносить раствор на борт лодки.

— Это не повредит,— заметил я примирительно.

— Вот! — сказал Шуга.— Даже ваш собственный отец думает так же.

— Да, но...

— Никаких «но». Паруса будут готовы через семь дней.

Довольный тем, что выиграл битву, Шуга начал выбираться из лодки. Спрыгнув на землю, он с силой постучал по крепкому корпусу, обтянутому уплотненной тканью.

— Хорошая конструкция,— бросил он.— Пошли, Лэнт,— ухватив меня за руку, он потащил меня в деревню.— А теперь нам следует заняться приобретением волшебных символов. Со всей очевидностью, Лэнт, я могу сказать, что голубые символы ценятся жителями деревни неправильно.

— Что ты имеешь в виду?

— Они обменивают четыре шуги на одного пурпурного. Как раз сегодня утром Хинк Младший демонстративно заявил мне, что это, мол, потому, что я лишь на четверть такой великий волшебник, как Пурпурный,— это мне заявил Хинк Безволосый.

— О! — протянул я.

— А теперь скажи мне честно, Лэнт, можешь ли ты согласиться с такой постановкой вопроса...

— Ну...— начал я.

— Не бойся, Лэнт, ты можешь говорить мне всю правду.

— Как хочешь, Шуга... хорошо известно, что ты делаешь намного больше работы, чем Пурпурный. Ты накладываешь большую часть заклинаний в деревне, а Пурпурный вряд ли вообще это делает. Не потому ли магия Пурпурного становится намного более редкой и потому более ценной. Люди знают, что они всегда могут оплатить свои символы, а магия Пурпурного гораздо более редкая и поэтому представляется людям более дорогостоящей.

— М-м,— пробурчал Шуга.

— Ну, ты же сам заявил, чтобы я говорил только правду.

— Я не думал, что ты будешь настолько правдивым.

Шуга ворчал всю дорогу до деревни. Он определенно обиделся. Но помочь ему было нечем. Уже все деревенские называли символы Шуги четвертинками. Привычка зафиксировалась в языке.

Глава 61

У Орбура возникли какие-то сложности с его передачами. Он разобрал всю велосипедную раму и вновь собрал ее из деталей. Когда же он снова собрал ее, то скорость вращения воздушных толкателей увеличилась настолько, что лодку пришлось привязывать, когда он испытывал передачу. Каждому делателю ветра он подсоединил три шкива в уменьшающемся порядке.

Пурпурный назвал это «повышающей передачей». Человек, крутящий педали, поворачивал большое колесо. Шкив от него был связан ремнем с очень маленьким колесиком, которое в результате вращалось очень быстро. На одном валу с этим маленьким

размещалось еще одно большое колесо, от него шкив шел к оси толкателя.

Орбур изменил также порядок следования передачи, чтобы изменять направления вращения толкателей. Теперь они отбрасывали ветер вперед, в направлении мачт.

Пурпурный, пришедший проверить ход работ, удовлетворенно кивнул. Затем глаза его наткнулись на мачты, выпирающие вниз из каждого борта, и он удивленно спросил:

— А это для чего?

— Для паруса,— объяснил Орбур.

— Паруса? Вам что — опять об этом говорить!

— Нет, но Шуга...

— Шуга?! Я должен был это предвидеть. Шуге хочется парусов, так?

— Как видишь. Когда они будут поставлены, то ветер от толкателей начнет толкать в них и нам не придется ждать бриза.

Тут ему пришлось остановиться, потому что Пурпурный, не в силах сдержаться от смеха, припал к корпусу лодки, а лицо его становилось все более и более красным.

— Ты думаешь — не получится,— печально спросил Орбур.

— Да, да. Так я и думаю. Но попытайся, какой от этого может быть вред? Это единственный способ, если мы хотим как-то убедить Шугу. Пусть сам увидит, что паруса ни к чему. А пока сделаем так, как он хочет.

Он собрался уходить, потом повернулся:

— Только сделай так, чтобы мы могли убрать паруса после того, как докажем их непригодность.

Внизу, на склоне, Френ смонтировал уже два генератора. И более двадцати мужчин крутили на нем педали. Вся выработанная энергия шла в маленькую батарею Пурпурного.

Нетерпение Пурпурного росло с каждым днем. Он словно шмель порхал вокруг работающих, подгоняя и мешая им одновременно. Грим Портной закончил для него шестнадцатый воздушный мешок. Каждый в наполненном виде должен был быть почти в шесть человеческих ростов высотой. Пурпурный подсчитал, что десять мешков способны нести лодку, но необходимо тринадцать, чтобы поднять все то, что он намеревался взять с собой,— шестнадцать дадут гарантию на тот случай, если газ будет просачиваться быстрее, чем он рассчитывал. Он беспокоился насчет швов.

Грим сделал еще три дополнительных мешка, чтобы взять их в лодку на случай аварии. Если в одном из баллонов обнаружится дырка, которую невозможно будет залепить заплатой, или он окажется еще каким-либо образом поврежден, то у Пурпурного должны быть запасные, чтобы заменить его. Короче, мы не оставили места для случайностей. Когда Пурпурный улетит, мы должны быть уверены, что это навсегда. Сейчас он руководил закреплением подставок для наполнения мешков. Он вдруг понял, насколько они легки, и не хотел, чтобы баллон унесло вместе с под-

ставкой. Вместе с Гримом он придумал систему упряжи и якорных канатов для баллонов. Когда баллон будет наполнен, шестеро мужчин, надев утяжеляющие пояса, оттранспортируют его на скалу, где будут ждать Орбур и Вилвил. Такелажные веревки будут разложены на подставке в нужном порядке, веревки упряжи будут присоединены к ним. Затем, и только затем, будут откреплены якорные канаты. Пурпурный не хотел рисковать потерей даже одного гигантского баллона.

На них было потрачено слишком много времени и усилий.

Первоначально Пурпурный планировал использовать много маленьких баллонов, каждый высотой с человека, но затем произвел некоторые подсчеты и выяснил, что он сможет в больших баллонах удерживать большее количество газа и на них понадобится значительно меньше ткани. Он получит возможность улететь, а на их изготовление уйдет значительно меньше времени.

Пурпурный и Шуга создали новую профессию — воздушный человек. В нее входили различные группы работающих на генераторах, наполнительных рамках, водородных канавах, прикрепляющих воздушную лодку,— все, кто необходим для того, чтобы она могла улететь.

Все больше и больше жителей приходили посмотреть и оказать посильную помощь. Работы в деревне теперь было мало, потому что подъем моря достиг максимума. Вся нижняя деревня оказалась под водой. Большинство людей жили теперь поблизости от рабочего места. Это было на руку Пурпурному, ему всегда требовались мужчины, чтобы крутить педали генераторов, а спрос на его волшебные символы был так велик, что недостатка в добровольцах не было.

Нетерпение Пурпурного с каждым днем становилось все сильнее и сильнее. Это было ясно видно. Единственное, что его пока удерживало, это производство электричества. Очевидно, его требовалось фантастическое количество, чтобы наделать достаточно водорода. Четвертый генератор был только начат, когда Пурпурный решил наполнять свои воздушные мешки. Он хотел выяснить, сколько времени уйдет на наполнение одного мешка и как долго он будет удерживать газ. Кроме того, легче подкачать уже наполненный мешок, чем иметь дело с пустым. И, в любом случае, потребуется несколько дней, чтобы наполнить все баллоны.

То, что ему страстно хотелось увидеть, как будет работать его летающая машина, секрета не было. Сейчас на каждом генераторе работало до тридцати мужчин. Энергии в батарее накопилось более чем достаточно, чтобы наполнить все мешки. Пурпурный сказал, что воспользуется ей, если понадобится, но предпочел бы сохранить ее емкость для путешествия. Там она действительно может пригодиться.

Мы наблюдали, как он укладывает провода в канаве. Женщины уже начали наполнять ее водой. К счастью для них, ее не приходилось носить, особенно издалека. Всего полмили по склону, а склон был не особенно крутой. Затем произошла небольшая пу-

таница с наполняющей бригадой, мальчишками, которые были набраны для того, чтобы наблюдать, как наполняются баллоны. Но Пурпурный распределил их обязанности, и они начали укладывать один из баллонов на подставку.

Шуга, Гортин и я обменялись взглядами.

— Знаешь,— признался Гортин,— я начинаю думать, что он и в самом деле собирается на это пойти...

— Я никогда не сомневался в этом,— ответил я.

Шуга только заворчал.

— И вся эта уйма работы — подставки, станки, велосипеды,— сказал Гортин,— вся эта проклятая прорва работы только для того, чтобы построить летающую машину?

— Он предупреждал, что заклинание сложное,— ответил я.

Шуга снова что-то проворчал.

— Но вся эта работа необходима,— сказал я,— без нее он не смог бы уйти домой.

— Должно быть, ему очень хочется попасть домой,— произнес Гортин.

— Не так сильно, как мы этого хотим,— резко оборвал его Шуга.— А чем скорее он это сделает, тем лучше. Я намерен пойти и помочь ему. Пора грузить припасы и укладывать паруса.

И он потопал вниз по склону.

Глава 63

Странная это была картина — четыре гигантские рамы, три закрыты тканью, а четвертая поддерживает мягко колышущуюся массу надуваемого воздушного мешка. Свободный конец, расположенный ниже канавы с водой, яростно пузырился. На другом конце от носика воронки тянется к гигантскому мешку соединительный рукав. Дальше по склону больше ста двадцати мужчин неистово крутят ногами велосипеды. Громко жужжат огромные вращающиеся генераторы. Их высокий протяжный вой слышен по всему холму, но мы уже перестали обращать на это внимание. Он стал частью нашей жизни.

Десять мешков были уже наполнены и перенесены на скалу. Вилвил и Орбур возбужденно сновали по всей летающей лодке, окончательно подгоняя оснастку.

С вершины холма мы могли наблюдать за всей этой впечатляющей картиной. И наконец воочию увидели то, что все это время представлял себе Пурпурный.

Еще не все баллоны стояли на месте, но уже с десяток шаров тянули вверх свои веревки, создавая впечатление скопления лун. Величественная картина, освещенная красным и голубым Солнцем.

На наполнение этих баллонов ушло пять дней. Мешки, надутые первыми, уже начали опадать. Другие начали покрываться рябью при ветерке — верный признак того, что они уже не такие упругие, как вначале. Но Пурпурный учитывал определенный

процент утечки за время, необходимое для наполнения всех шаров. Он намеревался использовать батерею, чтобы возместить недостаточность водорода в каждом из них, перед самым отходом.

Но пока дела оборачивались чуть ли не праздником. Было много песен, приветственных воплей и было много выпито пива.

Мужчины, работающие на генераторах, разбились на бригады и устроили соревнование: каждая бригада старалась показать, что она больше других сможет выдержать полную скорость, каждая бригада старалась доказать, что она сильнее другой.

Пурпурный был в восторге. Он предложил по два дополнительных волшебных символа каждому мужчине из победившей бригады. Как только одно состязание кончалось, тут же начиналось другое. Свежие бригады сменяли уставших от кручения педалей на генераторах. Процедура смены всегда вызывала бурное веселье. Один спрыгивал с велосипеда, оставляя педали неистово вращающимися, другой запрыгивал на велосипед и должен был попасть ногами на педали. Тогда спрыгивал следующий и так далее. Как только бригада была целиком заменена, подавался сигнал, зрители начинали реветь, и новое состязание начиналось.

Пурпурный даже разрешил на определенное количество заработанной платы делать ставки и заключать пари, хотя мы с Шугой и высказывали опасение по этому поводу.

— А почему бы и нет? — сказал Пурпурный.— Это поднимает их заинтересованность.

Он оказался прав. Нередко одна бригада ставила большое количество волшебных символов против другой, так что порой за время своей работы теряли всю свою заработанную плату. Но это не имело значения...

Френ и его люди горели желанием поскорее закончить четвертый генератор. Они собирались организовать дополнительную бригаду велосипедистов и подзаработать плашек. Это будет серьезная бригада. Руки и ноги Френа за много лет занятия кузнечным делом стали большими и сильными. Я и сам был готов поставить на него.

Между тем вздымался уже одиннадцатый баллон. Десятый был только что снят с наполнительной рамы для перетранспортировки на скалу. Пурпурный лично руководил переноской, сопровождая ее многочисленными проклятиями и угрозами. Шестеро сильных мужчин замедленными прыжками двигались к вершине холма, почти лишенные веса из-за гигантского баллона. И тут неожиданный порыв ветра подхватил их, и они взлетели высоко в воздух и томительно медленно начали опускаться. Смеялись все, кроме Пурпурного. Под своей бородой он стал совсем белым, пока шел за ними. Но вот носильщики достигли скалы и мешок прикрепили к снастям. Сняты веревки для переносок, и баллон, резко устремляясь вверх, потянул такелаж, присоединяясь ко всем остальным.

Мешки казались голубыми шарами, с нанесенными на них белыми линиями, которые выглядели отсюда тоненькими черточка-

ми. Лодку волокло вверх с причала. Пурпурный то и дело взбирался на нее, подтягивал снасти и якорные канаты и спускался обратно. После чего удовлетворенный мчался снова на холм, крича:

— Еще два баллона, Лэнт! Еще два баллона, и я могу лететь!

— Я думал, тебе потребуется шестнадцать...

— Но ты взгляни, как они хорошо работают! Посмотри, как они натягивают тросы. А ведь это только десять баллонов. А посмотрел бы ты, как они подпрыгивают! Ты только представь, как они потянут нас вверх, когда я их еще подкачаю от батареи. Еще двух баллонов будет достаточно. Они компенсируют вес пассажиров и припасов. Мы сегодня же сможем испытать лодку.

И он снова заскакал по холму вниз наблюдать за наполнением одиннадцатого баллона. Я неторопливо побрел за ним следом. Я никак не мог привыкнуть к этой мысли. Пурпурный действительно улетает! Он действительно построил свою летающую повозку и действительно собирается улететь на ней. Скоро мы от него избавимся. Я покачал головой, наблюдая фантастическую деятельность подо мной. Нет, с уходом Пурпурного мир не станет таким, как был раньше.

Глава 64

Когда это произошло, стоял яркий двойной день. Красный и голубой солнечный свет освещал небо. Воздушные мешки сверкали подобно Лунам — одна сторона красная, другая голубая. Теперь на скале всегда стояла толпа. Пурпурный отрядил мужчин, чтобы они держали собравшихся подальше. Среди людей бродили торговцы, продавая за маленькие символы сладости и пряную пищу.

Вилвил и Орбур как раз укладывали последние припасы Пурпурного. Каждый сверток был упакован в воздушную ткань, чтобы защитить их от сырости и холода, которые, как заявил Пурпурный, встретятся им на верхнем небе. Он стоял внизу, прислонившись к туго натянутому канату, одному из тех, что притягивали лодку к земле. Затем Пурпурный перебрался наверх, на подставку, возле трех больших горшков с водой. Его батареи были присоединены к одному из них. Рукав из ткани свисал с одного из баллонов. Он был плотно привязан к одной из трубок горшка с водой, и пока мы наблюдали за ним, присоединенный к нему гигантский шар становился все более пухлым и упругим. Внезапно один из причальных канатов оборвался. Нос лодки резко взлетел вверх.

— О-о-о! — застонала толпа.

Пурпурный удивленно отпрыгнул назад и споткнулся об один из своих горшков. Орбур и Вилвил упали на дно. Они недоуменно выглядывали оттуда, вращая головами.

— Другой конец! Другой конец! — кричал Пурпурный, неистово жестикулируя.— Встаньте на другой конец!

Он указывал на нос лодки, нацеленный в небо. Орбур и Вилвил бытро начали карабкаться вверх. С каждым их движением нос лодки опускался. Осипшим голосом Пурпурный начал отдавать приказания, чтобы подстраховать лодку дополнительными канатами. Потом наклонился, подсоединяя свою батарею, и начал торопливо завязывать горлышко.

И тут появился Шуга, ведя за собой возбужденную ораву мужчин, которые волокли двенадцатый наполненный баллон. Он еще издали заметил, как лодка приподнялась, и всю дорогу кричал:

— Пурпурный, Пурпурный, не улетай без своего баллона.

Шум толпы усилился.

— Перестань, Шуга, - если он хочет лететь без него, пусть летит!

Вилвил перегнулся через борт, командуя мужчинами с баллоном.

— Нет, нет, это не тот канат... Не прикрепляйте там мешок!

Его не слышали.

— Вилвил, Орбур! — завопил я. — Вон из лодки!

Пурпурный кричал свое:

— Оставайтесь в лодке. Сидеть на месте.

Он спрыгнул с лодки и помчался туда, где Шуга с носильщиками старались прикрепить баллон.

— Не туда, вы, болваны!

Он принялся подталкивать их к противоположному борту.

— Вот сюда! К этому канату!

На мгновение я начал опасаться, что они упустят баллон, который, как и его собратья, рвался в небо. Спасибо богам за якорные тросы! Если мы потеряем баллон, то потеряем усилия многих драгоценных дней работы. Но якорные канаты предотвращали это. Мешки не могли вырваться из их хватки. Если какой-либо из баллонов и вырвется, то он просто подпрыгнет выше, пока мы не стащим его обратно вниз.

Под руководством Пурпурного мужчины подкрепили мешок к нужной веревке, не потеряв его. Шар рванулся вверх, его канат натянулся так же туго, как и все прочие. Лодка рванулась вверх и повисла, удерживаемая причальными тросами.

Возбужденный шум толпы возрос.

— Балласт! — закричал Пурпурный. — Несите мешки с песком!

— Я распоряжусь, — закричал Орбур и начал выбираться из лодки.

— Назад! — Пурпурный взлетел наверх и пихнул его обратно. Орбур с глухим стуком упал на палубный настил. — Сиди на месте! Нам нужен твой вес, чтобы удерживать лодку.

Шуга носился вокруг помоста, вопя на мужчин и стараясь привязать как можно больше причальных канатов. Цепочка мужчин потянулась по склону — каждый нес по два балластных мешка. Они угрожающе раскачивались взад и вперед. Френ Кузнец нес четыре мешка.

Балластные мешки тоже были сшиты из воздушной ткани и наполнены песком. Пурпурный сообразил, что они понадобятся, только руку дней назад, и Гриму пришлось поторопиться, чтобы сшить их. На Френа была возложена обязанность проследить за тем, чтобы они были наполнены. Теперь носильщики спрыгивали на помост и по сути дела швыряли мешки в Орбура и Вилвила. Орбур поскользнулся от удара и снова упал на дно лодки. Послышалось приглушенное проклятие.

Мешки готовы были раньше, но ждали до сегодняшнего утра. Пурпурный сказал, что они необходимы, чтобы обеспечить дополнительный вес, от которого можно будет избавиться, когда вытечет много газа.

Я подумал, а почему он не погрузил их в лодку, как только мешки были готовы? Ведь так определенно было бы легче.

— Больше мешков, больше! — кричал Пурпурный. Носильщики помчались за новой партией.

Вилвил и Орбур равномерно распределяли их. Пурпурный прыгнул в лодку помочь. Он подхватывал мешки, доставляемые носильщиками, и раскидывал их по помосту.

Я вспрыгнул на помост.

— Пурпурный,— заорал я, перекрывая шум толпы и уханье балластоносителей.— Это была великая честь... твое присутствие среди нас... теперь мы прощаемся с тобой... память о тебе никогда не исчезнет... желаем тебе счастливого пути!

— Заткнись, Лэнт! Ты, мохнатая бородавка! Я еще никуда не собираюсь. Это будет пробный полет. Вот почему понадобится только двенадцать баллонов. Для большого путешествия нам понадобятся все шестнадцать баллонов. А сейчас мы хотим проверить, как лодка управляется, чтобы в случае необходимости сделать нужные изменения.

— Не забудь паруса! Паруса! — кричал снизу подошедший Шуга. Его руки оттягивал груз материала, рядом стояли двое подмастерьев, тоже с ношей.

— Ага,— согласился Пурпурный.— Их мы тоже сможем использовать как... балласт. Шуга, что ты делаешь?

Шуга, взбиравшийся в лодку, остановился.

— Как что делаю?

— Ты как будто собираешься лететь с нами?

— Правильно! Вы не можете отказать мне в праве первого полета. Эта честь...

— Честь! Шуга, это может оказаться очень опасно.

— Будет еще опаснее, если вы не возьмете парусов. Вы потеряете возможность двигаться по воздуху.

Подмастерье начал передавать ему через борт свою ношу. Пурпурный пожал плечами, затем подхватил у Френа последний мешок. Лодка, казалось, осела. Причальные веревки немного ослабли.

— Ладно, Шуга,— сказал Пурпурный,— ты можешь остаться. Я понял, что должен покатать тебя на своей летающей машине.

— На нашей летающей машине,— поправил его Шуга.

— Согласен,— вздохнул Пурпурный.

— Френ! — крикнул он. Кузнец посмотрел вверх.— Проследи, чтобы были накачаны оставшиеся четыре баллона. Они нам понадобятся. И организуй ту наземную бригаду, о которой вам говорил. Она тоже понадобится, когда мы прилетим.

Френ помахал рукой и усмехнулся.

— Не беспокойся, Пурпурный.

Пурпурный помахал в ответ, потом взобрался еще выше по веревочной лестнице и начал проверять крепление баллонов.

— Вилвил,— громко прошептал я.— Будь осторожен. Не позволяй волшебникам поубивать друг друга.

— Отец,— ответил Орбур, широко раскрыв глаза,— лучше позаботься, чтобы волшебники не убили нас!

— Не волнуйся. Этого они не сделают. Мы им нужны, чтобы крутить педали велосипедов и вращать воздушные толкатели.

— Только будь осторожен, не упади.

— Мы не упадем. Мы привяжемся веревками.

— Желаю успеха с парусами.

Вилвил застонал.

— Шугу не переубедить... Он уверен, что паруса нам нужны.

— А ты как думаешь? — спросил я.

Вилвил покачал головой.

— У первой летающей машины Пурпурного парусов не было. Я думаю, он знает, о чем говорит. И Орбур думает так же.

Нас прервал голос сверху. Пурпурный закончил свою проверку снастей и теперь кричал:

— Все в порядке. Отдать швартовы!

— Как? Что... Пурпурный, будь добр, говори как человек. А не на своем демонском языке.

Он завопил:

— Обрезай веревки, проклятье на вас!

Я побледнел и схватил нож.

— Постарайтесь обрезать их все сразу,— не унимался Пурпурный.

Я начал рубить ближайший из причальных канатов. Шуга и Пурпурный дружно заорали на меня сверху. Как только я справился с канатом, эта сторона лодки резко пошла вверх, лодка круто наклонилась. Пурпурный и Шуга возбужденно заголосили:

— С другой стороны! Режь, тебе говорят, веревку с другой стороны!

Я помчался вокруг на другую сторону и обрезал еще одну веревку. После этого нос лодки оказался ниже, чем корма, поэтому пришлось бежать и обрезать еще одну веревку. А между тем они все вопили: Орбур, Вилвил, Шуга, Пурпурный, Френ и его бригада, собравшаяся толпа... Даже Леста. И вот остался один только канат — лодка бы была нацелена точно в небо. Я обрезал канат...

Лодка прыгнула вверх, раздался оглушительный вопль толпы. Я упал на спину на помост и стал наблюдать за их подъемом.

Я был рад, что веревки кончились. Небо было ярко-голубым. Воздушная лодка изящно повисла в нем под оплетением воздушных виноградин.

— Ох,— неслось из толпы.— Ах!

Это было в первый раз, когда я увидел воздушную машину. По мере того как она поднималась ввысь, я ощущал все увеличивающийся прилив радости. Как если бы я построил ее сам. Она нравилась мне намного больше, чем черное яйцо Пурпурного. И в конце концов, разве я не помогал ее строить? Белый парус распустился под одним из поплавков. Затем другой. Летающая машина продолжала подниматься все выше. Мне казалось, что я слышу голоса, плывущие ко мне из вышины:

— Нам не нужны твои дурацкие паруса!

— Нужны!

— Не нужны!..

Но, возможно, это был только ветер.

Глава 65

Ветер утащил крохотное пятнышко корабля к горам из поля зрения. У нас ожидалось несколько спокойных дней для отдыха.

Леста с ткачами по-прежнему изготавливали материал. Женщины расслабились и стали прясть более медленно. Воздушная лодка была закончена, теперь не было настоятельной необходимости пропитывать воздушную ткань. Фактически Леста подумывал вообще отказаться от пропитки соком нити и ткани, за исключением небольших партий, специально изготовленных для получения водонепроницаемой ткани.

Френ закончил четвертый генератор и присоединил к нему велосипеды. Теперь на каждом генераторе работало по сорок человек, но велосипедная поточная линия продолжала действовать. Никто не приказывал им прекратить работу. Наоборот, все больше и больше мужчин хотели присоединиться к генераторным бригадам — и единственным способом это сделать было увеличение количества велосипедов. Четыре баллона были наполнены почти за один день. Теперь они висели над своими подставками. С четырьмя генераторами наполнить один баллон можно было очень быстро — и действительно, они вздымались и распускались буквально на глазах. Кислород яростно бурлил на свободном конце канавы, пустоголовые молокососы истерически хихикали.

Мои подмастерья делали почти по три комплекта зубьев для станка за день. Этого как раз хватало, чтобы заменять сломавшиеся. Кроме того, мы продолжали нарезать новые плашки для Пурпурного и Шуги.

Демп Три обруча был сейчас занят более чем когда-либо. Многие из тех, кто пришел из соседних деревень, устали от жизни в палатках и хотели бы перебраться в нормальные гнезда. Из-за недостатка домашних деревьев Демп начал плести по два, три гнезда там, где это было возможно. Иногда работа пропадала

впустую, деревья оказывались под водой раньше, чем было построено гнездо.

Анг получил от Лесты три новые гигантские сети и теперь придумывал более современные способы, чтобы увеличивать свой улов. Один комплект сетей был поставлен через реку. Другой спускался с выступа скалы, до которого не добралось подступающее море. Третий комплект использовали самым хитроумным способом: Анг построил лодку, похожую на корпус летающей машины. Каждый день он и три его помощника гребли по воде, таща за собой сеть. Но им приходилось быть внимательными, однажды в сеть попалось затонувшее домашнее дерево.

Короче, жизнь продолжалась в устойчивом, равномерном ритме. Не было только волшебников, чтобы освятить то, что в этом нуждалось, а оба ученика Шуги оказались настолько беспомощными, что не могли справиться даже с самым примитивным благословением. Поэтому я был вынужден, по мере необходимости, распределять все новые и новые символы.

Конечно, за свою работу на других я немножко оставлял себе. Из каждых десяти плашек, мною изготовленных, две оставались у меня. Это была справедливая пропорция.

Разумеется, у меня и еще были источники дохода. Мы с Лестой пересмотрели наш договор за использование зубьев для станков. Я обещал снабжать его зубьями по мере необходимости. В обмен за это я получал семь процентов символами или натурой — то есть тканью.

Я начал подумывать о приобретении третьей жены. Видят боги — я создан для этого. У меня и раньше было три жены, и я никогда не смирялся со статусом понижения до двух жен. Именно иметь всего двух женщин Главе деревни не подобает. Тем не менее я решил подождать, пока не вернется воздушный корабль.

Если первый корабль выдержит испытания, мы сможем построить и другие. И, возможно, сумеем использовать воздушные корабли для торговых экспедиций. Да, это значительно бы обогатило нас. Большие пространства воды перестанут быть преградой для путешествия, и мы больше не будем отрезаны от материка каждый Болотный Сезон.

Гортин, Леста, я и другие Советники энергично обсуждали эту идею. Леста, который стал теперь Главой новой и уважаемой Гильдии изготовителей ткани (бывшая каста ткачей), был один из самых ярых приверженцев новой идеи. Конечно, он больше всех заработает — ведь именно его тканью придется торговать. Но все-таки и среди остальных противников нашлось мало.

Воздушная ткань значительно обогатила всю нашу деревню. Эти три дня мы провели отдыхая и строя возбужденные планы на будущее. Мы не знали, сколько будут отсутствовать наши путешественники. Пурпурный сказал, что они будут летать до тех пор, пока не установят, как лучше управлять и контролировать «Ястреб» — именно так он решил назвать свою лодку. Мне она

ничуть не казалась похожей на ястреба, но это было заклинание Пурпурного, поэтому я ни о чем не спрашивал.

Без волшебников деревня выглядела на удивление спокойной. И я начал прикидывать, не такой ли она будет, когда Пурпурный улетит насовсем? Странное дело, я настолько привык к присутствию Пурпурного, что даже не мог представить деревню, существующую без него.

Еще один день я потратил на помощь Френу и его наземной бригаде. Они тренировались в причаливании «Ястреба», готовясь к его возвращению. Одна группа мужчин стояла на помосте и бросала вниз веревки, изображая из себя вернувшийся корабль. Наземная бригада располагалась внизу. Когда сбрасывали вниз веревки, они бросались на них, стараясь вцепиться в них как можно крепче, а затем должны были стащить нас с помоста. Это быстро превратилось в состязание. Мы сбрасывали канаты, но старались, чтобы они не так просто в них вцеплялись. Наземная же бригада любыми путями старалась стянуть нас с помоста. Но поскольку там подобрались самые сильные мужчины со всех деревень, они всегда побеждали.

Позже, тяжело дыша и весь мокрый, я подошел к Френу и спросил, считает ли он, что все эти действия действительно имеют смысл. В конце концов, «Ястреб» совершил только одно приземление, и больше мы его никогда не увидим.

Френ хмыкнул.

— Пурпурный платит мне и моим людям за то, чтобы «Ястреб» приземлился без помех. Нам это тоже выгодно. Если с лодкой что-нибудь случится, Пурпурный захочет построить новую, а на это уйдет еще три руки дней. Ты ведь хочешь, чтобы он улетел, не так ли?

Я не мог с этим спорить.

А вскоре после этого начал распространяться слушок, что как только Пурпурный вернется, он начнет подготавливать лодку для путешествия на север и улетит, не оплатив свои волшебные символы.

Я постарался пресечь все эти глупые домыслы, но многие чувствовали себя неуверенно. Они подозревали, что если Пурпурный не расплатится заклинаниями за свои плашки, то они обесценятся.

Я заявил, что все это чепуха. Плашки — это символы магии и как таковые — магия сама по себе. Они также хороши, как настоящие благословения. Надо только держать волшебный символ возле того предмета, который желаешь благословлять.

Люди мне не верили. Вместо этого они спорили о «Ястребе», первым начал Френ, заявив, что это его генераторы сделали газ, который поднял лодку в воздух. Бригады велосипедистов возражали, что без их усилий генераторы вообще не сделали бы ничего. Леста насмехался над ними, утверждая, что все дело решила ткань. Чепуха, возмутились ткачи, ведь ткань сделана их руками. Да, согласились мои подмастерья, но могли ли они соткать ткань без наших зубьев? Грим заявил, что ничего бы не вышло без воз-

душных мешков, которые он сшил. Пропитчики нитей напоминали, что это именно они работали с кровью домашнего дерева. И даже женщины и те бормотали о нитках, которые они спряли. Но верх глупости был достигнут, когда носильщики балласта заявили, что это именно благодаря их песку «Ястреб» смог улететь.

Все это было бы смешно, если бы каждый не воспринимал это всерьез.

Анг неплохо заработал, продавая сушеную рыбу — именно такую, говорил он, Пурпурный взял с собой в свой исторический полет.

Рассуждали и насчет самого полета. Я все думал, воспользовались они парусами Шуги или нет. Вилвил и Орбур верили, что воздухотолкатели Пурпурного не нуждаются в парусах, но...

Был жаркий спокойный день, я купался в море, когда поднялся крик:

— «Ястреб» возвращается! Воздушный корабль плывет!

Я не стал вытираться, набросил накидку и помчался на скалу. Другим пришла в голову та же мысль. Взявшаяся буквально ниоткуда огромная толпа устремилась на холм, выкрикивая приветствия. Только я обогнул гребень холма, как увидел его — изящную лодочку и огромные надутые мешки, ярко блестящие на фоне неба. Я удивился, почему это «Ястреб» летит кормой вперед. А затем увидел, что парусов на нем не было.

Метод Пурпурного отталкиваться от воздуха удался!

Вилвил и Орбур оказались правы.

Глава 66

Как только «Ястреб» приблизился, я смог разглядеть своих сыновей, напряженно крутящих педали на делателях ветра. Они подталкивали лодку все ближе и ближе. Время от времени одному из них приходилось останавливаться или даже начинать крутить педали в обратную сторону, от чего лодка несколько меняла свое положение. Пурпурный висел на снастях, он возился с завязками одного из мешков, должно быть, выпускал газ рассчитанными порциями, чтобы ускорить снижение. Он кричал:

— Где моя наземная команда? Где моя наземная команда?

Лодка спускалась боком.

На земле Френ и его люди уже носились вокруг помоста. Огромный кузнец орал приказы, а его люди старались занять места поудобнее.

— Порядок! — орал Френ.— Останавливайтесь прямо над нами и бросайте веревки, мы их поймаем!

— Нет, нет! — кричал в ответ Пурпурный.— Вы слепые дураки! Вы должны разойтись и хватать веревки там, где они упадут, а затем тащить лодку на место приземления. Мы не можем маневрировать ею так точно!

Он свесился со снастей.

— Вилвил, Орбур, скиньте вниз причальные канаты!

Френ зарычал на свою команду:

— Разбежались, разбежались! Они не могут подлететь точно к месту приземления! Приволочим их!

Его здоровяки помчались по склону, настигая сброшенные с «Ястреба» веревки. Они весело раскачивались на ветру. Вилвил и Орбур крутили педали так быстро, как только могли, стараясь удержать машину на месте.

— Хватайте их! Хватайте веревки! — вопил Пурпурный на причальную команду. — Мы должны спуститься на помост, а не то сломаем киль!

Мужчины, мальчишки носились туда-сюда, стараясь поймать веревочные концы. Но постоянный ветер со скалы не позволял им этого сделать. Один мальчишка умудрился все же ухватиться за конец веревки и обнаружил себя поднятым в воздух. Он выпустил веревку и упал на землю. У мужчин были свои неприятности. Они хватались за канаты, и их волокло по склону. И именно Френ спас дело, прыгнув на одного из этих мужчин. Четверо других прыгнуло на него, и «Ястреб» остановился. Веревки замедлили свое качание. Это дало возможность незамедлительно вцепиться в них тоже. Теперь дело в один момент превратилось в спорт — жители деревни вместе с наземной командой гонялись за каждой свободной веревкой, пока наконец почти у каждой не оказалось по одному — два владельца, отдувающихся, но повисших на конце. Френ отпустил свой канат, за него уже держалось трое других мужчин и зарычал на свою команду:

— Все в порядке, тащите ее наверх, на помост!

Возбужденно крича, мужчины потащили за собой «Ястреб» — как детишки маленькие воздушные мешки Пурпурного. Жители деревни радостно размахивали руками, приветствуя своих героев поднебесья. Вилвил и Орбур не стали крутить педали и махали в ответ. Широкие глупые улыбки сияли на их лицах. Наземная команда как раз разворачивала лодку над помостом, когда один из них воскликнул:

— Погодите! Если Пурпурный улетит на своей лодке, наши символы ничего не будут стоить!

Остальные уставились на него.

— Ну что? Должны мы насчет этого что-то предпринять?

Между тем Пурпурный голосил:

— На помост! На помост! Опускайте нос на помост!

Наземная команда не обращала внимания на его вопли и продолжала спорить. Френ требовал, чтобы они подчинились приказам, но парни подобрались упорные и твердили свое. Наконец один из них поднял голову и закричал наверх:

— Мы собираемся бастовать, Пурпурный.

— Что? Что собираетесь?

— Наземная бригада собирается бастовать.

— Как?

— Мы требуем, чтобы ты гарантировал оплату своих волшебных символов.

— Конечно, конечно! Как-нибудь...

И тут мы увидели, как над ограждением появилась голова Шуги. Он держал на руке шар зудящих колючек и внимательно выбирал цель внизу. Трое из наземной команды хотели тотчас же отпустить веревки, но их вожак не позволил им сделать этого.

— Шуга, если ты бросишь шар, то мы вас отпустим, и вы никогда не вернетесь.

Я отпрянул назад, так как слишком хорошо знал Шугу. Так и есть — он швырнул шар. Тот ударился о землю и взорвался, крошечные черные точки испятнали воздух, оседая на ближайших людях причальной команды. Сверху раздался грозный голос Шуги:

— Если хотите, чтобы вас вылечили, тащите нас вниз.

Одни пытались стереть черные родинки, другие отпустили веревки и катались по земле. «Ястреб» повело в сторону. Шуга прокричал:

— Через час вы будете умолять волшебника...

Мужчины отлично поняли и еще резвее похватали веревки и потащили лодку вниз. Шуга, очевидно, хотел кинуть еще несколько зудящих шаров, но Пурпурный слез со снастей и удержал его от этого шага. Вилвил и Орбур не нуждались больше в воздухотолкателях, подтянули их к поплавкам и перебрались в лодку. Они тоже принялись утихомиривать Шугу.

— Не надо больше зудящих шаров! Мы тащим! Мы тащим! — кричала снизу причальная команда. Шуга, Вилвил и Орбур исчезли за бортом судна. Послышались проклятия и приглушенный шум. Пурпурный, перегнувшись через борт, руководил приземлением:

— Все нормально... все нормально... Теперь осторожнее... Следите за килем... Тащите нас на помост. Килем не зацепите!

Ворча и ругаясь, мужчины подтянули лодку к помосту. Одни уже зацепили свои веревки за колья в земле. Лодка медленно опускалась. Киль скользнул в свой паз, и я вздохнул с облегчением. Но тут неожиданный порыв ветра... послышался треск бамбука, киль был сломан. Пурпурный с руганью выпрыгнул из лодки. «Ястреб» подпрыгнул, но мужчины тут же снова опустили его. Другие подносили мешки с балластом и сноровисто швыряли их в лодку. Судно с глухим стуком ударилось о помост. Из него выбрались Орбур и Вилвил. Следом — Шуга. Оказалось, что даже мешков с песком недостаточно. Неожиданный порыв ветра подхватил деревянную лодку и потащил вниз по склону. Лодка подскакивала и скользила. Она была слишком тяжелой, чтобы лететь с таким грузом балласта, но слишком легкой, чтобы противостоять порывам ветра, который стащил ее с холма и сбросил в воду.

Когда Пурпурный увидел, как «Ястреб» плывет по воде, он сказал:

— Я предполагал, что киль не так уж и нужен.

Глава 67

Следующие несколько дней прошли в делах. Вода поднялась даже выше, чем обычно, уже стояла на середине холма верхней деревни. Палатки, которые так хорошо послужили нам во время странствий по пустыне, пришлось достать снова, чтоб пострадавшие семьи смогли перебраться на скалу. Туда же Френ и его причальная команда перенесли «Ястреб». Они справились с этим без труда, так как воздушные мешки компенсировали большую часть веса лодки.

После некоторых дополнительных усовершенствований и ремонта, произведенных Вилвилом и Орбуром, к лодке были прикреплены последние четыре баллона. На этот раз в лодку было загружено больше, чем надо, балласта, и ее удерживали дополнительные причальные канаты. Мы не распускали генераторные команды. Пурпурный прикрепил провода к своей батарее, и теперь вся энергия четырех машин запасалась в этом крошечном устройстве.

Однажды я спросил о ней Пурпурного, и он объяснил мне, что батарея может удерживать почти бесконечное, с нашей точки зрения, количество энергии. В использовании ее были свои преимущества. Например, Пурпурный мог высвобождать энергию с той скоростью, какую выберет. Двумстам мужчинам понадобилось пять дней, чтобы наполнить газом все пять баллонов. И если Пурпурный запас все это накрученное педалями количество энергии в свое устройство, то он мог наполнить свои шары так быстро, как только мы успевали доливать воду и менять соединительные рукава. Поэтому не имело значения, если баллоны на скале начнут спадать. Пурпурный мог подкачать их прямо перед стартом.

Он планировал вылететь через две руки дней. К тому времени у него будет достаточно энергии, чтобы подкачать баллоны. К тому же он не захотел наполнять баллоны сразу, потому что скопление водорода может оказаться опасным. Вдобавок ему представилась возможность более точно установить скорость утечки.

— Опасность? — спросил я, когда он упомянул об этом.— Какого рода опасность?

— Огонь,— ответил он.— Или искры. Именно поэтому мы не можем взять с собой велосипедный делатель электричества. Мало того что он будет недостаточно производительным, даже если его будут крутить четыре человека, но он еще дает искры. И искры могут все уничтожить.

И он объяснил мне, что искра — это очень маленькая молния.

— Вспомни, как было взорвано мое домашнее дерево?

— Молния? Значит, это молния сопротивлялась, когда я крутил рукоять генератора?

Я содрогнулся. Молния! Да, Пурпурный определенно великий волшебник!

И он в очередной раз доказал это. Пока бригады велосипеди-

стов проделывали свою работу на генераторах, пока Орбур и Вилвил обеспечивали будущее путешествие «Ястреба», Пурпурный взялся за лечение всех больных, каких только мог найти.

— Похоже, мне скоро не понадобится моя аптечка,— сказал он мне.— Я ее берег, так как нуждался в ней сам, а теперь могу извлечь из нее пользу.

Он вылечил Хинка Безволосого и Фарго Ткача, у обоих начали расти волосы. Другие мужчины расстались со своими язвами, от которых страдали много рук дней. Из крохотного цилиндрика, извлеченного из своей коробки, Пурпурный подул на них сырым воздухом, и через несколько часов их тела начали выздоравливать. Он не остановился на мужчинах. Даже женщин он лечил от безволосости. Он позаботился о младшем Гортине, у которого от рождения была маленькая и слабая рука.

— Ускоренная регенерация,— приговаривал Пурпурный, обследуя малыша, и заставил его проглотить две странные и полупрозрачные капсулы. Теперь кости мальчика стали мягче, а рука выпрямилась и стала расти. Пурпурный ежедневно приходил в верхнюю деревню и бродил среди палаток со своей черной коробкой. Когда Зен Продавец свалился с дерева и сломал спину, он успел к нему раньше, чем тот умер. Он обрызгал спину Зена чем-то, что проходило прямо через кожу, и запретил ему двигаться до тех пор, пока не сможет шевелить кончиками пальцев. Зен так и остался лежать под деревом, которое его чуть не убило. А жена кормила его и меняла одеяла. Зен не умирал, а Пурпурный забрал у него все свои символы.

Люди теперь начали обменивать символы Пурпурного на символы Шуги в отношении один к десяти.

Глава 68

Как раз в эти дни моя первая жена родила дочь, как и предсказывал Шуга. Девочка была красной, уродливой и совершенно лысой — даже без тонкого мерцающего пушка первого лета.

Когда Шуга шлепком привел девочку в чувство, кожа ее поблескивала только остатками маточной жидкости. Он взял влажное полотенце, которое я держал для него наготове, и начал протирать глаза, рот и нос новорожденной.

Он нежно управился с ней, и на лице его было странное выражение.

— Есть причины удивляться, Шуга?

Шуга не отводил глаз от ребенка.

— Как я и боялся — она демонский ребенок. Но я никогда не видел такого другого ребенка демона, как этот, Лэнт.

— Добрая это ведьма или злая?

— Не знаю.— Шуга покачал головой.— Об этом еще слишком рано говорить.

Он переворачивал девочку в руках, продолжая обтирать полотенцем. Со своей родильной койки широко открытыми глазами

смотрела на происходящее моя жена. Большинство женщин боится вынашивать ребенка демона. Моя жена отнеслась к этому стоически — мне следовало как-то отблагодарить ее.

Шуга сказал:

— Насколько я понимаю, этого ребенка надо окружить заботой и защитой. Возможно, с ней надо обращаться так же, как с мальчиком...

Я с испугом уставился на него.

— Шуга...— начал я, но волшебник резко прервал меня.

— Лэнт, я не знаю. Это нечто такое, чего я никогда не слышал и никогда не видел. Мы можем только наблюдать и ждать. Если этот ребенок — добрый демон, тогда нам надо постараться ей угодить... Если же она — злой демон, то тогда, как мне думается, и вовсе ее сердить не стоит. Это в любом случае не повредит — проявить осторожность при выяснении обстоятельств.

Я мрачно кивнул. Демонские дочери встречались и прежде — с детьми обращались как с сыновьями, давали им имена и благословляли их, а в некоторых случаях даже принимали в Гильдию Советников. Но были случаи, когда демонские дочери становились причиной уничтожения целых деревень. И то и другое было крайне редким. Случалось, скажем, в среднем раз в сто лет. Никогда я и предположить не мог, что это произойдет при моей жизни, да еще причиной явится моя жена.

Пурпурный прибежал, как только услышал новость. Жители с благоговейным страхом расступились, как только увидели спешащую вниз по склону пухленькую фигуру, а потом потащились следом, возбужденно и деловито обсуждая происшедшее.

Пурпурный ворвался в мое гнездо и застыл, глядя на мою лысую, красную, демонскую дочь, потом расплылся всем своим полуголым лицом.

— Она красавица, правда? — спросил он.

Мы с Шугой переглянулись. Возможно, с точки зрения Пурпурного она и была таковой, но для нас в ней таился источник страха. Как же выглядят младенцы там, откуда явился Пурпурный? Если такого вот ребенка он считает красивым.

Пурпурный неуверенно подошел к Шуге.

— Можно я подержу ее?

Шуга отступил, прикрывая ребенка рукой. Глаза его сердито поблескивали. Пурпурный выглядел растерянным и обиженным. Я коснулся его руки.

— Пурпурный, у нее вырастут волосы?

Он покачал головой.

— Я думаю, нет.

— Но тогда ты ее вылечишь?

— Я не могу.

— Извини, я не собираюсь тебя оскорблять, но ведь ты недавно уже проводил подобное лечение...

— Тонусы длительного воздействия,— фыркнул Шуга.

Пурпурный развел руками.

— Но ты не понял. Она не больная, Лэнт, она просто лысая, как я.

Он снова шагнул к Шуге.

— Дай мне ее подержать, пожалуйста.

Он протянул руки. Но Шуга отказался передать ему ребенка. Он упрямо покачал головой.

— Но она моя! — заявил Пурпурный. — Я хочу сказать, я зачал ее...

— Ну и что? Ты думаешь, это дает тебе какие-то особые права? Это жена Лэнта родила ее. Это ребенок Лэнта.

Пурпурный посмотрел на Шугу, на меня. На его лице появилось выражение смятения.

— Я только хотел подержать ее... чуть-чуть, Лэнт, пожалуйста.

Он выглядел таким жалким, что я уже готов был согласиться, но Шуга продолжал упрямо качать головой.

Наконец Пурпурный склонил голову в знак печального и покорного согласия.

— Как хочешь... Но позволь, по крайней мере, укрепить ее здоровье...

Тут он использовал слово из своего демонского языка.

— Какого рода это заклинание? — потребовал объяснить Шуга.

— Это заклинание счастья, — ответил Пурпурный. — Счастья и защиты. Оно сделает ее сильной и более здоровой. У нее будет больше возможностей стать взрослой.

Я сперва подумал, что Шуга откажет. Я заметил, как подозрительно сузились его глаза, но все же он тем не менее, сказал:

— Хорошо... Я...

Но тут вмешался я.

— Шуга, вспомни, мы должны угодить ей...

— Хорошо, — наконец согласился Шуга, — можешь подойти...

Он позволил Пурпурному достать из медицинской коробки устройство и с его помощью ввести эссенцию под кожу. Больше он не просил подержать девочку и когда уходил, шаги его были медленными и неровными. Больше в тот день мы его не видели.

Глава 69

В общем, большей части символов Пурпурного жители не окупили — даже тогда, когда большая часть больных начала поступать к нему со всех концов острова. Те же, кто был здоров, предпочитали приберечь символы, частично из-за того, что позднее им самим могла понадобиться очень сильная магия, а частично потому, что символы и сами по себе были магией. И они могли принести удачу.

После излечения многие из пилигримов решили остаться. Заинтересованные нашей летающей лодкой и нашими генераторами электричества, они образовали постоянно присутствующую

толпу любопытных. Они стали обмениваться волшебными символами, чтобы иметь возможность участвовать в пари на различные генераторные бригады. Другие приходили в надежде присоединиться к нашей все растущей Гильдии изготовителей ткани, или влиться в нашу поточную линию изготовления велосипедов, или войти в генераторную бригаду, третьи прибывали торговать, а остальные приходили просто из любопытства. Они прослышали о нашей летающей машине и жаждали своими глазами увидеть это чудо.

Наша объединенная Гильдия Советников разрослась до почти неуправляемого уровня. То и дело слышалось мрачное бормотание различных представителей, которые чувствовали себя ущемленно. Ясно, что наше управление нуждалось в некоторой реорганизации.

И наконец настал день, когда Пурпурный заявил, что его батарея заряжена. Он собирается улететь перед следующим восходом голубого Солнца. И на этот раз это будет окончательное прощание. Как только воздушная лодка оторвется от своей колыбели, он навсегда уйдет из нашей деревни и нашей жизни. Теперь Пурпурный почти все время проводил на скале, сверяясь со списком и в сотый раз пересчитывая припасы. Частенько его можно было застать проверяющим снасти или осматривающим воздушные мешки.

— Посмотри, как лодка натягивает канаты, Лэнт. Разве это не красиво? Пищи у нас, по крайней мере, на четыре руки дней. Балласта весом в четыре-пять человек. Есть и несколько запасных мешков на случай, если какой-то разорвется. Я хочу сказать, что мы готовы, Лэнт. А ты?

— Гм, я бы сказал, что я тоже готов.

— Нет, я имею в виду, ты сам готов?

— Как?

— А разве ты не собираешься с нами?

— Я? — я внутренне сжался. — Но у меня нет намерения... Я необходим здесь. Дела требуют... Ведь я Глава!

— Но.. Но... Твои сыновья сказали...

— Мои сыновья?!

— Да. Они мне внушили, что ты собираешься лететь с нами тоже. Мы все планировали и на тебя тоже.

— Я впервые об этом слышу.

— Значит, ты не хочешь лететь?

— Конечно нет! Я не вижу причины, по которой мое присутствие было бы так необходимо на лодке.

— Ладно, я этого тоже не вижу, — согласился Пурпурный. — Но Вилвил и Орбур считают, что такая причина есть.

Я пожал плечами.

— Нет, Пурпурный, благодарю за предложение, но я отказываюсь от этой чести.

Я не стал говорить, что лучше останусь в деревне совсем без

волшебника, чем в летающей лодке с двумя сумасшедшими волшебниками на борту.

Глава 70

Но в тот же день, только позже, в жаркие часы двойного солнечного света, когда большинство жителей деревни спят, Шуга отвел меня в сторону.

— Лэнт, ты видел, как он обесценил мою магию? — с горечью сказал он. — Ты должен лететь со мной. Ты мне будешь нужен, чтобы помочь в заклинаниях против него...

— Заклинание... О нет, Шуга!

— Я буду свободен от этой клятвы, как только мы покинем эту местность. Но ты мне необходим как свидетель, что я его убил. Ты — Глава. Твое слово — закон!

— Шуга, разве тебе не достаточно остаться одному? Пурпурный улетает. Ты будешь здесь единственным волшебником. И разве это не самая большая деревня? Тут, наверное, живет тысяч пять человек, даже, пожалуй, больше. Никогда в истории не существовала деревня таких размеров. Чего ради ты должен рисковать, затевая новую жуткую дуэль?

Но тут Шуга зарычал на меня, и мне пришлось замолчать. А Шуга бросил меня и ушел. Он угрюмо ворчал всю дорогу, заставляя встречных жителей испуганно шарахаться в стороны. Потом, после захода голубого солнца, пришли Орбур и Вилвил. Как только я увидел их, так сразу спросил:

— Что это за чепуху вы наговорили Пурпурному? Он сказал, что вы хотите, чтобы я летел с вами. Отправиться в это настоящее фантастическое путешествие?

Сыновья закивали.

— Отец, ты должен! Ты — единственный, кто сможет образумить Шугу. Ты наверняка знаешь, что он планирует начать дуэль, едва мы окажемся вне этого района.

— Да, он упоминал об этом.

— Теперь ты тем более должен лететь с нами, чтобы остановить его. Мы никогда не вернемся, если ты не полетишь. Даже если нам удастся выжить и в этот раз. Он настаивает, чтобы мы снова подняли паруса. Он все еще не убежден. Отец, ты должен лететь, или мы никогда не доберемся домой.

— Я уверен, вы можете справиться и без меня, дети мои! В испытательном полете вы все делали правильно...

— Да, но то была только проверка. Шуга знал о летающей машине не больше, чем любой другой. А теперь, когда он побывал в воздухе, он убежден, что стал крупным специалистом в этой области. Ты, наверное, слышал истории, в которых он рассказывает о своих подвигах?

Я кивнул.

— Вы все рассказываете истории. И ни одна из ваших историй не похожа на другую, жители ни одной из них не верят. Один этот

факт должен удержать Шугу от дуэли. А если к тому же у него не будет надежного свидетеля...

— Отец, он не столько заинтересован в надежном свидетеле, сколько в убийстве.— Опасливо понизив голос, Орбур оглянулся.— Ведь ты не знаешь, что он учинил во время испытательного полета.

— Да?— Я покачал головой.— Я ничего не слышал.

— Потому что Вилвил и я молчали об этом. Мы не хотели давать даже намека, что между волшебниками на борту были неприятности.

Вилвил кивнул, молча подтверждая сказанное братом.

— Короче, после того как мы отлетели, они заспорили, нужны или не нужны паруса? Шуга так разъярился, что пытался бросить шар огня в Пурпурного...

— Шар? Он пытался бросить шар? Но... воздушная лодка... водород...

— Нам повезло,— сказал Орбур.— Пурпурный завопил, как только его увидел. Я подумал, что он выпрыгнет из лодки... Но Орбур быстро нашелся и опрокинул на Шугу горшок с водой. Затем еще один,— продолжал Вилвил.— А потом сорвал накидку. Мы заставили его выбросить все огнеделательные устройства. Пурпурный был бледен, как облако...

— Могу представить,— я подумал о почерневшем домашнем дереве.— Но это еще не все,— продолжал Вилвил,— позже он пытался столкнуть Пурпурного вниз. Пурпурный взбирался на снасти — знаешь, отец, для человека вроде него он замечательно храбрый. Он карабкается по веревкам, будто не испытывает ни малейшего страха падения.

— Однажды он сорвался,— сказал Орбур,— хотя и с нескольких футов, но, к счастью, в лодку.

— Ладно, мы все уже начали привыкать к лодке,— возразил Вилвил.— А ведь раньше на воздушной лодке никто никогда не бывал. И некому было нас научить как действовать...

— Кроме Шуги,— сказал Вилвил. Он умоляюще посмотрел на меня.— Отец, Шуга убежден, что он знает капризы Макс-Вотца — бога ветров. Но почему-то его магия не действует в верхнем небе. Его паруса не работают, а огненные шары едва не убили нас всех.

— Дети мои, вы пережили этот полет, не так ли?

Они нехотя кивнули.

— Хорошо, тогда я верю, что вы сможете пережить и второй. После того, что вы тут мне наговорили, я теперь еще больше уверен, что ни за что в жизни не заберусь в эту поганую лодку.

Глава 71

Я вернулся в гнездо усталый и раздраженный. И раздражал меня не какой-то определенный человек, а толпа. Сейчас здесь жили почти все семьи из пяти деревень. Некогда голая скала превра-

тилась теперь в лабиринт палаток, приткнувшихся друг к другу чуть ли не вплотную. Узкие проходы кишели малышней, женщинами и незнакомцами. Остальную часть острова поглотило море. Единственно свободным местом оставалась скала Юдиони, пространство вокруг помоста и широкая подсобная площадь, откуда все пути обрывались теперь в море. Сохранение этих участков в свободном и пригодном для работы состоянии делало остальное пространство холма еще более перенаселенным. Мое дерево, как и еще немногие другие, частично возвышалось над водой, и мы могли пользоваться гнездом, избежав таким образом кутерьмы и столпотворения, но до гнезда приходилось добираться по пояс в воде. Море было теплым, и очень парило.

Когда я забирался в гнездо, то все еще чувствовал раздражение из-за необходимости пробираться между палатками и сквозь толпы незнакомцев. С моего меха капала вода. Я с облегчением плюхнулся на койку и позвал:

— Жены! Я готов для расчесывания. Сегодня у меня выдался такой день, который трудно перенести самому сильному мужчине.

— О, наш бедный Лэнт,— заголосили женщины.— Наверняка, даже самая серьезная напасть — всегда лишь детская игра для такого сильного мужчины, как ты.

— Естественно, но заботы утомляют. Пурпурный хочет, чтобы я летел с ним на воздушном шаре, и того же хотят Вилвил и Орбур.

— О нет, нет, наш храбрый Лэнт! Только не на воздушной лодке! Ты можешь упасть! — заголосила одна Мисс.— Не делай этого, муж мой. Ты никогда не вернешься! Как нам жить, если мы потеряем тебя! — запричитала другая, но имя которой было Катэ.

— Скажи нам, что не полетишь,— заголосила первая.

— У тебя есть, чем заняться, есть твоя резьба по кости,— поддержала вторая.— И еще много дел кроме этого. Стены гнезда протекают, их надо ремонтировать.

— Подождите немного,— я пинками заставил их замолчать.— Это что за шум вы устроили? Или вы осмеливаетесь говорить и советовать, что мне делать?

— О нет, нет!

И они бросились к моим ногам.

Мисс вторая приподняла голову и сказала:

— Это только потому, что мы тебя так любим и не хотим, чтобы ты уходил...

Мисс первая:

— Ведь это такая опасная экспедиция... может быть, даже слишком опасная для такого храброго мужчины, как ты, Лэнт!

Я со злобой посмотрел на них.

— И как же вы осмеливаетесь хотя бы такое предположить! Я — Глава своей деревни! Я укротил дух самых безумных волшебников, я не позволю им убивать друг друга. Я руководил постройкой летающей лодки...

— Да, мой муж, но это не означает, что ты должен лететь на ней!

— Да, но оставь эту честь кому-нибудь другому...

— А почему я должен это делать? — возмутился я.— У меня столько же прав путешествовать на «Ястребе», как и у любого другого. А может, и больше...

— О, мы так боимся за тебя...

— Или вы думаете, что я боюсь опасностей?

— О нет, наш храбрый Лэнт, это мы боимся...

— Вы слишком много думаете, мои жены, и от этого ваши мозги протухли. Я полностью сознаю опасность такого предприятия. Вы думаете, нет? Ну, так в таком случае я вот вам что скажу: если бы я не был уверен, что это безопасное путешествие, я и не собирался бы лететь.

— О, мой муж, мой храбрый муж, останься с нами, мы даже не будем протестовать против покупки третьей жены...

— Что вы не будете? Если я захочу третью жену, я ее куплю! Если я захочу лететь, я так и сделаю. И я собираюсь сделать и то, и другое! А теперь принесите мой ужин, и будьте благодарны, что я еще недостаточно разгневан.

Глава 72

Красный закат. Тихий и спокойный, жаркая духота в воздухе — память об обжигающе раскаленном голубом дне.

Френ и четверо других держали веревку. Орбур и Вилвил были наверху, на снастях, меняя позицию двух баллонов. По их сигналу Френ и его рабочие отпустили веревку, и баллоны скачком вернулись в общий ряд. Пурпурный провел этот день, подкачивая опавшие воздушные мешки. Даже сейчас он все еще наполнял из водяного горшка последний, балансируя на узких дощечках палубы.

Шуга и я стояли в стороне от помоста. Я держал в руках пакет и размышлял, как же я мог влипнуть в такое положение. Я перебирал в голове все разговоры дня, но ответ на это как-то не находился. Но в своем рвении уговорить меня не рисковать своей жизнью, моя жена настойчиво просила совета у множества женщин. А эти женщины рассказывали своим мужьям...

Вскоре я обнаружил, что каждый мужчина, женщина и ребенок на холме знают, что Лэнт Глава будет на борту «Ястреба», когда он поднимется в небо на красном закате...

Когда Орбур и Вилвил спустились со снастей, Пурпурный сделал отметку в своем контрольном списке. Орбур нырнул под ткань, прикрывающую кучу грузов.

— Одеяла здесь внизу, Пурпурный.

— Хорошо,— ответил Пурпурный.— Я не хотел бы их оставить. Питьевой воды на этот раз у нас достаточно?

— Более чем достаточно,— ответил Вилвил, покосившись на Шугу.

Я увидел Пурпурного, уже подходившего к нам.

— Я рад, что ты летишь, Лэнт. Путешествие будет долгим, а я привык к твоему обществу.

Шуга тут же ответил:

— Я тоже рад присутствию Лэнта.

— На этот раз ты не взял с собой огнеделательных устройств, не так ли? — спросил Пурпурный у Шуги.

Шуга сурово покачал головой.

— Ты помнишь, что я говорил тебе насчет этого?

Новый кивок.

— Отлично!

Пурпурный отошел к мальчикам и что-то шепнул им. Вилвил и Орбур посмотрели на нас и переглянулись. Потом выбрались из лодки и подошли к нам.

— О Шуга,— спросили они,— можем ли мы спросить тебя об одном из труднейших мест заклинания...

Шуга поковылял за ними. Они скрылись за черными кустами, послышался резкий крик и звуки борьбы. Затем еще один крик — и тишина. Через мгновение раздалось шипение и плеск воды, выливаемой из горшка. Вилвил и Орбур появились, улыбаясь, и немного погодя появился промокший Шуга. Он свирепо поблескивал глазами. Волшебник подошел ко мне.

— Если бы они не были твоими сыновьями...

— И если бы они не нужны были для успешного возвращения домой,— спокойно продолжил я.— То что бы ты сделал?

— Не имеет значения,— проворчал он.— Я тоже рад, что в конце концов ты решился лететь с нами. Я собираюсь устроить Пурпурному такую месть, о которой никто никогда не мечтал и не слышал.

Несмотря на неудобное время дня, на склоне собралась значительная толпа. Было много народу из других деревень, которые, прослышав о нашей машине, пришли посмотреть на старт. Но было много и наших. Каждый горделиво показывал, над какой частью машины работал лично он. Среди собравшихся бродили торговцы, продавая сладости и пряности. Как-то я их попробовал, а потом несколько дней чувствовал себя больным. На этот раз я решил не есть ничего, не хотелось лететь в воздушной машине с плохим самочувствием.

— Все в порядке, Лэнт,— сказал Пурпурный.— Теперь ты можешь подняться на борт.

Он помахал рукой волшебнику:

— Шуга...

Мы поднялись. Пурпурный указал мне, где сесть — на самом носу лодки. Сам он выбрал себе место на корме. Пурпурный нервно озирался, словно опасался, что в последний момент что-то забудется.

Я оцепенел. Сердце отчаянно билось. Я не мог в это поверить. Я действительно здесь, на летающей лодке... Я собираюсь подняться на ней в небо!

Послышался голос:

— Лэнт! Лэнт!

Я перегнулся через борт. Там стоял Пилг Крикун.

— Пилг! — закричал я. — Где ты был?

— Я шел назад, — ответил он. — Лэнт, ты действительно собираешься лететь с Пурпурным?

— Да, — ответил я. — Собираюсь.

— Ты храбрый мужчина, — заключил Пилг, — я буду скучать по тебе.

Еще дальше по склону я разглядел Гортина и двух моих жен. Они обильно рыдали, а маленький Гортин счастливо махал рукой.

— Все в порядке, — сообщил Пурпурный, — наземная команда заняла свои места.

Я осмотрелся. Тысячи лиц глядели на нас. Вилвил и Орбур махали собравшимся. Они забрались на свои велосипеды и как раз привязывали себя страховочными веревками.

— Знаешь, — неожиданно произнес я. — Думаю, мне все же стоит остаться...

Шуга толкнул меня на место.

— Перестань, Лэнт. Хочешь, чтобы все подумали, будто ты трус?

Пурпурный стоял на корме лодки, для равновесия вцепившись одной рукой в снасти.

Иногда он подавал команды наземной бригаде. Френ и его люди рассредоточены вокруг помоста. У каждого в руке был тяжелый нож. Каждый стоял возле своего причального каната.

— Порядок, — сказал Пурпурный. — Без сомнения, теперь порядок. Будьте наготове! Все веревки должны быть обрезаны одновременно! Поэтому ждите моего сигнала. Вы должны обрезать канаты только тогда, когда я крикну. Я начинаю обратный отсчет: готовы? Десять, девять, восемь...

— Шуга, дай мне выйти, — сказал я. — Я не собираюсь...

— Что?

— ...участвовать в авантюрах...

— Семь, шесть, пять...

— Шуга!

— Четыре, три...

Пятьдесят ножей одновременно упали на канаты. Мы подпрыгнули вверх. Толпа восторженно закричала. Я завопил. Шуга вскрикнул и вцепился в меня. Лодка резко накренилась. Я ухватился за что-то, стараясь удержаться от падения. Раздался рвущийся звук — это оказался Шугин пояс... Мы образовали свалку на дне лодки. Я подтянулся, обрел сидячее положение и оперся о скамью лодки.

Пурпурный яростно ругался.

— Вы, идиоты с протухшими мозгами! Вы даже считать правильно не умеете! Я не успел даже кончить...

— Что кончить? — спросил я. — Три — это волшебное число, Пурпурный. Все заклинания начинаются с тройки.

Он с глупым видом посмотрел на меня, затем отвернулся, бормоча:

— Конечно, Пурпурный. Три — волшебное число, как ты можешь быть таким глупым...

Его слова унес прочь ветер. Я огляделся, Шуга с ужасом смотрел за борт.

— В чем дело? — спросил я.

— Мой волшебный пояс, болван! Ты разорвал его!

Я стал рядом с ним у перил. Лодка рискованно накренилась, но Пурпурный переменил свое место на корме, и нос выровнялся.

И вот впервые с начала подъема у меня появилась возможность взглянуть вниз. Там далеко внизу была скала, солнечный свет падал на нее под углом. Голубые тени протянулись в бесконечность. Крошечные человечки с каждой минутой делались все меньше и меньше. Я мог видеть помост, домашние деревья, пенистый край моря и его волнующуюся поверхность, простиравшуюся до края мира, с другой стороны виднелись горные пики. Мы летели даже выше их. Шуга смотрел вниз.

— Чем ты так расстроен? — спросил я. — Большинство твоих заклинаний здесь, на дне лодки.

— Знаю, — ответил он. — Ты разорвал пояс, и кое-что пропало. Пыль желания. Она будет висеть в воздухе над деревней много дней.

— Ну и ну! — сказал я. — И что из этого следует?

— Порошок. Ты помнишь пыль желания, направленную на Пурпурного?

— Когда ты уничтожил его яйцо?

— Так оно и есть.

Я содрогнулся. Я все слишком хорошо помнил. Несколько раз вдохнув пыль, Пурпурный направился в деревню и там сделал с моей женой то, ради чего создаются семьи. Несколько раз.

— Я думаю, — прошептал Шуга, — я думаю...

— Ну, значит, мы обязаны вернуться, — заявил я. — Ты должен показать им, какие травы необходимо пожевать. В районе ведь нет другого волшебника. А там сейчас творится такое...

— Вернуться? — повторил Шуга. — Ты шутишь? Мы не можем спуститься на землю, пока газ не устанет от работы и не выберется из баллона. Кроме того, мы движемся строго на север...

Он был прав, конечно. Я оставил его и переместился на другую часть лодки. При каждом моем шаге лодка покачивалась.

Орбур крикнул Вилвилу:

— Думаю, мы должны снова поставить киль.

— Да, действительно, — согласился тот.

— Нет, — возразил Пурпурный, — все, что нам надо, — это переделать оснастку. Распределить ее шире вдоль лодки. Это...

— Что? — воскликнули сыновья.

Пурпурный вздохнул.

— Не обращайте внимания.

В небе на такой высоте оказался сильный ветер. Скала Юдиони превратилась в черную точку на горизонте, под нами раскинулось разноцветное море. Его покрывали коричневые и черные

пятна. В некоторых местах проглядывали рифы. Можно было разглядеть рощи затонувших деревьев, скальные скопления и даже высокие пирамиды, посвященные Макс-Вотцу. Кое-где они торчали из воды. В тех местах, где таились водовороты, водная поверхность оставалась серой и пенистой.

Пурпурный поглядел на Солнце и что-то отметил на шкуре, натянутой на раму. От центра шкуры к ее краям тянулись странные линии.

— Это заклинание, указывающее направление,— пояснил Пурпурный.— Мы направляемся почти прямо на восток.

— Я и сам бы мог тебе об этом сказать,— удивился я.

— Каким образом?

Я указал вниз.

— Видишь вон ту полоску земли... Это дорога, по которой мы двигались во время нашего переселения. Она ведет точно к старой деревне.

— Да?— Пурпурный перегнулся через борт, стараясь собственными глазами увидеть ее. Я опасался за его равновесие. Но еще больше я опасался за Шугу, который поглядывал на нас мерцающими глазами. Пурпурный командовал:

— Вилвил, Орбур! Мы хотим изменить курс. Отвяжите воздухотолкатели!

Ребята кивнули и взялись за дело. Колесо с лопастями закачалось под поплавком. Потом с другой стороны опустилось другое. Я содрогнулся от этого зрелища. Ни за что не поменялся бы местами со своими сыновьями. Меня не затащишь туда, где ничего нет между тобой, морем и бездонной воздушной пустотой.

— Нам надо держать курс вон туда,— кричал Пурпурный.— Поверните к востоку на девять градусов влево.

Последних слов я не понял, но мальчишки, видимо, хорошо их поняли. Вилвил начал крутить педали назад, а Орбур — вперед. «Ястреб» медленно развернулся в небе. Лучи красного Солнца пронизывали снасти, по нашим лицам качались тени. Пурпурный внимательно наблюдал за своей измерительной шкурой. На ее центре торчали маленькие палочки, и он следил за положением тени, которую она отбрасывала.

— Стоп!— закричал он.— Все в порядке!— Он помедлил, пока движение воздухотолкателей не прекратилось, и снова проверил положение тени.— М-да, недостаточно, еще на десять градусов!

Когда они наконец направились в нужную сторону, он отдал еще один непонятный приказ:

— Скорость в одну четверть!

Ребята начали напевать и крутить педали. Они сдвинули один из шкивов таким образом, что воздух от толкателей шел теперь в направлении кормы. А сами они сидели в направлении движения. Песня представляла собой набор рифмованных слов в определенном ритме, и они работали ногами в такт им.

Пурпурный немного понаблюдал за ними и опять начал разглядывать что-то за бортом.

Немного спустя он буркнул:

— Ага! — и выпрямился.— Мы на правильном курсе. Мы летим параллельно той полосе, которую ты указывал, Лэнт. Если ветер нам позволит, то постараемся лететь точно над ней.

Он снова прошел на корму и растянулся на койке из воздушной ткани.

— Знаешь, Лэнт,— воскликнул он,— если бы у меня не было дел и обязанностей в другом месте, я, может быть, поселился здесь. У вас очень спокойная жизнь.

— О нет, Пурпурный,— возразил я.— Ты не был бы счастлив, живя с нами. Тебе лучше вернуться...

— Не бойся, Лэнт. Именно это я и собираюсь сделать. Но я говорю тебе, что действительно наслаждался жизнью здесь.— Он указал на свое брюшко.— Взгляни, я вроде потерял даже несколько фунтов.

— Лучше бы ты посмотрел на себя сзади,— пробормотал Шуга.

— Т-с-с,— пробормотал я,— нам придется пробыть вместе довольно долго. Постарайся, по крайней мере, сдерживаться.

— Из-за него?

— Тебе не надо было лететь, Шуга.

— Как не надо? Как же я иначе докажу...

— Ты просто не обращай внимания. Если не можешь сказать ничего приятного, то совсем ничего не говори. По крайней мере, пока мы в воздухе.

Шуга заворчал на меня и пошел вперед на нос лодки. Я устало опустился на кучу одежды и припасов. Немного понаблюдал, как сыновья крутят педали. Нелепое это было зрелище — велосипед так высоко в воздухе и совсем без колес, а они с таким упорством нажимают на педали, что я рассмеялся. Ребята посмотрели на меня, но продолжали работать. Скопление воздушных мешков над нами напоминало отдаленную скалу. Они были достаточно большими, чтобы покрыть нас, но недостаточно большими, чтобы подавлять. Ощущение такое, словно находишься под навесом, и в то же время — странная свобода.

Время от времени мальчики отдыхали, и тогда становилось совсем тихо. Это было самой характерной особенностью воздушного корабля. В небе он никогда не трещал и не содрогался. Здесь совсем не было звуков, не считая, возможно, биения моего сердца.

Воздух был холодным, почти кусающим. Пурпурный достал несколько одеял и раздал их. Вилвил и Орбур одели дополнительную одежду. Она была прикреплена к снастям, так что ее можно было одевать при желании. У них были с собой пакеты сухарей и бутылки с водой. Они могли совсем не спускаться в лодку, пока сами того не захотят. Последние лучи красного Солнца окончательно исчезали за горизонтом.

— Они в темноте будут крутить педали? — спросил я у Пурпурного.

— А как же! Все время, пока держится ветер. Кто-то должен продолжать крутить педали. Видишь ли, Лэнт, ветер дует на северо-восток. Если мы будем держать курс на запад, то компенсируем восток и нацелимся точно на север. Но ветер не прекращается, и, следовательно, мы тоже не должны прекращать крутить педали. Единственной альтернативой является приземление, но тогда необходимо выпустить газ из баллонов.

— А ты не хочешь этого делать, верно?

— Верно. Ты знаешь, лодка может плыть и по воде, но я не хотел бы этим воспользоваться. К тому же, даже если мы спустимся на море, ветер все равно будет сносить нас. Поэтому нам придется оставаться в воздухе и крутить педали всю ночь. Выдержать направление мальчики смогут и сами. Пока мы остаемся над этой полоской земли, беспокоиться не о чем.

Песня и поскрипывание педалей производили в темноте жутковатое впечатление. Звуки, приходящие ниоткуда. К счастью, до голубого рассвета было немногим меньше часа — в это время года тьма долго не длится. За ней следовали семнадцать часов голубого дня, час двойного солнечного света и еще семнадцать часов красного дня. И опять темнота. Темнота постепенно будет расти, как и интервал света двух Солнц. Дни одиночных Солнц станут сокращаться, и светила все ближе станут подкрадываться друг к другу на небе,— к неизбежному красному соединению.

Мы летели по погруженному во тьму небу.

Глава 73

Далеко на востоке горизонт озарился голубым сиянием. Позади нас поднимался голубой Оуэлс, чтобы вскоре выпрыгнуть из-за горизонта и залить мир ярким светом. Под нами чернела равнина моря, мрачная и морщинистая.

Вокруг завывал холодный ветер. Я поплотнее завернулся в одеяло. Лодка мягко покачивалась. Раздутые баллоны над головами казались неподвижными. Морское пространство под нами — неподвижным и плоским.

Мои сыновья упорно крутили педали. Я представил, как позади нас остаются потоки взбаламученного воздуха. Их работа сопровождалась ровным звуком, скорее ощутимым, чем слышным,— постоянная вибрация наполняла лодку.

А затем настало утро — пронзительное и голубое. Яркая точка Оуэлса появилась на краю мира. Пока Пурпурный отыскивал полосу земли под водой, Вилвил и Орбур отдыхали. Ориентиром была цепь невысоких холмов, на фоне поднявшейся воды они должны были выделяться более светлой линией.

Сперва Пурпурный решил, что мы сбились с курса, но потом заметил холмы слева от нас. Должно быть, во тьме ветер чуть-чуть стих. Мальчики не знали этого и продолжали крутить педа-

ли, и в результате мы отклонились немного к востоку. К счастью, ветер продолжал дуть на северо-восток, поэтому Пурпурный разрешил ребятам отдохнуть, пока мы опять не окажемся над нашим ориентиром.

Мальчики перебрались в лодку, но не отказались от своих страховочных ремней, пока не оказались в безопасности. Они жадно выпили пузырь пива, передавая его друг другу. А потом растянулись на обтянутых тканью рамах, заменявших на «Ястребе» койки. Через минуту они уже спали.

Я пробрался вперед между пакетов с припасами. Шуга только что улегся и зевал. Он приветствовал меня угрюмым ворчанием.

— Не спишь? — поинтересовался я.

— Конечно, нет, Лэнт. В нашем распоряжении только час темноты. Я наблюдаю за Лунами. Луны,— он раздраженно оскалил зубы,— мне нужны Луны!

— Шуга,— сказал я.— Тебе не нужны Луны...

— Да ну, ты, видимо, хочешь, чтобы я проиграл дуэль?

Я понял, что его не переубедишь.

— Иди на корму,— сказал я.— Иди на корму и поспи немного.

Шуга пошарил у себя в рукаве, но нашел только отсыревший чесоточный шар.

— Проклятие,— пробормотал он.— Они его испортили. Детишки твои испортили мой шар! Я надеялся, что он высохнет, но...

Шуга пожал плечами и швырнул промокшую массу за борт.

— Я собираюсь спать, Лэнт,— буркнул он и поковылял прочь.

Я пробрался на самый нос лодки и выглянул. Вид отсюда не загораживали ни балконы, ни снасти. Я летел над серебристо-голубым морем. Казалось, я плыву в тишине. Спокойствие было подавляющим, оглушающим. Воздух был свежим и в то же время теплым. Голубой Оуэлс уже разогревал воздух.

— Красиво, не правда ли?

Я оглянулся. Сзади ко мне подошел Пурпурный. Он положил руки на перила и разглядывал голубой океан.

— Мне кажется, что все меняется,— сказал он,— изменяется свет Солнца, меняется и цвет воды.

Я кивнул.

Я еще не чувствовал себя расположенным к разговору. Кости все ныли от ночного холода, солнце еще только начинало изгонять его.

— Лэнт,— попросил Пурпурный,— расскажи еще раз о своем путешествии. Я пытаюсь подсчитать, как далеко вы ушли и сколько мне понадобится времени, чтобы преодолеть это расстояние на летающей машине.

Я вздохнул. Мы говорили об этом уже много раз. Именно на основании рассказа о нашем переселении Пурпурный подсчитал количество баллонов и необходимых припасов.

— Мы шли сто пятьдесят дней, Пурпурный. Мы двигались по той цепочке холмов, потому что море очень быстро поднималось.

Он кивнул.

— Хорошо, хорошо,— затем замолчал и углубился в свои мысли, точно производил в голове подсчеты. Немного погодя он снова принес свою измерительную шкуру и снова начал глядеть на Солнце.

— Мы опять уклонились от нашего курса,— сказал он озабоченно.— Лучше разбудить мальчиков.

Вскоре я почувствовал вибрацию от возобновивших свое вращение велосипедов. Я пробрался на корму, чтобы разделить с Пурпурным завтрак,— мое первое принятие пищи на борту воздушного корабля. Шуга громко храпел на своей койке. Пурпурный откусил от кислой дыни, а потом сказал:

— Иногда я удивляюсь, Лэнт, почему вы зовете меня Пурпурным?

— Как? Разве это не твое имя?

Он поднял голову.

— Что ты имеешь в виду? Я знаю, это слово означает мое имя на вашем языке, но когда мое говорящее устройство оказалось уничтоженным, я обнаружил, что это же слово обозначает на вашем языке яркий пурпурный цвет.

— Но ты же сам давным-давно сказал мне, что это твое имя...

— Не говорил я такого. Это не так.

— Как же не так? Но... я подумал, что это твое имя.

— А-а!— протянул он.— Говорящее устройство...

Как будто этим все объяснилось.

— Да, Лэнт, иногда у нас бывают неприятности из-за говорящих устройств.

— Я тоже так подумал,— согласился я,— иногда приходилось сомневаться, правильно ли оно работает. Порой оно говорило очень глупые вещи...

— И что же оно говорило?

— Говорило о пылевых облаках, других Солнцах...

— Я имею в виду мое имя.

— О, оно сказало, что твое имя — как цвет — оттенок пурпурно-серого. Мы подумали, что это очень странно.

Пурпурный казался сконфуженным. Он смахнул остатки дыни с подбородка.

— Как цвет оттенка пурпурно-серого. Не вижу каким образом...

Но тут его глаза вспыхнули. На лице появилось восхищенное выражение.

— Так то же игра слов! Игра слов! Конечно! Конечно! Попался же переводчик, который конструирует двуязычный каламбур. Как цвет оттенка пурпурно-серого. Как розоватый либо лиловый. Нет, как интересно!

Я с недоумением глядел на него.

Пурпурный объяснил:

— Он, должно быть, попытался перевести отдельные слоги моего имени на ваш язык.

— Тогда имя Пурпурный — не настоящее твое имя?

— Нет, конечно, нет. Это просто плохой перевод. Мое же настоящее имя...

Он произнес свое имя на демонском языке. Я почувствовал, как холодный озноб прошел у меня по позвоночнику. Ничего удивительного, что первое проклятие Шуги не получилось,— он использовал неправильное имя!

Храпение Шуги позади нас прекратилось. Он лежал на спине, вместо глаз узенькие щелочки.

Интересно, слышал ли он наш разговор?

Глава 74

Ветер прекратился совершенно. Пурпурный дал сигнал Вилвилу и Орбуру отдохнуть, пока он снова не замерит в этот раз точное положение Солнц.

— Это очень трудно,— признался он,— здесь нет Полярной звезды, и даже магнитый компас мало помогает. Я должен, в основном, полагаться на Солнца, чтобы узнать где мы находимся.

Ребята снова перебрались в лодку, жадно глотали пиво и жевали сухари.

— Отдохните,— говорил им Пурпурный,— раз мы попали в штиль, то нечего беспокоиться, что мы отклонимся от курса.

Мальчишки прилегли вздремнуть. Шуга оставался на носу лодки, решив помолиться Макс-Вотцу и попытаться выпросить у него ветер.

А Пурпурный полез на снасти, чтобы проверить свои баллоны. Я тоже прошел на нос. Путешествие начинало становиться скучным. Делать здесь было совершенно нечего, только сидеть и смотреть вокруг и вниз. Шуга покончил со своей молитвой и опустился на скамью. Он принялся распаковывать свое волшебное оборудование.

— Вонючие подонки,— поминал он своих подмастерьев.— Забыли положить мою флейту.

— Ты должен радоваться, что у тебя вообще есть подмастерья,— сказал я.— С недавних пор мало кого на это тянет. Большая часть молодежи деревни желает стать либо ткачами, либо производителями электричества. Немногие стремятся следовать старым обычаям.

— Хм! — фыркнул Шуга. Он поглядел на меня,— и что они будут делать теперь, когда воздушная лодка закончена, а? Спроса на воздушную ткань больше нет, генераторы крутить ни к чему. Вот и получается, что работы у них тоже нет.

— Ну, не знаю,— ответил я.— Недавно я слышал, как Леста и Гортин обсуждали возможность постройки еще одной летающей машины. Больше этой. Чтобы доставлять из деревни товары на материк и обратно.

— Это вполне вероятно,— пробурчал Шуга.— Но у меня пока что есть дураки-помощники. И они забыли положить в мой мешок саранчу и мои трубы...

— Значит, ты плохо учил их,— сказал я.— Со своими у меня неприятностей не было.

— Хм, не так это легко, как ты думаешь, Лэнт, научить стать волшебником. Как вспомню свою учебу... И он замолчал.

— В чем дело?— спросил я.

— Лэнт, ты прав. Я мало их бил.

— Не понимаю.

— Конечно. Учить волшебника это совсем не то, что учить резчика или ткача. Ученика надо бить три раза в день, чтобы он не стал самодовольным. Затем ты должен бить его еще три раза, чтобы он захотел слушать, и еще три раза, чтобы внушить к себе страх,— пусть они будут недовольны своей жизнью, пусть даже восстанут разок против тебя.

— Что-то слишком много битья,— заметил я.

Шуга кивнул.

— Это необходимо. Вечное величие волшебника прямо пропорционально количеству побоев, которые он перенес.

— Твои годы учебы, должно быть, были ужасными...

— Так и было. Мне повезло остаться в живых. Старик Алгер не шел отдыхать, пока не выбивал из меня все недовольство. Мы смастерили на него около сотни различных волшебных ловушек, и ни одна не сработала — он все их разгадал.

— Ты хочешь сказать, что ученик волшебника должен стараться убить своего учителя?

Шуга кивнул.

— Конечно. А как же ты узнаешь, что ты лучше, чем он. Это необходимо, ученики всегда стараются так поступить. Потому что это самый короткий путь к величию. И это проще, чем ждать нормального посвящения.

— Но, Шуга,— забормотал я.— Значит, твои ученики тоже постараются убить тебя.

— Конечно. И я этого жду. Но я умнее и искуснее, чем любой из них, чем оба вместе взятые. Насчет их я не беспокоюсь. Они до сих пор даже не выучили, как проклясть родных. Каждый раз, когда покушение у них срывается, я их сурово наказываю. Таким образом, они получают очередную порцию вдохновения. И в следующий раз все стараются сделать лучше. А значит, учатся планировать более тщательно. Но, конечно, у них опять не получается. Они очень стараются, и вот такое состязание приносит много радости волшебнику. Кто кого перехитрит.

Я покачал головой. Я много не мог понять в жизни, в том числе и этого.

Я пошел на корму немного вздремнуть. Лодка, подвешенная на раздувающихся баллонах, мягко покачивалась, и через мгновение все заботы волшебников уплыли прочь.

Глава 75

Мы провели час темноты в дрейфе, собравшись все пятеро на дне лодки. Вести наблюдение смысла не было — почти ничего не было видно, кроме черной воды. Немного погодя Пурпурный поднялся и завернулся в одеяло. Мы слышали, как он бродит взад-вперед по корме, ощущали сквозь тонкие доски палубы его шаги.

— Он беспокоен и нетерпелив,— прошептал Орбур.

— Будем надеяться, что ветер повременит немного,— сказал Вилвил.— Слишком холодно, чтобы влезать и крутить педали.

Я высунулся из-под одеяла. Пурпурный глядел вверх, на баллоны. Они были пугающе высвечены и ярко сверкали в темноте. Пурпурный что-то бормотал об утечке водорода. Орбур и Вилвил переглянулись.

— Он не хочет приземляться,— сказал один.

— Придется,— ответил другой.— Если надо будет подкачать баллоны. Но без этого не обойтись.

Я содрогнулся. Под нами слышался плеск волн, случайные всплески и стоны пещерной рыбы. «Лучше бы нам совсем не приземляться,— подумал я.— Хотя если водород утекает, то выбора тут не осталось».

Я тосковал по огню, благословенному теплу. Но Пурпурный ничего такого не позволит — ни пламени, ни делающего искры устройства любого вида. Ничего, что могло бы угрожать неистово взрывающемуся водороду. Если бы мы не прихватили с собой солидный запас пива, то были бы теперь вдвойне более несчастными и вдвойне промерзшими. Мы с Шугой то и дело передавали друг другу кувшин. А когда немного погодя появилось Солнце, то мы уже вообще ни о чем не тревожились.

Пурпурный вновь высмотрел наш ориентир. Вилвил и Орбур забрались на велосипеды. Они развернули «Ястреб» в нужном направлении и начали крутить педали. Пурпурный вернулся на свое место на носу лодки и захрапел, как пробудившаяся гора.

Шуга опять погрузился в угрюмость. Несколько раз во время темного периода он высовывался из-под одеяла, но Лун все еще не было видно. В первое темное ненастное время небо затянул туман. Во второй раз было ясно, но Луны не показывались.

Шуга был раздражен и растерян: это был знак Гафьи — знак того, что все боги отказываются слушать. Но Шуга был непреклонен. Он забрался на снасти, на небольшую платформу, которую Пурпурный назвал «воронье гнездо», и мрачно сидел там.

Позже, когда Пурпурный проснулся, то поинтересовался, отчего это Шуга такой хмурый. Я рассказал, что это все из-за Лун. Шуге нужны Луны, но он не может их увидеть. Я, правда, не стал объяснять, для чего именно нужны Луны.

Пурпурный окликнул:

— Шуга, спускайся, я тебе объясню насчет Лун.

— Ты? — фыркнул он.— Ты мне объяснишь насчет Лун?!

— Но могу же я тебе о них рассказать,— настаивал Пурпурный.

— Послушать не вредно,— согласился я.

— Хм,— ответил Шуга,— ты что в этом понимаешь?

Но все же спустился.

Пурпурный снова достал шкуру животного и начал рисовать на ней линии.

— Прежде чем опуститься на летающем яйце к вам, вниз, я изучал пути ваших Лун. Скорее всего, что они — осколки одной большой Луны, но остались вместе на орбите. По крайней мере, сейчас они все вместе. И полагаю, бывают периоды, когда они отстоят далеко друг от друга.

Шуга кивнул. Все было правильно.

— Они часто меняют свою конфигурацию,— сказал он,— они проходят раз за разом ряд близких конфигураций, меняющихся с потерей каждой Луны.

— Ага,— произнес Пурпурный.— Конечно, они влияют друг на друга. Одни отстают, другие выхватываются из потока обломков, которые следуют за ними на вашей весьма своеобразной орбите.

Я перестал слушать и побрел на нос корабля. Я не волшебник, и этот разговор мне быстро наскучил. Позднее я заметил, Шуга брал волшебную карту Пурпурного и с интересом ее разглядывал. В глазах его сверкал яростный блеск, и он бормотал что-то угрожающее.

Глава 76

Третий голубой рассвет застал нас всего в нескольких человеческих ростах над водой. Огромные волны проносились под нами, вода вздымалась и опадала в постоянном беспокойном движении. Взбираясь на свои велосипеды, Вилвил и Орбур ворчали из-за отсутствия высоты.

— Ветер эффективнее толкает нас, когда мы выше,— ворчал Орбур.

Пурпурный задумчиво кивал. Он посматривал на баллоны. Я же беспокойно косился вниз. Поверхность воды была пенистой и черной. Я видел волны, ощущал запах влаги в воздухе. Мы уже два дня упорно продвигались на север, подгоняемые иногда ветром, иногда воздухотолкателями. Если машина опускалась слишком низко, Пурпурный высыпал песок из балластных мешков, и мы снова поднимались. Но теперь оставался только один мешок с песком, и Пурпурный начинал беспокоиться. Он регулярно осматривал баллоны, начиная еще с первой ночи. Ему приходилось периодически взбираться на снасти и щупать их, затем он опускался, цокая языком и качая головой. Сейчас воздушные мешки опали, мы это видели, даже не поднимаясь на снасти.

Пурпурный провел все утро, склонившись над перилами и пытаясь оценить расстояние до воды под нами. Я и сам проводил

долгие часы, склонившись над перилами, но что толку было в созерцании воды? Постоянная смена высоты начала меня нервировать — как и постоянные неритмические колыхания лодки и тревожные раскачивая, когда кто-то менял положение.

Размышления Пурпурного натолкнули его на идею, как замерить нашу высоту. Он должен уронить какой-нибудь предмет и засечь время, за которое тот упадет. Это можно делать даже в темноте, если внимательно прислушиваться к всплескам.

Поэтому после самых последних расчетов, основанных на падении кислой дыни, Пурпурный объявил, что мы очень быстро теряем газ и должны подкачать баллоны как можно скорее. Затем он снова взобрался на снасти, а Вилвил и Орбур оседлали велосипеды. К счастью, добавил Пурпурный, после посадки пропеллеры будут уравновешивать нас и направлять в нужную сторону.

Он начал развязывать шейку одного из баллонов. Теперь Пурпурный висел на веревках над нами — пухленький, на фоне обмякших мешков, и продолжал отдавать распоряжения.

— Лэнт, Шуга, подтяните вон ту веревку! Я должен отвести баллоны в сторону. Вилвил, замедляй ход! Орбур, крути назад! Вот так! Держите курс!

Он осторожно манипулировал похожей на шланг шейкой мешка, понемногу стравливая газ. Мы начали спускаться. Пурпурный выпустил еще немного газа, завязал шейку баллона, вскарабкался на снасти к другому мешку. Мы продолжали спускаться.

— На какой мы высоте? — спросил Пурпурный.

Я выглянул за борт. До воды осталось меньше одного человеческого роста. Пропеллеры уже задевали за гребни волн, погружаясь и выныривая, оставляя за собой пенный след.

— Лэнт, проверь, чтобы руль лодки стоял прямо,— закричал Пурпурный.

Я, шатаясь, прошел на корму, где был смонтирован руль. Он тоже был изготовлен из уплотненной воздушной ткани, натянутой на раму. Я поставил его прямо и обвязал веревкой, чтобы зафиксировать в таком положении.

— На какой мы высоте?

Я снова выглянул. Мы все еще находились на высоте человеческого роста от воды. Почему-то снижение прекратилось.

Пурпурный выпустил еще немного газа. Мы снижались, снижались и... плюх! Шлепнулись в воду. Немного погрузились, всплыли и пошли вверх-вниз, скакать по верхушкам волн.

Вилвил и Орбур по-прежнему крутили педали. Удивительное дело, воздухотолкатели продолжали взбивать позади нас пену, и мы устойчиво двигались вперед. Воздухотолкатели работали и в воде! Ну и чудесным же устройством они оказались!

Пурпурный сбросил узкие рукава воздушных мешков так, чтобы они свисали в лодку. Господи, шестнадцать длинных шлангов. Я посмотрел вверх и подумал о брюшке молочного животного. Пурпурный освободил деревянную раму, которую для него смастерил Пэри Плотник. В ней был сделан паз для батареи. Два мед-

ных провода выходили через отдельные прорези. Один из них скрывался в глиняной воронке. Пурпурный подсоединил к ней первый шланг. Затем подвесил все сооружение за бортом так, чтобы провода и труба погрузились в воду. Отрегулировал свою батарею, и от кислородного провода донеслось знакомое яростное бульканье. Мы не могли видеть пузырей от другого провода — он находился внутри воронки. Но мы увидели, как мягко разбухла шейка мешка. И знали, что по ней устремился газ.

И тут же раздался вопль Орбура:

— Эй! Эй! Мы снова поднимаемся!

Так и есть, мы поднимались. Раздражающее покачивание лодки на волнах прекратилось. Мы находились в воздухе. Перегнувшись, я видел, как по поверхности воды скользнула наша тень. Теперь только пропеллеры задевали волны. Но вскоре и они оказались над водой.

— Проклятье! — сказал Пурпурный. — Об этом я как-то не подумал!

Ветер гнал нас вперед.

— Что нам теперь делать? — спросил я.

Пурпурный отключил батарею.

— Подождем.

— Но в баллонах едва хватает газу, чтобы держать нас на весу. Мы шлепнемся на воду через пять минут.

— Я знаю, Лэнт. Именно на это я и рассчитываю.

Он начал оглядываться вокруг. Сдвинул в сторону зарядную раму, начал перекладывать с места на место запасы на дне лодки, развязывая упаковки из воздушной ткани.

— Найдите мне ведро, — потребовал он.

Ведро находилось на носу лодки. Мы использовали его для умывания, и сейчас оно было пустым. Мы подождали, пока Шуга сходил за ведром.

Вскоре мы опять начали цепляться за верхушки волн. Пурпурный перегнулся через перила с ведром, вытащил его наполовину наполненное и вылил в лодку. Потом снова перегнулся за борт. Когда в лодке оказалось десять ведер воды, мы снова запрыгали по волнам. Следующие десять, и мы погрузились еще больше. Еще десять — и мы уверенно поплыли, раскачиваясь вверх-вниз, вверх-вниз.

— Нам нужен балласт, — заявил Пурпурный. — А здесь больше ничего нет, что можно использовать.

Он посмотрел за борт, прикидывая, на сколько лодка погрузилась в воду. Потом налил в нее еще пятнадцать ведер, прежде чем удовлетворился результатом. В самом глубоком месте в лодке вода стояла нам по колено.

Пурпурный снова взялся за батарею и начал прилаживать зарядное устройство за бортом.

— Э, что я делаю? С тем же успехом сойдет и эта вода...

Он сел на скамью и опустил устройство перед собой. Пошли

пузыри. Пурпурный засиял от удовольствия. Мы были в восторге. По сторонам плескался беспокойный океан. Если делающая газ магия перестанет работать, то мы окажемся здесь в ловушке — крошечный кораблик, отдаленный от берегов и отданный на волю волн, который несло по равнодушному миру.

Испытывает ли Пурпурный чувство тревоги или нет, я не знал. По-видимому, он был полностью уверен в силе своей батареи и работал спокойно. За семь часов он подкачал все шестнадцать баллонов. Теперь они висели над нашей головой плотные и раздутые. Несколько раз мы доливали в лодку воду, чтобы скомпенсировать их растущую подъемную силу. В ней сейчас было больше сотни ведер воды. Наконец, Пурпурный завязал шейку последнего баллона и начал отсоединять от батареи провода. При этом он задумчиво поцокал языком.

— Гм-м, мы использовали больше энергии, чем я планировал. Нам придется впредь быть более экономными.

Он отложил устройство в сторону и принялся собирать пустые балластные мешки.

— Наполните их водой,— сказал он,— мы используем их вместо песка в качестве балласта.

Пока мы с Шугой делали это, он принялся выливать воду из лодки. После пятнадцатого ведра лодка стала сильно раскачиваться на волнах. Еще несколько ведер, и мы зашлепали по их верхушкам. Волны разбивались о днище. Еще несколько минут — и мы надежно летели, а вода безопасно виднелась под нами.

— Мы уже в воздухе? — спросил Пурпурный у Вилвила. Тот кивнул в ответ.

— На половине человеческого роста.

Он и Орбур опять сидели на своих велосипедах, ровно крутя педали и заставляя воздухотолкатели выдерживать заданный курс. Пурпурный выплеснул последнее ведро и выпрямился.

— Хочешь я буду вычерпывать? — предложил я.

Он покачал головой.

— Больше не надо, Лэнт.— И отложил ведро в сторону.

Пока я недоуменно почесывал голову, он повернулся к инструментальному ящику «Ястреба», вытащил оттуда дрель и просверлил несколько дырок в днище корпуса. Это заняло несколько минут. Затем он выпрямился, горделивый и промокший. Почти тут же Орбур воскликнул:

— Мы снова поднимаемся!

Действительно, мы поднимались. Океан отдалялся со все возрастающей скоростью. Вода выливалась из отверстий, и постепенно ее в лодке становилось все меньше и меньше. Я возбужденно перегнулся через перила.

— Смотри, вода работает так же, как и балласт из песка,— сообщил я,— когда ты его выбрасываешь, лодка поднимается.

— Конечно, болван! — бросил Шуга.— Это же часть балластного заклинания.

— Это вес, Лэнт,— вмешался Пурпурный.— Ему безразлично,

из чего состоит твой балласт. Уменьшение веса заставляет лодку подниматься.

— Хорошо придумано,— похвалил Шуга.— Балласт удаляется сам собой. Никаких толчков, никакой качки.

— Спасибо,— просиял Пурпурный. Это был первый комплимент, который он когда-либо слышал от Шуги. Затем он проверил наш курс. Ветер дул почти точно на север, поэтому ребята могли отдыхать или подталкивать лодку в том же направлении, как им захочется.

Они выбрали отдых и растянулись на поплавках.

Пурпурный как мог выжал одежду и снова полез на снасти. Он закрепил рукава воздушных мешков, которые все еще свисали вниз. К этому времени из лодки вытекла вся вода, он спустился вниз и заткнул пробкой дыру в лодке.

Опять море поблескивало далеко под нами. Казалось, мы находимся еще выше, чем раньше. Когда мы сбросили за борт кислую дыню, она превратилась во все уменьшающееся пятнышко и исчезла без всплеска.

Глава 77

Мы провели наверху остаток этого дня и большую часть следующего, прежде чем нам пришлось снова выбрасывать балласт. Пурпурный всегда ожидал, прежде чем мы опустимся ниже определенного уровня, и только потом что-нибудь выкидывал. Иначе, говорил он, мы только напрасно теряем груз.

— Надо стараться держаться наверху как можно дольше,— объяснил Пурпурный.

Мы стояли на носу лодки, глядя вперед и вниз, на зеркальную воду. Все вокруг было голубым и красным в сказочном великолепии двойного Солнца. Наверху массивные облака закрывали половину неба. Многоцветные солнечные лучи раскрашивали их яркими красками. Пурпурный поглядывал на них с некоторым беспокойством.

— Надеюсь, погода не изменится,— пробормотал он.

Голубое Солнце помедлило над горизонтом и исчезло, оставив мир, погруженный в розовый цвет. Тишина наверху была абсолютной. Только еле слышно поскрипывали передачи велосипедов, да бормотал на носу лодки Шуга, пытаясь своими заклинаниями изменить направление ветра. Он снова дул на северо-восток, и мальчики педалями выправляли направление движения на север.

— Как ты думаешь, сколько времени продлится путешествие?— спросил я.

Пурпурный пожал плечами.

— Я прикинул, что мы проходим по пятнадцать, может быть, двадцать миль в час в нужном направлении. Если бы ветер все время дул на север, мы проделали бы все пятнадцать сотен миль за три дня. Но, к несчастью, Лэнт, ветры над океаном дуют боль-

шей частью беспорядочно. Мы летим уже три с половиной дня, но все еще не видно никакой земли.

— Мы потеряли почти целый день на штиль,— возразил я.— И это нам только помешало.

— Верно,— согласился он,— но я надеялся...

Он вздохнул и сел на скамью. Я сел напротив него.

— Но я не понимаю, почему ты ведешь себя так нетерпеливо. Твой испытательный полет занял почти столько же времени.

— Да, но нас занесло очень далеко. Ветер тогда дул на запад, и нас уволокло за горы. Все три дня мы потратили только на то, чтобы добраться назад.

— Вы боролись с ветром?

— Нет. К тому времени он утих. Но нам пришлось выяснять, каким образом лучше управлять лодкой в воздухе, и еще нам надо было доказать Шуге, что его паруса бесполезны. Потребовалось почти целый день на то, чтобы испытать их, но Шугу все равно не удалось убедить. Он заставлял нас возиться с парусами снова и снова. Он продолжал настаивать, что воздухотолкателям необходимо что-то, от чего можно отталкиваться. И все же паруса были подняты,— продолжал Пурпурный,— нас сносило ветром все дальше и дальше, потому что бороться с ним было бесполезно. Шуга не позволил снимать паруса, и возникла угроза того, что нам вообще не удастся вернуться домой. Пока мы урезонивали его, прошло много времени.

— Но ведь не все же это время вы были над островом, правда?

— Нет, конечно. Как раз когда мы начали крутить педали домой, мы находились вблизи материка. Там на пляже собралась очень возбужденная толпа, но мы не стали приближаться.

— Хорошо, что не стали. Они могли закидать вас камнями, если не хуже...

Я начал пересказывать ему то, что говорил мне Гортин о жителях материка. Но мои слова перебил отдаленный кашель Элкина. При этом звуке Пурпурный вздрогнул. Глаза его расширились.

— Гром! — воскликнул он.

— Гром,— согласился я.— И что с того?

— Гром означает дождь, молнию, Лэнт.

Он вглядывался вперед, подставляя руку к глазам. Его глаза лихорадочно шарили по небу и облакам цвета крови. Он не увидел того, что искал, нервно отступил назад, глядя на воду. Потом решил для лучшего обзора взобраться на снасти. Тут раздался другой грр-у-у-мп! На этот раз заметно ближе. Пурпурный не стал ждать третьего кашля Элкина, а мигом взлетел на самый верх и принялся развязывать рукава воздушных мешков.

— Ты что? — закричали мы с Шугой.

— Буря,— прокричал он в ответ.— Забирайтесь сюда и помогите мне. Вилвил, Орбур — вы тоже.

Мои сыновья тут же покинули поплавки и начали взбираться наверх.

— Не понимаю,— недоуменно пробормотал я,— где тут опасность?

— Молния!— прокричал Орбур.

Он был уже на снастях.

— Ты хочешь сказать, что молния ударяет в воздушные мешки тоже?

— Особенно в воздушные лодки! Вспомни, что случилось с домашним деревом Пурпурного. Мы должны спуститься и выпустить весь водород из воздушных мешков. Малейшая искра — и мы взорвемся.

Ему не надо было растолковывать дальше. Я полез вслед за Вилвилом по веревкам. Шуга — за мной. Лодка угрожающе накренилась.

Пурпурный уже развязал три мешка и трудился над четвертым. Сверкала вспышка света, раздался еще один оглушительный хлопок. Все произошло как раз под нами. Мы двигались прямиком в самый шторм. Пурпурный злобно бормотал:

— Проклятый мешок... я должен был предусмотреть аварийный выпуск газа. Орбур, слишком медленно... нам никогда не выпустить весь газ через рукава. Эй, кто-нибудь, лезьте сюда с ножом.

— Надо продырявить баллоны и спустить газ... Потом мы их залатаем...

— Нет, не сейчас,— завопил я.— Если ты прорежешь дырки сейчас, мы упадем в воду.

— Не сейчас,— закричал Пурпурный.— Когда мы опустимся на воду. Мы не можем рисковать, дырявя баллоны в воздухе, они могут лопнуть...

Он развязал следующий рукав. Уже шесть шлангов свободно болтались, бурно отдавая драгоценный водород. Еще одна вспышка резко высветила контуры нашего судна. Звук подстегнул нас, заставив действовать еще быстрее. Черная вода внизу неслась к нам с пугающей быстротой.

— Завязывай баллоны,— закричал Пурпурный.— Нужно замедлить наш спуск!

Орбур рискованно раскачивался на снастях. Вилвил с ним рядом. Шуга цеплялся за ограждения «вороньего гнезда». Мы с Пурпурным тоже цеплялись за снасти. И все отчаянно ловили раскачивающиеся рукава...

Ветер выл и свистел. Я подтянул к себе шланг из воздушной ткани и обернул его вокруг тела. Раскачиваясь на снастях, я пытался поймать следующий рукав.

— Не надо,— закричал Пурпурный,— подожди!

Случайный момент спокойствия, сквозь которое мы падали, через разгневанное небо. Но все еще слишком быстро, кажется, мы вообще не затормозились. Новый удар грома совсем близко от нас, вспышка ослепительной яркости...

Пурпурный был мрачен и суров. Он глядел на приближающуюся воду без всяких эмоций. Уж не ошибся ли он? Не слишком

ли сильно мы ударимся о воду? Образ раскалывающейся воздушной лодки заполнил мое воображение... И зачем я только отправился в это рискованное путешествие?

— Балласт! — закричал Пурпурный и сиганул со снастей. На мгновение я подумал, что он сорвался, но при следующей вспышке я увидел его, волокущего к борту балластный мешок. Вилвил тоже был уже там и как раз опорожнял свой.

— Я помогу,— завопил я. Но Пурпурный закричал:

— Оставайся на месте, Лэнт! Так будет безопаснее. Завязывай баллоны. Не спускай больше газа, пока я не скажу.

Он неистово заметался по лодке, ища, что можно еще выбросить из лодки.

— Что это? — спросил он.

— Это мои паруса,— завопил Шуга со снастей.

— Отлично! — Пурпурный приподнял их и перевалил за борт. Шуга наверху разразился проклятием, но его заглушил грохот разбушевавшейся стихии.

За парусами последовали запасные балластные мешки, а также запасы пищи и воды. Вилвил уже вылил весь балласт и теперь торопливо помогал Пурпурному.

Мы все еще падали. Болезненное ощущение в глубине желудка подсказывало, что мы на волосок от смерти. Пурпурный приказал мне освободить рукав воздушного мешка, но не развязывать его. Что он задумал? Пурпурный подхватил его, как только тот упал, прицепил к своему зарядному устройству. Между его ногами был зажат балластный мешок, он погрузил устройство в воду. Я заметил, что он перевел батарею на максимальную скорость отдачи энергии. Сильная струя газа устремилась вверх по рукаву. Мешок резко раздулся. Пурпурный махнул Вилвилу.

— Поднимайся на снасти, там будет безопаснее!

Я видел длинные полосы пены под нами. Мы падали уже немного медленнее... море казалось черной стеной. Я уже мог различить отдельные волны... Кр-а-а-к! Лодка упала с силой, расплескав воду во все стороны. На одно мгновение все веревки провисли. Затем они вновь натянулись, когда баллоны устремились в небо.

Позади меня раздался вопль... Шуга! Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Орбур свалился в воду. Но он почти сразу же вынырнул на поверхность и поплыл к поплавку. Вилвил начал спускаться со снастей, чтобы посмотреть, все ли в порядке с Пурпурным, но волшебник закричал:

— Баллоны, баллоны! Выпускайте весь оставшийся газ!

— Тогда тебе лучше отключиться,— заметил Пурпурному Вилвил.

Пурпурный вздрогнул и увидел свою батарею в луже воды. Лужа кипела. Он завопил и прыгнул к батарее.

Лодка закачалась, когда в нее взобрался Орбур. Он сразу же полез на снасти и тут же остановился.

— Подождите! — закричал он.— Не выпускайте газ!

— Как?— завопил Пурпурный.— Ты что...

Я тоже остановился. Послышался отдаленный грохот грома. Он слышался далеко позади нас.

— Шторм кончился,— сказал Орбур,— мы прошли сквозь него.

— Мы упали сквозь него,— уточнил Шуга. Он начал спускаться. «Воронье гнездо», за которое он держался, было перекошено и помято.

Глава 78

Набегавшая волна поднимала и опускала нас. Лодка держалась на воде, накренившись. Один из поплавков наполовину оторвался. Предстояло прикрепить его снова, прежде чем мы рискнем еще раз подняться. Этим как раз сейчас и занимались мои сыновья.

Баллоны, сейчас почти полностью пустые, висели над нами. В них едва хватало газа, чтобы поддержать собственный вес.

Мы провели на воде уже половину дня. Красное Солнце спускалось на западе. День уже начал темнеть. Пурпурный мрачно сидел на корме лодки со своей батареей и зарядной рамой. Шуга нехотя вычерпывал воду из лодки. По-видимому, в ней где-то образовалась пробоина.

Я, спотыкаясь и пошатываясь, пробрался на корму.

— Насколько скверно наше положение, Пурпурный?

Он покачал головой.

— Неважное. Я потратил ужасно много энергии, пытаясь подкачать баллоны.

— Но тебе пришлось... у тебя не было выбора...

— Я не должен был так паниковать. Я так испугался, что в нас может ударить молния, что начал выпускать газ слишком быстро. А потом пришлось израсходовать слишком много энергии, пытаясь это возместить. Я не думаю, что вел себя наилучшим образом. Появился пар, и я уверен, что какое-то количество кислорода смешалось с водородом.

Он посмотрел вверх, на обвисшие мешки.

— Боюсь, что это конец нашего путешествия, Лэнт.

Я огляделся. К счастью, Шуга и мальчики не слышали его слов. Или не подали вида, что слышали такую ужасную речь.

— У тебя совсем нет энергии?

— Есть немного, но я не уверен, что ее хватит, чтобы снова наполнить баллоны.

— Это можно узнать только одним способом...

Пурпурный кивнул.

— Да, конечно, мы должны попытаться это сделать, правда придется сохранить немного энергии, чтобы вызвать мое летающее гнездо. Но я не уверен, что у меня хватит энергии и на то и на другое.

Он задумчиво поскреб волосы на подбородке.

Я подумал:

«А почему бы еще раз не использовать балластное заклинание. Выбросить что-нибудь».

При этих словах он начал было отрицательно качать головой, но затем...

— Подожди, ты прав, мы можем значительно облегчить нашу лодку. Как мне кажется, мы недалеко от земли.

Он встал и начал осматриваться, прикидывая, что бы выбросить за борт. Вытащил узел...

— Что это?

— Запасные мешки. Орбур нашел их плавающими на воде.

— Ага!

Он вывалил их обратно за борт.

— Сожалею, Лэнт,— сказал он, глядя на мое растерянное выражение.— Но сейчас у нас такое же положение, как и тогда, когда мы падали. Или мы — или они. Так, что... что там?

— Пузыри с пивом, водой, кислые дыни, копченая пища... Пурпурный, что ты делаешь?

— Выбрасываю все это за борт, Лэнт. Мы набрали продовольствия на три-четыре недели. Нам это никогда не понадобится. Я оставлю запас на два дня.

Он принялся выталкивать пакеты за борт.

— Только не его! — закричал я, но было уже поздно, кувшины с пивом исчезли за бортом.

Мы двигались вдоль лодки, выкидывая разнообразные предметы, без которых, как мы считали, можем обойтись. Море колотилось вокруг нас, раскачивало лодку, унося прочь наши сокровища. Нашу пищу. За пищей последовали одеяла — все, кроме трех, насчет которых Пурпурный согласился, что они могут понадобиться. Он поднял изогнутый инструмент.

— Орбур, мы обойдемся без него? — Орбур кивнул.

— Хорошо,— сказал Пурпурный. Инструмент шлепнулся за борт, а он двинулся дальше.

— А это что за хлам?

— Нет! — завопил Шуга.— Не трогай! Это мое оборудование для заклинаний.

— Ради бога, Шуга, что важнее, твоя жизнь или твои заклинания?

— Без моих заклинаний для меня не будет жизни,— резко ответил волшебник.

На мгновение мне показалось, что Пурпурный не задумываясь выбросит за борт и Шугу. Но вместо этого он швырнул мешок ему назад.

— Ладно, может быть, для тебя это так же важно, как для меня моя батарея. Он достаточно легок, так что не имеет значения. Держи его.

Шуга поднял мешок и начал заботливо проверять сохранность содержимого.

Пурпурный прошел вперед и начал опустошать маленькую камеру на носу лодки, затем в лодку перебрался Вилвил.

— Поплавок закрепили,— доложил он.

— Хорошо,— ответил Пурпурный, выволакивая груду предметов.

Он начал бросать инструменты за борт. Разделавшись с ними, он выпрямился и сказал:

— Думаю, теперь мы готовы к подъему. Орбур, тащи сюда рукав от первого баллона, а я пока подготовлю источник газа.

Орбур кивнул и начал взбираться на снасти — точнее, попытался это сделать, но все, чего он добился, так это стянул баллон вниз, где мы смогли до него дотянуться.

— Хм,— проворчал Пурпурный,— уж слишком он мягок, верно?

Он подсоединил рукав к воронке, включил батарею и опустил зарядное устройство в воду.

— Я собираюсь накачивать газ очень внимательно,— сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Пока он работал, остальные решили наполнить балластные мешки.

— Они нам не понадобятся,— сказал Пурпурный, когда увидел, чем мы занялись.— Мы поднимаемся без балласта.

— Да, но вода в лодке нам понадобится, чтобы ты мог заряжать мешки водородом.

— Конечно, ты прав, я забыл...— и Пурпурный отвернулся к источнику.

Когда были наполнены два баллона, Вилвил и Орбур снова забрались на велосипеды. Лодка двинулась, подскакивая на океанских волнах. На пятом баллоне качка прекратилась. Теперь вода только плескалась в днище.

Мы с Шугой переглянулись.

— Нам надо добавить воды в лодку,— сказал он и потянулся за ведром.

Я немного помог ему. А потом меня осенило.

— Зачем мы выбрали такой трудоемкий способ,— сказал я.— Надо только вытащить пробку, и пусть вода затечет сама.

Я говорил и в то же время вытаскивал ее. С кормы послышался вопль.

— Нет!— кричал Пурпурный, но уже было поздно. Вода брызнула мне в лицо.

— Останови ее!— голосил Пурпурный.— Останови воду!

— Зачем?

— Делай, что сказано! Не спрашивай, делай!

Он кинул зарядное устройство и зашлепал ко мне, но поскользнулся и упал.

— Останови ее, Лэнт!

— Но...

Вода быстро наполняла лодку, я начал понимать.

— Но я не могу. Я выпустил пробку, когда меня ударила вода.

Мы все опустились на четвереньки, разыскивая ее, во все поднимающейся воде. Она была холодной и вливалась в лодку довольно энергично — фонтаном отмечая место дыры. Мы неуклюже копошились в холодной воде. И тут вдруг я нащупал — маленькое и твердое. Пробка! Я попытался загнать ее назад в отверстие, но вода доходила уже до бедер. Я опустился на колени, но пришлось вытягивать шею, чтобы колени находились под водой, и через несколько секунд уже и это не получалось. Дрожа, я сделал глубокий вдох и нырнул. Я навалился на пробку, но не мог втолкнуть ее как следует. Вода продолжала поступать слишком быстро. Поверх моих рук появилась пара других — Шугиных. Он пытался помочь мне. Но ничего не выходило. Даже вдвоем мы не могли надавить достаточно сильно. Я вынырнул на поверхность вдохнуть воздух. Вилвил и Орбур кричали на меня с поплавков. Они были в воде уже почти по шею, но все еще неистово крутили педалями. Пурпурный яростно вычерпывал воду.

А затем вода неожиданно перестала прибывать. Теперь она стояла нам по грудь, а пологие волны перехлестывали через борт. Мы перестали тонуть. Воздушные мешки смогли удерживать лодку на высоте нескольких ладоней от окончательного погружения. Мы стояли по грудь в холодной воде и пялились друг на друга.

Я сказал:

— Пурпурный, не топчись так в воде. Сделай же что-нибудь.

Пурпурный, Шуга, Вилвил и Орбур уставились на меня. Мешки висели над нами, а вокруг бурлило беспокойное море. Красное солнце начало спускаться за горизонт. Дневного света остается, очевидно, часа на полтора.

Ладно, раз они ничего не собираются делать...

Я побрел в центр лодки и нырнул. Я вынырнул с балластным мешком, подтащил его к борту... и не мог поднять, не погрузившись в воду... развязал мешок и вылил балласт за борт. Нырнул, нашел второй мешок и снова опорожнил его.

Пурпурный начал смеяться.

Шуга понял, что я собираюсь делать, и начал помогать мне, ныряя и шаря по дну лодки руками.

Выбрасывание балласта нашему плачевному положению не помогло. Борта лодки продолжали оставаться на том же месте. Пурпурный, цепляясь за снасти, сдавленно смеялся над нашими усилиями. Это казалось особенно грубым поступком. Наконец он обрел голос и сказал:

— Прекратите! Пожалуйста, прекратите! Вы только переливаете из воды воду.

— Но это — балласт, — сказал Шуга.

— Но это также и вода. Она прибывает с той же скоростью, с какой вы ее выливаете.

Он подплыл к нам.

— Сперва поставьте на место пробку, а уж потом вычерпывайте!

Я посмотрел на зажатую в руке пробку и пожал плечами. По-

чему бы и нет... Я нырнул и поискал дырку. На этот раз встречный поток не мешал мне, и пробка легко вошла в отверстие.

Я вынырнул набрать воздух.

— Вставлена? — спросил Пурпурный.

Я кивнул.

Пурпурный нырнул, чтобы удостовериться в этом лично, и вынырнул возле меня.

— Все в порядке. Теперь она сидит достаточно прочно.

Он поглядел на меня и на Шугу.

— Вы, двое, давайте откачивайте воду, пока я буду наполнять баллоны! Орбур и Вилвил, продолжайте крутить педали!

— Конечно,— закричали ребята,— иначе мы утонем.

Цепляясь за борт, Пурпурный пробрался на корму. Мы с Шугой схватились за ведра и принялись за работу. Мы быстро и яростно вычерпывали воду. К тому времени, когда Пурпурный подкачал два баллона, воды оставалось уже только по бедра.

— Знаешь,— удивленно сказал я Шуге,— это может оказаться хорошим способом не позволять лодкам тонуть — подвешивать к ним воздушные баллоны.

Мне ответил свирепый взгляд Пурпурного.

Я продолжал вычерпывать воду.

Красное Солнце скрылось за коричневым горизонтом, оставив после себя только лихорадочное зарево на западном краю мира. Мы работали во все сгущающейся темноте. Холодная вода доходила уже до колен. Немного погодя я сообразил, что мы раскачиваемся уже более заметно.

— Пурпурный! — крикнул я.— Мы приподнялись на воде.

Он оторвался от зарядного устройства и посмотрел за борт.

— Так и есть.

Он завязал шейку баллона — это был десятый наполненный баллон и пробрался к тому месту, где мы стояли.

— Еще один баллон, и мы выйдем из воды.

— Как твоя батарея?

— Лучше, чем я думал,— он подтянулся на снастях и стащил вниз следующий рукав.— Становится ужасно холодно, не так ли, Лэнт? Почему бы тебе не достать одеяла?

— Ты их выбросил за борт,— напомнил я ему,— кроме трех, да и те намокли.

— Все промокло,— проговорил Шуга.

— Да-а,— протянул Пурпурный и ушел на корму к своей батарее.

А что ему оставалось делать? Мы с Шугой перестали вычерпывать воду и развесили одеяла на снастях, надеясь просушить их. Я представлял, как тоненькие шевелящиеся сосульки начинают образовываться на шерстинках моего меха.

— Наши запасы пищи тоже раскисли,— сказал Шуга, принюхиваясь к пакету.— Сухари! Как же!

Он швырнул пакет за борт.

— Тебе надо было произнести над ним балластное заклина-

ние,— сказал я, и это была безрадостная шутка. Шуга никак не оценил ее, да и время для шуток не подходило. Пурпурный как раз наполнял двенадцатый баллон. Мы чувствовали себя намокшими и несчастными.

— Шуга, чувствуешь? Мы больше не раскачиваемся. Мы вышли из воды.

— Как?

Он повернулся к перилам и выглянул. Я присоединился к нему. В последних слабеющих отблесках красного заката мы успели увидеть воду, бессильно плещущуюся внизу. Сомнений больше не было — с каждым мгновением мы поднимались все выше и выше. Двенадцатый баллон тихо разбухал над головами.

— Пурпурный! — окликнул я его.— Мы в воздухе!

— Знаю,— отозвался он.— Вилвил, Орбур, как высоко мы поднялись?

— Меньше чем на человеческий рост. Воздухотолкатели только что перестали задевать за волны.

Пурпурный отцепил от пояса источник света и направил его вверх. Только четыре баллона висели вялыми, остальные обрели от водородного газа знакомую и приятную округлость. Он шагнул к краю лодки и направил источник света вниз. Вода замерцала примерно в пяти человеческих ростах под нами.

— Я вытащу пробку,— сказал я.— Теперь уже бесполезно выливать оставшуюся воду.

Я пошел в ту сторону, вода все еще стояла по колено.

— Нет! — закричал Пурпурный! — Не смей трогать пробку!

— Почему? — Я остановился, уже положив руку на пробку.

— Не делай этого, Лэнт! Не трогай пробку, пока я тебе этого не скажу.

— Но ведь мы высоко над водой. Сейчас наверняка нет опасности.

— Я должен наполнить еще четыре баллона. Где я возьму воду, которая мне необходима, если ты вытащишь пробку?

— А-а! — протянул я и быстро отошел от нее подальше.

— Подожди минутку,— неожиданно сказал Шуга.— Ты не можешь использовать эту воду. Это балластная вода. Она заставляет нас опускаться, а не подниматься.

— Шуга, это вода. Вода как вода,— терпеливо объяснял Пурпурный.— И это глупо думать, что одна вода может заставить нас двигаться вниз, а другая — вверх.

А потом Шуге осталось только хватать ртом воздух. Потому что Пурпурный зачерпнул ладонью воду из лодки и начал пить. Пить балласт!

Шуга задохнулся от бессильной ярости и заковылял прочь.

— Почему бы тебе не отдохнуть,— предложил Пурпурный мне,— я позабочусь о лодке.

— Ладно,— пожал я плечами и сел на скамью. Она была сырой и холодной, как и все остальное на «Ястребе». С кормы доне-

слось хлопанье мокрых снастей. Пурпурный как раз начал наполнять следующий вялый мешок.

Мы плыли во тьме, дрожащие и несчастные. Вилвил и Орбур крутили педали, пением устанавливая ритм. Пурпурный наполнял баллоны. Мы с Шугой замерзали. Затем поднялся ветер и погнал нас на север. В любое другое время мы были бы благодарны ему. Но в этой промозглой темени он только заставлял нас стучать зубами. Тут Орбур и Вилвил махнули рукой на свои воздухотолкатели — было слишком холодно крутить их дальше. Они скорчились на мокром дне лодки вместе с нами. Немного спустя к ним присоединился и Пурпурный. Лежать, завернувшись в мокрое одеяло, все же лучше, чем подставлять свое тело укусам верхнего ветра. Или только так казалось. Мои пальцы окоченели настолько, что я даже не имел сил попытаться натянуть на себя ледяную ткань. Спать было невозможно. Я все время бормотал про себя.

— Больше не существует такого понятия, как тепло, Лэнт. Все это только твое воображение. Ты никогда больше не согреешься. Так что лучше начинай привыкать к холоду, Лэнт...

Когда часом позже Оуэлс, крошечный и ярко-голубой, стремительно выскочил из-за восточного горизонта, мы были совсем окоченевшими, а по всей лодке лежал тонкий слой инея.

Глава 79

Утро выдалось бодрящим, мы быстро согрелись. Море представляло собой беспокойную синюю равнину далеко внизу. Мы, казалось, поднялись выше, чем когда-либо. Край мира почти закруглился. Пурпурный сказал, что это оптическая иллюзия. Мы находимся слишком низко, чтобы вы видели действительную кривизну. Новые тарабарские слова.

Мы раскинули одеяла на снастях, чтобы высушить их на солнце. Так же поступили и с накидками. Даже Пурпурный скинул свой «защитный костюм» и вывесил его на солнечный свет.

Ветер продолжал устойчиво дуть на север. Вилвил и Орбур отдыхали на своих поплавках. Я прошелся по лодке в поисках хоть какой-нибудь пищи, которую пощадили бы вода и Пурпурный. Но я нашел только половину кислой дыни и мрачно разделил ее между собой и Шугой. Остальные отказались. В лодке все еще оставалась вода, примерно по колено, но Пурпурный приказал не выливать ее.

— Посмотри, как высоко мы уже поднялись. Нет смысла выливать воду. Позднее, когда воздушные мешки немного протекут, она нам еще понадобится. К тому же вдруг нам еще понадобится водород.

— А у тебя достаточно электричества?

Пурпурный застенчиво улыбнулся.

— Я... хм... немного просчитался, когда начал наполнять баллоны. Я не понял, что в них еще достаточно водорода. У меня энергии еще ровно столько, чтобы наполнить не более трех балло-

нов. Или четыре, если я раздумаю вызывать вниз свое летающее яйцо,— он осмотрелся.— Этого должно хватить. В нашем распоряжении, по меньшей мере, четыре дня летного времени, прежде чем баллоны слишком ослабнут, а энергия у меня кончится. Если к тому времени мы не сможем вызвать яйцо, то мы никогда его не вызовем.

Мы летели голодные. И двинулись прямым путем на север. Иногда приходилось бороться с боковым ветром, но, в основном, направление на север выдерживалось. Во время полета мы потеряли свой ориентир — линию холмов над водой. То, что мы не сможем их потом отыскать, не беспокоило Пурпурного, как казалось, должно было бы. У него все еще сохранилась измерительная шкура, и он прокладывал наш курс с ее помощью. Когда я спросил его об этом, он только пожал плечами.

— Конечно, Лэнт, это была неплохая мысль, но боюсь, холмы сейчас слишком глубоко в воде, чтобы увидеть их отсюда. Может быть, нам повезет, и мы снова их увидим, когда доберемся до мелководья.

На следующий день он подкачал мешки, оставив энергии ровно столько, чтобы полностью подкачать два мешка или накачать один баллон и вызвать свое летающее яйцо.

Вечером того же дня мы наконец вытащили пробку и слили воду, которая была нашим товарищем эти такие длинные двое суток.

— Я думал, что это будет путешествие над водой, а не по воде,— повторил, ворча, Шуга.

Пурпурный усмехнулся, наблюдая, как вода уходит. Мы были слишком высоко, чтобы видеть, поднимаемся ли мы, но наш желудок сигнализировал — да, мы поднимаемся.

Пурпурный сказал:

— Ты прав, Шуга, нам следовало подумать об этом заранее — всегда держать некоторое количество воды в лодке. Она помогла бы нам уравновесить корабль так, чтобы он не особенно раскачивался при движении. Она пригодилась бы для подкачки баллонов, и нам не пришлось бы для подкачки баллонов спускаться вниз к морю. К тому же мы использовали бы ее и как балласт.

— А я говорю тебе, что это чушь,— снова вмешался Шуга.— Балласт, питьевая вода, вода для получения газа, вода для умывания... что это за заклинание, если мы произвольно изменяем имя предмета в зависимости от нужд?

И он пошел на нас дуться. Сандалии его хлопали при каждом шаге.

Шуга просидел на носу до самой темноты, вглядываясь в небо и бормоча заклинания, вызывающие Луны...

Глава 80

Именно Орбур вновь отыскал наш ориентир. Далеко слева виднелась полоска более светлой воды. Теперь мы летели ниже,

несмотря на шесть опорожненных мешков с водой. Пурпурный сказал, что это из-за того, что баллоны протекают сильнее, чем прежде. Они растягиваются, пояснил он. А швы оказались недостаточно надежными. Он приказал мальчикам развернуться и взять курс, который, в конечном счете, должен был привести нас снова к линии холмов.

Я задумчиво жевал кусок сухаря. То, что холмы снова стали видны под водой, означало, что мы приближаемся к мелководью. Вскоре мы окажемся над сушей, и наше путешествие на этом закончится. Мешки наверху были еще плотными, но уже слегка покрылись рябью на ветру. Скоро эта рябь усилится, ткань начнет свисать складками, баллоны обмякнут — и все это время мы будем опускаться все ниже и ниже.

Пурпурный начал опорожнять последние балластные мешки, все, кроме двух, воду в которых мы решили сохранить для питья. Шуга застонал, когда ему сказали об этом.

Когда балласт был вылит, лодка поднялась, но ненадолго.

— Ладно,— сказал Пурпурный,— пусть так и останется. Или мы достигнем цели с тем газом, что у нас есть, или вообще ее не достигнем.

Вилвил и Орбур молча и угрюмо крутили педали. Они больше не распевали бодрящих песен во время работы. Скорее всего, они впали в транс и старались как-то перетерпеть от одной передышки под другой. У обоих на ступнях и руках появились волдыри и язвы. Пурпурный обрызгал их целебной мазью, но потом они появились снова, так что я думаю, от мази было мало толку.

Мы достигли гряды холмов, сориентировались по ним и снова направились на север.

Я пришел на нос лодки и присоединился к Шуге. Хотя красное Солнце все еще ярко светило на западе, он не хотел пропустить наступление темноты.

— Луны,— печально причитал он.— Скоро ли будут Луны?

Я не обращал на это внимания. Меня не столько беспокоило то, что под нами, сколько то, что ожидало нас впереди. Но была ли та линия более плотной тьмы у горизонта материком? Было уже слишком темно, чтобы достоверно сказать об этом. Я обратил на нее внимание Пурпурного. Тот грубо отодвинул в сторону Шугу и всмотрелся вдаль.

— Гм-м,— промычал он,— ничего не разобрать.

— Используй свой источник света,— посоветовал я.

— Нет, Лэнт, у него не хватит силы, чтобы осветить так далеко.

— Подключи его к своей батарее. У нее еще осталось немного энергии.

Пурпурный улыбнулся.

— Я могу это сделать, но энергии в ней все же не хватит, чтобы сделать свет достаточно ярким. Кроме того, голубой рассвет наступит меньше, чем через час. Если это земля — мы ее увидим.

Красное Солнце исчезло. Мы терпеливо ждали в темноте. Только жужжание велосипедов напоминало нам, что мы движемся.

Пурпурный беспокойно пришел на корму и там остался. Шуга на носу продолжал бубнить заклинания. Я попытался уснуть, но не смог.

Утро вспыхнуло на востоке — и как один мы с Пурпурным ринулись к борту. Вилвил уже кричал:

— Земля! Я вижу землю! Мы достигли ее.

— Продолжай крутить педали! — рявкнул Пурпурный.

Мы были сейчас ниже, чем вчера, ниже, чем нам хотелось. Воздушные мешки перестали удерживать водород так долго, как раньше, и теперь мы находились на высоте всего нескольких человеческих ростов над водой. Но это не имело значения. Далеко впереди виднелся скалистый берег севера, а за ними острые верхушки холмов, поднимающихся к черной гряде, знакомой гряде — Зубам Отчаяния.

— Нажимай, Вилвил, нажимай! — кричал Пурпурный.— Нажимай, Орбур!

Он так далеко высунулся вперед, что я начал опасаться — не выпрыгнет ли он и не попробует ли добраться вплавь.

— Осталось чуть-чуть.

Море под нами было покрыто пятнами. Мы видели зубья рифов, водовороты то тут, то там. Все это скользило мимо, но ведь мы опускались все ниже и ниже. Пурпурный тоже заметил это. Он пробежал по лодке и начал проверять снасти.

— В одном из мешков, должно быть, протечка...

Он начал взбираться наверх.

— Не этот ли,— он потянул за веревку.— Нет, может быть, этот... да, там шов... Видишь?

Я посмотрел. Как раз под нами на брюхе одного из мешков я увидел тонкую темную полосу. Пурпурный сделал еще шаг по снастям. Тут-то это и произошло...

Шов широко раскрылся, раздался оглушительный звук лопающейся материи. Мешок раскрылся. Лодка внезапно накренилась. Огромные полосы повисшей материи оказались на снастях. Орбур и Вилвил громко вскрикнули.

— Бросайте какой-нибудь балласт! Бросайте какой-нибудь балласт! — кричал Шуга.

Он стремительно помчался вдоль борта, но у нас оставалось всего два балластных мешка. Шуга яростно вцепился в них и потащил.

— Нет,— кричал Пурпурный,— это не поможет! Это недостаточно!

Он то ли упал, то ли спрыгнул со снастей.

— Лэнт, тащи сюда мой изготовитель газа!

— Где он?

— Думаю, на корме. Быстрее!

Мы стремительно теряли высоту. И не трудно было заметить, почему Пурпурный хочет, чтобы я поторопился. Прямо под нами

крутился водоворот, голодный, все заглатывающий. Он был огромен.

Пурпурный уже отвязал рукав мешка и подготавливал воду. Одним движением он схватил зарядное устройство, сунул горлышко воронки в рукав и в воду. Включил батарею. Мешок распухал на глазах. Пурпурный отшвырнул в сторону опустевший балластный мешок.

— Давай второй!

Шуга подтащил его раньше, чем Пурпурный успел закончить команду. Он погрузил в него провода и трубку. Мешок начал распухать от смеси, которая была наполовину водородом, наполовину ненужным кислородом.

Мы уже слышали рев водоворота и находились меньше чем в два человеческих роста над поверхностью воды.

Вилвил и Орбур яростно тянули наверх воздухотолкатели, чтобы они не задели водоворот. Но опускаться мы не переставали. Огромные вращающиеся водяные стены грозно проплывали мимо нас — черные и все сокрушающие. Мы чувствовали, как влажный туман облепляет лица. Пена долетала до лодки.

И тут снижение прекратилось.

— Рот Тивы,— прошептал Шуга,— он появляется в конце лета. Когда море отступает, оно заглатывает все, что сможет: людей, лодки, деревни, камни...

— Но лето еще не кончилось,— сказал Пурпурный.

Лицо его побледнело, и косточки на пальцах показывали, с какой силой он вцепился в снасти.

— Нет,— сказал Шуга,— он уже начал крутиться. К концу лета рот станет намного больше. Рев его будет слышен на мили.

Пурпурный нервно поглядел назад. Темная грязная вода плавно убегала вдаль. Вилвил и Орбур лежали, вцепившись в поплавки.

— Никогда не думал, что увижу его так близко и останусь жив,— слабо проговорил Шуга. Пурпурный задумчиво хмыкнул. Он смотрел на зарядное устройство.

— В чем дело,— спросил я.

— Моя батарея. Думаю, она умерла.

— Что? Нет!

— Думаю, да,— он отсоединил батарею и потряс ее.— Посмотри, указатель даже не светится. Мы использовали всю энергию, которую имели.

— Она была нам нужна. Мы оказались бы во Рту Тивы, если бы не сделали этого. Мы могли бы выплыть из него, если обрезали бы лодку и полетели на снастях. Или... или еще что-нибудь.

Он закрыл лицо руками и издал булькающий звук. Затем нервно поднял батарею и... одно мгновение я подумал, что сейчас он швырнет ее за борт и, возможно, последует за ней. Но вместо этого он энергично воскликнул:

— Вилвил, Орбур, назад на велосипеды! Мы так близко от земли. Вы же не хотите все потерять в последний момент!

Но я понял, что это только внешняя активность. Он не хотел, чтобы другие видели, насколько сильно он потрясен потерей своей батареи. Он притворился, что занят проверкой снастей, но я несколько раз замечал, как он смотрит на небо отсутствующим взглядом.

Мальчики снова спустили воздухотолкатели. Шуга велел им работать быстро, прокричав приказ громко и повелительно.

Берег маячил все ближе — белая пенистая линия прибоя. Все равно мы спускались все ниже и ниже к воде — не так быстро, как раньше, но было ясно, что воздушные мешки уже не такие надутые, как были прежде. Вода скользила мимо нас, воздухотолкатели начали уже задевать за самые высокие гребни волн, а затем и совсем погрузились и только ненадолго показывались между волнами. Но вот они скрылись окончательно.

Баллоны в молчаливом спокойствии висели над головой. Случайные брызги пены пролетали между снастями. Шуга прервал свое пение и воскликнул:

— Лэнт, узнаешь, куда мы направляемся! Да ты посмотри, посмотри...

Я посмотрел вперед. Передо мной раскинулся голый мрачный пейзаж — черные и коричневые скалы. Все они были покрыты ямами и шрамами. Тут и там мелькающие красные пятна свидетельствовали о попытках цветов пустить корни, но их было мало. А кроме того... что это за почерневшие остатки дикого домашнего дерева? Они напоминали скрюченную руку застывшего старца в гневном проклятии к небу.

— Лэнт! Это бухта Таинства — точнее, то, что от нее осталось. Мы недалеко от старой деревни. Точнее всего в нескольких милях к югу от нее.

Пурпурный подошел к нам сзади со щелкающим устройством в руках. Я и раньше замечал это у него на поясе, но он никогда не объяснял нам его назначение. Теперь он всматривался в него и хмурился. Потом неожиданно улыбнулся:

— Уровень...— тут он использовал демонские слова,— не такой высокий, как я ожидал. Он немного выше нормального фона. Опасности нет определенно. В этом районе можно безопасно жить.

Теперь лодка уже плескалась в волнах, и Пурпурный приказал мальчикам направиться к тому месту, где земля плавно уходила в воду. Одно такое мы разглядели неподалеку, когда мальчики взяли курс на него. Пурпурный глядел вперед.

— Лэнт, как мы далеко от Зуба Критика?

— Ну, обычно он был вон там, Пурпурный,— показал я.

Несколько расколотых, полурасплавленных скальных плит отмечали непривычную брешь в горах к северу.

Он не понял.

— Это пик — Зуб Критика?

— Нет, это Зуб Гадюки. Это один из небольших холмов у подножия Критика. А Зуб Критика исчез.

— О!

— Вся эта гряда называется Зубами Отчаяния. Зуб Критика был одним из самых острых пиков. Этим местом правит безумный демон Пиеро, который сильно скрежещет и щелкает зубами. Он одинаково набрасывается и на местных жителей, и на чужеземцев. Нам лучше не подходить близко, иначе он может обвинить нас в потере зуба.

Пурпурный снова посмотрел на свое тикающее устройство, покачал им в воздухе и проговорил:

— Хорошая идея.

Мы проскочили сквозь прибой. Последовал мягкий толчок, когда нос лодки заскользил по песку, мы достигли северного берега!

— «Ястреб» приземлился! — закричал Пурпурный. — «Ястреб» приземлился!

Глава 81

Мы все, как один, ринулись на берег. Шуга, я, Пурпурный, мы рвались вперед, мешая друг другу. Наконец-то мы снова стояли на твердой почве. Земля была пустынная — в основном голая скала, кроваво окрашенная зависшим на западе Оуэлсом и льющим сверху свет Вирном, но она была твердой. Не надо больше стоять в воздухе, не надо больше было стоять в воде, не надо было больше стоять в обеих стихиях одновременно.

— Если я когда-нибудь невредимым вернусь домой, — поклялся сам себе, — то никогда больше не стану рисковать жизнью в такой глупой авантюре.

Небеса были не особенно гостеприимными. Вилвил и Орбур укрепили на поплавках воздухотолкатели и втащили «Ястреб» на берег, где до него не могли добраться волны.

Потом сразу же стали заполнять балластные мешки и лодку водой, проверять снасти, велосипедные рамы, даже поверхность корпуса лодки и баллонов. Они действовали так, словно ожидали, что «Ястреб» полетит снова. Но как? Я не мог себе этого представить. Все воздушные мешки обмякли от утечки. Я не доверял швам на многих из них. Баллоны все еще тянулись вверх, натягивая веревки, но не очень уверенно. Я не знал, как они надеются заполнить баллоны. Шуга разгуливал туда-сюда и усмехался каким-то своим мыслям.

— Мне совсем не надо будет знакомиться с местными богами и местными заклинаниями. Я могу начать сразу же, как только увижу луну.

И он побрел к отдаленному почерневшему холму, прихватив свой мешок с волшебным оборудованием.

Странная черная корка покрывала все кругом. Она рассыпалась, когда кто-нибудь наступал на нее, превращаясь в крохотные обломки или колючую пыль, которая клубами поднималась от

порывов ветра. Я, удивленный, похрустел по ней к холму, на котором стоял Пурпурный. Когда я подошел, он выглядел странно.

— Ну, я должен попробовать, не так ли?

— Но ты же сказал, что она мертвая?

— Возможно. А вдруг произойдет чудо? Сейчас только в чудо и можно поверить. И ничем больше не поможешь.

Он кончил подсоединять провода к дискообразному предмету, вывернул шишку на нем, но ничего не произошло.

— Этот желтый глаз должен засветиться, чтобы показать, что прибор работает,— сказал Пурпурный, глубоко улыбаясь.

Он повернул шишку еще раз, теперь сильнее, но желтый свет все равно не появился.

— Магия тоже не подействовала,— со вздохом сказал он.

Я точно знал, что он в эту минуту чувствовал. Я тоже стремился домой. Как странно! Я уже считал домом район, в котором прожил совсем немного, в то время, как эта черная пустыня и сожженные остатки деревни, в которой я провел большую часть своей жизни домом больше не были, а стали незнакомой чужой территорией. «Домом» была теперь новая земля и другая жизнь за морем. В этот момент не было разницы между мной и Пурпурным. Два странника, оказавшиеся на голом почерневшем берегу. Каждый стремится к своему дому, своим женам, своему плану...

— Все, что мне надо,— один-единственный импульс энергии,— сказал Пурпурный.— Шуга оказался прав, нельзя смешивать символы.

Он поднял свои бесполезные устройства и медленно пошел с холма. Земля хрустела у него под ногами.

Глава 82

Есть было нечего. Я лежал в темноте, прислушиваясь к рокоту прибоя и урчанию в собственном желудке. Человек не предназначен жить без хлеба. У меня кружилась от голода голова. А в мыслях не было даже смысла.

Пурпурный провел красный день, бесцельно бродя туда-сюда по этому ландшафту отчаяния. Я и мои сыновья ждали. Мы мало что могли сделать. Шуга был единственным, кто сохранял чувство цели. Он устроился на верхушке ближайшего холма и терпеливо ждал появления Лун. И напевал песню триумфа.

Пурпурный непрерывно бормотал.

— Когда море уйдет, мы сможем отправиться назад пешком. Люди Лэнта уже проделали это однажды. И мы тоже можем это сделать. Да, мы можем вернуться пешком. Генераторы все еще там, мешки все еще там. Я смогу перезарядить свою батарею. Мы сможем сделать другую летающую машину. Да, конечно. Но на этот раз мы сделаем ее гораздо лучше. Моя батарея будет полностью заряжена. Мы не повторим снова те же ошибки. То-то и оно, что мы долетели, не подготовившись как следует. У нас не было достаточно опыта. И все же мы почти что все сделали. Почти.

В следующий раз мы сделаем это лучше и добьемся успеха. В следующий раз...

Он хрустел подошвами, бродя в темноте и безумно приговаривая. Он поднимал камни, осматривая их и отшвыривая в сторону.

Я глядел в темноту, на мерцающие Луны. Следующего раза не будет. Я был в этом уверен. Шуга не позволит быть следующему разу. Сейчас с его холма не доносилось ни звука. Я пошевелился на одеяле и приподнялся на локтях.

— Пурпурный,— окликнул я.— Тебе надо отдохнуть.

— Я не могу, Лэнт,— отозвался он. И вдруг послышался глухой звук удара.— О-о!

— В чем дело?— я вскочил на ноги, думая, что это Шуга нанес удар. Но нет. Источник света в руке Пурпурного показывал, что он наткнулся на валун.

Пурпурный лежал возле него и глупо улыбался. Я подошел и помог ему встать.

Ночь была душная и тихая. Прибой напоминал о себе отдаленным рокотом. Мы стояли в темноте, только источник света Пурпурного бросал призрачный луч в непроглядную темень. Пурпурный выключил его.

— Думаю, лучше поберечь его энергию,— сказал он и замер. Тишина была мертвой. На этой проклятой земле не жили даже насекомые.

— Поберечь энергию,— тихо повторил Пурпурный. Его руки вдруг обхватили мои плечи, и он закричал:— Энергию! В моем фонаре, Лэнт! В моем фонаре!

— Да отпусти же ты!

Он был силен, как старый баран.

— Энергия, Лэнт! Энергия!

— Не слишком радуйся, Пурпурный. Подожди, пока тебе ответит твое большое яйцо.

Он мгновенно очнулся.

— Да, тут ты совершенно прав, Лэнт.

В тишине раздался царапающий звук, когда он вынимал маленькую батарейку из фонаря, еще один звук, когда он снимал с пояса вызывающее устройство. Затем непонятное ругательство — это он пытался в темноте нащупать провода. Пурпурный работал энергично и нетерпеливо. Я вполне разделял его чувства и понимал его.

Наконец он сказал:

— Готово!

Послышался щелчок, когда он включил свое устройство. Указатель бросил мягкий желтый отблеск на его лицо. Пурпурный посмотрел на индикатор.

— Здесь достаточно энергии, Лэнт. Более чем достаточно. С энергией этой батареи я смогу вызвать свое яйцо раз десять, если не больше.

— А ее хватит, чтобы подкачать воздушные мешки?— с надеждой спросил я.

По его лицу промелькнула темная тень.

— Нет, не хватит. Это потребует огромного количества энергии, Лэнт. Нужны более сильные источники энергии, например, как моя первая... Но не беспокойся. Когда мое большое яйцо будет здесь, я позабочусь, чтобы ты и твои сыновья невредимыми вернулись домой.

— Дом,— повторил он.— Я буду дома. Не будет больше двойных теней. Не будет больше лохматых женщин. Не будет черных растений...

— Зеленых, Пурпурный,— растения зеленые.

— Там, откуда я пришел, зеленый — яркий цвет. Не будет больше скверной пищи и дрянного питья. Не будет больше царапающей одежды. Не будет больше лечения мужланов-деревенщин.

Этот монолог он произносил на человеческом и демонском языках. Это было заклинание возвращения домой. Он произносил его со всей страстью.

— У меня даже будут книги, музыка и нормальный вес...

— Ты хочешь перейти на диету?

Он засмеялся от этого замечания и продолжал смеяться уже от радости.

— Я получаю возможность полететь домой!— закричал он в ночь.

— Так почему бы тебе не испытать свое вызывающее устройство?

Я сам уже начал ощущать нетерпение.

Пурпурный признался:

— Я боюсь.

— О!

Он повернул шишку, желтый глаз ярко засветился.

— Вот!— закричал Пурпурный.— А красный глаз отмечает, что большое яйцо ответило!

— Какой красный глаз?

Пурпурный нетерпеливо крутил ручку.

— Ответь,— шептал он,— ответь же ты..

Ничего не происходило. Он гневно потряс устройство.

— Отвечай! Будь ты проклят! Я хочу домой!

Желтый глаз ровно горел, но ответа не было.

— Мы находимся достаточно далеко к северу,— вслух размышлял Пурпурный.— Почти у экватора. Видимость даже более чем хорошая. Кривизна планеты не мешает проходу луча. Что же тогда не так? Оно не может работать на неверной частоте,— бормотал он. Если он применил магию, то она не действовала.

— Может, это из-за применения не той батареи?— предположил я.

— Дело не в батарее. Но все же, почему они не отвечают? Почему не отвечают?

Он вскочил на ноги и ринулся в темноту. Немного погодя я последовал за ним. Я нашел его в отчаянии сидящим на камне. Устройство лежало перед ним. Он колотил по нему камнем. Хотя

он и не мог нанести ему никакого вреда — только глубоко вдавливая его в мягкую почву.

— Пурпурный, перестань,— мягко попросил я его.— Перестань.

— Почему?— с горечью произнес он.— Мы проделали весь этот путь зря? Все ваши устройства сработали, Лэнт, а из моих ни одного. Ваша воздушная ткань принесла нас сюда, ваши генераторы дали нам энергию, толкатели пригнали нас сюда, а мое вызывающее устройство не работает. Тогда зачем мы вообще сюда стремились? Единственно, кто собирается извлечь из этого выгоду,— Шуга.

— Как?

Неужели он знает о дуэли? Неужели он догадался?

— Да, Шуга,— ответил Пурпурный на вопрошающий взгляд.— Ему нужно было узнать про Луны. Он должен был лететь на север. Остальные могли бы спокойно оставаться дома.

Он опять начал колотить по устройству.

— Может быть, мы недостаточно далеко забрались на север?— предположил я.

Он издал такой звук, будто подумал, что я дурак. Я цеплялся за любую мысль, чтобы только придать ему мужества.

— Или, может быть, планета все еще на пути...

Что бы это ни значило, но он и раньше пользовался этим словом.

На мгновение стало тихо.

— Что ты сказал?

Я открыл было рот, чтобы повторить.

— Не обращай внимания, я уже понял.

Послышались звуки разрываемой земли, очистка и вытирание.

— Будь я проклят! Какой же я идиот.

— О чем это ты?

Он выпрямился. Мелькание тени во тьме. В руках он держал свое вызывающее устройство.

— Лэнт, иной раз ты просто гений. А я то все время думал, что ты не понимаешь, о чем я говорю, и только из вежливости притворяешься, что понял. Конечно, на пути луча планета,— он переступил с ноги на ногу,— это единственно возможное объяснение.

— Угу,— повторил я, притворяясь, что понял. Да и вообще, кто я такой, чтобы разбивать иллюзии.

— Разве ты не видишь? Мое яйцо еще не взошло. Подобно солнцам, оно, вероятно, на другой стороне планеты. Я должен подождать, пока оно не окажется над нами, и только тогда пытаться вызвать его снова. Вероятно, поэтому оно и не отвечало.

Когда магия не срабатывает, у хорошего волшебника всегда найдется объяснение. Пурпурный же был одним из самых лучших. Я спросил:

— И сколько времени нужно ждать, прежде чем ты пригласишь его вниз?

— Пару часов — это все, что мне нужно. Я буду пытаться вызывать его через каждые пятнадцать минут. Его орбита всего два с половиной часа. Я, возможно, не пропущу его, как бы низко над горизонтом оно ни появилось.

Я оставил его, счастливого и бормочущего себе под нос что-то неразборчивое.

Глава 83

Голубой рассвет вспыхнул над восточным горизонтом и явил мир еще более печальный и пустынный, чем прежде, если только таковое было возможным.

Страдая от голода, я взобрался на холм и застал Шугу рисующим в черной пыли огромные знаки. Он использовал ослепительно белый порошок и смешивал его с разнообразными волшебными зельями, а потом высыпал тоненькой струйкой, выписывая округлые заклинания. При этом он часто останавливался, чтобы свериться с пергаментом в руке. Я узнал шкуру с ее кругами и эллипсами, окружавшими центральную точку, а затем я узнал и нарисованные знаки.

— Шуга, что ты делаешь?

— Разве ты не видишь? Я творю заклинания.

— А твоя клятва?

— Я точно помню, что поклялся местным богам. Разве территория подразумевает различных богов и различные клятвы. Сейчас мы на моей домашней территории. И я нарисовал здесь руны о дуэли с Пурпурным. Эта дуэль все еще впереди.

— Но как много изменилось...

Я замолчал, так как Шуга был прав.

— Это ты украл его карту с путями Лун?

— Нет. Он сам подарил ее мне. Глупец. Я использую его собственную магию против него же. И его собственное имя — его настоящее имя! Конечно, он раньше не волновался. Он знал — я не могу ему повредить, так как говорящее устройство не назвало его настоящего имени. Но на этот раз...

— Может, он лгал? — быстро вставил я.

Шуга бросил на меня самодовольный взгляд.

— Лэнт, — терпеливо объяснил он. — Сам факт произнесения слов «мое настоящее имя»... является благословляющим заклинанием. Даже если он лгал, произнося это, эти слова сделали его настоящим, таким же настоящим, как и его настоящее имя. И оно может быть использовано против него. Если бы это было не так, у волшебников совсем не было бы власти. Тогда люди могли бы по желанию менять имена, чтобы избежать местных заклинаний.

— Но почему лунные пути? — спросил я, но тут меня осенило.

— Нет, ты еще не можешь...

— Могу... И сделаю это. Я собираюсь сбросить Луну ему на голову.

Я почувствовал сильнейшее желание расхохотаться. Это было безумие. Дикое невероятное безумие.

— Шуга,— сказал я.— Луна однажды падала. Ты знаешь, какой был из этого результат.

— Я видел Круглое Море.

— Круглое Море было когда-то богатой плодородной областью. Теперь море плещется о камень, на котором ничего не растет.

Шуга безразлично пожал плечами.

— Это место уже проклято, Лэнт. Какой же вред может нанести ему падающая Луна?

— Она может убить нас! — почти закричал я.

— Я выберу одну из самых маленьких.

— Даже маленькая Луна может нас убить... Говорят, Круглое Море долгие годы было кольцом оплавленных гор, прежде чем море не стало выкипать и заполнило его.

— Люди, вероятно, преувеличивают...

— Но...

— Лэнт,— сказал Шуга,— я не могу согласиться на меньшее. Подумай, Пурпурный оскорбил самих богов! Он постоянно повторяет, что богов вообще не существует. И он с невероятной наглостью строит летающую машину, чтобы доказать это. В своем надругательстве над здравым смыслом, как, например, его игра с понятием балласта, он смеется над законами, которым подчиняются даже боги,— говоря, Шуга свирепо расхаживал взад и вперед, глаза его наливались кровью.— Он оскорбляет обычаи, Лэнт. Он дал имена женщинам и научил их занятиям мужчин. Он вмешался в освящение домашних деревьев и превратил их в колючие растения. Он превратил в хаос жизнь нашей деревни. Некоторых традиционных профессий вообще больше не существует. В то время как другие, подобно кузнечному делу, чудовищно раздулись от важности.— Он перестал вышагивать и посмотрел на меня.— Он дал новые понятия, Лэнт. Он научил нас дурным обычаям, которые уменьшают ценность жизни и повышают значение вещей. Но самое главное,— выкрикнул Шуга,— он оскорбил меня! Он не научил меня летать, пока это ему самому не понадобилось. И он все еще не научил меня заклинаниям, которые делают электричество. Мы зависим от его милости, от его светящихся коробочек с делателями грома. Он подорвал мой авторитет своим ложным лечением, так что они обменивают его символы, за один его — десять моих.

Я был связан с ним клятвой о помощи, но он никогда не попросил меня помочь ему — никогда, ни единого раза! Разве он не выкинул мои паруса за борт? Никогда менее чем смертельное заклинание не восстановит мою честь,— воскликнул Шуга.— Я приведу Луну вниз и обрушу ее на его голову. На этот раз я должен продемонстрировать свою силу, прежде чем он исчезнет навечно.

— Я не буду помогать тебе,— тихо сказал я.

— Ты и не должен, Лэнт. Я уверен, что как раз твоя помощь в тот раз так подействовала на магию.

— Сколько потребуется на это времени?

— Недолго. Я скоро закончу, а потом начну молиться, пока красное Солнце не поднимется высоко на западе. Тогда мы уйдем подальше и будем ждать.

— Я бы предпочел, чтобы ты сперва что-нибудь придумал насчет еды,— проворчал я.

— Забудь хоть раз про свой желудок, Лэнт. Прежде чем снова поднимется голубое Солнце, Пурпурный будет уничтожен. Можешь мне в этом поверить!

Глава 84

Пурпурный еще трижды включал свое устройство, пытаясь вызвать яйцо. На третий раз красный огонек вспыхнул и начал размеренно мигать. Пурпурный заорал от восторга и радостно подкинул прибор вверх. Он дико горланил и пританцовывал.

— Я лечу домой! Я лечу домой!

Затем он бросился на землю и начал кататься по ней, лягаясь ногами. Потом с криком вскочил и начал неистово метаться в разных направлениях. Туда и сюда. По большому кругу и вокруг меня. Он выделывал кульбиты и неистово вопил. Наконец он устал и, задыхаясь, подошел ко мне.

— Лэнт, я едва могу поверить в это. Я этого так долго ждал,— начал он оправдываться.— Но это произошло. Мое большое яйцо услышало.

Я нервно взглянул на холм, где Шуга все еще продолжал работу. Теперь он сидел и напевал.

— Хм, и сколько времени пройдет, прежде чем твое большое яйцо доберется сюда, Пурпурный?

Он нахмурился.

— Кого это волнует? Оно летит, и это самое главное.

— Меня волнует! — чуть не выкрикнул я.

Он посмотрел на меня как-то особенно.

— Я и не представлял, что для тебя это значит так много.

— Да,— сказал я немного спокойнее.— Сколько времени ему потребуется?

— Может быть, день,— ответил он.— Может быть, больше. Яйцо было законсервировано. Оно должно активизировать себя, набрать полную силу, проверить все системы. Рассчитать курс. Спуститься, наконец. И на все это нужно время, Лэнт. Возможно, яйцо не прилетит сюда еще до голубого заката.

Я застонал.

— Я знаю, что ты страдаешь, друг мой. Но не бойся. Я уже так долго ждал, подожду и еще немного.

Я застонал и побрел прочь. Я направился к берегу. Море неустанно накатывалось на пляж, на котором работали Орбур и Вилвил.

— Отец, ты плохо выглядишь,— сказал один из них.

— Я устал, голоден, и у меня болит все,— ответил я.— Я мечтаю о скромной пище и постели.

— Вилвил нашел несколько яиц пещерной рыбы,— сказал Орбур.— Хочешь одно?

Я застонал. Но это было все же лучше, чем ничего. Я взял темный шар и отбил его корку. Солено-сладкая жидкость наполнила рот.

— О, это ненадолго,— простонал я и сделал глоток из балластного мешка.

— Смотри, чтобы Шуга не заметил, что ты пьешь отсюда, отец.

— Будь он проклят, этот Шуга,— сказал я.— Знаете, что он делает? Он пытается вызвать вниз Луну!

Орбур фыркнул. Вилвил ничего не сказал.

— Вы не слышали, что я сказал?

— Слышали,— ответил Вилвил.— Шуга пытается вызвать сюда Луну. Во всяком случае, благодаря этому он держится от нас подальше.

— Ага,— произнес я.— По-видимому, они были настолько поглощены своим занятием, что забыли про все.

— А вы что делаете?— спросил я и присел на корточки взглянуть. Они объяснили:

— Один из шкивов соскочил с велосипедной рамы. А у нас почти не осталось инструментов. Пурпурный побросал все за борт. Теперь нам приходится обходиться камнями, палками и полосками воздушной ткани. Если мы сможем починить передачу, то используем лодку, чтобы выбраться отсюда независимо от того, будут у нас воздушные мешки или нет.

Я кивнул и предложил помочь, но Орбур сказал, что я буду только мешать. Я собрал яйца и убрал их с дороги. Затем насобирал немного плавника и развел костер, чтобы испечь яйца. Они были невкусные, но это все же была пища. Одно яйцо я понес Пурпурному, но застал его растянувшимся на куске воздушной ткани от лопнувшего баллона, безмятежно похрапывающим. Блаженно и мирно. В первый раз с тех пор, как я узнал его, я видел его полностью расслабленным.

Я оставил его спать, а сам побрел на холм к Шуге. При виде яйца он покачал головой.

— Я займусь им позднее, когда закончу заклинание.

Я посмотрел на огромные волшебные символы.

— Почему ты не чертишь их вокруг Пурпурного?— спросил я.

— Зачем? Если Луна упадет, то не имеет значения, упадет ли она на него или чуть в стороне. Она просто сделает еще одно круглое море.

— Ясно,— сказал я, развернулся и пошел к сыновьям наблюдать, как они работают.

Они проработали большую часть дня, останавливаясь только для того, чтобы пожевать печеное яйцо и сделать глоток воды.

К тому времени, когда наступила ночь и красное Солнце исчезло на западе, велосипедная передача снова работала так же хорошо, как и раньше.

День быстро приближался к концу. Яйцо Пурпурного все еще не появлялось. А Шуга все еще распевал на холме. Мои сыновья блаженно растянулись на одеялах и благодарно жевали неподатливую яичную массу. Будь у них инструменты, они могли бы закончить эту работу менее чем за час. Но в данном затруднительном положении это заняло у них почти целый день.

Я лежал на спине и глядел в небо. На потемневшем востоке уже появилась одна из Лун, скоро к ней присоединятся и другие. Я глядел на небо и чувствовал беспомощность. Я не мог отговорить Шугу от заклинания. Предупреждение Пурпурного тоже ни к чему хорошему не привело бы. Я знал, что он думает о магии Шуги. Я пытался догадаться, какую конфигурацию примут Луны. Две из трех больших образовали диагональ через линию из четырех маленьких, настолько крошечных, что их цвета разбирались с трудом. Знак Перечеркнутого Поля? Какой бы ни был это знак, Шуга найдет способ им воспользоваться...

А тут он появился, сбежав с холма, и грубо поднял меня.

— Идем, Лэнт. Время уходить.

— Как?— сонно произнес я.— Что?

— Я закончил заклинание. Все, что нам теперь остается, это бежать.

Он поволок меня за руку. Я дошел с ним до лодки. Шуга беспорядочно хватал наши вещи и швырял их в лодку, но они плюхались в воду.

— Уходим, Лэнт, уходим! У нас нет времени.

Я разбудил сыновей. Они были такими же сконфуженными и растерянными, как и я, и вдвойне раздраженными.

— Если заклинание Шуги сработает,— настаивал я,— это место будет очень страшным.

Они позволили подтолкнуть себя к лодке. Вилвил вытащил пробку, чтобы стекла вода. Она была больше не нужна. Воздушные мешки обмякли настолько, что не могли даже натягивать снасти. Орбур собрал разбросанные куски ткани, которые мы использовали вместо одеял, и оставшиеся яйца. Мы вбили пробку обратно в лодку и столкнули ее на воду.

— Торопитесь, торопитесь!— подгонял Шуга.— Луна скоро упадет.

— А Пурпурный знает?— спросил Орбур.

— Конечно, нет! Почему это я должен говорить Пурпурному?

— Причин, конечно, нет,— ответил Орбур, влезая на поплавок.— Кроме той, что он бы мог умереть от страха, и тогда тебе не надо было бы проверять заклинание.

Шуга фыркнул и взобрался в лодку. Наши накидки успели промокнуть до самых бедер, так как пришлось толкать лодку через прибой, прежде чем мы смогли взобраться в нее. Последним залез Вилвил. Он развернул лодку так, чтобы корма ее была направлена в море,— разворачивать ее наоборот заняло бы слишком много

времени. Затем взобрался на велосипедную раму, и оба мальчика начали яростно крутить педали.

Мгновение спустя мы уже двигались прочь от берега.

Пурпурный оставался там в темноте, со своими устройствами, и сначала ничего не заметил. Но потом он подошел к берегу и крикнул:

— Эй, что вы там делаете?

— Проверяем лодку,— ответил Шуга.

— Хорошая мысль,— одобрил Пурпурный и пошел назад на холм.

Луны давали достаточо света, чтобы разглядеть его пухлую фигуру на гребне. Вилвил начал крутить педали вперед, тогда как Орбур внезапно начал крутить их назад. Лодка развернулась, встав кормой к Зубам Отчаяния и вперед носом. Мы поплыли. Мы двигались медленно, так как ветер дул к берегу и мешал нашим усилиям.

— Крутите педали быстрее,— подгонял Шуга.— Иначе падающая Луна уничтожит и нас тоже.

— Чепуха какая,— пожаловался Орбур.— Шуга не сможет сбросить Луну вниз.

— Ты не веришь в магию?— потребовал я ответа.

— Ну...

— Глупец! Ты же сам летал. Как ты не можешь верить в магию?

— Конечно, я верю в магию,— прошептал мне Орбур.— Я только не верю в магию Шуги.

— Я вижу,— заметил я,— что, несмотря на весь свой скептицизм, ты достаточно благоразумен, чтобы не говорить об этом вслух.

— Я не боюсь. Он не такой сильный волшебник, как Пурпурный. Но даже Пурпурный никогда не говорил, что может сбросить вниз Луну.

Я не ответил. Мальчики продолжали крутить педали, но уже не так охотно, как прежде. С-с-с-с, журчали велосипеды. Вода бурлила. Лодка казалась хрупкой скорлупкой с обвисшими над ней мешками. Море было беспокойным, похожим на бесконечную ванную с чернилами. Вода напоминала густое черное масло с белыми пятнами пены. Берег потемнел. Пурпурный черным силуэтом вырисовывался на холме.

Я посмотрел на Луны. Две были дисками, розоватыми с одного края и голубоватыми с другого. Черные Луны были слишком малыми, чтобы смотреться дисками,— и там было что-то неправильное. Что-то ужасно неправильное. Мальчишки увидели это тоже. Жужжание велосипедов усилилось. Лодка запрыгала по волнам.

Я, оцепенев, продолжал всматриваться в небо. Одна из маленьких Лун на конце изогнутой линии выплыла из строя. Я поглядел на берег. Подозревает ли Пурпурный?

Он казался крошечной фигурой, неистово пляшущей на тем-

ном берегу. Да, он, должно быть, пытался вернуть Луну обратно на небо. Он прыгал, кричал, но тут была родная земля Шуги.

Я взглянул на него. Он сидел, опершись спиной о корму лодки, наблюдая за происходящим, и зубы его поблескивали. Мои сыновья как бешеные крутили педали. Позади лодки оставалась вспененная борозда.

Луна становилась крупнее. Сперва она была яркой точкой на темном небе, подобно другим Лунам, но движущейся быстрее, чем имела право двигаться любая другая Луна. Затем она стала большим диском, подобно крупным Лунам, красной с одной стороны и голубой с другой. Теперь это была самая большая Луна на небе. Она все росла! Она должна была упасть на Пурпурного. Должна была! Но вместо этого казалось, что она, постоянно увеличиваясь, парит над нашими головами. Голубовато-белый край ее неожиданно потемнел, став черным. Луна начала расти быстрее, и красная сторона тоже начала тускнеть. Из центра почти черного шара вниз начал глядеть круглый желтый глаз. А Луна все росла, росла...

— Быстрее! Проклятье на вас! Быстрее... — кричали мы с Шугой. Шуга — это болтающая глупости жаба — просчитался... Луна слишком большая для того, чтобы с ее помощью отомстить одному человеку. Она может уничтожить весь мир из-за гордыни одного человека.

А затем она поплыла вниз, и подобно чудовищному мыльному пузырю — Шуга не просчитался — вниз, туда, где прыгал на черном холме Пурпурный. Она остановилась над головой Пурпурного и над знаками Шуги.

— Ну, не останавливайся,— заклинал Луну Шуга. Он чуть не выпрыгивал из лодки.— Раздави его! Раздави! Всего два человеческих роста осталось, разве трудно с этим справиться!

Но Луна больше не падала. Вместо этого Пурпурный начал подниматься к желтому глазу. Поднялся и исчез в нем.

— Она его сожрала! — Шуга был поражен.— Почему она это сделала? Такого нет ни в одном руне.

— Может быть, это было в рунах Пурпурного? — предположил Вилвил.

— Да, он прав,— сказал я.— Теперь я все понял. Твоя Луна и большое яйцо Пурпурного — это одно и то же.

— Что ты имеешь в виду?

— Он полетит на ней домой,— ответил я,— домой. Я рад.

— Пурпурный, в моей Луне? Он не может! Я не позволю этого! Мальчики, поворачивайте назад!

— Поворачивайте,— сказал я им.

Как только лодка медленно описала круг, Шуга прошел на нос. Я последовал за ним, чтобы образумить.

— Он, вероятно, собирается подождать нас,— спокойно предположил я.— Он говорил мне, что, прежде чем улетит, удостоверится, что мы безопасно добрались домой. Что ты собираешься сказать ему?

— Я? Ему? Я ему скажу, чтобы он не прикасался своими безволосыми огрызками к моей Луне. А что я еще могу сказать?

— И, как ты думаешь, что он ответит?

— Ты на что намекаешь?

— Если Пурпурный захочет удержать Луну, то он может сказать только одно. Он скажет, что это его повозка и что именно он позвал ее вниз, а ты здесь совершенно ни при чем.

— Но это гнусная ложь!

— Конечно, Шуга. Но ему нужна Луна, чтобы добраться домой. Ему придется так сказать. И, как твоему единственному свидетелю,— мягко объяснил я,— мне придется сказать жителям деревни, что Пурпурный отрицал твое заявление, будто это ты сбросил вниз Луну.

— Но это ложь! Черная наглая ложь!

Шуга был ошеломлен вероломством свихнувшегося волшебника.

— Я тоже призывал ее вниз. И все это узнают. Кому скорее поверят жители деревни — мне или этому ненормальному лысому волшебнику?!

— Они поверят своему Главе,— сказал я.

На мгновение Шуга уставился на меня. А затем потопал на корму.

До берега мы добрались минут за двадцать.

Глава 85

Огромная желтая Луна ждала нас, освещая мягким светом песок.

— Никогда не думал, что он сможет это сделать,— без конца повторял Орбур, вытаскивая лодку на песок.— Представить Шугу сбрасывающим вниз Луну. Он даже безволосость не может вылечить.

— Возможно, он оказал свою помощь,— сказал я, выпрыгивая из лодки в мелкую по щиколотки воду.

— Отец, ты думаешь, Луну вызвал Пурпурный? — спросил Орбур.

— По-видимому, он ожидал действия Шугиного заклинания. Но они оба хотели одного и того же. Падения Луны и ухода Пурпурного. Если два могущественных волшебника работают в согласии, что ж в этом удивительного, что они добились желаемого.

С другой стороны ко мне подошел Вилвил. Послышался всплеск — это из лодки угрюмо вылез Шуга. Мы обернулись и посмотрели на него. Шуга презрительно окинул нас взглядом, выпрямился во весь рост и надменно прошествовал мимо нас...

— Шуга,— окликнул я его.

Он остановился, скрестил руки и обозрел гигантскую сверкающую сферу на вершине холма. Когда я подошел к нему сзади, он сказал:

— Ладно, пусть забирает себе мою Луну, раз она унесет его

к себе домой. Моя клятва обязует меня изгнать его с моей территории — этого я определенно добился.

— Хорошо сказано! — воскликнул я. — Ты великий волшебник, Шуга!

Не произнося больше ни слова, мы все четверо побрели к вершине холма, где нас ждал Пурпурный. Его настроение было само нетерпение, но прежняя тревога, казалось, навсегда исчезла с его лица. Он светло светился улыбкой, широкой, как весь мир.

Мы подходили очень осторожно. Огромная черная масса нависла над нами как рок богов. Но мы не видели ничего, что бы ее поддерживало. То, что воздушных мешков не было, — совершенно точно. Да и сама она была похожа на воздушный мешок.

— Не бойтесь, — сказал Пурпурный, — оно безопасное.

Мы вошли в конус желтого света, который превращал зеленый свет во что-то яркое, ранящее глаза, и я удивился, как можно выдерживать такое?

Яйцо возвышалось над нами, как скала Юдиони, а возможно и еще выше. Шуга откинулся назад, как мог, чтобы оценить его высоту. Не замечая ничего вокруг, он принес яйцо пещерной рыбы и начал царапать на нем руну.

Пурпурный подозвал нас. Я заметил груду лежащих вещей.

Он протянул Орбуру новую батарею. Она была похожа на ту, которую Пурпурный использовал для подкачки воздушных мешков, но, как он сказал им, она была полностью заряжена. Теперь не было опасности, что на обратном пути она может умереть. Она могла наполнить такое количество воздушных мешков, сколько нам понадобится на весь обратный путь, да и тогда только чуть-чуть ослабнет.

— В ней хватит энергии, чтобы провести дюжину таких путешествий, Лэнт. Вот указатель, Орбур. Он скажет тебе, сколько энергии в ней еще остается. Эта ручка регулирует скорость, с какой отдается энергия.

Он протянул батарею Вилвилу, чтобы тот тоже мог ее осмотреть, и потянулся за большим ящиком с крышкой на петлях.

— Это запас аварийного рациона. Я положил туда пять пакетов. Здесь хватит пищи на месяц.

Он подтолкнул ящик к нам и потянулся за следующим предметом.

Мы, заинтересованные, подошли поближе.

— Вот тут одеяла, — сказал Пурпурный, — они, без сомнения, понадобятся вам в верхнем небе. Посмотрим, что еще?

Он счастливо шарил в своей куче, передавая что-нибудь Вилвилу или Орбуру. Мальчики передавали мне, а я, после осмотра, кидал это в кучу позади себя. Его куча уменьшилась. Куча позади нас росла. Шуга ничем не интересовался. Он продолжал бродить вокруг основания гигантского яйца и царапал что-то на корке яйца пещерной рыбы.

— Вот тут фонари. А это набор инструментов. Я подписал ле-

карства. Одни вы сможете использовать против безволосости, другие против других болезней. Только будьте внимательны, хотя здесь и нет ничего такого, что могло бы вам навредить.

Пурпурный поднял еще один из немногих оставшихся странных предметов. Он состоял из нескольких сложенных вместе странных картинок. Он назвал это книгой и сказал, чтобы мы посмотрели ее позднее. Но Шуга вцепился в нее, как только увидел.

— Волшебные образы!

Пурпурный пытался втолковать ему, что это не так, но Шуга не стал и слушать. Немного погодя Шуга швырнул книгу в общую кучу и вновь принялся рисовать на скорлупе.

Наконец остался только один предмет — бесформенная масса мерцающего белесого света. Пурпурный даже не пытался поднять его — слишком уж массивным он казался. Он просто указал на него и сказал:

— Думаю, вы сочтете наиболее полезным вот это.

— Что это?

— Новый воздушный мешок,— ответил Пурпурный, улыбаясь.— Я опасаюсь за те, которые мы сделали, они оказались не такими уж стойкими, как я предполагал. Они едва выдержали это путешествие. Один уже лопнул. Боюсь, остальные долго не протянут. Друзья мои... а я знаю, что вы мои друзья...

Позади меня фыркнул Шуга.

— Друзья мои, я хочу, чтобы ваше путешествие домой было таким же приятным, как и мое. Это — воздушный мешок для вас. Он служит для изучения погоды в других мирах. Он достаточно большой, чтобы нести ваш вес. Используйте его вместе с другими воздушными мешками — и вы доберетесь домой!

Орбур деловито осматривал его. Материал был легким, прозрачным и наиболее тонким из всех, какие мы когда-либо видели.

— Здесь нет нитей,— воскликнул Орбур.— Вилвил, иди сюда! Ты только посмотри!

Но Вилвил исчез. Немного погодя он опять появился на холме.

— Ужасное место для яйца ты выбрал,— сказал он, тяжело отдуваясь.— Почему бы тебе не поставить его пониже.

— Где ты был?

Вилвил показал то, за чем он ходил.

— Я тоже принес подарок Пурпурному.— Он протянул одеяла из воздушной ткани и... мешок балласта.— Они могут тебе пригодиться.

Пурпурный был тронут. Он взял плотный мешок и нежно обнял Вилвила, как ребенка. Глаза его повлажнели, на лице расплылась улыбка. Он позволил Вилвилу набросить одеяла себе на руку.

— Спасибо,— забормотал он в смущении.— Это замечательный подарок.

Он говорил, и голос его прерывался. Потом Пурпурный повернулся ко мне.

— Лэнт, благодарю тебя за все. Спасибо тебе за помощь, за то, что ты такой превосходный Глава... Подожди, у меня кое-что есть для тебя.

Пурпурный исчез в своем яйце, но быстро вернулся. Он оставил там наши подарки и принес кое-что еще. Шар со странными шишками и выпуклостями на поверхности.

— Лэнт, это для тебя...

— Что это?

Я с удивлением взял предмет. Он был весом с маленького ребенка.

— Это твой символ Главы. Я знаю, у Шуги не было времени сделать его для тебя. Я надеюсь, он не станет возражать, если символ подарю я. Смотри — здесь написано мое имя знаками моего языка. Ты — Глава волшебника Пурпурного.

Я был смущен, поражен и восхищен, напуган, эмоции беспорядочно сменяли одна другую.

— Я... я...

— Не говори ничего, Лэнт. Просто — возьми. Это особый символ. Он будет узнан и окружен почетом любыми из моих людей, если кто-то из них снова попадет в ваш мир. А если вернусь я, он сделает тебя моим Главой официально. Владей им, Лэнт!

Я немо кивнул, взял предмет и отступил с ним назад.

Пурпурный наконец повернулся к Шуге, который все это время терпеливо ждал.

— Шуга,— сказал он, протягивая пустые руки.— У меня нет ничего, что бы я мог дать тебе. Ты слишком великий волшебник, чтобы я посмел оскорблять тебя ненужным подарком. Я не могу предложить тебе ничего, чтобы не оскорбить твое мастерство.— Челюсть у Шуги отвисла. Он чуть не выронил свое яйцо. И его глаза тут же подозрительно прищурились.

— Нет для меня подарка? — переспросил он.

Я не понял, чувствует ли он себя обиженным или польщенным.

— Только один,— ответил Пурпурный.— Но он такой, что его невозможно унести. Я оставляю тебе две деревни. Теперь ты их официальный волшебник.

Шуга уставился на него широко раскрытыми глазами. Пурпурный стоял, высокий, производящий впечатление. В этом странном свете он выглядел почти что богом. Ничего в нем не осталось от той пухленькой, почти комической личности, которая терроризировала нас на протяжении нескольких месяцев. Неожиданно он начал казаться благородным, великодушным, всезнающим.

Шуга выдавил из себя:

— Ты признаешь это? Ты признаешь? Что я самый великий волшебник?

— Шуга, я признаю это. Ты ведаешь о магии и о богах этого мира гораздо больше, чем кто-либо. Ты самый великий. И теперь у тебя есть летающая машина.

Затем он обвел нас всех взглядом и прошептал:

— Я покидаю вас всех. Я прощаюсь с вами всеми. И с тобой, Шуга, и с твоей дуэлью.

С этими словами он поднялся в свое яйцо и исчез. Желтый свет на мгновение вспыхнул ярче, затем погас. Яйцо начало всплывать вверх так же медленно, как и пришло. Оно поднималось все выше и выше, становилось все меньше и меньше, то ярко загораясь на мгновение, то исчезая.

Шуга был так потрясен этим зрелищем, что совсем забыл о заклинании на яйце пещерной рыбы. Он с шумным чавканьем торопливо впился в него зубами. И тут же подавился. Нам пришлось с силой колотить его по спине, прежде чем он пришел в себя.

Глава 86

Море бросалось на почерневший берег и откатывалось. Все, кроме этого, было спокойно. В небе висела крохотная искорка Оуэлса, яркая и голубая.

«Ястреб» лежал на берегу с наполненными, но вялыми баллонами. Большой белый баллон расцвел над остальными. Наполненный на одну десятую, он представлял собой узкий цилиндр с выпуклостью на вершине. Груз воды удерживал лодку от подъема. Наши припасы были разбросаны по песку, чтобы защитить их от воды в лодке.

Мы четверо сидели и мрачно глядели на наше судно.

— Я знал, что мы про что-нибудь забудем,— сказал Вилвил. Он повторял это уже в двенадцатый раз.

— Север,— бурчал Орбур,— мы забыли, где север.

— Мы забыли, что ветер дует на север,— уточнил я.

— Неважно,— пожал плечами Орбур,— он швырнул камешек в море. Мы все еще никуда не летели. Орбур швырнул очередной камень.

— Проклятье!

— Не ругайся,— пробормотал Шуга.— Как же так? Я — величайший волшебник в мире — и даже не могу изменить направление ветра. Проклятье!

— Сам ругаешься,— обидчиво сказал Орбур.

— Это моя работа. Я волшебник.

Мы уже четыре дня пытались подняться на лодке. И всякий раз минимум, что нам удавалось, так это остаться над берегом на прежнем месте. Каждый раз, как только мальчики уставали, ветер грозил унести нас в глубь материка. И каждый раз мы опускались на землю.

— Какое имеет значение, сколько энергии в этой батарее,— сказал Вилвил,— мы все равно не можем никуда улететь. А так мы только попусту ее расходуем. Если мы будем продолжать в том же духе, то дождемся того, что там ничего не останется.

Мы находились всего на несколько миль восточнее того места, где была наша бывшая деревня. Место было пустынное.

Я задумчиво жевал один из пищевых брикетов Пурпурного. Он был маленький, коричневый и имел странный привкус.

— Должен же быть какой-нибудь способ,— продолжал бормотать я.— Должен быть!

— Но не по воздуху,— отрезал Вилвил. Орбур швырнул очередной камень.

— Тогда давай по воде.

— А почему бы и нет. Лодка ведь может плыть, верно?

— Да, но водовороты, рифы,— напомнил я.

— А мы над ними поднимемся,— чуть ли не закричал Вилвил.— Вот-вот, мы наполним баллоны газом ровно настолько, чтобы лодка находилась над водой, но не воздухотолкатели! Они ведь могут гнать и воду. А мы будем крутить педали в сторону дома. Когда ветер утихнет, мы сможем подняться в воздух.

— Но если ветер будет дуть на баллон, как на паруса, то и в этом случае нас будет гнать назад,— сказал я.

— Да, но вода будет гнать нас вперед. Таким образом вода даст нам точку опоры, которая необходима, чтобы вернуться домой. К тому же мы не будем накачивать баллоны так сильно, как обычно. Они будут представлять меньшую площадь для ветра. И с ним легче будет бороться.

Конечно, Вилвил и Орбур были правы, как всегда, когда дело касалось летающей машины. О ней они знали почти все, как и сам Пурпурный. И уж несравненно больше Шуги. Шуга возражал против приравнивания действия ветра на баллоны и действия ветра на паруса. Но Орбур заявил, что ветер — есть ветер. И Вилвил и Орбур оказались правы. Вода лениво плескалась под нами, воздухотолкатели оставляли позади себя пенный след. Мальчикам приходилось налегать на педали вдвое сильнее, чем в воздухе. Море уже начало отступать, пороги и водовороты встречались чаще, поэтому нам частенько приходилось подниматься в воздух. Когда мы это делали, нас пыталось оттащить назад, но мальчики тогда брали курс на восток или запад, и, таким образом, мы смогли избежать больших опасностей нашего путешествия.

Когда мальчики уставали, мы или увеличивали балласт, или выпускали немного газа. На воде нас сносило совсем немного. За собой мы тащили рыболовные сети. Это был подарок Пурпурного. Нам не терпелось испытать их на деле. Однажды мы поймали что-то очень большое, и оно полдня тащило нас на восток, прежде чем мы сумели перерезать веревки. Нам пришлось использовать для этого специальный инструмент.

Пища, которой снабдил нас Пурпурный, была не то чтобы очень съедобной, но имела неприятный привкус.

На пятый день нам явно повезло — мы наткнулись на участок воды со стремительным течением, уносящим нас к югу. Мы держались за него сколько могли, пока течение не стало слишком бурным. Тогда мы поднялись в воздух. Мальчики были в восторге, обнаружив, что ветер дует нам в спину.

Периоды темноты стали теперь больше. Два часа. Один сезон

сменял другой. Океан начинал отступать. Это будет длиться еще несколько месяцев. Море под нами пенилось вокруг бритвенно острых скал — это начали обнажаться горные пики. Был период сильного тумана: голубого, красного, черного — бесконечное повторение вместе с циклом Солнц.

Мы уже потеряли три воздушных мешка. Их швы расползлись неожиданно и как-то одновременно. Мы компенсировали их потерю еще большим накачиванием мешка Пурпурного. Он был уже наполовину пуст, но еще более чем заменял недостаток других.

В следующие дни мы расстались еще с двумя мешками. Очевидно, очень большая ошибка была допущена с клеем, который Грим использовал для заклейки швов — или, возможно, сама ткань оказалась не такой крепкой, как ожидалось. Те мешки, которые у нас еще остались, держали газ не дольше дня. Шуга и я постоянно подзаряжали их. В момент изготовления воздушная ткань была плотной, но теперь она определенно перестала быть таковой. При постоянном использовании что-то ослабило ее.

Мы еще волочили за собой наши рыболовные снасти. Они свисали за бортом, как тоненькие нити мерцающей паутины. Я удивлялся мастерсту их изготовления и прикидывал, сможем ли мы сделать такие же.

Нас внесло в новую зону тумана: голубой, белый, красный...

В черном тумане наш крючок опять зацепился за что-то большое, слишком большое, чтобы его можно было вытащить. Мы не решились обрезать нить. Она была слишком ценной, чтобы терять ее. Ветер свистел в снастях, так быстро мы двигались.

Туман тогда рассеялся, когда голубое солнце выпарило его. И мы увидели, что поймали на крючок... землю. Пустыня, которую мы пересекали много месяцев назад, которая еще совсем недавно была морским дном, теперь представляла собой непролазное болото. Болотная тина за несколько дней бурно зацвела. Там должны быть жевательные корни. До дома осталось недалеко.

Глава 87

Мы вернулись к мирной жизни близнецов-деревень. Жизнь и в самом деле представлялась даже более спокойной, чем раньше. И ответственность за это несли я и Шуга. Во время отлета «Ястреба» мы просыпали над веселящейся толпой пыль желания. В результате там продолжались оргии целых три недели. Непристойная, конечно, но она породила чувство братства между верхней и нижней деревнями. Другим связующим звеном между нами стал Шуга. Теперь он был главным волшебником обоих поселений.

Гортин, правда, позволил ему занять этот пост только заручившись клятвой Шуги, что он выкупит все волшебные символы в деревне за их полную стоимость. Потребовались уговоры, чтобы он согласился выкупать и символы Пурпурного, но прощальные слова Пурпурного надолго привели его в хорошее настроение. Однажды его видели даже улыбающимся.

Конечно, нашлось несколько человек, которые огорчились из-за расстройства их планов. Пилг, например, вложил почти весь свой капитал в символы Пурпурного и считал, что их следовало бы выкупать по прежней цене — десять к одному.

Но жизнь наша текла мирно. По вечерам я сидел и слушал, как бранятся жены и кричат дети, и думал, до чего же хорошо быть дома. Жизнь вернулась к своему неспешному ритму. Я попрежнему нарезал плашки и этим регулировал развитие коммерции. Другие — производили товары, а я распределял плашки, теперь уже только голубые, поскольку Пурпурный улетел.

Ткачество оставалось основным ремеслом. Торговцы прибывали не только с других деревень, но даже с материка и южных краев. Каждые пять дней прибывал новый караван. Они приходили из все более отдаленных поселений. Мы стали теперь могущественной торговой деревней, а слава о нашей ткани распространилась по всей нашей земле.

Вилвил и Орбур работали над новым «Ястребом». Старый был установлен на почетном месте на особой поляне, принадлежащей сыну Френа Кузнеца. Ни один из торговцев не проходил мимо, чтобы не остановиться и не удивиться лодке.

Новый «Ястреб» должен был получиться огромным — почти в пятнадцать человеческих ростов длиной. Ему потребуется свыше сотни воздушных мешков и десять мужчин на велосипедах, чтобы приводить его в движение. Теперь следующий Болотный Сезон не прервет нашу торговлю с материком. Подмастерья ткачей и изготовители лодки никогда так напряженно не работали, как в последнее время.

Когда Орбур и Вилвил объявили о своих намерениях, некоторые стали возражать.

— Для чего нужна еще одна летающая машина? Одну мы уже построили, мы доказали, что можем ее сделать, так чего ради мы будем делать еще? Ради кого мы будем тратить на нее время и силу. Лучше использовать воздушную ткань для торговли.

— Но как вы собираетесь здесь торговать? — последовал вопрос.— Если мы не будем строить другой «Ястреб», нам будут не нужны генераторы и генераторные бригады. И мы не сможем заключать на них пари. Нам некуда будет тратить плашки, которые вы зарабатываете, производя ткань, нам негде будет торговать вашей тканью.

Тех, кто не был в этом убежден, скоро перекричали. Гортин и я одобрили намерение моих сыновей, и вскоре на скале начали расти внушительных размеров подмостки.

Казалось, что женщины теперь навечны обзавелись именами. Шуга думал, что по окончании строительства первой лодки мы сможем отменить даже имя Мисс, но поскольку они снова оказались нам нужны для прядения нитей, мы не посмели этого сделать. А чума эта распространялась.

Новая жена, которую я купил на материке, не успела пробыть в моем доме и трех дней, как уже потребовала себе имя. Мои дру-

гие жены поддержали ее. Каким-то образом им пришла эта идея. Единственным исключением была моя безволосая дочь. Шуга намеревался вскоре освятить ее. У нее будет свое имя, собственное секретное имя.

Все эти дни Шуга был очень занят. Теперь он мог снять благословение и позволить взять сок и снова наложить благословение на домашнее дерево почти без затрат времени. И это стоило владельцу гнезда всего одного волшебного символа. К счастью, Шуга открыл, что взятие сока домашнего дерева отгоняет демонов. Он перепродавал сок домашнего дерева ткачам, по три порции за плашку. И это была очень справедливая цена. Из-за повысившегося авторитета Шуги мне пришлось набрать новых подмастерьев. Теперь их у меня было больше десяти, и они изготовляли в день плашек больше, чем их мог выкупить любой волшебник.

Многие жители деревни, кажется, не считали больше компенсацию символов необходимой. Они обменивались плашками, как легким, ценным и неразрушающимся товаром. Но другие ценили их достаточно высоко, так что Шуга был постоянно занят. Ткань нужно было благословлять, станки освящать, у домашних деревьев брать сок. Были еще оплодотворяющие заклинания, благословение имен. И все время приходилось присматривать за своими учениками, которые становились все искуснее в своих попытках убить Шугу.

— Бегаешь и молишься! — жаловался он.— Нет времени отдохнуть! И ты знаешь, Лэнт, они все еще обмениваются плашками Пурпурного. Меняют ее одну к четырем. Почему? Пурпурный же улетел.

— Но его магия сохраняется. Она впиталась в плашки и делает их счастливыми.

Шуга раздраженно фыркнул.

— Кроме того, ты работаешь лучше и более впечатляюще за плашку Пурпурного. Так мне рассказали,— добавил я.

— Это верно. Потому-то я и собираю плашки Пурпурного. Когда я уничтожу последнюю, здесь от него никаких следов не останется. И все будет так, как до его прихода к нам. Я искореню память о Пурпурном, Лэнт!

— Думаю, ничего не получится, Шуга. Плашки и ткань разошлись так широко, что ты никогда не сможешь выкупить их все.

Я опять принялся за разрезание и раскрашивание плашек. Намерения Шуги несбыточны. Каждый раз, когда он уничтожает очередную плашку Пурпурного, остальные еще поднимаются в цене. Люди уже не очень охотно расстаются с ними. Но я должен подумать и решить, что же я смогу сделать для Шуги.

«РЕЛИКТ ИМПЕРИИ»

Когда появился корабль, доктор Ричард Эйшель-Манн находился среди растений, порхая над ними на поясе-подъемнике. Он завис над одним из растений, с собственническим интересом разглядывая необычное пятно в его желтоватой листве. Вот это уже скоро созреет.

Этот любитель-натуралист был высоким и худым как палка; аристократическую голову его украшала щетка коротко остриженных медных волос и борода неправильной формы. Над его правым ухом проходила светлая полоса, и по белому же пятну находилось с каждой стороны подбородка, на одном из них помещалась навощенная прядь. Когда голова поворачивалась под двойным солнечным светом, пятна непрерывно меняли окраску.

Манн взял из сероватого пятна на листве пробу ткани, упаковал ее и двинулся дальше...

Корабль упал с неба, словно метеорит, перечеркнув голубовато-белой полоской тусклое красное свечение Большой Миры. Высоко над головой он затормозил и начал описывать круги и блуждать, как пьяный, после чего опустился на равнину возле принадлежавшего Манну «Исследователя». Манн пронаблюдал за посадкой, а затем прервал свою шмелиную деятельность и направился приветствовать новоприбывших. Он был поражен таким совпадением. Насколько ему было известно, его корабль был первым, приземлившимся на этой планете. Компанию получить было неплохо... но что кому бы ни было могло здесь понадобиться?

Пока он парил обратно, успела зайти Малая Мира. Дальний край моря полыхнул белым — и крошечного бело-голубого карлика не стало. Тени резко изменили форму и мир окрасился в красное. Манн снял розовые защитные очки. Большая Мира была еще высоко, градусов шестьдесят над горизонтом, и до второго заката оставалось часа два.

Пришелец был огромен — толстый тупорылый цилиндр раз в двадцать больше «Исследователя». Он казался старым — не поврежденным и даже не потрепанным, а просто неопределенно старым. Нос его пока был плотно сомкнут, жилой пузырь втянут, если только у него вообще был жилой пузырь. Поблизости ничего не двигалось, должно быть, они ожидают, когда он поприветствует их, прежде чем высадиться.

Манн снизился к пришельцу.

Станкер поразил его в нескольких сотнях футов от земли. Без боли и без звука все мышцы Манна превратились в дряблое желе. В полном сознании и совершенной беспомощности он продолжал пикировать к земле.

Навстречу ему из необычно большого люка пришельца вылетели три фигуры. Они подхватили его, не допустив удара о землю. Перекинувшись веселыми замечаниями на неизвестном Манну языке, они отбуксировали его на равнину.

Человек за письменным столом был обряжен в фуражку капитана и любезную улыбку.

— Наш запас веринола ограничен,— произнес он на торговом языке.— Если мне придется воспользоваться им, я так и сделаю, но предпочел бы его поберечь. Вы, может быть, слышали, что у него есть неприятные побочные эффекты.

— Я вас очень хорошо понял,— ответил Манн.— Вы воспользуетесь им в тот момент, когда вам покажется, что вы меня поймали на лжи.— Так как до сих пор ему не ввели этого вещества, он решил что это блеф. У этого человека нет веринола, если вообще есть на свете такая штука как веринол.

Но тем не менее положение его оставалось чертовски трудным. Этот подлатанный древний корабль несет в себе не менее дюжины человек, тогда как сам Манн серьезно сомневается, сможет ли он хотя бы встать. Действие оружия еще не совсем прошло.

Его пленитель одобрительно кивнул. Он был массивным и квадратным — почти карикатура на человека с планеты с большой силой тяжести — с мускулами крупными и гладкими, как у слона. Ясно как день — джинксианин. Из-за его размеров и без того крошечный корабельный кабинет казался едва ли больше гроба. Вряд ли он так нуждался в капитанской фуражке, чтобы команда выполняла его приказы. С виду он был способен продырявить пинком корабельную обшивку или поучить манерам вооруженного кзина.

— Вы быстро соображаете,— сказал он.— Это хорошо. Я буду задавать вопросы о вас и об этой планете. Вы будете давать правдивые, полные ответы. Если какой-нибудь из моих вопросов окажется слишком нескромным, то так и скажите, но помните, что если я останусь неудовлетворен, то я применю веринол. Сколько вам лет?

— Сто пятьдесят четыре.

— На вид вы гораздо старше.

— Пару десятков лет я был лишен укрепсредства.

— Не повезло вам. Планета происхождения?

— Чудестран.

— Я так и подумал по вашему сложению. Имя?

— Доктор Ричард Богат Эйшель-Манн.

— Богат Эй, стало быть? Вы и вправду богаты?

Джинксианина хлебом не корми, а дай покаламбурить.

— Нет. Но разбогатею, когда сделаю себе имя и напишу книгу об Империи Рабовладельцев.

— Будь по-вашему. Женаты?

— Несколько раз. На сегодняшний день — нет.

— Послушайте-ка, Богат Эй, я не могу сообщить вам своего настоящего имени, но вы можете называть меня Капитаном Киддом. Что у вас за борода?

— Вы никогда не видели асимметрической бороды?

— Нет, хвала Пыльным Демонам. Похоже, что вы сбрили себе все волосы книзу от пробора и все, что росло у вас на лице слева от чего-то похожего на захудалую эспаньолку. Так оно было, надо полагать?

— В точности так.

— Ну, так вы это сделали с какой-то целью.

— Не насмехайтесь надо мной, Капитан Кидд.

— Уяснил. На Чудестране они в моде?

Доктор Манн непроизвольно заговорил с меньшей уклончивостью.

— Только среди тех, кто хочет потратить время и силы, чтобы содержать ее в порядке.— Он, с опять-таки бессознательным самодовольством, подкрутил единственную навощенную прядь бороды справа от подбородка. Это была единственная прямая прядь на его лице — остальная часть бороды, коротко постриженная, курчавилась — и произрастала она на одном из светлых пятен. Манн гордился своей бородой.

— На вид она едва ли стоит того,— заметил джинксианин.— Я думаю, это доказывает, что вы принадлежите к праздному классу. Что вы делаете на Мире Кита-Т?

— Я изучаю один вопрос, касающийся Империи Рабовладельцев.

— Значит, вы геолог?

— Нет, ксенобиолог.

— Не понимаю.

— Что вам известно о Рабовладельцах?

— Немногое. Они жили везде по этой части Галактики. В один прекрасный день порабощенные расы решили, что с них довольно, и началась война. Когда она кончилась, в живых не осталось никого.

— Вы знаете очень мало. Полтора миллиарда лет, Капитан,— это долгое время. Рабовладельцы оставили свидетельства о своем существовании только двух родов. Это стазис-боксы с их содержимым — в основном, оружием, но так же находили и записи. И это растения и животные, выведенные на потребу Рабовладельцам их рабами-тнуктипами, владевшими биоинженерией.

— Это-то мне известно! У нас на Джинксе по обе стороны от океана водятся брандашмыги.

— Брандашмыги, пищевые животные, это особый случай, они не способны мутировать, их хромосомы, толщиной в ваш палец, слишком велики, чтобы на них могла подействовать радиация.

А все остальные произведения тнуктипских инженеров мутировали настолько, что их почти невозможно признать. Почти. Ибо последние двенадцать лет я занимался тем, что разыскивал и распознавал уцелевшие виды.

— Похоже, это не слишком приятный способ проводить жизнь, Богат Эй. На этой планете есть животные Рабовладельцев?

— Не животные — растения. Вы уже были снаружи?

— Еще нет.

— Тогда идемте. Я вам покажу.

Корабль был очень велик. Он, по-видимому, не был оборудован жилым пузырем, так что вся система жизнеобеспечения располагалась, должно быть, в металлических стенках. Манн прошел перед джинксианином вниз по длинному некрашенному коридору к люку, выждал, пока давление внутри несколько понизилось и спустился на землю на эскалаторе. Он пока не пытался бежать, хотя вполне уже пришел в себя. Джинксианин держал себя любезно, но был все время настороже, придерживая свисавший с пояса лазер-светомет; вокруг все время были его люди; пояс-подъемник у Манна отобрали. Ричард Манн не был донкихотом.

Мир вокруг был красным, очень красным. Они стояли на пыльной равнине, по которой кое-где были разбросаны странного вида кусты с желтыми листьями. Ветер гнал по равнине напоминающие перекати-поле шары, которые на второй взгляд оказывались высохшими верхушками тех же самых кустов. Никаких других форм жизни не было видно. Большая Мира садилась на горизонте туманным огненным полукруглым облаком, тусклым ровно на столько, чтобы можно было смотреть на него не прищуриваясь. На фоне окровавленного диска красного гиганта рисовались острые силуэты трех стройных, невероятно высоких шпилей, сверхестественно прямых и правильных, с яркими пятнами желтой растительности вокруг основания. Члены команды джинксианина ходили, бегали или парили снаружи — некоторые играли в какой-то импровизированный вариант бейсбола, другие работали, а третьи просто радовались жизни сами по себе. Джинксиан среди них больше не было, равно как никого, напоминавшего сложением происходящего с «легкой» планеты Манна. Манн заметил, что некоторые, пользуясь тонкими проволочными лезвиями универсальных ножей, срезали несколько кустов.

— Вот они,— сказал Манн.

— Кусты?

— Да. Когда-то они были тнуктипскими фазовыми деревьями. Мы не знаем, на что они были похожи первоначально, но древние записи говорят, что Рабовладельцы перестали ими пользоваться за несколько десятков лет до восстания. Могу я спросить, что эти люди делают в моем корабле?

— Они ничего не украдут, Богат Эй. Я отправил их изъять некоторые детали двигателя и системы связи.

Жилой пузырь «Исследователя», выпущенный из его створчатого носа, по размерам был больше, чем сам корабль. Полностью

изолированная от окружающей среды, непроницаемая для любых существующих в природе атмосфер, матерчатая полусфера, поддерживаемая давлением воздуха в надутом состоянии, была стандартной чертой всех предназначенных для жилья моделей космического транспорта. Сейчас в ней видны были человеческие тени, целенаправленно продвигавшиеся и проникавшие меж створок в собственно корабль.

— Остается надеяться, что они не повредят изъятое.

— Не повредят. У них есть на это инструкции.

— Вы, вероятно, не хотите, чтобы я кого-нибудь вызвал,— сказал Манн.

Он заметил, что экипаж Капитана Кидда вознамерился развести костер их фазовых кустов. Кусты эти напоминали миниатюрные деревья от четырех до шести футов в высоту, прямые и стройные; ярко-желтая листва на макушке уплощалась, как головка одуванчика. От низких, покатых гор на востоке до западного моря вся багровая равнина искрилась желтыми точками их головок. Люди обрубали головки и корни, а затем стаскивали стебли и складывали их конусом над грудой высохших головок, похожих на перекати-поле.

— Мы не хотим, чтобы вы вызвали чудестранскую полицию, случись ей околачиваться поблизости, разыскивая нас.

— Я терпеть не могу совать нос в чужие дела, но...

— Нет-нет, вы имеете право на любопытство. Мы пираты.

— Вы, конечно, шутите. Если вам удалось найти способ сделать пиратство самоокупаемым, Капитан Кидд, то вы должны быть достаточно умны, чтобы сделать в десять раз большие деньги на бирже.

— Почему?

Судя по тону и по довольной улыбке, джинксианин готовился поймать его на крючок. Отлично — это его отвлечет от фазовых деревьев. Манн ответил:

— Потому что поймать корабль в гиперпространстве НЕВОЗМОЖНО. Вы можете пересечь курс корабля только когда он войдет в обитаемую систему. Ну, а в обитаемых системах есть полиция.

— Я знаю обитаемую систему, где полиции вовсе нет.

— Черта с два.

Они более или менее машинально брели к люку «Исследователя». Джинксианин обернулся и уставился в направлении мерцающего серпа Большой Миры, напоминающего теперь сильный лесной пожар.

— Любопытны мне эти шпили.

— Ну ладно, храните свою маленькую тайну. А шпилям этим я и сам удивлялся, покуда не подвернулось случая взглянуть на них как следует.

— Я думаю, они вас заинтересуют. По-моему, вид у них явно как у чего-то, сделанного искусственно.

— Но им на миллиард лет меньше, чем нужно, чтобы быть изделием Рабовладельцев.

— Богат Эй, эти кусты — единственная жизнь на планете?

— Я больше ничего не видел,— солгал Манн.

— Тогда эти шпили не могут быть построены местной расой. А я никогда не слыхал о расе, владеющей космическими путешествиями, которая возводила бы такие громадные монументы.

— Я тоже. Не посмотреть ли нам на них завтра?

— Так и сделаем,— Капитан Кидд шагнул в люк «Исследователя», нежно обернув свою огромную ручищу вокруг тонкой талии Манна и втаскивая своего пленника за собой. Люк закрылся, и Манн поплелся вслед за джинксианином в жилой пузырь, имея впечатление, что тот ему не совсем доверяет.

ОТЛИЧНО.

В пузыре было темно. Манн поколебался, прежде чем включить свет. Он видел, как снаружи с заметной скоростью уменьшается последний лоскут Большой Миры. Он видел и еще кое-что. Перед конусом костра опустился на колени человек и по куче высохших головок пробежал мерцающий огонек пламени.

Манн включил свет и вид снаружи пропал.

— Продолжим о пиратстве,— сказал он.

— Ах, да,— джинксианин нахмурившись опустился в кресло.— Пиратство было только конечным результатом. Началось это год назад, когда я нашел систему кукольников.

— Систему...

— Да. Родную систему кукольников.

Ричард Манн навострил уши. Уроженец Чудестрана, он был любопытен, как Алиса.

Кукольники очень высокоразумны, травоядны, и стары как вид. Их участие в межзвездных делах началось во времена человеческого бронзового века. И еще они очень трусливы.

На отважного кукольника не смотрят, как на безумца, только другие кукольники. Он и в самом деле безумен, и, как правило, проявляет вторичные симптомы разрушения психики: депрессию, гомицидальные наклонности и так далее. Эти бедные исковерканные души легко распознаются. Ни один нормальный кукольник не станет переходить дорогу с оживленным движением, не согласится путешествовать иначе, как только самым безопасным из всех доступных способов и не будет сопротивляться грабителю — даже невооруженному грабителю. Ни один нормальный кукольник не улетит из своей родной системы, неважно в каком направлении, не прихватив своей системы безболезненного самоубийства, и не выйдет в чужой мир без охраны — охраны, не состоящей из кукольников.

Местонахождение системы кукольников — это один из самых заботливо охраняемых секретов. Другой из них — приспособления для безболезненного убийства. Невозможно, что это просто какой-то трюк с самовнушением. Как бы то ни было, он действует безотказно, кукольника невозможно пытать, чтобы

заставить его сказать что-либо о родном мире, хотя они терпеть не могут боли. Это должен быть мир, напоминающий земные климат и температуру — в разумных пределах, но кроме этого о нем ничего не известно... или не было известно.

Манну вдруг захотелось, чтобы они не разжигали костра так уж быстро. Он не знал, сколько тот будет гореть, пока не займутся стебли, а ему бы хотелось узнать побольше об этом предмете.

— Я нашел ее ровно год тому назад,— повторил джинксианин.— Лучше уж я не буду говорить вам, чем я занимался до этих пор. Чем меньше вы будете знать о том, кто я есть, тем лучше. Но, выбравшись благополучно из этой системы, я направился прямо домой. Нужно было немного подумать.

— И вы выбрали пиратство? Почему же не шантаж?

— Я об этом думал...

— Еще бы вы не думали! Вы хоть представляете себе, сколько заплатили бы кукольники за сохранение тайны?

— Да. Это меня и остановило. Послушайте-ка, Богат Эй, сколько бы вы потребовали денег зараз?

— Кругленький миллиард стар плюс гарантию от преследования.

— Чудесно. А теперь поглядим на это с точки зрения кукольников. Полной гарантии безопасности они за свой миллиард не получат, так как по-прежнему останется возможность, что вы проболтаетесь. Зато если они потратят десятую часть этой суммы на оружие, сыщиков, наемных убийц и так далее, то запросто на веки заткнут вам рот, а заодно уберут и всех, кому вы могли проболтаться. Я не сумел придумать никакого способа получить деньги и остаться в живых, имея против себя такую потенциальную силу. Так что я подумал о пиратстве.

В дело вошло восемь человек, но только я догадывался, на чем мы сможем споткнуться. Я посвятил в это остальных. У некоторых были друзья, которым они могли доверять, и таким образом нас стало четырнадцать. Мы купили корабль — весьма старый — и подновили его. Может быть, вы заметили, что это древняя вспомогательная баржа «земля — орбита», оснащенная новым гипердвигателем?

— Нет. Но я понял, что он старый.

— Мы рассчитали, что если даже кукольники опознают его, то никогда не выследят, откуда он взялся. Мы вернулись на нем в систему кукольников и ждали.

За стеной пузыря заиграли огненные блики. Теперь стебли могут заняться в любую секунду... Манн попытался расслабиться.

— Довольно скоро появился корабль. Мы выждали, чтобы он углубился в гравитационном поле системы достаточно глубоко и не мог больше прыгнуть обратно в гиперпространство. Затем вышли на перекрестный курс. Они, разумеется, сразу же сдались. Мы вошли к ним в скафандрах, чтобы они не могли нас описать, даже если сумеют отличить людей друг от друга. Поверите ли, что у них оказалось шестьсот миллионов стар наличными?

— Что же, куш недурной. Но что вас подвело?

— Мой безмозглый экипаж не пожелал уходить. Мы рассчитали, что на большей части кораблей, идущих в систему кукольников, должны быть деньги. Они скупердяи, как вам известно. Трусость ведь включает желание обеспечить себя. А почти все шахты и фабрики расположены на других планетах, где они могут найти рабочую силу. Так что мы дождались еще два корабля — место для денег у нас пока было. Кукольники не посмели бы атаковать нас в своей собственной системе,— Капитан Кидд издал пренебрежительный звук.— Я не могу так уж винить своих людей. В известной мере они были правы. Один — единственный корабль с термоядерным двигателем может причинить чертову уйму вреда, попросту повиснув над городом. Так что мы остались. Между тем кукольники отправили на Землю формальную жалобу.

Земля терпеть не может тех, кто подрывает межзвездную торговлю. Мы причинили кукольникам существенные убытки, такие вещи могут вызвать биржевую катастрофу. Так что Земля предложила им услуги всех полицейских сил в занятой людьми части космоса. Не слишком-то честно выглядит, верно?

— Они устроили облаву. Но ведь явиться за вами не могли, так ведь? Кукольники не стали бы открывать полиции, как найти их систему. Едва ли они это сделают, ведь тогда и через тысячу лет останется возможность, что какие-нибудь потомки людей на них нападут.

Джинксианин набрал на пульте автокухни ледянного даикуири.

— Им пришлось ждать, пока мы уйдем. До сих пор не знаю, как они нас выследили. Возможно, у них есть что-то такое, с помощью чего они могут проследить гравитационные искажения, происходящие от движения со сверхсветовой скоростью. Я бы не посчитал невозможным, что они придумали эту штуку специально для нас. Как бы то ни было, но когда мы направились к Джинксу, то услышали, как они передают полиции Нашего Достижения, в каком месте мы находимся.

— Ого.

— Тогда мы направились к ближайшей двойной звезде. Это была не моя идея, а Герми Престона. Ему пришло в голову, что мы могли бы укрыться в ближайшем облаке пыли, скопившейся в троянской точке. Чем бы там не пользовались кукольники, вряд ли они смогут нас обнаружить в обычном пространстве.— Капитан Кидд двумя жадными глотками прикончил напиток. Он скомкал чашку, пронаблюдал за ее исчезновением и набрал другую.— Ближайшей двойной звездой оказалось Мира Кита-Т. Мы не ожидали обнаружить в троянской точке планету, но коль скоро она там оказалась, мы решили ею воспользоваться.

— И вот вы здесь.

— Да.

— Лучше бы вам было удрать, раз вы нашли способ спрятать корабль.

— Сначала мы должны разобраться с вами, Богат Эй. Завтра мы затопим «Владыку кукол» в океане. Термоядерный двигатель мы уже отстрелили. Подъемники работают от батарей, и засечь их фараоны не смогут.

— Отлично. Ну, а, скажем, за миллиард стар...

— Нет, нет, Богат Эй. Я вам не скажу, где находится планета кукольников. Думать об этом забудьте. Не присоединитесь ли вы к нашей компании у костра?

Манн дрожал от напряжения. Каким образом фазовики выдержали так долго? Быстро прикидывая варианты он спросил:

— У вас автокухня не хуже моей?

— Похуже, пожалуй. А что?

— Позвольте мне пригласить вашу группу отобедать, Капитан Кидд.

Капитан Кидд с усмешкой покачал головой.

— Недурно было бы, Богат Эй, но я не понимаю приборов на вашей кухне и лучше не буду вас искушать. Вы бы могли неосмотрительно положить чего-нибудь...

БУМ!

Стенка жилого пузыря прогнулась и с хлопком вернулась на место. Капитан Кидд выругался и бросился к люку. Манн остался сидеть неподвижно, надеясь против всякой логики, что джинксианин забудет о нем.

БУМ! БУМ! В районе костра мелькнули языки пламени. Капитан Кидд бешено ударил по кнопке и непрозрачная пластина внутренней двери закрылась за ним. Манн вскочил на ноги и побежал.

БУМ! Отдача взрыва ударила Манна по ушам. Пузырь задрожал. Должно быть, горящие бревна разлетались во всех направлениях. Шлюз снова открылся — он был пуст. Где был джинксианин — неизвестно; наружная дверь тоже непрозрачна. Ну ладно, это работает в обе стороны.

БУМ!

Манн пошарил в шлюзовом шкафчике, расшвыривая детали скафандра в поисках пояса-подъемника. Его там не было. Он был ведь на нем; пояс сняли, когда они подбили его.

Он застонал — из груди культурного чудестранца вырвался мучительный, странный звук. Он должен вернуть спасательный пояс.

БУМБУМБУМ. Вдали кто-то завопил.

Манн схватил грудно-плечевую часть скафандра и натянул на себя. Скафандр был жесткий, вакуумный, и в спинную его часть был вмонтирован подъемный моторчик. Манн потратил еще секунду на то, чтобы навинтить шлем, и ткнул кнопку. Оружие искать бесполезно — они забрали даже карманный нож.

Джинксианин может поджидать снаружи. Он мог уже понять правду.

Дверь отворилась... Капитан Кидд легко нашелся — бесформенная бегущая тень и бешеный громовой голос: «Ложи-

тесь болваны! Это нападение!» Не догадался. Ему бы следовало знать, что полиция Нашего Достижения пользуется станнерами.

Манн включил подъемник на полную мощность.

Подъемная сила подхватила его под мышки. Стандратные два «же» заставили его кровь прилить к ногам, унося его вверх с ускорением, вчетверо превышающим гравитацию Чудестрана. Внизу взорвался ствол последнего фазовика, Манна качнуло взад-вперед и стало темно и тихо.

Он установил склонение так, чтобы скользить почти прямо вперед. Под ним проносилась темная земля. Манн летел на северо-восток. За ним никто не гнался. Пока.

Люди Капитана Кидда должно быть убиты, ранены или, по крайней мере, оглушены после того, как костер взорвался им в лицо. Капитан Кидд, надо ожидать, пустится в погоню, но джинксианину его не догнать. Все подъемники, в общем схожи, а Манн легче джинксианина.

Манн летел на северо-восток, держась очень низко, так как знал, что единственные элементы ландшафта, достаточно высокие, чтоб он мог об них разбиться, это пики на западе. Когда он перестал видеть корабельные огни, то повернул на юг, попрежнему на небольшой высоте. За ним все еще никто не гнался. Манн был рад, что прихватил шлем: глаза его были защищены от ветра.

Проснулся он на голубой заре. Небо было темно-темно-синим и свет вокруг разливался тусклый, напоминающий лунный. Маленькая Мира повисла между двумя горными пиками в виде болезненно яркой точки с острие булавки величиной; достаточно яркой, чтобы прожечь дыру в человеческой сетчатке. Манн отвинтил шлем и опустил на глаза розовые очки. Стало еще темнее.

Он высунул нос из желтого мха. Равнина и небо были чисты от людей. Пираты, наверное, уже выступили на поиски, но сюда они, должно быть, еще не добрались. Пока что хорошо.

Вдалеке над равниной горел огонь. Фазовое дерево, лишенное корней и цветов, быстро поднималось в черное небо, удерживаемое деревянистыми выступами у основания в ненадежном аэродинамическом равновесии. За ним тянулся белый шнур дыма. Когда дым оторвался, дерево стало невидимым... до тех пор, пока, много выше, не вспыхнуло вдруг белое облачко, словно выстрел из зенитки. Теперь семена будут расплываться по небу.

Ричард Манн улыбнулся. Поразительно, как фазовые деревья приспособились к утрате хозяев. Рабовладельцы выращивали обширные плантации таких деревьев, пользуясь твердыми сердечниками-ракетами, одетыми живой корой, чтобы поднимать свои корабли там, где ядерный двигатель мог бы причинить вред. Но деревья воспользовались ракетами для размножения, распространяя свои семена все шире и шире, чем любое растение до них.

Ну что ж... Манн зарылся поглубже в пушистую желтую массу и принялся обдумывать следующий шаг. Теперь он был с точки зрения человечества в целом героем. Он нанес существенный

ущерб пиратскому экипажу. Когда высадится полиция, он может рассчитывать на награду от кукольников. Следует ли ему поставить на это или сделать ставку повыше?

Конечно, груз «Владыки кукол» был немалой ставкой. Но даже если он сумеет его захватить, что само по себе казалось невероятным, то как его втиснуть в свой корабль? Как удрать от полиции Нашего Достижения?

Нет. На уме у Манна была другая ставка, не менее ценная и бесконечно более легкая для достижения.

Чего Капитан Кидд, по-видимому, не понял, это того, что шантаж для кукольников не аморален. Существуют хорошо выработанные правила ведения дела, при которых шантаж вполне безопасен, как для шантажиста, так и для жертвы. Два из них — шантажист должен согласиться на стирание части своей памяти и передать жертве все улики. Манн готов был на это, сумей он заставить Капитана Кидда сказать ему, как найти систему кукольников.

Но как это сделать?

Ну, он знает одну вещь, неизвестную джинксианину.

Малая Мира быстро восходила по голубой дуге — дырка в ад. Манн остался там, где был, незначительным пятнышком в желтой растительности под одним из пиков, замеченных Капитаном Киддом прошлым вечером. Шпиль был добрых полмили высотой. Искусственное сооружение такого размера показалось бы непомерно огромным любому, кроме землянина. Манну было не по себе от того, как они нависали над ним. По форме шпиль был ровным конусом с основанием около трехсот футов в поперечнике. Поверхность у основания была серой и гладкой на ощупь, как полированный гранит.

Желтая растительность густым, неровным ковром распространилась вокруг шпиля кругом в полмили диаметром и футов десяти толщиной. Вокруг основания шпиля этот слой подымался, образуя толстый, высокий «воротник». При ближайшем рассмотрении слой этот даже не был образован отдельными растениями. Он казался чем-то средним между мхом и шерстью, окрашенным в кричаще-желтый цвет.

В нем было удобно прятаться. Не вполне, конечно: теплоискатель выудил бы его в мгновение ока. Прошлой ночью Манн об этом не подумал, а теперь его это беспокоило. Не стоит ли выйти и попытаться добраться до моря?

На корабле теплоискатель есть наверняка, но не портативный. Портативный теплоискатель был бы оружием, прицелом ночного боя, а оружие, применимое на войне, уже некоторое время было вне закона в человеческой части космоса.

Но «Владыка кукол» мог сделать остановку где-нибудь еще, чтобы обзавестись подобными приборами. На Кзинти, например.

Глупости. К чему бы Капитану Кидду понадобилось портативное оружие с ночным прицелом? Уж конечно, он не ждал, что кукольники вступят с ними в рукопашную! Станнеры — вполне гу-

манное оружие, даже пираты не посмеют убить кукольника, а Капитан Кидд не был обыкновенным пиратом.

Очень хорошо. Радар? Ему стоит лишь поглубже зарыться в мох-мех. Визуальные поиски? То же самое. Радио? Заметка на память: ничего не передавать.

Заметка на память? У него в шлеме имелся диктофон. Манн выкопал шлем из моха-меха под собой и воспользовался им.

Летящие фигуры. Манн долгую секунду следил за ними, пытаясь определить джинксианина. Их было всего четверо, и Капитана Кидда среди них не оказалось. Все четыре летели к северо-западу от него, направляясь на юг. Манн нырнул в мох.

— Привет, Богат Эй.

Голос был тихий, изменившийся от ярости. Манн почувствовал, как шок прошел по телу, заставив каждый мускул сжаться от страха смерти. Голос доносился у него из-за спины!

Из шлема.

— Привет, Богат Эй. Догадываешься, где я?

Манн не мог его отключить. Радио в шлеме скафандра было устроено так, чтобы не выключаться — обычная мера безопасности. Если бы нашелся такой дурак, которому на безопасность наплевать, он мог бы встроить туда «внешний» выключатель, но Манн никогда не испытывал в этом потребности.

— Я у тебя на корабле и пользуюсь линией связи «корабль — скафандр». Недурную шутку ты выкинул этой ночью. Я даже не знал, что такое фазовые деревья, пока не высмотрел это в твоей библиотеке.

Ему придется все это терпеть. Какая жалость что он не может ответить.

— Ты убил четверых моих людей, а еще пять я уложил в баки медицинских автоматов. Зачем ты это сделал, Богат Эй? Ты ведь должен был знать, что мы не собирались тебя убивать. К чему это? На наших руках нет крови.

Лжешь, мысленно ответил Манн передатчику. Во время рыночных кризисов всегда умирали люди. А те, кто выжил — несут на своем горбу их тяжесть. Знаешь ли ты, что значит внезапно обнищать и не уметь жить в нищите?

— Я полагаю, ты чего-то хочешь, Богат Эй. Отлично. Чего? Денег, что у меня на борту? Это смехотворно. Тебе никогда не пробраться внутрь. Хочешь выдать нас за вознаграждение? Черта с два. У тебя нет оружия. Если мы найдем тебя теперь, мы убьем тебя.

Четверо поисковиков ушли далеко на запад, их головные лампы разливали в синей дымке яркий желтый свет. Теперь они были неопасны. Какая жалость, что им и их товарищам пришлось включиться в историю, завершившуюся кровной местью.

— Остается, конечно, планета кукольников, новое Эльдорадо. Но ты же не знаешь, где она, ведь так? Я удивлюсь, если дал тебе хоть один намек. И к тому же ты никогда не узнаешь, говорил ли я тебе правду или...

Знает ли джинксианин, каковоо жить в бедности? Манн пожал плечами. Старые воспоминания возвращались редко, но возвращаясь, они каждый раз причиняли боль.

Приходится учиться не покупать предметов роскоши прежде самого необходимого. Приходится и голодать, пока научишься отличать их друг от друга. Необходимое — это пища, и место для сна, и штаны с башмаками. Роскошь — это табак, рестораны, дорогие рубашки, привычка выбрасывать испорченную пищу, когда еще не научился готовить и не ходить на работу, если не хочется. Союз — это необходимость. Укрепсредство — роскошь.

Джинксианин всего этого не знает. У него хватило денег, чтобы купить собственный корабль.

— Спроси-ка меня повежливей, Богат Эй. Хотел бы ты знать, где я нашел систему кукольников?

Манн арендовал «Исследователь» на субсидию колледжа. Это был его последний шаг на долгом карабканьи вверх. А до того...

Когда произошел кризис, он прожил уже половину своего жизненного срока. До тех пор укрепсредство поддерживало его столь же молодым, как и все безвозрастные лентяи, составляющие круг его друзей и знакомых. И вдруг он стал одним из голодающих. Многие из его партнеров по разорению отправились на своих поясах- подъемниках прямо в вечность. Ричард Эйшель-Манн продал свой пояс, чтобы купить последнюю дозу укрепсредства. Прежде, чем он вновь смог позволить себе это, лоб его прорезали морщины, изменилась фактура кожи, уменьшились половые способности, в волосах появились странные белые пятна и возникли боли в спине. Все это оставалось с ним до сих пор.

Но он все время сохранял свою бороду. С белой полосой и белой прядью она смотрелась еще лучше. Когда укрепсредство вернуло окраску его волосам, он начал подкрашивать пятна специально.

— Отвечай, Богат Эй!

Ступай-ка прокатись на брандштаге.

Это был пат. Капитан Кидд не сможет убедить его ответить, а он никогда не узнает пиратского секрета. Если Кидд затопит свой корабль в море, Манн покажет его полиции. По крайней мере, это будет уже кое-что.

К счастью, Кидд не сможет поднять «Исследователь». Иначе он мог бы увести оба корабля на другую сторону планеты, оставив Манна на мели.

Четыре пирата ушли далеко на юг. Капитан Кидд, очевидно, оставил попытки с радио. В шлеме были вода и питательный сироп, от голода Манн не умрет.

Где же, черт побери, полиция? На другой стороне планеты?

Мертвый пат.

Большая Мира взошла, как будто «робкий флейтист Том» подбросил над горами свой обруч, подобный красному дыму. Местность посветлела, приобретая лавандовый оттенок, проре-

занный длинными темно-синими тенями. Сами тени укоротились и сделались размытыми.

Доктора Ричарда Манна начала вдруг заботить моральная сторона его положения.

Напав на пиратов, он выполнял свой гражданский долг. Они запятнали, с таким трудом приобретенную добрую репутацию человечества. Манн к тому же защищался.

Но каковы были его мотивы? Две части их составлял страх. Во-первых, страх, что Капитан Кидд решит заткнуть ему рот. Во-вторых, страх перед бедностью.

Этот страх сопутствовал ему уже известное время.

Написать книгу и поймать удачу! Это хорошо выглядело на бумаге. Сфера человеческой части космоса, тридцати световых лет в диаметре, содержала почти пятьдесят миллиардов читателей. Убедите один их процент заплатить полстара за копию ленты, и ваши четырехпроцентные авторские составят двадцать миллионов стар. Но теперь большинство книг провалилось. Теперь нужно орать громко, чтобы привлечь внимание хотя бы десяти миллиардов читателей. А другие при этом будут стараться вас потопить.

Пока не появился Капитан Кидд, это была единственная надежда Ричарда Эйшель-Манна на успех.

Все его действия были в рамках закона. Капитан Кидд не мог сказать этого о себе; но Капитан Кидд никого не убил.

Манн вздохнул. У него не было выбора. Главным его мотивом было чувство чести, и мотив этот сохранял свою силу.

Он беспокойно задвигался в своем гнезде из влажного мха-меха. День теплел, а температурный контроль его скафандра не работал при наличии только донной половины.

Что это?

Это был «Владыка кукол», легко двигавшийся к нему на подъемниках. Джинксианин, очевидно, решил погрузить его под воду прежде, чем явятся представители закона.

...Или нет?

Манн отрегулировал двигатель подъемника так, что почти потерял вес, а потом осторожно двинулся вокруг пика. Он увидел, что четверка пиратов двинулась наперерез «Владыке кукол». Они увидят его, если он оставит пик. Но если он останется, то инфракрасные детекторы...

Он должен рискнуть.

Подбитые околоплечники скафандра вдавились Манну под мышки, когда он ринулся ко второму пику. Он остановился в воздухе надо мхом и нырнул вниз, зарывшись в него. Пираты не свернули со своего пути.

Теперь посмотрим.

Корабль замедлил ход и остановился над пиком, который Манн только что покинул.

— Ты меня слышишь, Богат Эй?

Манн мрачно кивнул сам себе. Определенно, дело именно в этом.

— Мне следовало бы испробовать это раньше. Так как тебя нигде не видно, ты или вовсе оставил окрестности, или прячешься, в густых кустах вокруг этих башен.

Должен ли он петлять от шпиля к шпилю? Или можно перелететь через них?

Во всяком случае следовало поторопиться. Панцирь ограничивал его скорость.

— Надеюсь, ты воспользовался возможностью осмотреть эту башню. Она очаровательна. Очень гладкая, каменная поверхность везде, кроме верхней части. Безупречный конус, опять-таки, если не считать верхней части. Ты слушаешь? Кончик этой штуковины торчит на восьмифутовой шейке и образует яйцеобразную шишечку футов пятнадцать в поперечнике. Шишечка не так гладко отполирована, как все остальное. Отдаленно напоминает росток аспарагуса, так бы ты, наверное, сказал?

Ричард Эйшель-Манн покивал головой, пробуя на вкус эту мысль.

Он отвинтил шлем, выдрал из него радио и сунул в карман. Затем, в лихорадочной спешке, принялся драть обеими руками желтый мох-мех, набил им полость шлема и направил на него зажигалку. Поначалу растительность только дымилась, заставляя Манна тихо ругаться сквозь зубы. Чуть позже возник слабый, голубенький бездымный огонек. Манн уложил шлем в гнездо из мха, устроив его так, чтобы он не высовывался наружу, и высыпал его горящее содержимое.

— Сам бы я назвал это фаллическим символом. Что скажешь, Богат Эй? Если это фаллические символы, то довольно стилизованные. Человекоподобные, но не человеческие — так можно сказать.

Пираты присоединились к кораблю. Они повисли в небе близ его серебристо парящего корпуса, готовые броситься на Манна, когда инфракрасные детекторы «Владыки кукол» обнаружат его.

Манн на полной скорости метнулся на запад, держась так низко, как только отваживался. Шпиль прикроет его на минуту или около того, а потом...

— Эти растения — не фазовые деревья, Богат Эй. Они выглядят, как какая-нибудь здешняя трава. Должно быть, ей требуется что-то в камне, из которого состоят эти сооружения. Хм. Горячих мест нет. Тебя все-таки нет там внизу. Ладно попробуем следующий.

В те секунды, когда он отваживался оглянуться, Манн видел позади себя «Владыку кукол», направляющегося ко второму шпилю, тому, который он только что покинул, с серой полоской во мху у основания. Четыре точки — люди — свободно двигались рядом с кораблем.

— Ку-ку,— сказал джинксианин.— И прощай, убийца.

Ядерные двигатели «Владыки кукол» заработали. Из него вы-

рвалось бело-голубое копье пламени, ударив по склону колонны и по мху внизу. Манн повернулся вперед и сосредоточился в полете. Он не чувствовал ни восторга, ни жалости, одно только отвращение. Все-таки джинксианин оказался глупцом. Он не увидел на Мире Кита-Т никакой жизни кроме фазовых деревьев. У него было лишь слово Манна, что ее нет. Неужто он не мог сделать напрашивавшихся выводов? Может быть, мох-мех обманул его. Он, конечно, выглядит просто как желтый мох, собравшийся вокруг шпилей, словно нуждался в каком-то химическом элементе камня.

Взгляд назад сказал ему, что пиратский корабль все еще извергает белое пламя на шпиль и на растительность внизу. От Манна сейчас бы уже осталась одна зола. Должно быть, джинксианин очень сильно желал его смерти. Ну...

Шпиль сдвинулся весь разом. Он осел на лавандовую равнину полусферой разноцветного огня, поглотившей соседние шпили и корабль джинксианина, а затем начавшей расти и расширяться. Манн изменил склонение полета на вертикальное, чтобы уйти от почвы. Мгновением позже его накрыла ударная волна и он закувыркался в воздухе.

Две белые дымные нити поднялись вертикально вверх из тусклого облака взрыва. Два других шпиля стартовали зелеными! Видимо огонь добрался до листвы у их оснований.

Манн проводил их взглядом, вывернув голову назад и комично извернувшись под панцирем скафандра. Выражение лица было странно сосредоточенным. В такие минуты он мог забыть о себе и о своих мелких амбициях перед ликом Вечности.

На поднимающихся дымных следах одновременно образовались два узелка. Пошла вторая ступень. Теперь они поднимались очень быстро.

— Богат Эй.

Манн поспешно достал свой передатчик.

— Ты как-то ухитрился выжить?

— Нет. Я не чувствую сейчас ничего ниже плеч. Послушай-ка, Богат Эй. Я меняюсь с тобой секретами. Что случилось?

— Большие башни — это фазовые деревья.

— Э? — наполовину вопрос, наполовину агонизирующий вскрик.

— У фазового дерева две стадии жизненного цикла. Одна — это куст, другая — большая многоступенчатая форма.— Манн говорил быстро, боясь потерять слушателя.— Эти формы чередуются. Фазовое дерево приземляется на планете и прорастает в виде куста. Потом кустов становится много. Когда семя попадает на особенно плодородную почву, оно прорастает в многоступенчатую форму. Ты еще здесь?

— Да.

— Живая часть большой формы — корень и фотосинтезирующие органы вокруг основания. Так что ракетной части не приходится нести столько веса. Она вырастает прямо из живой части,

но сама по себе она так же мертва, как сердцевина старого дуба, не считая семян на вершине. Когда семена созреют, ракета выстреливает. Обычно она достигает скорости убегания для той системы, в которой находится. Кидд, я не вижу твоего корабля. Придется подождать, пока дым не рассеется...

— Просто продолжай говорить.

— Я бы хотел помочь.

— Поздно. Продолжай говорить.

— Я проследил путь фазовых деревьев через двадцать световых лет пространства. Бог знает, откуда они пошли. Ими покрыты все системы поблизости отсюда. Стручки с семенами проводят в космосе сотни тысяч лет, а когда они достигают системы планет, то взрываются. Если в ней есть пригодный для обитания мир, одного семени хватит для заселения. Если же нет — там, откуда прилетел этот стручок, их еще много. Это бессмертие, Капитан Кидд. Это растение добралось дальше, чем человечество, и оно гораздо старше. Миллиард с...

— Манн.

— Да.

— Двадцать три запятая шесть, семьдесят запятая один, шесть запятая ноль. Не знаю, как она называется на звездных картах. Повторить?

Манн забыл про фазовые деревья.

— Лучше повторить.

— Двадцать три запятая шесть, семьдесят запятая один, шесть запятая ничего. Ищи в той зоне, пока не найдешь. Красный гигант-недомерок. Планета небольшая, плотная, без луны.

— Понял.

— Ты дурак, если воспользуешься этим. Тебе повезет так же, как и мне. Поэтому я тебе и сказал.

— Я испробую шантаж.

— Они тебя убьют. Иначе бы я не сказал. За что ты убил меня, Богат Эй?

— Мне не понравились твои замечания о моей бороде. Никогда не оскорбляй асимметричной бороды чудестранца, Капитан Кидд.

— Больше уже мне это не удастся.

— Я бы хотел помочь.— Манн всмотрелся в перетекающее облако дыма. Теперь оно образовывало черный столб, подсвеченный по краям двойным солнечным светом.— Твоего корабля еще не видно.

— Сейчас увидишь.

Пират застонал... и Манн увидел корабль. Он успел отвернуться достаточно быстро, чтоб спасти глаза.

ОРГАНЛЕГГЕРЫ

Сначала, как положено, было оформлено разрешение на нарушение неприкосновенности жилища. Сотрудник полиции записал подробности и переадресовал запрос клерку, который проследил за препровождением ленты с записью соответствующему гражданскому судье. Судья очень неохотно отнесся к просьбе, ибо в мире, населенном восемнадцатью миллиардами людей, неприкосновенность жилища очень драгоценная штука. Однако, в конце концов, у него не нашлось причин для отказа. Второго ноября 2123 года разрешение было выдано.

Задолженность по квартплате составляла две недели. Если бы управляющий «Моника Апартаментс» потребовал выселения, то ему в этом было бы отказано. Однако Оуэн Джеймиссон не откликался ни на дверные звонки, ни на телефонные вызовы. Никто не мог вспомнить о встрече с ним за последние несколько месяцев. По-видимому, управляющий хотел просто удостовериться, что с ним все в порядке. И поэтому ему было дано разрешение воспользоваться своим универсальным ключом в присутствии стоящего рядом полицейского.

Вот так был найден постоялец номера 1809.

А когда заглянули в его бумажник, то позвонили мне.

Я сидел за своим столом в конторе, делая ненужные пометки и мечтая об обеде.

На этой стадии, все что можно было сделать по делу Лорана — это накапливать факты и ждать. Оно касалось органлеггеров — банды под руководством одного человека, но достаточно большой, чтобы сфера ее действия покрывала половину североамериканского западного побережья. У нас были кое-какие данные об этой банде — методы деятельности, центры активности, несколько прежних клиентов, даже примерный список участников, однако ничего такого, что могло бы дать нам основания на активные действия. Вот нам и оставалось впихивать все, чем мы располагали, в компьютер, следить за несколькими подозреваемыми сподвижниками главаря банды Лорана и ожидать ошибочного шага с его стороны.

Месяцы ожидания действовали расхолаживающе на мой энтузиазм.

Зазвонил телефон.

Я положил авторучку и произнес:

— Джил Гамильтон.

На меня смотрели добрые черные глаза на небольшом смуглом лице.

— Уголовный инспектор Хулио Ордац из полицейского управления Лос-Анджелеса. Вы находитесь в родстве с Оуэном Джеймиссоном?

— Оуэном? Нет, мы не родственники. У него неприятности?

— Но вы с ним знакомы?

— Конечно же! Он на Земле?

— Кажется.— У Ордаца акцента почти не было, наоборот, слишком правильное произношение придавало его речи оттенок иностранного происхождения говорящего.— Необходимо провести опознание, мистер Гамильтон. В бумагах мистера Джеймиссона вы числитесь в качестве ближайшего родственника.

— Забавно. Я... погодите... погодите... Он мертв?

— Кто-то действительно мертв, мистер Гамильтон. В его бумажнике удостоверение мистера Джеймиссона.

— Ладно. Еще вот что. Оуэн Джеймиссон был гражданином Пояса Астероидов. Это может привести к межпланетным осложнениям. Это уже дело нашей конторы. Где находится тело?

— Мы обнаружили его в наемной квартире «Моника Апартаментс», южный Лос-Анджелес, номер 1809.

— Хорошо. Ничего не трогайте. Еду прямо туда.

«Моника Апартаментс», безликая бетонная глыба в тридцать этажей, в основании представляла из себя квадрат со стороной в 300 метров. Вестибюль внутри был отделан в безличном модернистском стиле: обилие металла и пластика, легкие удобные кресла без подлокотников, огромные пепельницы, яркое, искусно спрятанное освещение, низкий потолок и так далее. По замыслу архитектора это создавало видимость пространства, что ему успешно не удалось. Сразу вставал немой вопрос о размерах жилых помещений. В таких зданиях плата взимается за каждый кубический сантиметр занимаемого помещения.

Я разыскал кабинет управляющего, которым оказался с виду добродушный мужчина с водянистыми голубыми глазами. Его темнокрасный старомодный бумажный костюм и прическа были подобраны так, чтобы сделать его неприметным. Длинные каштановые волосы были зачесаны назад без пробора.

— Ничего подобного здесь никогда не случалось,— доверительно поведал он, подводя к площадке лифта.— Ничего подобного. И так плохо, а тут еще с астероидов. Теперь,— он содрогнулся от пришедшей на ум мысли,— журналисты, полиция, все такое! Это погубит нас!

Похожий на гроб лифт, только с перилами внутри, быстро и плавно поднял нас наверх. Я вышел в длинный и узкий коридор.

Что заставило Оуэна поселиться в подобном месте? Здесь обитали машины, а не люди.

Если это не Оуэн? Ордац неохотно занимался этим делом. Карманные кражи не запретишь. На перенаселенной планете за этим просто невозможно проследить. Каждый обитатель Земли был карманником.

Это точно! Кто-то умер с бумажником Оуэна.

Я стремительно шел по коридору к номер 1809.

И все-таки ухмыляющийся человек в кресле был Оуэном. Чтобы удостовериться в этом, мне хватило одного взгляда, после чего я отвернулся и больше не смотрел на труп. Но все остальное было еще более невероятным.

Ни один житель Пояса Астероидов не снял бы такую квартиру. Я родился в Канзасе, но этот ужасный холод. Жить в такой квартире было тяжким испытанием для Оуэна.

— Не могу поверить! — сказал я.

— Вы хорошо знали его, мистер Гамильтон?

— Настолько, насколько двое мужчин могут знать друг друга. Мы вместе провели три года в геологической разведке среди мелких астероидов. В таких условиях нет никаких секретов.

— Вы не знали, что он находится на Земле?

— Вот этого я как раз и не понимаю. Почему не позвонил мне, когда оказался в затруднительном положении?

— А зачем? — заметил Ордац.— Вы — агент конторы в полиции Объединенных Наций.

Он был прав. Оуэн пользовался таким же уважением с моей стороны, как и многие другие знакомые. Но понятие чести в Поясе Астероидов несколько иное. Уроженцы Астероидов считают всех жителей планет несколько чокнутыми. Они не понимают, что для людей с перенаселенных планет карманная кража — особый вид искусства. Также как и жители астероидов считают контрабанду чем-то вроде игры, не связывая это с понятием нечистоплотности. Для жителя астероидов уплата 30 процентов равнозначна конфискации груза, и если есть возможность протащить груз без пошлины, то он непременно шел на риск.

Оуэн как раз мог заниматься чем-то не вполне законным.

— Возможно, он оказался в весьма затруднительном положении,— признался я.— Но не настолько, чтобы покончить жизнь самоубийством. И конечно... не здесь.

Квартира номер 1809 состояла из жилой комнаты, ванной и встроенного шкафа. Я заглянул в ванную, зная все наперед. Она была по размерам не больше, чем того требовал стоячий душ. Панель управления снаружи двери, позволяла прессовать различные принадлежности из обладающей памятью пластмассы. Это и умывальник, поддон для душа, унитаз, парная. Роскошь во всех отношениях, кроме одного — размера. От вас только требовалось нажимать нужные кнопки.

Точно такою же была и жилая комната. Королевское ложе упрятали в стену. В другую стену же укладывались кухонный альков с мойкой, тостером, печью и грилем. Софа, кресла и столы исчезали под полом. Один жилец и трое его гостей могли устроить

вечер с коктейлями, здесь был уютный кофейный столик и подобающие для каждого случая стулья и кресла, но одновременно мог появиться только один комплект. В комнате отсутствовал холодильник и бар. Если жильцу требовалась еда или выпивка, он заказывал все в супермаркете на третьем этаже.

В такой квартире были свои преимущества. Однако здесь ему ничего не принадлежало. Помещение для человека, но не для его вещей. Внутренняя квартира, давным-давно здесь располагался вентиляционный ствол, занимая драгоценное пространство, поэтому теперь постоялец не имел даже окон в своем жилище. Комфортабельный ящик.

Как раз сейчас комната загромождалась огромным креслом для чтения с крохотным журнальным столиком, подставкой для ног и кухонной нишей. Оуэн Джеймиссон сидел в кресле и улыбался. Ничего другого ему не оставалось. Череп его едва обтягивал тонкий слой высохшей кожи.

— Комната невелика,— сказал Ордац.— Но и не очень мала. Сейчас так живут миллионы людей. В любом случае, уроженец астероидов не подвержен клаустрофобии.

— Да, верно. Оуэн летал на одноместном корабле. Три месяца в такой крохотной кабине, что нельзя выпрямиться при закрытом люке. Клаустрофобией он не страдал, однако...— я обвел рукой комнату,— здесь нет принадлежащих ему вещей.

Стенной шкаф оказался почти пустым. Комплект верхней одежды, бумажная рубаха, пара башмаков, пижама. Все новое. Столь же новые и безликие предметы в ванной и аптечке.

— К чему бы это?— заметил Ордац.

— Жители астероидов всюду чувствуют себя временными. У них немного личных вещей, которыми они очень дорожат. Небольшие вещицы, реликвии, сувениры. Не могу объяснить их отсутствие.

Ордац поднял брови.

— Личный скафандр?

— Вы полагаете, что такого не может быть? Может, и вполне. Внутренность скафандра — это родной дом для жителя астероида. Иногда это единственный дом, которым он располагает. Он тратит целое состояние на то, чтобы украсить его. Потеря скафандра означает потерю родины. Нет, он мог не притаскивать свой скафандр сюда! Но должно быть хоть что-то! Флакончик с марсианской пылью. Кусочек железо-никелевого метеорита, когда-то извлеченного из его груди. Если все сувениры остались дома, то где местные, приобретенные на Земле? В комнате нет совершенно ничего!

— Вероятно,— осторожно предположил Ордац,— он не обращал внимания на окружение.

И тут все сразу стало на свои места.

Оуэн Джеймиссон сидел с оскаленными зубами в запачканном шелковом халате. Обычно загорелое в космосе лицо выглядело бледным. Длинные светлые волосы были подстрижены по земной

моде — на голове и следа не осталось от характерной для жителей Пояса Астероидов выстриженной полосы, с которой он не расставался всю жизнь. Половину лица закрывала выросшая за месяц неухоженная борода. Из самой макушки черепа торчал небольшой черный цилиндр. От него к настенной розетке тянулся электрический шнур.

Цилиндр оказался дроудом, в нем находился трансформатор для выработки тока, к которому у пользователя вырабатывалась неистребимая привычка.

Я подошел к трупу и наклонился. Стандартный дроуд, заводского изготовления, но несколько видоизмененный. Стандартный дроуд питает мозг небольшим током. Оуэн получал, вероятно, заряд в десять раз превышающий норму. Этого было достаточно для повреждения мозга буквально в течение одного месяца.

Я протянул мысленно руку и представил свое прикосновение к дроуду.

Ордац молча стоял рядом, давая возможность без помех осуществить обследование. Естественно, он даже не догадывался о моих ограниченных паранормальных способностях.

Ограниченных — это было как раз самое подходящее слово. Я обладаю двумя паранормальными способностями: телекинезом и экстрасенсорикой. С помощью второго я могу ощущать форму предметов на расстоянии. В пределах досягаемости моей правой руки, конечно. Я могу поднимать небольшие предметы, если они расположены не далее досягаемости пальцев воображаемой правой руки. Ограничение моих способностей связано с недостатком собственного воображения. Я не могу представить, как моя воображаемая рука протягивается дальше, чем нужно. И это ограничивает мои паранормальные возможности.

Но даже такие ограниченные способности могут пригодиться. Своими воображаемыми пальцами я ощупал дроуд на голове Оуэна и маленькое отверстие в скальпе.

Это была обычная хирургическая операция. Ее могли сделать где угодно. Незаметное отверстие в скальпе невозможно обнаружить, даже если знаешь о нем наверняка. Даже лучшие друзья не догадаются, только если застигнут врасплох. Но в черепной кости отверстие гораздо больше. Я мысленно прикоснулся пальцами к конструктивному гнезду экстаза, затем повел их вдоль тонкого как волос проводничка вглубь мозга Оуэна, прямо в центры наслаждения.

Нет, его убил не избыточный ток. Оуэна убило отсутствие собственной силы воли. Он сам не пожелал подняться.

Так и умер от голода в кресле. У его ног валялось несколько бутылок. Еще несколько на журнальном столике. Все были пусты. Месяц тому назад в них была вода. Оуэн умер не от жажды. Он умер от холода, причем умышленно.

Мы составляли когда-то единый экипаж. Почему он не пришел ко мне? Я сам наполовину житель астероидов. Можно было по-

мочь. Мелкая контрабанда — ну и что? Зачем скрывать и доводить дело до такой крайности?

По своей чистоте квартира могла сравниться с музеем. Чтобы почувствовать смерть, надо обладать уникальным чутьем. Кондиционер практически выветрил смертный дух.

Поразила его пунктуальность. Из приоткрытой кухни от раковины извивался шланг. Он обеспечил себя водой на целый месяц. Квартплата тоже на месяц вперед. Он собственноручно укоротил шнур дрouда, умышленно привязав себя к стенке, чтобы не искать возможности добраться до кухни.

Сложный способ умереть, но оригинальный. Целый месяц иступленного наслаждения, наивысшего физиологического удовольствия, которое только можно получить. Я представил его смех по поводу смерти от голода. До еды рукой подать, но для этого надо выключить дроуд. Наверное, он снова и снова откладывал окончательное решение...

Я, Оуэн и Хомер Чандрасекар в течение трех лет жили в крохотной скорлупке, окруженной безвоздушным пространством. У Оуэна Джеймиссона не было никаких тайн. Даже свои слабости мы делили поровну. Если это совершил Оуэн, то тоже самое могу совершить я. Меня обуял страх.

— Какая аккуратность,— прошептал я.— Аккуратность белтера, так сокращенно называли жителей Пояса Астероидов.

— Типичная для белтера. Вы это хотели сказать?

— Нет. Белтеры не совершают самоубийств. Особенно таким способом. Они взрывают в крайнем случае корабельный привод и умирают как звезды. Аккуратность же — типична для белтера. Результат — нет.

— Так, так,— произнес Ордац. Он чувствовал себя неуютно. Факты говорили сами за себя. Ему не хотелось называть меня лжецом. Он уцепился за формальности.— Мистер Гамильтон, вы знаете этого человека как Оуэна Джеймиссона?

— Это он. Но для большей уверенности...— Я стащил с плеч Оуэна грязный халат. На левой стороне груди виднелся почти круглый шрам диаметром двадцать сантиметров.— Видите?

— Да. Мы замерили его. Старый ожог?

— Оуэн — единственный человек, который может похвастаться шрамом от метеорита. Тот угодил ему прямо в плечо, когда он решил прогуляться и выходил из корабля. Скафандр моментально затянул рану, а позже врач извлек крохотную железоникелевую крупинку из раны. Оуэн всегда носил ее с собой в качестве талисмана. Всегда! — Я вопросительно посмотрел на полицейского.

— Мы ее не нашли.

— Ладно...

— Я приношу вам свои извинения, мистер Гамильтон, за все это. Но вы настаивали, чтобы мы оставили тело на месте.

— Да. Спасибо за это.

Оуэн ухмылялся в кресле. Я испытывал мучительную боль;

в горле и в желудке образовались гигантские комки. Когда-то я лишился правой руки. Потеря Оуэна вызвала те же ощущения.

— Мне хотелось бы узнать побольше об этом,— сказал я.— Вы позволите ознакомиться с подробностями, когда они у вас появятся?

— Разумеется. Через контору «АРМ»?

— Да.

«АРМа» это дело не касалось, но авторитет его должен был помочь.

— Я хотел бы знать, почему Оуэн умер. И если кто-то довел его до такой смерти, я буду мстить.

— Безусловно, правосудие...— Ордац смутился. Он не мог сообразить, в качестве кого я произнес последнюю фразу, как представитель «АРМа» или как простой гражданин.

Я предоставил Ордацу самому решать эту задачу.

В вестибюле то и дело попадались постояльцы. Одни направлялись к лифту, другие выходили из него, третьи просто сидели. Я постоял немного у лифта, наблюдая за лицами прохожих и стараясь разглядеть в них признаки разложения личности.

Комфорт как продукция массового производства. Место для сна, еды и трехмерного телевидения. Но живущие здесь не имеют ничего личного. Что за люди живут в этом здании? В них должно быть что-то общее, как изображения в зеркале парикмахерской.

Промелькнули волнисные каштановые волосы и темнокрасный бумажный костюм. Управляющий? Чтобы убедиться, я подошел ближе. Совершенно отчужденное лицо.

Он заметил меня и без особого энтузиазма улыбнулся.

— О, здравствуйте, мистер... э... Вы нашли...— он никак не мог придумать подходящий вопрос.

— Да,— кивнул я, разряжая ситуацию.— Мне хотелось бы кое-что у вас выяснить. Оуэн Джеймиссон прожил всего шесть недель?

— Шесть недель и два дня, потом мы открыли квартиру.

— У него бывали посетители?

Управляющий поднял брови. Мы медленно двигались к его кабинету и уже можно было разобрать надпись:

«Джаспер Миллер, УПРАВЛЯЮЩИЙ»

— Разумеется, нет,— ответил он.— Никто ничего не заметил.

— Вы полагаете, что он снял квартиру с единственной целью — умереть? Вы его видели один раз?

— Я полагаю, он мог... нет, обождите,— управляющий задумался,— нет. Он зарегистрировался в четверг. Я обратил внимание на загар. Потом мы случайно столкнулись в коридоре, когда он выходил. Это было в пятницу.

— Именно в тот день он достал дроуд? А... вы об этом не знали. Это последняя ваша встреча с ним?

— Да, последняя.

— Значит у него были гости вечером в четверг или в пятницу утром.

Управляющий весьма однозначно покачал головой.

— Понимаете, мистер... э...

— Гамильтон.

— Понимаете, мистер Гамильтон, на каждом этаже установлена голографическая камера. Она делает снимок каждого жильца, когда тот первый раз приходит в свою квартиру. Каждый хочет, чтобы его оставили в покое. За это и платит,— он весь как-то подобрался при этом.— По этой же причине голокамера снимает каждого посетителя. Таким образом, жильцы ограждаются от нежелательных контактов.

— На этом этаже вообще не было посетителей?

— Нет сэр, не было.

— Возможно... Ваши постояльцы — отшельники?

— Так оно и есть.

— Кто жилец, а кто нет, решает компьютер в подвале?

— Разумеется.

— Значит, в течение шести недель Оуэн Джеймиссон сидел один в своей квартире. И никто не обратил на это внимания.

Управляющий пытался придать голосу спокойствие, но так и не смог скрыть переживание.

— Мы стараемся обеспечить покой нашим жильцам. Чтобы попросить помощь, он мог просто поднять телефонную трубку. Позвонить можно куда угодно.

— Хорошо. Благодарю вас, господин управляющий. Это все, что я хотел узнать. Именно, как мог Оуэн Джеймиссон дожидаться смерти в течение шести недель, и никто этого не заметил.

Управляющий поперхнулся.

— Он все это время умирал?

— Да.

— Мы не могли узнать этого. Да и как, каким образом? Ваш упрек не адресу.

— Конечно,— уходя бросил я.

Управляющий стоял достаточно близко и мне пришлось слегка задеть его плечом. Внезапно пробудилась совесть. Он был совершенно прав. Оуэн мог получить помощь, стоило только захотеть.

Я вышел на улицу, взял первое проплывающее мимо такси и отправился восвояси.

Я вернулся в контору «АРМа». Работать уже не хотелось, только повидать Джуди.

Джуди. Высокая зеленоглазая девушка старше тридцати, с длинными волосами, выкрашенными попеременно в золотой и красный цвета. С двумя крупными коричневыми шрамами повыше правого колена. Но сейчас их не видно. Я заглянул в кабинет, в дверь которого вставленно поляризованное стекло, и замер.

Она восседала на диване и курила с закрытыми глазами.

Время от времени она морщила брови от какой-то мысли. Потом мельком бросала взгляд на часы и снова успокаивалась.

Я не мешал.

Джуди. Она не была красавицей. Чересчур квадратный подбородок, широко расставленные глаза и излишне широкий рот. Но это не имело никакого значения — Джуди могла читать мысли.

Идеальный товарищ. Поддержка любому мужчине. Год тому назад, когда я впервые убил человека, скверное настроение просто преследовало меня. Мы обошли бегом весь внешне порядочный, но бестолковый парк увеселений и получили в конце огромный счет. Мы прошагали пять миль, безумно устали и не могли думать... Но две недели назад это была сердечная, полная ласки и объятий ночь. Двое дарящих друг другу счастье людей. И не более того. В этом смысле Джуди была незаменима.

Ее мужской гарем был самым большим за всю историю. Чтобы читать мысли мужчины-сотрудника «АРМа», Джуди необходимо было стать его любовницей. К счастью сердце ее было любвеобильным. Она не требовала от нас верности. Добрая половина из нас женаты. Но она должна любить каждого своего мужчину, иначе его не защитишь.

Как раз этим она и занималась. Каждые пятнадцать минут Джуди входила в контакт с одним из агентов «АРМа». Паранормальные способности имеют дурную славу непостоянства и неустойчивости, но Джуди являлась редким исключением. Мы попадали в беду и она выручала нас, если какой-нибудь идиот не мешал работе.

Я стоял снаружи и держал в воображаемой руке сигарету. Сигаретой я разминал мысленные мускулы. Моя «рука» была столь же надежна, как и мысленный контакт Джуди, именно из-за ограниченных возможностей. Удвоив свои паранормальные способности, ты рискуешь вообще их потерять. Хорошо контролируемая третья рука предпочтительнее, чем волшебная способность перемещать предметы силой желания.

Почему я провожу так много времени, поднимая сигареты? Это максимальный вес, который я могу поднимать без напряжения. Есть еще одна причина... Этому меня научил Оуэн.

Минут через десять Джуди открыла глаза, скатилась с дивана и подошла к двери.

— Привет, Джил,— сонно произнесла она.— Неприятности?

— Да. Только что умер один мой приятель. Тебе лучше знать об этом.

Я протянул ей чашку кофе.

Она кивнула. На сегодняшний вечер у нас назначено свидание и это изменит его характер. Она слегка прощупала меня.

— Господи! — ахнула она и отшатнулась.— Как... Как ужасно! Мне очень жаль, Джил. Свидание отменяется, не так ли?

— Если ты не захочешь присоединиться к поминкам?

Она энергично затрясла головой.

— Я не знакома с ним. Это будет неуместно. Ты барахтаешься

в собственных воспоминаниях, Джил. Они глубоко личные. Я буду стеснять тебя чтением мыслей. Если бы Хомер Чандрасекар был здесь, то тогда другое дело.

— Жаль, но его здесь нет. Он бы закатил собственные поминки с подругами Оуэна.

— Ты меня понимаешь? — спросила она.

— Да.

— Я хотела бы тебе помочь.

— Ты всегда помогаешь,— я взглянул на часы.— Твой перерыв на кофе почти закончился.

Джуди вернулась в свою звуконепроницаемую комнату.

Она всегда помогает. Ей даже не надо говорить. Достаточно знать, что Джуди читает мысли... Этого достаточно.

Свои торжественные поминки я начал в одиночку около трех часов дня.

Торжественные поминки — недавний обычай не связанный с формальностями. Длительность попойки может быть какой угодно. Не провозглашаются какие-либо тосты. Принимающие участие в тризне должны быть близкими друзьями покойного. Численность участников не устанавливается.

Я начал в «Луане», где журчит вода и все залито холодным голубым светом, на улице половина четвертого, внутри же — вечер на Гавайских островах сто лет тому назад. Я занял столик в углу и заказал фирменный грог. Пивная заполнялась народом. Грог приятно холодил и подбадривал алкоголем. Соломинка пронизывала конический кусочек льда.

На поминках по Кубсу Форсайту четыре года назад, темной ночью Цереры, нас было трое. Замечательная компания. Оуэн, я и вдова нашего третьего члена экипажа. Гвен Форсайт упрекала нас в гибели своего мужа. Я только что вышел из больницы, моя правая рука заканчивалась у плеча и я обвинял в этом Кубса, Оуэна и самого себя. Хуже троицы и лучше вечера у меня не было.

Но обычай есть обычай, и мы собрались на поминки. Затем я стал копаться в собственной душе, бередить рану и полностью замкнулся на себя.

Джилберт Гамильтон. Сын плоскоземцев, появился на свет в апреле 2093 года в Топеке, штат Канзас. Родился с двумя руками и без признаков выдающихся способностей.

Плоскоземец — это придуманное белтерами слово относилось к землянам, никогда не бывавшим в космосе. Я думаю, что они на них даже не смотрели. Родители заведовали третьей по величине фермой в Канзасе — десятью квадратными милями пашни между двумя широкими городскими полосами, параллельно двум полосам автострады. Мы были горожанами, как и все плоскоземцы, но когда перенаселенность слишком надоедала, на этих обширных полосах можно было найти уединение. Площадка для игр в десять квадратных миль, где нас ничто не стесняло, кроме растений и автоматов.

Мы часто смотрели на звезды, мои братья и я. Из города звезд

не увидишь — затеняют огни. Даже в поле — у линий освещенного горизонта. Но прямо над головой удавалось разглядеть темное небо, усеянное яркими точками и временами белой луной.

В двадцать лет я отказался от гражданства ООН и стал белтером. Я мечтал о звездах, а правительство Пояса владело почти всей Солнечной Системой. В обломках скал таились сказочные богатства, принадлежащие рассеянной цивилизации в несколько сот тысяч белтеров.

Я тоже хотел получить свою долю сокровищ.

Это было нелегко. Право на получение лицензии на одиночный корабль можно было получить только через десять лет. А пока мне приходилось работать на других и учиться избегать ошибок. Половина плоскоземцев погибает в космосе до получения лицензии в Поясе Астероидов.

Я добывал олово на Меркурии и экзотические элементы из атмосферы Юпитера. Я буксировал лед с Колец Сатурна и ртуть с Ганимеда. Однажды наш пилот совершил ошибку, пристал к неизвестной скале и нас унесло чертовски далеко от базы. Тогда с нами был Кубс Форсайт. Ему удалось смонтировать лазер связи и послать сигнал на Икар о помощи. В другой раз механик во время профилактических работ на корабле позабыл заменить поглотитель и мы все опьянели от алкоголя, образовавшегося в атмосфере корабля. Каждый из нас поймал этого механика через шесть месяцев. По слухам, он еще живой.

Большей частью я кантовался в составе экипажа из трех человек. Члены команды постоянно менялись. Когда к нам присоединился Оуэн Джеймиссон, он заменил космонавта, получившего лицензию на право владеть одноместным кораблем. Ему не терпелось начать охоту за скалами лично для себя. Он совершил лишь один полный рейс — туда и обратно — и половину другого.

Оуэн был моего возраста, но более опытен. Белтер по месту рождения и по воспитанию. Его голубые глаза и светлый, как у какаду, гребень волос резко выделялись на фоне характерного загара. Он всегда был чуть полноват, но в свободном падении приобретал крылья. Я начал копировать его манеру передвижения, что очень потешало Кубса.

Я не сделал ни одной ошибки до двадцати шести лет.

Мы применяли бомбы для выведения скалы на новую орбиту. Работали по контракту. Технология этой операции восходит к временам заселения Пояса Астероидов. Такой способ транспортировки дешевле и быстрее, чем применение корабельного привода. Мы использовали обычные бомбы промышленного производства, компактные и не загрязняющие среду радиоактивными отходами. Устанавливали их таким образом, чтобы каждый последующий взрыв углублял кратер и создавал канал, в который бы направлялась реактивная сила следующих взрывов.

Мы уже произвели четыре взрыва и приступили к пятому. Наше убежище находилось неподалеку, с другой стороны скалы.

Взрыв расколол скалу.

Бомбу устанавливал Кубс. На мне висела часть вины, ибо каждый из нас троих должен интуитивно чувствовать, когда следует убираться подобру-поздорову. Вместо этого мы вели наблюдения, чертыхаясь, так как драгоценная, содержащая кислород скала, превращалась на наших глазах в почти не имеющие никакой цены осколки. Мы зачарованно наблюдали, как эти осколки постепенно образуют облако... и пока любовались, один камешек быстро подлетел к нам. Не успев испариться, он рассек тройной корпус из закаленной стали, полоснув по моей руке, и пригвоздил Кубса Форсайта к стене, пробив грудь в области сердца.

Вошла пара нудистов. Они стояли и моргали среди кабин, пока их глаза не привыкли к голубым сумеркам, а затем с радостными криками присоединились к группе товарищей за двумя столиками. Машинально приглядываясь к ним, я задумался над тем, чем нудисты-плоскоземельцы отличаются от собратьев-белтеров. Все нудисты похожи друг на друга: мощные мускулы, отсутствие шрамов, визитные карточки в одинаковых сумках через плечо и аккуратно выбритые области на теле.

...Мы имеем все основания для нудизма. Большинство людей. Это естественная реакция на наполненные дыхательной атмосферой скафандры, которые мы не снимаем ни днем, ни ночью. Помести белтера в обстановку, где все носят рубахи с рукавами, он презрительно улыбнется. Это обусловлено только удобствами. В исключительных обстоятельствах белтер оденет рубаху и штаны так же быстро, как и любой другой парень.

Но только не Оуэн. Получив шрам от метеора, он никогда не носил рубаху. Везде, где только имелся пригодный для дыхания воздух, даже в куполах на Церере. Показать свой шрам было просто необходимо.

Меня охватило холодное, голубое настроение... воспоминания...

... Оуэн Джеймиссон примостился на уголке моей больничной койки и рассказывал о нашем возвращении. После того обломка, я ничего не помнил.

Оуэн не позволил мне истечь кровью. Рваную рану он одним взмахом лазера связи срезал до самого плеча. Затем туго подвязал к обрубку руки пластырь из фиберглассового покрывала. Он рассказал, как поместил меня под колпак, где поддерживалось давление в две атмосферы чистого кислорода для компенсации потерянной крови, как включил привод с ускорением в четыре единицы, чтобы своевременно доставить меня куда надо. Это потребовало перерегулировки двигателя, такое под силу не каждому. Мы по праву должны были вознестись, окутанные облаком звездного огня и славы.

— Это подпортило мою репутацию. Весь Пояс Астероидов знает о моим манипуляциях с приводом. Многие считают, что, если я глупо рисковал собственной жизнью, то могу также поступить с другими.

— Теперь с тобой летать опасно?

— Именно. Теперь меня называют четырехкратным Джеймиссоном.

— Ничего. Скоро все наладится,— попытался улыбнуться я.— Дай только подняться с постели. Мы можем продать корабль?

— Нет. Гвен унаследовала от Кубса третью часть его стоимости. Она не продаст.

— Тогда нам крышка!

— Почему? Просто нужен еще один член экипажа.

— Что? Ха-ха! Два! Я не в состоянии оплатить трансплантацию, тебе придется летать с одноруким.— Оуэн даже не пытался предложить деньги взаймы. Это было бы оскорблением с его стороны, даже при их наличии.

— А что плохого в протезе?

— Железная рука? Это не для меня!

Оуэн удивленно взглянул на меня.

— Подождем немного. Ты подумай.

Больше он ничего не говорил.

Ни тогда, ни позже, когда я вышел из больницы и нанял квартиру. Но мысли о протезе я совершенно выкинул из головы.

Почему? На этот вопрос я ответить не могу. Другие относятся к этому иначе, просто прозаически. Они отлично ладят со своими металлическими, пластмассовыми или кремниевыми частями тела. Полулюди, полумашины, которые сами не знают к кому или чему себя отнести.

По мне, лучше умереть, чем состоять из металла, даже частично. Называйте это причудой. Именно она засталяет меня съеживаться, когда я попадаю в место, подобное «Моника Аппартаментс». Человеческому существу положено быть человеком на все сто процентов. Ему просто необходимо иметь собственные привычки и вещи, свойственные только данной личности, а не какому-то полуроботу.

И вот я, Джил Безрукий, учусь есть левой рукой.

Потерявший конечность никогда полностью не ощущает отсутствие руки и ноги. Постоянно чесались отсутствующие пальцы. Я старался беречь правый локоть от неожиданных ударов, тянулся за предметами и ругался, когда это не удавалось сделать.

Оуэн слонялся без дела. Заначка, отложенная «на черный день», быстро таяла. Я не предлагал продать мою треть корабля, а он не просил.

Тогда я дружил с одной девушкой, не помню точно ее имя. Мы как-то вечером собирались в гости, то есть я терпеливо ожидал в кресле у журнального столика. И тут на глаза попалась пилка для ногтей. Я машинально хотел подправить ногти, но вовремя опомнился. Пилка полетела на столик и дальше. В бессильной злобе я попытался подхватить ее на лету правой рукой.

И ПОЙМАЛ!!!

Я никогда не предполагал в себе паранормальные способности. К этому подтолкнуло особое расположение духа. Целый отдел мозга превратился в нервы и мускулы правой руки.

Придерживая пилочку в воображаемой правой руке, я четко ощущал мешавшие мне длинные ногти. Ощупывая шероховатую поверхность, я повертел стальную пилочку в руке. Телекинез плюс экстрасенсорная способность.

— Ну, что ж,— сказал Оуэн на следующий день,— это все, что нам нужно. Еще один член экипажа и ты со своими способностями. Интересно какой вес ты можешь поднимать? Я пойду искать новенького.

— Ему придется выплатить свою часть. Вдова Кубса потребует долю.

— Не беспокойся, я улажу.

— Не беспокойся! — Я замахнулся огрызком карандаша.— Даже при ничтожном притяжении Цереры я не могу поднять что-нибудь тяжелее. Телекинез и экстрасенсорные способности никогда не заменят настоящую руку.

— Это лучше, чем рука. Вот увидишь. Ты можешь орудовать ею через скафандр. Кто еще из белтеров способен на это?

— Не знаю.

— Так какого черта, Джил? Тебе никто не подарит руку! Не дождешься! Ты потерял ее честно, но по глупости. Перед тобой выбор: на Землю или летать!

— Я не могу вернуться. У меня нет для этого средств.

— Серьезно?

— Да, ладно. Иди искать коллегу. Я постараюсь произвести на него впечатление воображаемой рукой.

Я задумчиво посасывал вторую порцию грога. Все кабины заполнились, а вокруг бара образовался еще один круг. Нестройный рокот голосов оказывал гипнотическое воздействие. Наступил час коктейлей.

...Он все уладил. Подчеркивая силу воображаемой руки, Оуэн уговорил Хомера Чандрасекара присоединиться к нашей команде.

Он оказался прав в отношении моей правой руки.

Некоторые с такими же способностями могут действовать даже на расстоянии тысячи километров. Мое слабое воображение ограничило диапазон до длины руки. Зато я мог с уверенностью положиться на чувствительность пальцев. И к тому времени поднимал уже приличный вес. В поле земного притяжения запросто перемещаю полную рюмку.

Я обнаружил способность проникать через стену кабины и наощупь определять разрывы в электропроводке. В вакууме я лихо смахивал пыль с внешней стороны гермошлема. В порту часто развлекал толпу волшебными фокусами.

Я почти забыл о своем увечье. И все благодаря Оуэну. За шесть месяцев рудных разработок я оплатил больничные счета и заработал деньги для возвращения на Землю, не говоря о кругленькой сумме в банке.

— Ну и юморист! — взорвался Оуэн, когда я поделился с ним своими планами. — Почему на Землю?

— Если удастся возобновить гражданство Объединенных Наций, Земля даст руку бесплатно!

— Да, это так... — задумчиво протянул он.

Эту же операцию мог произвести и банк органов Пояса Астероидов, но мешал острый дефицит. Белтеры — народ суровый! Правительство — не лучше! Цены держались на очень высоком уровне, а товар с Земли облагался непомерными пошлинами.

Денег на руку в Поясе Астероидов мне не хватало. На Земле за счет социального страхования имелся достаточный запас трансплантантов.

Но случилось невозможное, я нашел того, кто мог дать мне руку.

Возможно Оуэн утаил от меня эту возможность, но узнал о ней я позднее от Хомера Чандрасекара. Белтер не прибегает к благотворительности даже в тяжелых ситуациях, он предпочитает выкручиваться из любой ситуации сам.

Не поэтому ли Оуэн даже не позвонил мне?

Верить в это не хотелось.

Я прикончил третью порцию грога и заказал обед.

Еда несколько отрезвила меня, и я приготовился к следующему кругу. Вся моя дружба с Оуэном Джеймиссоном вновь всплыла в голове. Три пролетевших года оставили следы на всю оставшуюся жизнь. Три года — половина моего скитания белтером.

Я заказал кофейный пунш и стал наблюдать за тем, как бармен последовательно наливает в бокал горячий кофе с молоком, корицей и другими специями, ликер и крепкий ром. Ради такого напитка не грех держать такого человека. Начиналась вторая стадия торжественной тризны. Ради такого великолепия можно прокутить и половину своего состояния!

Но перед этим я позвонил Ордацу.

— Да, мистер Гамильтон. Я как раз собирался домой к обеду.

— Я не буду вас долго задерживать. Вы обнаружили что-нибудь новое?

Ордац пристально вглядывался в мое телеизображение. На лице было написано неодобрение.

— Вы выпили, сэр. Позвоните мне завтра.

Я крайне удивился.

— Вы не знаете обычаев белтеров?

— Не понимаю...

Я рассказал ему про церемониальные поминки.

— Понимаете, Ордац, если вы не знакомы с обычаями белтеров, то нам необходимо обстоятельно поговорить. И как можно скорее! Иначе вы упустите что-нибудь!

— Хорошо. В полдень, после ленча.

— Прекрасно! Вы что-то раскопали!

— Не так уж и мало. Но это вам не поможет. Ваш друг при-

был на Землю два месяца назад на австралийском лайнере. Прическа на голове была земная...

— Забавно. Вырастить волосы можно только за два месяца.

— Это бросалось в глаза. Белтеры бреют наголо голову, кроме полоски шириной в два дюйма, которая идет от затылка через весь череп до лба.

— Правильно. Длинные волосы падали на глаза и мешали работать. Оуэн мог отрастить волосы в течение рейса корабля.

— И все-таки это выглядит весьма странно. Вам известно, что у мистера Джеймиссона есть двоюродный брат на Земле? Некто Харви Пил, заведующий сетью супермаркетов.

— Значит, я не являюсь его ближайшим родственником даже на Земле.

— Мистер Джеймиссон не пытался с ним связаться.

— Что еще?

— Я говорил с человеком, который продал мистеру Джеймиссону дроуд и штеккер. Кеннету Грэхэму принадлежит врачебный кабинет и операционная в Гэйи, Западный Лос-Анджелес. Грэхэм утверждает, что это стандартная модель, а переделал ее сам Оуэн.

— И вы ему поверили?

— Пока. Его разрешение и делопроизводство в полном порядке. Дроуд переделали с помощью обыкновенного паяльника.

— Так, так...

— Для полиции дело будет закрыто при обнаружении инструментов, которыми воспользовался мистер Джеймиссон.

— Скажу вам вот что. Завтра я дам телеграмму Хомеру Чандрасекару. Возможно, он многое прояснит — почему Оуэн изменил прическу и вообще прибыл на Землю.

Ордац поблагодарил меня, пожал плечами и отключился.

Кофейный пунш еще не остыл. Я с наслаждением сделал глоток, смакуя сладкую горечь напитка и пытаясь восстановить образ живого Оуэна. Он был всегда немного полноват, насколько мне помнится, но никогда не прибавлял и не терял ни фунта в весе. Но его проворству в нужный момент мог позавидовать любой белтер.

А тут предстал настоящий скелет с непристойно-веселым, смертным оскалом зубов.

Я заказал еще один кофейный пунш.

Полночь застала меня в «Марс» — баре, где я принимал виски с содовой. После «Луана» я нигде долго не задерживался. Ирландский кофе у Бергина, холодные и горячие закуски в «Мунпуле», виски и дикая музыка в «Бездне». Алкоголь не брал и я никак не мог прийти в подобающее состояние духа. Как только всплывала картина происшедшего, сразу появлялся какой-то барьер.

Это было воспоминание о мертвом Оуэне, ухмыляющемся из глубины кресла, в мозг которого бежал миниатюрный проводок.

С таким Оуэном я не был знаком. И не хотел. Этот образ всюду

преследовал меня — в барах, в ночных клубах, в ресторане, где я ждал и надеялся, что алкоголь сломает барьер между прошлым и настоящим.

Меня окружала трехмерная панорама невообразимого Марса. Марса, каким он никогда не был. Высокие хрустальные башни, уходящие за горизонт голубые каналы, шестиногие твари и красивые, немыслимо стройные мужчины и женщины. Как бы прореагировал на это Оуэн? Со смехом или с грустью? Настоящий Марс не произвел на него никакого впечатления.

Время потеряло для меня непрерывный характер, между отдельными событиями все чаще возникали пробелы. Внезапно я обнаружил в руке у себя сигарету. Я даже не заметил, как прикурил у подскочившего официанта.

Я успокоился, уставился на огонек и опять углубился в калейдоскоп воспоминаний.

Мы жили два месяца среди скал. Это был наш первый рейс после несчастного случая. Мы вернулись на Цереру груженые рудой, содержащей пятьдесят процентов золота, что гарантировало использование ее для изготовления не боящихся сырости проводников и печатных плат. К вечеру мы приготовились торжественно отметить наш успех.

Мы брели по крохотному городку, справа зазывающе мигали неоновые вывески, слева виднелась оплавленная скалистая круча, над головой через купол сверкали звезды. В любом путешествии самое лучшее — это возвращение домой!

— Уже полночь, нам лучше разойтись,— заметил Хомер.

Об этом можно было и не говорить. Все подумали о своих подругах... Оуэн засмеялся.

Я перехватил быстрый взгляд Хомера в сторону плеча, и мне стало стыдно. Для них я только помеха, но прежде, чем я открыл рот для протеста, Оуэн сказал:

— Подумай, Хомер. Такое богатство не выбрасывают! Джил, возьми-ка сигарету. Нет, не левой...

Я был пьян, восхитительно пьян, а по сосудам разливалось блаженное бессмертие. Стройные марсиане грациозно танцевали и создавалось впечатление, что сидишь перед обзорным иллюминатором космического корабля. Впервые за этот вечер я поднял бокал и произнес тост.

— За Оуэна, от Джила Ловкая Рука.

И переложил сигарету в воображаемую руку.

Если вы думали, что я и раньше держал сигарету в воображаемых пальцах, то вы заблуждаетесь. Она находилась в кулаке. Светящийся огонек обжечь не мог, но вес сигареты мог сравниться только со свинцовой болванкой.

Я поставил воображаемый локоть на стол и немного облегчил ношу. Это очень любопытно, но тем не менее оно так и было. Когда мне сделали трансплантацию, я ожидал, что моя вообра-

жаемая рука исчезнет. Но после операции продолжал проделывать свои фокусы.

В ту ночь на Церере я заработал титул — Джил Ловкая Рука. Началось с парящей в воздухе сигареты. Оуэн был прав. Все присутствующие стали следить за плавающей в воздухе сигаретой, которую курил однорукий мужчина. Мне оставалось только найти боковым зрением хорошенькую девушку и привлечь ее внимание.

В этот вечер мы устроили грандиозный кутеж, прогремевший на всю Цереру. Все было абсолютно импровизировано. Трижды я проделывал фокус с сигаретой, так что каждый из нас мог договориться о свидании. Но у третьей девушки был провожатый, который отмечал продажу патента одной из земных фирм. Он разбрасывал вокруг себя деньги, как конфетти. Его оставили одного, мои фокусы не имели конкурентов. Я запускал экстрасенсорные пальцы в закрытую коробку и угадывал содержимое. После выступления мы с тремя девушками оказались в самом центре веселья. А когда запели старые песни, к нам присоединились даже официанты. Выпивку уже подавали за счет заведения...

В дальнем углу бара «Марс» за мной внимательно следила девушка в золотистом платье. Я встал и направился к ней.

Голова моя прояснилась, как стеклышко. Слава богу я не забыл принять таблетку от похмелья.

На моем колене лежала нога. Это было очень приятно. Вокруг рассыпались ароматные темные волосы. Я замер, пытаясь не разбудить прекрасное создание. Неловко просыпаться с девушкой и не знать ее имени.

Посмотрим. Золотистое платье аккуратно свисало в дверной ручке...

Я вспомнил прошлый вечер. Девушку из «Марс»-бара. Кукольный театр. Много музыки. Я говорил об Оуэне, а она заставила меня сменить тему разговора, потому что это портило ей настроение. Затем...

Ага! Таффи. А фамилию забыл...

— Доброе утро! — произнес я.

— Доброе,— ответила она.— Не шевелись.— Мы сцепились друг с другом ногами.

Светлым трезвым утром она была прелестна. Длинные черные волосы, карие глаза, кремовая незагорелая кожа. Быть красивой по утрам — очень редкая штука! Я сказал ей это, и она улыбнулась.

Пока мы одевались, Таффи болтала без умолку.

— Так необычно иметь третью руку. Я помню как ты держал меня двумя сильными руками и щекотал затылок третьей. Это приятно. Сколько девушек ты подцепил этим фокусом с сигаретой?

— Среди них не было ни одной красивее тебя.

— А скольким ты это говорил?

— Не могу вспомнить. Это срабатывает раньше. Но на этот раз все по-настоящему?

Мы обменялись улыбками.

Минутой позже я поймал ее хмурый задумчивый взгляд в сторону моего затылка.

— Что-нибудь не так?

— Просто задумалась. Прошлым вечером ты не слабо гульнул. Надеюсь, что обычно ты не пьешь много.

— Почему тебя это так беспокоит? — Она покраснела. — Мне следовало объяснить раньше. Вчера я справлял ритуальную тризну. Когда умирает друг необходимо просто напиться вдрызг. Я же тебе рассказывал...

Таффи облегченно вздохнула.

— Я не это имела ввиду...

— Я не обиделся. Ничего страшного. Ты права. И, кроме того, мне нравится... Мне нравится, когда обо мне кто-то заботится.

Таффи прикоснулась чем-то к волосам. Несколько прядей ровно улеглись на свое место. Статическое электричество, что ли?

— Хорошая попойка, — сказал я. — Оуэн был бы доволен. Больше оплакивать не буду.

Я развел руками.

— Все!

— Неплохой способ уйти из жизни, — задумчиво произнесла девушка. — Электрическое стимулирование... Я хочу сказать, что если необходимо раскланяться с жизнью...

— Не смей так говорить! — Не знаю, почему я так быстро рассердился. Неожиданно передо мной возник высохший, как призрак, улыбающийся труп Оуэна в кресле. Напрасно я пытался отогнать от себя этот образ. — Достаточно просто броситься с моста. Умирать целый месяц, пока ток не выжжет мозг — что может быть отвратительнее.

Таффи смутилась.

— Но твой друг пошел на это? А он по твоим рассказам не был слабаком.

— Нисколько. Он этого не сделал. Его...

Я внезапно остановился. Да, именно так. Я был уверен в этом! Это не похоже на Оуэна. Электронаркомания совершенно не вязалась с его обликом. Вот что мучило меня все это время.

— Его убили, — сказал я. — Точно убили. Почему я сразу не догадался? — Быстро набрав номер телефона, я уже через секунду говорил.

— Мне нужен Ордац.

Девушка на экране видео кивнула и попросила подождать.

— Доброе утро, мистер Гамильтон! — в это утро инспектор-детектив Ордац выглядел очень свежим и аккуратным. Я сразу же вспомнил о своей щетине. — Я вижу, — продолжал полицейский, — что вы не забыли принять пилюли от похмелья.

— Не забыл. А вам, Ордац, не приходила в голову мысль, что Оуэна убили?

— Приходила. Но это невозможно!
— Не думаю. Предположим...
— Мистер Гамильтон!
— Да?
— У нас с вами обеденное свидание. Давайте там и обсудим этот вопрос. Встречайте меня возле конторы в 12.00.
— Хорошо, позаботьтесь заблаговременно. Проверьте, не запрашивал ли Оуэн лицензию на нудизм.
— Вы полагаете, он мог обратиться с подобной просьбой?
— Да. Я объясню за обедом.
— Очень хорошо.
— Не отключайтесь. Кто продал Оуэну дроуд и штеккер?
— Кеннет Грэхэм.
— Я так и думал,— я выключил видеотелефон.
Таффи прикоснулась к плечу.
— Ты на самом деле считаешь...
— Да. Они рассчитывали на то, что он не сможет...
— Не надо. Ничего не хочу об этом слышать.
Я повернулся к ней. Она действительно ничего не хотела об этом знать. Сама тема разговора о смерти незнакомого человека не доставляла ей удовольствия.
— Так и быть. Я немного не в своем уме, это точно. До сих пор не предложил девушке позавтракать! Но я должен сейчас же заняться делом Оуэна. Позволь вызвать такси?
Когда появилось такси, я бросился к машине, бросил монету в прорезь и помог ей сесть. Перед тем, как она уехала, я взял ее адрес.

В конторе «АРМа», как и каждое утро, все говорило об обычной бурной деятельности. Я машинально обменивался приветствиями, не останавливаясь для разговора. Самое важное все равно просочится ко мне.
Проходя мимо клетушки Джуди, я заглянул внутрь. Она вся углубилась в работу, расслабившись на диване и делая время от времени какие-то пометки. Глаза были закрыты.
Кеннет Грэхэм. Устройство обмена информацией с подвальным компьютером занимало большую часть моего письменного стола. На обучение пользованием у меня ушло несколько месяцев Я отпечатал заказ на кофе и печенье, через мгновение добавил:
Поиск информации. Кеннет Грэхэм.
Ограниченная лицензия: хирургические операции.
Основная лицензия: продажа аппаратуры электростимулирования.
Адрес: Западный Лос-Анджелес.
Из приемной щели поползла лента, виток за витком опускаясь на мой стол. Чтобы убедиться в своей правоте, мне не стоило ее даже читать.
Новые технические средства порождают новое законодательство, новую этику, новые преступления. Добрая половина деяте-

льности ООН и «АРМа» были направлены на рассмотрение преступлений, которых еще столетие назад не существовало. Преступная продажа человеческих органов — органлеггерство, было результатом тысячелетнего прогресса медицины, результатом миллионов жизней, бескорыстно отданных идеалам исцеления больных. Прогресс сделал идеалы реальностью, но породил новые проблемы.

В 1900 году Карл Ландштейнер разделил человеческую кровь на четыре группы, дав пациентам первую реальную возможность выжить после переливания крови. Техника трансплантации совершенствовалась в течение всего двадцатого столетия. Вся кровь, сухие кости, кожа, живые почки, сердце — все это могло быть пересажено от одного тела к другому. Доноры спасли десятки тысяч жизней, добровольно предоставляя медицине свои тела.

Но доноров не хватало. Многие из них помирали так, что спасти органы было невозможно.

Коренной поворот произошел менее сотни лет назад. Один здоровый донор-человек мог спасти жизнь десятку людей. Осужденный на смерть убийца не должен умирать без пользы для общества. Постепенно все государства приняли новые законы. Преступники, приговоренные к смертной казни, принимали смерть в госпиталях, где хирурги могли спасти все человеческие органы и поместить их в специальные хранилища.

Миллиарды жителей земного шара хотели жить и банки органов стали символом жизни. Человек мог существовать вечно, если бы врачи вовремя заменяли изношенные органы. Но делать это они могли только в том случае, когда банки органов постоянно бы обеспечивались необходимыми запасными частями.

Среди разрозненных движений за запрещение смертной казни канули в лета. Рано или поздно, но все заболевают.

И все же банки органов испытывали дефицит. Пациенты продолжали умирать от нехватки частей тела. Законодатели по всей планете не могли не уступить непрерывному давлению народа. Смертная казнь следовала за убийство первой, второй или третьей степени. За нападение со смертельным исходом. Затем за следующие преступления: изнасилование, подделка денег, растрата, несанкционированное деторождение, за четыре или более случаев лживой рекламы. В продолжение почти целого столетия такая тенденция нарастала, подхлестываемая стремлением избирателей защитить свое право на вечную жизнь.

Даже сейчас органов не хватало. Женщина с больными почками могла целый год ожидать здоровую, которая исправно служила бы ей всю оставшуюся жизнь. Тридцатипятилетнему сердечнику приходилось жить с еще исправным, но сорокалетним сердцем. Приходилось жить с одним легким, частью печени, протезами, которые быстро изнашивались, очень много весили и не обладали достаточной эффективностью. Преступников не хватало. Неудивительно, что смертная казнь хорошо отпугивала. Люди стара-

лись сдерживаться, чтобы не оказаться в донорском покое госпиталя.

Чтобы незамедлительно заменить поврежденный пищеварительный тракт, трансплантировать молодое здоровое сердце или печень взамен разрушенной алкоголем — за всем этим приходилось обращаться к какому-нибудь органлеггеру.

Подпольный бизнес органлеггерства имеет три аспекта.

Первый — это похищение с последующим убийством. Дело очень рискованное. Поскольку казнь приговоренных преступников — монополия правительства, то нужно самому разрабатывать себе донора на переполненных людьми тротуарах города, на аэровокзалах, останавливая машины на шоссе с помощью заряженных конденсаторов... Где угодно...

Конечная цель бизнеса — продажа, особенно опасная фаза, так как даже у смертельно больного человека может проснуться совесть. Он приобретает нужный трансплантант, затем отправляется прямо в «АРМ» и облегчает свою совесть, выдавая банду. Поэтому продажа производится анонимно, и, поскольку повторных продаж бывает немного, это не имеет существенного значения для бизнеса.

Третий аспект — технический, медицинский. Пожалуй, самая безопасная часть бизнеса. Госпиталь велик, контрабандные органы могут храниться где угодно, зачастую помеченные ярлыком непригодности.

Однако на практике все не так просто, как на бумаге. Нужны врачи. Причем хорошие врачи.

Вот в этом-то и заключалась основная сила Лорана. На это у него была монополия.

Где он их доставал? Это мы все еще пытаемся выяснить. Каким-то образом один-единственный человек открыл совершенно безопасный способ рекрутировать талантливых, но нечестных врачей практически в гигантских масштабах. Был ли это на самом деле один человек? Все наши источники информации подтверждали это. И в его кулаке была зажата половина североамериканского западного побережья.

Лоран! Ни голограмм, ни отпечатков пальцев, ни снимков сетчатки глаз, ни даже описания внешности. Все, чем мы располагали — это одно имя и несколько возможных связных.

Одним из них и был Кеннет Грэхэм.

Голограмма была превосходна. Сработана явно в ателье. У Кеннета Грэхэма было вытянутое, как у шотладцев, лицо со впалыми щеками и небольшим жестким ртом. На голограмме он пытался улыбаться и казаться обладающим чувством собственного достоинства одновременно. И все же чувствовал себя при этом неуютно. У него были светлые коротко подстриженные волосы и настолько светлые брови над серыми глазами, что делало их незаметными.

Прибыл завтрак. Я макнул печенье в кофе, надкусил и обнаружил, что сильно проголодался.

На ленте компьютера воспроизводилась вереница голограмм. Я быстро просмотрел остальные, не забывая о еде, и переключил тумблер. Некоторые были весьма неразборчивы, так как были сделаны с помощью специальной подсветки через окно магазина Грэхэма. Ни один отпечаток не компрометировал хозяина. Ни на одном из них он не улыбался.

Электрическое наслаждение он продавал вот уже двенадцать лет. У пристрастившегося к электростимуляции есть одно преимущество перед поставщиком. Электричество дешево. Цена на наркотики может повыситься, а с электричеством такого не происходит. Экстаз у продавца бывает только один раз — когда он делает за деньги операцию. И больше — никогда. Никто не попадает сюда случайно. В пристрастии к электростимуляции есть нечто честное. Клиент всегда понимает, что его ожидает.

И все же нужно иметь определенное отсутствие человеческих чувств, чтобы зарабатывать себе на жизнь таким путем, как Кеннет Грэхэм. Иначе можно остаться без клиентов. Пагубное пристрастие к электрическому току не вырабатывается постепенно. Для этого надо решиться заплатить за операцию, а уже потом вкусить все прелести жизни. Каждый клиент Кеннета Грэхэма переступал порог его магазина только тогда, когда рассчитывал поставить себя вне рода человеческого.

Какой поток потерявших надежду и отчаявшихся прошел через магазин Грэхэма! Неужели они не снились ему ночами? И если Кеннет Грэхэм спит ночью спокойно, значит...

Неудивительно, что он стал органлеггером...

У него неплохое положение. Отчаяние — характерная черта будущих электронаркоманов. Никому неизвестные, никем нелюбимые, эти люди неиссякаемым потоком проходили через магазин Грэхэма. А кто-то и не выходил. Кто это заметит?

Я быстро пробежал по ленте, разыскивая наблюдателей. Вот. Джексон Беар... Я сразу же позвонил вниз.

— Да,— сообщил Беар,— мы производили эту скрытую съемку около трех недель назад. И должен вам сказать, что это напрасная трата времени высокооплачиваемых агентов «АРМа». Он наверняка ни в чем не замешан.

— Тогда почему вы не прекратили за ним наблюдения?

Беар в недоумении посмотрел на меня.

— Потому что мы наблюдаем за ним всего три недели. Как вы думаете, сколько нужно доноров за год? Всего два, так что почитайте сообщения. Суммарный барыш от одного донора превышает миллион долларов или марок ООН. Грэхэм может позволить себе подбирать их не спеша и осторожно. И все же он был недостаточно осторожен. По крайней мере, двое из его клиентов исчезли в прошлом году, вот это и вывело нас на него. Мое мнение по этому поводу вы уже знаете.

— Выходит, вам придется наблюдать за ним еще полгода, не имея никакой гарантии на успех. Он может месяцами поджидать подходящего момента для выбора нужного покупателя.

— Вот именно, он обязан сообщить сведения о каждом клиенте. Это дает ему право задавать личные вопросы. Если у парня есть родственники, то Грэхэм отпускает его. Вы же знаете, что у большинства людей родственники, конечно, имеются. И это,— Беар печально покачал головой,— дает возможность делать свой бизнес, не привлекая внимания. И время от времени, какой-нибудь любитель электростимуляции бесследно исчезает.

— Почему мне не удалось увидеть хоть одну фотографию Грэхэма дома? Вы ведь следили не только за его магазином?

Джексон почесал голову. Его длинные черные курчавые волосы имели довольно непривлекательный вид. Он весьма походил на бушмена.

— Бесспорно, мы следим за его домом, но не имеем возможности вести съемку скрытой камерой. У него внутренняя квартира без окон наружу. Вы хорошо знакомы с техникой скрытой съемки?

— Не очень, особенно с современной, использующей тайную подсветку.

— Техника такая же старая, как и сами лазеры. Фокус заключается в том, чтобы поместить зеркало в помещение, которое требуется просматривать. Затем через окно направляется лазерный луч, который проникает даже через плотные гардины и отражается от зеркала. Когда вы его теперь улавливаете, то он искажается колебаниями в стекле. Это дает прекрасную картину, точнее запись разговоров в комнате, но для получения изображения требуется нечто изощренное.

— И что это за ухищрения?

— Мы можем скрытно направить луч в любую комнату с окном. Мы можем это сделать через стены из определенного материала. Дайте нам оптически ровную поверхность, и мы сможем это сделать даже из-за угла.

— Но для этого вам необходима наружная стена, так?

— Точно.

— А чем занимается Грэхэм сейчас?

— Секундочку...— Беар исчез из поля зрения.— К нему кто-то вошел, прямо сейчас. И Грэхэм беседует с этим человеком. Хотите изображение?

— Конечно! Оставьте его на мониторе, а когда мне надоест, я сам его отключу.

Физиономия Беара исчезла и через мгновение я уже смотрел на врачебный кабинет, напоминающий внешне зубоврачебный. Здесь стояло удобное вращающееся кресло с подушечками под голову и с площадкой для ног. На стоящем рядом с креслом шкафчике, на чистом белом чехле лежали инструменты, а в углу располагался письменный стол. Кеннет Грэхэм беседовал с невзрачной, усталой на вид, девушкой.

Я прислушался вроде бы к отеческим заверениям Грэхэма и к его красочным описаниям прелестей электростимуляции. Я чуть уменьшил звук их голосов. Девушка заняла место в кресле,

и Грэхэм поместил что-то над ее головой. Внезапно невзрачное лицо девушки стало прекрасным. Счастье само прекрасно в любых его проявлениях. Неожиданно физиономия девушки засветилась радостью, и я понял, что на самом деле ничего не знаю о продаже дроудов. По-видимому, у Грэхэма был индуктор, с помощью которого он мог послать ток в любое нужное ему место мозга, не пользуясь проводами. У него имелась возможность показать клиенту прелести электростимуляции, не прибегая к вживлению проводов! Каким это было убедительным аргументом!

Наконец, Грэхэм отключил устройство, и как будто выключил саму девушку. Некоторое время она сидела ошеломленная, затем взяла сумку и стала в ней рыться. Больше я выдержать не мог и отключил изображение.

Мысли мои стали неистово метаться по оболочке мозга. Совершенно не удивительно, что Грэхэм стал органлеггером. Он должен быть лишен всяких человеческих чувств, чтобы так спокойно продавать свой товар.

«Стоило ему только начать...»,— подумал я.

Итак, он чуточку более бессердечен, чем остальные миллиарды жителей планеты, но не намного. Каждый избиратель был в душе органлеггером. Голосуя за смертную казнь за множество преступлений, законодатели просто уступали давлению избирателей. Пересадка органов имела и свою теневую сторону — уважение человеческой особи к жизни других особей терялось все больше и больше. Светлой же стороной было продление жизни для каждого. Всего один осужденный на смерть преступник спасал дюжину достойных граждан, так кто же станет на это жаловаться?

В Поясе Астероидов мы относились к этому вопросу совершенно иначе. В Поясе умение выжить было само по себе добродетелью, а жизнь была драгоценной штукой, столь редкой среди безжизненных скал и столь хрупкой в безжалостном межпланетном пространстве. Вот поэтому мне и пришлось вернуться на Землю, чтобы мне сделали трасплантацию.

Мое заявление было принято к исполнению уже через два месяца после моего прибытия. Почему так быстро? Позже я узнал, что банки органов имеют некоторый избыток определенных частей тела: в наше время мало кто теряет руки. Еще через год я узнал, что рука, которой я пользуюсь, была изъята из конфискованного гайника органлеггеров. Это известие потрясло меня. Я надеялся, что моя рука принадлежит какому-нибудь закоренелому преступнику, который застрелил дюжину обывателей с крыши дома, но это было не так. Эта была какая-то безликая безымянная рука жертвы, которой выпало несчастье нарваться на вампиров.

И что, я вернул руку в припадке отвращения? Нет, как это не удивительно, не вернул. И пошел работать в «АРМ» — некогда имеющего название Ассоциация Региональной Милиции, а теперь же получившей название Полиция Организации Объединенных

Наций. Пусть я и пользуюсь украденной у мертвеца рукой, но теперь я буду охотиться за сообщниками тех, кто его умертвил.

Благородный пыл этого решения за последние несколько лет утонул в бумажной волоките. Вероятно, я несколько почерствел, подобно плоскоземцам — тем, другим плоскоземцам вокруг меня, которые год за годом голосовали за введение смертной казни за все более ничтожные преступления: уклонение от уплаты подоходного налога, полет над городом в летательном аппарате в режиме ручного управления и так далее.

Был ли Кеннет Грэхэм намного хуже других? Разумеется, он был хуже, ведь мерзавец вживил провод в череп Оуэна Джеймиссона!

Я ждал не меньше двадцати минут выхода Джуди. Конечно, ей можно было послать записку, но до полудня еще уйма времени. Однако этого времени было слишком мало, чтобы что-либо закончить. Я хотел поговорить с ней.

— Привет! — поздоровалась она. — Спасибо за кофе. Ну, и как похмелье после вчерашнего? Как прошли торжественные поминки? О, понимаю, как это было поэтично!

Верно, поэтично. Я вспомнил, как меня будто молнией озарило, когда снизошло озарение или вдохновение прибегнуть к предложенной Оуэном приманке с парящей в воздухе сигаретой. Разве можно было лучшим образом почтить его память, чем использовать этот старый фокус для того, чтобы подманить девушку?

— Точно! — согласился я. — Но ты, кажется, что-то упустила. Твоя фамилия Таффи? Или это ее фамилия Таффи?

— Не помню... она записала ее на...

— Чем она занимается, чтобы заработать себе на жизнь?

— Откуда мне знать?

— Какой религии она придерживается? Она «за» или «против»? Где она выросла?

— Черт побери! Полчаса назад ты весьма самодовольно размышлял над тем, насколько безликими стали мы все. Все плоскоземцы, кроме тебя? Так кто же она такая, эта Таффи? Личность или подстилка? — Джуди уперлась руками в бедра и смотрела на меня снизу вверх, как невысокая, но очень строгая учительница.

Так из скольких все же людей состоит Джуди? Некоторые из нас никогда не видели этот ее защитный аспект. Как страшна она в этом качестве. Случись это на свидании, мужчина, который был бы в это время с ней, остался бы на всю жизнь импотентом. Но этого никогда не случалось. Когда замечание было заслуженным, Джуди высказывала его откровенно. Это было необходимо для разделения своих функций, но воспринимать их от этого не было легче. Так же как и не было смысла доказывать, что это не ее дело.

Я пришел сюда, чтобы попросить Джуди взять меня под свою защиту. Стоило мне потерять любовь этой девушки, самую-самую малость ее, и мой разум мог стать для Джуди глухой стеной. А тогда каким образом она могла бы узнать, что я угодил

в беду? Каким образом она могла бы послать мне помощь? Моя личная жизнь была именно ее делом, ее единственной и самой важной работой.

— Я как Таффи,— возразил я.— Мне все равно, кто она, что было между нами, когда мы повстречались. А теперь она мне нравится и, как мне кажется, это взаимно. Чего же еще требовать при первой встрече?

— Тебе лучше знать. Ты можешь вспомнить и о других встречах, когда мы вдвоем могли проболтать всю ночь на диване просто из удовольствия получше узнать друг друга,— она упомянула три имени, и я покраснел. Джуди знает такие слова, которые могут мгновенно перевернуть тебя наизнанку.— Таффи — личность, и вовсе не эпизод, не символ чего-то, не просто проведенная с кем-то ночь. Что ты о ней думаешь?

Я задумался, стоя перед Джуди в коридоре. Забавно — я уже не раз сталкивался с такой Джуди, Джуди-охранительницей, но мне никогда и в голову не приходило просто уйти прочь, чтобы покончить с неприятной ситуацией. Над этим нужно поразмыслить чуть попозже, а пока лучше постоять лицом к лицу с ангелом-телохранителем, судьей и учителем в одном лице. Я стал размышлять о Таффи...

— Она чудесная,— признался я,— и не безликая. Она щепетильная и хорошей няньки из нее не получится. Я бы сказал, что она весьма уязвимая...

— Дальше.

— Мне бы хотелось встретиться с ней еще раз, но разговаривать с ней о своих делах я бы не хотел... По сути лучше бы было вовсе с ней не встречаться, пока я не разделаюсь с делом Оуэна. Она может заинтересовать Лорана. Или она может мной увлечься и я, возможно, причиню ей боль. Я ничего не упустил?

— Похоже, что нет. Ты должен был ей позвонить. Если ты не сможешь встретиться с ней в эти несколько дней, то позвони ей и сообщи об этом.

— Ладно,— я повернулся, но тут же вспомнил причину, по которой сюда пришел.

— Знаю, тебе нужно контрольное время. Давай я буду проверять тебя каждое утро в 9.45?

— Это несколько рановато. Обычно я нахожусь в смертельной опасности в разгар ночи.

— По ночам я бездействую. 9.45 — это все, что я могу. Очень жаль, Джил, но деваться некуда. Так что, взять тебя на контроль или нет?

— Ладно, бери на 9.45.

— Годится. Дай мне знать, если добудешь реальное доказательство того, что Оуэн убит. Тогда я дам тебе еще одно контрольное время, ведь ты подвергнешься в этом случае конкретной опасности.

— Согласен.

— Я тебя люблю, но опаздываю,— и она проскользнула в свою комнату, а я пошел звонить Таффи.

Ее, конечно, не было дома, а где она работает и работает ли вообще, я не знал. Автоответчик предложил записать, что необходимо передать. Я назвал себя и сообщил, что позвоню попозже.

И вот я скучаю здесь уже пять минут, до полудня еще полчаса. Рядом со мной на столе телефон. Я никак не мог найти предлог, чтобы не посылать письмо Хомеру Чандрасекару. Я не хотел говорить с ним ни тогда, ни вообще. Мне уже разок крепко досталось от него еще в те добрые времена, когда я видел его в последний раз. Добрые, старые времена... Моя бесплатная рука означала отказ от жизни белтера и стоила мне уважения Хомера. Мне не хотелось разговаривать с ним даже в одностороннем порядке и в особенности не хотелось сообщать о смерти Оуэна.

Но должен все-таки кто-то сообщить ему об этом? Может быть, он сумеет что-нибудь подсказать или обнаружить. А я откладываю это уже в течение суток. Меня аж прошибло потом, но я все же сделал дальний вызов, написал письмо и отослал его на Цереру. Точнее, я подготовил пять вариантов послания, пока не остановился на самом подходящем, по моему мнению. Затем я опять позвонил Таффи, возможно, она вернулась домой к ленчу, но никто не отозвался. Повесив трубку, я задумался над справедливостью суждений Джуди. Что может ждать меня и Таффи, кроме приятной борьбы в постели?

Однако вряд ли стоит упрекать в чем-то Джуди. Если она считает, что Таффи относится к уязвимому типу людей, то получила она эту информацию из моего подсознания. У меня были смешанные чувства и все же мне было приятно сознавать, что есть кто-то, на кого можно положиться не только в постели... кому ты не безразличен и кого волнуют твои заботы, а остальным в это время нет до тебя никакого дела.

— Естественно,— сказал Ордац,— я думал об убийстве и всегда рассматривал возможность убийства. Даже после того, как моя безгрешная матушка успокоилась после самого нежного и заботливого ухода со стороны моей сестрицы Марии-Анджелы, я тут же подумал о том, что стоило поискать уколы в области головы.

— И что-нибудь нашли?

Физиономия Ордаца сразу посерела. Глотнув пива, он стал подниматься.

— Успокойтесь,— поспешно произнес я.— Мне и в голову не приходило нанести вам обиду.

Какое-то мгновение он еще выглядел сердитым, снова сел и попытался улыбнуться. Мы выбрали открытый ресторан на тротуаре для пешеходов. По другую сторону живой, на самом деле живой, зеленеющий сочными побегами движущийся тротуар нес непрерывный односторонний поток покупателей. Еще дальше другая лента несла точно такой же поток в противоположном направлении. У меня сложилось такое ощущение, будто движемся мы, а не они.

Официант-робот, корпус которого напоминал шахматную пешку, извлек из своего чрева еще дымящиеся тарелки с наперченным мясом, аккуратно поставил их перед нами и скользнул прочь на своей воздушной подушке.

— Естественно, я принял во внимание вероятность совершения убийства, но поверьте мне, мистер Гамильтон, ваша версия ничем не подкреплена.

— Мне кажется, я бы мог сделать из этого весьма приличное дело.

— Можно, разумеется, попытаться и, более того, я окажу вам всяческую поддержку. Прежде всего мы должны допустить, что Кеннет Грэхэм, этот продавец счастья, не продавал дроуд и штеккер Оуэну Джеймиссону. Скорее всего, Оуэна заставили сделать операцию, а записи Грэхэма, включая письменное разрешение на операцию, были подделаны. Мы можем сделать такие допущения, разве не так?

— Все верно. И перед тем, как вы скажете мне, что у Грэхэма незапятнанная репутация, позвольте мне вам возразить. Это вовсе не так.

— Да?

— Он связан с бандой органлеггеров, но это секретная информация. Мы установили за ним слежку и не желаем афишировать этот факт.

— Вот это новость! — Ордац потер подбородок. — Органлеггерство! А какое отношение к органлеггерам имеет Оуэн?

— Он — белтер, а в Поясе Астероидов постоянно жесточайшая нехватка трансплантируемых элементов.

— Да, но туда импортируется немалое количество медицинских товаров с Земли. Не только органы в морозильных камерах, но также лекарства и протезы. Что ж из этого следует?

— В свое время Оуэн привозил множество разнообразных грузов, минуя таможенников. Несколько раз его подлавливали, но он всегда опережал правительство. У него была репутация удачливого контрабандиста. Если крупный органлеггер хочет расширить свой рынок, он вполне может обратиться к такому белтеру, чтобы прозондировать почву.

— Вы ни разу не упоминали о том, что мистер Джеймиссон был контрабандистом.

— А зачем? Все белтеры контрабандисты, если они считают, что есть шанс надуть таможенников. Контрабанда белтеров процветает. И никто из них не считает это занятие безнравственным. Но органлеггеру это, скорее всего, невдомек. Он считал бы, что Оуэн уже преступник.

— Вы полагаете, что и ваш друг... — Ордац в нерешительности умолк, щадя мои чувства.

— Нет! Оуэн не стал бы органлеггером, хотя и мог бы этим заняться. Но он мог бы попытаться выдать одного из них и получить вознаграждение за информацию, которая привела бы к их

поимке. При конфискации он мог бы получить еще больше. Если кто-то завербовал Оуэна, то он вполне мог попытаться проследить контакты самолично. Банда, за которой мы охотимся сейчас, опутала уже половину западного побережья. Это очень крупная банда Лорана, на которого, вероятно, работает Грэхэм. Представим себе, что у Оуэна неожиданно появилась возможность встретиться лично с Лораном?

— Вы полагаете, что он мог так поступить?

— Считаю, что так оно и было. Думаю, что он специально отрастил волосы, чтобы выглядеть землянином и тем самым убедить Лорана в своей безобидности. Думаю, что он собрал очень много информации, а затем попытался выпутаться, не повредив своей шкуры, но это ему не удалось. Вы, случайно, не обнаружили лицензии, вернее его заявления на выдачу нудистской лицензии?

— Нет, но я понимаю ход ваших мыслей,— кивнул полицейский и откинулся назад, не обращая внимания на пищу, стоящую перед ним.— Загар мистера Джеймиссона равномерно покрывает все его тело, кроме характерно еще более потемневшего лица. Предполагаю, что он практиковал нудизм в Поясе.

— Да. Для этого там не требуется разрешение властей. Если он что-то скрывал и здесь, то он и тут был нудистом. Вспомните тот шрам. Оуэн никогда не упускал возможности выставить его напоказ.

— И он в самом деле считал, что может сойти...— Ордац заколебался,— за плоскоземца?

— С характерным загаром белтера? Нет! Он и так уже перестарался с прической. Возможно, он считал, что Лоран его недооценивает. Однако он не стал рекламировать свое присутствие здесь, в противном случае он не оставил бы свои глубоко личные вещи дома.

— Значит, он все-таки имел дело с органлеггерами, но они разоблачили его до того, как он смог с вами связаться. Да, мистер Гамильтон, все это здорово придумано, но в жизни так не бывает.

— А почему нет? Я ведь не пытаюсь доказать, что это убийство. Пока я пытаюсь доказать, что это может быть убийством в такой же степени, как и самоубийство.

— Но это не так, мистер Гамильтон.

Я вопросительно взглянул на Ордаца.

— Рассмотрим детали предполагаемого убийства. Оуэн Джеймиссон был накачан наркотиками и приведен в кабинет Кеннета Грэхэма, где ему вживили штеккер наслаждения. Для этого подошел стандартный тип штеккера, который был затем изменен любительским образом с помощью паяльника. Мы уже видим со стороны убийцы дотошное внимание к деталям. Это же обнаруживаем и в поддельных документах Кеннета Грэхэма с разрешением на операцию, но они безупречны. Затем Оуэна возвращают в его же квартиру, не так ли? Вряд ли имело какой-либо смысл помещать его в какую-нибудь другую. Шнур от его дроуда укорочен опять-таки непрофессионально. Мистера Джеймиссона связали...

— Интересно, как вы это увидели?

— А почему он не должен быть связанным? Его связали и позволили пробудиться. Вероятно ему объяснили происшедшую метаморфозу, а может быть и нет. Все зависит от характера убийцы. Потом убийца подключает мистера Джеймиссона к розетке. Через его мозг течет ток и Оуэн впервые в жизни испытывает чистое, ничем не омраченное наслаждение.

— Его оставляют связанным, ну, скажем, на три часа. После первых же нескольких минут он уже безвольная жертва пагубного пристрастия, как я полагаю...

— Вы должны знать больше о жертвах электростимуляции, чем я.

— Даже я не хотел бы быть связанным хоть на мгновение. Для того, чтобы выработалась неизлечимая пристрастность, достаточно нескольких минут в случае даже малой силы тока. Но какая жертва электростимуляции просит о том, чтобы ей сделали операцию, зная о тех последствиях всей оставшейся жизни. Электростимуляция является симптомом безысходного отчаяния. Ваш друг, возможно, мог бы еще высвободиться после кратковременного воздействия...

— Поэтому-то его и связывают часа на три и только потом обрезают путы...— тут мне едва не стало плохо. Зловещие отталкивающие картины, нарисованные Ордацем, совпали с моими до мельчайших деталей.

— По вашим предположениям не больше, чем на три часа. Они не осмелились бы остаться на больший срок. Итак, они разрезают путы и оставляют Оуэна умирать с голоду, отлично зная, что в течение месяца следы отравления наркотиками исчезнут, как и любые ссадины, оставленные путами. Исчезнут опухоли на голове, следы от уколов и все такое. Тщательно разработанный план, не так ли? Вы согласны с этим?

Я с трудом убеждал себя, что Ордац не мерзавец: он просто делает свое дело. И все же было трудно ответить объективно.

— Это совпадает с нашими представлениями о Лоране. Он очень скрупулезен буквально во всем. Все, что он делает, отличается тщательной подготовкой и продуманностью до мельчайших деталей.

Ордац подался вперед.

— Неужели вы не понимаете? Тщательно подготовленный план целиком ошибочен, в нем есть решающее упущение. Предположим, что мистер Джеймиссон вытащит дроуд?

— Разве он мог это сделать? Это серьезное предположение?

— Вполне мог бы... Достаточно ничтожного движения пальцами, ведь электрический ток не нарушает мышечную координацию. Мог ли он?— Ордац задумчиво пригубил пиво.— Я многое знаю об электростимуляции, но не знаю, какие ощущения она вызывает на самом деле, мистер Гамильтон. Обычный любитель электростимуляции столько же раз вытаскивает свой дроуд, сколько и вставляет, но через мозг вашего друга шел десятикратный

ток. Вполне вероятно, что он десятки раз вытаскивал дроуд, но каждый раз мгновенно вставлял его обратно. Ведь белтеры, как считают, люди со стальной волей, с чрезвычайно сильно развитой индивидуальностью. Кто знает, может быть, даже через неделю пристрастия ваш друг был еще в состоянии освободиться, смотать шнур, сунуть его в карман и сбросить с себя бремя наслаждения? Существует еще дополнительный риск, который заключается в том, что кто-то может войти к нему. Например, ремонтник, обслуживающий автоматические системы квартиры. Или кто-то заметит, что он целый месяц не покупает еду. Но самоубийцы уже совсем иные люди и идут на такой риск. Обычно самоубийцы оставляют себе лазейку, которая дает им шанс из тысячи, убийца, разработавший подробный план, никогда не пойдет на риск.

Солнце начало припекать. Ордац неожиданно вспомнил о ленче и принялся за еду.

Я наблюдал за тем, как бурлит жизнь за изгородью. Одни пешеходы собирались в группы, чтобы поболтать, другие заглядывали в витрины магазинов, расположенных на пешеходной полосе, или смотрели на то, как мы едим. Были и такие, хотя их было немного, которые продирались сквозь толпу с целеустремленным видом, торопясь пробиться на скоростной тротуар, развивавший скорость до десяти миль в час.

— Может быть, они следили за ним? Вероятно, в квартире находилась соответствующая аппаратура.

— Мы тщательно обыскали помещение,— возразил Ордац.— Если бы и было какое-нибудь оборудование для слежки, то мы бы его сразу же обнаружили.

— Его могли убрать раньше.

Ордац хмыкнул.

Я вспомнил об автоматических камерах в «Моника Апартаментс». Чтобы вынести следящую аппаратуру, в помещение нужно сначала войти. Да, они могли бы испортить снимок с помощью излучения, но это тоже бы оставило свои следы. Квартира Оуэна находилась внутри здания и следить за ней снаружи не было возможности.

— Есть еще одна деталь, которую вы опустили,— проговорил я через некоторое время.

— Какая деталь?

— Моя фамилия в бумажнике Оуэна в качестве ближайшего родственника. Он направлял мое внимание как раз к тому, над чем я работал, к банде Лорана.

Ордац опустил вилку.

— Это тоже можно толковать двояко, мистер Гамильтон, но думаю, вам это не понравится.

— Не обращайте на это внимания,— усмехнулся я.

— Что ж, давайте рассмотрим ваше предположение. С мистером Джеймиссоном установил контакт агент Лорана — орган-леггер, который намеревался продавать трансплантируемые органы белтерам. Оуэн согласился: перспектива разбогатеть

была слишком заманчивой. Месяцем позже что-то заставило его понять, какую ужасную ошибку он совершил. Поэтому Оуэн и решил покончить с собой. Он обратился к торговцу наслаждениями, и в его мозг был вживлен проводник. Позже, перед тем как подключить к нему дроуд, он предпринял еще одну попытку искупить свое преступление. Он занес вашу фамилию в свои документы в качестве ближайшего родственника, чтобы вы могли догадаться о причине его смерти и, вероятно, для того, чтобы могли воспользоваться этим знанием против Лорана.— Ордац взглянул на меня и продолжил:— Я понимаю, что вы никогда с этим не согласитесь, но ничего не поделаешь. Тут я лишь истолковываю улики.

— Я тоже. Но учтите, что я хорошо знал Оуэна. Он ни за что не стал бы работать на органлеггеров и никогда бы не покончил с собой. Но если бы он и был вынужден совершить это, то никогда не прибегнул бы к такому способу!

Ордац ничего не ответил.

— А как насчет отпечатков пальцев?

— В квартире? Никаких...

— Никаких, кроме Оуэна?

— Даже его отпечатки были обнаружены только на креслах и столике. Черт бы побрал того, кто изобрел робота-уборщика. Каждая поверхность квартиры была вычищена до блеска 44 раза за то время, какое прожил там мистер Джеймиссон.

— И все-таки допустим на миг, что я прав. Допустим, что Оуэн вышел на Лорана и тот убрал опасного свидетеля. Оуэн понимал, что затеял опасную игру и не хотел, чтобы я влезал в это дело до того, как у него все будет готово. Полагающуюся награду он хотел получить сам, но, возможно, что кое-что он оставил и для меня, на всякий случай. Что-нибудь в абонентском ящике, в камере хранения в аэропорту или на космодроме. Не на свое имя и не на мое, потому что многим известно, что я сотрудник «АРМа».

— На имя, знакомое вам обоим?

— Верно. Например, на имя Хомера Чандрасекара или... именно так! Кубс Форсайт! Оуэн посчитал бы это самым подходящим, ведь Кубс мертв.

— Мы проверим вашу догадку. Однако вы должны понять, мистер Гамильтон, что проверка может и не подтвердить ваше предположение. Ясно?

— Конечно. Оуэн мог это спрятать, снедаемый угрызениями совести. Но вы все же проверьте и дайте мне знать, если удастся что-нибудь раздобыть,— пробормотал я, поднимаясь с места и направляясь к пешеходной дорожке.

Я пристроился на движущемся тротуаре, совершенно безразличный к тому, куда он меня понесет. Просто для того, чтобы иметь возможность успокоиться.

Неужели Ордац прав? Однако, чем больше я закапывался в дело Оуэна, тем хуже выглядел в моих глазах Джеймиссон. Следо-

вательно, инспектор мог быть прав. Или нет? Работал ли Оуэн на органлеггеров? Нет! Скорее всего, он мог быть донором! Оуэн, получающий счастье из стенной розетки? Нет, он даже ни разу не взглянул на трехмерное телевидение! Оуэн покончил с собой? Нет! Но если да, то только не так! Но даже если бы я мог переварить все это... Оуэн Джеймиссон дал мне знать, что он работает с органлеггерами? Мне — Джилу Гамильтону из «АРМа»? Дал мне знать об этом?

Тротуар двигался все дальше и дальше, мимо ресторанов и торговых центров, мимо церквей и банков. Гудение автомобилей, сильно ослабленное высотой в десять этажей, которая отделяла пешеходный уровень от транспортного, все же непрерывно стояло в ушах. Небо было узкой ярко голубой щелью между черными громадами небоскребов... Дал ли он мне знать об этом? Нет!

Однако не лучшим образом была несколько противоречивая версия убийства в изложении Ордаца. Я задумался, а не упустил ли чего Ордац? Для чего это Лоран избавился от Оэуна при помощи тщательно спланированного плана? Ведь Оуэна можно было просто запрятать в банки органов, чтобы он уже никогда не тревожил Лорана!

Магазинов становилось все меньше и меньше и в такой же мере уменьшалось количество людей. Тротуар сузился, вошел в жилую зону и притом не очень респектабельную. Не слишком ли далеко он меня занес? Я стал озираться по сторонам, пытаясь выяснить, куда же я попал.

Оказывается, я находился в четырех кварталах от кабинета Грэхэма!

Мое подсознание сыграло со мной злую шутку. Я хотел увидеть Кеннета Грэхэма и заглянуть ему в глаза. Искушение следовать дальше было почти непреодолимым, но я все же подавил его и сменил направление движения на ближайшем поворотном диске, но мучительные раздумья не покидали меня. Я мог бы зайти в кабинет Грэхэма, а затем уйти. Я мог бы изобразить себя потерявшим надежду, пресыщенным, нерешительным и сказал бы Грэхэму, что нуждаюсь в электростимуляции. Мог неожиданно вспомнить о своих друзьях и жене и в последний момент передумать. И он наверняка отпустил бы меня восвояси, понимая, что мое исчезновение может кого-то насторожить...

Может быть...

Но Лоран мог знать об «АРМе» больше, чем мы о нем. Вполне вероятно, что Грэхэму уже показывали голограмму. И стоит только известному агенту «АРМа» переступить порог его кабинета, как органлеггер запаникует. Нет, рисковать не стоило! Тогда, черт меня побери, что же мне делать?

Противоречивый убийца Оуэна... Если мы допускаем убийство Оуэна, то тем самым мы вовсе не отвергаем другие варианты дела. Сначала до мелочей продуманный план, а затем Оуэна остав-

ляют одного, когда он в равной степени мог вытащить штеккер и уйти или мог быть обнаруженным настойчивым продавцом, или случайным взломщиком. Нет! Предполагаемый Ордацом, а равно и мной убийца следил бы за Оуэном, как за своим глазом... следил в течение всего месяца. Вот в чем дело!

На следующем диске я сошел с движущегося тротуара и взял воздушное такси, которое высадило меня на крышу здания «Моника Апартаментс». В вестибюль я спустился на лифте. Если управляющий и удивился, то внешне он и виду не подал, приглашая меня жестом в свой кабинет. Помещение оказалось гораздо более просторным, чем вестибюль, вероятно из-за того, что в нем находились предметы, нарушающие анонимно-модерновую однообразность оформления: картины на стене и небольшой черный след на ковре, вызванный, по-видимому, сигаретой неряшливого посетителя, голограмма Миллера и его жены на широком, почти пустом письменном столе. Он подождал пока я сяду и выжидающе наклонился ко мне.

— Я здесь по заданию «АРМа»,— я протянул ему свое удостоверение. Он возвратил мне его, даже не удосужившись заглянуть на фото.

— Полагаю, что это по тому же делу,— проговорил он без особого восторга.

— Да. Я уверен, что у Оуэна Джеймиссона должны были быть посетители во время его нахождения у вас.

Управляющий улыбнулся.

— Это смехотворно и невозможно.

— Отнюдь. Ваши голографические камеры делают снимки ваших посетителей, однако не снимают ваших жильцов, не так ли?

— Разумеется.

— Тогда Оуэна мог посетить любой из жильцов комплекса!

Управляющий был ошеломлен.

— Нет, определенно нет, в самом деле нет. Я просто не понимаю, почему это вас так интересует, мистер Гамильтон. Если бы мистера Джеймиссона обнаружили в таком состоянии, об этом немедленно сообщили бы администрации. Будьте уверены.

— А я так не думаю. К нему мог зайти любой из жильцов этого комплекса?

— Нет, и еще раз нет! Камеры сделали бы снимок любого, проживающего на данном этаже.

— А как насчет тех, кто там проживал?

Управляющий неохотно качнул головой.

— Да. Если говорить о голографических камерах, то это возможно, однако...

— Тогда я хотел бы попросить снимки всех проживающих на восемнадцатом этаже в течение последних шести недель. Вы можете мне их предоставить?

— Разумеется, сэр, они будут перед вами в течение часа.

— Хорошо... Кроме того, в мою голову пришла интересная мысль. Предположим, кто-нибудь поднимается на девятнадцатый этаж, а потом пешком спускается на восемнадцатый. Его снимают на девятнадцатом этаже, но не на восемнадцатом, верно?

Управляющий снисходительно улыбнулся.

— Мистер Гамильтон, на этом этаже нет лестниц.

— Одни лифты? А это не опасно?

— Разумеется, нет. У каждого лифта имеется отдельный автономный источник питания. Это широко распространенная практика. Ведь какой дурак захочет подниматься по лестнице на восьмидесятый этаж, если сломается лифт?

— Прекрасно. У меня еще один вопрос. Может ли кто-нибудь самовольно вносить изменения в программу компьютера? Может ли кто-нибудь заставить его не делать определенные снимки?

— Я... я не специалист по работе с компьютерами, мистер Гамильтон. Почему бы вам не сходить на предприятие-изготовитель «Колфилд Брайнз, инкорпорейтед»?

— О'кей. Какая у вас модель?

— Одну минуту,— он вскочил и стал рыться в одном из ящиков шкафа.— Вот. ЕК 144.

— Хорошо.

Больше мне нечего было делать у управляющего и я понимал это. Но уйти просто так мне почему-то не хотелось. Тут обязательно должно быть еще что-то горячее.

Миллеру надоело молчание и он спросил:

— Больше ничего, сэр?

— Да, впрочем, нет. Могу я сейчас попасть в 1809 номер?

— Сейчас взгляну не занят ли он.

— Полиция покончила с этим делом?

— Разумеется,— он снова подошел к картотеке.— Номер все еще свободен. Я проведу вас наверх. Сколько времени вы там будете?

— Не знаю, но не более получаса. И не надо меня провожать.

— Как хотите, сэр.

Он вручил мне ключ и стал ждать моего ухода.

Ничтожный голубой проблеск мелькнул в моих глазах, когда я выходил из лифта. Я мог подумать, что это произошло в нереальном мире, а не зрительном нерве, если бы ничего не знал о голографических камерах. Для того, чтобы сделать голограмму, можно было обойтись и без лазера, но с лазерной подставкой изображения получаются более четкими.

Теперь комната Оуэна была пустой коробкой: все было спрятано — одни голые стены. Никогда в жизни я не видел ничего более заброшенного, если только это не было какой-нибудь скалой среди астероидов, слишком бедной, чтобы ее разрабатывали, и неудачно расположенной, чтобы на ней строить базу.

Панель управления располагалась рядом с дверью. Я включил свет и нажал главную кнопку. Появились прочерченные красным,

зеленым и синим цветом контуры. Большой квадрат на одной из стен обозначал кровать, а большую часть другой комнаты занимала кухня и еще что-то. На полу также проявились разнообразные очертания. Очень удобно, и не надо гадать о том, не стоишь ли ты случайно на том месте, откуда должен выползти стол. Я пришел сюда, чтобы прочувствовать обстановку, чтобы понять, не упустила ли чего полиция. Запустив свою воображаемую руку в спрятанные за панелью цепи автоматики, чтобы проверить, нет ли там каких-нибудь не предусмотренных с самого начала плат, я обнаружил, что все провода вели только к тем механизмам, которые они должны были активизировать. Наружу никаких цепей от датчиков не выходило. Нужно было находиться внутри комнаты, чтобы определить, что из обстановки заняло место в комнате, а что располагается в нишах.

Кровать этого номера была втянута в стену в течение шести недель, но чтобы знать это нужно было тоже находиться в комнате.

Я нажал еще несколько кнопок, чтобы извлечь кухонный уголок и кресло для чтения. Стена соскользнула на протяжении восьми футов. Пол вздыбился и принял форму кресла. Я сел и кухня закрыла дверь. Никто не мог увидеть Оуэна из коридора. Но если бы кто-нибудь заметил, что он не заказывает пищу, то это могло бы его спасти. Порассуждав еще некоторое время, я стал искать кондиционер. Решетка оказалась на уровне пола, и я стал прощупывать воображаемой рукой пространство за ней. В некоторых из подобных квартир установки кондиционирования включаются по достижению в помещении определенного уровня углекислого газа. Эта же управлялась от датчиков температуры или вручную.

Будь установка другой, наш скрупулезный убийца мог бы, анализируя поток воздуха из номера определять, присутствует ли в ней Оуэн и жив ли он. Эта же 1809-ая квартира вела себя так, будто она шесть недель пустовала. Я заворочался в кресле. Если предполагаемый убийца и следил за Оуэном, то делал он это с помощью скрытно установленной в этой комнате аппаратуры. И если он на самом деле не жил на этом этаже те четыре или пять недель, которые потребовались Оуэну, чтобы умереть, то другого способа просто не существовало.

О'кей. Придется подумать о такой аппаратуре. Если ее сделать достаточно миниатюрной, то ее было бы очень трудно разыскать, разве что робот-уборщик мог сразу же направить ее в утилизатор. Выходит, что она должна быть достаточных размеров, чтобы робот ее не подобрал! Не стоило беспокоиться о том, если бы ее нашел Оуэн. После смерти Джеймиссона можно было дать сигнал на ее самоуничтожение. Но если сжечь ее полностью, то где-то обязательно должно было остаться обгоревшее место или отверстие. И его мог найти Ордац. Может быть, здесь была асбестовая прокладка. Должно же остаться что-то такое, что мог бы сразу замести робот-уборщик.

И если поверить в это, то можно поверить во что угодно. Но

все это было слишком неопределенным. Ведь никому точно неизвестно, что может принять за мусор робот-уборщик.Их делают тупыми, потому что так дешевле, а программируют их так, чтобы они оставляли после уборки только крупные предметы. Должен же быть кто-то на этом этаже, чтобы следить за Оуэном и потом забрать аппаратуру. Я мог поспорить на все, что угодно, что за ним следил человек, живой человек.

Я пришел сюда, чтобы дать шанс своей интуиции, но это не сработало. Шесть недель провел Оуэн в этом кресле и по меньшей мере одну, последнюю, он был мертв. И все же, сидя в этом кресле с двумя полками по бокам, я не чувствовал ничего. Это было простое кресло. В комнате ничего больше не было, даже неугомонного призрака.

Вызов застал меня на полпути в контору «АРМа».

— Вы были правы,— раздался голос Ордаца по наружному радио.— Мы нашли ячейку в камере хранения космопорта Долины Смерти, абонированную на имя Кубса Форсайта. Сейчас я на пути туда. Вы присоединитесь ко мне?

— Я встречусь с вами там.

— Я весь сгораю от нетерпения, как и вы, чтобы взглянуть на то, что оставил нам Оуэн Джеймиссон. Но я морально сомневаюсь, что там будет что-то путное.

Космопорт был чем-то более, чем простым пунктом по удалению в 230 миль. Поездка туда занимала около часа времени и стоила довольно дорого. Я отпечатал новый адрес на пульте управления и вызвал контору. Агент из «АРМа» пользуется свободой оплаты и ему не нужно отчитываться за каждый свой шаг. О том, что мне не разрешат туда отправиться, не могло быть и речи. Самое худшее — мне не оплатят счет.

— Да, еще вот что,— сказал я клерку.— Из «Моника Апартаментс» должен прибыть комплект голограмм. Пусть компьютер проверит, нет ли среди них известных органлеггеров или сообщников Лорана.

Такси плавно взмыло в воздух и направилось на восток. Я смотрел трехмерное телевидение и пил кофе, пока у меня не кончился запас монет для автомата.

Если вы отправитесь туда между ноябрем и маем, когда климат Долины Смерти идеален, то она может показаться туристским раем. Там есть Полоса Дьявола для гольфа, с ее фантастическими грядами и солевыми вершинами, Забриски Пойнт и окружающий его мертвый пейзаж, старые заброшенные шахты и самого удивительного вида редкие растения, приспособившиеся к жаре и к мертвецки сухому климату. Да, Долина Смерти имеет много интересного, и когда-нибудь я отправлюсь туда, чтобы полюбоваться ее чудесами. А пока все, что я узрел — это космопорт. Но он и сам по себе производил впечатление.

Посадочное поле некогда было частью весьма крупного вну-

треннего мира, ранее бывшего моря. Теперь это море соли. Попеременно расчерченные красные и синие концентрические круги означают площадки для кораблей, садящихся из космоса. Столетнее развитие космических приводов здесь видно, как на ладони, по размерам и форме воронок, образовавшихся от огненных и фотонных струй из тормозных сопел. И все же большая часть поля сохранила свой первозданный ослепительно белый цвет сухой соли.

И на фоне этой соли корабли всех форм и размеров. Вокруг них как бы танцуют различные вспомогательные машины и механизмы и, если не полениться и подождать, то можно увидеть и приземление комфортабельного космического корабля. Ради этого зрелища стоило подождать!

Здание космопорта, расположенное на краю плоского солевого плато, представляет из себя светло-зеленую башню, возвышающуюся над обширным участком светящегося оранжевого бетона. Ни один корабль не садился на него, во всяком случае пока. Такси опустило меня у самого входа и улетело, а я остался, с удовольствием вдыхая теплый сухой воздух. Четыре месяца в году в Долине Смерти стоит идеальная погода, а в один из августовских дней здесь был даже зарегистрирован рекорд жары: 56° С в тени. Клерк за столом сообщил мне, что Ордац прибыл всего несколько минут назад. Я нашел его и еще одного служащего в лабиринте платных ячеек, каждая из которых вмещала две-три честерских чемодана. В ячейке, только что открытой Ордацем, стоял всего лишь маленький пластиковый портфель.

— Возможно,— предположил Ордац,— он воспользовался и другими ячейками.

— Скорее всего, нет, ведь у него цифровой замок. Я думаю, что вероятнее всего он...

— Может быть.

— Что может быть?— взорвался я.— Должен вам сказать, что белтеры часто путешествуют налегке. Давайте сюда портфель!

Присев на корточки, я внимательно рассмотрел цифровой замок. Как это ни забавно, но я ничуть не удивился. Я как-будто всегда знал, что портфель Оуэна окажется именно тут. А почему бы и нет? Он был обязан подстраховать себя каким-либо образом через меня, потому что я уже был вовлечен в деятельность ООН по борьбе с органлеггерами. Оставив что-нибудь в камере хранения космопорта для того, чтобы Лоран не смог бы найти нужную ячейку или добраться до ее содержимого, если бы сумел найти, и для того, чтобы я нашел его портфель в результате ассоциаций, связывающих Оуэна с космопортом. А на имя Кубса потому, что я буду искать ячейку на это имя, а Лоран — нет.

Удивительная предусмотрительность — шифр был пятизначным.

— Он должен был иметь в виду, что открывать его буду я. Да-

райте попробуем так,— и я установил число 22117. Кубс погиб 22 апреля 2117 года...

Замок щелкнул и портфель открылся. Ордац был тут как тут. Он сразу же вытащил брезентовый конверт, а я медленно взял две каких-то склянки. В одной из них, герметически закрытой от проникновения земного воздуха, была невероятно мелкая пыль. Пыль настолько мелкая, что скользила как масло по внутренней поверхности наполовину заполненного стеклянного флакона. В другой пробирке находилась почерневшая крупинка железоникелевого сплава, едва различимая невооруженным взглядом.

В портфеле лежали и другие вещи, но главной находкой была папка. В ней была вся история Оуэна... во всяком случае до определенного момента. Вероятно, Оуэн намеревался пополнить ее и дальше.

Когда он вернулся из последнего полета к богатым рудным обломкам, то среди прочего хлама его поджидало на почте Утренней Цереры письмо. Он наверняка хохотал над некоторыми абзацами этого послания. Лоран взял на себя труд собрать полное досье на контрабандную сторону деятельности Оуэна в течение последних восьми лет. Неужели он рассчитывал на то, что сможет заручиться молчание Оуэна, угрожая передачей досье таможенникам?

Возможно, что досье заприходовало в голове Оуэна ошибочную мысль. Как бы то ни было, он решил связаться с Лораном и посмотреть, что из этого выйдет. Если бы не особые обстоятельства, он переслал бы это письмо мне, предоставив «АРМу» честь выследить и арестовать всю преступную банду. Ведь мы, в конце концов, были настоящими специалистами в области преступности. Однако, в последнем рейсе у Оуэна случилось несчастье. Его фотонный привод взорвался где-то за орбитой Юпитера. Предохранительные устройства едва успели катапультировать жилой отсек его корабля. Спасательное судно подобрало его и возвратило на Цереру и после оплаты спасательной экспедиции он оказался на грани банкротства; ему позарез понадобились деньги. Вполне вероятно, что Лорану стало об этом известно и он рассчитал последующие ходы.

Вознаграждение за информацию, которая привела бы к поимке Лорана, могло предоставить ему возможность приобрести новый корабль. Оуэн приземлился в одном из захудалых космопортов и следуя инструкциям Лорана, его люди долго возили его — в Лондон, в Бомбей и в Амберг в Германии. Написанная рукой Оуэна история заканчивалась в Амберге. Но как он сумел попасть в Калифорнию? Рассказать об этом у него уже не было никакой возможности. Однако и во время этих переездов ему удалось узнать очень многое. Ему удалось раздобыть сведения о структуре преступной организации Лорана. В папке был изложен полный план Лорана о переброске преступным образом добытых трансплантантов в Белт, техника отыскания клиентов и выхода на них.

Здесь были и догадки Оуэна, которые в большинстве своем казались как-будто и разумными, но совершенно не применимыми на практике. Как все это типично для Оуэна! Я так и не смог найти признаков того, что у него возникали сомнения в осуществимости своих намерений.

Здесь же находились и двадцать три голограммы, принадлежавшие членам банды Лорана. На снимках, точнее на оборотах некоторых из них, были пометки Оуэна, а на других ничего не было. Оуэн был не в состоянии выяснить, какое место занимает каждый из снятых им органлеггеров в преступной организации. И Оуэн, разумеется, не догадывался, что скоро наступит конец, который помешает ему осуществить свои благие намерения.

Я дважды просмотрел голограммы, задаваясь вопросом, есть ли хоть на одном из снимков Лоран? Сам Оуэн этого так и не выяснил.

— Похоже, вы были правы,— пробормотал Ордац.— Случайно такие сведения не соберешь. Оуэн с самого начала имел намерение выдать банду Лорана.

— А что я вам говорил? Именно за это его и прикончили!

— Да, вероятно, так оно и было. У него не было мотивов для самоубийства,— Ордац изо всех сил старался изобразить на своей физиономии гнев.— Но с другой стороны, я не верю в вашего убийцу. Вы совершенно испортили мне аппетит, мистер Гамильтон.

Я высказал ему свои соображения о жильцах на этаже Оуэна. Ордац милостиво улыбнулся и кивнул.

— Вполне вероятно... Но теперь все это в компетенции нашего управления, вернее вашего, так как органлеггерство входит в сферу деятельности «АРМа».

— Верно,— я закрыл потрфель и взвесил его на руке.— Посмотрим, что сделает со всем этим компьютер. Я пришлю вам все фотокопии содержимого.

— Вы дадите мне знать насчет других жильцов?

— Да, конечно.

— Очень на это надеюсь.

Мы дружески распрощались.

Я вошел в контору «АРМа», размахивая драгоценным портфелем и ощущая себя на вершине успеха. Да, Оуэн был убит, но погиб он не запятнав своей чести и не без достоинства. Даже Ордац понимал это.

Пыхтя и спотыкаясь, меня догнал Джексон Беар.

— Что случилось?— окликнул я его.

Конечно, я не желал упускать случая похвастать успехом. У меня имелись 23 физиономии органлеггеров, лежащие в портфеле.

— Где вы были?— остановился Беар.

— Честно вкалывал. А вы куда спешите?

— Помните продавца наслаждений, за которым мы следили?

— Кеннета Грэхэма?

— Да, его. Он мертв и виноваты в этом мы,— и он побежал дальше, не дав мне похвастаться.

К тому времени, когда я его догнал, он уже находился в лаборатории.

Труп Кеннета Грэхэма лежал лицом вверх на операционном столе. Его вытянутое впалое лицо было бледным и размякшим. Над его головой и под ней располагалась различная аппаратура.

— Ну, как дела?— спросил Беар.

— Да никак,— буркнул врач.— В этом нет вашей вины, ведь вы достаточно быстро поместили его в глубокий холод...— он передернул плечами.

— Что все-таки случилось?— я тронул Беара за плечо.

Он все еще не мог отдышаться.

— Видимо, что-то просочилось наружу. Кеннет попытался убежать, но мы накрыли его в аэропорту.

— Можно было и подождать. Посадить кого-нибудь в один с ним самолет и заполнить салон СТГ-4.

— А вы помните тот переполох, когда мы в последний раз применили СТГ-4? Эти чертовы журналисты!

Беар весь дрожал и я не порицал его за это. «АРМ» и органлеггеры ведут весьма странную игру, схожую во многих деталях. Органлеггеры должны доставлять своих доноров живыми, поэтому они всегда вооружены иглопистолетами, стреляющими кристаллами анестезирующего вещества, которое мгновенно растворяется в крови. Мы пользуемся примерно таким же оружием и примерно по той же причине: преступник должен быть спасен для судебного разбирательства. Поэтому от агентов «АРМа» требуется доставить преступника живым.

В один прекрасный день я познал эту истину. Некто Рафаэл Хэйн, совсем недавно ставший органлеггером, пытался добраться до кнопки экстренной сигнализации у себя дома. Если бы ему это удалось, на свободу вырвались бы самые жуткие силы ада, а его люди сделали бы мне укол. Я бы оказался рассортированным по частям в отдельных камерах органлеггеров, принадлежащих Хэйну. Поэтому мне пришлось его задушить. Рапорт об этом был заложен в компьютер, но знали об этом лишь три человеческих существа. Одним из них был мой непосредственный босс Лукас Карнер, второй была Джуди. Пока что Хэйн был единственным человеком, которого я убил, а Грэхэм стал первой жертвой Беара.

— Мы взяли его в аэропорту,— сообщил мне Беар.— На его голове красовалась шляпа. Жаль, что я не обратил на это внимания, а то мы смогли бы действовать быстрее. Мы начали его окружать, держа наготове иглопистолеты, но он обернулся и заметил нас. Просунув пальцы под шляпу, он что-то там сделал и сразу же упал в беспамятстве.

— Он покончил с собой?

— Да.

— А каким образом?

— Взгляните-ка на его голову.

Я придвинулся к столу, стараясь не мешать врачу, который как раз пытался извлечь из мертвого мозга информацию индуктивным способом, но у него ничего не получалось. На самой макушке Грэхэма виднелась плоская продолговатая коробочка, почти вдвое меньше карточной колоды. Я прикоснулся к ней и сразу понял, что она прикреплена к черепу убитого.

— Слишком большой нестандратный дроуд с батарейкой.

— Вы знали, что у него привычка к электростимуляции?

— Нет. Мы опасались устанавливать следящую аппаратуру в его доме. Он мог обнаружить ее сразу же и скрыться. Взгляните-ка на эту штучку еще раз.

«Что-то не то с формой этого дроуда» — подумал я.

Черная пластиковая коробочка была наполовину расплавленной.

— Высокая темпетарута?

— Он взорвал всю батарею,— кивнул Беар, послав ее убийственный заряд прямо в мозг в центр наслаждения. И знаешь о чем я все время думаю, Джил? Какие ощущения были у него в этот миг?

Я похлопал его по плечу, пытаясь успокоить, но я и сам задумался над этим вопросом. Передо мной лежал человек, который вживил дроуд в голову Оуэна. Была ли его смерть кратковременным адом или иступленным восторгом райского наслаждения? Я надеялся, что адом, но мне что-то в это не верилось. Во всяком случае Кеннета Грэхэма больше нет в этом жестоком мире. А ведь в ином случае его могли снабдить новой физиономией, новыми узорами сетчатки глаз и новыми отпечатками пальцев. Все это хранилось в подпольных хранилищах Лорана.

— Ничего не получается,— зло сказал врач,— мозг практически сожжен. Тех крупиц нейтронных связей, которые остались, недостаточно для того, чтобы даже наскрести одну мысль.

— Попытайтесь еще раз,— попросил его Беар.

Я незаметно покинул лабораторию. Возможно, что чуть позже я поставлю Беару выпивку. Похоже, что он в ней нуждается. Беар был одним из сотрудников «АРМа», в ком еще было обострено сочувствие к другим личностям. Я понимал, что он почти физически ощущал ту жуткую волну иступления и краха, которую испытал Кеннет Грэхэм, покидая этот грешный мир.

Голограммы из «Моника Апартаментс» прибыли уже несколько часов назад. Миллер выбрал снимки не только жильцов, снимавших квартиры на 18-м этаже в течение последних шести недель, но также и жильцов 17-го и 19-го этажей. Это казалось неслыханным богатством. Меня забавляла мысль о том, что кто-нибудь с 19-го этажа спускался через свой балкон на 18-й этаж ежедневно в течение шести недель. Ведь квартира 1809 не имела

ни то что окон, она не имела даже наружной стены, не говоря уже о балконе.

Неужели эта же мысль забавляла Миллера? Чушь! Она просто не могла прийти ему в голову! Он просто перестарался, чтобы показать свое рвение в оказании помощи.

Никто из жильцов в течение всего этого периода не соответствовал известным нам или подозреваемым сообщникам Лорана. Но тут я вспомнил о 23 сообщниках Лорана из портфеля Оуэна. Я отдал их снимки программисту, будучи неуверенным в том, что сам смогу справиться с компьютером. Сейчас программист должен закончить подготовку программы. Я позвонил вниз. Да, программа была готова. Я отдал приказ компьютеру сравнить 23 голограммы с голограммами из «Моника Апартаментс».

Ничего... Между ними не было ни малейшего соответствия!

Следующие два часа я провел в кабинете, записывая дело Оуэна Джеймиссона. Потом программист переведет мои записи на машинный язык для закладки в компьютер. Мне лично сделать это не удастся.

Мы снова вернулись к непоследовательному в своих поступках убийце из версии Ордаца. Но вся версия запуталась в логических тупиках. Благодаря смерти Оуэна в наших руках оказалась целая пачка снимков, которые, возможно, уже устарели в настоящий момент. Органлеггеры меняют свои лица от одного только подозрительного взгляда. Я закончил вкратце описание сути дела, переслал его программисту и позвонил Джуди. Сейчас я нуждался в ее защите, но она, оказывается, ушла домой.

Я принялся звонить Таффи, но остановился на половине номера. Бывают времена, когда лучше не звонить. Свое плохое настроение необходимо пережить в одиночестве. Сейчас мне была нужна пещера, где я мог бы побыть один. Вероятно, сейчас у меня было такое выражение лица, что запросто мог лопнуть экран видеофона. Зачем же портить настроение такой милой девушке?

И я отправился домой.

Было уже темно, когда я вышел на улицу. Поднявшись по пешеходному переходу над движущимися тротуарами, я стал поджидать такси на площадке безопасности на перекрестке. Вскоре показалось такси с мигающей надписью «свободно». Я сел в автомобиль и вставил кредитную карточку.

Оуэн собирал эти голограммы по всему евроазийскому материку. Большинство из них, если не все, принадлежали зарубежным агентам Лорана. Почему же я подумал, что обнаружу их в Лос-Анджелесе? Такси поднялось в светлое ночное небо. Благодаря городским огням, облака превратились в плоский белый шатер. Автопилоту такси было безразлично, любуюсь ли я окружающей меня и проплывающей внизу панорамой.

Так чем же я еще располагаю? Все-таки кто-то среди десятков обитателей 18-го этажа являлся сообщником Лорана. Он или непоследовательный убийца из версии Ордаца, причем весьма осто-

рожный, оставил Оуэна умирать в одиночестве в течение нескольких недель. Был ли настолько маловероятным этот непоследовательный убийца? Ведь в конце концов этим убийцей был мой собственный гипотетический Лоран! И это он совершил этот акт вандализма, это тягчайшее убийство. Этот человек методично убивал других людей, наживая на преступлениях сказочные барыши. «АРМ» был не в состоянии добраться до него. Но не наступило ли сейчас время, когда он стал небрежным? Грэхэм ведь тоже потерял осторожность. Сколько времени этот человек подбирал доноров среди своих покупателей, выбирая из них несколько неприметных людишек за год? А затем, дважды в течение нескольких месяцев он избрал тех несчастных, отсутствие которых всколыхнуло родственников.

Большинство преступников не отличаются большим умом. У Лорана же мозгов было достаточно, но его приспешники были вполне заурядные люди. Волей-неволей Лорану приходилось иметь дело с тупицами, которые прибегали к преступлению только потому, что у них не было достаточно извилин, чтобы использовать их где-нибудь в бизнесе. Но если человек, подобный Лорану, становится небрежным, то именно в этом причина его ошибок. Он подсознательно начинает судить об уме сотрудников «АРМа» по уму своих приспешников, и соблазнившись убийством, он мог бы не обратить внимания на одну-единственную мелочь и так ее и оставить. Имея в качестве советника Грэхэма, он гораздо лучше разбирался в вопросах электростимуляции, чем мы, и был уверен в эффективности пагубного пристрастия к электричеству в отношении Оуэна.

В этом случае убийца Оуэна, точнее его убийцы, доставили его в эту злополучную квартиру и больше никогда его не видели. В этом законченном действии заключался тот небольшой риск, на который решился Лоран и он оказался оправданным, во всяком случае, на этот раз. На следующий день он станет еще более небрежным в своих поступках и когда-нибудь мы его поймаем!

Но не сегодня...

Такси отделилось от вереницы себе подобных и опустилось на крышу моего дома в Голливуд-хилз. Выйдя из него, я направился к лифтам. Дверь одного из них открылась, и из лифта кто-то вышел. Что-то предостерегало меня, что-то связанное с тем, как двигался вышедший. Я повернулся: такси могло служить надежным прикрытием, но оно уже успело подняться в воздух. Из тени лифтов возникло еще несколько силуэтов.

Как мне показалось, я сумел уложить двоих, прежде чем меня укололо чем-то в щеку. Крохотные кристаллики мгновенно растворились в моей крови. Голова сразу же закружилась и центробежная сила уложила меня на пол. Тени неслышно сомкнулись надо мной и все кануло в вечность.

Очнулся я от неожиданного прикосновения к голове. Я стоял прямо, спеленутый мягкими бандажами, изображая из себя му-

мию. Ни одна мышца ниже шеи не функционировала. Когда я полностью осознал этот факт, было уже слишком поздно. Стоявший за мной человек завершил удаление электродов с моего черепа и предстал передо мной, находясь вне досягаемости моей воображаемой руки. В чертах этого человека было что-то от хищной птицы. Он был высокий, худой и тонкокостный. На его треугольном лице резко выделялся острый подбородок. Растрепанные шелковистые светлые волосы небрежно обрамляли его виски. На нем были безупречно сшитые короткие шерстяные брюки с оранжевыми и коричневыми полосками. Он стоял скрестив руки на груди, склонив голову и довольно ухмыляясь. Вероятно, он ждал, когда я заговорю.

И я его узнал. Оуэну все-таки удалось где-то сделать его снимок.

— Где я? — простонал я, притворяясь, что плохо соображаю.— Который час?

— Час? Уже утро,— ответил мой похититель.— Что же касается того, где вы находитесь, то я даю вам полную возможность поразмыслить над этим вопросом.

— Что-то я плохо себя чувствую,— продолжал притворяться я. В его манерах было что-то такое, что меня осенила неожиданная догадка. Я прошептал: — Лоран?

— Человек из неизвестности,— он чуть склонил голову и добавил,— а вы Джилберт Гамильтон из полиции «АРМа». Или иначе — Джил Ловкая рука.

Мне не послышалось, однако я не подал вида, что понял его.

— Похоже, что я ошибся.

— Вы недооценили длины моих собственных рук, а также мою заинтересованность!

Хвастать ему тут было нечем. Похитить сотрудника «АРМа» лишь чуть сложнее, чем любого другого обывателя. Для этого просто необходимо застать жертву врасплох и не жалеть своих людей. В данном случае его риск ничего ему не стоил. Люди, в которых я попал, если сумел сделать это в считанные секунды схватки, давным-давно пришли в себя. Лоран поставил меня на ноги, чтобы спеленать и привести в состояние стимулированного сна, для чего к моей голове были приставлены электроды. Один из них подходил ко лбу, другой — к затылку. Небольшой ток, текущий через мозг, усыпил меня. За один час такого сна можно было выспаться как за всю ночь, но если вовремя не убрать электроды, то можно уснуть навечно.

Значит, это и есть Лоран.

Он стоял, глядя на меня и склонив голову набок, подобно птице. В одной из его рук был иглопистолет, который он держал довольно небрежно.

Который все-таки час? Я не осмелился спросить его об этом еще раз, чтобы не дать Лорану возможность о чем-то догадаться. Стоит мне продержаться до 9—45 и Джуди придет мне на помощь. Только куда она пришлет подмогу, вот в чем вопрос? Меня

охватило отчаяние. Где я? Если я сам не знаю этого, то откуда знать об этом Джуди?

Лоран намеревался отправить меня в банк органов. Одна порция кристаллов лишит меня сознания, не повредив ни одну из нежных частей, совокупность которых является Джилом Гамильтоном. Потом врачи Лорана разделают меня на куски... В правительственных операционных у преступников одним импульсом выжигают мозг для последующего захоронения его в урне. Один бог знает, что сделает Лоран с моим мозгом, но все остальное во мне было молодым и здоровым. Даже принимая во внимание накладные расходы Лорана, я стоил более миллиона кредитов ООН.

— Но почему меня? — спросил я. — Выходит, вам был нужен именно я, а не любой другой агент «АРМа»? Откуда такой интерес к моей малозначительной персоне?

— Именно вы расследовали дело Оуэна Джеймиссона, притом весьма скрупулезно.

— И все же недостаточно тщательно, черт возьми!

Лоран с удивлением взглянул на меня.

— Вы на самом деле ничего не понимаете?

— На самом деле.

— Очень интересно, — пробормотал Лоран, — очень...

— Ладно. Почему я еще жив?

— Я очень любознательный, мистер Гамильтон, и надеюсь, что вы поделитесь со мной знаниями о вашей воображаемой руке.

Я попытался блефовать.

— Какой руке?

— Не нужно прикидываться, мистер Гамильтон. Если я посчитаю, что проигрываю, то я воспользуюсь вот этим, — он указал мне на иглопистолет. — И вы больше не проснетесь.

Черт! Он знал. Единственное, чем я могу пошевелить, были мои уши и воображаемая рука, и Лоран знал об этом! Я никогда не смогу заманить его в пределы своей досягаемости, при условии, что он действительно знает об этом. Мне необходимо приблизить его к себе во что бы то ни стало!

— Так и быть, — произнес я. — Но мне хотелось бы узнать, каким образом вы это обнаружили. В «АРМе» ваша агентура?

Лоран рассмеялся.

— Хорошо, если бы так. Нет! Несколько месяцев назад мы поймали одного из ваших людей, поймали практически случайно. Когда я понял, кто он такой, я принудил его рассказать о работе. И он смог мне кое-что рассказать о вашей замечательной руке. Я надеюсь, что сейчас вы расскажите мне о ней намного больше.

— Кто это был?

— Вы на самом деле, мистер Гамильтон...

— Кто это был?

— Неужели вы в самом деле думаете, что я могу вспомнить фамилии всех доноров?

Кто же тогда угодил в банк органов Лорана? Незнакомец или друг? Но разве владелец бойни помнит каждого быка?

— Меня интересуют так называемые паранормальные способности,— уточнил Лоран.— Я запомнил ваше имя, а затем, когда я уже почти заключил соглашение с вашим другом-белтером Джеймиссоном, я вспомнил нечто необычное о его коллеге по экипажу корабля. Вас называли Джил Ловкая Рука, не так ли? Вам подавали бесплатную выпивку в порту, если вы пользовались вашей воображаемой рукой, держа в ней стакан.

— Тогда вдвойне, черт побери! Вы решили, что Оуэн был сыщиком, да? И все это из-за меня?

— Вы зря рвете на себе волосы, мистер Гамильтон, этим вы ничего не добьетесь,— в голосе Лорана появились стальные нотки.— Поразвлекайте меня, мистер Гамильтон.

Я провел рукой вокруг себя, подыскивая что-нибудь, что могло бы мне помочь высвободиться из стоячего положения. Но мне не повезло. Я был тщательно упакован, и мою смирительную рубашку сорвать было невозможно. Все, что я смог ощутить посредством своей воображаемой руки, так это то, что я спеленут по самое горлышко, и что в прямом положении меня удерживает стержень. Под бандажами на мне больше ничего не было.

— Я продемонстрирую вам свои сверхестественные способности, если вы угостите меня сигаретой.

Может быть, он подойдет ко мне достаточно близко? Да, ему было известно кое-что о моей руке. Он положил сигарету на краешек маленького столика на колесиках и подтолкнул его в мою сторону. Я подхватил сигарету и сунул ее в рот, ожидая, что он все-таки приблизится, чтобы зажечь ее.

— Моя ошибка, пробормотал он и, подтянув к себе столик, повторил все ранее сделанное, но уже с зажженной сигаретой.

Не повезло! Во всяком случае, мне удалось закурить. Пепел я стряхнул как можно дальше: примерно на два фута. Мне приходилось очень медленно передвигать свою воображаемую руку, иначе пепел просто бы просыпался сквозь пальцы.

Лоран зачарованно наблюдал за моими фокусами. Свободно перемещающаяся, отделенная от моего тела сигарета, повиновалась моей воле! Его глаза следили за окурком с нескрываемым ужасом, и это было плохо. Возможно, сигарета была ошибкой. Некоторые личности смотрят на такие вещи, как на колдовство, а на людей, могущих это сделать, как на слуг Сатаны. Но если Лоран так напугался, значит мне не жить.

— Интересно,— проронил он,— на какое расстояние вы можете дотянуться? — он заранее знал ответ, но все же спросил.

— На расстояние своей настоящей руки, разумеется.

— Но почему? Другие могут действовать на гораздо большем расстоянии. А почему вы так не можете?

Он стоял прямо передо мной в другом конце комнаты, в добрых двадцати пяти футах от меня. Затем он уселся в кресло. В одной его руке был бокал, а в другой — иглопистолет. Вид его

был совершенно беззаботный. Интересно, поднимется ли он с кресла? Подойдет ли он ко мне поближе? Это помещение было маленьким и пустым. Комната имела такой вид, как будто находится в подвале. Кресло Лорана и небольшой столик были единственными предметами обстановки, кроме бара, если только сзади меня тоже было пусто.

Этот подвал мог находиться где угодно. В каком угодно районе Лос-Анджелеса и даже за его пределами. В это утро я мог находиться в любом конце земного шара.

— Действительно,— наконец проговорил я,— другие могут действовать на гораздо большем расстоянии, но у них нет моей силы. Ведь это все-таки рука, хоть и воображаемая, а мое воображение не может ее представить длиной в десять футов. Может быть, если бы кто-нибудь уговорил меня, что она длиннее, то я мог бы и попробовать. Но это же могло уничтожить ту веру к ней, которую я испытал. И тогда у меня останется лишь две руки, как и у остальных. Лучше пусть будет так, как есть...

— Хотите пить?

— Конечно, но только если у вас найдется игрушечный стакан. Другой я поднять не смогу.

Лоран нашел рюмку-наперсток и переслал мне ее на краю столика. У меня едва хватило сил, чтобы подхватить ее. Он не сводил с меня глаз, пока я не выпил и не положил рюмку на столик.

Приманка в виде сигареты... Еще вчера я воспользовался ею, чтобы подцепить девушку, сегодня она помогает мне остаться в живых. Пока... Действительно ли я хотел покинуть этот мир, крепко сжимая в воображаемой руке какую-нибудь вещицу, развлекая Лорана? Должен ли я поддерживать в нем интерес до тех пор пока...

«Где я? Где я?»

И тут я все понял.

— Мы — в «Моника Апартаментс» и нигде более,— заявил я.

— Я знал, что рано или поздно, вы обо всем догадаетесь,— улыбнулся Лоран.— Но все это слишком поздно, я вовремя добрался до вашей глотки.

— Не будьте болваном! Это произошло по моей глупости, а не из-за вашей везучести. Мне следовало бы иметь более чуткий нюх. Оуэн ни за что бы не забрел сюда по собственной воле. Вы велели ему остановиться здесь?

— Да, велел, но тогда я уже понял, что он предатель.

— Поэтому вы и оставили его медленно умирать? Кто проверял его каждый день? Управляющий Миллер? Он работает на вас? Это он изъял из компьютера голограммы ваших сообщников и вашу?

— Да, он,— усмехнулся Лоран,— но не он каждодневно проверял Оуэна. У меня был человек, который следил за ним при помощи портативной камеры. Как только Джеймиссон сдох, мы сразу же ее забрали.

— А затем вы прождали еще целую неделю... Прекрасный ход!

Вызывало удивление, что я так поздно понял все это. Сама атмосфера этого места подсказывала ответ. Какого рода люди жили в «Моника Апартаментс»? Безликие, потерявшие индивидуальность подонки, которые несомненно никому не были нужны. Их помещали в эти квартиры, пока Лоран проверял их, чтобы удостовериться, что их никто не будет разыскивать. Те, кого отбирали, исчезали, а вместе с ними испарялись их документы и имущество. Голограммы же сразу извлекались из памяти компьютера.

— Я хотел начать продавать органы белтерам при помощи вашего приятеля Джеймиссона, то есть при его посредничестве,— сообщил Лоран.— Но я вовремя понял, что он собирается меня продать. Поэтому мне пришлось прибегнуть к некоторым методам, чтобы узнать, что же ему удалось вынюхать.

— Достаточно многое,— я попытался улыбнуться.— В наших руках подробные планы устройства клиники для трансплантации нелегально отправляемых туда органов. Но сейчас я вам скажу главное. Ваша задумка относительно продажи белтерам трансплантантов провалилась бы в любом случае. У белтеров совершенно иное мировоззрение.

— Я был уверен, что он что-то оставил,— Лоран задумчиво посмотрел на меня.— Иначе мы бы и его сделали донором: это было простым делом и весьма выгодным к тому же. Мне были нужны деньги, Гамильтон. Вы хоть представляете себе, сколько теряет организация, упустив одного-единственного донора?

— Что-то около миллиона. Почему же вы пошли на такие убытки?

— Я знал, что он что-то оставил, и не было другого способа выяснить этот вопрос. Поэтому мы пошли на риск, который ни к чему не привел. Мы пытались помешать «АРМу» добраться до этих материалов, но...

— Понятно,— теперь все становилось на свои места.— Когда кто-то исчезает бесследно, то первое, что приходит в голову любому идиоту, что это дело рук органлеггеров.

— Естественно. Вот поэтому и нельзя было, чтобы он бесследно исчез, не правда ли? Полиция немедленно бы обратилась в «АРМ» и вы бы немедленно принялись за поиски...

— ... в камерах хранения космопортов.

— Даже так?

— На имя Кубса Форсайта.

— Мне знакомо это имя,— процедил сквозь зубы Лоран.— Мне следовало бы догадаться об этом. Вы знаете, когда он попался на крючок и у него выработалась привычка к электростимуляции, мы попытались прищучить его, вынимая штеккер, для того, чтобы он заговорил, но ничего из этого не получилось. Он не мог ни на чем сосредоточиться. Все его мысли упирались в дроуд. Мы пробовали так и этак...

— Я намерен прикончить вас,— заявил я, придавая каждому слову его зловещий смысл.

Лоран склонил голову набок и нахмурился.

— Все будет наоборот, мистер Гамильтон. Хотите еще сигарету?

— Хочу.

Он переправил мне ее на столике и я перехватил ее, держа в воздухе и как бы хвастаясь своим умением. Возможно, я мог бы сосредоточить его внимание на этом — для него это был единственный способ определить, где находится моя воображаемая рука. Потому что, если он не будет отводить глаз от сигареты, а я положу ее в рот в критический момент — тогда моя рука станет свободной, а он этого не заметит. В чем же заключался решающий момент? Он все еще находился в кресле и мне было необходимо во что бы то ни стало выманить его поближе ко мне. Однако любое движение в его направлении могло вызвать у него подозрение. Который сейчас час? И чем занимается сейчас Джуди? Мне вспомнился один вечерок две недели назад. Я вспомнил ужин на веранде самого высокого ресторана в Лос-Анджелесе; высота этого ресторана достигала почти мили. Под ним растилался ковер из неоновых цветов, который простирался во все стороны до самого горизонта. Может быть она воспримет мою мысленную картину? Проверка назначена на 9-45. Доживу ли я до этого срока?

— Вы, вероятно, были выдающимся астронавтом,— сказал Лоран.— Подумать только, единственный человек во Вселенной, который мог починить внешнюю антенну, не покидая кабины корабля.

— Для этого необходимо иметь более сильные мускулы, чем у меня.

Выходит он знает, что я могу проникать сквозь твердые тела. Если он все предусмотрел, тогда мне каюк.

— Вообще мне следовало бы остаться в Поясе Астероидов. Жаль, что в эту минуту я не на рудодобывающем корабле. Все, о чем я тогда мечтал, так это иметь две здоровые руки.

— Жаль, но теперь у вас целых три. Приходило ли вам в голову, что использование паранормальных способностей против людей, в общем-то грязная игра?

— Что вы хотите этим сказать?

— Помните Рафаэла Хэйна? — голос Лорана дрогнул. Было заметно, что он рассвирепел и с трудом сдерживается.

— Конечно, органлеггер из Австралии.

— Хэйн был моим другом. Я знаю, что однажды ему удалось вас связать. Скажите, мистер Гамильтон, если ваша рука такая слабая, то каким образом вам удалось развязать веревки?

— Я их не развязывал и не смог бы этого сделать. Хэйн использовал наручники, а я просто вынул у него из кармана ключ... разумеется воображаемой рукой.

— Вы применили против него параспособности? Вы не имели на это никакого права!

Чудеса! Каждый, кто не обладает парапсихическими способностями хоть чуточку, испытывает точно такие же чувства: частично страх, частично зависть. Лоран считал, что запросто может провести вокруг пальца «АРМ». Он убил, по меньшей мере, одного из нас, но посылать против него колдуна — это он считал в высшей мере нечестным. Вот почему он позволил мне проснуться. Лоран хотел поизмываться надо мной. Многим ли удавалось изловить волшебника?

Не будьте идиотом,— я покачал головой, правда мысленно.— Не я навязал вам эту игру. Вы с Хэйлом сами придумали эти забавы. Законы, которыми руководствуюсь я, квалифицируют вас как оптового убийцу.

«Который все-таки час?» — подумал я.

Лоран вскочил и я неожиданно понял, что время настало. Мой враг был вне себя от ярости. Мне даже показалось, что кончики его длинных светлых волос шевелятся от гнева. Я спокойно взглянул на крохотное дуло иглопистолета: против него я ничего не мог предпринять. Диапазон моих телекинетических способностей был ограничен пределами досягаемости моих пальцев на воображаемой руке. Я ощущал, как доза парализующего вещества растворяется в моей крови, как я попадаю в холодную ванну из наполовину замерзшего спирта и как скальпели режут мое родное тело на части. Подобных чувств мне еще никогда не приходилось испытывать.

И все мои знания умрут в тот же самый миг, когда выбросят мой мозг. Теперь я знаю, как выглядит Лоран, мне известно все о «Моника Апартаментс» и о многом, многом еще. Я знаю куда идти, чтобы испытать прелести Долины Смерти, где я мечтал побродить в свободное время. Сколько же сейчас времени?

Лоран поднял иглопистолет и посмотрел на свою протянутую руку. Вероятно, он полагал, что находится в тире.

— Мне на самом деле вас жаль,— голос Лорана почти не дрожал.— Лучше бы вас оставаться космонавтом.

Чего он ждет?

Я ткул в его сторону окурком сигареты, чтобы подчеркнуть мои намерения. Окурок выпал из руки, и я поймал его на лету и... и воткнул его в свой левый глаз!!!

В другое время я бы более тщательно продумал эту мысль, но времени на раскачку у меня не оставалось. Как же я решился на это!? Лоран уже расценивал меня, как свою собственность. Живую кожу и здоровую печень, артерии и почки — все это он уже считал принадлежностью своего банка органов. Как вместилищем всего этого, я был собственностью, оцененной в миллион кредитов ООН. И я уничтожил свой глаз! Органлеггеры с особым рвением охотились за глазами — они необходимы всем, кому надоело носить очки, и самим преступникам, которым постоянно приходится менять узор сетчатки.

Чего я не ожидал, так это боли. Я где-то читал, что в глазном яблоке отсутствуют чувствительные нервные окончания. Значит,

нестерпимую боль испытывали мои веки. Ужасная боль!!! Но мне было просто необходимо продержаться несколько секунд.

Лоран грязно выругался и кинулся ко мне. Он понимал, какой ужасно слабой была моя воображаемая рука. Что я мог сделать с ее помощью? Этого он не знал и не догадывался, хотя не надо было быть гением, чтобы кое о чем догадаться. Он подскочил ко мне и выбил сигарету, нанеся удар изо всей силы, удар, от которого моя голова едва не оторвалась от шеи. Уже потухший окурок рикошетом отскочил от стены и упал на пол. Глаз мой непроизвольно закрылся. Настало время действовать, иначе...

Я прошел своей третьей рукой сквозь грудную клетку Лорана, нащупал его сердце... и стиснул его. Его глаза как-то сразу округлились, рот широко раскрылся и из глотки послышалось шипение, но не крик. У него еще было время выстрелить, но вместо этого он стал царапать свою грудь наполовину парализованными пальцами. Затем он схватился за шею, судорожно хватая ртом воздух. Он думал, что у него сердечный приступ. Наивняк! Наконец, его выкатившиеся из орбит глаза, уперлись в мое лицо.

Мое лицо... Я был одноглазым хищником и я зарычал от жажды убийства этого подонка. Я должен был лишить его жизни во что бы то ни стало, пусть даже для этого мне бы пришлось вырвать его сердце из грудной клетки! Как он не понял этого раньше?

Но он понял! Но понял слишком поздно. Он выстрелил себе под ноги и упал, заколыхавшись всем телом в последней агонии. Вскоре он глухо захрипел и навеки затих.

Пот с меня лил градом и я трясся от изнеможения и омерзения. Лоран весь был покрыт шрамами, которые я ощущал воображаемой рукой. Остановившееся сердце, было не его сердцем — оно было пересажено, да и все остальное тоже. На вид Лорану было лет тридцать, особенно издали, но присмотревшись, точный возраст определить было невозможно. Одни части его тела были моложе, другие намного старше. Сколько же от настоящего Лорана было в этом гнусном чудовище? Какие части его тела были своими? Большинство органов плохо стыковалось друг с другом.

«По всей вероятности, он был хроническим больным,— подумал я.— А власти не давали ему те органы, в которых он нуждался. И в один прекрасный день он все-таки нашел решение всех своих насущных проблем».

Лоран был способен на чудовищные поступки, но сейчас он успокоился, успокоился навсегда. Тут я снова вспомнил, как перестало трепыхаться в моей руке его чужое сердце. Его левая рука располагалась так, что я не мог увидеть, который час. Я находился совершенно один в пустой комнате и не знал, который был сейчас час. И этого я так и не узнал. Прошло несколько часов, прежде чем Миллер рискнул навестить своего босса. Он просунул свое пуговичное круглое лицо в дверь, заметил у моих ног распростертое тело Лорана и с визгом отпрянул назад. Через минуту из-

за двери показалось дуло иглопистолета и лишь после этого его водянистые голубые глаза.

И тут я ощутил укол в щеку.

— Я рано проверила тебя,— проговорила Джуди, удобно расположившись в ногах больничной койки.— Точнее, ты сам позвал меня. Когда я пришла на работу, тебя там не оказалось. Я еще удивилась, чего это ты там так испугался. Тебе было очень плохо, да?

— Хуже некуда.

— Мне еще ни разу не довелось сталкиваться с таким испугом.

— Только не говори об этом никому!— я приподнял койку в сидячее положение.— Я должен сохранять свою репутацию смельчака.

Моя левая глазница была забинтована и под бинтом уже ничего не болело. То место просто онемело и у меня возникло навязчивое чувство, которое постепенно напоминало мне о тех двух покойниках, которые стали частью меня. Одна рука... один глаз...

Если Джуди ощущала это вместе со мной, то неудивительно, что она так нервничала, непрерывно ерзая по койке.

— Меня интересует, который же был тогда час?

— 9 часов 10 минут,— Джуди непроизвольно вздрогнула.— Мне показалось, что я лишаюсь чувств, когда тот... тот невзрачный тип направил на тебя свой иглопистолет. Нет, не надо, не надо, Джил. С этим все кончено.

Так близко... Неужели этот час был так близок!?

— Слушай,— сказал я,— возвращайся на работу. Я ценю твое внимание, но нам обоим это ничего хорошего не принесет. Если мы и дальше будем обмениваться этими воспоминаниями, то, в конце концов, у нас не останется сил отгонять этот навязчивый кошмар.

Она молча кивнула и поднялась.

— Спасибо за то, что ты меня навестила. И особенную благодарность я приношу тебе за спасенную жизнь Джилберта Гамильтона.

— А я благодарю тебя за орхидеи,— улыбнулась с порога Джуди.

Но я еще не заказывал цветы. Позвав медсестру, я выяснил, что могу выписаться вечером при условии, что отправлюсь прямо домой, в постельку. Она сказала мне номер телефона и я воспользовался им, чтобы заказать шикарные орхидеи. Затем я опустил койку и некоторое время просто лежал. Как хорошо ощущать себя живым! Я начал припоминать все те обещания, которые давал, но не выполнял. Вероятно, наступило время выполнить некоторые из них. Я позвонил в сектор наблюдения и попросил позвать Джексона Беара. После того, как я позволил ему вытянуть из меня всю историю моего героического подвига, я пригласил его в лазарет на выпивку. Пусть с него будет бутылка, а остальное

поставлю я. Это, конечно, ему не понравилось, но я упорно настаивал на своем. Потом в отличие от вчерашнего вечера я набрал полный номер Таффи на своем наручном аппарате без изображения.

— Да?

— Таффи, это Джил. У тебя свободен уик-энд?

— Конечно. Мы можем начать даже в пятницу.

— Отлично!

— Приходи ко мне в десять. У тебя там что-нибудь прояснилось насчет твоего друга?

— Да, я оказался прав, его прикончили органлеггеры. Но с этим делом покончено, и все виновные арестованы,— я не стал сообщать ей о глазе, тем более, что к пятнице все бинты будут уже сняты.— Теперь насчет уик-энда... Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться по Долине Смерти?

— Ты шутишь?

— Нисколько! Послушай...

— Но ведь там жарко и сухо! Там такая же мертвая пустыня, как и на Луне! Я правильно тебя поняла — Долина Смерти?

— Сейчас там не жарко. Послушай... и она выслушала меня до конца и похоже, что поверила.

— Я вот что подумала,— вымолвила она после минутного молчания.— Если мы будем часто встречаться, то давай лучше сразу договоримся: никаких разговоров о работе. Идет?

— Великолепная мысль!

— Дело в том, что я работаю в больнице... хирургической. Для меня органические трансплантируемые материалы являются средством исцеления больных, и я далеко не сразу свыклась с этим. И я не желаю знать, откуда они появляются, и ничего не хочу слышать об органлеггерах!

— Ладно, считай, что мы обо всем договорились. Встретимся в пятницу в десять.

— Выходит, что договорились.

Значит, она врач. Хорошо... Похоже, что уик-энд тоже должен нам удасться. Лучше всего иметь дело с людьми, которые оказываются тебе сюрпризом.

Вскоре пришел Беар с пинтой виски.

— Угощение исключительно мое! — твердо заявил он.— И спорить бессмысленно, потому что ты все равно не дотянешься до своего бумажника.

РАССКАЗЫ

ЗАНУДА

В моей комнате кто-то был. Должно быть, кто-то из ребят Синка. Ну и болван. Я специально оставил свет выключенным. Желтая полоса света, просвечивающего теперь из-под двери, и была тем предупреждением, в котором я нуждался. Он проник не через дверь — контрольные нитки остались нетронутыми. Значит, в ход была пущена пожарная лестница, что под окном спальни. Я вытащил пистолет и отступил немного в коридор. Потом, распахнув ногой дверь, одним прыжком оказался в комнате. Ему следовало бы притаиться за дверью или пригнуться за столом, либо спрятаться во встроенном шкафу, прильнув глазом к замочной скважине. Вместо этого он стоял прямо посреди комнаты и смотрел совсем в другую сторону. Он даже повернуться не успел, как я всадил в него четыре реактивные пули. Я видел, как дергается от попаданий его рубашка. Одна пуля угодила прямо в область сердца.

С ним было покончено.

Так что я не стал дожидаться, пока он упадет, а одним махом пересек комнату и залег за диваном. Он не мог явиться один, должны быть и другие. Если бы за диваном кто-нибудь прятался, он мог бы со мной разделаться, но на мое счастье там никого не оказалось. Я провел взглядом по стене у меня за спиной, но там нигде нельзя было притаиться. Поэтому я замер, прислушиваясь и выжидая.

Где же они?

Тот, которого я застрелил, не мог заявиться в одиночку. Синк меня раздражал. Раз уж он посылает головорезов, чтобы меня подстрелить, мог бы по крайней мере посылать таких, которые знают свое дело. Тот, застреленный мною, не успел даже осознать опасности.

— Почему вы это сделали?

Невероятно! Голос доносился от середины комнаты, где я оставил лежать труп. Я рискнул и высунул на мгновенье голову из-за дивана. Прямо как остаточное изображение на телеэкране. Он даже не шевельнулся. Крови на нем не было, не было видно и пистолета, но правой руки его я не видел. Пуленепробиваемый жилет? Ребята Синка не прибегали к подобным штучкам, но другого объяснения быть не могло. Я неожиданно приподнялся и вы-

стрелил в него, целясь в переносицу. Пуля вошла в правый глаз, на дюйм мимо места, куда я целился, и я понял, что он пошатнул мой здравый смысл. Я опустился обратно и попытался успокоиться. Ни звука. И никаких признаков того, что он не один.

— Я спросил, почему вы это сделали?

Его высокий голос звучал с неподдельным любопытством. Когда я встал, он не пошевелился. Оба глаза у него были целехоньки.

— Почему я это сделал? — переспросил я.

— Да. Почему вы сделали во мне дырки? Разумеется, я приношу благодарность за подарок в виде металла, но все же...— он неожиданно запнулся, будто сболтнул лишнее и только сейчас это понял. Но тревогу у меня вызывало другое.

— Есть здесь кто-нибудь еще?

— Сейчас только мы двое. Я прошу прощения за то, что нарушил неприкосновенность вашего жилища и готов возместить...— он опять так же неожиданно запнулся, но секунду спустя продолжил:

— Вы кого-то ждали, не так ли?

— Да. Некого, вернее, неких молодчиков. Иными словами, парней Синка. Как я полагаю, они меня еще не накрыли. Ребята Синка хотят делать дырки во мне.

— Зачем?

— Неужто можно быть настолько тупым? Чтобы убить меня!

Он словно бы удивился, потом пришел в себя и разгневался. Этот незнакомец пришел в такое бешенство, что начал даже издавать булькающие звуки.

— Меня должны были информировать! Кто-то проявил непростительную небрежность!

— Извините. Я думал, что вы от Синка. Мне не следовало по вам стрелять.

— Пустяки! — улыбнулся он, так же внезапно успокоившись.

— Но я испортил вам костюм...— в пиджаке и рубашке у него видны были дырки, но крови не было.— Только... только кто вы?

Ростом он был чуть повыше 160 сантиметров, кругленький коротышка в старомодном коричневом однобортном костюме. На голове у него совершенно не было волос, даже ресниц. Ни морщин, ни родинок или других особых примет. Этакая безликая, приглаженная со всех сторон фигура, совершенно без характерных черт. Он развел руками. Ногти на его пальцах были аккуратно наманикюрены.

— Я такой же человек, как и вы.

— Дудки!

— Ну что ж,— сказал он сердито.— Что бы вы сказали, если бы вам, например, стало известно, что некоторая группа изыскателей надлежащим образом выполнила...

— Вы — марсианин? — перебил я его.

— Нет. Я...— он опять забулькал.— Я также и... антрополог.

Так у вас, кажется, называют этих ученых. Я здесь для того, чтобы изучать ваших соплеменников.

— Но вы из космоса?

— Из него! Направление и расстояние, разумеется, секретны. Само мое присутствие на этой планете должно было храниться в секрете. Он сердито нахмурился — резиновая маска, которой он лишь наполовину умеет пользоваться.

— Я никому не скажу,— успокоил я его.— Только вот прибыли вы в довольно неподходящий момент. Теперь Синк в любую минуту может определить, кто же за ним следит, и тогда мне несдобровать. Мне бы очень не хотелось, что бы и вам досталось под горячую руку. Мне никогда не доводилось встречаться с... как бы это сказать...

— Я также должен ограничить эту встречу, поскольку вы знаете, кто я. Но прежде всего расскажите мне об этих ваших раздорах. Почему все-таки хочет Синк делать в вас дырки?

— Его зовут Лестер Данхавен Синклер-третий. Он руководит всей преступной деятельностью в этом городе. Слушайте, у нас есть время, чтобы выпить. У меня были где-то ром, виски...

Он вздрогнул.

— Нет, благодарю вас.

— Просто мне хочется, чтобы вы чувствовали себя свободно,— несколько разозлился я.

— Тогда я лучше приму более удобную форму, пока вы будете пить все, что вам заблагорассудится. Если вы только не возражаете.

— Как хотите, пожалуйста,— я подошел к портативному бару и налил себе виски и пива. То и другое без льда. Казалось, во всем доме стоит мертвая тишина. Это меня не удивляло. Я уже прожил в этом доме несколько лет, и все остальные жильцы приучились поддерживать определенный порядок. Когда начинали говорить пистолеты, люди прятались под свои кровати и не вылезали оттуда.

— Вас это не будет шокировать? — мой гость испытывал вроде бы некоторое беспокойство.— Если это может вас привести в бессознательное состояние — то скажите, пожалуйста, сразу.

Я махнул рукой.

И он растаял.

Я стоял, держа бумажный стаканчик у рта, и смотрел, как он выскальзывает из костюма и принимает компактную форму полурасплющенного шара серого цвета, вроде тех, которые любят катать на пляжах. Я выпил виски одним махом, налил еще и сразу же выпил снова. Однако руки у меня не тряслись.

— Я — частный детектив,— сказал я этому «марсианину».

Тот выдавил из себя нечто свернутое спиралью, вероятно, ухо.

— Когда Синк появился здесь около трех лет тому назад и начал прибирать к рукам весь преступный бизнес, я стоял в стороне. Пусть этим занимаются представители закона. Через несколько

месяцев он купил их всех с потрохами, и это мне тоже было до лампочки. Я не Дон-Кихот.

— Дон-Кихот? — голос у него изменился.

Теперь он стал ниже и своими звуками напоминал пузыри в бочке с кипящей смолой.

— Не обращайте внимания. Я пытался держаться подальше от Синка, но из этого ничего не вышло. Люди этого негодяя убили одного из моих клиентов по фамилии Моррисон. Я следил за его женой, собирая улики для развода. Она гуляла с одним типом по фамилии Адлер. Все необходимые факты были у меня уже на руках, когда Моррисон исчез. А потом я выяснил, что Адлер был правой рукой Синка.

— Правой рукой? Я не слыхал ничего, говорящего о случаях симбиоза.

— Что?

— Вот и еще одно, за что придется ответить изыскателям. Продолжайте рассказ. Вы захватили мое воображение.

— Я продолжал работать в том же направлении. Что еще оставалось делать? Моррисон был моим клиентом и его убили. Я собрал кучу улик против Адлера и передал их в полицию. Тело Моррисона так и не нашлось, но я и без того собрал достаточно улик. В любом случае, Синк никогда не оставляет трупов. Его жертвы просто исчезают. Как я уже сказал, все, что у меня накопилось, я передал в полицию. Было возбуждено дело, но каким-то образом все улики исчезли. А меня в один прекрасный вечер избили.

— Прекрасный вечер? Прекрасный потому, что вас избили?

— Любой удар может нанести вред человеческому существу, и при том весьма серьезный.

— Действительно! — пробулькал он. — Ваше тело большей частью состоит из воды, я полагаю.

— Может быть. В моей шкуре приходится быстро выздоравливать, что я и сделал. После этого я начал отыскивать факты против самого Синка. Неделю назад я отослал ксерокопии всех документов в ФБР. Парочку копий я подсунул одному из парней Синка — документы, изобличавшие взяточничество. Это не так уж страшно, но достаточно, чтобы причинить неприятности. По моим расчетам Синку не пришлось долго ломать голову, кто бы это мог сделать. Позаимствованный мною ксерокопировальный аппарат находился в принадлежащем ему доме.

— Потрясающе! Думаю, я понаделаю дырок в леди, возглавлявшей нашу изыскательскую группу!

— Ей не будет от этого плохо?

— Она не... — бульканье. — Она... — громкий, пронзительный птичий свист.

— Вот так я и впутался в это дело. Теперь вы сами увидите, насколько я буду занят. Далеко слишком сильно, чтобы позволить себе разговоры по антропологии. В любую минуту на меня могут обрушиться ребята Синка, и стоит мне убить хоть одного

из них, как мною тут же займется полиция. Может быть, она даже будет первой, не знаю.

— Можно мне посмотреть на это? Обещаю, что не буду вам мешать.

— Зачем вам это нужно? Неужели мы можем представлять для вас интерес?

Он наклонился вперед, выставив ухо, если это действительно было ухо.

— Пример. Вы, люди, разработали развитую систему промышленного применения переменного тока. Мы были поражены, обнаружив, что вы умеете передавать электричество самым различным образом. Некоторые из ваших способов, очевидно, стоит перенять.

— Превосходно! И что же?

— Возможно, есть и многое другое, чему мы могли бы у вас научиться.

Я покачал головой.

— Сейчас здесь может стать очень жарко, а мне не хочется, чтобы в этой переделке пострадал кто-то из посторонних. Да что это я, черт побери? Дырки же не приносят вам вреда?

— Мне почти ничто не может повредить. Мои предки прибегли к генной инженерии, чтобы улучшить нашу породу. Главной моей слабостью является восприимчивость к некоторым ядам органического происхождения и ненасытный аппетит.

— Ладно. Тогда оставайтесь. Может быть, после того, как все кончится, вы сможете рассказать мне о Марсе или любом другом месте, из которого прибыли. Я бы не прочь вас послушать.

— Откуда я прибыл — секрет. Но о Марсе могу вам рассказать.

— Конечно, конечно. Пока ждем, можете покопаться в холодильнике. Угощайтесь, раз вы все время чувствуете голод.

Послышались осторожные шаги. Значит, они уже здесь. Причем несколько, если они хотят сохранить все в тайне. Это наверняка люди Синка, поскольку все соседи давно сидят под кроватями. Марсианин их тоже услышал.

— Что мне делать? Я не умею принимать человеческий облик быстро.

Я уже присел за спинкой большого кресла.

— Тогда попытайтесь принять какую-нибудь другую форму, попроще.

Миг спустя у меня уже было две совершенно одинаковых черных кожаных подставки для ног. Обе они были от одного кресла, но может этого никто и не заметит. Дверь распахнулась. Я не нажал на спусковой крючок только потому, что за ней никого не было. Один пустой коридор. Рядом с окном спальни проходила пожарная лестница, но это окно было закрыто и наглухо завинчено, да к тому же оборудовано датчиками сигнализации. Этим путем им сюда не попасть. Разве что...

— Эй! — шепотом позвал я. — Как вы сюда проникли?

— Под дверью. Значит, все в порядке. Оконная сигнализация должна действовать.

— Кто-нибудь из жильцов вас видел?

— Нет.

— Хорошо. Мне и без того хватало жалоб со стороны дирекции. Слабый шорох со стороны двери. Потом на мгновение оттуда появилась рука с пистолетом, выстрелила наугад и тотчас исчезла. Еще одна дырка у меня в стенах. У него было достаточно времени, чтобы приметить мою голову. Пригнувшись, я бросился к дивану, не отрывая глаз от двери.

— Стоять смирно! — раздался вдруг голос за моей спиной. Этот парень был достоин восхищения. Он проник в окно, не потревожив датчиков, и вошел в комнату из спальни совершенно бесшумно. Это был высокий, смуглый человек с прямыми черными волосами и темными глазами. Дуло его пистолета смотрело мне в переносицу. Я отбросил оружие в сторону и стал ждать. Сейчас пускать его в ход было совершенно бессмысленно — меня могли сразу прикончить. Вид у вошедшего был вполне спокойный.

— Это гиропистолет, не так ли? — спросил он меня. — Почему вы не пользуетесь обычным?

— Просто он мне нравится, — отвечал я.

Может, он подойдет совсем близко или отведет от меня взгляд, а может, произойдет что-нибудь еще.

— Он легкий, как игрушка, и совсем не дает отдачи. Этот пистолет всего лишь камера для запуска реактивных пуль.

— Но ведь такие пули стоят по сорок пять долларов штука!

— Я убиваю не очень много людей.

— Легко поверить — по этой-то цене. Ладно, поворачивайся не торопясь. Руки повыше. Он ни на мгновение не сводил с меня глаз.

Я повернулся к нему спиной. «Вот сейчас — удар рукояткой...» Что-то металлическое чуть задело мне голову — очень легкое, как перышко. Я тотчас развернулся, ударил по руке с пистолетом и сразу ребром ладони по горлу. Просто по привычке. Я рванулся в тот самый миг, как прикосновение сказало мне, что он рядом. Он отступил назад, держась рукой за горло. Я ударил его кулаком в живот, затем нанес другой удар в подбородок. Мой противник осел на пол, пытаясь заслониться руками. Но почему он не ударил меня? Судя по моим ощущениям, он опускал рукоятку пистолета очень нежно, бережно, словно боясь, как бы она не раскрошилась.

— А ну, стой спокойно, — в дверном проеме снова показалась рука с пистолетом, а за ней шесть футов живой плоти, известные мне, как Хэндел. Выглядел он как любой безмозглый белокурый герой, но не был ни героем, ни безмозглым.

— Ты пожалеешь, что так поступил, — произнес он.

Подставка для ног позади него начала менять форму.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Это нечестно!

Хэндел похоже удивился, а потом улыбнулся с видом победителя.

— Двое на одного? Я не тебе, а своей подставке для ног.

— Ну-ка, повернись! Нам велено притащить тебя к Синку, если удастся. Может, ты и сможешь от него отвертеться и остаться в живых.

Я повернулся.

— Я бы хотел извиниться.

— Это оставь для шефа.

— Нет, честно. Я совсем не хотел еще кого-то путать в это дело. В особенности... Я опять ощутил, как что-то задело вскользь мою голову. Марсианин, должно быть, что-то сделал, чтобы отвести удар. Я бы мог в этот момент справиться с Хэнделом, но не пошевелился. Положение, когда я мог сломать ему шею, а он не в силах был даже прикоснуться ко мне, казалось мне нечестным. Я не возражаю, когда «двое на одного», в особенности, если этот один — враг. Иногда я даже могу позволить какому-нибудь благородному наблюдателю мне помочь, особенно, если для него был определенный шанс остаться в живых. Но это...

— Что нечестно? — жалобно вопросил высокий голос.

Хэндел завопил, как баба.

Поворачиваясь, я увидел, как он метнулся к двери, не попал в нее, осторожно отступил на два шага и попробовал снова, на сей раз удачно. Потом я увидел подставку для ног. Он уже изменялся, контуры его расплывались, но я понял, какой облик увидел Хэндел. Не удивительно, что у него от этого размякли мозги. Я почувствовал, как мои кости текут, как истекают они костным мозгом и, закрыв глаза, прошептал:

— Черт побери, вы должны были только наблюдать.

— Вы же сказали мне, что удар может причинить вам вред.

— Не в том дело. Сыщикам всегда достается по голове.

— Это для нас не новость.

— Но каким образом я бы что-то узнал, только наблюдая, если бы ваша маленькая война так скоро закончилась?

— Хорошо. А что вы узнаете, если и дальше будете везде совать нос?

— Вы можете открыть глаза. — Марсианин вновь принял свой шутовской облик. Из всего набора своих одежд он выбрал оранжевые шорты. — Мне непонятно, почему вы возражаете. Этот Синк вас убьет, как только представится к этому возможность. Вы этого хотите?

— Нет, но...

— Вы не уверены в своей правоте?

— Уверен, но...

— Тогда почему бы вам не принять мою помощь?

У меня не было уверенности в справедливости этого. Как если бы я тайком подсунул в особняк Синка портфель с бомбой, а потом взорвал его. Я думал об этом, осматривая коридор. Потом я закрыл дверь и подпер ее стулом. Смуглый был по-прежнему с нами, и сейчас он пытался сесть.

— Послушайте, — обратился я к марсианину. — Не знаю, удас-

тся ли мне вам объяснить, но если вы не дадите слова, что будете держаться от этого в стороне, я тут же смотаюсь из города. Просто брошу вас одного, и все это дело брошу. Понятно?

— Нет.

— Обещаете?

— Да.— Гангстер, похожий на испанца, тер шею и таращился на марсианина.

Я его не осуждал. Полностью одетый, марсианин мог кое-как сойти за человека, но только не в оранжевых панталонах. На груди у него не было ни волос, ни сосков, а на животе отсутствовал пупок.

Гангстер улыбнулся мне, сверкнув белыми зубами и спросил:

— Это кто?

— Вопросы здесь задаю я. Кто ты?

— Дон Доминго.— У него было мягкое испанское произношение. Если он и беспокоился, то внешне никак этого не выдавал.

— А как это ты ухитрился не упасть, когда я тебя ударил?

— Говорю же, что спрашивать буду сам!

— Да ты порозовел. Смущен чем-то?

— Черт подери, Доминго, где Синк? Куда вы должны были меня отвезти?

— В усадьбу!

— Какую усадьбу, «Бел Эйр»?

— Именно. И что ж ты теперь будешь делать?

— Свяжу тебя, надо полагать. Когда все успокоится, выдам тебя, как взломщика.

— Когда все успокоится, думаю, тебе уж ничего не придется делать. Ты проживешь ровно столько...

— Брось!

Из кухни вышел марсианин. В руке у него была банка с тушенкой. Доминго выпучил глаза. Потом раздался взрыв в спальне. Это была зажигательная бомба. Полкомнаты мигом занялось огнем. Я подобрал гиропистолет и сунул его в карман. Вторая бомба взорвалась в коридоре. Волна огня опрокинула дверь вовнутрь, захлестнула кресло.

— Нет!— завопил Доминго.— Хэндел должен был выждать! Что же теперь?

«Теперь поджаримся»,— подумал я, прикрывая лицо руками от языков пламени.

— Излишнее тепло причиняет вам вред?— спокойным тенором поинтересовался марсианин.

— Да! Черт возьми, да!

В спину мне ударил огромный резиновый мяч, бросив меня на стену. Я выставил вперед руки, чтобы хоть как-то смягчить удар. Но не успел я достичь стены, как она исчезла. Это была наружная стена. Совершенно потеряв равновесие, я вынесся в более чем двухметровый пролом, прямо в ночную пустоту.

С высоты шести этажей, над бетонным тротуаром. Стиснув зубы, смотрел я на приближающуюся землю... Но где же эта черто-

ва земля? Все было, как при замедленной съемке. Секунды растягивались в вечность. Мне хватило времени увидеть, как прохожие запрокидывают головы, заметить у угла здания Хэндела, прикладывающего платок к кровоточащему носу. Хватило, чтобы, оглянувшись через плечо, увидеть Доминго в проломе стены моей квартиры на фоне огня. Тело его лизало пламя. Он прыгнул вниз. Гангстер пронесся мимо меня, как падающий сейф. Я видел, как он ударился об асфальт и даже слышал. Это не слишком приятный звук.

Когда я жил в ноябре 68-го на Уолл-Стрите, то слышал подобное почти каждый вечер в течение нескольких послевыборных недель, но так и не привык. Несмотря на все это, желудок и внутренности не говорили мне, что я падаю. Я как бы погружался в воду. Теперь уже добрых полдесятка людей наблюдали за моим падением. Все они стояли, раскрыв рты от удивления. Вдруг что-то ткнулось мне в бок. Я хлопнул по нему и обнаружил в руке пулю 45-го калибра. Другую я смахнул со щеки. В меня стрелял Хэндел. Я открыл ответный огонь, не слишком старательно целясь. Если бы мне не «помогал» марсианин, я разнес бы ему голову не задумываясь. А так Хэндел повернулся и побежал. Я коснулся земли и пошел прочь. Десяток пылающих любопытных глаз сверлил мне спину, и никто не попытался меня остановить. Марсианина и духу не было. Никто следом за мной не шел. Я провел полчаса, блуждая туда-сюда, чтобы стряхнуть «хвост», но только по привычке. Потом завернул в маленький безымянный бар. Брови с моего лица исчезли, что придало ему удивленный вид. Я изучал свое отражение в зеркале бара, пытаясь найти другие следы выпавшего на мою долю сражения. Мое лицо, никогда не славившееся особой красотой, за годы работы частным сыщиком покрылось целым набором шрамов, а светло-коричневые волосы находились в привычном для меня беспорядке. Все старые шрамы были на месте, новые шрамы или ушибы не появились. Одежда, в общем, никак не изменилась. Боли я не чувствовал. Все казалось каким-то ненастоящим, и я испытывал смутную неудовлетворенность.

Однако следующая моя стычка с Синком будет всамделишней. При мне был гиропистолет и горстка патронов к нему в кармане. Особняк Синка охранялся не хуже, чем Форт Нокс. И Синк будет меня ждать. Он понимает — убегать я не стану. Мы многое знали друг о друге, особенно учитывая, что мы ни разу не встречались. Синк был трезвенником. Однако фанатичным врагом спиртному не доводился. В его особняке-цитадели всегда находилось немало выпивки, только ее держали так, чтобы она не попадалась Синку на глаза. Обычно в его покоях находилась какая-нибудь женщина. Вкус у него был отменный, и он часто менял спутниц. Недовольными они никогда не оставались, и ничего особенного тут не было. Скорее всего он их так одаривал, что бедствовать им больше не приходилось. Я встречался с несколькими из бывших возлюбленных Синка и не возражал, чтобы они говорили о нем, по-

явись у них такое желание. Они единодушно сходились на том, что Синк — парень что надо, сорит деньгами и делает это изобретательно и с удовольствием. В то же время все они не хотели бы вернуться к нему. Синк платил щедро и сполна. Он забирал из тюрьмы людей под залог. Никогда и никого не предавал. И хотя он был чужим в этом городе, его тоже никто ни разу не предал. Я сталкивался с большими трудностями, пытаясь что-либо выведать о нем. Никто не хотел говорить. Но Доминго он не выручил. Это удивило нас обоих. Раскинем иначе. Доминго кто-то предал. Он ждал выручки, а не бомбы. Так же, как и я. Для Синка было правилом выручать своих ребят, когда они попадали в беду. Доминго был предан либо в нарушение распоряжений Синка, либо Синк по-серьезному хотел моей смерти. Я встречался с людьми какого угодно сорта — мне это нравится. Теперь я знаю о Синке достаточно много, чтобы захотеть узнать больше, гораздо больше. Я хотел с ним встретиться и был чертовски рад, что отделался от марсианина. Что меня все-таки злило, когда дело касалось марсианина? Во всяком случае, не его необычность. Я с какими только людьми не встречался. То, как он менял свой облик могло вывести кого угодно, но только не меня. Манеры? Он был сплошная учтивость и доброжелательство. Он даже слишком рвался мне помочь. Дело было именно в этом. Контуры схватки обозначены... и тут что-то появляется из космоса. Он был «бог из машины», ангел, спущенный на проволочке, чтобы все уладить, а на самом деле все случайно испортил. Борьба с Синком при помощи марсианина представлялась мне чем-то вроде подбрасывания улик. Это был запрещенный прием. Больше того, это лишало мою затею всякого смысла.

Я сердито пожал плечами и взял еще. Бармен начал закрывать заведение. Я быстро допил рюмку и вышел наружу в толпе усталых пьяниц. Нужные инструменты нашлись бы в моей машине, однако теперь под ее капотом наверняка лежит бомба.

Я поймал такси и назвал Белладжо, район в нескольких кварталах от резиденции Синка, если в тех местах можно что-то назвать кварталом. Они состоят из сплошных холмов, а улицы могут свести с ума любого. Синк занимал территорию, имевшую вид бугристого треугольника с извилистыми сторонами. К тому же весьма немалую. Чтобы ее привести в порядок, нужно было потратить не меньше, чем на лунную экспедицию. Одним прекрасным днем я ее обошел снаружи и увидел только то, что можно было увидеть через ворота. Забор сплошь был увит густым плющем. Среди листьев скрывались датчики сигнализации. Я подождал, пока отойдет такси, потом зарядил гиропистолет и двинулся в путь. В кармане осталась всего одна реактивная пуля. В этом районе везде было что-нибудь такое, куда можно десять раз нырнуть, когда мимо проезжает машина. Деревья, заборы, ворота с массивными каменными колоннами. Как только я видел свет фар, сейчас же отступал в тень, на тот случай, если люди Синка ведут патрулирование. Несколько минут ходьбы, и я увидел

увитый плющем забор. Подойти ближе я не решался, боясь быть обнаруженным. Поэтому я вторгся во владения одного из соседей Синка. Место это было весьма своеобразное: прямоугольный пруд с беседкой на одном конце, главное здание, состоящее, казалось, из одних прямых углов, извилистый ручей с перекинутым через него мостиком и повисшие над водой ветви деревьев. Ручей, вероятно, протекал здесь еще до постройки здания, так же, как и некоторые деревья. То был уголок первозданной природы, с которым полностью дисгармонировали прямые углы вокруг. Я, естественно, прильнул к ручью. Пока прошла самая легкая часть моего плана. Самое страшное, что мне угрожало обвинение в краже со взломом. Я нашел забор. За ним был асфальт, уличные фонари, а дальше барьер из плюща перед владениями Синка. Ножницы для проволоки? Они остались в машине. Я был бы как на ладони, если бы решился перелезть через забор. Поэтому я двинулся вдоль стены, нашел заржавленную калитку и открыл висячий замок. Несколькими секундами позже я пересек улицу и притаился под плющом, не забыв обшарить изгородь в поисках сигнальных датчиков. Еще через десять минут я перелез через забор. Был как на ладони? Да. Передо мной возвышался дом, огромный и весь почти темный. За мгновение перед тем, как я спрыгнул, моя фигура отчетливо выделялась над забором, ярко освещенным светильниками. Я спрыгнул между внутренним и внешним забором и на мгновение задумался, так как не ожидал, что будет еще и внутренний забор. То была прочная кирпичная кладка чуть больше метра высотой, над которой возвышалось почти двухметровое проволочное ограждение. Проволока, по всей вероятности, была под высоким напряжением. Что делать? Может быть, поискать что-нибудь, чем можно закоротить цепь? Но это вызовет в доме тревогу как раз тогда, когда я буду перелезать ограждение. И все же вряд ли был другой способ проникнуть во владения Синка. А может быть, вернуться к плющу и попытаться заставить сигнализацию сработать? Может, пройти к воротам и попытаться проникнуть внутрь с абсолютно уверенным видом?

Похоже, я вызываю у Синка такое же любопытство, как он у меня. Все, что мне известно о Синке, относится к настоящему времени. О его прошлом я знаю только то, что оно нигде никак не упоминается. Но если Синк прослышал о моем парящем полете из окна шестого этажа в духе Мэри Поппинс... стоило бы попытаться. По крайней мере, мне удастся прожить столько, чтобы его увидеть. Или...

— Привет. Как ваши военные успехи?

Я вздохнул. Он плавно опустился рядом со мной, по-прежнему в образе человека, одетый в темный костюм. Я обнаружил свою ошибку, когда он приблизился. Он изменил цвет кожи так, что получились костюм, рубаха и галстук. Издали все это так и выглядело. А вблизи казалось, что и прикрывать ему нечего.

— Я считал, что избавился от вас,— пожаловался я.— Вы стали крупнее?

На вид его размеры почти удвоились.

— Да. Я проголодался.

— Так вы не шутили насчет своего аппетита?

— Война! — напомнил он мне.

— Вы замышляете вторжение?

— Замышлял. Пока не знал об этом заборе.

— Так что ж, давайте я...

— Нет! Даже думать не смейте о чем-то таком. Просто смотрите!

— А на что мне следует смотреть? Вы вот уже несколько минут ничего не делаете.

— Я что-нибудь придумаю.

— Разумеется!

— Но что бы я ни делал, к вашей помощи прибегать не стану — ни сейчас, ни вообще. Если хотите смотреть, будьте моим гостем, сделайте милость. Но не помогайте.

Это как чужой телефон подслушивать. У Синка есть известные права, несмотря даже на то, что он мошенник. Ему не грозит жестокая или особенная расправа. ФБР не имеет права прослушивать его телефон. Его нельзя убить без соблюдения необходимой законности. И он не должен беспокоиться о вооруженном нападении марсиан!

— Конечно — если он сам не нарушит правила...

— На нарушителей правил есть управа, — сердито огрызнулся я.

Марсианин ничего не ответил. Он просто стоял рядом со мной, очень высокий, больше двух метров — темная, похожая на человека фигура на фоне тусклого отсвета от дома.

— Э! А как вам удалось все это проделать? Просто способности такие?

— Нет. У меня набор принадлежностей.

Из его гладкой, как у ребенка, груди высунулось что-то блестящее, словно металл.

— Вот это, например, гасит инерцию. Другие переносные приспособления уменьшают силу тяжести или перерабатывают воздух в моих легких.

— Вы все это держите внутри себя?

— Почему же нет? Я способен производить внутри себя захваты любого размера.

— Вот как!

— Вы упомянули, что существуют правила обращения с нарушителями правил. Вы, безусловно, уже несколько раз вторглись на чужую территорию. Вы покинули место несчастного случая — смерти дона Доминго. Вы...

— Ладно.

— Значит...

— Хорошо. Я попробую еще разок. — Похоже, я напрасно распинался и тратил с ним драгоценное время. Самое главное сейчас

было — перелезть через забор. И в некотором смысле марсианин был прав, к правилам это не имело никакого отношения.

— Это не имеет никакого отношения к правилам,— сказал я.— Во всяком случае, почти. Главное — это власть. Синк прибрал к рукам этот город и захочет сделать то же самое с другими. Он забрал слишком много власти. Вот поэтому кто-то должен его остановить. А вы мне даете слишком большую силу. Человек, у которого слишком большая сила, теряет голову. Когда вы на моей стороне, я сам не могу себе доверять. Я детектив и если нарушу закон, меня положено за это сажать в тюрьму, если только я не в состоянии объяснить, почему это сделал. Это заставляет меня быть осторожным. Если я зацеплю крючок, который может хлестнуть по мне, то заработаю пару шрамов. Если я застрелю кого-то, кто этого не заслуживает, то угожу за решетку. Все это приводит к тому, что я становлюсь осторожен. Но когда рядом вы...

— То вы теряете осторожность,— закончил за меня темный гигант. Он говорил задумчиво, раньше я не слышал от него столь человеческих интонаций.— У вас появляется искушение применить силу большую, чем то необходимо. Я не ожидал такой мудрости от вашей породы.

— Вы нас считали полуразумными?

— Если хотите, то да. Я полагал, что вы будете благодарны за любую помощь, какую я смогу предоставить и страстно будете ее жаждать. Теперь я начинаю понимать вашу точку зрения. Мы тоже пытаемся регулировать количество силы и власти, предоставляемой индивидуумам. Что это за шум?

Послышался шорох, какая-то возня, едва слышная, но вовсе не скрытная.

— Не знаю.

— Вы уже решили, каков будет ваш следующий шаг?

— Да. Черт меня побери, это же собаки!

— Что такое собаки?

Вдруг они появились передо мной. В темноте я не мог различить породу, но собаки были очень крупные и не лаяли. Они страшно быстро огибали с двух сторон кирпичную стену. Я поднял гиропистолет, четко представляя себе, что собак вдвое больше, чем у меня патронов. Неожиданно вспыхнули яркие огни прожекторов, высветив все вокруг. Я выстрелил, и полоска огня лизнула одного из псов. Он, кувыркаясь, упал и пропал из виду посреди своры. Огни всех прожекторов стали красными, кроваво-красными. Собаки остановились, шум прекратился. Один из псов, ближайший, оторвался от земли и завис в прыжке.

— Похоже, я отнял у вас время,— пробормотал марсианин.— Может быть, вернуть его?

— Что вы сделали?

— Я воспользовался гасителем инерции в проецируемом поле. Он действует так, что время словно бы останавливается для всех, кроме вас.

Слева и справа были собаки; нас угрожающе освещали прожектора. На лужайке перед домом я увидел вооруженных людей.

— Не знаю, правильно ли вы поступили,— сказал я.— Если вы выключите этот исказитель времени, я тотчас же буду мертв. Но это в последний раз, ладно?

— Хорошо. Будем пользоваться только этим гасителем инерции.

— Я обойду вокруг дома. И только тогда вы выключите свое устройство. Это даст мне некоторое время, чтобы отыскать какое-нибудь дерево.

Мы двинулись вперед. Я осторожно шагал среди собачьих статуй. Марсианин плыл сзади, точно огромный толстый призрак. Проход между внутренним и внешним заборами вел к воротам перед домом. У самых ворот внутренний забор соединялся с внешним и заканчивался. Но еще до того, как мы достигли этой точки, я нашел подходящее дерево. Оно было большим и старым, и одна его толстая ветка протянулась над забором и висела у нас над головой.

— Ладно, выключайте свою штуковину.

Темно-красные огни засверкали вдруг ослепительно белым светом. Я начал карабкаться по плющу. Длинные руки и сильные ладони пришлись большим подспорьем в моем умении лазать по-обезьяньи. Теперь можно было совсем не заботиться о сигнализации. Балансируя на внешнем заборе, я потянулся к ветке. Стоило ей принять на себя мой вес, как она прогнулась на добрый метр и затрещала. Перебирая руками, я двинулся вдоль ветки и, покачнувшись, исчез в листве. Потом ноги мои коснулись внутреннего забора. Найдя удобную развилку, я примостился, чтобы осмотреться. На лужайке перед домом находилось, по крайней мере, три человека с ружьями. Они двигались, словно кого-то разыскивая, но вряд ли ожидали что-нибудь найти. Вся суматоха для них должна была происходить далеко снаружи. Марсианин поднялся в воздух и стал переправляться через забор. Однако он задел верхнюю проволоку. Тотчас же щелкнула голубая искра, и он обрушился, точно мешок с мукой.

Прямо на забор. Вспыхнуло еще несколько электрических разрядов, и в холодном ночном воздухе запахло озоном и горелым мясом. Я спрыгнул с дерева и бросился к нему. Дотрагиваться до тела было нельзя — ток убил бы меня. Так же, как убил его. Вот этого я меньше всего ждал. Пули его не брали, он мог творить чудеса, как хотел. Как же могла его убить простая электрическая искра? Если бы он хоть намекнул на это! Он так удивился, обнаружив, что у нас есть электричество. Я своими действиями вызвал смерть постороннего. Единственное, в чем я поклялся, это в том, что больше такого не совершу...

Теперь он ничуть не походил на человека. Из мертвой массы, бывшей некогда антропологом со звезд, торчали всякие блестящие металлические штуковины. Треск электроразрядов прекратился. Я вытащил одну из металлических штук из массы, сунул ее

в карман и побежал. Меня тут же заметили. Я зигзагами обежал ограду вокруг теннисного корта и приблизился к главному входу. По обе стороны от двери были окна в рост человека. Я взлетел по ступенькам, выбил рукояткой пистолета почти целиком стекло в одном из окон и, молнией промчавшись вниз, нырнул в кусты. Когда все происходит так быстро, разуму приходится восполнять пробелы между тем, что видишь, и тем, чего не видишь. Все трое с ружьями поспешно ринулись вслед за мной по степункам и вбежали в дом через главный вход, крича во всю глотку. Я двинулся вдоль боковой стены дома, стараясь найти окно. Кто-то, должно быть, понял, что я не мог пролезть сквозь битые стекла и, вероятно, крикнул об этом остальным, так как я услыхал, что погоня возобновилась. Я взобрался по стене к небольшому выступу перед темным окном второго этажа. Мне удалось пробраться в окно, не натворив много шума.

Впервые за эту безумную ночь я почувствовал, что понимаю свои действия. Это кажется очень странным, потому что я не очень-то представлял себе планировку дома и не имел ни малейшего представления, где нахожусь. Однако, по крайней мере, я знал правила игры. Переменный фактор — марсианин, «бог из машины», уже не присутствовал на сцене. А правила были таковы: всякий, кто меня увидит, убьет, если сумеет. Никаких посторонних, никаких добрых дядь сегодня ночью больше здесь не предвидится. Так же, как и не будет особых сложностей морального плана. Мне не будут предлагать сверхъестественной помощи в обмен на мою душу или что-нибудь еще. Все, что я должен делать — это попытаться остаться в живых. (А посторонний-то погиб!)

Спальня была пуста, две двери вели в ванную и гардеробную. Из-под третий двери пробивался желтый свет. Выбора не оставалось — я поднял гиропистолет и открыл третью дверь. В мою сторону резко повернулось лицо над краем спинки кресла. Я показал ему пистолет и обошел кресло, не сводя с него прицела. Больше в комнате никого не было. Плохо выбритое лицо, достаточно симметричное, если не считать огромного носа, принадлежало человеку средних лет.

— Я вас знаю,— сказал он достаточно спокойно, если учесть обстоятельства.

— Я тоже.

Это был Адлер. Именно из-за него я впутался во всю эту кутерьму, сначала потому, что он сожительствовал с женой Моррисона, а потом, что убил беднягу Морра.

— Ты тот самый сыщик, которого нанял Моррисон,— Адлер усмехнулся.— И что б тебе не остаться в стороне, тебе же полезней было бы.

— Я не мог себе этого позволить.

— А лучше б позволил. Кофе хочешь?

— Спасибо. Ты понимаешь, что будет, если ты закричишь или что-нибудь в этом роде?

— Конечно.— Он взял стакан с водой, вылил воду в корзину

для бумаг, потом взял серебряный термос и налил кофе себе в чашку и в стакан. Движения у него были неторопливые, но четкие. Он не хотел, чтобы я занервничал. Сам он внешне не проявлял признаков беспокойства. И это само по себе меня убеждало, что он не сделает никакой глупости. А все же... Такое же спокойствие я видел на лице дона Доминго и знал его причину. И Адлер, и Доминго, и все остальные приспешники Синка всецело верили в него. В какую беду бы они не попали, они всегда верили, что Синк их выручит.

Я подождал, пока Адлер, как ни в чем ни бывало, сделает несколько глотков кофе, потом сам пригубил из стакана. Кофе был крепкий, и в нем чувствовалась хорошая порция отличного коньяка. Первый же глоток мне настолько понравился, что я чуть ли не улыбнулся Адлеру. Адлер улыбнулся в ответ. Глаза его все время были уставлены на меня, словно он боялся отвести от меня взгляд, опасаясь, что я могу взорваться. Я попытался представить, как он мог бы подбросить чего-нибудь в кофе, не выпив этого сам. Не было у него возможности это сделать.

— Ты совершил ошибку,— сказал я, отпивая еще кофе.— Будь мое имя Рип Хаммер или Майк Хироу, я бы, возможно, все бросил, как только обнаружил, что ты из окружения Синка. Но когда тебя зовут Брюс Чисборо-младший, ты не можешь позволить себе выйти из игры.

— А зря. Тогда, возможно, жил бы спокойно,— сказал он почти рассеянно. Уголки рта его несколько опустились от тщательно скрываемого изумления. Он все еще ждал, что что-то произойдет.

— Я тебе вот что скажу. Напиши признание вины, и я отсюда уйду, никого не убив. Разве не славно?

— Вполне. А в чем я должен признаться?

— В убийстве Моррисона.

— А ты уверен, что это сделал я?

— Не очень.

— Тогда я бы хотел тебе сделать небольшой сюрприз.— Адлер поднялся и медленно прошел к столу, держа руки на весу.— Я тебе напишу это чертово признание. И знаешь, почему? Потому что тебе никогда им не воспользоваться. Синк об этом позаботится.

— Если в дверь сейчас кто-нибудь войдет...

— Понимаю, понимаю... Он начал писать.

Я тем временем принялся осматривать штуковину, которую вытащил из трупа марсианина. Она была сделана из белого блестящего металла, сложной конфигурации. Прежде мне ничего похожего видеть не доводилось. Словно пластмассовые внутренности игрушечного пистолета, наполовину расплавленные, а потом охлажденные, так что все детали смешались и оплыли. Для чего эта штуковина служит, я понятия не имел. В любом случае, не мне ею пользоваться. Я различал прорези, в которых располагались кнопочки или спусковые крючки, но они были слишком малы для моих пальцев. К ним можно было добраться только булавкой или

пинцетом. Адлер протянул мне лист бумаги, на котором писал. Признание было коротким и конкретным: мотив, средства, точное время. Большая часть этих подробностей была мне уже известна.

— Ты не написал, что случилось с телом!

— То же, что и с телом Доминго.

— Доминго?

— Конечно. Когда полицейские явились на то место, где была твоя квартира, он исчез. Даже следы крови пропали. Чудеса, верно?

— Адлер мерзко ухмыльнулся.

Когда я на это не отреагировал, он был озадачен.

— Каким образом? — наконец поинтересовался я. Адлер недоуменно пожал плечами.

— Ты ведь и сам знаешь, верно? Я потому и не написал об этом. Это бы могло впутать сюда Синка. Придется тебе удовольствоваться тем, ради чего ты сюда явился.

— Ладно. А теперь я тебя свяжу и отправлюсь восвояси.

Адлер был ошеломлен. И не мог этого скрыть.

— Сейчас? Сразу?

— Конечно! Ты же убил моего клиента, а не Синк.

Он ухмыльнулся, не веря мне и все еще считая, будто что-то должно вот-вот произойти.

Я воспользовался полотенцем, чтобы связать ему руки, а носовой платок применил в качестве кляпа. В ванной и гардеробе нашлось довольно других вещей, чтобы докончить начатое. Он все никак не мог поверить в происходящее. Я уже собрался уходить, а он еще ждал какого-то события. Я оставил его на кровати в темной спальне. Потом я погасил свет в комнате, где он раньше сидел, и подошел к окну. Лужайка перед домом, залитая ярким светом, кишела людьми и собаками.

Шкура Адлера была у меня в кармане. Адлера, который убил моего клиента. Стоит ли продолжать гоняться за Синком? Или лучше попытаться убраться отсюда с этим листком бумаги? Конечно же, лучше побыстрее убраться. Я стоял у окна, подняв портьеру. Внизу все было залито светом, но тени кустов и деревьев зияли чернотой. Я различил контуры забора, с этой стороны освещенного. Но можно попытаться пробраться к нему с другой стороны. Или пройти по ближней стороне теннисного корта, потом в несколько прыжков пересечь полосу света до какой-то страшненького вида статуи...

Дверь вдруг отворилась, и я резко повернулся.

Дуло моего пистолета оказалось направлено на мужчину в черных широких брюках и смокинге. Он не спеша прошел в дверь и прикрыл ее за собой.

Это был Синк. Лестер Данхавен Синклер был мужчина превосходного сложения, с мускулами атлета. Ни одного лишнего или недостающего килограмма веса. На мой взгляд, ему было года так тридцать четыре. Один раз я уже видел его в толпе, но не на-

столько близко, чтобы заметить то, что заметил сейчас: его пышные светлые волосы были париком.

— Чисборо, не так ли?— с улыбкой произнес он.

— Да.

— Что вы сделали с моим... заместителем?— он с головы до ног осмотрел меня.— Насколько я могу судить, он еще с нами.

— В спальне. Связанный.— Я двинулся вдоль стены, чтобы запереть дверь в коридор. Теперь я понимал, почему люди Синка сделали из него что-то вроде феодального владыки. Он отвечал таким требованиям. Он излучал уверенность в себе, абсолютную уверенность. Глядя на него, я почти верил, будто ничто не в силах ему противостоять.

— Полагаю, у вас хватило ума не притрагиваться к кофе? Жаль,— произнес Синк, услыхав мой ответ.

Он вроде бы высматривал, что за пистолет у меня в руке, однако не проявлял ни малейшего признака страха. Я силился убедить себя, что это только блеф, но не мог. Никто в мире не смог бы так искусно блефовать — какой-нибудь дрогнувший мускул все равно выдал бы обман. Я начинал опасаться Синка.

— Жаль,— повторил он.— Каждый вечер весь последний год Адлер ложится спать, выпив кофейник кофе с коньяком. И Хэндел тоже.

О чем это он? Кофе никак на меня не подействовал.

— Ты проиграл, Синк,— сказал я.

— Серьезно?— улыбаясь так, словно одержал победу, Синк принялся издавать булькающие звуки. Оно было жутко знакомым, это бульканье. Я почувствовал, что правила снова меняются, причем слишком быстро, чтобы их придерживаться. Улыбаясь и равномерно побулькивая, Синк сунул руку в брючный карман и вытащил пистолет. Пистолет был небольшой, но оружие есть оружие. Как только это до меня дошло, я выстрелил. Реактивные пули сжигают твердое топливо за первые семь-восемь метров полета и дальше летят уже по инерции. Синк как раз находился на расстоянии метров восьми от меня. Пламя полоснуло его по плечу, но он только снисходительно улыбнулся. Дуло его пистолета уставилось мне в переносицу. Я выстрелил ему в сердце. Никакого действия. Третий выстрел пробил дырку у него между глаз. Я увидел, как дырка тут же стала затягиваться и сразу все понял. Синк мошенничал. Наступила его очередь стрелять. Я зажмурился. Холодная жидкость тонкой струйкой потекла по моему лбу. В глазах начало жечь, на губах появился резкий вкус спирта.

— Ты тоже марсианин,— сказал я.

— К чему эти оскорбления?— спокойно произнес Синк и выстрелил еще раз. У него в руках был водяной пистолет, детская игрушка, хоть и напоминавшая с виду настоящее оружие. Я стер спирт с лица и посмотрел на него.

— Ладно,— сказал Синк,— ладно.

— Он поднял руку, стащил с головы волосы и бросил на пол. Потом сделал то же самое с ресницами и бровями.

— Так где же он? — спросил Синк.

— Он что, соврал мне, сказав, что он антрополог?

— Конечно. Он был представителем Закона и выследил меня даже на таком невообразимом расстоянии. — Синк оперся спиной о стену. — Тебе не понять, как мои соотечественники называют мое преступление. И заступаться за него тебе нет причин. Он же пользовался тобой, и когда останавливал предназначенную тебе пулю, то делал это только затем, чтобы заставить меня думать, будто ты — это он. Вот почему он тебе помог плавно спуститься из окна квартиры, вот почему устранил тело Доминго. Ты для него был подставной лошадью. Он полагал, что пока я тебя не убью, он сможет за мной спокойно шпионить, и готов был поэтому тобой пожертвовать без малейших угрызений совести. А теперь говори, где он?

— Мертв. Он не знал о существовании электрических изгородей.

Из коридора раздался зычный голос Хэндела:

— Мистер Синклер! У вас там все в порядке?

— У меня гость! — отозвался Синк. — С пистолетом.

— Что нам делать?

— Ничего, — засмеялся Синк. Постепенно он начал терять человеческие очертания — расслабляясь, поскольку я уже понял, кто он на самом деле.

— Никогда бы не поверил, — смеялся Синк. — Выслеживать меня так долго только для того, чтобы погибнуть на электрической изгороди!

Смех у него был рваный, как на ленте с перебивающейся записью, что заставляло задуматься, точно ли это хохот, и о трудностях, сопряженных с его имитацией из-за его, бесспорно, загадочной системы дыхания.

— Ток его, конечно, не мог убить. Он, должно быть, замкнул его генератор воздуха и взорвал батареи.

— Кофе с коньяком предназначался ему, — предположил я. — Постойте, он однажды сказал, что его могут убить органические яды. Имелся в виду спирт?

— Очевидно. И все, что я сделал — это дал тебе возможность бесплатно выпить! — засмеялся Синк.

— Я был очень доверчив, — покачал я головой. — И поверил всему, что про тебя рассказывали твои женщины.

— Они ничего не знали, — голос его посерьезнел. — Вот что, Чисборо... Я делал какие-нибудь оскорбительные намеки о вашем сексуальном поведении?

— Нет.

— Тогда оставьте в покое мое.

Да, он вовсе не шутил. Он мог принимать любой вид, какой ему заблагорассудится. Внешность у Синка стала совсем земная. Может быть, он на самом деле смеялся или считал, что смеется.

Синк медленно двинулся в моем направлении, держа в руке бесполезный пистолет.

— Ты понимаешь, что сейчас будет?

— То же, что и с телом Доминго,— высказал я догадку.— То же, что со всеми остальными телами, что сбивало с толку полицию.

— Точно! Наш род славится своим чудовищным аппетитом.— Он придвинулся ко мне еще ближе, забыв о водяном пистолете в правой руке. Мускулы его расслабились и разгладились. Он теперь больше напоминал глиняное изображение человека на первой стадии. Зато рот у него становился все больше, а челюсти напоминали теперь две подковы с острыми краями.

Я выстрелил еще раз.

Что-то гулко ударилось о дверь. Синк этого не услышал. Он расплывался, теряя все формы, которые пытался себе придать во время наступившей вдруг агонии. Из разбитых частей его пистолета струился спирт прямо на то, что было его рукой, и капал на пол. Рука Синка пузырилась и кипела. Он с криком выскользнул из смокинга. Через мгновение стук в дверь повторился. Затрещали филенки. Я последним усилием воли заставил себя выйти из оцепенения, в котором находился и, схватив серебряный термос, начал лить кофе с коньяком на все, что корчилось на полу. Запузырилась уже вся масса, бывшая некогда Синком. Из нее начали падать на ковер какие-то блестящие металлические штуковины. Дверь угрожающе затрещала и распахнулась. Но в этот момент я уже был у стены, готовый открыть огонь по чему угодно, что окажется на пути. В комнату ворвался Хэндел и остановился, как вкопанный. Он так и остался в дверях, выпучив обезумевшие глаза на корчащуюся, пузырящуюся массу. Ничто, я чувствовал это всем телом, ничто не могло заставить его отвести взгляд от этого зрелища. Вскоре масса перестала шевелиться, и тогда Хэндел глубоко вдохнул, завопил во всю мочь и с криком выскочил из комнаты. Я услышал глухой удар его столкновения с охранником и почти нечленораздельные выкрики: «Не входите туда! Нет! Нет!» Потом раздались громкие всхлипы и топот его заплетающихся ног.

Я вошел в спальню и вылез на подоконник. Пространство перед домом было по-прежнему залито светом, но движения заметно не было. Однако сейчас это уже мало меня заботило, ведь все, что мне могло там встретиться, это люди или собаки.

СХОДЯЩАЯСЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Интерес к магии пробудила во мне одна девушка, когда я проходил курс антропологии. Звали ее Энн, и она числила себя в знатоках белой магии, хотя мне так и не привелось увидеть, чтобы хоть одно произнесенное ею заклинание подействовало. Скоро она потеряла ко мне интерес и вышла за кого-то замуж, после чего и я к ней потерял интерес. Однако магия к тому времени стала темой моей курсовой работы по антропологии. Магия всецело ов-

ладела моим воображением. Работу нужно было сдавать через месяц. Я исписал страниц сто конспектов, посвященных первобытной, средневековой, восточной и современной магии. Выражение «современная магия» относится к разным парапсихическим явлениям и тому подобному. Знаете ли вы, что некоторые африканские племена не верят в существование естественной смерти? Для них каждая смерть — это результат колдовства, в каждом случае должен быть выявлен чародей и убит. Некоторые из этих племен, в сущности, вымирают благодаря бесчисленным разбирательствам случаев колдовства с сопутствующими им казнями.

Средневековая Европа во многих отношениях была ничуть не лучше, но европейцы вовремя спохватились. Я испробовал несколько способов вызова христианских и других демонов, из чисто исследовательских побуждений, и наложил на профессора Паулинга даосское заклинание, но у меня ничего не получилось. Миссис Миллер любезно позволила мне воспользоваться для своих экспериментов подвалом жилого дома.

С конспектами у меня все было в порядке, но сама работа не продвигалась. И я понимал, почему. Исходя из всего, что я узнал, мне нечего было по сути сказать оригинального ни по одному из интересовавших меня вопросов. Любого другого это не остановило бы (вспомните хоть того чокнутого, который пересчитал все буквы «и» в «Робинзоне Крузо»), но мне это не подходило. Но однажды вечером, в четверг... Самые проклятые мысли приходят ко мне в барах. Эта была — само загляденье. Моя нетронутая рюмка осталась бармену вместо чаевых. Я бросился прямо домой и добрых четыре часа непрерывно печатал. Когда я кончил, было без десяти двенадцать, но зато теперь у меня был полный конспект моей работы, в основу которой легла по-настоящему новая идея в отношении христианского колдовства. Все это нужно мне было для того, чтобы претворить идею в практику. Я встал и потянулся.

И понял, что я должен попробовать, и немедленно.

Все необходимое находилось в подвале дома миссис Миллер. Большую часть я подготовил заранее. Пентаграмма на полу была исполнена двумя вечерами раньше. Я стер ее мокрой тряпкой — бывшим полотенцем, в которое был завернут деревянный брус. Мантия, особые свечи, листы бумаги с заклинаниями, новая пентаграмма. Работал я в полной тишине, чтобы никого не разбудить. Миссис Миллер относилась к моей работе с полным пониманием. Наклонности у нее были такие, что лет триста назад ее бы сожгли на костре. Но другим жильцам требовался спокойный сон. Ровно в полночь я начал творить волшебные заклинания. Дойдя до четырнадцатого раздела, я впервые за всю свою короткую жизнь испытал настоящее потрясение. Совершенно внезапно в пентаграмме появился демон с телом, распростертым так, что руки, ноги и голова занимали все пять углов фигуры.

Я повернулся и бросился наутек.

— Вернись сюда тотчас же! — взревел демон.

Я остановился на середине лестницы из подвала, повернулся и спустился вниз. О том, чтобы оставлять демона в подвале жилого дома миссис Миллер, не могло быть и речи. Своим зычным, как труба, утробным басом он мог перебудить весь квартал.

Он зорко следил, как я медленно спускаюсь по лестнице. Если бы не рога, демон вполне мог бы сойти за обнаженного мужчину средних лет, обритого и выкрашенного в ярко-красный цвет. Но даже будь он человеком, вам бы страстно не захотелось водить с ним знакомство. Он явно был предназначен для совершения всех семи смертных грехов. Злобные зеленые глазки, огромный, как бочка, живот обжоры. Дряблые мышцы жалкого лентяя, лицо постоянно недовольного чем-то распутника, похотливые жесты и мысли... Рога у него были небольшие, но острые, до блеска отполированные.

Он подождал, пока я совсем спущусь.

— Так-то лучше. А теперь скажи, что это вас так долго сдерживало? Доброе столетие никто не вызывал демона.

— Люди забыли, как это делается,— ответил я.— В наши дни все считают, что вам положено появляться в нарисованной на полу пентаграмме.

— На полу? Так все ждут, что я появлюсь лежа на спине? — Он был вне себя от бешенства.

Я задрожал. Моя гениальная догадка: пентаграмма — тюрьма для демонов. Но почему? Я подумал о пяти углах пентаграммы, о пяти крайних точках человека, расставившего руки и ноги...

— Так что же?

— Я сознаю, что в этом нет особого смысла, но не мог бы ты теперь исчезнуть?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вы очень многое подзабыли.

Без спешки и терпеливо, как ребенку, он начал мне объяснять, что непременно связано с вызовом демона.

Я слушал. Страх и безысходное отчаяние все больше овладевали мною, окружающие меня бетонные стены начали терять свои очертания. «Я подвергаю опасности свою бессмертную душу» — вот над этим я никогда всерьез не задумывался, если не считать чисто научного аспекта вопроса. Теперь же, оказывается, все стало гораздо хуже. Если послушать демона, так моя душа уже пропала. Она пропала в тот самый момент, как мне удалось верное заклинание. Я старался не выказывать страха, но это была безнадежная затея. Судя по огромным ноздрям демона, он наверняка должен был его учуять.

Демон закончил пояснения и ухмыльнулся, как бы приглашая обсудить подробности.

— Давайте-ка разберемся во всем этом еще разок,— сказал я.— У меня есть только одно желание.

— Какое?

— Если тебе это желание не понравится, мне придется подыскивать другое.

— Верно.

— Но ведь это нечестно.

— А разве здесь кто-то что-нибудь говорил о честности?

— И кроме всего прочего, это противоречит традициям. Почему никто не слыхал о сделках такого рода раньше?

— Это стандартная сделка, дорогуша. Сделки получше мы заключали с особо отмеченными. А у других не было времени болтать из-за этой самой оговорки в отношении двадцати четырех часов. Если они что-нибудь записывали, мы изменяли записанное. Мы располагаем властью над записями, в которых о нас упоминается.

— Вот этот пункт о двадцати четырех часах. Если я не закажу своего желания в течение указанного времени, ты покидаешь пентаграммму и все равно забираешь мою душу?

— Именно так.

— А если я закажу желание, ты должен оставаться в пентаграмме, пока его не исполнишь, или же до истечения двадцати четырех часов. Тогда ты телепортируешься в ад, чтобы обо всем рассказать, после чего сразу возвращаешься за мной, снова появляясь в пентаграмме.

— По-моему, телепортация — самое подходящее слово. Я исчезаю и снова появляюсь. Тебе в голову лезут какие-нибудь миленькие мысли?

— Насчет чего?

— Попытаюсь тебе помочь. Если ты сотрешь пентаграмму, я смогу показаться где угодно. Если же ты ее сотрешь и начертишь снова в каком-нибудь другом месте, то мне придется появляться только внутри нее.

С моего языка едва не слетел вопрос. Я с трудом удержался и спросил о другом.

— Предположим, я пожелаю стать бессмертным?

— Ты будешь бессмертным весь остаток положенных тебе двадцати четырех часов,— ухмыльнулся он. Зубы у него были черные, как сажа.— Так что поторопись. Время не стоит на месте.

« Время,— подумал я.— Ладно. Пан или пропал!»

— Вот мое желание. Сделай так, чтобы время вне меня остановилось.

— Нет ничего проще. Посмотри-ка на часы.

Мне не хотелось отрывать от него взгляд, но он только снова оскалил зубы. А потому я и поглядел вниз. На моей «Омеге» возникла красная отметина против минутной стрелки и черная — против часовой. Когда я поднял взгляд, демон по-прежнему находился в пентаграмме, распростертым на стене. На губах его играла все та же самодовольная улыбка. Я обошел вокруг него и помахал рукой перед его лицом, а когда я к нему прикоснулся, мне показалось, что я дотронулся до холодного мрамора.

Время остановилось, но демон остался на том же месте. Я испытал острое чувство облегчения. Секундная стрелка на моих часах продолжала отсчет внутреннего времени. Если бы это было внеш-

нее время, я находился бы в безопасности, но это, разумеется, был бы слишком легкий выход из положения.

Я сам заварил эту кашу, значит, надо самому же придумать, как выкрутиться.

Я стер со стены пентаграмму, старательно, чтобы не оставить никаких следов. Потом начертил новую пентаграмму, воспользовавшись рулеткой, чтобы провести линию как можно ровнее и сделать ее как можно больше в том ограниченном пространстве, которым располагал. Тем не менее, она оказалась всего чуть больше метра в поперечнике.

После этого я вышел из подвала.

Я знал, где расположены ближайшие церкви, хотя и не помню уже, как долго ни одной из них не посещал. Машину мою завести будет невозможно. Так же, как и мотоцикл соседа по комнате в общежитии. Окружающие меня чары были недостаточно велики. Я пошел в церковь мормонов в трех кварталах отсюда. Ночь была прохладная, напоенная свежестью и прекрасная во всех отношениях. Звезды казались тусклыми из-за ярких городских огней, но над тем местом, где всегда был храм мормонов, повисла яркая, ухмыляющаяся Луна, освещая совершенно пустое пространство. Я прошел еще восемь кварталов, чтобы отыскать синагогу и Церковь Всех Святых. Все, чего я добился — это размял ноги. Места, где они должны были находиться, оказались пустыми. Мест преклонения для меня не существовало.

Я начал молиться. Я не верил, что это поможет, но все-таки молился. Если меня не слышат, то это, может быть, из-за того, что мне вообще не полагалось быть? Во мне росло ощущение, что демон все продумал до мелочей, причем давным-давно. Что я делал все остальное время в течение этой долгой ночи, несущественно, даже мне самому это не казалось особенно важным. Что значит двадцать четыре часа в сравнении с вечностью? Я написал торопливый отчет о своем эксперименте по вызову демона, но тут же разорвал его. Демоны все равно изменят написанное. А это значит, что моя курсовая работа, что бы ни случилось, пойдет насмарку. Я принес настоящего, но застывшего для меня, как камень, скотч-терьера в комнату профессора Паулинга и возложил его на письменный стол. Вот сюрприз будет для старого деспота, когда он это увидит! Но большую часть ночи я провел на воздухе, гуляя и глядя в последний раз на окружающий мир. Я залез в полицейскую машину и включил сирену, потом задумался и выключил. Два раза заглядывал в рестораны и поедал чей-то заказ, оставляя деньги, которые больше мне не понадобятся. Часовая стрелка дважды обошла на моих часах полный круг. В двенадцать десять я вернулся в подвал. Мои свечи наполнили его специфическим запахом, к которому примешивалась вонь демона. Сам он висел в воздухе напротив стены, покинув пентаграмму. Его широко раскинутые руки выражали триумф. Ужасная мысль поразила меня. Почему это я поверил демону? Все, что он говорил, могло оказаться ложью! И скорее всего, так оно и было! Я позволил себя

надуть, приняв дар из рук дьявола! Я выпрямился, лихорадочно соображая... я уже принял дар, однако...

Демон повернул голову и ухмыльнулся еще сильнее, увидев, что проведенные мелом линии исчезли. Он кивнул мне и сказал:

— Через миг вернусь.

И исчез.

Я ждал. Я придумал, как выпутаться, но...

Прямо из воздуха раздался веселый бас:

— Я так и знал, что ты переместишь пентаграмму. Сделаешь ее слишком маленькой для меня, ведь так? Ха-ха! Неужто ты не мог догадаться, что я в состоянии менять свои размеры?

В воздухе послышался какой-то шорох и возня.

— Я знаю, что она где-то здесь. Я ее чувствую. Ага!

Он опять был передо мной, с раскинутыми руками и ногами, высотой чуть более полуметра и на расстоянии метра от земли. Его черная всепонимающая ухмылка исчезла, когда до него дошло, что пентаграммы там не оказалось. Потом он уменьшился вторично, и теперь рост его составлял всего двадцать сантиметров. От удивления демон выпучил глаза и завопил тоненьким голоском:

— Где же эта проклятая пентаграмма?

Теперь он представлял из себя ярко-красного игрушечного солдатика высотой всего в пять сантиметров. Послышался комариный писк:

— Пентаграмма?..

Я победил! Завтра пойду в церковь. Если понадобится, пусть меня кто-нибудь отведет с завязанными глазами.

Демон был уже крохотной красной звездочкой.

Красной жужжащей мухой.

Исчез.

Странно, как быстро можно уверовать. Стоит только демону заявить, что ты обречен... Имел ли я право в действительности войти в церковь? Отчего-то я был уверен, что заслужил это право. Хотя и сам зашел чересчур далеко, но все же перехитрил демона. Со временем он все-таки посмотрит вниз и увидит пентаграмму. Часть ее будет хорошо просматриваться. Но это ему не поможет. С вытянутыми к вершинам пентаграммы руками и ногами, он не сможет ее стереть. Он на веки вечные пойман в ловушку, уменьшаясь в размерах до бесконечно малой величины, но обреченный никогда не достигнуть нуля, вечно пытаясь возникнуть внутри пентаграммы, которая будет слишком мала для этого.

Я НАЧЕРТИЛ ЕЕ НА ЕГО ОГРОМНОМ ЖИВОТЕ!

ДЫРЯВЫЙ

Когда-нибудь Марс перестанет существовать.

Эндрю Лир говорит, что все начнется со внезапных толчков и кончится очень быстро, всего через пару часов или, в крайнем случае, через день. Пожалуй, он прав. Поскольку вина в этом бу-

дет только его. Но Лир говорит еще, что пока до этого дойдет, могут пройти годы, а то и столетия.

Потому-то мы и остались. Лир и мы все. Остались исследовать базу инопланетчиков, стараясь раскрыть их тайны, в то время как наша планета постепенно выедается изнутри. Недурственная причина, чтобы человека мучили кошмары! Вообще-то, это Лир нашел базу инопланетян. Мы дотащились до Марса: четырнадцать человек, запертых в отсеке жизнеобеспечения — тесном шишковидном наросте на носу корабля под названием «Персиваль Ловелл». Неспешно покружили по орбите, уточняя карты планеты и отыскивая что-нибудь пропущенное летавшими в течение тридцати лет «Маринерами». Между прочим, прямой нашей задачей было нанесение на карту масконов. Это концентрация масс, которых в свое время достаточно много нашли под поверхностью лунных морей. Появлялись они в результате столкновений с астероидами — огромными каменными обломками, падающими с неба и ударяющими о поверхность планеты с энергией тысяч ядерных бомб. Марс на протяжении четырех миллиардов лет не раз попадал в пояс астероидов. Поэтому здесь масконов должно быть гораздо больше и лучше выраженных, чем на Луне. Если это так, то они обязательно должны были влиять на орбиту нашего корабля. Эндрю Лир трудился без отдыха, внимательно следя за дрожащими стрелками самописцев на регистрирующей ленте. Вокруг «Персиваля Ловелла» летал зонд с аппаратурой. В его тонком корпусе скрывался простой прибор — уравновешенный двуплечий рычаг, Челночный Детектор Массы, дрожание которого и регистрировали самописцы на борту «Персиваля».

В одном месте самописцы начали чертить странную кривую. Кто-нибудь другой не обратил бы на это внимания и просто подрегулировал бы прибор, чтобы ее убрать. Но Эндрю Лир заинтересовался. Он подумал немного и приказал зонду задержаться над этим местом. На ленте возникла обычная зеленая синусоида. Лир сорвался со стула и бегом бросился к капитану Шильдеру. Бегом? Скорее, это походило на «вплавь». Лир подтягивался, хватаясь за поручни, отталкивался ногами, а потом вытянутыми вперед руками резко тормозил. Когда человек спешит, такой способ передвижения ни к черту не годится. К тому же нельзя забывать, что Лир был сорокалетним астрофизиком, который в своей жизни очень мало занимался работой, требующей значительных физических усилий. Добравшись, наконец, до отсека управления, он был настолько измучен, что не мог выдавить из себя ни звука. Шильдер, выглядевший чуть ли не Геркулесом, терпеливо ждал, глядя на ученого со снисходительностью сильного человека, пока тот хватал ртом воздух. Он уже давно считал астрофизика чудиком. И теперь слова Лира только подтвердили его предположения.

— Сигналы, посланные гравитационным лучом? Доктор Лир, попрошу не забивать мне голову вашими дурацкими домыслами. Я занят. Точнее, все мы заняты.

Некоторые мысли Лира были занятными. «Генераторы грави-

тации, черные дыры». Он считал, что нужно искать сферы Дайсона — звезды, окруженные искусственной оболочкой. Он говорил, что масса и инерция — это две совершенно разные вещи, что можно найти способ устранить инерцию, и это приведет к тому, что корабли начнут двигаться со скоростью света. Он был мечтателем с широко раскрытыми глазами и, как каждый мечтатель, имел склонность частенько уклоняться от темы.

— Вы не понимаете,— сказал он Шильдеру.— Гравитационное излучение очень трудно перекрыть электромагнитными волнами. А модулированные гравитационные волны очень легко обнаружить. Развитые галактические цивилизации могли бы вступить в контакт именно на гравитационных волнах. Некоторые из них могли бы даже моделировать пульсары — изменяя вращение нейтронных звезд. Кстати, именно из-за этого и провалился проект Оза — искали ведь сигналы только в электромагнитном спектре.

— Хорошо объясняете! — рассмеялся Шильдер.— Допустим, что ваши приятели пользуются нейтронными звездами для пересылки информации. Но как это нас касается?

— Но, извините меня, а это? — Лир протянул ленту из регистратора, оторванную минуту назад.— Я считаю, что мы должны садиться только в том месте, где это было зарегистрировано.

— Но вы же знаете, что мы должны садиться в районе другого моря. Посадочный модуль уже готов и только ждет отправки. Доктор Лир, мы потратили четыре дня на составление подробной карты этого моря. Он плоский. Имеет зелено-бронзовую окраску. Через месяц, когда наступит весна, вы убедитесь, что это мхи и ни что иное.

Лир держал ленту перед собой, как щит.

— Сэр, прошу вас сделать еще хотя бы один оборот.

Шильдер широко улыбнулся и благосклонно кивнул. Может, его убедили синусоиды на ленте, а может и нет. Возможно, он не хотел обижать Лира перед экипажем. Как бы там ни было, во время полета над тем же местом было обнаружено маленькое круглое сооружение. А Лиров указатель масс снова начертил синусоиду.

Инопланетян не было. На протяжении нескольких первых месяцев мы каждую минуту ждали их возвращения. Аппаратура базы работала исправно и без ошибок, работала с таким совершенством, будто ее хозяева вышли на минуту и вот-вот должны вернуться. Сама база походила на высокий, в два этажа противень, перевернутый вверх дном и окон не имела. Наполняющий ее воздух был пригоден для дыхания и напоминал по составу земной на высоте около трех миль, правда, кислорода было немного больше. Атмосфера Марса была более разреженной и ядовитой. Следовательно, они прилетели с какой-то другой планеты.

Стены выглядели грубыми, наклонялись вовнутрь и поддерживались внутренним давлением. Довольно низкий потолок тоже

удерживался давлением воздуха. Внешне потолок, как и стены, казался сделанным из расплавленной марсианской пыли. Оборудование работало, осветители горели красным огнем, внутри поддерживалась постоянная температура в десять градусов Цельсия. Почти неделю мы не могли найти выключателей, скрытых за рифлеными плитками стен. Климатическая установка, пока мы не научились ею управлять, посылала нам порывистые ветры. Из того, что они оставили, мы могли делать выводы и обсуждать их.

Вероятнее всего, они прилетели с планеты немного меньшей, чем Земля, вращающейся на небольшом расстоянии вокруг красного карлика.

Находясь настолько близко, чтобы получать достаточное количество тепла, их планета должна была купаться освещенным полушарием в красном свете и бешенных ветрах, рождающихся на границе дня и ночи. Им, очевидно, было неизвестно желание уединения. Единственными дверями на базе были двери шлюза. Второй этаж отделялся от первого шестиугольной металлической решеткой, так что находящиеся сверху не были скрыты от взглядов пребывавших внизу. Спальня представляла собой натянутый от стены к стене пластмассовый мешок, наполненный ртутью. Все помещения были очень тесными и плотно заставленными аппаратурой и мебелью. Причем стояло все это настолько близко друг к другу, что случись тревога, обитатели станции вынуждены были бы поотбивать себе колени и локти, если таковые у них имелись. Потолки на обоих этажах нависали так низко, что вынуждали нас ходить скрючившись. Инопланетники были ниже людей, но их лавки прекрасно нам подходили. Мыслили они, конечно, иначе — их психика не требовала большого жизненного пространства.

Жить на корабле уже опротивело, а существование на базе пришельцев вызывало постоянное чувство клаустофобии. Иногда искры хватало, чтобы человек перестал собой владеть. Двое из нас не смогли приспособиться к создавшейся ситуации.

Лир и Шильдер были словно выходцы с разных планет. Для Шильдера система была обязательной. Он не принимал во внимание никакие протесты. Именно Шильдер ввел во время долгого перелета многочасовые занятия гимнастикой и никому не позволял их пропускать. А мы даже и не пытались. Ну и отлично. Эти упражнения поддерживали в нас жизнь. Это была не та гимнастика, которой мы все занимаемся при нормальном тяготении, чтобы размять кости. Спустя месяц пребывания на Марсе, Шильдер остался единственным, кто ходил по базе полностью одетым. Некоторые из нас объясняли это его гордостью и, может быть, были правы, но первым, кто расстался со своей рубашкой, был Лир. Шильдер очень аккуратно стирал свои вещи, выжимая их так, чтобы не осталось ни капли воды, а потом равномерно раскладывая их для просушки. На Земле привычки Эндрю Лира были не более, чем чертой характера. Он часто терял носки, предварительно их распоров. Чем-нибудь увлекшись, он откладывал все свои быто-

вые дела на неопределенное время. Помоги боже хозяйке, убиравшей его кабинет! Он никогда не мог ничего найти. Он был гениален, но невыносим. Привычки его могли бы измениться только на виселице, где человек в мельчайших подробностях вспоминает проведенную жизнь. Отправка на Марс могла стать тем, на что он мог бы опереться. Жаль, потому что отсутствие систематичности и аккуратности в космосе может стоить жизни.

В скафандре не больно-то забудешь застегнуть ширинку!

Через месяц после посадки Шильдер поймал Лира именно на этом. «Ширинка» в вакуумном скафандре — это специальная трубка из мягкой резины, надеваемая на член. Трубка ведет к пузырю, снабженному пружинным зажимом. Чтобы воспользоваться приспособлением, нужно открыть зажим. После справления нужды зажим открывается, и открывается наружная защелка, через которую пузырь и опорожняется. Подобная конструкция существует и для женщин, но там применяется катетер, который для мужчин неприемлем. Скажу только, что конструкции еще далеко до совершенства и что нужно еще много работать, чтобы она стала более или менее надежна. Нехорошо, когда половине человечества угрожает лишиться того, ради чего она существует.

Лир совершал долгую прогулку. Глазел на марсианский ландшафт — равнину под фиолетовым небом, над которой постоянно висела дымка оранжевой пыли. Лир нуждался в пространстве. Целый час он провозился с коммуникатором пришельцев в помещении, где потолок был слишком низок, а все остальное грозило задеть его костлявые ребра. Возвращаясь с прогулки, он встретил выходившего Шильдера. Тот обратил внимание, что внешняя застежка «ширинки» открыта. Лир пробыл снаружи несколько часов, и если бы он попробовал помочиться, его ждала бы мгновенная смерть. Мы так и не узнали, о чем они говорили там, снаружи. Так или иначе, Лир ворвался в помещение базы, покраснев до ушей, бормоча что-то себе под нос. Он ни с кем не заговаривал. Психологи НАСА не должны были пускать их вместе на такую маленькую планету. Но должно быть, среди них нашелся чересчур умный специалист. Пусть же это останется на его совести!

Конечно, рассматривались кандидатуры многих таких же знающих астрофизиков, как и Лир, но все они были намного старше. Шильдер же налетал в космосе тысячи часов и был одним из первых людей на Луне. Среди всего остального, пришельцы оставили на станции работающий коммуникатор. Судя по огромным столбам-подпоркам, он дьявольски много весил. Это был огромный механизм, настолько большой, что строители базы, скорее всего, собрали сначала его, а потом уже начали возводить стены. Благодаря этому у Лира было около квадратного метра площади, где он мог свободно стоять, выпрямившись во весь рост.

Но даже он не знал, зачем коммуникатору находиться на втором этаже базы. Этот механизм мог посылать сигналы хоть вниз, сквозь планету. Лир убедился в этом, когда изучал его. Он переда-

вал информацию при помощи азбуки Морзе на Детектор Массы на борту «Персиваля Ловелла», находившегося в это время по другую сторону Марса. Лир установил как-то Детектор Массы рядом с коммуникатором на хорошо закрепленной платформе, не боящейся вибрации. Детектор вычертил волны с настолько острыми вершинами, что некоторым из нас показалось, будто они чувствуют исходящее из механизма гравитационное излучение. Лир был влюблен в этот аппарат. Он не приходил обедать. А если приходил, то пожирал еду, словно оголодавший волк.

— Там, внутри, расположена тяжелая точечная масса,— рассказывал он нам с набитым ртом через два месяца после посадки.— Эту массу заставляет вибрировать электромагнитное поле. Смотрите,— он выдавил из тюбика на стол приправу и начал рисовать пальцем, макая его в пасту. Головы сидящих повернулись в его сторону.— Возникающие гравитационные волны очень слабы, так как масса очень большая и амплитуда почти не отличается от нуля.

— Что это за точечная масса?— спросил кто-то из нас.— Нейтронная материя? Как в ядре звезды?

Лир покачал головой и запихал в рот следующий кусок хлеба.

— Нейтронное вещество такого размера было бы нестабильно. Я бы сказал, что это больше всего похоже на квантовую черную дыру. Хотя как измерить ее массу, я не знаю.

— Квантовая черная дыра?— изумились мы.

Лир с довольной миной кивнул.

— Можно считать, что мне повезло. А ведь я был против полета на Марс, считал, что на такие деньги можно исследовать целую кучу астероидов.— Он встал из-за стола, ударившись головой о потолок, отодвинул поднос и пошел заниматься своими делами.

В тот самый день, как Лир оставил защелку в своем скафандре открытой, Шильдер наложил на него взыскание. Лир ценил одиночество этих прогулок, вот они и кончились. Шильдер представил ему список людей, с которыми он мог выходить наружу— шесть человек, на которых Шильдер мог положиться. Разумеется, это были люди с высокой самодисциплиной, менее всех склонные симпатизировать образу жизни Лира. С таким же успехом он мог попросить самого Шильдера с ним прогуляться. Поэтому он больше никуда не ходил. Теперь мы все хорошо знали, где он находится. Как-то я остановился под ним, наблюдая сквозь решетчатое перекрытие. Он закончил демонтаж защитной оболочки, покрывающей гравитационный генератор. То, что из-под него показалось, напоминало немного кусок компьютера, немного электромагнитную катушку, а квадратная таблица с кнопками могла бы быть инопланетной пишущей машинкой. Лир старался определить порядок подключений, не снимая изоляции с проводов, применяя для этого датчик магнитной индукции.

— Как дела?— спросил я.

— Так себе,— ответил он.— Очень мешает изоляция, а

я боюсь ее снимать. Трудно себе представить, какая огромная энергия течет по этим проводам, так они хорошо экранированы.— Он улыбнулся мне сверху.— Хочешь, кое-что покажу?

Я с готовностью кивнул.

Он переключил что-то над темно-серой круглой панелью.

— Это микрофон. У меня ушло довольно много времени, чтобы его найти.— Затем, отключив микрофон, он оторвал ленту с регистратора Детектора Массы и показал мне на ней плавные синусоиды.— Смотри, это звуки моего голоса, наложенные на гравитационные волны. Они не исчезнут, пока не достигнут края Вселенной.

— Лир, ты говорил в столовой о квантованных черных дырах. Что это все-таки такое?

— Гм-м. Видишь ли, прежде всего, это черная дыра.

— Ясно,— кивнул я. Лир нас просветил еще во время полета.

— Когда не очень массивная звезда исчерпывает ядерное топливо, она сжимается, превращаясь в белого карлика. Звезда величиной с Солнце может сжаться до десяти миль в диаметре и будет состоять из плотно прижатых друг к другу нейтронов — самого плотного вещества во Вселенной. Но гигантские звезды меняются не совсем так. Когда такая звезда состарится, когда царящие у нее внутри давления газов и излучения делаются настолько слабыми, что удержать силы гравитации становится невозможно, звезда начинает проваливаться внутрь себя, пока гравитация не втиснет ее в сферу Шварцшильда и она не исчезнет из нашей Вселенной. Что происходит с ней дальше, нам неизвестно. Сфера Шварцшильда — это граница, сквозь которую не проходит ничто, даже свет. Звезда перестает существовать, но масса ее превращается в дыру в пространстве, являющуюся, возможно, воротами в иную Вселенную. Черную дыру может оставить после себя только сжимающаяся звезда,— говорил нам Лир.— Могут существовать даже целые черные галактики. И никакого другого способа образования черных дыр нет.

— Почему?

— В настоящее время считается, что только умирающие звезды могут дать жизнь черным дырам, но вполне вероятно, что было время, когда черные дыры образовывались в нашем измерении и из других источников. Вполне возможно, что этот процесс происходил во время Большого Взрыва, давшего жизнь нашей Вселенной. Силы, высвободившиеся во время взрыва, могли в некоторых областях втиснуть материю в сферу Шварцшильда. То, что после этого остается, и называется квантованными черными дырами.

И тут я услышал у себя за спиной характерный смешок капитана Шильдера. От Лира его заслонял угол коммуникатора, а я не услышал, как он подошел.

— Нельзя ли поконкретней?— спросил, усмехаясь, Шильдер.— Какие они по размерам, эти ваши черные дыры? В руку ее можно взять, Лир?

— В ней можно пропасть,— ответил Лир.

— Черная дыра с массой Земли имела бы в диаметре один дюйм.

— Нет, я говорю о дырах с массой десять в пятнадцатой грамм, как та, что вполне может находиться в центре Солнца...— начал было астрофизик.

— Э... э... э...— капитан задергался в припадке смеха.

Лир старался, как мог. Он не любил, когда над ним потешались, но не знал, как с этим покончить.

— Взять дыру с массой десять в пятнадцатой грамм и диаметром десять в минус пятнадцатой дюймов,— пояснил он.— В нее бы вошло всего несколько атомов.

— Да? Ну, вот и хорошо. По крайней мере, знаешь, где ее искать. Осталось за ней только сбегать. Ну так как?— Шильдер вопросительно посмотрел на ученого.

Лир, пытаясь не уронить достоинства, кивнул.

— Квантованные черные дыры могут находиться на астероидах. Небольшой астероид легко может притянуть квантованную черную дыру.

— Вот теперь мне все ясно!— осклабился капитан.

— Да. Нам нужно только исследовать астероиды Детектором Массы. Если масса хоть одного астероида окажется больше расчетной, то отбуксировав его в сторону, мы обнаружим оставшуюся на его месте черную дыру.

— Нужно иметь очень маленькие глазки, чтобы разглядеть такую дырочку, мой мальчик,— потешался Шильдер.— И что бы ты с ней делал?

— Ее можно использовать для передачи на гравитационных волнах. Думаю, что здесь,— Лир похлопал по коммуникатору,— как раз находится одна такая.

— Ясно,— протянул Шильдер и отошел, посмеиваясь.

Через неделю никто на базе не называл Лира иначе, как Дырявый. Подразумевалось, что вместо головы у него черная дыра. Это было не особенно смешно, особенно, когда сам Лир узнал об этом. Велико разнообразие Вселенной, но в устах Шильдера рассказ Лира о черной дыре в шкатулке звучал весело и язвительно. Прошу вас понять правильно: Шильдер понимал все, о чем говорил астрофизик. Он отнюдь не был таким придурком, какого перед ним разыгрывал, просто-напросто он считал Лира чудаком. Остальные члены экипажа не могли себе позволить издеваться над ним, не отдавая себе отчета в том, чем он занимается.

Тем временем работа подвигалась вперед.

Поблизости от базы были обнаружены озера марсианской пыли, этого похожего на жидкость вещества, липкого, как масло, глубиной по колено. Бродить по этим озерцам было безопасно, но тяжело, и мы избегали этого. В один из дней Брас бродил по ближайшему озерцу и вдруг начал шарить в пыли руками, пытаясь что-то схватить. Как он потом рассказывал, ему показалось, буд-

то его что-то коснулось. Через минуту он вышел на берег с каким-то предметом, похожим на пластиковый мешок.

Пришельцы устроили там нечто вроде помойной ямы.

Анализ найденных материалов не дал ничего. Они были практически неуничтожаемы. Мы, правда, узнали немного об организме инопланетчиков, обнаружив остатки их пищи. В этих мешках находилось немало химических составляющих протоплазмы, но наш биохимик Аровей не обнаружил там следов ДНК.

— Ничего удивительного,— заметил он.— Должны существовать и другие гигантские органические молекулы, служащие для генетического кодирования.

Пришельцы оставили после себя тонны записей. Мы не могли расшифровать их азбуку, но со всем вниманием относились к фотографиям и рисункам. Многое на них было нам знакомо. Пришельцы исследовали Землю во время первого ледникового периода. Как жаль, что ни один из нас не был антропологом. Мы даже не знали, что самое ценное из всех материалов по нашей планете. Все, что смогли, мы пересняли и отправили на борт корабля. Одно стало ясно — пришельцы покинули базу очень давно, оставив ее на ходу, со включенным коммуникатором, рассылающим гравитационные волны во все стороны.

Для кого? Для нас? Или для кого-то другого?

Имелась альтернатива — база была выключена лет так тысяч шестьдесят, а потом включилась, как только заметила наш корабль, приближающийся к Марсу. Но Лир в это не верил.

— Если бы коммуникатор был выключен, то в нем бы не было этой точечной массы,— говорил он.— Чтобы ее удержать, электромагнитное поле должно действовать непрерывно. Эта масса меньше атома, она бы упала, пронизав всю планету насквозь. Значит, все системы базы вот уже неисчислимые годы работают безотказно! Что же это могло значить? Мы проследили ход кабелей и убедились, что блок питания находится под базой, под несколькими ярдами марсианской поверхности. Дальше этих исследований дело не пошло. Нам очень не хотелось перерезать хотя бы один силовой кабель. Источник энергии, вероятнее всего, был геотермального типа — глубокая шахта, достигающая ядра планеты. Может быть, пришельцы пробили ее для извлечения проб? А потом использовали, как генератор энергии, работающий на разнице температур между ядром и поверхностью.

Лир некоторое время занимался исследованием путей, по которым двигалась энергия внутри коммуникатора. Он раскрыл способ образования несущей волны. Сейчас масса, если только там была какая-то масса, находилась в покое. Детектор вместо синусоиды с острыми вершинами чертил ровную линию. Мы не готовы были пользоваться этим богатством. Наше снаряжение было рассчитано на исследование Марса, а не цивилизации из иной звездной системы. Но Лир был исключением. Он плавал в своей стихии, и лишь одно отравляло ему счастье.

Я услышал голоса, а через миг увидал их.

Кричал Лир.

Шильдер молчал. Через некоторое время он заговорил, заговорил достаточно громко, но не закричал. В его голосе сквозила неприкрытая насмешка. Он стоял, уперев руки в бедра и задрав вверх голову, глядел на Лира, оскалив белые зубы. Они как раз закончили разговор. Мгновение оба не двигались. Потом Лир что-то буркнул, обернувшись к коммуникатору, и нажал одну из клавиш на том, что могло быть пишущей машинкой пришельцев.

На лице Шильдера появилось удивление. Он провел рукой по правому бедру и поднес к лицу окровавленную ладонь. Несколько секунд он ее с недоумением разглядывал, потом посмотрел вверх, на Лира, хотел видимо его о чем-то спросить, но вместо этого медленно осел на пол. Я подбежал к нему, снял с него брюки и перевязал платком кровоточащую рану. Она была небольшая, но тело над ней выглядело как бы разрезанным. Я наклонился к нему, так как Шильдер пытался что-то сказать. Глаза его были широко открыты. Он закашлялся, и на губах у него выступила кровавая пена. Как мы могли ему помочь, понятия не имея, что случилось? На правом плече пострадавшего проступила кровь, и, разорвав рубашку, мы обнаружили там крохотную дырочку.

Прибежал врач, но было уже поздно. Шильдер умер. Вскрытие показало, что раны на бедре и плече соединены тонким сквозным каналом, проходящим сквозь легкое, желудок и кишечник, а также берцовую кость. Я бросился к коммуникатору и, ползая под ним по полу, нашел то, что искал — маленькое отверстие, забившееся пылью.

— Я совершил ошибку,— ответил на наши вопросы Лир.— Мне не следовало даже трогать ту машинку. Это пульт управления электромагнитным полем, удерживавшем на месте эту массу. Как только поле исчезло, она просто-напросто упала. А капитан случайно оказался на ее пути. Она прошла сквозь него навылет, не задержавшись ни на мгновение. Допустим, что ее масса была десять в пятнадцатой грамм, отсюда следует, что ее диаметр может быть равен десять в минус шестой ангстремам, что немного меньше диаметра атома. Сама по себе квантованная черная дырочка не могла причинить много неприятностей. Все дело в силах тяготения, вызванных ее движением. Ничего удивительного нет в том, что убийца нашел жертву

— Убийство?— Лир пожал плечами.— Шильдер, да и вы все не верили, что там черная дыра.— Он засмеялся.— Можете вы себе представить, что это был бы за процесс? Представьте себе прокурора, пытающегося объяснить присяжным, что такое квантованная черная дыра. Потом он должен будет объяснить, для чего она, и что она свободно может пронзить всю толщу Марса! И потом, наконец, ему придется растолковать, как это что-то, меньшее, чем атом, могло причинить этакие неприятности!

— Неужели ты не понимал, как это опасно? Разве он не знал, с какой огромной массой имеет дело?— спрашивали мы его.

Но астрофизик только разводил руками.

— Господа,— говорил он.— Тут в дело вступает больше переменных, чем одна только масса. К примеру, напряжение поля. Можно было бы оценить массу дыры, исходя из силы, необходимой для удержания ее внутри коммуникатора, но кто из вас склонен допустить, что пришельцы калибровали свои шкалы в метрической системе?

— Должны же быть какие-то предохранители на случай отключения поля?— спрашивали мы его.

Лир только разводил руками и говорил, что видимо он их нечаянно отключил.

— Наверное, это произошло случайно,— повторял он, манипулируя клавишами коммуникатора.— Может быть, нам удастся вернуть ее назад?

Но ничего сделать не удалось. Это происшествие оказалось необратимым. Нельзя было надеяться на присяжных, которых прокурору наверняка не убедить. Ведь говорить об истинных причинах случившегося было бы просто смешно.

Я бы мог повторить последние слова Шильдера, если бы меня попросили, но мог и не говорить...

В конце концов я только сказал Лиру:

— Все к черту! Нам не выйти целыми из этой аферы. Кстати, что же ты теперь будешь исследовать? Единственная черная дыра во Вселенной, и ты ее потерял!

Лир нахмурился.

— Ты прав, но только отчасти. Я уже узнал о ней все, что хотел. Я замерил колебания, пока она была еще там, потом измерил массу всего прибора Детектором Массы. Теперь, когда ее уже нет, я легко могу определить ее массу, замерив массу пустого коммуникатора. И сейчас уже можно, раскрыв аппарат, посмотреть, что там находится внутри, узнать, как ею, этой дырой, управляли. Проклятье, как бы мне хотелось снова стать шестилетним мальчишкой!

— Что такое? Зачем?

— Понимаешь ли... Мне не хватает времени, чтобы увидеть все последствия этого поступка. Математика не самый лучший инструмент для этого. Через несколько лет между Землей и Юпитером образуется черная дыра. Она будет большой, и ее не составит труда исследовать. Я думаю, это может произойти лет через сорок.

Когда я понял, о чем он говорит, то не знал, смеяться мне или плакать.

— Лир, но она такая маленькая!

— Вспомни, что она поглощает все, что к ней приблизится. Ядро здесь, электрон там... она не ждет, пока атомы сами упадут в нее. Гравитация, излучаемая ею, огромна, и она мечется внутри планеты, каждый раз пронзая ее ядро и поглощая материю. Чем больше она сожрет, тем больше становится. С течением времени ее масса все растет. В конце концов она поглотит Марс. И будет

иметь к тому времени диаметр чуть меньше миллиметра. Этого будет достаточно, чтобы подробно ее исследовать.

— А это не может произойти на протяжении тринадцати месяцев?

— До нашего отлета? Гм-м...— взгляд Лира стал рассеянным.— Не знаю. Я должен буду над этим еще подумать. Математика для этого не самый лучший инструмент...

В ТРАУРНОМ ОБРАМЛЕНИИ

Во входной камере виднелась только одна фигура, несмотря на то, что камера была грузовая, достаточно просторная, чтобы вместить обоих. Очевидно, это был Карвер Раппопорт, худой, с выцветшими волосами. Густая борода закрывала половину лица. Он дождался, пока подадут трап, а потом начал спускаться. Тернболл, ждавший внизу, с трудом сдерживал нарастающую тревогу. Что-то не так. Он это понял уже в тот самый момент, когда услышал, что приземляется «Впередсмотрящий». Корабль уже несколько часов должен был находиться в Солнечной системе. Почему же он молчал? И где Уолл Кэймон? Возвращавшиеся космонавты обычно быстро сбегают по трапу, горя нетерпением снова коснуться старого верного бетона. Раппопорт спускался медленно и размеренно. Борода его при более близком рассмотрении оказалась неухоженной и всклокоченной. Он сошел на взлетное поле, и Тернболл увидел, что черты лица у него такие же застывшие, как бетон космодрома. Раппопорт прошел мимо него, как мимо пустого места. Тернболл побежал следом, пытаясь не отставать. Вид у него был дурацкий, да и чувствовал он себя при этом преглупо. Раппопорт на целую голову превосходил его ростом, и чтобы не отстать от него, Тернболлу приходилось почти бежать. Силясь перекричать гул космодрома, Тернболл проорал:

— Раппопорт, где Кэймон?

Раппопорту тоже пришлось повысить голос.

— Он мертв.

— Мертв? Неужели корабль? Раппопорт, его убил корабль?

— Нет.

— Тогда что же? Его тело на борту?

— Тернболл, мне не хочется об этом говорить. Нет, тело его не на борту. Его...— Раппопорт прижал ладони к глазам, словно от ужасной головной боли.— Его могила,— отчеканил он, подчеркивая каждый слог,— находится в отличном черном обрамлении. И не будем больше говорить об этом.

Но, разумеется, исполнить это желание не было никакой возможности.

На краю поля к ним присоединились двое сотрудников из службы безопасности.

— Задержите его!— приказал Тернболл.

Агенты взяли Раппопорта под руки, и тот, остановившись, повернулся.

— Вы что, забыли, что при мне смертельная капсула?

— При чем это здесь? — какой-то миг они действительно не понимали, что он имеет в виду.

— Малейшее вмешательство — и я ей воспользуюсь, поймите, Тернболл. Мне теперь все равно. С проектом «Впередсмотрящий» покончено. Не знаю, куда мне теперь податься. Лучшее, что мы можем сделать — это взорвать корабль и оставаться в родной Солнечной системе.

— Вы что, с ума сошли? Что у вас там произошло? Вы... встретили инопланетян?

— Объяснений не будет. Хотя на один ваш вопрос я все же отвечу. Инопланетян мы не встретили. А теперь велите этим своим клоунам убираться.

Тернболл понял, что Раппопорт не блефует. Он готов совершить самоубийство. Тернболл, будучи прирожденным политиком, взвесил шансы и рискнул.

— Если вы в течение двадцати четырех часов не решите обо всем рассказать, то мы вас отпустим, обещаю. А пока мы вас здесь задержим, и если понадобится — насильно. Только ради того, чтобы дать вам возможность переменить намерения.

Раппопорт задумался. Сотрудники службы безопасности по-прежнему держали его за руки, но теперь уже осторожно, стараясь держаться от него подальше на случай, если произойдет взрыв его личной бомбы.

— Похоже, это справедливо,— сказал он наконец,— если только вы честно сдержите свое обещание. Да, я могу подождать двадцать четыре часа.

— Ну, вот и хорошо.— Тернболл повернулся, словно намереваясь двинуться обратно в свой кабинет. На самом же деле он просто смотрел. Нос «Впередсмотрящего» был ярко-красен, а хвостовая часть уже сверкала белизной. Техники начали во все стороны разбегаться от корабля. Корпус первого сверхсветовика дрогнул и начал медленно оседать. Расплавленный металл образовал под ним все разрастающуюся, брызжущую искрами лужу.

Все началось около ста лет тому назад, когда Солнечную систему стали покидать первые корабли-автоматы. Межзвездные роботы-разведчики могли почти весь полет совершать с околосветовой скоростью благодаря коническому электромагнитному полю диаметром в 200 миль, применявшемуся для сбора водородного топлива из межзвездного пространства. Однако ни одного человека не было на таких кораблях, да и не могло быть — магнитное поле ужасно действовало на высшие организмы. Каждый корабль-робот был запрограммирован так, что выходил на связь с Землей только в том случае, если обнаруживал обитаемые планеты у звезды, к которой направлялся. Выслано было двадцать шесть разведчиков, но пока что отозвались только три.

Все началось лет двенадцать тому назад, когда некий знаменитый математик разработал теорию гиперпространства, окружающего обычное эйнштейново четырехмерное пространство. Сделал

он это в свое свободное время. Он смотрел на гиперпространство, как на игрушку, как на забавный пример чистой математики. А разве чистая математика была когда-нибудь чем-то кроме чистой забавы?

Все началось десять лет тому назад, когда брат Эргстрема (так звали этого веселого математика) Карл продемонстрировал реальность вселенной-игрушки Эргстрема опытным путем. Не прошло и месяца, как ООН выделила средства на «Проект Впередсмотрящий», во главе которого поставила Уинстона Тернболла, и основала училище для космонавтов, которым предназначено было летать на сверхсветовиках. Из множества претендентов отобрали десять «гипернавтов». Двое из них были уроженцами Пояса Астероидов. Все были опытными космонавтами. Тренировка их продолжалась все восемь лет, пока сооружался звездолет.

Все началось год и один месяц тому назад, когда двое взошли на борт роскошно обустроенного корабля «Впередсмотрящий», вывели его в сопровождении почетного эскорта за орбиту Нептуна и исчезли. Вернулся один.

Лицо Тернболла казалось таким же окаменевшим, как и лицо Раппопорта. Он смотрел, как плавится и растекается, словно ртуть, плод его упорного труда в течение последних десяти лет. И хотя весь он был охвачен бешенством, мысли его продолжали работать. Частица его, хоть и небольшая, мучительно размышляла, каким образом ему объяснить потерю десяти миллиардов долларов, в которые обошелся корабль. Остальная часть мозга продолжала просматривать все, что можно было припомнить о Карвере Джеффри Раппопорте и Уильяме Кэймоне.

Тернболл прошел в свой кабинет и направился прямо к книжной полке, уверенный, что Раппопорт следует за ним. Он снял с полки обтянутый кожей том, повозился немного с переплетом и наполнил два бумажных стаканчика янтарной жидкостью. Это был портвейн, и к тому же холодный, как лед.

Раппопорту уже доводилось видеть эту книжную полку, однако, когда он брал один из стаканов, вид у него был несколько растерянный.

— Не думал я, что когда-нибудь опять смогу чем-либо восхищаться.

— Вы о портвейне?

Раппопорт, не ответив, сделал большой глоток.

— Это вы уничтожили корабль?

— Да. Я включил автоматику так, чтобы он только расплавился. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь пострадал.

— Похвально. А сверхсветовой привод? Вы оставили его на орбите?

— Я жестко посадил его на поверхность Луны. Думаю, что теперь проку от него мало. Он уничтожен!

— Великолепно! Ну просто нет слов! Карвер, на постройку этого корабля ушло десять миллиардов долларов. Теперь, я пола-

гаю, мы можем воспроизвести его всего за четыре, так что уже не понадобятся многие необязательные этапы. Однако вы...

— Идите вы к черту! — Космонавт принялся вертеть в руках стаканчик, глядя на образующийся там миниатюрный водоворот. Теперь он был килограммов на десять легче, чем год назад.— Вы соорудите еще один «Впередсмотрящий» и предпримете еще один грандиозный шаг в ложном направлении. Вы были неправы, Тернболл. Это не наша Вселенная. Нам там нечего делать.

— Это наша Вселенная! — убежденным тоном политика произнес Терболл. Он чувствовал необходимость затеять спор, только так Раппопорта можно было заставить говорить. Но уверенность его осталась, как и всегда, непоколебимой.— Это Вселенная человечества, готовая, чтобы ее покорили!

Во взгляде Раппопорта проскользнула неприкрытая жалость.

— Тернболл, вы не верите моим словам? Это не наша Вселенная, и она не стоит того, чтобы быть нашей. Все, что в ней есть...— он осекся и отвернулся от Тернболла.

Выждав секунд десять, Тернболл спросил:

— Кэймона убили вы?

— Убил Стенку? Да вы, похоже, рехнулись!

— Но вы могли его спасти?

Раппопорт чуть не окаменел.

— Нет,— сказал он наконец, а потом повторил еще раз:— Нет. Я пытался заставить его пошевеливаться, но он... Перестаньте! Прекратите надо мной издеваться! Я могу уйти в любую минуту, и вы не сможете меня остановить.

— Поздно. Вы разбудили мое любопытство. Что вы там говорили о черной кайме вокруг могилы Кэймона?

Раппопорт не удостоил его ответа.

— Карвер,— продолжал Тернболл,— вы, похоже, считаете, что ООН вам так просто поверит на слово и прекратит осуществление проекта «Впередсмотрящий». Об этом даже молиться нечего, вероятность равна нулю. В прошлом веке мы израсходовали на корабли-роботы десятки миллиардов долларов, а теперь можем соорудить еще один «Впередсмотрящий» всего за четыре. Единственный способ воспрепятствовать этому — открыто рассказать Объединенным Нациям, почему не следует этого делать.

Раппопорт молчал, и Тернболл не нарушал его молчания. Он смотрел, как догорает в пепельнице недокуренная сигарета Раппопорта, оставляя после себя полоску обугленной влажной бумаги. Так непохоже было на прежнего Карвера Раппопорта — оставлять непотушенную сигарету, ходить с нестриженной бородой и неряшливой прической. Он всегда бывал чисто выбрит, а по вечерам до блеска начищал ботинки, причем даже будучи в стельку пьяным.

Не мог ли он убить Кэймона из-за какой-то небрежности, а потом опуститься, потеряв к себе уважение? В те дни, когда требовалось восемь месяцев, чтобы достигнуть Марса, случались всякие неожиданности. Нет, Раппопорт не совершал убийства. Тернболл

побился бы об заклад на что угодно, что это не убийство. Да и Кэймон одолел бы в любом честном поединке. Не зря журналисты прозвали его Стенкой.

— Вы правы. С чего начать?

Тернболл резко очнулся, оборвав отвлеченные размышления.

— С самого начала. С того момента, как вы вошли в гиперпространство.

— Особых хлопот у нас там не было. Вот только окна. Не нужно было оборудовать «Впередсмотрящий» окнами.

— Почему? Что вы увидели?

— Ничего.

— Так почему же?

— Вы не пробовали найти свое слепое пятно? Поставьте на листе бумаги две точки на расстоянии примерно дюйма друг от друга и, закрыв один глаз, смотрите внимательно на одну из точек. Потом медленно подносите бумагу к лицу. Наступит такой момент, когда одна из точек исчезнет. Глядеть в окно «Впередсмотрящего» — то же самое, только слепое пятно расширяется до величины в два квадратных фута со скругленными углами.

— Как я полагаю, вы их прикрыли.

— Разумеется. Можете мне не верить, но нам трудно было отыскать окна, как только они становились невидимыми. Мы закрыли их одеялами, а потом часто ловили друг друга на том, что подглядываем под них. Стенку это беспокоило больше, чем меня. Мы бы могли закончить полет за пять месяцев вместо шести, но вынуждены были регулярно выходить из подпространства, чтобы оглядеться.

— Только чтобы удостовериться, что Вселенная еще существует.

— Точно.

— Но вы все-таки достигли Сириуса.

— Да. Мы достигли Сириуса.

Робот-разведчик номер шесть отозвался от Сириуса-Б около полувека тому назад. Звезды Сирианской системы совсем не то место, где следовало бы искать обитаемые планеты, так как обе звезды являются бело-голубыми гигантами. Тем не менее разведчики программировались таким образом, чтобы проверять избыточное ультрафиолетовое излучение. Сириус-Б стоил более тщательного изучения.

Когда корабль вышел из гиперпространства, Сириус превратился в две ярких звезды. Он повернулся заостренным носом к более слабой звезде и оставался неподвижным в течение двадцати минут. Потом снова тронулся в путь.

Теперь Сириус-Б выглядел раскаленным огненным шаром. Корабль начал медленно покачиваться, готовясь к развороту, словно принюхивающаяся к ветру гончая.

— Мы нашли четыре планеты,— продолжал Раппопорт.— Возможно, их больше, но мы не стали искать дальше. Номер че-

тыре был как раз та планета, которая нам нужна, покрытая тучами сфера величиной с Марс, без спутника. Потом мы, немного выждав, устроили празднество.

— Шампанское?

— Ха-ха! Сигары и алкогольные пилюли. А Стенка сбрил свою грязную бороду. Господи, как мы были рады тому, что снова в обычном космосе. Под конец пути нам уже казалось, что слепые пятна разбросаны по краю всех одеял на окнах. Мы выкурили по сигаре, проглотили по несколько пилюль и принялись похваляться знакомыми девками. Не скажу, чтобы мы это делали в первый раз. Потом мы проспались и снова принялись за работу...

Облака закрывали планету почти сплошь. Раппопорт тихонько передвигал телескоп, пытаясь отыскать прореху в тучах. Он нашел несколько окон, но не настолько крупных, чтобы сквозь них можно было что-либо увидеть.

— Попробую в инфракрасном,— сказал он.

— Лучше бы совершить посадку,— раздраженно отозвался Стенка. В последнее время он был постоянно не в духе.— Не терпится взяться за работу.

— А я хочу убедиться, что у нас будет место для посадки. В обязанности Карвера входило все, касающееся корабля. Он был пилотом, астронавигатором, бортинженером и всем остальным, кроме повара. Поваром был Стенка. Кроме того, он же был геологом, астрофизиком, химиком и биологом, то есть, теоретически, специалистом по обитаемым планетам. За плечами у каждого из них было девять лет подготовки по своим специальностям, а кроме того, каждый прошел некоторую подготовку, чтобы дублировать другого. Однако в обоих случаях подготовка основывалась большей частью на предположениях.

Как только Карвер переключил телескоп на инфракрасную часть спектра, картина на его экранах приняла четкие очертания. Планета не была уже диском, лишенным всяких черт.

— Где же теперь вода?— спросил он.

— Вода ярче на ночной стороне и темнее на дневной. Понятно?— Стенка заглядывал ему через плечо.— Похоже, суша занимает здесь около сорока процентов. Карвер, возможно, ультрафиолетовое излучение проходит сквозь эти тучи в достаточной степени, чтобы там, внизу, могли жить люди.

— Да кому захочется там жить? Звезд не видно?— Карвер повернул рукоятку, прибавляя увеличение.

— Останови вот здесь, Карв. Погляди-ка... По краю материка тянется белая линия.

— Высохшая соль?

— Нет. Она теплее окружающего, и она равно яркая на дневной и ночной стороне.

— Я сейчас сделаю так, чтобы можно было разглядеть получше.

«Впередсмотрящий» кружил на орбите радиусом около трехсот миль. Теперь материк с «горячей» каемкой почти полностью был

в тени. Из трех сверхматериков только на одном вдоль берега была видна в инфракрасном свете белая линия. Стенка не отходил от окна, глядя вниз. Раппопорту он казался какой-то огромной обезьяной.

— Мы можем произвести скользящее снижение?

— На этом-то корабле? «Впередсмотрящий» разлетелся бы на части, как небольшой метеорит. Мы должны полностью затормозить за пределами атмосферы. Давай, пристегивайся. Кэймон подчинился. Карвер внимательно проследил, как он это делает, после чего перешел к следующему этапу и отключил двигатели. «Я бы очень был рад поскорее выйти наружу,— подумал он.— Похоже, мы со Стенкой начинаем чувствовать ненависть друг к другу». Он едва не заскрипел зубами от того, что Кэймон застегнул ремни очень небрежно, почти бездумно. Он это отлично сознавал. Кэймон считает его щепетильным сверх всякой меры. Подключился ядерный привод, установив ускорение свободного падения. Карвер развернул корабль. Внизу была видна только ночная сторона, из-под пелены облаков пробивалось слабое голубое свечение Сириуса-А. Потом на самом краю линии терминатора показалось огромное отверстие в облаках, и Карвер направил корабль прямо к ней.

Внизу показались горы и долины, широкая река... Мимо пролетали клочья облаков, затрудняя видимость. Вдруг в поле зрения появилась черная линия, извивающаяся полоса, будто проведенная тушью, а за ней — океан.

Океан показался лишь на одно мгновение, потом отверстие в тучах пропало. Океан был изумрудно-зеленого цвета. Голос Стенки был сдавлен от ужаса.

— Карв, в этой воде есть жизнь.

— Ты уверен?

— Нет. Это могут быть соли меди или еще что-нибудь подобное. Карв, нам надо опуститься именно туда!

— О, подожди своей очереди. Ты заметил, что эта твоя горячая каемка имеет в видимом свете черную окраску?

— Ага. Но я не могу этого объяснить. Не вернуться ли нам к ней после того, как ты затормозишь корабль?

— Пока мы туда вернемся, на всем этом материке уже наступит ночь. Давай лучше потратим несколько часов, чтобы взглянуть на этот зеленый океан.

«Впередсмотрящий» опускался кормой вниз, словно огромный, осторожный краб. Один за другим корабль проглатывали слои облаков, не оставляя следа, и вокруг наступила тишина. Ключевым, определяющим словом для характеристики этой планеты было «безлунная». У планеты Сириуса-Б не было достаточно крупной Луны, которая бы могла сорвать с нее большую часть атмосферы. Давление воздуха на уровне моря должно было быть вполне сносным, но только вследствии того, что у планеты недоставало массы удерживать слишком плотную атмосферу. Та же небольшая сила тяжести была причиной куда меньшего градиента атмосферного давления, поэтому ее атмосфера простиралась на

втрое большую высоту, чем атмосфера Земли. Слои облачности заполняли ее от самой поверхности до высоты ста тридцати километров. «Впередсмотрящий» приземлился на широком пляже западного побережья самого маленького материка. Первым вышел Стенка, потом Карв опустил металлический предмет, столь же длинный, как и он сам. На них были легкие скафандры. Минут двадцать Карв ничего не делал, покуда Стенка открывал опущенный на грунт длинный ящик и устанавливал заботливо упакованные приборы в соответствующих пазах и выемках. Наконец Стенка выразительнейшим жестом просигналил снимать шлем. Карвер подождал несколько секунд; за шлемом тем временем последовал скафандр.

— Ты что, ждешь, что я упаду замертво? — засмеялся Стенка.

— Лучше уж ты, чем я,— Карвер потянул носом воздух. Тот был холодным и сырым, однако несколько разреженным.— Пахнет недурно. Нет... Совсем не так. Запах такой, будто что-то гниет.

— Значит, я прав. Здесь есть жизнь. Давай спустимся на пляж. Небо выглядело, словно во время неистовой грозы. Время от времени оно озарялось ярко-синими сполохами, которые были, возможно, молниями. К ним прибавлялись пятна дневного света, проникавшего сквозь толстые слои туч. При этом пламенном освещении Карв со Стенкой сняли защитные комбинезоны и спустились поглядеть на океан. Они брели, шаркая ногами из-за небольшой силы тяжести.

В океане было полным-полно водорослей. Они пенились зеленым пузырчатым покрывалом на поверхности воды, вздымающимся и опускавшимся под влиянием пробегавших под ним крошечных волн, словно дышавшем. Запах гниющих растений здесь был не сильнее, чем в четверти мили от воды. По-видимому, вся планета пропиталась этим запахом. Прибрежный грунт представлял собой смесь песка и зеленой накипи и был настолько тучным, что хоть сейчас расти на нем урожай.

— Самое время мне поработать,— сказал Стенка.— Может, сходишь, принесешь мне кое-что? Может, позже. Сейчас мне в голову пришла мысль получше. Давай, отдохнем часок-другой друг от друга.

— Блестящая мысль. Только возьми оружие.

— Сражаться со взбунтовавшимися водорослями?

— Возьми оружие!

Карв вернулся по истечении часа. Все вокруг было убийственно однообразным. Под зеленым покрывалом накипи стояла вода глубиной в шесть дюймов. Еще здесь был песок с примесью глины, еще дальше — сухой песок. А за пляжем тянулись отвесные белые утесы, сглаженные бесчисленными дождями. Мишени для лазерного резака он не обнаружил. Стенка, завидев своего пилота, оторвался от бинокулярного микроскопа и ухмыльнулся. Выбросив пустую пачку от сигарет, он почти добродушно произнес:

— А наземные растения пусть тебя не беспокоят!

Карв встал с ним рядом.

— Что нового?

— Это водоросли. Я пока не придумал названия этому виду, но особой разницы между ними и земными водорослями нет, если не считать, что все это одна и та же разновидность.

— Это необычно,— Карв с удивлением принялся разглядывать напарника. Теперь он увидел Стенку с совершенно иной стороны. На борту корабля тот был неуклюж до такой степени, что мог представлять опасность, по крайней мере, в глазах уроженца Пояса Астероидов, каковым был Карв. Но теперь он был поглощен работой. Небольшие его приборчики аккуратными рядками стояли на портативных подставках. Приборы помассивнее находились на штативах, причем ножки их были отрегулированы так, что все они располагались строго горизонтально. С бинокулярным микроскопом Стенка обращался столь бережно, будто тот мог рассыпаться.

— Именно так,— ответил Стенка.— Среди их нитей не копошатся никакие микроскопические животные. Нет никаких вариаций структуры. Я брал пробы с глубин вплоть до двух метров. Все, что мне удалось обнаружить — это одна и та же водоросль. Но во всех остальных отношениях — я даже проверял содержание белков и углеводов — она съедобна. Мы проделали весь этот путь только для того, чтобы найти прудовую ряску!

Следующую посадку они совершили на острове в пятидесяти милях к югу. На этот раз Карв помогал собирать оборудование, и они управились гораздо быстрее, однако оба оставались замкнуты. Шесть месяцев, проведенных в двух крохотных помещениях, не способствуют хорошему настроению. Карв опять молча наблюдал, как производит Стенка свои замеры, стоя от него метрах в пятидесяти. Ему было приятно чувствовать, что вокруг столько свободного пространства и можно не замечать обкусанных ногтей и уже двое суток небритой щетины Стенки.

Ну что ж, Стенка вырос на Земле. Всю его жизнь у него в распоряжении была целая планета, которую можно было загаживать, как угодно, а не перенаселенный воздушный купол или тесная кабина корабля. Ни один из живущих на планетах не мог похвастаться настоящей аккуратностью.

— Та же история! — воскликнул Стенка.

— А уровень радиации ты измерил?

— Нет. Зачем?

— Эта большая атмосфера должна экранировать большую часть гамма-лучей. А это значит, что твоя водоросль не может подвергаться мутациям, если только нет естественной радиации от почвы.

— Карв, она должна была видоизменяться. Иначе ей было бы не принять своей нынешней формы. Каким образом могли повымирать все ее остальные сородичи?

— Это твоя область.

Чуть позже Стенка заметил:

— Нигде не могу найти сколько-нибудь существенной радиации. Ты был прав, но это ничего не объясняет.

— Значит, нужно еще куда-нибудь переместиться?

— Да.

Они опустились посреди океана, и когда корабль повис над поверхностью воды, Карв вышел в шлюз со стеклянным ведром.

— Здесь она толщиной в добрую треть метра,— сообщил он.— Диснейленд тут не построить. Не думаю, что мне бы хотелось тут обосноваться.

Стенка только вздохнул, соглашаясь.

Зеленая накипь плескалась о сверкающий металлический борт «Впередсмотрящего» всего в двух метрах пониже шлюза.

— Многие планеты, должно быть, похожи на эту,— сказал Карв.— Пригодны для обитания, только кому они нужны?

— А я бы хотел быть первым человеком, основавшим звездную колонию.

— И вписать свое имя в магнитозаписи новостей и учебники истории...

— И чтобы мое незабываемое лицо было на всех телеэкранах в Солнечной системе. А скажи, коллега по полету, если ты так терпеть не можешь известность, то зачем столь ревностно подстригаешь свою вандейковскую бородку?

— Виноват. Мне нравится известность. Но далеко не столь сильно, как тебе.

— Ну что ж, может быть, нас еще будут чтить, как героев. За что-нибудь покрупнее просто новой колонии.

— Что же может быть покрупнее?

— Посади корабль на сушу и тогда, может быть, я тебе и скажу.

На обломке скалы, достаточно большом, чтобы его можно было назвать островом, Стенка раскинул свое оборудование в последний раз. Он вновь проверил содержание питательных веществ в образцах, набранных Карвом в ведро посреди океана.

Карв стоял на почтительном удалении от него, наблюдая загадочные перемещения облаков. Самые высокие двигались по небу с огромной скоростью, кружась и изменяясь за минуты, а то и секунды. Полуденный свет был слабым, жемчужного оттенка. Вне всяких сомнений, на Сириусе-Б4 было потрясающее небо.

— Ладно, я готов,— сказал Стенка и выпрямился.— Это вещество не просто съедобно. Как я полагаю, вкус у него такой же, как у тех пищевых добавок, что были в ходу на Земле до того, как законы по ограничению прироста населения не снизили его до приемлемого уровня. И я намерен тотчас попробовать его.

Последняя фраза ударила Карвера будто электрическим током. Он побежал еще прежде, нежели Стенка ее закончил, однако раньше, чем он успел добежать, его свихнувшийся товарищ положил в рот добрую горсть зеленой пены, прожевал ее и проглотил.

— Недурно,— пробормотал он через мгновение.

— Ты болван! — крикнул впопыхах Карвер.

— Успокойся! Я знал, что это безопасно. У этого вещества

привкус сыра. Оно, я думаю, может быстро надоесть, но это справедливо для чего угодно.

— И что ты этим намерен доказать?

— Что эта водоросль была создана для употребления в пищу генными инженерами. Карв, мне кажется, мы приземлились на чьей-то ферме.

Карвер грузно опустился на выбеленную дождями скалу.

— Расшифруй то, что сказал,— попросил он, чувствуя, что голос у него хриплый.

— Изволь. Предположим, существует цивилизация, располагающая дешевым и быстрым межзвездным транспортом. Большая часть пригодных для обитания планет, которые она обнаружит, будут стерильны, не так ли? Я имею в виду, что зарождение жизни может происходить далеко не всегда.

— У нас нет ни малейшего представления, закономерно зарождение жизни или нет.

— Вот именно. Предположим, кто-то обнаруживает эту планету, Сириус-Б4, и решает, что из нее получится прекрасная планета-ферма. Ни на что другое она не пригодна, главным образом, из-за переменного освещения, зато если бросить в океан специально выведенный сорт водоросли, из нее получится прекрасная небольшая ферма. Через десять лет здесь появляются океаны водоросли, которую можно отсюда спокойно вывозить. Позже, если бы они решили колонизировать эту планету по-настоящему, они могли бы выгружать водоросли на сушу и использовать, как удобрение. А самое лучшее это то, что она не меняется. По крайней мере, здесь!

Карв потряс головой, словно пытаясь прояснить мысли.

— Ты чересчур долго пробыл в космосе.

— Карв, это растение, скорее всего, выращено искусственно. Наподобие красного грейпфрута. Если это не так, то не скажешь ли, куда подевались все его ближайшие родичи? А может, их выбросили из бака, где они выращивались вместе с этой водорослью, потому что они были недостаточно хороши?

С моря накатывались низкие волны, приплюснутые покрывалом зеленой пены со вкусом сыра.

— Ладно,— кивнул Карвер.— А как опровергнуть эту гипотезу?

— Опровергнуть?— растерянно переспросил Стенка.— А почему мы должны ее опровергать?

— Забудь на минутку о славе. Если ты прав, то мы забрели в чьи-то владения, ничего не зная об их хозяине. Кроме того, что у него есть дешевый, как грязь, межзвездный транспорт, а это делает его очень серьезным противником. К тому же мы заразили бактериями со своих тел чистую культуру съедобной водоросли. Как нам отвертеться, коли он внезапно нагрянет?

— Я об этом как-то не подумал.

— Надо нам закругляться и бегом драпать отсюда. Вряд ли эта планета на что-то годится.

— Нет-нет, мы не можем этого сделать.
— Почему?
Ответ сверкнул у Стенки в глазах.

Тернболл слушал исповедь Раппопорта, сидя за своим столом, подперши рукой подбородок, и перебил его в первый раз за все время.
— Хороший вопрос. Я бы тоже тот же час сматывался с этой планеты.
— Только не после шести месяцев, проведенных в двухкомнатной камере. Слова Стенки не так уж сильно на меня подействовали. Мне кажется, я бы отправился назад, будь я уверен в его правоте и будь я в силах уговорить его. Но я, разумеется, не смог. Одной мысли о возвращении оказывалось достаточно, чтобы Стенка начал трястись. Я полагаю, что мог бы его двинуть по голове, когда настало бы время вылетать. На всякий случай у нас на борту имелись средства для гибернации.
Он замолчал. Тернболл, как обычно, терпеливо ждал продолжения.
— Но ведь в таком случае я оказался бы в полном одиночестве.— Раппопорт осушил второй стакан и поднялся, чтобы наполнить третий. Портвейн на него, казалось, не влиял.— Вот так и стояли мы на скалистом берегу, оба боясь покинуть планету и оба боясь оставаться на ней...

Стенка вдруг встал и принялся складывать свои приборы.
— Мы не можем этого опровергнуть, но можем достаточно легко это доказать. Владельцы обязательно должны были оставить здесь какие-то материальные следы своей деятельности. Если мы находим хоть что-нибудь, то сразу же улетаем. Обещаю. Слишком большая площадь для поисков. Будь у нас довольно здравого смысла, мы убрались бы прямо сейчас.
— Ты опять за свое? Все, что нам сейчас надо сделать — это найти зонд корабля-робота. Если кто-нибудь наблюдает за этим местом, он обязательно должен был заметить его появление. В таком случае, вокруг него должно остаться много следов.
— А если нет никаких следов? Разве в этом случае можно сказать, что планета ничья?
Стенка со щелчком закрыл ящик со своими приборами, потом выпрямился. Вид у него был очень удивленный.
— Я только что кое о чем подумал.
— Не надо, не надо.
— Нет, это совершенно реальная штука, Карв. Владельцы, должно быть, бросили эту планету давным-давно.
— Почему?
— Похоже, прошли уже тысячи лет с тех пор, как здесь стало довольно водорослей, чтобы использовать их для снабжения пищей. Появившись здесь, мы должны были увидеть приземляющиеся или взлетающие звездолеты. Кроме того, они основали бы здесь свою колонию, будь они намерены экспортировать отсюда

водоросли. Но здесь ничего подобного нет. Планета не располагает ничем, что оправдывало бы житье на ней, к тому же эти океаны, как суп с вездесущим запахом гнили.

— Что ж, в этом есть определенный смысл.

— И вот еще одно — эта черная кайма. Должно быть, это испорченные водоросли. А может быть, сухопутная разновидность. Именно поэтому она не распространилась по всем материкам Если бы владельцы были заинтересованы в использовании планеты, ее нужно было бы убирать.

— Ну что ж, хорошо. Подымай приборы и залезай внутрь.

— Что?

— Наконец-то ты сказал нечто такое, что мы можем переварить. Сейчас на восточном побережье должен быть день. Давай поднимемся на борт.

Они вышли за пределы атмосферы. Над горизонтом сияло маленькое, ослепительно-белое Солнце. С другой стороны виднелся очень яркой светящейся точкой Сириус-А. Внизу, там, где взор проникал сквозь пробелы в облаках до самой поверхности, вдоль извилистой береговой линии самого большого на планете Сириус-Б4 материка тянулась тонкая, как волос, черная линия. Серебряная нить самой крупной реки оканчивалась разветвленной дельтой, выглядевшей как черный треугольник, испещренный серебристо-зеленой паутиной.

— Хочешь включить телескоп?

Карв покачал головой.

— Через несколько минут мы поглядим на это с близкого расстояния.

— Похоже, ты очень торопишься.

— Может быть. По твоим словам, если эта черная кайма представляет собой какую-то форму жизни, тогда эта ферма заброшена по меньшей мере тысячи лет тому назад. Если же это не так, то тогда что оно такое? Это явление слишком упорядоченно, чтобы быть естественным образованием. Может быть, это лента конвейера?

— Точно! Ты меня успокоил. Исполнил уверенности.

— Если это так, мы быстро снимаемся с места и сразу же отправляемся домой.

Карв потянул за один из рычагов, и корабль поплыл у них под ногами. Спуск происходил очень быстро. Не отрываясь от рычагов управления, Карв продолжал:

— Мы вот совсем недавно повстречались с еще одной разумной расой, и у нее не было ничего похожего на руки или механическую культуру. Я тебе совсем не жалуюсь. Планета непригодна для жилья, если на ней нет даже дельфинов для компании. Но почему такая неудача постигает нас дважды? Не хотелось бы мне повстречаться с фермером, Стенка.

Тучи сомкнулись вокруг корабля. С каждым километром он опускался все медленнее. На высоте почти десяти километров он уже завис почти неподвижно. Теперь под ними простиралась ли-

ния побережья, а у черной каймы было несколько оттенков. Вдоль моря она была черна, как ночь на Плутоне, постепенно светлея по мере удаления от моря, пока не исчезала среди скал и песка.

— Может, это приливы выносят на берег мертвые водоросли? — предположил Стенка. — И они там перегнивают. Нет, дело не в этом. Здесь попросту нет Луны и, соответственно, приливов.

Корабль висел на высоте километра над уровнем моря. Потом еще ниже. И еще. Черная окраска расползалась, словно деготь, подальше от пламени тормозных реактивных двигателей.

Раппопорт рассказывал об этом, почти уткнувшись в стакан, голос у него был хриплым и сдавленным, он старался не смотреть Тернболлу в глаза, но теперь поднял голову. Взгляд его стал в какой-то мере вызывающим.

Тернболл понял, к чему клонит собеседник.

— Вы хотите, чтобы я угадал? Боюсь, что могу ошибиться. Что же это все-таки было за черное вещество?

— Не знаю, следует ли мне вас подготавливать к этому. Мы со Стенкой подготовлены не были. Почему же должны быть готовы вы?

— Ладно, Карвер, рассказывайте дальше, ошарашивайте меня!

— Это были люди.

Тернболл уставился на астронавта неподвижным взглядом.

— Мы уже почти что были внизу, когда они начали разбегаться от языков пламени. До того это было просто черное поле, но когда они стали убегать в разные стороны, мы увидели движущиеся крупинки — разбегавшихся муравьев. Мы немного поднялись вверх и опустились на воду чуть поодаль от берега. Оттуда все было отлично видно.

— Карвер, говоря, что это были люди, вы на самом деле имели в виду именно представителей человеческого рода?

— Да, люди. Но, разумеется, поведением они очень отличались...

«Впередсмотрящий» покоился на воде, задрав нос кверху, в сотне метров от берега. С этого расстояния даже невооруженным глазом было ясно видно, что туземцы — люди. На экране телескопа можно было разглядеть подробности. Они не принадлежали ни к одной из земных рас. И мужчины, и женщины были чуть пониже трех метров ростом, черные волнистые волосы ниспадали с головы вдоль позвоночника почти до самых колен. Кожа у них была темная, почти столь же черная, как у самых черных негров, но носы выглядели точеными, головы были удлиненные, с небольшими тонкогубыми ртами.

Они не обращали никакого внимания на корабль и стояли, сидели или лежали, не меняя позы — мужчины, женщины и дети, буквально прижатые плечом к плечу. Те из них, кто занимал участки у самой воды, располагались широкими кругами, внеш-

нюю часть которых составляли мужчины, охраняя находящихся внутри женщин и детей.

— И так — вокруг всего материка,— сказал Стенка.

Карвер не в силах был ни ответить, ни оторвать глаза от смотрового экрана.

Каждые несколько минут людская масса начинала бурлить — это какая-либо из групп, находившихся слишком далеко от воды, начинала проталкиваться вперед, чтобы пробраться к воде, где находился источник пищи. Бурлящая масса отталкивала пришельцев, на периферии кругов завязывались кровавые схватки, беспощадные побоища, ведущиеся без всяких правил.

— Как? — прошептал Карв.— Как могло это все случиться?

— Может быть, здесь потерпел крушение звездолет,— принялся гадать Стенка.— А может, где-нибудь здесь жила семья смотрителя, которую бросили на произвол судьбы. Это, Карвер, должно быть, дети гипотетического фермера.

— И как же долго они здесь находятся?

— По крайней мере, не одну тысячу лет. А может быть, и все десять тысяч, хотя и такое число, как сто тысяч нельзя отрицать. Только вообрази себе, Карв, такое. На всей планете ничего нет, только горстка людей и океан, полный водорослей. Потом несколько сотен людей, потом сотни тысяч. Их никогда не подпустили бы к воде, не очистив от бактерий, чтобы не заразить культуру водорослей. Здесь не из чего изготавливать орудия труда, единственные доступные материалы — это камень и кость. У них нет возможности плавить руды, так как огня у них никогда не было — здесь нечему гореть. Они не знают ни болезней, ни противозачаточных средств, не знают никаких других занятий кроме размножения. Их численность возрастает катастрофически, подобно взрыву атомной бомбы. Потому что никто не страдает от голода, Карв. В течение тысяч лет на Сириусе-Б4 не знали, что такое голод!

— Но ведь сейчас они голодают.

— Некоторые. Те, кто не может добраться до берега.—Стенка снова повернулся к экрану.— Одна нескончаемая война,— произнес он после некоторой паузы.— Могу поспорить, что их высокий рост обусловлен естественным отбором.

Долгое время Карвер был не в состоянии пошевелиться. Он заметил, что в середине каждого обороняющегося круга всегда остается некоторое количество мужчин, и происходит непрерывный обмен людьми, находящимися во внутренней части с людьми на наружной части круга. Непрерывно происходил процесс размножения, чтобы каждый круг могло охранять больше мужчин. Население Сириуса-Б4 росло и росло.

Весь берег представлял собою бурлящую черную массу. В инфракрасном свете береговой контур сверкал яркой каймой, температура которой была тридцать семь градусов по Цельсию.

— Давай убираться домой! — предложил Стенка.

— Идет.

— И вы так и поступили?

— Нет.

— Почему же?

— Мы не могли, мы должны были увидеть все это, Тернболл. Не пойму, почему, но мы оба хотели взглянуть на все это поближе. Поэтому я поднял корабль, а потом опустил его на суше, в километре от моря. Здесь мы оставили звездолет и отправились к морю. И сразу же стали натыкаться на скелеты. Многие из них были тщательно очищены, а многие напоминали египетские мумии — скелеты с черной, высохшей кожей, туго обтягивавшей кости. Нас все время преследовало непрерывное тихое шуршание, полагаю, что это были разговоры на берегу. Хотя и не могу понять, о чем же это они разговаривали.

По мере приближения к морю скелетов становилось все больше. У некоторых из них я заметил ножи из расщепленной кости. У одного нашел обколотый каменный топор без рукоятки. Понимаете, Тернболл, они были разумны и могли бы делать себе орудия при наличии необходимого материала.

Пройдя некоторое расстояние, мы увидали, что некоторые из скелетов еще живы. Они умирали и высыхали под затянутым тучами небом. Мне кажется, небо этой планеты было когда-то очень красивым, теперь же оно вызывало ужас. Время от времени можно было видеть, как голубой мерцающий луч падает на песок и бежит по нему, словно солнечный зайчик, пока не наткнется на мумию. Иногда мумия переворачивается на другой бок и закрывает глаза.

Лицо Стенки выглядело бледным, как у мертвеца. Я понимал, что освещение здесь ни при чем. Мы прошагали минут пять, и со всех сторон нас окружали скелеты, живые и мертвые. Живые равнодушно смотрели на нас, но все же в их взглядах было что-то этакое, показывающее, что мы — единственное на этом свете, на что еще стоит смотреть. Если их еще что-нибудь и удивляло, так только то, что есть нечто, способное двигаться, кроме людей. Ведь в их глазах мы, удивительно малорослые и одетые в шнурованные сапоги и легкие комбинезоны, не были людьми.

— Тебя не наводят на размышления эти вычищенные скелеты? — произнес Уолл. — Ведь здесь же нет никаких гнилостных бактерий.

Я ничего не ответил, размышляя о том, что это слишком напоминает ад, каким его изобразил Босх. Единственное, что помогало его снести — сюрреальное голубое освещение. Мы едва верили тому, что видели наши глаза.

— В этой водоросли недостаточно жиров, — сказал Стенка. — Всего остального вдоволь, только вот жиров маловато.

Теперь мы уже были довольно близко к берегу. Некоторые мумии начинали шевелиться. Я наблюдал за одной парой, находившейся за небольшой дюной, пытающейся вроде бы убить друг друга, и вдруг понял, о чем говорит Стенка.

Я взял его под руку и развернул, предлагая возвращаться. Некоторые из рослых скелетов пытались встать на ноги. Я знал,

о чем они думают: «Под этими мягкими оболочками должно быть мясо, в котором есть вода. Обязательно должно быть!» Я дернул Стенку за руку, и сам бегом пустился обратно.

Но Стенка не побежал, а оттолкнул меня. И я был вынужден его отпустить.

Они не могли меня поймать, так как были слишком истощены, а я прыгал, как кузнечик. Но Стенку они схватили, вот оно как! Я услышал, как взорвалась его капсула. Просто приглушенный хлопок.

— И вы вернулись.

— Да, да! — у Раппопорта был вид человека, только что очнувшегося после кошмара.— На это ушло семь месяцев. И все время — один!

— И почему же, по-вашему, Стенка себя убил?

— Вы что, с ума сошли? Он же не хотел, чтобы его съели!

— Тогда почему он не спасся бегством?

— Нельзя сказать, что он хотел покончить с собой, Тернболл. Просто он решил, что совершенно ни к чему спасаться. Еще шесть месяцев в «Впередсмотрящем», с этими слепыми пятнами задернутых шторами-одеялами окон, все время стоящими перед глазами, и с непрекращающимся кошмаром этой планеты, возникающим, стоит закрыть глаза? Ради этого спасаться не стоило.

— Держу пари, что прежде, чем вы взорвали «Впередсмотрящий», корабль превратился в свинарник.

Раппопорт вспыхнул.

— А вам-то что до этого?

— Вы тоже считали, что спасаться не стоит, да? Когда уроженец Пояса Астероидов перестает за собой следить, это означает, что он хочет умереть. Грязный корабль смертельно опасен, в нем портится атмосфера. По нему свободно летают предметы, готовые вышибить мозги, стоит только включить привод. Вы забываете, где наложены заплаты от ударов метеоритов...

— Ладно, ладно. Но ведь я все-таки вернулся, верно?

— А теперь вы считаете, что мы должны отказаться от космоса?

Раппопорт чуть ли не взвизгнул от обуревающих его чувств.

— Тернболл, неужто вы так и не убедились? Мы создали здесь, у себя, рай, а вы хотите покинуть его ради... ради этого. Почему же? Почему?

— Чтобы создавать рай и в других местах... может быть. Наш ведь возник не сам по себе. В этом заслуга наших предков, начинавших, имея в своем распоряжении не многим более того, что было на Сириусе-Б4.

— У них всего было гораздо больше! — Легкое заикание указывало на то, что портвейн возымел-таки действие на Раппопорта.

— Может быть. Однако есть и более веская причина продолжать наше проникновение в космос. Эти люди, которых вы оставили на побережье... Они нуждаются в нашей помощи! А имея новый «Впередсмотрящий» мы могли бы оказать им эту помощь.

В чем нуждаются они больше всего, Карвер? В домашних животных? В дереве?

— В животных.— Раппопорт содрогнулся и выпил.

— Ну что ж, об этом еще можно поспорить, но оставим это на потом. Прежде всего нам необходимо было бы создать там почву.— Тернболл откинулся в кресле, прикрыв глаза и говоря как бы сам с собою.— Из водорослей, смешанных с осколками скал. Бактерий, которые раздробят эти обломки, червей. Потом еще нужна трава...

— Вы уже затеваете новый проект, не так ли? А потом уговорите Объединенные Нации за него взяться. Тернболл, это все прекрасно, однако вы кое-что упустили.

— Что же?

Раппопорт медленно поднялся. Чуть пошатываясь, он подошел к письменному столу и, упершись в него руками, посмотрел Тернболлу прямо в глаза.

— Вы исходите из допущения, что эти люди на берегу на самом деле принадлежат к расе фермера, что планета Сириус-Б4 заброшена очень-очень давно. А что, если на ней орудует кто-то хищный? Что тогда? Водоросль предназначена не ему. Его соплеменники поместили водоросль в океан, берега заселили животными, идущими в пищу, а потом покинули планету до тех пор, пока этих животных не станет столько, что они будут скучены плечом к плечу вдоль всего побережья. Животные на мясо! Понимаете, Тернболл?

— Да. До этого я не додумался. А животных держат из-за их размера...

В кабинете нависла мертвая тишина.

— Так что же?

— Ну... просто нам придется рискнуть, ведь так?

ШТИЛЬ В АДУ

Я прямо-таки чувствовал жар, нависший снаружи. В кабине было светло, сухо и прохладно, едва ли не чересчур прохладно, как в современном кабинете в разгар лета. За двумя маленькими оконцами было так черно, как только может быть черно в Солнечной системе и достаточно жарко, чтобы потек свинец, при давлении, равняющемся давлению в трехстах футах под поверхностью океана.

— Вон там рыба,— сказал я, просто, чтобы как-то нарушить однообразие.

— И как же она приготовлена?

— Трудно сказать. Кажется, за ней оставался след из хлебных крошек. Не зажаренная ли? Представь себе только, Эрик! Жареная медуза.

Эрик звучно вздохнул.

— Это обязательно?

— Обязательно. Это единственный способ увидеть что-

нибудь стоящее в этом... этом... Супе? Тумане? Кипящем кленовом сиропе?

— Опаляющем мертвом штиле.

— Верно.

— Кто-то выдумал эту фразу, когда я был еще ребенком, сразу после известий от зонда «Маринер-2». Бесконечный опаляющий черный штиль, горячий, как печь для обжига, прикрытый достаточно толстой атмосферой, чтобы поверхности не могло достигнуть ни одно дуновение ветерка и ни самой малости света.

Я вздрогнул.

— Какая сейчас температура снаружи?

— Тебе лучше не знать. У тебя слишком богатое воображение, Почемучка.

— Ничего, я справлюсь, док.

— Шестьсот двадцать градусов.

— С этим, док, мне не справиться!

То была Венера, Планета любви, любимица писателей-фантастов тридцатилетней давности. Наш корабль висел под баком водородного топлива, перенесшего нас с Земли на Венеру, на высоте двадцати миль, почти неподвижный в сиропообразном воздухе. Бак, теперь почти пустой, служил отличным воздушным шаром. Он будет удерживать нас во взвешенном состоянии до тех пор, пока давление внутри будет уравновешивать внешнее. Делом Эрика было регулировать давление в баке, управляя температурой газообразного водорода. Мы брали пробы воздуха через каждые десять минут погружения, начиная с трехсот миль, и регистрировали температуру воздуха через еще более короткие промежутки времени, и еще мы выпускали небольшой зонд. Данные, полученные нами на месте, всего лишь подтверждали в деталях то, что мы и раньше знали о самой горячей планете в Солнечной системе.

— Температура только что поднялась до шестисот тридцати,— сказал Эрик.— Ну, ты уже кончил скулить?

— Пока да.

— Отлично. Пристегнись. Мы отчаливаем.

— Какой денек славный для героев!— я принялся распутывать паутину ремней над своим креслом.

— Мы же выполнили все, зачем сюда явились. Разве не так?

— Я разве спорю? Ну, я пристегнулся.

— Ага.

Я знал, почему ему не хочется уходить. Я и сам краешком сердца чувствовал то же самое. Мы потратили четыре месяца, добираясь до Венеры, чтобы провести неделю, обращаясь вокруг нее и меньше двух дней в верхних слоях атмосферы, а это казалось ужасной тратой времени. Но он что-то копался.

— В чем дело, Эрик?

— Тебе лучше не знать.

Он не шутил. Голос у него был механический, не по-людски монотонный, значит, он не прилагал добавочного усилия, чтобы

вложить интонацию в звучание его голосовых аппаратов. Только жестокое потрясение могло принудить его к этому.

— Я с этим справлюсь,— сказал я.

— Хорошо. Я не чувствую турбореактивных двигателей. Ощущение такое, будто вкатили анестезию позвоночному столбу.

Весь холодок в кабине, сколько его там было, вошел в меня.

— Проверь, не сможешь ли ты посылать двигательные импульсы другим путем. Можешь испытать двигатели наугад, не чувствуя их.

— Хорошо.— И, долю секунды спустя: — Не выходит. Ничего не получается. Хотя мысль была неплохая.

Съежившись в кресле, я пытался придумать, что бы сказать. На ум мне пришло только:

— Что ж, приятно было с тобой познакомиться, Эрик. Мне нравилось быть половиной экипажа, да и сейчас нравится.

— Сантименты оставь на потом. Давай, начинай проверять мою принадлежность. Прямо сейчас, и тщательней.

Я проглотил свои комментарии и направился к дверке в передней стене кабины. Пол у меня под ногами мягко покачивался. За квадратной дверкой четырех футов в поперечнике находился Эрик. Центральная нервная система Эрика, с головным мозгом наверху и спинным, свернутым для большей компактности в свободную спираль, в прозрачном вместилище из стекла и губчатого пластика. Сотни проволочек со всего корабля вели к стеклянным стенкам, где присоединялись к избранным нервам, разбегавшимся, словно паутина электросети от центральной нервной спирали и жировой защитной мембраны.

В космосе нет места калекам, и не зовите калекой Эрика, так как он этого не любит. Он в некотором роде идеальный космонавт. Его система жизнеобеспечения весит вполовину меньше моей и занимает в двенадцать раз меньше места. Зато остальные его «протезы» составляют большую часть корабля. Турбодвигатели были подсоединены к последней паре нервных стволов, той, что управляла когда-то движением его ног, а десятки более тонких нервов в этих стволах ощущали и регулировали топливное питание, температуру двигателей, дифференциальное ускорение, ширину всасывающего отверстия и ритм вспышек. Эти связи оказались нетронутыми. Я проверил их четырьмя различными способами и на нашел ни малейшей причины, отчего бы им не работать.

— Проверь остальные,— сказал Эрик.

Потребовалось добрых два часа, чтобы проверить связи в каждом нервном стволе. Все они были целыми. Кровяной насос усердно пыхтел и жидкость была достаточно обогащена, что нейтрализовало мысль о возможности «засыпания» турбонервов от недостатка питания или кислорода. Так как лаборатория — один из подсобных «протезов» Эрика, я дал ему проанализировать его кровь на содержание сахара, исходя из возможности, что «печень» отбилась от рук и производит какую-либо иную форму сахара. За-

ключение было ужасным. С Эриком все было в порядке внутри кабины.

— Эрик, ты здоровей меня.

— Да уж, могу сказать. Ты вроде беспокоишься, сынок, и я тебя не виню. Теперь тебе придется выйти наружу.

— Знаю. Давай-ка раскопаем скафандр.

Он находился в шкафчике с аварийными инструментами — специальный венерианский скафандр, который вовсе не предполагалось использовать. НАСА предназначало его для применения на уровне венерианской почвы. Потом они не захотели разрешить кораблю опускаться ниже двадцати миль, пока о планете не узнают побольше. Скафандр представлял собой сегментированный панцирь. Я смотрел, как его испытывали в Калифорнийском технологическом, в боксе при высоком давлении и температуре и знал, что сочленения теряют подвижность через пять часов и обретают ее вновь только когда скафандр остынет. Теперь я открыл шкафчик, вытащил оттуда скафандр за плечи и держал его перед собой. Казалось, он тоже смотрит на меня в ответ.

— Ты по-прежнему не чувствуешь двигателей?

— Даже боли.

Я принялся натягивать скафандр, часть за частью, словно средневековые доспехи. Потом мне пришло в голову нечто еще.

— Мы на высоте двадцати миль. Ты намерен просить, чтобы я исполнил на корпусе акробатический трюк?

— Нет! Об этом и не думай. Нам попросту придется спуститься.

Предполагалось, что высота подъема на баке — воздушном шаре — будет постоянной до самого отбытия. Когда подойдет время, Эрик мог добиться добавочного подъема, подогрев водород, чтобы увеличить давление, а потом открыв клапан и выпустив излишек газа. Конечно, ему пришлось бы очень внимательно следить, чтобы давление в баке оставалось выше наружного, иначе в него бы ворвался венерианский воздух и корабль бы упал. Это, само собой, было бы несчастье. Так что Эрик понизил в баке температуру, открыл клапан и мы отправились вниз.

— Конечно, тут есть одна загвоздка,— сказал Эрик.

— Знаю.

— Корабль выносил давление на высоте двадцати миль. На уровне почвы оно будет в шесть раз выше.

— Знаю.

Мы падали быстро: кабина наклонилась вперед, так как сзади ее тормозили стабилизаторы. Температура постепенно росла. Давление быстро поднималось. Я сидел у оконца и ничего не видел, ничего, кроме черноты, но все равно сидел и ждал, когда же треснет окно. НАСА отказалось позволить кораблю опуститься ниже двадцати миль... Эрик сказал:

— Бак в порядке, и корабль, по-моему, тоже. Но вот выдержит ли кабина?

— И знать этого не хочу.

— Десять миль.

В пятистах милях над нами, недостижимый, оставался атомный ионный двигатель, который должен доставить нас домой. На одной химической ракете нам до него не добраться. Ракета предназначалась для использования после того, как воздух станет слишком разреженным для турбин.

— Четыре мили. Нужно снова открыть клапан.

Корабль вздрогнул.

— Я вижу землю,— сказал Эрик.

Я ее не видел. Эрик поймал меня на том, что я таращу глаза, и сказал:

— Забудь об этом. Я-то пользуюсь инфракрасным, и то деталей не различаю.

— Нет ли больших, туманных болот с жуткими, ужасающими чудовищами и растениями-людоедами?

— Все, что я вижу — голая горячая грязь.

Но мы уже почти опустились, а трещин в кабине все не было. Мои шейные и плечевые мускулы расслабились. Я отвернулся от окна. Пока мы падали сквозь ядовитый, все уплотняющийся воздух, прошло несколько часов. Я уже надел большую часть скафандра. Теперь я привинчивал шлем и трехпалые перчатки.

— Пристегнись,— сказал Эрик.

Я так и сделал.

Мы мягко ударились о землю. Корабль чуть наклонился, снова выпрямился, ударился о землю еще раз. И еще, зубы мои стучали, а закованное в панцирь тело перекатывалось в изорванной паутине. «Черт»,— пробормотал Эрик. Я слышал доносящееся сверху шипение. Эрик сказал:

— Не знаю, как мы подымемся обратно.

Я тоже не знал. Корабль ударился посильней и остановился, а я встал и направился к шлюзу.

— Удачи,— сказал Эрик.— Не оставайся снаружи слишком долго.

Я помахал рукой в сторону его кабинки. Температура снаружи была семьсот тридцать. Наружная дверь открылась. Охлаждающий узел моего скафандра издал жалобный писк. С пустыми ведрами в обеих руках и включенным головным фонарем, освещающим дорогу в черном мраке, я шагнул на правое крыло.

Мой скафандр потрескивал и ужимался под действием высокого давления, и я постоял на крыле, выжидая, пока он перестанет трещать. Было почти как под водой. Луч головного фонаря, достаточно широкий, проникал не дальше, чем на сто футов. Воздух не может быть таким непрозрачным, независимо от плотности. Он, должно быть, полон пыли или крошечных капелек какой-то жидкости.

Крыло убегало назад, точно острая, как нож, подножка автомобиля, расширяясь к хвосту и переходя в стабилизатор. Позади фюзеляжа стабилизаторы соединялись. На конце каждого стабилизатора находилась турбина — длинный фигурный цилиндр

с атомным двигателем внутри. Он не должен быть горячим, так как им еще не пользовались, но на всякий случай я все-таки прихватил счетчик.

Я прикрепил к крылу линь и соскользнул на землю. Раз уж мы все равно здесь... Почва оказалась сухой красноватой грязью, рассыпающейся и такой пористой, что напоминала губку. Лава, изъеденная кислотами? При таком давлении и температуре коррозии подвержено почти все что угодно. Я зачерпнул одно ведро с поверхности, а второе — из-под первого, потом вскарабкался по линю и оставил ведра на крыле.

Крыло было ужасно скользкое. Мне приходилось пользоваться магнитными подошвами, чтобы не упасть. Я прошелся взад-вперед вдоль двухсотфутового корпуса корабля, производя поверхностный осмотр. Ни крыло, ни фюзеляж не носили признаков повреждения. Почему бы и нет? Если метеорит или еще что-нибудь перебило контакты Эрика с его чувствительными окончаниями в турбинах, то какое-то повреждение или свидетельство должно быть и на поверхности.

И тут, почти внезапно, я понял, что есть и альтернативное решение.

Подозрение было еще слишком туманным, чтобы оформить его в словах, и к тому же мне следовало еще закончить проверку. Очень трудно будет сказать об этом Эрику, если я окажусь прав.

В крыле были устроены четыре проверочные панели, хорошо защищенные от жара, бывающего при вхождении в атмосферу. Одна находилась на полпути назад, на фюзеляже, под нижним краем бака-дирижабля, присоединенного к фюзеляжу таким образом, что корабль спереди выглядел, как дельфин. Еще две находились в хвостовой части стабилизатора, а четвертая — на самой турбине. Все они держались на утопленных в корпус болтах, открывавшихся силовой отверткой, и выходили на узлы электрической системы корабля.

Ни под одной из панелей ничто не было смещено. Соединяя и размыкая контакты и справляясь по реакциям Эрика, я установил, что его чувствительность прекращалась где-то между второй и третьей контрольными панелями. Та же история была и на левом крыле. Никаких внешних повреждений, ничего неисправного в соединениях. Я снова спустился на землю и не торопясь прошелся вдоль каждого крыла, направив луч головного фонаря вверх. Снизу тоже никаких повреждений. Я подобрал ведра и ушел внутрь.

— Выяснять отношения? — Эрик был удивлен. — Не странное ли сейчас время затевать споры? Оставь это на полет в космосе. Там у нас будет четыре месяца, в которые больше нечем заняться.

— Это не терпит отлагательств. Прежде всего, не заметил ли ты чего-нибудь, что от меня ускользнуло? — Он наблюдал за всем, что я видел и делал, через телеглаз, установленный в шлеме.

— Нет. Я бы дал знать.

— Отлично. А теперь слушай. Поломка в твоих цепях не вну-

тренняя, потому что ты чувствуешь все до второй контрольной панели. Она и не внешняя, потому что нет никаких свидетельств повреждения или хотя бы пятен коррозии. Значит, неисправность может быть лишь в одном месте.

— Давай дальше.

— Остается также еще загадка — почему у тебя парализовало обе турбины. Отчего бы им сломаться одновременно? На корабле есть лишь одно место, где их цепи соединяются.

— Что? Ах да, понимаю. Они соединяются через меня.

— Теперь давай предположим на минуту, что неисправная деталь — это ты. Ты не механическая деталь, Эрик. Если с тобой что-то произошло, дело не в медицине. Это было первое, что мы проверили. Но это может быть связано с психологией.

— Очень приятно узнать, что ты считаешь меня человеком. Так у меня, значит, шарики поехали, так?

— Слегка. Я думаю, у тебя случай того, что называют триггерной, или курковой анестезией. Солдат, который слишком часто убивает, обнаруживает, что его правый указательный палец или даже вся ладонь онемела, словно они больше ему не принадлежат. Твое замечание, что я не считаю тебя машиной, Эрик, имеет большое значение. Я думаю, в этом-то все дело. Ты никогда по-настоящему не верил, что всякая часть корабля — это часть тебя. Это разумно, потому что это правда. Каждый раз, когда корабль переустраивают, ты получаешь новый набор частей и правильно, что ты не думаешь об изменении модели, как о серии ампутаций.

Эту речь я отрепетировал, постаравшись все выразить так, чтобы Эрику оставалось только поверить мне. Теперь я понял, что она должна была звучать фальшиво.

— Но теперь ты зашел слишком далеко. Подсознательно ты перестал верить, что можешь ощущать турбины частью себя, как это было задумано. Поэтому ты и убедил себя, что ничего не чувствуешь.

Когда моя заготовленная речь кончилась и ничего больше не осталось сказать, я замолчал и принялся ждать взрыва.

— Ты рассудил неплохо,— сказал Эрик.

— Ты согласен?

— Этого я не говорил. Ты сплел элегантную теорию, но мне нужно время, чтобы ее обдумать. Что нам делать, если она верна?

— Ну... не знаю. Просто ты должен излечиться.

— Хорошо. А вот моя идея. Я полагаю, что ты выдумал эту теорию, чтобы сложить с себя ответственность за возвращение живыми домой. Она взваливает всю проблему на мои плечи, фигурально выражаясь.

— Ох, что за...

— Заткнись. Я не говорил, что ты неправ. Это был бы беспредметный спор. Нам нужно время, чтобы обо всем подумать.

Только когда уже пора было выключать свет, четыре часа спустя, Эрик вернулся к этой теме.

— Почемучка, окажи услугу. Вообрази на время, что все наши неприятности вызваны чем-то механическим. А я представляю, что они имеют психосоматическую природу.

— Это вроде бы разумно.

— Это разумно. Так вот, что ты можешь сделать, если они психосоматические? И что могу сделать я, если они механические? Я же не могу обойти себя кругом и проверить. Лучше каждому из нас держаться того, что он знает.

— Решено.— Я выключил его на ночь и лег спать.

Но не заснул.

При выключенном свете было, как снаружи. Я его опять включил. Эрика это не разбудит. Эрик никогда не спит, как обычные люди, потому что в крови у него не накапливаются токсины усталости, и он бы свихнулся от непрерывного бодрствования, не будь в него вмонтирована в области коры пластинка русского стимулятора сна. При включенном стимуляторе корабль мог взорваться, а Эрик не проснулся бы. Но я глупо себя почувствовал из-за того, что боялся темноты.

Пока темнота оставалась снаружи, все было нормально.

Но здесь не должно быть темно. Темнота вторглась в мозг моего напарника. Так как блоки химического контроля предохраняли его от безумия химического происхождения, вроде шизофрении, мы и предполагали, что он всегда будет нормален. Но какой «протез» предохранит его от собственного воображения, от его же сдвинувшегося здравого смысла?

Я не мог исполнить свою часть соглашения. Я знал, что я прав. Но что я мог тут поделать?

Поразительно, насколько все ясно задним числом. Я точно видел, в чем была наша ошибка, моя, и Эрика, и сотен людей, построивших его систему жизнеобеспечения после аварии. От Эрика тогда не осталось ничего, кроме нетронутой центральной нервной системы, и никаких желез, кроме гипофиза. «Мы отрегулируем состав его крови,— говорили они,— и он всегда будет спокоен, хладнокровен и собран. У Эрика — никакой паники!»

Я знал девчонку, у которой отец лет сорока пяти угодил в несчастный случай. Он со своим братом, дядюшкой той девицы, отправился на рыбалку. Домой они возвращались в доску пьяные, и этот мужик ехал верхом на капоте, а его брат вел. Потом брат резко затормозил. Наш герой оставил на украшении капота пару важных желез.

Единственным изменением в его половой жизни было, что его жена перестала бояться поздней беременности. Уж очень у него хорошо были развиты привычки.

Эрику не нужны были адреналиновые железы, чтобы бояться смерти. Его эмоциональные реакции установились задолго до того дня, как он попытался посадить лунник, не имея радара. Он ухватится за любой предлог, чтобы поверить, будто я починил какую-то неисправность в его двигательных связях.

Но он будет рассчитывать, что я это сделаю.

Атмосфера жала на окна. Я нехотя потянулся кончиками пальцев выключить кварцевый свет. Я не ощущал давления, но оно было, неизбежное, как прилив, размалывающий скалы в песок. Долго ли будет сдерживать его кабина?

Если нас держит здесь какая-нибудь поломка, то как я мог не найти ее? Может быть, она не оставила следа на поверхности обоих крыльев. Но каким образом?

Ну и ситуация.

Две сигареты спустя я встал и взял ведра для проб. Они были пусты, инопланетная грязь сохранялась в безопасности в ином месте. Я наполнил их водой и поставил в холодильник, включив его на сорок градусов по абсолютной шкале, потом выключил свет и вернулся в постель.

Утро было чернее легких курильщика. Что Венере по-настоящему нужно, философствовал я, лежа на спине, это потерять девяносто девять процентов воздуха, при этом бы у нее осталось чуть больше половины количества воздуха на земле, что достаточно снизит парниковый эффект, чтобы сделать температуру пригодной для жизни. Понизить тяготение Венеры почти до нуля, и это произойдет само собой.

Вся распроклятая Вселенная ждет, когда же мы откроем антигравитацию.

— С утречком,— сказал Эрик.— Придумал что-нибудь?

— Да,— я выкатился с постели.— А сейчас не приставай ко мне с вопросами. Я все объясню попутно.

— Не позавтракав?

— Пока да.

Часть за частью я натянул скафандр — в точности, как джентльмены короля Артура, и отправился за ведрами только надев перчатки. Лед в морозильнике охладился чуть ли не до абсолютного нуля.

— Вот два ведра обычного льда,— сказал я, приподымая их.— А теперь выпускай меня.

— Стоило бы придержать тебя здесь, пока не заговоришь,— заметил Эрик. Но дверь отворилась, и я вышел на крыло. Отвинчивая панель номер два по правой стороне, я продолжал говорить.

— Эрик, задумайся на минутку об испытаниях, которым подвергают очеловечиваемый корабль прежде, чем ввести человека в систему жизнеобеспечения. Каждую часть испытывают отдельно и в соединении со всем остальным. Однако если что-то не работает, то оно или сломалось, или же не было достаточно проверено. Верно?

— Разумно,— он ничем не выказал своих чувств.

— Ну так вот, никакой поломки ничто не вызывало. Не только в шкуре корабля нет никакой бреши, но никакая случайность не могла повредить обе турбины сразу. Так что чего-то недопроверили.

Я снял панель. Лед там, где он касался поверхности стеклян-

ных ведер, понемножку закипал. Голубые льдины кексообразной формы потрескивали от внутреннего давления. Я опрокинул одно ведро в мешанину проводков и соединений и раздробил лед, чтобы крышке хватило места закрыться.

— Вот я прошлой ночью придумал кое-что, чего не проверяли. Каждая часть корабля прошла испытание на давление и жару в особом боксе, но корабль, как целое, как блок, проверить было нельзя. Он слишком велик.

Я обошел корабль и открыл панель номер три на левом крыле. Оставшийся лед наполовину уже превратился в воду и начал дробиться, я выплеснул его и закрыл панель.

— Твои цепи перекрыты жаром или давлением, или же тем и другим вместе. Давления мне не устранить, но я остудил льдом эти реле. Дай мне знать, к которой турбине раньше вернется чувствительность, и мы узнаем, какая контрольная панель нам нужна.

— Почемучка. Тебе не приходило в голову, что холодная вода может сделать с раскаленным металлом?

— Он может лопнуть. Тогда ты утратишь управление турбинами, которого и сейчас нет.

— Хм. Очко в твою пользу, напарничек. Но я по-прежнему ничего не чувствую.

Я вернулся к шлюзу, помахивая пустыми ведрами и размышляя, нагреются ли они настолько, чтобы расплавиться. Могли бы, но я не так долго пробыл снаружи. Я снял скафандр и снова наполнял ведра, когда Эрик сказал:

— Я чувствую правую турбину.

— До какой степени чувствуешь? Полностью управляема?

— Нет, температуры не чувствую. О, вот она пошла. Получилось, Почемучка.

Мой вздох облегчения был искренним.

Я снова поставил ведра в холодильник. Мы, конечно, хотели отбыть с холодными реле. Вода остывала минут, может, двадцать, когда Эрик сообщил:

— Ощущение исчезло.

— Что?

— Ощущение пропало. Не чувство температуры, а контроль подачи топлива. Холод слишком быстро пропадает.

— Уф! А теперь как?

— Да не хочется тебе говорить. Я почти готов предоставить тебе вычислить это самому.

Так я и сделал.

— Мы подымемся по возможности выше на подъемном баке, а потом я выйду на крыло с ведрами льда в обеих руках...

Нам пришлось поднять температуру в баке почти до восьмисот градусов, чтобы превозмочь давление, но после того подъем шел неплохо до высоты шестнадцати миль. Это заняло три часа.

— Выше нам не забраться,— сказал Эрик.— Ты готов?

Я пошел за льдом. Эрик видел меня, отвечать не было надобности. Он открыл мне шлюз.

Может быть, я чувствовал страх, или панику, или решимость, или готовность к самопожертвованию, но на самом деле ничего этого не было. Я вышел, словно движущийся зомби.

Магниты у меня были включены на полную мощность. Ощущение было такое, словно я иду по неглубокому слою смолы. Воздух был густой, хоть и не такой плотный, как внизу. Я прошел, следуя за лучом головного фонаря к панели номер два, открыл ее, вывалил лед и отбросил ведро далеко и высоко. Лед упал одним куском. Закрыть панель я не мог. Я оставил ее открытой и поспешил на другое крыло. Второе ведро было наполнено битыми обломками, я их высыпал и закрыл левую панель номер два, а назад вернулся с пустыми руками. По-прежнему во всех направлениях простиралось нечто вроде преддверия ада, за исключением того места, где луч фонаря прорезал во тьме тоннель, и ногам моим становилось жарко. Я закрыл правую панель, на которой кипела вода, и боком вернулся вдоль корпуса к шлюзу.

— Войди и пристегнись,— сказал Эрик.— Поторапливайся! Надо снять скафандр.— Руки у меня начинали дрожать, наступала реакция. Я не мог справиться с зажимами.

— Нет, не надо. Если мы стартуем теперь же, то, может, и попадем домой. Оставь скафандр в покое и садись.

Я так и сделал. Стоило мне затянуть свои хитросплетения, взревели турбины. Корабль чуть задрожал, а потом рванулся вперед, и мы выскользнули из-под бака-дирижабля. По мере того, как турбины набирали рабочую скорость, давление усиливалось. Эрик выдавал все, что мог. Это причинило бы неудобства даже без металлического скафандра. Со скафандром это было пыткой. Кресло мое от него загорелось, но я не мог набрать достаточно воздуху, чтобы это сказать. Мы мчались почти вертикально вверх.

Мы двигались уже двадцать минут, когда корабль вдруг дернулся, как гальванизированная лягушка.

— Турбина отключилась,— спокойно сообщил Эрик.— Пойду на другой. Корабль вильнул — отстрелилась выбывшая из строя турбина. Теперь он летел, как подраненный пингвин, но продолжал ускоряться.

Одна минута... две...

Заглохла вторая турбина. Словно мы въехали в патоку. Эрик отстрелил турбину и давление прекратилось. Я смог говорить.

— Эрик.

— Что?

— Нет ли валерьянки?

— Что? А, понимаю. Скафандр жмет?

— Конечно.

— Живи так. Дым спустим попозже. Я собираюсь попарить в этой гуще, но когда я включу ракету, это будет страшно. Без пощады.

— Нам удастся выбраться?

— По-моему, да. Мы близки к тому.

Сначала ледяным холодом влилось в душу облегчение. Потом гнев.

— Больше нигде нет необъяснимого онемения? — спросил я.

— Нет. А что?

— Если появится, ты проверишь и скажешь мне, идет?

— У тебя что-то есть на уме?

— Забудь. — Я больше не сердился.

— Черт меня возьми, если забуду. Ты же отлично знаешь, что это были механические неполадки, болван. Ты же сам их починил!

— Нет. Я тебя убедил, что я должен их починить. Надо было, чтоб ты поверил — турбины должны опять заработать. Я тебя вылечил, сотворив чудо, Эрик. Просто я надеюсь, что мне не придется выдумывать для тебя все новые штучки на обратном пути.

— Ты так считал и все-таки вышел на крыло на высоте шестнадцати миль? — В механизмах Эрика что-то хрюкнуло. — У тебя желудок вместо мозгов, Коротышка.

Я не ответил.

— Ставлю пять тысяч, что неисправность был механическая. Пусть решают механики после нашего приземления.

— Идет.

— Включаю ракету. Два, один...

Ракета включилась, вдавив меня в металлический скафандр. Дымные языки пламени лизали кресло возле моих ушей, выписывая копотью черные узоры на зеленом металлическом потолке, но застилающая мне взгляд розоватая дымка не имела отношения к огню.

Человек в толстых очках развернул схему венерианского корабля и потыкал коротким пальцем в хвостовую часть крыла.

— Вот примерно здесь, — сказал он. — Наружное давление сжало канал провода как раз в такой степени, что провод больше не мог сгибаться. Он вынужден был вести себя так, как если бы был жестким, понимаете? А потом, когда металл расширился от тепла, вот эти контакты сместились и разошлись.

— Я полагаю, конструкция обоих крыльев одинакова?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Ну, разумеется.

Я оставил в груде Эриковой почты чек на пять тысяч долларов и улетел на самолете в Бразилию. Как он меня отыскал, мне никогда не узнать, но этим утром пришла телеграмма:

«ПОЧЕМУЧКА ВЕРНИСЬ Я ВСЕ ПРОСТИЛ. МОЗГ ДОНОВАНА»

Пожалуй, я так и сделаю.

ЧЕЛОВЕК-МОЗАИКА

В году нашей эры 1900 Карл Ландштейнер разделил человеческую кровь на четыре типа: А, В, АВ и О — по совместимости.

Впервые стало возможно сделать пациенту переливание крови с некоторой надеждой, что это его не убьет.

Движение за отмену смертной казни едва успело начаться и уже было обречено.

BX-83-YOAGN7 — таков был его телефонный номер, номер его водительских прав, его номер в системе социальной безопасности, номер его вербовочной и медицинской карточек. Два из этих номеров у него уже отобрали, а остальные больше не имели значения — все, кроме медицинской карточки. Звали его Уоррен Льюис Ноулз. Ему предстояло умереть. До суда еще оставались целые сутки, но сомнений в приговоре у него не было. Лью был виновен. На случай, если бы кто-то в этом усомнился, обвинение располагало железными доказательствами. Завтра в восемнадцать часов Лью приговорят к смерти. Брокстон по тому или иному поводу подаст апелляцию. Апелляция будет отклонена.

Камера была маленькая, удобная и обитая войлоком. Это не бросало тень на вменяемость заключенного, хотя безумие больше и не служило оправданием нарушителю закона. Три стены были простыми решетками. Четвертая стена, наружная, была цементной, окрашенной в приятный для глаза зеленый цвет. Но решетки, отделявшие его от коридора, от угрюмого старика справа и от крупного, слабоумного на вид подростка слева — решетки состояли из четырехдюймовых прутьев, отстоящих друг от друга на восемь дюймов и защищенных силиконовым пластиком. Четвертый раз за день Лью вцепился руками в пластик и попытался его отодрать. На ощупь он был как подушка из губчатой резины с твердым сердечником в карандаш толщиной и не отдирался.

Это нечестно,— сказал Лью.

Подросток не пошевелился. Все десять часов, которые Лью находился в камере, этот парнишка просидел на краю койки; прямые, черные волосы падали ему на глаза, а щетина на лице постепенно становилась все темнее. Длинные, волосатые его руки двигались только во время еды, а все остальное не двигалось вовсе.

Старик при словах Лью поднял взгляд. Он спросил со злобным сарказмом:

— Тебя оклеветали?

— Нет. Я...

— По крайней мере, ты честен. И что же ты натворил?

Лью ответил. Он не мог избавиться от нотки оскорбленной невинности в голосе. Старик насмешливо улыбнулся и кивнул, словно ждал именно этого.

— Глупость. Глупость всегда каралась по высшей мере. Если уж тебе понадобилось быть казненным, так почему не за что-то стоящее? Видишь парня по ту сторону от тебя?

— Конечно,— ответил Лью, не оборачиваясь.

— Он — органлеггер.

Лью почувствовал, что лицо его застыло от ужаса. Ему пришлось взять себя в руки, чтобы еще раз посмотреть в соседнюю клетку, и каждый нерв в его теле содрогнулся. Парень глядел на

него. Тусклыми глазами, едва видящими из-под копны волос, он смотрел на Лью, как мясник мог бы смотреть на говяжью тушу не первой свежести.

Лью поплотней придвинулся к прутьям между своей камерой и камерой старика. Голос его перешел в громкий шепот.

— Сколько человек он убил?

— Ни одного.

— ?

— Он был на захвате. Находил кого-нибудь, шатающегося в одиночку посреди ночи, усыплял наркотиком и отводил к доку, который заправлял шайкой. Все дела с умерщвлением выполнял док. Если бы Берни приволок мертвого клиента, док бы с него самого снял шкуру.

Старик сидел почти прямо напротив Лью, спиной к нему. Говоря, он оборачивался через плечо, но теперь, казалось, потерял к разговору всякий интерес. Руки его, скрытые от Лью костистой спиной, пребывали в постоянном нервном движении.

— Скольких он захватил?

— Четверых. Потом попался. Он не очень-то смышлен, этот Берни.

— А ты что сделал такого, что оказался здесь?

Старик не ответил. Он совершенно перестал обращать на Лью внимание, плечи его подергивались от движения рук. Лью пожал плечами и упал на свою койку.

Было девятнадцать часов, четверг.

В банду входило трое захватчиков. Берни еще не судили. Другой был мертв, он шагнул через край пешеходной дорожки, когда почувствовал, как щадящая пуля вошла в его руку. Третьего везли на каталке в госпиталь, находящийся рядом с судебным присутствием.

Официально он был еще жив. Его осудили, апелляция его была отклонена, но он был еще жив, когда его везли под наркозом в операционную. Интерны подняли его со столика и ввели в рот загубник, чтобы он мог дышать, когда его погружали в охлаждающую жидкость. Его опустили без всплеска и, когда температура тела понизилась, ему впрыснули в вены еще одно вещество. Примерно полпинты. Температура тела упала до точки замерзания, удары сердца отстояли друг от друга все дальше и дальше. Наконец сердце остановилось. Но оно могло еще забиться вновь. Случалось, на этой стадии приговор отменялся. Официально органлеггер был все еще жив.

Врача заменяла череда механизмов, по которой двигалась лента конвейера. Когда температура тела достигла определенной точки, лента двинулась с места. Первая машина совершила серию надрезов на грудной клетке. С механической искусностью «врач» выполнил кардэктомию.

Теперь органлеггер был официально мертв. Его сердце тотчас отправилось на склад. За ним последовала кожа — почти вся одной частью и вся в живом состоянии. «Врач» отделял ее с изощренной

тщательностью, словно разбирая хрупкую, гибкую, чрезвычайно сложную мозаику. Мозг был испепелен, и пепел сохранили для погребальной урны, но все остальное тело — все его части, и пузырьки, и пергаментные тонкие пленочки, и сосуды — отправилось на хранение в госпитальные банки органов. Любую из этих частей можно мигом упаковать в транспортировочный сосуд и переправить в любую точку света немногим более, чем за час. Если шансы выпадут хорошо, если определенные люди слягут с определенными болезнями в определенное время, органлеггер может спасти больше жизней, чем отнял.

В чем и состоял весь смысл.

Лежа на спине и уставившись в телевизионное устройство на потолке, Лью вдруг задрожал. У него не хватало сил вложить в ухо звуковое устройство, и бесшумное движение мультипликационных фигурок внезапно сделалось страшным. Он выключил телевизор, и это тоже не помогло.

Его разберут на части кусок за куском и все сохранят. Он никогда не видел банков-хранилищ органов, но его дядя был хозяином мясной лавки...

— Эй! — выкрикнул он.

Глаза парня, единственная живая часть его тела, повернулись. Старик изогнулся, глядя через плечо. Охранник в конце зала на мгновение поднял взгляд, потом вернулся к чтению.

Страх сидел у Лью в животе, бился у него в горле.

— Как вы можете это выносить?

Парень уставился в пол. Старик ответил:

— Что выносить?

— Ты что, не знаешь, что с нами должны сделать?

— Только не со мной. Меня-то им не разделать, словно свинью.

Лью тотчас оказался у решетки.

— Почему?

Старик сильно понизил голос.

— Потому что у меня бомба там, где должна быть бедренная кость. Я намерен себя взорвать. Того, что они найдут, никогда не удастся использовать.

Надежда, вызванная было словами старика, исчезла, оставив горечь.

— Ерунда. Откуда бы у тебя в ноге взялась бомба?

— Извлек кость, просверлил в ней дыру, вставил в дыру бомбу, убрал из кости все органическое вещество, чтобы не гнила, поставил кость на место. Конечно, красных телец после этого поубавилось. Вот я тебя о чем хочу спросить. Не хочешь ли ко мне присоединиться?

— Присоединиться?

— Прижмись к решетке. Этой штуки хватит на нас обоих.

Лью почувствовал, что отодвигается.

— Нет. Нет, спасибо.

— Сам выбрал,— сказал старик.— Я ведь не сказал тебе, за что я здесь, верно? Я бывший док. Берни ловил людей для меня.

Лью тотчас оказался у противоположной решетки. Он почувствовал прикосновение прутьев к плечам и, повернувшись, обнаружил, что парень тупо смотрит ему в глаза с расстояния всего двух футов. Органлеггеры! Он находится в окружении профессиональных убийц!

— Я знаю, как это бывает,— продолжал старик.— Со мной они этого не сделают. Ладно. Раз ты уверен, что не хочешь чистой смерти, ложись за койкой. Она достаточно прочная.

Койкой служил пружинный матрас, установленный на бетонном блоке, неразрывно связанном с полом. Лью свернулся в положении зародыша, прикрыв глаза руками.

Он был уверен, что не хочет умереть прямо сейчас.

Ничего не происходило.

Немного спустя он открыл глаза, убрал руки и огляделся.

Парень смотрел на него. Впервые на его лице появилась кривая ухмылка. Охранник в коридоре, все время сидевший на стуле у выхода, стоял теперь перед решеткой и смотрел на него. Он выглядел заинтересованным.

Лью почувствовал, как краска поднимается по его шее к носу и ушам.

Старик посмеялся над ним. Лью сделал движение, чтобы встать...

И на мир сверху опустился молоток.

Охранник лежал в неловкой позе на прутьях камеры по ту сторону коридора. Гладковолосый парень выбирался из-за своей койки, тряся головой. Кто-то стонал, и стон перерастал в вопль. Воздух был полон цементной пыли.

Лью поднялся.

Кровь, словно красное масло, покрывала все поверхности, обращенные в сторону взрыва. Как Лью ни пытался, а пытался он не слишком упорно, ему не удалось обнаружить других следов старика.

Не считая дыры в стене.

Он, должно быть, стоял прямо... там...

Дыра была достаточно велика, чтобы пролезть сквозь нее. Если бы Лью смог до нее добраться. Но она в камере старика. Покрытие из силиконового пластика с прутьев между камерами было содрано, остались одни металлические стержни в карандаш толщиной.

Лью попытался пролезть между ними.

Стержни дрожали, гудели, но звука не было. Заметив вибрацию, Лью одновременно почувствовал, что становится что-то сонным. Он втиснулся между прутьев, борясь одновременно с собственной паникой и ультразвуковыми станнерами, включившимися, должно быть, автоматически.

Прутья не подавались. Но тело его подалось, а прутья были

скользкими от... Лью пролез. Он просунул голову сквозь дыру в стене и посмотрел вниз.

Далеко. Достаточно далеко, чтобы вызвать у него головокружение.

Здание окружного суда в Топеке было небольшим небоскребом, а камера Лью, должно быть, находилась где-то около крыши. Он посмотрел вниз, вдоль гладкой бетонной поверхности, усеянной окнами. Никак невозможно добраться до этих окон, или открыть их, или разбить.

Станнер высасывал из Лью волю. Он был бы уже сейчас без сознания, если бы его голова не находилась вне камеры. Ему пришлось заставить себя повернуться и посмотреть вверх.

Он действительно был возле самой крыши. Край ее находился всего в нескольких футах у него над глазами. Ему не дотянуться туда, если... Лью начал вывинчиваться из дыры.

Победит или проиграет, в банки органов он не попадет. От падения на уровень движущегося транспорта все его полезные части расплющатся. Лью уселся на краю отверстия, вытянув для равновесия ноги в камеру, прижался плашмя грудью к стене. Обретя равновесие, он протянул руки к крыше. Не достают.

Лью поджал одну ногу под себя, держа вторую вытянутой, и встал. Его руки стиснули край крыши, когда он уже начинал падать. Лью ахнул от неожиданности, но было поздно. Крыша здания суда двигалась! Она утащила его прочь от дыры прежде, чем Лью успел бы ее отпустить. Он повис, медленно раскачиваясь над пустотой взад-вперед, меж тем как движение увлекало его все дальше. Крыша здания суда была пешеходной дорожкой. Лью не мог забраться наверх, не имея опоры для ног. Ему не хватало силы. Пешеходная дорожка двигалась к другому зданию, примерно такой же высоты. Он может добраться туда, если провисит достаточно времени.

И окна в том доме были другие. Они не открывались, в эти-то дни смога и кондиционирования воздуха, но у них были карнизы. Наверное, стекло бьющееся.

А может быть, и нет.

Руки оттягивало так, что невмоготу. Как легко было бы разжать их...

Нет. Он не совершал никакого преступления, за которое бы заслуживал смертной казни. Он отказывался умирать.

На протяжении десятилетий двадцатого века движение набирало силу. Слабоорганизованные, рассеянные по всем странам его участники имели только одну цель: заменить смертную казнь на заключение и перевоспитание у всех стран и народов, до каких они смогут добраться. Они доказывали, что убивая человека за его преступления, ничему его этим не научишь, что это не удержит других, кто может совершить то же самое преступление, что гибель необратима, тогда как из заключения невиновного можно освободить, если его невиновность с опозданием, но окажется все же доказана. Убиение человека не приносит никакой пользы, кро-

ме свершения мести обществом, говорили они. А месть просвещенному обществу, говорили они, не к лицу. Может быть, они были и правы.

В 1940 году Карл Ландштейнер и Александр С. Винер опубликовали свое открытие — находку в человеческой крови резус-фактора.

К середине столетия большинство совершивших преднамеренное убийство наказывались заключением — пожизненным или же на меньший срок. Многие после этого возвращались в общество, одни «перевоспитанными», другие нет. Смертную казнь сохранили в некоторых штатах для похитителей, но суд нелегко было убедить ее наложить. То же происходило и с доказыванием убийств. Человек, разыскиваемый за взлом в Канаде и за убийство в Калифорнии, стремился быть выданным в Калифорнию: там у него было меньше шансов быть осужденным. Многие штаты отменили смертную казнь. Во Франции ее не было. Перевоспитание преступников стало основной целью науки-искусства психологии.

Но...

Во всем мире получили распространение банки крови.

Мужчин и женщин с почечными болезнями уже спасали при помощи пересадки почек от идентичных близнецов. Не все больные-почечники имели двойняшек. Врач в Париже начал пересадки от близких родственников, расклассифицировав несовместимость по ста пунктам, чтобы заранее оценивать, насколько успешно пройдет пересадка. Пересадка глаз сделалась обычной. Донор глаза мог умереть прежде, чем спасет зрение другому человеку. Кости людей можно было пересаживать во всех случаях, при условии, что они прежде были очищены от тканей. Так обстояли дела в середине века.

К 1990 году стало возможно сохранять любой человеческий орган живым на любой разумный промежуток времени. Пересадки, при помощи «бесконечно тонкого скальпеля» — лазера, сделались рутинными. Умирающие регулярно завещали свои останки банкам органов. Похоронные концерны не могли этому воспрепятствовать. Но такие дары от умирающих не всегда оказывались полезны. В 1993 году Вермонт принял первый закон о банках органов. Смертная казнь в Вермонте сохранилась. Теперь осужденный мог сознавать, что спасет своей гибелью другие жизни. Стало неверно, что смертная казнь не приносит пользы. Неверно в Вермонте.

А потом — в Калифорнии. И в Вашингтоне, Джорджии, Пакистане, Англии, Швейцарии, Франции, Родезии...

Пешеходная дорожка двигалась со скоростью десяти миль в час. Под нею, невидимый пешеходам, поздно возвращающимся с работы и ночным совам, только начинающим свой облет, свисал с движущейся полоски Льюис Ноулз и глядел на карниз, пробегающий под его раскачивающимися ногами. Карниз был не шире двух футов, и добрых четыре фута отделяли его от кончиков вытянутых пальцев на ногах Лью.

Он прыгнул.

Когда его ноги коснулись карниза, Лью ухватился за выступ оконного переплета. Почувствовал рывок инерции, но не упал. Спустя долгий миг к нему вернулось дыхание.

Он не мог знать, что это за здание, но оно не было заброшено. В девять часов вечера все окна светились. Лью попытался не оказаться на фоне света, когда заглядывал внутрь.

Окно вело в кабинет. Пустой.

Нужно обернуть чем-то руку, чтобы разбить окно. Но все, что у него было — это пара ботинок-носков и тюремная блуза. Ну, подозрительней, чей сейчас, он все равно не станет. Лью стянул блузу, обмотал часть ее вокруг руки и ударил.

И едва не сломал руку.

Ладно... ему оставили драгоценности — наручные часы и кольцо с алмазом. Лью с силой провел алмазом круг на стекле и ударил другой рукой. Это обязано быть стекло, если это пластик, он обречен. Из стекла выбился почти правильный круг.

Лью пришлось повторить это шесть раз, прежде чем отверстие стало достаточно широко для него.

Он улыбался, шагнув внутрь, все еще с блузой в руках. Теперь все, в чем он нуждался — это лифт. Фараоны мигом сцапали бы его, застав посреди улицы в тюремной блузе, но спрятав блузу здесь, он окажется в безопасности. Кто заподозрит в чем-либо лицензионного нудиста?

Только вот лицензии у него нет. Или нудистской сумочки через плечо, где бы она лежала. Или бритья.

Это очень плохо. Отродясь не бывало настолько волосатого нудиста.

Не просто со щетиной, но в настоящей, окладистой, так сказать, бороде. Где бы ему взять бритву?

Лью осмотрел ящики письменного стола. Многие деловые люди держат там запасные бритвы. Просмотрев половину ящиков, он остановился. Не потому, что нашел бритву, а потому, что узнал, где он находится. Бумаги в столе показывали это даже с чрезмерной очевидностью.

Госпиталь. Лью все еще стискивал блузу. Он затолкал ее в корзину, более или менее прикрыл бумагой и бросился в кресло.

Госпиталь. Надо же ему было выбрать именно госпиталь. Да еще именно этот госпиталь, выстроенный рядом со зданием суда округа Топека по явной и разумной причине.

Но ведь он же на самом деле не выбирал его. Это дом его выбрал. Да и принял ли он за всю жизнь хоть одно решение, не побуждаемый к этому другими? Нет. Друзья занимали у него деньги без отдачи, у него уводили девушек, его не продвигали по службе, потому что не обращали внимания.

Ширли женила его на себе, а потом бросила четыре года спустя ради друга, которого ни к чему нельзя было принудить.

Даже теперь, вероятно, у исхода его жизни, все оставалось по-прежнему. Бежать ему помог старый похититель тел. Потом ин-

женер, построивший камеры так, что между прутьями мог протиснуться некрупный человек. И еще один — построивший пешеходную дорожку между двумя соседними крышами. И вот он здесь.

Самое плохое то, что здесь у него нет шанса притвориться нудистом. Минимум, что необходимо — медицинский халат и маска. Даже нудистам приходится иногда носить одежду.

Шкаф?

В шкафу не оказалось ничего кроме зеленой шляпы и совершенно прозрачной накидки-дождевика.

Можно искать спасения в бегстве. Если он найдет бритву, он окажется в безопасности, как только достигнет улицы. Лью укусил себя за костяшки пальцев, отчаянно гадая, где же лифт. Придется довериться удаче. Он снова начал обыскивать ящики письменного стола.

Лью взял в руку бритвенный прибор в черном кожаном футляре, когда дверь отворилась. Вошел плотный человек в больничном халате. Интерн (людей-докторов в госпиталях не было) наполовину подошел к письменному столу, когда увидел Лью, склонившегося над открытым ящиком. Он остановился. Челюсть его отвисла.

Лью вернул ее на место ударом кулака, все еще сжимающего бритвенный прибор. Зубы вошедшего соединились с резким стуком. Его колени подогнулись, меж тем как Лью проскочил мимо него и выбежал за дверь.

Лифт находился прямо напротив по ту сторону холла, дверки его были раскрыты. Лью вскочил в лифт и нажал на 0. Пока лифт спускался, он брился. Машинка брила быстро и чисто, хотя и немного шумно. Лью обрабатывал себе грудь, когда дверки растворились.

Содержание

Защитник
Часть 1
Физпок 6
Часть 2
Интерлюдия 88
Часть 3
Вандервекен 90
Часть 4
Защитник 179

Летающие колдуны
Часть 1 186
Часть 2 327

«Реликт империи» 445

Органлеггеры 463

Рассказы 519

Зануда 520
Сходящаяся последовательность 539
Дырявый 544
В траурном обрамлении 555
Штиль в аду 572
Человек — мозаика 583

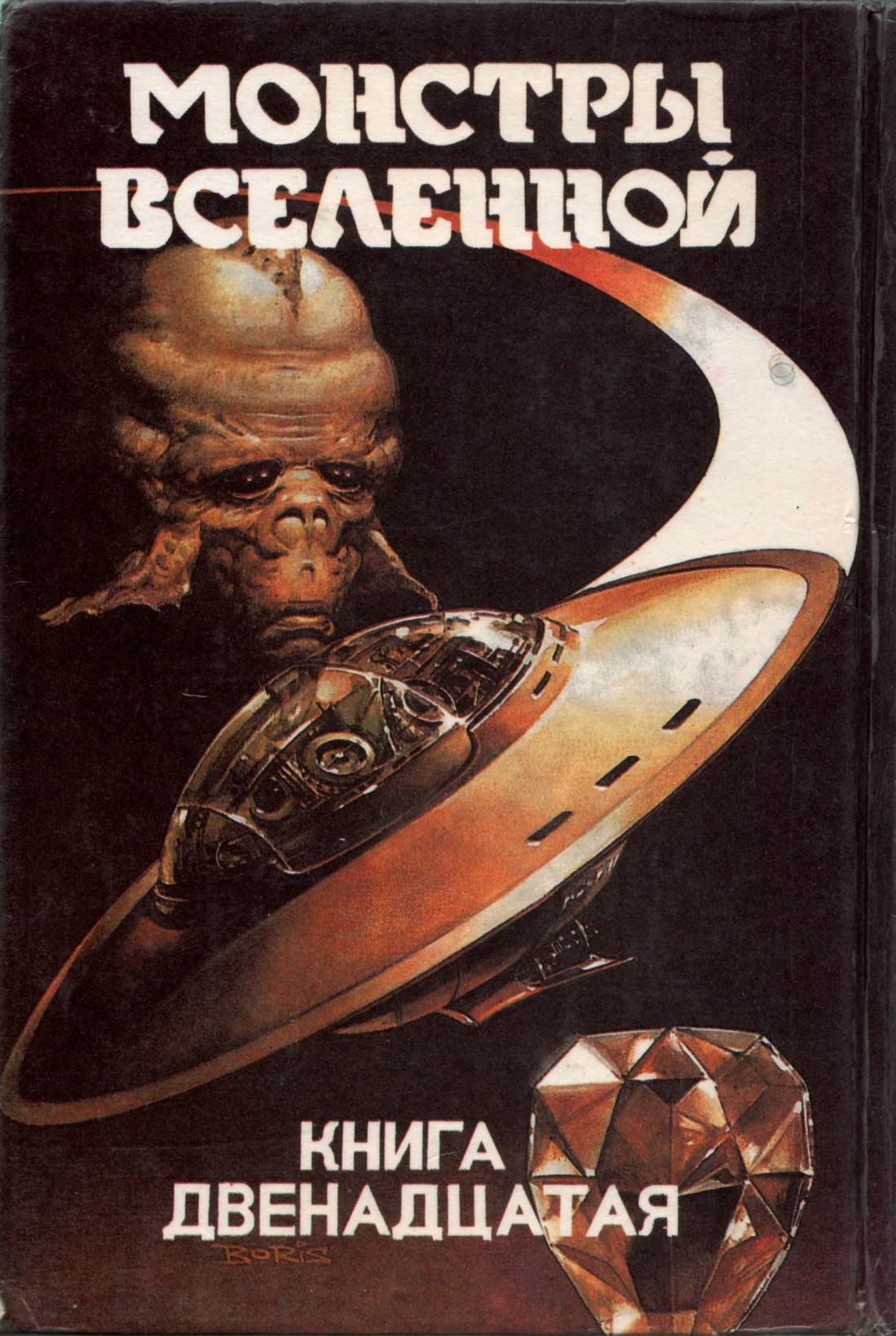
Ларри Нивен
ЗАЩИТНИК
Зарубежная фантастика

Сдано в набор 30.01.93 г. Подписано в печать 2.04.93 г. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Объем 37 п. л. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1248. „С"-12.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ